

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – VIII

*Материалы международной научно-практической конференции
молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов*

Улан-Удэ, 19 мая 2017 г.

BURYAT STATE UNIVERSITY

Laboratory of Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region
Center for Legal Support of Russia's Interaction with the Countries of the Asia-Pacific Region Law Faculty

The publication is supported by Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-03-14155), The Supreme Court of the Republic of Buryatia, China University of Political Science and Law, University of Law Enforcement Service of Mongolia, Law Enforcement University of Mongolia

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region – VIII

Proceedings of International scientific and practical conference of young scientists, postgraduates, masters and students

(Ulan-Ude, 19 May, 2017)

Ulan-Ude
Baikal Meridian
2017

БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Лаборатория сравнительного правоведения
в странах Азиатско-Тихоокеанского региона
Центр правового обеспечения
взаимодействия России со странами АТР
Юридический факультет

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – VIII**

*Материалы международной научно-практической конференции
молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов*

(Улан-Удэ, 19 мая 2017 г.)

Улан-Удэ
Байкальский меридиан
2017

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (59:94)
С 75

Ответственный редактор
Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

Ю. И. Скуратов, д-р юр. наук, проф.; *К. А. Будаев*, канд. юр. наук, доц.; *О. В. Хышиктуев*, канд. юр. наук, проф. БГУ; *Е. А. Мурзина*, канд. юр. наук, доц.; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук; *Э. Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.; *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.; *Ю. В. Хармаев*, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.; *Д. А. Степаненко*, д-р юр. наук, проф.; *И. А. Шаралдаева*, д-р экон. наук, проф.; *Н. И. Шаликова* (отв. секр.)

Издание выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-03-14155), Верховного суда Республики Бурятия, Политико-юридического университета КНР, Университета правоохранительной службы Монголии

С 75 Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона—VIII: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 19 мая 2017 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Байкальский меридиан, 2017. — 308 с.

ISBN 978-5-4280-0008-5
SPLN 001-000001-3177-HY
DOI 10.18411/SBORNIK_ATR-8_2017
IDSP 000001:SBORNIK_ATR-8_2017

В настоящий сборник уже традиционно вошли статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для ученых, студенческой молодежи и аспирантов, преподавателей вузов, юристов-правоприменителей, а также для широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и правом стран АТР, международным сотрудничеством в различных сферах общественных отношений.

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region—VIII: Proceedings of International scientific and practical conference of young scientists, postgraduates, masters and students (Ulan-Ude, 19 May, 2017) / sci. ed. Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude: Baikal meridian, 2017. — 308 p.

The collection traditionally presents the articles of young scientists, postgraduates, candidates for a master's degree, students of Russian, Chinese and Mongolian universities on topical theoretical and practical problems of comparative law in the countries of the Asia-Pacific region.

The collection is intended for scientists, students and graduate students, university professors, law enforcement officials, as well as for a wide range of readers who are of interest in comparative law and Pacific Rim law, international cooperation in various spheres of public relations.

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (59:94)

ISBN 978-5-4280-0008-5
SPLN 001-000001-3177-HY

© Бурятский госуниверситет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в России, как и во всех странах мира, растет понимание кардинального изменения баланса сил на международной арене. «Это происходит в условиях усложнения системы международных отношений, усиления кризисных проявлений в деятельности традиционных международных институтов, таких как ООН, ВТО, других межгосударственных объединений, требующих создания новых центров влияния в мировой политике, определяющих содержание и перспективы международного сотрудничества во имя сохранения мира, международной безопасности и развития. Движущей силой перестройки международных связей, появления новых полюсов интеграционного развития становится поиск более надежных международных партнеров, не обремененных грузом высокомерия, вызванного принадлежностью к клубам современных мировых политических и экономических элит»¹.

Соответственно, если еще совсем недавно наиболее распространенными в России были сравнительно-правовые исследования систем романо-германской и англосаксонской правовых семей, определенное внимание уделялось исламскому праву, то сегодня компаративистику уже невозможно представить без изучения права и законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Представляется, что как на государственном уровне, так и на уровне научного сообщества необходимо поощрять сравнительно правовые исследования в молодежной среде. Эту работу нужно продолжать и популяризировать. Ведь именно поколению молодых юристов суждено уже сейчас и в ближайшем будущем вывести на новый уровень качество международного сотрудничества со странами Азии, реализовать масштабные проекты между странами региона. Студентам, магистрантам, аспирантам, молодым ученым необходимо активизировать прежде всего прикладные исследования в области сравнительного правоведения, включаться в работу по переводу законодательства стран АТР, глубоко изучать сравнительное правоведение как науку и учебную дисциплину, шире использовать возможности языковых и научных стажировок, участвовать в разнообразных молодежных форумах в странах региона.

Всему этому способствует проводимая весной каждого года уже на протяжении 10 лет ежегодная международная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Она традиционно организуется и проводится лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР и юридическим факультетом (ЮФ) Бурятского госуниверситета (БГУ) при содействии Верховного суда Республики Бурятия, Политико-юридического университета КНР, а также Университета правоохранительной службы Монголии. Особо значимо то, что в этом году научное мероприятие было проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-03-14155).

Организаторы и участники международного научного форума по мере сил и возможностей стараются ежегодно пополнять имеющуюся в БГУ электронную базу нормативно-правовых актов стран АТР, которую можно найти на сайте вуза. С каждым годом возрастает уровень доступности материалов проходящих научных мероприятий: настоящий сборник проиндексирован в РИНЦ, ему присвоены номера DOI и IDSP, а также SPLN-код с QR-кодом². Материалы конференции, включая мультимедийные презентации, опубликованы на сайте БГУ (режим доступа: <http://www.bsu.ru/university/departments/faculties/uf/13244>). Авторам лучших публикаций оказывается помощь в работе по грантам, а также по размещению их научных трудов в ведущих рецензируемых изданиях.

Указанные обстоятельства, а также неподдельный интерес молодых юристов к сравнительно-правовым исследованиям, возможность проявить себя и, безусловно, престиж международной молодежной конференции обеспечивает большое число участников из разных регионов России и стран зарубежья, представляющих качественные, интересные доклады, многие из которых обладают реальной научной новизной и практической значимостью.

В конференции 2017 г. приняло участие 186 молодых исследователей из четырех стран (Австралия, Китай, Монголия и Россия) и 16 городов (Барнаул, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Красноярск, Мельбурн, Москва, Орел, Пекин, Симферополь, Тверь, Улан-Батор, Улан-Удэ, Хабаровск, Цзилинь и Чанчунь).

Теперь традиционно несколько слов о том, как была проведена конференция. На торжественном открытии международного молодежного научного форума с приветственным словом выступили: пресс-секретарь Буддийской традиционной сангхи России, профессор Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева Тубдэн-лама Балданов; проректор по научно-исследовательской работе БГУ, д-р хим. наук, доцент В. В. Хахинов; председатель Верховного суда Республики Бурятия, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент А. А. Кириллова; вице-консул Монголии в Республике Бурятия, д-р PhD, полковник пограничных войск Монголии С. Ганболд; начальник отдела регулирования политики Ассоциации юристов Монголии А. Оюунчимэг; начальник отдела международных отношений и сотрудничества Ассоциации юристов Монголии Ж. Хунан; старший научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР, доцент Чаньчуньского политехнического университета КНР, д-р юр. наук, профессор Лян

¹ Нарышкин С. Е. К читателю // БРИКС: контуры многополярного мира: монография / С. Е. Нарышкин, О. А. Акопян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, Изд-во Ин-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. С. 3-4.

² О значении этих терминов и сокращений см.: URL: <http://www.doi.org>; <http://lib.sciencepublic.ru>

Миньянь; декан ЮФ Института экономики и права Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (ВСГУТУ), д-р экон. наук, профессор И. А. Шаралдаева; начальник управления по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия, полковник полиции В. В. Прилепский; заместитель начальника лечебно-исправительного учреждения №5, полковник внутренней службы УФСИН России по Республике Бурятия Д. А. Фалилеев; заместитель директора по научной работе Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, д-р юр. наук, профессор Д. А. Степаненко; директор Бурятского филиала Академии труда и социальных отношений, канд. ист. наук, доцент А. З. Бадмаев; декан ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Э. Л. Раднаева.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из Австралии, Китая, Монголии и России, после чего конференция продолжила свою работу в пяти секциях.

Секция 1. Конституционно-правовые и административно-правовые институты стран АТР: сравнительно-правовой аспект. Ведущим секции выступил заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Бурятия, канд. юр. наук, профессор БГУ К. А. Будаев. В рабочий президиум секции, которому было поручено заслушать и оценить доклады молодых ученых, вошли члены кафедры конституционного, административно-го и муниципального права ЮФ БГУ: канд. юр. наук, доц. Ю. Г. Хамнуев; ст. преп., канд. юр. наук Е. С. Алексева; ст. преп. А. Г. Тышкенова; преп. С. В. Дагангаров; магистр юриспруденции, ст. преп. О. А. Гатаулина; ассистент Ж. А. Васильева и ст. преп. кафедры теории и истории государства и права юридического института Красноярского государственного аграрного университета (Красноярский ГАУ) Е. С. Щеляков.

Секция 2. Международное право и международные отношения. Ведущим секции выступил зав. кафедрой международного права и международных отношений ЮФ БГУ, заслуженный юрист Российской Федерации, канд. юр. наук, профессор БГУ О. В. Хышиктеув. В рабочий президиум секции вошли члены кафедры международного права и международных отношений ЮФ БГУ: канд. юр. наук, доц. Б. С. Семенов; ст. преп., канд. юр. наук Е. О. Мадаев; ст. преп., канд. ист. наук, доц. Н. С. Баранова; директор Восточного института БГУ канд. пед. наук, доц. И. Г. Актамов; ассистент Е. И. Савицкая; ст. преп. кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ М. Д. Цыбикова.

Секция 3. Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР. Ведущими секции выступили зав. кафедрой гражданского права и процесса ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доц. Е. А. Мурзина и ст. преп. кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. юр. наук

С. В. Доржиева. В рабочий президиум секции вошли члены кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ: доц., канд. биол. наук Р. А. Балдаева; ст. преп., канд. юр. наук А. Х.-И. Шатуева; ст. преп., канд. юр. наук О. С. Намса-раева; ст. преп. Д. К. Миронова; ст. преп. М. М. Налетова; ст. преп. Т. А. Чмелева; преп. Ж. Т. Ламбаев.

Секция 4. Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР. Ведущими секции выступили декан, зав. кафедрой уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доц. Э. Л. Раднаева и доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доц. С. К. Бураева. В рабочий президиум секции вошли члены кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ: канд. юр. наук, доц. В. В. Иринчиев; зам. декана канд. юр. наук, доц. Т. И. Эрхитуева; канд. юр. наук, доц. А. В. Доржиев; доц. А. Н. Мяханова; ст. преп. кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮФ ВСГУТУ А. А. Шомоева, канд. юр. наук, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮФ ВСГУТУ Е. И. Попова.

Секция 5. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР. Ведущими секции выступили зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, д-р юр. наук, профессор Ю. П. Гармаев, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доц. Ю. В. Хармаев и зам. директора по научной работе Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия д-р юр. наук, профессор Д. А. Степаненко. В рабочий президиум секции вошли доц. кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы юридического института Красноярского ГАУ, канд. юр. наук С. М. Трашкова; зав. лабораторией криминалистики, доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия Н. Б. Садыков; ст. преп. кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, канд. юр. наук Б. Б. Самданова; ст. преп. кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, заслуженный юрист Украины Е. Н. Науменко; магистр педагогики, ст. преп. кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ К. С. Латыпова; магистр юриспруденции, ст. преп. кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ Н. И. Шаликова.

Была проведена онлайн-трансляция конференции на официальном сайте БГУ, в ходе которой зрители из других стран и городов имели возможность задавать вопросы участникам мероприятия при помощи интернет-чата.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами, благодарственными письмами и призами — комплектами редких изданий юридической литературы.

Мы гордимся молодыми учеными, показавшими глубокие знания в области сравнительного правоведения в странах АТР, блестящие навыки публичных выступлений! Вот они — надежда и гордость компаративистики:

Лучшие доклады в пленарном заседании

Диплом I степени — Новоселова Анастасия Олеговна
Диплом II степени — Щедрин Денис Николаевич
Диплом III степени — Панасюк Виктория Александровна

Лучшие доклады в научной секции 1

Диплом I степени — Доржиева Диана Андреевна
Диплом II степени — Чимитдоржиева Гэрэлма Туэнэновна
Диплом III степени — Бродникова Александра Васильевна

Лучшие доклады в научной секции 2

Диплом I степени — Ли Рита Эдуардовна, Ван Сюань
Диплом II степени — Норбоева Туяна Владимировна
Диплом III степени — Алексеева Валентина Андреевна

Лучшие доклады в научной секции 3

Диплом I степени — Петрова Елена Юрьевна;
Диплом II степени — Доржиева Дари Сергеевна
Диплом III степени — Ласточкина Анастасия Андреевна

Лучшие доклады в научной секции 4

Диплом I степени — Сверкунов Сергей Петрович
Диплом II степени — Ламуев Буянто Борисович
Диплом III степени — Будунув Евгений Николаевич

Лучшие доклады в научной секции 5

Диплом I степени — Савельева Татьяна Александровна
Диплом II степени — Складов Евгений Юрьевич
Диплом III степени — Эпова Алёна Владимировна

Благодарственные письма Верховного суда Республики Бурятия получили

- Кэтрин Рэйчэл Скарлетт
- Никашова Полина Александровна
- Калашникова Виктория Ильинична
- Суворова Анна Александровна
- Чимитов Жамсаран Цырендоржиевич
- Новиков Максим Викторович

Благодарственные письма Адвокатской палаты Республики Бурятия получили

- Меженина Елизавета Владимировна
- Шайдорова Мария Михайловна
- Пэн Да
- Красавин Андрей Викторович
- Баннова Юлия Андреевна
- Притчина Елена Николаевна
- Лукьянова Лариса Александровна

Благодарственные письма Следственного управления СК РФ по РБ получили

- Щедрин Денис Николаевич
- Демин Антон Александрович
- Линник Сергей Андреевич
- Сверкунов Сергей Петрович
- Аюшиев Дугар Бэликутевич
- Цыденов Доржо Баирович
- Эпова Алёна Владимировна
- Савельева Татьяна Александровна

Благодарственные письма Управления по вопросам миграции МВД по РБ получили:

- Лян Миньянь
- Ванчиков Арсений Сергеевич
- Ласточкина Анастасия Андреевна
- Складов Евгений Юрьевич
- Будаев Баир Юрьевич
- Рампилова Алина Николаевна

Благодарственные письма МВД по РБ получили

- Панасюк Виктория Александровна
- Петрова Анастасия Сергеевна
- Бахаев Андрей Николаевич
- Будунув Евгений Николаевич
- Ламуев Буянто Борисович
- Пурэвсурэн Болдхуяг

Благодарственные письма Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ получили

- Новоселова Анастасия Олеговна
- Баиров Сергей Александрович
- Лукьянова Лариса Александровна
- Цыренбазарова Ольга Михайловна
- Будаев Баир Юрьевич
- Эпова Алёна Владимировна

Каждому участнику конференции был вручен сертификат, подтверждающий участие в конференции.

В рамках работы молодежного научного форума перед началом конференции были организованы мастер-классы: 16 мая 2017 г. руководителем оргкомитета д-ром юр. наук, профессором Ю. П. Гармаевым проведена встреча на тему: «Методика публичных выступлений на конференциях»; 17 мая 2017 г. для участников предстоящего мероприятия магистрант ЮФ БГУ С. А. Линник провел занятие по подготовке мультимедийных презентаций. Кроме того, 18 мая 2017 г. был организован круглый стол на тему: «Защита прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии» с участием делегации из Монголии, а также представителей профильных служб и ведомств России (Управление по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия и др.).

Традиционно интересной и разнообразной была и культурная программа конференции. Для участников и гостей были организованы экскурсии по г. Улан-Удэ, посещение Иволгинского дацана (буддийский храм — центр традиционной буддийской сангхи (общины) России) и дацана «Ринпоче Багша» в г. Улан-Удэ, а также выезд на оз. Байкал (пос. Горячинск) 20–21 мая 2017 г.

Следует упомянуть, что организаторы, участники и гости конференции по ее итогам вновь отметили качество докладов, прозвучавших в рамках научного форума, обратили внимание на ежегодно увеличивающееся число молодых исследователей из других регионов России и зарубежных стран.

Участники научного форума выразили желание продолжать работу по сравнительному правоведению в странах АТР, отметили необходимость шире использовать возможности языковых и научных стажировок, важность работы по переводу законодательства стран АТР, акцентировали внимание на актуальности не только изучения теоретических вопросов, но и проведении исследований, имеющих практическое значение.

Оргкомитет, участники и гости конференции вновь сошлись во мнении, что проведение компаративистских исследований необходимо учитывать при организации научной и образовательной деятельности юридических вузов, что безусловно предоставит последним дополнительные гарантии высокого рейтинга на образовательном рынке, а будущим юристам обеспечит успешное трудоустройство, блестящую карьеру, интересную и общественно полезную практическую и научную деятельность. Как и прежде, полагаем, что проведение настоящей международной научно-практической конференции молодых ученых даст мощный стимул для дальнейшей плодотворной работы ЮФ БГУ с другими, в том числе иностранными, вузами, будет содействовать укреплению дружбы и сотрудничества между Россией и странами АТР.

Организаторы конференции выражают признательность Российскому фонду фундаментальных исследований (проект №17-03-14155), Генконсульству Монголии в г. Улан-Удэ, Верховному суду Республики Бурятия, Адвокатской палате Республики Бурятия, Следственному комитету Российской Федерации по Республике Бурятия, Министерству внутренних дел Российской Федерации по Республике Бурятия и особо — Управлению по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия, Управлению федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия, а также всем, кто помог в организации и проведении конференции!

*Заведующий лабораторией
сравнительного правоведения в странах АТР
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ
со странами АТР
Бурятского государственного университета
доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев*

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Конституционно-правовая ответственность

© *Азжаргал Төмөр-Очир*
преподаватель кафедры теории права
Института права и общественных наук при Университете
правоохранительной службы Монголии,
аспирант Юридического института
Монгольского государственного университета
Монголия, г. Улан-Батор
azaa_bti@yahoo.com

В настоящее время явно прослеживается тенденция все большего использования Конституции Монголии в судебном процессе как акта прямого действия при принятии окончательных решений по конституционно-правовым спорам. В частности, Конституционный суд Монголии, а в отдельных случаях и Великий государственный хурал Республики Монголия (далее — ВГХ) могут использовать меры конституционно-правовой ответственности¹.

В принципе Конституционный суд не обладает исключительным правом защиты конституции. Но при разногласиях между Конституционным судом и законодательной властью суд может признать недействительными акты законодателя на основе поступающих в суд жалоб и заявлений². Для должностных лиц решение об их увольнении принимает ВГХ на основе заключений, принятых в результате проверки конституционного правонарушения³.

Конституционный суд своим заключением не увольняет должностных лиц непосредственно, а только устанавливает, нарушили ли они конституцию, есть ли основания для их увольнения.

Для чего в государстве создается Конституционный суд? Он создается для того, чтобы ограничить полномочия парламента и не предоставлять ему возможность нарушить конституцию, пользуясь своим большинством, хоть и сформированным в результате политических выборов. История человечества доказывает, что это чаще всего касается государств, имеющих парламентскую форму правления. Поэтому у нас в стране создан такой суд. Вся деятельность государства осуществляется в рамках конституционного права и сам законодатель должен подчиняться преимущественно конституции, поэтому создается Конституционный суд, защищающий и охраняющий Основной закон страны [3, с. 65].

Нельзя оставить без внимания культурные и геополитические факторы, влияющие на определение оснований и порядка привлечения к конституционно-правовой ответственности. В либеральной теории, рас-пространенной на Западе, обращали особое внимание на вопрос нанесения ущерба частным лицам со стороны государства. Именно либеральное государство должно соответствовать правовым нормам и иметь самостоятельную судебную структуру, защищающую права частных лиц от нарушений и злоупотреблений со стороны государства. Вопросы разграничения деятельности правительства, защиты от диктатуры большинства направлены на ограничение государственной власти и внесение изменений и дополнений в конституцию. Либеральные государства не смогли прийти к согласию в том, как реализовать в конституции вышеупомянутые

¹ Надо сказать, что ВГХ недостаточно активно использует меры конституционно-правовой ответственности. Так, на основании заключения Конституционного суда был уволен только один член ВГХ, в других случаях заключения Конституционного суда даже не обсуждали. Например, когда Конституционный суд вынес заключение о том, что имеется основание для увольнения спикера ВГХ, парламент признал факт нарушения Конституции, но дал спикеру возможность уйти по собственному желанию. Это показывает, что привлекать к конституционно-правовой ответственности должен самостоятельный и независимый орган.

² В 66.1 ст. Конституции Монголии указано, что Конституционный суд рассматривает и разрешает споры о нарушении Конституции по своей инициативе, на основе заявлений и сообщений граждан или по запросу ВГХ, Президента, премьер-министра, Верховного суда и Генерального прокурора.

³ Великий государственный хурал выносит окончательное решение согласно заключению Конституционного суда по вопросам, нарушили ли конституцию президент, спикер ВГХ, член ВГХ, премьер-министр, член правительства, судья Верховного суда, Генеральный прокурор, имеются ли основания увольнять президента, спикера ВГХ, премьер-министра, члена ВГХ. Поэтому обсуждение ВГХ вопроса о принятии заключений Конституционного суда является формой искажения Конституции, так как ВГХ не имеет право обсуждать правильность или неправильность заключений.

пункты в сфере исполнительной и законодательной власти. Уровень реализации данного принципа в каждом государстве разный [9, с. 178–182].

Билхари Каусикан в докладе «Отличительные модели Азии» отметил, что «разногласие позиции азиатских стран заключается в том, что давление, оказываемое на правительства со стороны населения в восточноазиатских странах, направлено не на “право человека” или на “демократию”, а на создание лучшего правительства, одним словом, создание эффективной, справедливой власти, формирование первичных условий выживания, обеспечение возможности улучшения уровня жизни» [9, с.198].

В западных странах, где развита демократия, орган конституционной судебной власти признан как один из институтов, реализующих государственную власть, а в странах новой демократии, т. е. в странах, переходивших от социализма к демократии, этот орган до сих пор не смог занять свое место. В каждой стране участие и функции конституционной судебной власти в защите конституции имеют свои особенности. Напри-мер, в Германии, Монголии, Испании преимущественно решаются жалобы, направленные на обеспечение прав и свобод человека, а в Австрии обычно установлен контроль над конституционными правонарушениями и актами исполнительной власти.

Конституционно-правовая ответственность используется с целью защиты конституции, соблюдения ее правовых норм, влияния на общественно-политическую практику, чтобы субъекты конституционно-правовых отношений уважали конституцию, повышая эффективность правовых институтов. Конституционно-правовая ответственность является средством обеспечения правопорядка, законности, защиты прав и свобод человека, развития демократии в стране. Конституционно-правовая ответственность имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Конституционно-правовая ответственность содержит в себе все свойства юридической ответственности. Она связана с политическим принуждением и является ответом на действия, нарушающие конституционно-правовые нормы.

В Толковом словаре юридических терминов дается следующее определение конституционно-правовой ответственности: Конституционно-правовая ответственность как вид юридической ответственности — это применение к лицу, виновному в нарушении предписаний конституционно-правовых норм, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридической нормы и выражающихся в отрицательных для него последствиях личного, организационного или имущественного характера. При изучении вопросов ответственности затрагиваются вопросы ее оснований, субъектов, мер и порядка привлечения к ответственности. Конституционно-правовая ответственность является особым видом политической и правовой ответственности, возложенной на конкретного субъекта в случае нарушения им Конституции. Высшие органы государства и высшие должностные лица являются субъектами конституционно-правовой ответственности. Санкцией конституционно-правовой ответственности является увольнение должностных лиц, аннулирование актов, нарушающих конституцию и международные соглашения в порядке импичмента [8, с.120], аннулирование результатов всенародного референдума [8, с.110].

Для того чтобы привлечь к конституционно-правовой ответственности, требуется совершение конституционного правонарушения, которое проявляется действием или бездействием, нарушившим конституционно-правовые нормы. Если действие или бездействие виновного, нарушившего конституционно-правовые нормы, не имеет характер преступлений, административных нарушений и нарушений гражданского права, оно считается конституционным правонарушением и является основанием для привлечения к конституционно- правовой ответственности [4, с. 280].

Основания привлечения к конституционно-правовой ответственности:

1. Субъект, способный привлекаться к ответственности, статус которого определен Конституцией, нанес ущерб (действием или бездействием) Конституции.
2. Нарушение обычных законов, содержание которых определено конституционно-правовыми нормами, повлекло негативные последствия для Конституции.

Следует помнить, что случаи, регулируемые конституционным правом, часто имеют политические признаки. Так, политические партии привлекаются к ответственности за действия своих членов. В ст. 21 Конституции ФРГ указано, что «...если члены политической партии осуществляют деятельность, направленную против демократии, Федеральный конституционный суд признает данную партию неконституционной». В ст. 39.4 федерального закона «О политических партиях» указано, что «в случае, если местное или первичное отделение политической партии не является юридическим лицом, то установленную настоящим федеральным законом ответственность за допущенные указанным местным или первичным отделением нарушения несет соответствующее региональное отделение политической партии. В случае, если региональным отделением или иным структурным подразделением политической партии в установленный срок эти нарушения не были устранены, то деятельность регионального отделения или иного структурного подразделения политической партии может быть приостановлена на срок до шести месяцев. В случае неустранения политической партией, ее региональным отделением или иным структурным подразделением нарушений, послуживших основанием для приостановления их деятельности, федеральный уполномоченный орган или его территориальный орган, внесшие в суд заявление о приостановлении деятельности политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, вносит в соответствующий суд заявление о ликвидации данной политической партии». С точки зрения сущности общественных отношений, которые регулируются конституционно-правовыми нормами, необходимо определить состав правонарушений. Считаем, что в

юридической науке понятие «состав преступления» предусматривает возможность определить конституционное правонарушение, т. е. основания привлечения к конституционно-правовой ответственности.

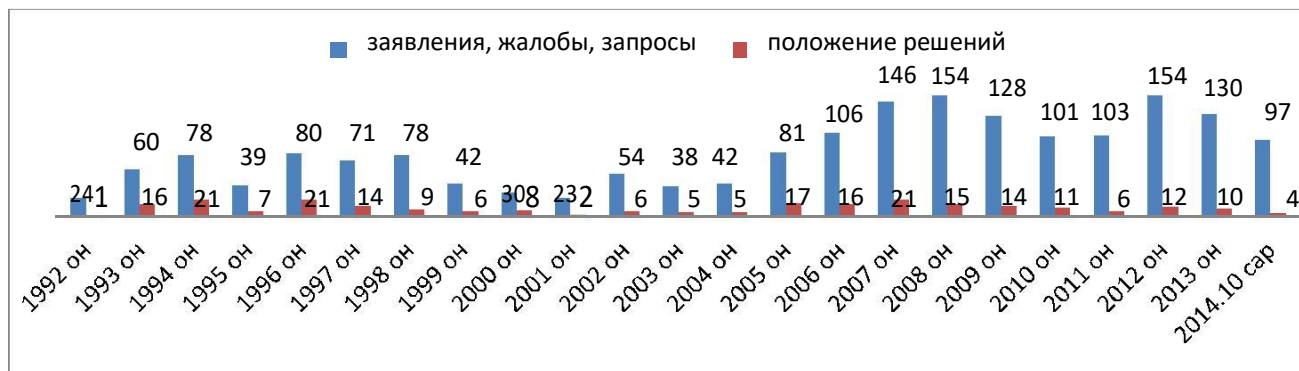
Конституционным правонарушением является противоправное, виновное деяние субъекта конституционных правоотношений, не отвечающее требованиям конституционно-правовых норм, за которое законодательством предусмотрено применение мер конституционно-правовой ответственности. Конституционное правонарушение, как и любое другое отраслевое правонарушение, имеет свой состав, включающий в себя объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Они устанавливают в сумме состав определенного преступления. Эти свойства становятся главной особенностью, которая отличает конституционное правонарушение от других преступлений и правонарушений. Гармония этих четырех свойств становится составом конституционного правонарушения [2, с. 87].

На основе постановлений и заключений, решенных судом конституционных споров можно увидеть сферу, компетенцию, достоинства и недостатки, методы действия законодательных органов и иных субъектов, а также теоретические основания скрытых споров между правом и политикой [1, с. 28].

Можно заключить, что с того времени, когда в Монголии начала действовать демократическая правовая Конституция, Конституционный суд Монголии успешно выполняет свою обязанность по охране Конституции. Но все же существует потребность совершенствования этой деятельности.

Только государство компетентно в определении конституционного правонарушения. Поэтому цель Конституционного суда заключается в том, чтобы защитить Конституцию от самого государства и высших государственных должностных лиц [5, с. 55].

Для примера рассмотрим заявления, жалобы и запросы, направленные в Конституционный суд в 1992–2014 гг.

Из анализа видно, что в формировании конституционализма в Монголии важна роль граждан. Хотя из года в год увеличивается количество заявлений, запросов, жалоб, обращенных в Конституционный суд, количество споров, решенных Конституционным судом в год, составляет примерно 10–15 и не наблюдается какой-нибудь рост. Значит, нет никаких качественных изменений.

С другой стороны, большинство специалистов считают, что «Конституция является политическим и правовым документом». Сказано, что судья конституционного суда подчиняется законам, но это не может стать доказательством того, что суд не выносит политические решения.

Разногласия в решениях Конституционного суда в 1992–2017 гг.

Литература

1. Амарсанаа Ж. Споры о конституции. Улан-Батор, 2012.
2. Виноградов В. А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование. М., 2005.
3. Сарантуяа Ц. Принципы, которых должны придерживаться Конституционный суд и парламент в отношениях друг с другом: доклад на международной научной конференции по теме «Конституционный надзор в Монголии: сегодняшнее состояние и дальнейшая перспектива».
4. Совд Г. Толковый словарь юридических терминов / под ред. С. Нарангэрэл. Улан-Батор, 2003. С. 28.
5. Совд Г. Место Конституционного суда в структуре надзора за Конституцией // Правовые и этические основы отношений между Конституционным судом и парламентом. Улан-Батор, 1998. С. 55.
6. Лүндэндорж Н. Юриспруденция: философия и теория. Улан-Батор, 2011. С.188–189.

7. Марта Жэжмэн. Толкование конституции и общественная справедливость // Общественная справедливость и Конституция: перспектива Канадского общественного союза. 1992. С. 17.

8. Narangerel S. English-mongolian jurisprudence dictionary. 2005.

9. Хенри Стайнер Ж., Филипп Элстон. Вопросы прав человека в контексте права, политики и нравственности / под ред. Б. Чимид; Филиал в Монголии Ведомства высшего комиссариата прав человека ООН. Улан-Батор, 2008. С. 178–182.

Сравнительный анализ ресурсных налогов РФ и КНР

© С. И. Аносова

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
svetanosov@list.ru*

Как известно, существенную долю доходов бюджета любого государства составляют налоговые поступления. В число доходов нашей страны входят те доходы, которые получают от налогов, связанных с использованием и эксплуатацией природных ресурсов.

Ресурсы природы — огромный клад благ человечества, но, к сожалению, редкий и быстроистощаемый. Государство как главный регулятор общественных отношений обязано грамотно выстраивать свою политику в сфере использования природных ресурсов, которые в сравнении с другими ресурсами больше всего воздействуют как на сам аппарат управления, так и на благополучие всей нации. Отсюда следует, что продуманное управление данной сферой есть обеспечение национальной безопасности.

По объему взимаемых налогов Китайская Народная Республика занимает одно из первых мест, что непосредственно имеет тесную связь с экономическим положением страны. Сегодня Китай — это космическая и ядерная держава, которая к 2020 г. экономически выйдет на первое место в мире, оттеснив Соединенные Штаты Америки [6, с. 626–631]. В настоящее время доходы бюджета от налогов и сборов находятся на уровне 85 % [1, с. 235].

Налог на использование природных ресурсов в Китае относится к смешанным налогам. Последние, в свою очередь, представляют собой совокупность центральных и местных налогов и в определенных пропорциях поступают соответственно в центральный и местные бюджеты.

В Китае плательщиками налога на использование природных ресурсов являются физические и юридические лица, ведущие на территории КНР добычу полезных ископаемых [4, с. 498–500]. Сегодня объектом налогообложения является добыча нефти, природного газа, редкоземельных элементов, соли (твердой и жидкой), угля, железной руды, неметаллической руды и руды цветных металлов.

Если рассматривать правовое регулирование ресурсных налогов, то в Китае эта сфера регулируется Временными нормами и правилами Китайской Народной Республики «О налоге на использование природных ресурсов» (приняты 26 ноября 1993 г., опубликованы и вступили в силу с 1 января 1994 г.) и подробными правилами применения Временных норм и правил «О налоге на использование природных ресурсов» от 30.12.1993 (вступили в силу с даты опубликования) [5].

В целом же Китайская Народная Республика относится к странам с низким уровнем налогового бремени. Отношение общей суммы взимаемых налогов к величине валового внутреннего продукта (в процентах за последнее десятилетие) было на уровне 15 %, притом основную часть в формировании доходов бюджетов составляют только косвенные налоги, то есть налог на добавленную стоимость, налог на потребление и предпринимательский налог [2, с. 635–638]. В свою очередь, налог на ресурсы составляет не более 1 % общих налоговых поступлений, в то же время в Российской Федерации данный налог составляет 10 %, хотя по числу добываемых минералов Китай опережает Россию, заняв третье место в мировых рейтингах [2, с. 635–638]. С учетом вышеупомянутых фактов можно предположить, что Китаю следовало бы перенять российский опыт в данной сфере налогообложения и увеличить налог на ресурсы.

Хочется отметить несколько отличий ресурсных платежей Китая от российских аналогов. Во-первых, в КНР существует единственный ресурсный налог — налог на недра. В это же время в РФ имеет право на реализацию целая система платежей за пользование недрами, предусматривающая различные формы налогообложения в этой сфере. Во-вторых, в России плата за пользование недрами осуществляется в различных формах, а в Китае только в единственной форме — в форме денежных платежей. В-третьих, в КНР имеет место быть количественная ставка обложения налогом в денежных единицах в расчете на натуральную единицу минерально-сырьевой продукции. Отсутствие используемой в России процентной ставки, которая дифференцирована в зависимости от вида полезных ископаемых, придает несправедливый характер выплат за пользование природными ресурсами в Китае. В-четвертых, в отличие от Китайской Народной Республики в Российской Федерации налоги уплачиваются не только за пользование природными ресурсами, но и за пользование водными объектами.

Также нельзя не отметить положительный опыт Китая в вопросе взимания и распределения доходов от налога на ресурсы. Основная часть дохода от данного налога поступает в региональные бюджеты, что положительно сказывается на их развитии. В свою очередь, федеральный бюджет пополняют налоговые доходы от

природного газа и добычи нефти. В то же время в Российской Федерации основной доход от налоговых поступлений уходит в федеральный бюджет. Очевидно, что региональные бюджеты здесь, к сожалению, претерпевают некую «дискриминацию», и это соответственно снижает экономическое и социальное развитие регионов нашей страны. Тем самым целесообразно предположить следующие направления усовершенствования ресурсного налога КНР:

1. Необходимость распространения данного налога не только на использование полезных ископаемых, но также и на использование лесных, водных ресурсов.
2. Введение процентной ставки, которая бы, в свою очередь, давала положительный результат в сфере государственного регулирования и контроля за природопользованием.
3. Расширение системы платежей, которая включала бы в себя такие регулярные платежи, как роялти (за добычу полезных ископаемых), ренгалс (за поиски и разведку месторождений) и бонусы (разовые платежи за право вести разведку недр).

Также возможно создание стабилизированного фонда в Китае по типу созданного в России Стабилизационного фонда, который, в свою очередь, подразделяется на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния [2, с. 635–638].

Данная взаимосвязь налоговых систем РФ и КНР оказывает положительное влияние на взаимоотношения этих стран. Сегодня власти Китая намерены развивать сотрудничество с Евразийским экономическим союзом в целях развития Азиатско-Тихоокеанского региона на принципах взаимного дополнения, целесообразности и совместного участия [3]. Отсюда следует, что схожее положение наших стран в сфере природопользования будет способствовать еще большему сотрудничеству, усилению экономических связей и обмену опытом.

В заключение хочется сказать, что налоговая система — это важнейшая часть развития любой страны. Сама экономика в целом, ее развитие напрямую зависят от того, как то или иное государство ведет налоговую политику. Систематическое совершенствование законодательной базы является одним из важнейших направлений повышения эффективности природопользования. Для того чтобы максимально эффективно использовать природные ресурсы, необходимо совершенствовать как институты, так и политику стимулирования экономического роста.

Разумное природопользование, справедливая и эффективная система налогообложения, совершенствование базы ресурсного налога обеспечит твердую основу не только экономической безопасности, но и стабильности страны.

Литература

1. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР / Росстат. М.: Статистика России, 2015. С. 235.
2. Карцева И. С., Конвисарова Е. В. Современное налогообложение в Китае и пути его совершенствования в отдельных отраслях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7–4. С. 635–638 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=9890> (дата обращения: 22.04.2017).
3. Китай намерен развивать сотрудничество с ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/asia/05-01-2015/1242801-china-0> (дата обращения: 15.04.2017).
4. Куклина Е. А. «Геометрия» развития экономических систем в глобальном контексте // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. 15–20 мая 2014 г. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2014. С. 498–500.
5. Налог на использование природных ресурсов [Электронный ресурс]. URL: <http://chinawindow.ru/china/legalinformation-china/chinese-taxation/resource-tax> (дата обращения: 14.04.2017).
6. Смицких К. В., Ворожбит О. Ю. Налоговая политика государства как фактор экономического роста предпринимательской деятельности Приморского края // Экономика и предпринимательство. М., 2013. № 7(36). С. 626–631.
7. Фадеева Е. Ю. Новеллы регионального законодательства в сфере социального обслуживания // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 28 октября 2015 г.). Новосибирск, 2015.

Трудности реализации демократии в конституционной доктрине США и РФ

© **Р. А. Багдурев**

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
Bagasan08@gmail.com

Актуальность данной работы обосновывается на особой роли конституции в реализации демократии во многих странах современного мира на законодательном и исполнительном уровнях, поскольку именно консти-

туция закрепляет основополагающие конституционно-правовые нормы для демократического регулирования общественных отношений, которые в дальнейшем гарантируются и охраняются государством.

Демократия, в свою очередь, предполагает политическую свободу, широкое общественное самоуправление, сочетание прямого народовластия и народного представительства, децентрализацию и разделение властей, а также организованную многопартийность, при которой не допускается долговременное нахождение одних и тех же политических сил в качестве правящих и оппозиционных [1].

Конституция же, в свою очередь, является политико-правовой формой выражения демократии. Она является важной составляющей частью юридического механизма самоорганизации демократического общества. По мнению В. А. Ершова, именно конституция играет ключевую роль в функционировании всякого общества и занимает особое место в правовой системе «народовластного» государства и вызывает необходимость всестороннего изучения [2].

Цель данной работы — показать значимость правового закрепления демократии в конституциях Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации, а также показать основные препятствия в реализации принципов демократии в современных реалиях. Потому что именно эти два государства исполняют значительную роль на геополитической арене современного мира и обладают отличительными чертами в развитии и реализации принципов демократии.

Одна из первых попыток закрепления демократии на конституционном уровне была предпринята США в Конституции 1787 г. Именно этот документ заложил основы американской государственности, где были сформированы предпосылки для появления на свет юридического документа, который стал первой в истории человечества попыткой реализации идеи демократии в рамках целой страны, а также по сей день играет важнейшую роль в жизни каждого американца и, по мнению многих ученых, может просуществовать еще десятки или даже сотни лет [3].

С другой стороны, противопоставляется Конституция РФ, которая не может похвастаться такой длительной историей, как Конституция США, и считается одной из самых молодых конституций в современном мире, так как была принята не так давно — в 1993 г., после фундаментальных перемен, случившихся в жизни страны на рубеже 1980–1990-х гг. Однако именно современная Конституция РФ стала основой для построения демократии в России после заката тоталитарной советской власти и определила ее политический путь развития и на сегодняшний день.

Но несмотря на законодательное закрепление данных документов в США и РФ, это не означало закрепление демократии как полноценного института, а, наоборот, это был первый шаг на пути становления демократии, который в дальнейшем испытывает множество проблем и препятствий в своем развитии. Например, Конституция США изначально не закрепляла положения о правах и свободах человека и гражданина. Они были добавлены «Биллем о правах» в виде поправок к конституции. А также достаточно долгое время в США существовало рабство и после принятия Конституции 1787 г., которое в современном мире никак не является элементом демократического государства, хотя и было отменено в дальнейшем Тринадцатой поправкой к Конституции США 1787 г. в декабре 1865 г., почти через век после принятия Конституции. А самое интересное в данной истории то, что последним штатом, ратифицировавшим эту поправку, был Миссисипи в 2013 г. И по сей день США встряхивают отголоски прошлых лет, несмотря на всю демократичность и толерантность этого государства, особенно это ярко выражено в проявлении расовой дискриминации в отношении «чернокожего» населением страны, опирающейся на цвет их кожи [5].

Ежегодно в судах США рассматриваются десятки тысяч дел о нарушении прав и свобод в отношении афроамериканского населения со стороны представителей власти, а особенно сотрудников полиции. Об этом свидетельствуют беспорядки в городе Фергюссоне, где сотрудник полиции застрелил безоружного чернокожего подростка.

Что касается РФ, то присущей спецификой данной конституции является приоритет прав и свобод человека, что свидетельствует о демократической характеристике конституции. На сегодняшний день невозможно точно сказать, что Конституция РФ 1993 г. работает на все 100%, так как на ее пути встречается масса препятствий, которые порождаются экономическими, социальными, политическими и другими факторами, что, в свою очередь, оказывает большое влияние на развитие демократии в стране.

Российская законодательная база далека от совершенства и имеет немало проблем в плане реализации демократии. Хотелось бы выделить, что одними из главных проблем в развитии демократии в РФ являются экономический и политический факторы, которые взаимосвязаны на сегодняшний день, так как на протяжении долгого времени после принятия Конституции в РФ существовала проблема коррупции, которая охватила страну после кризиса в 1990-х гг. [2]. Хотя в РФ и по сей день ведется жесточайшая борьба с коррупцией, нельзя сказать, что именно этот фактор влияет на развитие демократии в РФ, так как помимо коррупции, которая порождает и другие факторы, замедляющие развитие демократии, существуют и иные экономические и политические проблемы, такие как экономический кризис, политическая борьба государств, обострение отношений на геополитической арене современного мира и многие другие. Особенно это ярко выражено в ухудшении взаимоотношений РФ со странами Запада (страны блока НАТО) после событий, произошедших на Украине. В частности, данная ситуация привела к экономическим и политическим санкциям со стороны стран Запада, которые повлияли на ухудшение экономического состояния страны, которое, в свою очередь, привело к увеличению затрат на военную сферу и стабилизацию экономики страны после «падения» рубля на мировом рынке валют. Из этого можно сделать вывод, что затраты на социальные нужды населения были ограничены, а это означало,

что увеличение заработных плат и пенсий наряду с ростом цен на товары и услуги было невозможно, затраты на медицину и образование были урезаны, повсеместно наблюдались сокращение рабочих мест и рост безработицы в стране, приостановление различных социальных программ по улучшению жизни населения и многие другие последствия, которые негативно сказываются на развитии демократии в стране.

Несмотря на все эти проблемы в становлении и развитии демократии в США и РФ, нельзя не выделить несовершенства и очевидные недостатки самой демократии, которые препятствуют ее развитию и реализации не только в данных странах, но и во всем мире:

1. Огромная разновидность «подтипов» демократии, их примерно насчитывается порядка 550 разновидностей. И даже на примере США и РФ можно увидеть большие отличия в построении демократического государства (различия в избирательной системе, различия в иерархии нормативно-правовых актов и многое другое).

2. Менталитет людей, который складывался на протяжении тысячелетий. Например, в РФ и США за употребление легких наркотических веществ правонарушитель может отделаться административным наказанием (в РФ) или штрафом (США), а в то же время в Саудовской Аравии за употребление марихуаны можно попасть в тюрьму на долгий срок и при этом преступника предварительно выпарывают плетью, аналогичное наказание предусмотрено и в Индонезии, там за употребление даже легких наркотиков или лекарственных препаратов (которые разрешены на территории многих стран, в том числе России и США) минимальный срок 10 лет и там, также как и в Саудовской Аравии, преступника выпарывают плетью.

3. Для построения демократического государства требуется время и наличие специалистов (кадров). Например, после распада СССР и образования РФ Россия выбрала путь построения демократического государства, и, по мнению многих ученых, она до сих пор находится на этом пути, во многом из-за того, что был резкий переход от тоталитарного режима к демократии и страна просто не была к этому готова [6].

Демократия не будет развиваться, пока она не «засядет» в сознании подавляющего числа населения (порядка 80–90%) какого-либо государства, так как такие препятствия, как коррупция, преступность, нищета и иные факторы, будут замедлять ее развитие.

Подводя итоги, делаем вывод, что для реализации принципов демократии недостаточно просто закрепить эти принципы в конституции или в каком-нибудь другом документе, а нужно учитывать экономические, политические, социальные и другие факторы, так как они оказывают огромное влияние как на развитие демократии, так и на ее реализацию. Демократия в современном мире это не только политический режим, это «проект», который зависит от экономической и социальной составляющей в виде правосознания граждан и финансовых вложений. Без обеспечения соответствующих условий для их реализации нельзя создать нормативно-правовой акт, который будет регулировать общественные отношения.

В заключение добавим, что, несмотря на проблемы, нельзя приуменьшать роль конституции в становлении демократии, поскольку именно конституция является фундаментом для реализации основных принципов демократии, такие как принцип равноправия граждан, выборность государственных органов, разделение властей и другие, а также она является гарантом, который защищает эти принципы.

Литература

1. Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ., под ред. М. В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.sale/politicheskie-ideologiya-politicheskaya/demokratiya-kritiki-per-angl-pod-red-mvilina.html> (дата обращения: 12.04.2017).
2. Ершов В. А. Конституционное право зарубежных стран. М.: РОСБУХ, 2009. 144 с.
3. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник. М., 1996.
4. Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе. СПб., М., Берлин, 2003. С.11.
5. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 16 с.
6. Фридмен Л. Введение в американское право. М., 1993 [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_10390.html (дата обращения: 12.04.2017).

Право на жизнь в экологически здоровой и безопасной среде: традиция и изменение его регулирования в Монголии

*© Д. Бадамцэцэг
старший преподаватель кафедры теории права
Университета правоохранительной службы Монголии,
докторант Юридического института
Монгольского государственного университета
Монголия, г. Улан-Батор
badmaa976@yahoo.com*

В 1992 г. в Монголии утверждена Новая Конституция и в статье 16.2 настоящей конституции закреплено «право.... жить в здоровой и безопасной среде». Опираясь на Конституцию и другие аналогичные нормативные

акты, являющиеся основными законодательными актами страны, рассмотрим идею о праве жить в здоровой и безопасной среде и этапы развития ее правового регулирования. К этим этапам относятся:

1. Идея о праве жить в здоровой и безопасной среде в доктринах права и государства с древних времен до первой Конституции (III – начало XX в.).

2. Реализация права жить в здоровой и безопасной среде при реализации социалистической конституции (1924–1992).

3. Эпоха декларирования в демократической конституции права жить в здоровой и безопасной среде (с 1992 г. до настоящего времени).

1. Идея о праве жить в здоровой и безопасной среде в доктринах права и государства с античных времен до первой Конституции (III – начало XX в.).

Под влиянием кочевой цивилизации в эти времена не существовало понятие о праве жизни в здоровой и безопасной среде в значении сегодняшней реализации и содержания. С древних времен монголы предпочитали вечное небо-отца, землю-мать и принимали землю как целое со всеми ее горами, почвой, реками, растительностью и животными. Особенность кочевой цивилизации заключалась в единой цели защищать и беречь природу. Это был способ жизни, опирающийся на непосредственное существование и соответствующий особенностям их цивилизации, больше чем жизнь в безопасной и здоровой среде. Поэтому с древних времен до наших дней отношения и принципы монголов, касающиеся природы, имеют гуманные, уважительные, запретные, наставнические, религиозные свойства [3]. Например, для монголов до сих пор сохраняется обычай рано утром преподносить небу и земле чай, молоко, оказывая им уважение. В законодательных актах, утвержденных в эпоху создания единого монгольского государства и позже него, доминировала идея защищать, беречь природу больше, чем право жить в безопасной, здоровой среде. Были разработаны нормативные акты, опирающиеся на обычаи охраны родного края, окружающей среды, лесов, рек,

растительности и животных. Вышеупомянутые принципы нашли конкретные отражения в таких законодательных актах, как «Их засаг» (Великая яса) Чингисхана начала XIII в., «Их Юаны нэвтэрхий хууль» (Закон Великого государства Юань) Хубилай хана, «Алтан хааны цааз бичиг» (Закон Золотого ханства) XVI в., «Монгол ойрадын хууль» (Закон монгольских ойратов) XVII в., «Халх журам» (Халхаские законы), разработанные при маньчжурском иге, «Зарлигаар тогтоосон хууль зүйлийн бичиг» (Закон, принятый согласно указу), разработанный при Монгольском государстве Богдохана. Например, ст. 27 Великой ясы было запрещено проливать на землю молоко и другие молочные продукты. В случае нарушения указаний была назначена смертная казнь [4]. Обычай монголов предпочитать природу и окружающую среду создавал условия для жизни в незагрязненной, экологически здоровой, безопасной среде и сохранения природы в первозданном виде. Монголия является одной из стран, где впервые создан в письменной форме правовой источник, регулирующий нормы кочевой цивилизации, обычаев и быта [3].

2. Реализация права на жизнь в здоровой и безопасной среде при реализации Социалистической конституции (1924–1992 гг.).

В 1924, 1940, 1960 гг. в Монголии в связи с переходом на новое общественное устройство были утверждены конституции. В отличие от предыдущих в последующих конституциях были отражены новейшие механизмы регулирования, связанные с правами человека.

В первой главе Конституции МНР, утвержденной в 1924 г., было указано, что «декларируются право и свобода народа Монголии», но среди 10 различных прав не было указания о праве человека жить в безопасной и здоровой среде. В соответствии с концепцией первой конституции и общественно-экономическим развитием страны того времени были утверждены законодательство об окружающей среде и этим была положена основа правового регулирования жизни в безопасной, экологически здоровой среде. На 8-м государственном заседании, состоявшемся 30 июня 1940 г., утверждена II Конституция с 12 главами, 95 статьями.

В 10-й главе данной Конституции права человека декларированы под названием «основные права и обязанности граждан» и в ней было указано более 20 видов прав, таких как право на отдых, бесплатное образование, право на получение материальной помощи при потере трудоспособности, но право жить в здоровой, безопасной среде тоже осталось нелегализованным.

Третья Конституция МНР была утверждена с 10 главами, 94 статьями на первом заседании Великого народного хурала от 6 июля 1960 г. В 7-й главе настоящей конституции указаны «основные права граждан и гарантия их обеспечения», но там оставлено право жить в здоровой, безопасной среде, которое должно быть тесно связанным с правом человека на жизнь. В 1974 г., т. е. во времена реализации этой конституции, Монголия присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах, к Международному пакту об экономических и социально-культурных правах. Хотя право жить в здоровой и безопасной среде не было определено в законодательных актах, этот вопрос развивался в рамках мероприятий по охране окружающей среды.

3. Эпоха декларирования в демократической конституции права жить в здоровой и безопасной среде (с 1992 г. до настоящего времени).

13 января 1992 г. на II заседании Великого народного хурала была утверждена четвертая Конституция Монголии. Во 2-м пункте 16-й статьи 2-й главы настоящего закона впервые было закреплено «право жить в здоровой, безопасной среде». В 1-м пункте 19-й статьи конституции установлено, что «государство несет перед своими гражданами обязанность создать достаточные социально-экономические, правовые и иные гарантии для обеспечения прав и свобод человека, бороться с нарушениями прав и свобод человека, восстанавливать

нарушенные права». С одной стороны, это доказывает, что права и свобода человека формируются не только политикой, но и экологически безопасной средой, с другой стороны, охрана окружающей среды имеет большое значение для защиты человека и поэтому невозможно рассмотреть природу и человека в отдельности и противопоставить их друг другу. Следование государственной политике реализации идеи о праве жить в здоровой и безопасной среде, декларированной в Конституции Монголии, породило потребность создать общий закон. Это было не мнение отдельных специалистов, а объективная социально-экономическая потребность развития страны.

Закрепление права человека жить в здоровой, безопасной среде и его реализация имеют следующие преимущества [5]:

1. Делает открытой возможность защиты прав человека по Конституции.
2. В практике и теории признается данное право.
3. Право жить в здоровой и безопасной среде получает возможность реализации под защитой Конституции.

На сегодняшний день в конституциях 140 стран (помимо Монголии) закреплено, что обеспечение прав жизни граждан в здоровой, безопасной среде является обязанностью государства. В 1995 г. был принят Закон об охране природы и окружающей среды с целью регулирования отношений между государством, гражданами, хозяйственными единицами и организациями в связи с обеспечением права человека жить в здоровой, безопасной среде, соответствием развития экономики с природным балансом, защитой природы и окружающей среды с точки зрения интересов сегодняшнего и будущего поколения, использованием природных богатств. В настоящем законе впервые по-новому урегулированы некоторые отношения. Например, установлены законные гарантии получения достоверной информации о природе, требования ограничения и пересечения любой деятельности, вредно влияющей на окружающую среду, запрет создать организации и хозяйственные объекты, деятельность которых вредно влияет на природу. И еще были приняты законодательные акты о природных объектах, такие как Закон о лесах, Закон о воде, Закон о земле, Закон о воздухе. Кроме того, в законах о государственном устройстве содержатся статьи о праве жить в здоровой, безопасной среде. Например, в 6-й части 19-й статьи «Закона о правовом положении городов и деревень», утвержденного в 1993 г., указано, что мэр города, губернатор деревни «должен реализовать деятельность по охране окружающей среды, зеленой зоны городов, деревень, разрабатывать и организовать меры по их восстановлению».

В идеях о праве жить в здоровой, безопасной среде того периода можно выделить следующие моменты:

1. Признание прав человека стало приоритетным положением, были закреплены некоторые виды прав человека.
2. В систему функций государства включена обязанность обеспечения граждан правом жить в здоровой, безопасной среде.
3. Для обеспечения прав человека жить в здоровой, безопасной среде были увеличены функции как правительственных, так и неправительственных организаций. В 4-й статье «Закона о неправительственных организациях» 1997 г. было определено, что «организация, оказывающая услугу обществу, проводящая гуманитарную деятельность, направленную на культуру, искусство, образование, воспитание, науку, здоровье, спорт, окружающую среду, развитие бытовой среды, право человека, защиту определенной группы и слоя населения, называется неправительственной организацией».
4. Легализована правовая основа правильного использования природных богатств без негативного влияния на здоровье, быт человека, экономику и саму природу, изменена система оценки, анализа, контроля окружающей среды.
5. Определена политика государства, направленная на обеспечение права жить в здоровой и безопасной среде. Разработаны важные программы и концепции: «Политика государства в области экологии» 1997 г., «Концепция национальной безопасности Монголии» 1994 г.

6. Международные договоры и конвенции оказывают большое влияние на правовое регулирование права жить в здоровой, безопасной среде. Монголия является участником основных конвенций о правах человека.

Далее речь пойдет о концепции устойчивого развития и реализации права жить в здоровой, безопасной среде.

Задачи «Программы устойчивого развития» направлены на устранение всех видов бедности, обеспечение экономического развития, оценку труда человека, устранение отличия уровней жизни и поддержку предпринимательства. Страны мира определяют долгосрочную политику развития сроком на 15–20 лет. Так, странами Европейского союза в 2010 г. была утверждена долгосрочная политика под названием «Европа–2020: умный, устойчивый, доступный рост» и в каждые 5 лет пересматриваются стратегические документы среднесрочного развития, что становится доказательством существования потребности определения стратегии среднесрочного развития. В 2008 г. Российская Федерация утвердила «Концепцию социально-экономического развития РФ до 2020 г.», в 2013 г. КНР утвердила долгосрочную политику «Китай–2030».

В то время, когда мировые страны начинают определять и оформлять показатели и критерии устойчивого развития, соответствуя «задачам устойчивого развития» ООН и своим национальным особенностям, Монголия также определяет задачи устойчивого развития.

Наша страна впервые в 1996 г. утвердила долгосрочную политику развития т. е. «Концепцию устойчивого развития». В 2008 г. Великим государственным хуралом утверждена «Национальная политика комплексного развития, основанная на задачах тысячелетнего развития», где объединены всеобщие интересы и определены стратегии развития страны и срок реализации задач тысячелетнего развития.

Монголия сталкивалась с требованием обновления политики долгосрочного развития страны, основываясь на результатах первостепенной реализации Национальной политики комплексного развития и соответствуя «Задачам устойчивого развития» ООН, тенденциям мирового развития. В 2015 г. Великим государственным хуралом был утвержден «Закон о политике и планировании развития Монголии», в котором указано установить концепцию долгосрочного устойчивого развития Монголии сроком на 15–20 лет.

В связи с этим Концепция долгосрочного устойчивого развития Монголии была разработана и утверждена с приоритетами: в 2030 г. занять первое место в регионе по росту экономики, достичь уровня среднестатистических стран по доходу на душу населения, с открытой экономикой, где господствует состоятельный средний слой населения, с прозрачной бизнес-средой, опирающейся на справедливую конкуренцию.

По состоянию на 1 декабря 2016 г. в Монголии действует примерно 110 законов, непосредственно и опосредовано регулирующих право жить в здоровой, безопасной среде, и 700 законодательных актов, утвержденных другими правительственными органами, соответствующих вышеупомянутым законам [6]. В этих актах данное право основано на следующих принципах:

1. Принцип обеспечения равенства.
2. Принцип недопущения дискриминации.
3. Принцип всеобщности.
4. Принцип уважения и почитания чести, ценностей человека.
5. Принцип назначения ответственности.
6. Принцип неразделенности.
7. Принцип неразрывности

Страны мира оценили Задачи тысячелетнего развития, реализованные в предшествующие 15 лет, определили последующие задачи до 2030 г. и в сентябре 2015 г. на 70-м высшем форуме Генеральной ассамблеи ООН утвердили программу, основным содержанием которой является «Изменение матери-земли: программа стабильного развития–2030». Сегодня Программа устойчивого развития имеет 17 целей, 169 задач, 300 показателей по направлениям поддержки, улучшения социально-экономического развития и охраны окружающей среды.

Изучив права граждан жить в здоровой, безопасной среде и изменение его правового регулирования, можно сделать следующие выводы:

1. Хотя в древних законах и в нормах обычаев не предусмотрено данное право непосредственно, идея охраны и уважительного отношения к окружающей среде в них содержится.
2. Хотя в Конституциях, утвержденных в письменной форме, права человека отражены в отдельной главе, право человека жить в здоровой, безопасной среде не было оформлено как самостоятельный пункт. В то время были утверждены самостоятельные законы, в которых отражены особенности правового регулирования, направленные на охрану окружающей среды.
3. С утверждением демократической конституции право человека жить в здоровой, безопасной среде легализовано как самостоятельный пункт и определена функция правительства обеспечить его. Интерес, связанный с этим правом, считается общим интересом, создана система судебной защиты.
4. Стало понятно, что право жить в здоровой, безопасной среде, его идея, правовое регулирование будут изменяться и обновляться в соответствии с концепцией устойчивого развития и мировыми тенденциями.

Литература

1. Конституция Монголии // Государственный бюллетень. Улан-Батор, 1992. № 1.
2. Конституция МНП 1924, 1940, 1960 // Конституционный бюллетень Монголии. Улан-Батор, 1998.
3. Амархүү О. Байгаль орчныг хамгаалах Монгол зан заншил, хууль цааз (уламжлал, шинэчлэл). Улан-Батор, 2000.
4. Чингис хааны Их засаг. Улан-Батор, 1995.
5. The Environmental Rights Revolution: Constitutions, human Rights, and the Environment by David Richard Boyd., 2010. The University of British Columbia [Электронный ресурс]. URL: www.legalinfo.mn
7. Гармаев Ю. П. Взаимодействие правоохранительных органов по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 28 октября 2015 г.). Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГАУ, 2015. С. 3–7.

© С. А. Баиров

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ
lexsab777@gmail.com

Выбор темы настоящей статьи обусловлен единой культурной целостностью Монголии и соседствующей Республики Бурятия, входящей в состав Российской Федерации. Особенность современной ситуации Монголии опосредована тем, что государственная служба как социально-правовой институт не стоит на месте, а реформируется в соответствии с опытом передовых стран, переосмысливает теоретические и правовые конструкции в области государственно-правового устройства, обращается к мировому опыту по вопросам государственного управления.

Необходимо отметить, что специфика национальной самобытности и достаточно разные стадии развития общества не позволяют осуществить полноценный анализ всех уровней реформирования и трансформации института государственной службы в Монголии и Республике Бурятия. В связи с этим мы считаем целесообразным исследовать лишь отдельные стороны такого государственно-правового явления, как государственная служба.

Отражение самых важных сторон преобразования государственной службы в Монголии и Республике Бурятия способствует более осознанному пониманию возможности заимствования передового опыта и положительных тенденций развития государственно-правовых институтов и механизмов в рамках их связи с государственной системой управления, политическим режимом и иными наиважнейшими социально-правовыми институтами [6].

Такая постановка проблемы обусловлена тем фактом, что государственная служба является не только государственно-правовым явлением, но и отражением действующих процессов общества.

Таким образом, сравнение государственной службы Монголии и Республики Бурятия через призму основных категорий: «государственное управление», «политический режим», «политическая власть» — позволяет лучше понять роль и место государственного аппарата в социально-правовом развитии общества Монголии и Республики Бурятия.

Основной методологии познания юридической реальности мы положили:

- 1) сравнительно-правовой метод, направленный на сопоставление Монголии и Республики Бурятия;
- 2) юридически-догматический метод, отражающий объективное значение действий, предпринятых в сфере государственной службы;
- 3) системный метод, предполагающий изучение процессов, направленных на сведение элементов государственной службы в структурный порядок по конкретным регионам.

Говоря о законодательном регулировании государственной службы в Республике Бурятия, необходимо выделить следующие нормативно-правовые акты:

1. Закон «О государственной гражданской службе Республики Бурятия» (от 04.05.2006. № 1629-III).
2. Кодекс поведения государственных гражданских служащих РБ (от 09.03.2011. № 32).
3. Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 (ред. от 26.01.2017) «О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы».

В Монголии деятельность государственных служащих регулируется следующими нормативно-правовыми актами:

- 1) Закон Монголии «О составе Правительства Монголии» (от 17.07.1992).
- 2) Закон «О государственной службе Монголии» (1994).

Государственная гражданская служба в Республике Бурятия — это профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Республики Бурятия по обеспечению исполнения полномочий государственных органов Республики Бурятия и лиц, замещающих государственные должности Республики Бурятия (включая нахождение в кадровом резерве и иные случаи).

В соответствии с законами Монголии государственная служба в Монголии — деятельность, направленная на осуществление задач и функций государства, а ее сущностью признается честное служение на благо народа. Данный термин не определяет государственную службу Монголии как профессиональную деятельность. В основе государственной службы Монголии лежит идея народного представительства [3]. Совершенно иной подход в Республике Бурятия.

В соответствии с законом Монголии о государственной службе проблема политического статуса государственного служащего решена с учетом передового опыта демократических развитых государств, на основании которого реализован принцип отделения управленческих функций от политики. Государственные служащие Монголии разделены на сменяемых должностных лиц и несменяемых администраторов.

В соответствии со статьей 5 закона «О государственной гражданской службе Республики Бурятия» государственный гражданский служащий Республики Бурятия — гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению государственной гражданской службы Республики Бурятия и осуществляющий

профессиональную служебную деятельность на должности государственной гражданской службы Республики Бурятия в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получающий денежное содержание за счет республиканского бюджета.

В случаях, предусмотренных федеральным законом, государственный гражданский служащий Республики Бурятия может получать денежное содержание также за счет средств федерального бюджета [1].

Должности государственной гражданской службы Республики Бурятия подразделяются на следующие категории:

1) руководители — должности руководителей и заместителей руководителей государственных органов Республики Бурятия и их структурных подразделений, должности руководителей и заместителей руководителей представительств государственных органов Республики Бурятия и их структурных подразделений, замещаемые на определенный срок полномочий или без ограничения срока полномочий;

2) помощники (советники) — должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности Республики Бурятия, руководителям государственных органов Республики Бурятия, руководителям представительств государственных органов Республики Бурятия в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей;

3) специалисты — должности, учреждаемые для профессионального обеспечения выполнения государственными органами Республики Бурятия установленных задач и функций и замещаемые без ограничения срока полномочий;

4) обеспечивающие специалисты — должности, учреждаемые для организационного, информационного, документационного, финансово-экономического, хозяйственного и иного обеспечения деятельности государственных органов Республики Бурятия и замещаемые без ограничения срока полномочий [5].

Должности государственной гражданской службы Республики Бурятия подразделяются на следующие группы:

- 1) высшие должности государственной гражданской службы;
- 2) главные должности государственной гражданской службы;
- 3) ведущие должности государственной гражданской службы;
- 4) старшие должности государственной гражданской службы;
- 5) младшие должности государственной гражданской службы.

Должности категорий «руководители» и «помощники (советники)» подразделяются на высшую, главную и ведущую группы должностей государственной гражданской службы Республики Бурятия.

Должности категории «специалисты» подразделяются на высшую, главную, ведущую и старшую группы должностей государственной гражданской службы Республики Бурятия.

Должности категории «обеспечивающие специалисты» подразделяются на главную, ведущую, старшую и младшую группы должностей государственной гражданской службы Республики Бурятия [4].

При общем видимом сходстве государственной службы присутствуют различия в соответствующих законах, в основе которых лежат разные принципы. В Республике Бурятия государственная служба считается профессиональной деятельностью. Об интересах народа в законе не упоминается. В монгольском же законодательстве государственный служащий выступает как представитель народа, он выражает его волю.

Литература

1. О государственной гражданской службе Республики Бурятия: закон от 04.05.2006 г. №1629-III. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы: указ Президента РФ от 31.12.2005 г. № 1574 (ред. от 26.01.2017). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О государственной службе Монголии: закон // Государственные ведомости. 1994. № 3.
4. Глазунова Н. И. Система государственного и муниципального управления. М.: Экспро, 2009. 142 с.
5. Краснов М. А., Барабашев А. Г., Оболонский А. В. Государственная служба: комплексный подход / отв. ред. А. Оболонский. М.: Норма, 2009. 231 с.
6. Овсянко Д. М. Государственная служба Республики Бурятия. М.: Эксмо, 2006. 142 с.

Сравнительно-правовой анализ профессиональной подготовки юристов в России и Китае

© **Б. А. Бальжиев**

*старший преподаватель кафедры теории
и истории права и государства юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»,
аспирант 3-го курса кафедры общей педагогики
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
boldarev.86@mail.ru*

Сравнительно недавно в области высшего юридического образования были приняты и действуют новые федеральные государственные образовательные стандарты, стандарты третьего поколения, цель которых — переориентировать систему правового, юридического образования в рамках компетентностного подхода. Может ли система юридического образования быстро и четко, а самое главное, целесообразно и адекватно ответить на имеющиеся вызовы и практики и системы управления или данный процесс растянется на долгие годы.

Современные общественные отношения в сфере экономики и политики предъявляют новые требования и запросы к юристам. Существует запрос на специалистов, которые способны эффективно и рационально воспроизводить уже сложившиеся подходы к решению тех или иных задач. От таких специалистов в первую очередь требуется высокий уровень владения прикладными знаниями и навыками: знания законодательства и правоприменительной практики в конкретных отраслях, практического знакомства, с существующими процедурами, способности составить документы определенного рода.

Можно констатировать, что перед отечественной системой юридического образования стоит ряд очень серьезных проблем, и от того, как эти проблемы будут преодолены, а пройти их нужно максимально быстро и эффективно, зависит будущее не только российской юридической науки, но и в целом высшего образования и общества, так как правовые отношения пронизывают все общественные сферы в той или иной степени [2].

Более того в условиях информационного общества и перехода к новому типу экономики — викиномики, экономики, построенной не на производстве материальных благ и не простой передаче информации, а на использовании и реализации человеческого потенциала и интеллектуальных ресурсов, роль права как системы правил, способной создать определенную платформу для защиты и охраны данных объектов, становится бесценной.

Анализируя очень сложную ситуацию с юридическим образованием в России, можно выделить следующие проблемы:

1. Наблюдается большой отрыв юридического образования от практики, система преподавания в России, как правило, основана на лекциях и усвоении определенного теоретического материала, при этом очень мало отводится времени для практических и семинарских занятий. Прохождение практики, которая согласно законодательству и педагогической науке должна развивать практические знания, в реальности превращается в формальность, так как студенты не заинтересованы ее проходить в связи с тем, что не умеют применять теоретические знания, а потенциальному работодателю просто не позволяют внешние факторы заниматься подготовкой и обучением. В итоге учебная, ознакомительная, производственная практика превращается в образовательную фикцию.

2. Вторая очень острая проблема — это недостаток квалифицированных педагогических кадров на юридических факультетах. Стоит отметить, что под недостатком квалификации подразумевается не отсутствие профессионализма в юридической сфере, хотя и такое встречается, но, как правило, у ряда преподавателей юридических факультетов существует дефицит педагогических знаний, недостаток информации о формах проведения занятий, методах обучения, использования инновационных приемов и способов проведения практических занятий, которые должны быть направлены на формирование выпускника с должными уровнями компетенции. В итоге ситуация с подготовкой компетентных юристов на протяжении последних лет усугубляется.

3. Еще одной острой проблемой подготовки компетентных юристов является то, что современные юристы должны кроме профессиональных знаний иметь высокий уровень воспитания и отличные моральные качества. Юрист должен использовать знание нормативных актов и судебной практики не только как инструмент, средство получения систематического дохода, необходимо сформировать у юриста понимание гражданского долга, совести и справедливости, а для этого недостаточно овладеть правовой информацией, нужно заложить основу правосознания, в противном случае юрист превратится в очень информированного, но цинически настроенного гражданина, для которого проблемы граждан будут всего лишь источником доходов.

С подобными проблемами юридического образования столкнулся Китай.

В 1978 г. в Китае начались реформы образования, которые привели к расширению приема на юридическое направление. Однако вузы смогли принять не более 800 будущих юристов, что было недостаточно для того, чтобы укомплектовать кадрами органы полиции и правопорядка. В дальнейшем среди работников не более 10% имели высшее юридическое образование [4]. Ситуация стала меняться в лучшую сторону только к 1993 г., когда было открыто порядка 120 правовых факультетов и 60 высших школ юстиции. Спецификой юридического

образования в Китае является наличие нескольких форм юридических факультетов в классических университетах, политехнических и специально-профессиональных университетах. Данная система позволила увеличить количество специалистов с юридическим образованием, но при этом негативно отразилась на качестве обучения. Одной из самых острых проблем стало то, что бурное развитие экономики, особенно после вступления Китая во Всемирную торговую организацию, повысило спрос на юристов, обладающих отличным знанием норм права, способных регулировать отношения в сфере нематериальных благ и интеллектуального права, а таких специалистов в Китае не оказалось, и только начиная с 2008 г. в качестве отдельного профиля в некоторых классических вузах Китая стали преподавать дисциплины данного профиля [5].

Еще одной проблемой стало то, что в Китае, чтобы стать юристом, необходимо сдать единый юридический экзамен, состоящий из 4 частей, проводится он осенью в течение двух дней. Однако выдерживают его немногие.

В качестве одного из средств повышения профессиональной компетентности будущего юриста выступает деятельность юридических клиник, но их структура значительно отличается от структуры юридических клиник в России. В России юридическая клиника прежде всего преследует цели передачи знаний и формирования компетенций, то есть обучить определенным практическим навыкам студентов. В Китае юридическая клиника преследует цели предоставления гражданам возможности получения бесплатных консультаций и создания реальной основы для сотрудничества с местными судебными и иными правоохранительными органами, а также выработки эффективного механизма обмена информацией между населением, СМИ и юридической клиникой, что позволит оперативно реагировать на практические нужды граждан. Более того, в ряде специально-профессиональных университетов юридическая клиника используется как образовательный проект, который включает в себя следующие элементы:

- а) учебная дисциплина, которая преподается на младших курсах;
- б) базы практики, которые предоставляются на старших курсах;
- в) структурное подразделение, призванное выполнять обозначенные функции.

Данный подход используется начиная с 2014 г., это дало ощутимый эффект. Так, по статистике, которое ведет Министерство Китая, качество юридического образования растет. Возможно, стоит данный опыт использовать и в России, что позволит юридическое образование в России сделать качественным и востребованным.

Литература

1. Алексеев С. В. Проблемы юридического образования // Успехи современного образования. 2015. № 4.
2. Семитко А. П. Проблемы подготовки юристов в контексте новых образовательных стандартов // Педагогическое образование. 2012. № 6.
3. Профессиональная подготовка юристов и запрос к высшему юридическому образованию. Предварительные выводы исследования «Юридическое образование в России: поиск новых стандартов качества» [Электронный ресурс]. URL : <http://planet.ru/news/5-publications/184-legal-education> (дата обращения: 12.04.2017).
4. Хо Синьдань. О юридическом образовании [Электронный ресурс]. URL:<http://sina.com.cn2006> (дата обращения: 11.02.2017).
5. Хо Синьдань. Развитие и реформа юридического образования КНР с 1978 по 1998 г. Пекин: Изд-во юстиции КНР, 2012.

Сравнительная характеристика налогообложения граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

© **А. В. Бродникова**

студентка 4-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ

aleksandrula@mail.ru

Вопрос налогообложения является одним из основных во внутренней политике любого государства. Проекты налоговых изменений и реформ составляют весомую часть предвыборных программ ведущих политических партий. В развитых странах совершенствование налоговых систем всегда выдвигается в качестве приоритетных задач любого правительства. Противоречие между потребностями увеличения налоговых доходов и необходимостью создания благоприятных условий для национального предпринимательства выступает основной причиной изменений в сфере налогообложения.

Консалтинговая компания PwC опубликовала отчет о мировой налоговой системе, изучив 189 мировых экономик на предмет размера налоговых платежей, быстроты прохождения процедуры их уплаты и общей нагрузки на бизнес. В рейтинге стран с наиболее щадящей налоговой системой на первом месте оказались ОАЭ. На втором и третьем месте — Катар и Саудовская Аравия. Самой неблагоприятной страной в мире с точки зрения налогового законодательства оказалась Боливия. Россия находится на 47-м месте рейтинга [1]. КНР занимает 68-е место, несмотря на то, что в стране проживает более 1,5 миллиарда людей, большое количество населения не всегда означает, что размер налоговых платежей будет пропорционален.

Общая система включает в себя самое большое количество налогов, куда можно отнести: налоговые поступления от прибыли, которые обязаны платить юридические лица; налоги, которые платятся физическими лицами, а также индивидуальными предпринимателями в зависимости от их дохода; налог, который изымается в бюджет страны в зависимости от стоимости услуг, товаров, работ (на так называемую «добавленную стоимость»); средства, которые выплачиваются работодателем за каждого подчиненного в фонд, из которого пенсионеры получают свою заработанную пенсию (страховой взнос). Уплачивать налоговые взносы по такой системе является обязательным для тех, кто не смог перейти или не подошел под иную систему уплаты налогов [2].

В 2017 г. применять ее можно будет при таких условиях: общий доход за девять календарных месяцев в году не должен превышать 90 миллионов рублей. Количество работающего персонала должно быть не больше ста человек. 150 миллионов рублей — предельная остаточная стоимость средств [3].

Налоговые платежи являются главным источником дохода государственной казны КНР. Платить налоги обязаны не только лица, имеющие гражданство Китая, но и мигранты, работающие на ее территории, на протяжении определенного срока.

Одним из общеобязательных отчислений в налоговую систему является бизнес-налог. Он представляет собой выплаты на осуществление хозяйственной деятельности. Такой налог выплачивается лишь предприятиями с иностранными инвестициями. Единой ставки бизнес-налога не существует. Размер выплаты напрямую зависит от рода деятельности предприятия. К примеру, бизнес-налог в Китае оплачивается ежемесячно. Так, если организация занимается транспортом, то она обязана заплатить 3 % общей месячной прибыли.

Подходный налог оплачивается исключительно физическими лицами, которые не занимаются предпринимательской деятельностью, а устроились работать в Китае по найму, этот налог удерживается непосредственно из заработной платы. Его размер напрямую зависит от уровня оплаты труда.

Например, если человек получает менее 4 000 китайских юаней, то он освобождается от выплаты налогов, если размер его заработной платы в 2017 г. превысит этот показатель, будет менее 4 500 юаней, то налогоплательщик обязан платить 5% общей суммы своей зарплаты при окладе от 4 500 до 6 000 юаней.

Ставка налога возрастает до 10%. Если заработная плата в пределах от 6 000 до 9 000 юаней, то человек обязан отчислить в государственный бюджет 15%, 25% отчисляется тогда, когда зарплата человека выше 9 000 юаней, но не ниже 24 000 юаней. Если заработная плата китайца находится в диапазоне от 44 000 до 64 000 юаней при размере дохода от 64 000 до 84 000 юаней, то человек обязуется зачислить в государственный бюджет около 35% ежемесячно налоговой ставки. 40% платится при зарплате от 84 000 до 100 000 юаней в месяц, если ежемесячный доход составляет более 100 000 юаней 45% [4].

Всех интересует налог на детей, так вот Китай является самой населенной страной мира. Поэтому правительством республики в 1979 г. был принят закон, регулирующий количество детей в семьях. Суть законодательного проекта заключалась в том, что с 1979 г. гражданам Поднебесной запрещалось иметь более одного ребенка в семье. Закон был направлен на ограничение рождаемости детей. Правительство тем самым пыталось урегулировать уровень демографии. Вовсе неудивительно, что население приняло законопроект отрицательно.

Хотя большинство резидентов Поднебесной и перестали рожать детей, некоторые не повиновались этому закону, за нарушение закона против рождения второго ребенка гражданина Китая накладывался штраф. В последние годы, проанализировав демографическую ситуацию в стране, правительство все же пришло к выводу, что принятый ранее закон весьма ограничивает китайцев.

В законопроект внесли поправки, и в 2017 г. резидентам Китая разрешено иметь двоих детей. Если в китайской семье рождается третий ребенок, родители обязаны за него заплатить налог в размере 3 500 долларов. На количество «разрешаемых» детей не влияет то, состоят ли супруги в официальном браке или родителями-одиночками.

Единственное условие: второго ребенка могут заводить лишь те люди, которые являются единственным ребенком у своих родителей. Например: если в семье два взрослых ребенка, то каждый из них имеет право лишь на одного ребенка. Но если в семье один сын, дочь, то они имеют право иметь двоих детей. Но если человеку можно иметь всего одного ребенка, то при рождении второго он также обязан заплатить штраф.

В заключение хотелось бы отметить то, что привести подробное и глубокое сравнение налогового законодательства в КНР и РФ в рамках одной статьи невозможно, продолжение работы в этом направлении намечается. Между тем приведенный анализ налоговых законодательств Китая и России показал, что в налоговых законодательствах РФ и КНР много общего, обе страны находятся на переходном этапе своего развития в области налогового права.

Литература

1. Закон КНР «О налоге на прибыль предприятий» (утвержден 5-м съездом Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 16 марта 2007 г.) // Интернет-представительство ООО «Лигал Уэй» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.legal-way.ru/tax32.php>.
2. Россия оказалась на 47-м месте в рейтинге стран с наиболее благоприятной налоговой системой // Информационно-аналитическое электронное издание [Электронный ресурс]. URL: <https://roem.ru/17-05-2016/224400/nalog-rating>
3. Системы налогообложения в 2017 г. // Информационно-аналитическое электронное издание [Электронный ресурс]. URL: <http://2017.wiki/sistemy-nalogooblozheniya-v-2017-godu>
4. Налоги в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://visasam.ru/emigration/asia/nalogi-v-kitae.html>

Правовой анализ экспорта нефрита из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику

© С. А. Будаева

студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»,

Россия, г. Улан-Удэ
ezhik_v_tumane2014@mail.ru

Внешняя торговля в экономике переходного периода России выполняла и продолжает выполнять главные стабилизационные и мобилизационные функции. В условиях глубокого экономического и общехозяйственного кризиса, существенного сужения внутреннего спроса именно экспортная деятельность позволяла поддерживать производство и занятость населения, решать неотложные социально-экономические задачи, закупать по импорту дефицитное продовольствие, товары народного потребления и инновационное оборудование. Известно, что в условиях экономического кризиса резко сократилась внутренняя налогооблагаемая база. Именно внешняя торговля позволила восполнить образовавшийся дефицит в формировании бюджетных доходов [3, с. 14].

Понятие экспорта закрепляется в федеральном законе «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Экспорт товара — вывоз товара из Российской Федерации без обязательства об обратном ввозе [1].

Актуальность темы исследования определяется общественной и государственной значимостью отношений, возникающих при обороте драгоценных камней, отсутствием у государства рычагов для эффективного регулирования и нормативно-правового акта, закрепляющего понятие и регламентирующего добычу нефрита, экспорта за рубеж, в связи с чем возрастает уровень преступности в этой сфере и бюджет страны недополучает налоговые отчисления.

Нефрит относится к категории полудрагоценных камней, на его добычу требуется лицензия [2]. В Китае эстетика и философия нефрита формировались на протяжении тысячелетий. Этот камень считается императорским, символизирует космическую энергию, совершенство, силу, власть, бессмертие [6]. Потребность в специальной регламентации оборота и экспорта нефрита обуславливается его спросом со стороны китайских перекупщиков, высокой стоимостью, что требует принятия нормотворческих мер, направленных на предотвращение использования в легализации нажитых преступным путем денежных средств.

Контроль за поставками нефрита в Китай остается для Бурятии актуальной темой на протяжении многих лет. В России разведано и оценено 16 месторождений, из которых 13 находятся в Бурятии. Разведанные запасы нефрита Бурятии составляют 24 тыс. тонн, а прогнозные ресурсы — 100–110 тыс. тонн.

Итак, наиболее известные сорта нефрита в Китае:

1. Хотан — наиболее ценный сорт белого нефрита, называемый «цветом бараньего сала», с густым восковым матовым блеском. В древности изделиями из такого нефрита мог пользоваться только император.
2. Сюянь — нефрит, который окрашен в белый или светло-зеленый цвет. Как правило, полупрозрачен.
3. Ланьянь — нефрит желтого оттенка с вкраплениями зеленого.
4. Наньян — самый распространенный нефрит, который называют также Душан нефрит. Это полупрозрачный нефрит, окрашенный в желтоватый или с белым оттенком, с розоватыми, зелеными, желтыми вкраплениями.

Перечислим наиболее перспективные месторождения. В перечне участков недр, предложенных к лицензированию геологическими службами несколько лет назад, значились:

1. Бортогольское проявление нефрита, расположенное в юго-восточной части Восточного Саяна Окинского района. Прогнозные ресурсы оцениваются в 21,2 тонны сортового нефрита.
2. Перспективная площадь рудного поля Оспинского месторождения (фланги рудных тел) (Окинский район). Прогнозные ресурсы оцениваются в 50 тонн сортового нефрита.
3. Россыпи и залежи р. Ципы и ее притоков в Баунтовском районе. Перспективная площадь 4,5 км². Прогнозные ресурсы оцениваются в 50 т.
4. Актрагда-Амалатская площадь в Баунтовском районе. Перспективная площадь 4 км². Прогнозные ресурсы оцениваются в 50 т.
5. Россыпи и залежи нефрита р. Бамбуйки и ее притоков в Муйском районе. Прогнозные ресурсы не менее 50 т. Протяженность долин 70 км при ширине в среднем 50 м. Отметим, что в этом списке нет Кавоктинского нефритового месторождения, не указаны залежи в Закаменском и Тункинском районах [5].

Нефрит для Республики Бурятия является не только экономическим, но и эстетическим сокровищем, имеющим стратегическое значение для экономики. В Бурятии есть огромный потенциальный источник налоговых поступлений. Это нефритовый рынок, который может дать бюджету республики налоговые поступления в объемах, сопоставимых с размером республиканского бюджета.

Для республики этот минерал может стать неиссякаемым источником благосостояния, например, как для Башкирии нефть или как для Якутии алмазы.

При открытой и абсолютно прозрачной продаже это может давать примерно 130 млрд р. выручки. А налоговые отчисления в бюджет республики могут составить 47,5 млрд рублей. Однако в настоящее время респуб-

лика получает крохи от этих астрономических сумм, и одна из причин — это криминальная составляющая отрасли. На протяжении долгих лет сверхприбыли от нефритовой торговли утекали в тот же Китай, без ощутимой пользы как для бюджета, так и для малочисленных коренных народов, на территории исторического расселения которых велась добыча.

Согласно данным недропользователей, в 2013 г. экспортировано более половины добытого в республике за год нефрита. Однако, по данным таможенных органов, общий объем экспорта камня в несколько раз превышает объемы добычи. А объем экспорта нефрита в КНР, по неофициальным данным, на несколько порядков больше данных официальной статистики. При этом экспорт осуществлялся как легально (через таможенные органы Уральского и Дальневосточного федеральных округов, в пределах которых нефрит не добывается), так и контрабандным путем.

Ранее Китай закупал нефрит в Бирме. Но нестабильная политическая ситуация в этой стране свела поставки практически к нулю. К тому же основные месторождения нефрита находились под контролем преступных группировок, которые постоянно воевали между собой. За контрабанду нефрита из Мьянмы грозит расстрел. Поэтому крупные китайские бизнесмены переориентировались на Россию, особенно на Республику Бурятия.

Общий уровень добытого сырья в 2007 г., по официальным данным, составил 909 тонн нефрита-сырца и 272 тонны нефрита сортового. И добытое сырье в необработанном виде практически за бесценок вывозилось и продолжает вывозиться за пределы Бурятии. Несмотря на значительный уровень поставок нефрита из Бурятии в Китай, на мировом рынке, который сосредоточен в Китае, основную долю занимает нефрит из Канады, Австралии и Тайваня. Нефритом не торгуют на биржах, поэтому цена на него растет медленно, но стабильно. При этом на международных ярмарках стоимость этого сырья значительно ниже стоимости бурятского нефрита из Бурятии. Однако республика до сих пор не пользуется этим преимуществом.

В Бурятии основная часть компаний, получивших лицензии на добычу нефрита, используя различные схемы, уходит от уплаты налогов. Да и весь нефритовый рынок республики непрозрачен и скрыт от глаз общественности.

Получается, что только возможные доходы от одной нефритовой отрасли могут давать поступления в раз-мере еще одного республиканского бюджета. Вообще же, как говорят экономисты «не для печати», в самом Китае нефрит стоит раз в 5 дороже, чем в Бурятии. То есть можно было бы помечтать о цифре доходов чуть ли не в 200 млрд рублей. Никакая нефть по доходности не сравнится с потенциальной доходностью нефритового рынка.

Даже если эти цифры нефритовой доходности в реальности будут меньше, все равно это гигантские поступления, которые могли бы вывести Бурятию в число передовых регионов страны, создать самый высокий уровень образования и здравоохранения в Улан-Удэ и в каждом районе республики. Выделять на развитие сельского хозяйства бюджетных средств в десятки и сотни раз больше.

Можно было бы даже отчислять каждому жителю республики природную ренту, как в Саудовской Аравии, где от продажи нефти на мировом рынке каждому жителю этой страны выдается определенная сумма в валюте и золотом.

Так почему же республиканское правительство ничего не делает для того, чтобы получить в бюджет «нефритовые» средства? Почему не защищает законные интересы жителей Бурятии, которые живут на земле, набитой различными природными богатствами? Ведь миллиардные доходы республика может получать и от разработки других полезных ископаемых.

Налоговые поступления — основной источник доходов бюджета в Китае. Поэтому в Китае, как и любой другой стране, налогоплательщики наказываются за уклонение от уплаты налогов. Штрафные санкции за просрочку уплаты, за неуплату налогов и другие нарушения являются жесткими — часто до пятикратной суммы задолженности с погашением основного обязательства.

Несовершенство российского законодательства неизбежно создает препятствия на пути противодействия нелегальному обороту рассматриваемого камня. Учитывая, что драгоценные камни являются наиболее ликвидными ценностями на международном финансовом рынке, мы понимаем, что государство должно быть заинтересовано в сохранности этих ценностей, чего нельзя отметить в России. В целях решения проблемы необходимо привести в соответствие законы, детально подойти к формулировке правил обращения нефрита, а также закрепить указанные правила в едином нормативно-правовом акте для простоты использования и применения.

Думается, что при реформировании законодательства РФ, в том числе и уголовного, регулирующего рассматриваемую сферу правоотношений, опыт КНР может быть заимствован, естественно, с учетом особенностей российского права. Более того необходимо детально проработать вопрос о наказании, чтобы устранить проблему ведения преступного бизнеса.

Для регулирования оборота нефрита мы предлагаем создать на территории Бурятии специализированный нефритовый аукцион. Это позволит централизовать и упорядочить торговлю нефритом и изделиями из него. Таким образом, можно продавать нефрит легально и по высоким ценам в реальном режиме — через интернет. При помощи организации таких продаж можно резко повысить налоговую собираемость, а нефритовый рынок республики полностью вывести из тени. Работу аукциона можно было бы осуществлять примерно один раз в месяц. А перед самой распродажей, положим, за 20 дней, можно разместить на интернет-площадке аукциона предлагаемый к продаже нефрит. Каждый лот может в режиме реального времени транслироваться через интернет на весь мир. Эта открытость позволит избежать заказных покупок и занижения стоимости нефрита. Соответственно не будут снижаться и налоговые отчисления. При организации прозрачных аукционных интернет-торгов доступ клиентов из Юго-Восточной Азии к бурятскому нефриту будет более широким, чем при заключении прямых сделок. Соответственно будут установлены высокие и справедливые цены на нефрит.

Это достаточно простой и интересный способ решить массу проблем в республике и наполнить бюджет.

Литература

1. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: федер. закон от 7 июля 1995 г. №164-ФЗ.
2. О недрах (с изм. и доп., вступ. в силу с 3.10.2016): закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 (ред. от 03.07.2016).
3. Актуальные проблемы внешнеэкономической стратегии России / под ред. С. Ситаряна. М.: Наука, 2003.
4. Гармаев Ю. П. Выявление должностных преступлений в таможенных органах // Законность. 1997. № 6. С. 22–23.
5. Месторождение нефрита в Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ivmk.net/lithos-nefrit.htm>.
6. Нефрит [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%9D%D0%B5%D1%84%D1%80%D0%B8%D1%82>.

Источники и основные черты права древней и современной Индии

© Ю. Е. Буинов

*студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ*

© Д. Б. Цыденов

*студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
dorzho.t@rambler.ru*

В настоящее время Индия является одной из наиболее быстроразвивающихся стран мира. Она стремительно движется вперед, развивая научно-технические, правовые и экономические направления. Правовой опыт столь значимого государства может быть с успехом востребован в процессе правового реформирования российской государственности. Для полноценного понимания правовой системы Индии необходимо рассмотреть источники и основные черты права древней и современной Индии.

Древнейшим источником права в Индии принято считать священные тексты ариев, так называемые Веды. Они включали в себя собрания священных гимнов, магических и жреческих формул, заклинаний и заговоров. В гимнах описываются представления древних индийцев о религии и семейном быте. Сторонники ортодоксальных школ считают, что Веды — это священные тексты которые никем не создавались, они существовали всегда и потому не содержат ошибочные суждения [1, с. 19].

В дальнейшем индийское право дополнилось новыми источниками, Дхармашастрами, а также различными трактатами о политике и экономике, именуемыми Атрхашастрами. Именно эти источники отображают уникальную специфику права, которая была свойственна Древней Индии, а также характеризуют особенности социально-экономического, культурного, а также государственного развития этой восточной цивилизации.

Дхарма — это важнейшее понятие всей индийской мысли, не имеющей однозначного определения. В общем виде дхарма означает порядок, норму, включает в себя мораль, религиозное послушание вкупе с религиозной же добродетелью. Дхарма — это свод правил норм поведения, которых обязан придерживаться любой правоверный индус, и эти нормы регулируют самые разнообразные стороны жизнедеятельности последнего. А также в Древней Индии существовал термин, более близкий по значению к европейскому понятию «закон», называвшийся «нъяя» и подразумевавший толкование норм поведения в более узком смысле. За нарушение правил данной нормы предусматривалось наказание, применяемое государством.

Изначально Дхармашастры составлялись брахманами как руководство и учебное пособие для своих учеников, однако впоследствии дхармы стали авторитетными и общепринятыми источниками права. В какой-то момент они вытеснили даже такие источники права, как Артхашастры, позаимствовав у них положения, которые собственно относились к праву как к таковому. Дхарма царя называлась Раджадхарма. Она предписывала царю абсолютное право являться хранителем порядка и мира в стране и потому она являлась основным законом. К сожалению, до сих пор не установлено точное количество Дхармашастр, которые были написаны и распространены на территории Древней Индии. Они писались в течение нескольких столетий, поэтому сложно определить также и точное время их появления.

Основываясь на данных источниках права, можно сделать вывод, что главной чертой индусского права является тесная связь с религией. Оно является неотъемлемой частью индуизма, в состав которого наряду с правом входят также различные религиозные верования и обряды [2, с. 514].

В колониальный период индусское право было значительно модифицировано. В первую очередь была ограничена сфера его применения. Нормы индусского права по-прежнему регулировали отношения, связанные с браком, кастами, наследованием и другими традиционными институтами, но споры в области права собствен-

ности и обязательств стали разрешаться согласно нормам общего права. Реформирование индуcского права происходило под влиянием социально-экономических перемен, вызванных появлением и усилением капиталистических отношений в традиционном хозяйственном укладе, с помощью таких источников права, как закон и судебный прецедент. В ходе деятельности английских судей, которые закрывали пробелы в индуcском праве нормами из английского общего права или созданными на его основе новыми прецедентами, в судебной практике классическое индуcское право было вытеснено «англо-индуистским правом». Довольно быстро это право освободилось от опоры на традиционные источники писаного права и приобрело характер чисто прецедентного права. Английские власти с помощью законов иногда отменяли и изменяли некоторые нормы индуcского права, казавшиеся им недопустимыми.

С получением независимости система индуcского права была вновь подвергнута серьезным изменениям, которые затронули как принципы и источники, так и большую часть институтов и норм. Закон послужил основным инструментом перемен. Идея полной кодификации индуcского права возникла еще по ходу борьбы за независимость, и практически сразу после провозглашения независимости в 1947 г. правительством Индии был предоставлен для рассмотрения парламентом проект Индуcского кодекса. Хотя этот проект не был утвержден из-за консервативных сил, принятые в 1953–1956 гг. 4 закона, регулирующие семейное и наследственное право, в целом и явились кодификацией индуcского права в его современном варианте.

На данный момент индуcское право непосредственно применяется при разрешении вопросов, касающихся брачно-семейного права, наследственного права. Индуcские идеи сохранились также в концепции государственного землевладения.

Мусульманское право в Индии является личным правом членов мусульманской общины, второй по численности религиозной общины в стране. В Индии по-прежнему используется традиционное мусульманское право (в отличие от арабских стран, где мусульманское право значительно изменено), основанное на Коране, Сунне, Иджме и Киясе.

Не стоит отождествлять индийское и индуcское право. Индийское право — это национальное право, совокупность норм, которые закреплены в действующих нормативных актах на территории всего государства. Нормы индийского права в отличие от норм индуcского права обязательны для проживающих в Индии граждан независимо от их национальности и религии.

Индийское право сложилось в период британского колониального господства. Значительное место в его формировании сыграли законодательные акты, созданные для Индии англичанами, которые основывались на принципах своего общего права. В этот период была осуществлена систематизация законодательства, изданы крупные законы и кодексы, во многом являвшиеся более прогрессивными в отличие от применявшихся в Англии. Само по себе создание права на светской основе было очень решительным и нужным решением в стране, где параллельно существовали индуcское право и мусульманское право.

Процесс развития индийского права получил новый импульс после провозглашения независимости. Серьезным шагом в реформировании правовой системы страны был совершен с изданием Конституции 1950 г., утвердившей светский характер государства. Конституция Индии порицает эксплуатацию, угнетение, поддерживает проведение в стране прогрессивных социальных преобразований, индустриализации, аграрных реформ, преодоление пережитков прошлого. Она содержит достаточно широкий перечень демократических прав и свобод граждан, помимо этого установлены их определенные гарантии, в первую очередь возможность обращения в Верховный суд при нарушении конституционных прав и свобод [3, с. 110–119].

Однако после объявления независимости, Индия не отказалась не только от укоренившихся правовых концепций, но также и от принятого в колониальный период законодательства. В Конституции Индии 1950 г. сохраняются положения, свидетельствующие, что созданное ранее право продолжает функционировать. Однако Верховный суд Индии постановил, что акты, изданные в колониальный период, могут применяться в случае, если они не противоречат суверенитету государства. В 1960 г. был принят Закон о британских актах, предназначенных для действия в Индии, которым было отменено 258 британских статутов.

На протяжении второй половины XX в. правовая система Индии развивалась, основываясь как на ценностях традиционного индуcского, так и на адаптированном общем праве, а также применяя позитивный опыт других правовых систем. При этом влияние английской правовой культуры остается преобладающим. Индия связана с общим правом не только понятиями, юридической техникой и концепциями. Их объединяет и аналогичное понимание системы функционирования отправления правосудия, судебной процедуры, а также принципа «господства права».

Основными источниками права современной Индии признаются закон и судебный прецедент. Действующее законодательство и судебная практика должны соответствовать Конституции страны. Верховный суд Индии осуществляет конституционный контроль за соответствием издаваемых нормативных актов Конституции.

Компетенция в сфере законодательства между Союзом и штатами распределяется в соответствии с тремя перечнями, представленными в приложении VII к Конституции. В «союзном перечне» установлены проблемы, касающиеся сферы исключительной компетенции законодательства Союза: оборона страны, внешнеполитические, внешнеторговые связи, банковское дело, денежное обращение, железнодорожные, воздушные и водные сообщения, торговля между штатами и др. В целом в этом перечне насчитывается 100 пунктов. Согласно ст. 248 Конституции к сфере исключительного законодательства федерации относятся также все вопросы, не входящие ни в один из перечней приложения. В перечень совместного ведения федерации и штатов входит 48 вопросов, включающих уголовное, гражданское, семейное, трудовое законодательство и т. д. Третий перечень

относится к исключительной компетенции штатов, он состоит из 66 пунктов. Тем не менее федеральный парламент может принимать законы по любому из вопросов, входящих в исключительную компетенцию штатов, рассматривая их как относящиеся к национальным интересам страны.

Еще одним важнейшим источником национального права является судебный прецедент. Конституция Индии утвердила, что суды страны обязаны следовать прецеденту, созданному Верховным судом. Постановления Высочайшего суда штата обязательны для всех нижестоящих судов в соответствующем штате [4, ст. 141].

Правило прецедента в Индии, хоть и заимствовано из англосаксонской правовой системы, однако функционирует отлично от британского права. Правило прецедента имеет официальный характер, который отсутствует даже в Великобритании. В Индии нет деления на общее право и право справедливости. Решения судов иногда отменяются принятием поправок к Конституции. С 1845 г. в Индии публикуются сборники судебных решений и многочисленные сборники.

Особое место в становлении индийского права занимает обычай. Нужно отметить, что на данный момент его роль незначительна. Обычай находится в зависимом положении к писаному праву в сферах территориального и личного права, что официально утверждено в Законе о шариате 1937 г., кодексах индусского права 1955–1956 гг.

Подводя итоги, следует отметить, что правовая система Индии является уникальной так как сочетает в себе различные виды источников права: НПА, судебные прецеденты, религиозные нормы и нормы обычного права. Несмотря на то, что основными являются НПА и судебный прецедент, религиозные нормы продолжают оказывать значительное влияние на современную правовую систему Индии, а в частности при разрешении дел, связанных с брачно-семейным и наследственным правом.

Литература

1. Крашенинникова Н. А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М.: Норма, 2009. 304 с.
2. Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права: учебник. Изд. 2, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 743 с.
3. Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. М.: Инфра-М, НОРМА, 2001. 451 с.
4. Конституция Индии (с изменениями на 1 мая 1955 г.). М.: Изд-во иностр. литературы, 1956. 476 с.

Муниципальный контроль в сфере предпринимательской деятельности в России и Китае: сравнительно-правовой анализ

© *Г. С. Галецкая*

*магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
Galetskaya94@mail.ru*

В настоящее время многие развитые государства ведут активное развитие предпринимательской деятельности. Такая тенденция возникла в условиях постоянного развития экономики, ее трансформации. В связи с этим практически в каждой стране перед органами государственной власти был поставлен ряд задач по осуществлению защиты и развития предпринимательской деятельности как на федеральном уровне, так и на уровне ее субъектов.

Данная проблема также коснулась и законодательства Российской Федерации, поскольку на протяжении многих десятилетий экономика нашей страны претерпевала множество изменений, которые не всегда положительно влияли на экономическую ситуацию России в целом, так и непосредственно на отдельно взятые направления. Для решения поставленных задач законодательством был принят ряд мер, направленных на изменение нормативных актов путем внесения и закрепления отдельных положений, касающихся защиты прав предпринимательства.

Конституцией РФ, принятой в 1993 г., были провозглашены свобода экономической деятельности, частной собственности, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательства и множество других положений, так или иначе регулирующих данную сферу правоотношений [1].

Помимо положений Конституции был принят ряд ключевых законодательных актов, подробно регламентирующих предпринимательскую деятельность. Самым распространенным и востребованным является федеральный закон № 294-ФЗ от 26 декабря 2008 г. «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

При его разработке активно была использована правовая практика других государств, а также взяты за основу некоторые законодательные механизмы защиты предпринимателей. Однако при всем этом после принятия ФЗ в него было внесено значительное количество бланкетных норм, отсылающих к другим законодательным

либо подзаконным актам, инициаторами внесения которых стали различные министерства, ведомства и иные структурные подразделения федеральных органов государственной власти и субъектов РФ.

В результате в настоящее время помимо указанного федерального закона правоотношения в этой сфере регламентированы более чем 100 федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Помимо этого в регионах существуют свои законодательные базы, которые не всегда «позитивно» настроены в отношении предпринимателей, поэтому при внесении того или иного дополнительного изменения в закон субъекта зачастую выстраивается определенная преграда для предпринимателя

Это обстоятельство значительно усложняет правоприменительный процесс, а также затрудняет процесс повышения уровня правовой осведомленности предпринимателей о своих правах и деятельности, связанной с осуществлением контрольных полномочий.

Проанализировав большинство законодательных актов по защите прав предпринимателей, можно сделать вывод о том, что все нормы права в этой сфере базируются на принципе добросовестности, недопустимости. На практике это показывает, что не все эти принципы реализуются в полной мере, поскольку существуют органы контроля, которые нацелены на повышение показателей своей работы и необходимость уличения все большего количества предпринимателей в нарушениях закона.

В некоторых случаях при явном отсутствии в поступившей информации (обращении) предусмотренных законом оснований для вмешательства в хозяйственную деятельность предпринимателей указанные органы разрабатывают правовые механизмы, направленные на обход установленного порядка, создавая тем самым дополнительное административное давление на субъекты предпринимательства [5]. Чаще всего такие манипуляции исходят от руководителей подразделений, которые требуют от своих подчиненных выполнения поставленных задач, не вникая, каким образом эти задачи будут осуществляться, что прямо противоречит политике государства, направленной на обеспечение свободы и защиты предпринимательства.

Кроме того, многие правоприменители чаще всего бывают не совсем компетентны в тех или иных вопросах, связанных с реализацией власти в данной сфере, в связи с чем многие предприниматели бывают ущемлены в правах, не совершая те или иные действия под угрозой применения санкций, которые иногда бывают чрезмерно «жесткими».

Однако в сложившейся системе есть и положительные моменты.

Положениями вышеупомянутого ФЗ № 294-ФЗ устанавливается преимущественно плановый характер проведения проверок. Любое внеплановое вмешательство в деятельность предпринимателей должно осуществляться по строго установленным основаниям, за исключением отдельных случаев, которые также регламентированы законодательством. Помимо этого в качестве положительного момента можно выделить также искоренение разрозненности контрольных полномочий, которые закреплены за государственными органами власти. Теперь за каждым государственным органом власти закреплены свои полномочия по осуществлению контроля, что исключает случаи привлечения к ответственности предпринимателей несколько раз за одно и то же правонарушение.

ФЗ № 294-ФЗ закреплено право юридических лиц и индивидуальных предпринимателей присутствовать при проведении проверки. Таким образом, при нереализации предпринимателем своего права на присутствие лично либо посредством участия представителя в ходе проверки проводить ее должностному лицу запрещено.

В 2015 г. в федеральный закон № 294-ФЗ были внесены значительные изменения, которые существенно минимизировали административное давление на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Это подразумевает, что органы государственной власти будут наиболее тщательно выбирать субъекты предпринимательства, в отношении которых будут проводиться мероприятия по контролю, с целью недопущения необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность предпринимателей. Этот механизм еще только прорабатывается и детально будет регламентирован дополнительными подзаконными нормативными правовыми актами, вступление в силу которых прогнозируют на 2018 г.

Стоит отметить, что все вышеперечисленные положения законодательных норм были созданы, в первую очередь, для упорядочивания и урегулирования деятельности органов, которые осуществляют контрольно-надзорные функции, для подчинения их требованиям закона. Однако эти нормы никак не преследуют цель освобождения предпринимателей от ответственности за свои действия перед государством и обществом. В связи с этим создание благоприятных условий для бизнеса, осуществление защиты прав предпринимателей возможны только при взаимном ненарушении всеми участниками правоотношений установленных в обществе запретов и понимании в полной мере ответственности за их нарушение.

Если рассматривать нормативную базу, регулирующую деятельность органов местного самоуправления по контролю в сфере осуществления предпринимательской деятельности в КНР, то можно выявить ряд существенных отличий и особенностей, которые характерны для данного государства.

В основу всех законодательных норм Китая легли положения Конституции КНР от 4 декабря 1982 г. (с поправками от 12 апреля 1988 г. и 29 марта 1993 г.), которая провозгласила основные принципы деятельности государства и жизни народа страны, непосредственно касающиеся предпринимательской деятельности граждан. Так, в основу легли такие принципы, как разграничение государственной и частной собственности, право пользования национальными природными ресурсами, ведение коллективной предпринимательской деятельности, а также совместного сотрудничества и налаживания партнерских отношений с предпринимателями из других стран и провинций (ст. 9,13,17,18 Конституции КНР) [3].

Данные нормы отражают и наглядно показывают развитие экономики Китая в направлении европейской цивилизации. Китай стремится к глобализации и унификации правовых норм и основ экономической деятельности одной из самых развитых стран Восточного региона. В то же время можно увидеть особенность формулировки данных положений, которая заключается в четком разграничении понятий «предпринимательская деятельность государства» и «предпринимательская деятельность граждан». Стоит отметить, что первое понятие полностью подчиняет себе второе и не дает полной свободы действия, поскольку все дальнейшие нормы Конституции КНР направлены на закрепление контрольно-надзорных норм в сфере деятельности малых частных фирм.

Помимо Конституции КНР существует ряд законов, регулирующих предпринимательскую деятельность. Одним из основных является Закон КНР «О поддержке малых и средних предприятий», принятый 29 июня 2002 г. и отражающий все характерные черты взаимодействия предпринимателя и государства.

В данном законе содержатся нормы, направленные на материальную поддержку и развитие предпринимательства. Каждой провинции выделяются квоты на развитие малого и среднего бизнеса. Однако чтобы получить хоть какое-нибудь пособие, начинающему предпринимателю необходимо пройти множество инстанций и получить разрешение на получение этих пособий.

Кроме того, после получения государственного финансирования органы местного самоуправления тщательно следят за целевым расходованием этих денежных средств, проводя различные проверки и требуя соответствующие отчеты. Поэтому зачастую предпринимателю приходится много сил и времени тратить на документы, а не направлять силы на сам бизнес. В КНР кроме активной пропаганды предпринимательской деятельности существует развитие и защита положений о защите прав потребителей. Любое обращение недовольного гражданина способствует проведению на местах проверки со стороны государственного контролирующего органа.

Положительным моментом является то, что на развитие бизнеса в Китае дается 3 года, в течение которых контролирующие органы стараются относиться к предпринимателю лояльно, однако по истечении этого времени на еще не совсем окрепшую структуру обрушиваются многочисленные проверки. Зачастую многие не могут осилить большое давление и закрывают свой бизнес, а некоторые открывают свое дело только на этот период, а перед самой проверкой закрываются, чтобы не платить налоги и иные сборы.

Также стоит затронуть такой фактор, как коррупция в государственных структурных подразделениях. Многие бизнесмены, чтобы победить своих конкурентов, прибегают к самым изощренным методам, одним из которых является подкуп чиновника или иного государственного служащего, который проведением дополнительной проверки мог бы приостановить деятельность другого предпринимателя. В связи с этим автоматически нарушаются иные принципы, положенные в законодательную базу страны.

Однако несмотря на все недостатки системы, тенденция к развитию предпринимательской деятельности в Китае растет, в связи с чем экономика этой страны выходит в лидеры среди развитых стран.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что деятельность муниципальных органов в сфере предпринимательской деятельности как в России, так и в Китае до сих пор остается несовершенной. Зачастую многие проверки проводятся только для «выполнения плана». Однако законодательство этих стран активно работает над вышеуказанными проблемами, создавая различные законы и поправки, стимулируя деятельность самих государственных органов, повышая их квалификацию. Судя по показателям последнего десятилетия, количество предприятий возросло и экономическая ситуация как в России, так и в Китае укрепляется с каждым годом, что благоприятно сказывается на уровне жизни населения и развития других отраслей жизнедеятельности человека.

Литература

1. Конституция РФ 1993 г.
2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ.
3. Конституция КНР от 4 декабря 1982 г.
4. О поддержке малых и средних предприятий: закон КНР от 29 июня 2002 г.
5. Кучеренко А. В. Реализация законодательных норм, направленных на защиту прав субъектов предпринимательства при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

© О. А. Гатаулина
*старший преподаватель кафедры
конституционного, административного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»,
магистр юриспруденции
Россия, г. Улан-Удэ
Orlivik90@mail.ru*

В 2014 г. в Астане был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического союза (далее — Союз, ЕАЭС), участниками которого стали Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, позже присоединились Кыргызская Республика и Республика Армения. В рамках данного Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза [1].

Сложившиеся исторические и экономические связи создают взаимодополняемость национальных экономик стран-участниц Союза. Несмотря на критику экономистов по поводу создания и функционирования ЕАЭС, на практике уже существует определенная юридическая данность — общие правовые режимы в отдельных сферах, направленные на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования. Одним из таких режимов на территории стран-участниц Евразийского экономического союза является налог на добавленную стоимость (далее — НДС).

В приложении № 18 к Договору о Евразийском экономическом союзе, в разделе первом дается определение налога на добавленную стоимость. Раскрывается как вид косвенного налога. В Таможенном кодексе таможенного союза [2], в п. 18 ст. 4, понятие налога раскрывается через акцизы и налог на добавленную стоимость. Хотелось бы отметить, что в действующем законодательстве Союза в п. 3 ч.1 ст. 70 Таможенного кодекса таможенного союза, так и в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, который вступает в силу с 01.07.2017 г. [4], НДС относится к таможенным платежам, взимаемым при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза.

Разбросанность и неоднородность понятий на уровне Союза вызывают затруднения. Если Российская Федерация передала часть своих полномочий ЕАЭС, а именно в сфере косвенного налогообложения, то и, следовательно, в праве Союза должны быть отражены понятия «налог», «косвенный налог», «налог на добавленную стоимость». Так, «налог» в ст. 8 Налогового кодекса РФ понимается как обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований [3].

Статья 13 Налогового кодекса РФ относит НДС к федеральным налогам, которые являются надбавкой к цене товара, взимаемой на всех стадиях производства и реализации товаров (работ, услуг). Таким образом, реально НДС обеспечивается нормами национального законодательства государств — членов ЕАЭС и положениями, подтвержденными между ними в рамках Договора о ЕАЭС.

В законодательствах государств — членов ЕАЭС регламентация взимания налога на добавленную стоимость осуществляется правовыми нормами, закрепленными в налоговых кодексах и иных специальных налоговых актах, а также таможенных актах, с учетом системных связей этих норм с положениями иных отраслей национального законодательства, в том числе конституционного и гражданского.

Договором о ЕАЭС предусматривается, что стороны применяют единую систему взимания косвенных налогов в торговле с третьими странами. Ставки косвенных налогов на экспортируемые и импортируемые товары не превышают аналогичные ставки, которыми облагаются товары национального производства, тем самым возникают различия в ставках косвенных налогов, а именно НДС в государствах, подписавших договор. Однако данное правило касается таможенной пошлины и таможенных сборов. В отношении именно косвенных налогов действует правило их уплаты в стране назначения, а обязанности по администрированию НДС и акцизов возлагаются на налоговые органы.

Возникает вопрос, относить ли НДС к таможенным платежам или к видам косвенного налога, предусмотренного нормативными актами национального уровня. Правомерность взимания НДС при перемещении товаров через государственную границу РФ обуславливает их «таможенную» сущность как факт перемещения не через таможенную, а государственную границу и их администрирование со стороны налоговых органов. В определенной степени мы можем утверждать, что рассматривать НДС как таможенный платеж применимо лишь к экспорту или импорту, но не привязывая к таможенным процедурам, а признавая факт уплаты НДС в случае перемещения товаров через границу.

Наиболее правильной представляется позиция, согласно которой НДС может включаться в систему таможенных платежей, если рассматривать таможенные платежи как факт перемещения товаров через таможенную или государственную границу. Приведенное выше характеризует специфику налога на добавленную стоимость.

В связи с этим гармонизация законодательства о налоге на добавленную стоимость в странах ЕАЭС является важной и актуальной задачей. Ее решение направило на реализацию заявленный в договоре принцип сво-

бодного движения товаров на территории Евразийского экономического союза, обеспечивая беспрепятственное осуществление трансграничной торговли, исключение недобросовестной межстрановой налоговой конкуренции с целью обеспечения равных налоговых обязательств хозяйствующих субъектов государств-членов и минимизировать риск двойного налогообложения в области НДС.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Подписан в г. Астане 29.05.2014] (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2017).
2. Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 08.05.2015 г.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17) (утрачивает силу с 01.07.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.06.2017).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2017).
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.06.2017).

Институт ответственности за совершение налоговых правонарушений в России, Китае и США: сравнительно-правовой анализ

© *Ж. Б. Дондупова*

*студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
dondupova97@mail.ru*

Юридическая ответственность занимает одно из центральных мест в правовой науке, разновидностью которой является налоговая ответственность. Следует отметить, что однозначное понимание ответственности за совершение налоговых правонарушений до сих пор не существует.

В налоговом праве России налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное деяние налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ установлена ответственность (ст. 106 Налоговый кодекс — далее НК РФ). Кроме ответственности, установленной в НК РФ, за совершение определенных видов правонарушений в сфере налогов и сборов предусмотрена административная и уголовная ответственность. Мера ответственности выражается в форме денежных взысканий (штрафов) в определенном законодательством размере. Анализ налоговых санкций в НК РФ позволяет разделить штрафы на два вида: в твердой сумме и в процентах. Как правило, последние свойственны материальным составам правонарушений, а штрафы в твердой сумме — формальным.

Применительно к институту налоговой ответственности НК РФ устанавливает три вида сроков: срок давности привлечения к налоговой ответственности (ст. 113), срок давности взыскания штрафов (ст. 115) и срок, в течение которого лицо считается подвергнутым налоговой санкции, срок наказания за налоговое правонарушение (п. 3 ст. 112).

Срок давности привлечения к налоговой ответственности — это срок, по истечении которого лицо, совершившее налоговое правонарушение, не может быть привлечено к налоговой ответственности.

Срок давности взыскания штрафов — это срок, в течение которого налоговые органы могут обратиться в суд с заявлением о взыскании начисленного, но не уплаченного штрафа.

Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым налоговой санкции, можно считать аналогом срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, в административном праве, предусмотренном ст. 4.6 КоАП РФ.

В материковом Китае основные положения об административной ответственности за налоговые правонарушения закреплены в Законе КНР от 4 сентября 1992 г. «Об управлении взиманием налогов» (в ред. от 28 апреля 2001 г.) (далее — Закон об управлении взиманием налогов) и Инструкции от 15 октября 2002 г. «О применении Закона КНР «Об управлении взиманием налогов»» (далее — Инструкция). Кроме того, следует руководствоваться Законом КНР от 17 марта 1996 г. «Об административном наказании» (далее — Закон об административном наказании), который содержит ряд основополагающих предписаний.

В Законе об управлении взиманием налогов и Инструкции условно выделить общие положения об административной ответственности. К их числу относится, например, норма ст. 75 Закона об управлении взиманием налогов, устанавливающая обязанность налоговых и юридических (правоохранительных) органов вернуть конфискованный доход в государственное казначейство. В Инструкции общие положения об административной ответственности закреплены в ст. 39, 65 и 99. Так, ст. 39 предусматривает обязанность налоговых органов перечислять в государственное казначейство суммы налогов, неустоек и штрафов в соответствии с бюджетными статьями и уровнями бюджетов, установленными государством. Кроме того, налоговые органы не

должны занимать, присваивать, удерживать и перечислять денежные средства на иные счета. В соответствии со ст. 65 для сбора сумм налогов, неустоек и штрафов налоговые органы могут арестовать, опечатать или выставить на аукцион для продажи неделимое имущество налогоплательщика, налогового агента или лица, обеспечивающего уплату налога. Такие меры применяются, если другого имущества недостаточно для принудительного исполнения обязательств. Статья 99 закрепляет обязанность налоговых органов выписывать налогоплательщику, налоговому агенту и другим лицам свидетельства при наложении штрафов или конфискации имущества.

Чаще всего в качестве административного наказания в Законе об управлении взиманием налогов упоминается штраф. Такая санкция может налагаться в пределах сумм:

- 1) закрепленных в определенной статье (ст. 60–62, 64, 70, 71 и 73 Закона об управлении взиманием налогов);
- 2) выраженных в процентах (ст. 63–65, 68 и 69 Закона об управлении взиманием налогов);
- 3) рассчитываемых в кратном выражении (ст. 64 Закона об управлении взиманием налогов, ст. 98 Инструкции).

Как видно из этого перечисления, в одной статье может быть предусмотрен комбинированный метод начисления штрафов. Примером является упомянутая ст. 64. Максимальная сумма штрафа, закрепленная в ст. 73 Закона об управлении взиманием налогов, составляет 500 000 юаней. Минимальная сумма штрафа, выраженная в процентах, устанавливается, как правило, в размере 50% суммы неуплаченного налога. В кратном выражении ограничена числом пять. В ст. 69 Закона об управлении взиманием налогов и ст. 98 Инструкции установлена трехкратная величина штрафа.

Применение специфических наказаний в материковом Китае

Несмотря на различное отношение к повторному наложению штрафов, в налоговом законодательстве материкового Китая также можно встретить указания на специфические наказания. Так, в нарушение установлений Закона об управлении взиманием налогов при совершении незаконных действий налогоплательщиками, занимающимися производством и хозяйствованием, либо налоговыми агентами налоговые органы могут изъять их счета или приостановить продажу счетов. В материковом Китае применяются специальные счета по налогу на добавленную стоимость.

В налоговом законодательстве материкового Китая в меньшей степени регламентированы вопросы административной ответственности банков и финансовых организаций, а также представителей налогоплательщиков.

Федеративное устройство США обусловило возможность установления ответственности за налоговые деликты не только на федеральном уровне, как, например, в Российской Федерации, но также и на региональном уровне — в штатах.

На федеральном уровне ответственность за налоговые деликты установлена в отношении налогов и сборов, взимаемых на территории всей страны в бюджет США. Ее регулирование осуществляется не Уголовным кодексом, как в большинстве стран мира, а специальным законодательством, регулирующим установление, взимание налогов и сборов. Речь идет о Кодексе внутренних доходов, последняя редакция которого утверждена в 1986 г. Данный акт вошел в состав кодифицированного акта — Свода законов США (U.S. Code) в качестве разд. 26 «Internal Revenue Code» («Кодекс внутренних доходов») (далее — налоговое законодательство).

На уровне штатов США ответственность за налоговые деликты установлена в отношении налогов и сборов, взимаемых в пользу штатов.

Во-вторых, несмотря на наличие специальных правил регулирования ответственности за налоговые деликты в налоговом законодательстве, неправильно было бы утверждать о существовании налоговой ответственности, поскольку за нарушение налогового законодательства в США предусматривается как гражданско-правовая, так и административно-правовая, и уголовная ответственность, а выбор между ними регулируется довольно сложными правилами и процедурными установлениями.

В-третьих, в США сохраняется традиционное для англосаксонской системы права разграничение преступных деяний на фелонии (*felony* — тяжкие) и мисдиминоры (*misdemeanor* — менее тяжкие).

Вопрос о налоговых преступлениях и проступках по законодательству США регулируется гл. 75 разд. 26 Свода законов США, которая носит название «Crimes, other offenses, and forfeitures» — «Преступления, проступки и имущественные наказания». Данная глава состоит из трех подразделов, соответственно о налоговых преступлениях, о налоговых проступках и об имущественных наказаниях.

Как следует из названия и структуры данной главы, понятие «налоговые деликты» в США охватывает собой как налоговые преступления, так и налоговые проступки.

Подраздел о налоговых преступлениях состоит из двух частей. В части первой «Общие положения» содержится 18 статей (7201–7217). В части второй «Наказания за нарушение законодательства об уплате отдельных налогов» содержатся две действующие в настоящее время статьи (7231 и 7232).

Фелонии — тяжкие преступления. Диспозиция ст. 7201 «Attempt to evade or defeat tax» / «Неуплата или неполная уплата налога» содержит следующее правило: любое лицо, которое умышленно уклоняется от уплаты налога, установленного в данном разделе, считается виновным в совершении тяжкого преступления (фелонии) и подлежит ответственности по приговору суда в виде штрафа в размере: для физических лиц — не более 100 тыс. долларов США, для юридических лиц — не более 500 тыс. долларов США или лишения свободы на срок до 5 лет либо и штрафа, и лишения свободы с компенсацией расходов на преследование лица.

При этом следует отметить, что в различных источниках часто встречается разный перевод как названия, так и диспозиции статьи. В одних случаях авторы исходят из буквального перевода на русский язык — «Попытка уклониться или избавиться от уплаты налога». Вместе с тем такое толкование при переводе на русский язык не придает специального оттенка смыслу налоговой нормы. Если автор желал подчеркнуть, что наказуемо

не только само совершенное действие, но и покушение на него, то в таком случае большое значение имеет момент уплаты налога, а значит, необходимо показать, с какого момента по американскому законодательству налог считается уплаченным и что означает покушение на неуплату налога.

На наш взгляд, понятие «неуплата налога» при переводе на русский язык охватывает все варианты преступного поведения, в том числе если речь идет о покушении на совершение преступного действия.

В соответствии с разъяснениями государственных органов, основанными на американской судебной практике, диспозиция рассматриваемой статьи охватывает следующие виды преступного поведения: 1) уклонение от определения действительного размера налога (evasion of assessment); 2) неуплата налога (evasion of payment).

Элементами первого правонарушения — уклонения от определения действительного размера налога — являются: 1) объективная сторона — попытка уклониться от уплаты налога или покушение; 2) последствие — доначисление причитающейся суммы налога; 3) умышленная форма вины.

Раскрывая сущность покушения на неуплату налога, американская судебная практика дает следующее разъяснение: «The taxpayer must undertake some action, that is, engage in an affirmative act for the purpose of attempting to evade or defeat the assessment of a tax. This element requires more than passive neglect of a statutory duty. A mere act of willful omission does not satisfy the affirmative act requirement of I.R.C». Налогоплательщик должен совершить некоторое активное действие, которое свидетельствует именно о совершении действия в целях уклонения от определения размера налога. Данный элемент требует большего, чем просто пассивное невыполнение установленной обязанности. Сам факт умышленного бездействия не удовлетворяет требованию о совершении активного действия.

В качестве покушения на преступление по уклонению от определения действительной суммы налога в разъяснениях приводятся такие примеры, как включение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, сокрытие банковских счетов, владение имуществом подставными лицами, предоставление денежной премии в качестве дара. В качестве примеров налогооблагаемых доходов, прямо не названных в Кодексе, приводятся азартные игры, взносы юридического лица, используемые в личных целях, кредиты, получаемые без цели возращения, взятка.

Квалифицируя наличие следствия совершения преступления — доначисление причитающейся суммы налога, финансовое ведомство США (Internal Revenue Service — Служба внутренних доходов) разъясняет: «The government must demonstrate the existence of a tax due and owing, i.e., a tax deficiency, to prove tax evasion». Правительство должно показать наличие задолженности по налогу, следствием которой является недостаток налога в бюджете, и доказать уклонение от уплаты налога.

Под умыслом понимается «voluntary, intentional violation of a known legal duty» — добровольное и намеренное нарушение известной законом установленной обязанности. При этом «a defendant's good faith belief that he is not violating the tax laws, no matter how objectively unreasonable that belief may be, is a defense in a tax prosecution» — добросовестное заблуждение обвиняемого в том, что он не нарушает налоговое законодательство, вне зависимости от причины такого заблуждения является обстоятельством, исключающим привлечение к ответственности.

Состав второго правонарушения по данной статье — уклонения от уплаты налога — включает в себя следующие элементы: 1) уклонение от уплаты налога; 2) наличие обязанности уплатить налог, установленной законом; 3) умышленная форма вины.

Под уклонением от уплаты налога понимаются «affirmative acts of evasion of payment almost always involve some form of concealment of money or assets with which the tax could be paid or the removal of assets from the reach of the I.R.S.». Активное действие почти всегда включает некоторую форму сокрытия денежных средств или активов, с которых мог быть уплачен налог.

В ст. 7275 «Нарушение правил налогообложения в сфере обращения авиабилетов и рекламы» установлена ответственность за отсутствие в билете воздушной перевозки информации о количестве налогов, уплаченных за каждый предмет, подлежащий налогообложению. Правонарушение, совершенное по данной статье, влечет штраф в размере до 100 тыс. долларов США.

Подраздел о налоговых проступках содержит ряд действующих статей о проступках (7261, 7262, 7268 — 7273).

Статья 7261 касается акциза на розничную торговлю, а именно лицо подлежит ответственности в случае невключения в цену товара суммы налога. К нему применяется штраф в размере до 1 тыс. долларов США.

Статьей 7262 установлена ответственность за неисполнение обязанности по уплате налога на профессиональную деятельность, установленной в ст. 4411 (игорный бизнес). За неуплату такого налога в случае возникновения объекта налогообложения предусмотрена ответственность в виде суммы налога, подлежащей уплате, а также штрафа в размере от 1 тыс. до 5 тыс. долларов США.

Согласно ст. 7268 мерами ответственности к лицу, которое владеет или пользуется налогооблагаемым в силу закона объектом (имуществом) с целью его последующей продажи в обход установленных правил или с целью уклониться от уплаты налогов, являются штраф в размере 500 долларов США или не менее чем двойной размер неуплаченной суммы налогов.

Статья 7270 «Страховые полисы» устанавливает ответственность за неуплату сбора на оформление (получение) страхового полиса от зарубежных страховщиков в виде штрафа в размере двойной суммы налога.

Статья 7271 «Штрафы за правонарушения, связанные с оборотом марок» устанавливает ответственность за такие виды противоправного поведения, как отказ прикрепить или открепить акцизную марку без уважитель-

ной причины, утилизация и получение штампованных пакетов, содержание которых не соответствует информации, представленной на марке, в виде штрафа в размере 50 долларов США за каждое правонарушение.

Понятие «налоговые деликты (правонарушения)» охватывает собой преступления (crimes) и проступки (other offences). Основанием для классификации налоговых деликтов на преступления и проступки является тяжесть содеянного и соответственно применяемые санкции.

Для налоговых преступлений характерно наказание в зависимости от усмотрения суда в виде штрафа в диапазоне от 100 до 500 долларов США, лишение свободы на срок от 1 года до 5 лет для отдельных преступлений, освобождение от должности или комбинированное наказание в виде штрафа вместе с лишением свободы, а также с возмещением затрат на преследование лица.

За налоговые проступки предусмотрены следующие виды наказаний: двойной и трехкратный размер неуплаченной суммы налога, штраф в размере от 50 до 5 тыс. долларов США либо и штраф, и возмещение неуплаченной суммы налога.

Таким образом, рассмотрев три разные правовые семьи, можно прийти к выводу, что на мировом уровне отсутствует единый подход к понятию налогового правонарушения.

В США, в отличие от России, установлена ответственность за налоговые деликты не только на федеральном уровне, как, например, в России, но также и на региональном уровне — в штатах. В Китае же ответственность установлена на всей территории, за исключением Гонконга, Макао и о. Тайвань.

Литература

1. Налоговый кодекс.
2. Кодекс об административном правонарушении.
3. Об управлении взиманием налогов: закон КНР от 4 сентября 1992 г.
4. О применении Закона КНР «Об управлении взиманием налогов: инструкции от 15 октября 2002 г.
5. Об административном наказании: закон КНР от 17 марта 1996 г.
6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-sovershenie-nalogovyh-pravonarusheniy-i-ee-mesto-v-sisteme-yuridicheskoy-otvetstvennosti>

Эффективная налоговая система как фактор успешного экономического развития государства: сравнительный анализ налоговых систем России и Сингапура

© *Д. А. Доржиева*

студентка 3-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ

dorzhieva97@list.ru

Налоговая система Российской Федерации сформировалась сравнительно недавно, в начале 1990-х гг. В настоящее время можно выделить такие проблемы налоговой системы России, как нестабильность налоговой политики; высокий уровень налогового бремени; недостаточное стимулирование реального сектора экономики [1, с. 64].

Решение проблемы стимулирующего влияния системы налогообложения на экономическую деятельность предприятий, развитие производства и экономическое развитие страны в целом являются одной из первоочередных задач государства [2]. Для решения этой задачи может быть полезен опыт зарубежных стран. В статье рассмотрен опыт Сингапура в сфере налогообложения. За очень короткий промежуток времени эта страна, лишенная природных ресурсов, сделала огромный скачок в экономическом развитии. Сегодня Сингапур — высоко развитый город-государство с низким налогообложением.

Сингапур называют экономическим чудом Азии. Это бывшая колония Великобритании. В 1965 г. Сингапур получил независимость и приобрел статус суверенной республики и с этого момента начался ускоренное развитие государства. Во многом это заслуга премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, который проводил политику, направленную на обеспечение стабильности и продуктивности экономики. Так, в 1960-х гг. действовали налоговые меры стимулирования трудоемких отраслей. В 1970-х гг. проводилась политика налоговых льгот и освобождения от налогов сектора услуг. В конце 1980–1990-х гг. происходило снижение налогов на прибыль юристов и доходы физических лиц. Современный этап характеризуется привлечением иностранных специалистов и инвестиций в новые сферы, наукоемкие отрасли, сферу услуг.

Историческое развитие показывает, что приоритетами налоговой политики Сингапура на протяжении последних 50 лет является снижение налоговой нагрузки, стабильность и долгосрочный характер налоговых льгот [3, с. 6]. Это характеризует налоговую систему этой страны как устойчивую и гибкую.

Можно выделить некоторые аспекты налоговой системы Сингапура, изучение которых было бы весьма примечательно для России с практической точки зрения. Налог на доходы физических лиц в Сингапуре уплачи-

вают налоговые резиденты по прогрессивной шкале в зависимости от суммы дохода. Ставка налога при этом составляет от 0 до 20%.

Налоговыми нерезидентами в Сингапуре считаются иностранцы, прожившие или работавшие в Сингапуре менее 183 дней в году, директора местных компаний, не имеющие рабочей визы. Ставка налога для нерезидентов является фиксированной и составляет 15% [4].

В Сингапуре действует территориальный принцип налогообложения. Местные и иностранные компании, ведущие бизнес в Сингапуре, платят налоги на прибыль. Ставка налога на доход компании единая для местных и иностранных компаний и составляет 17%.

Сингапур применяет одноуровневую систему корпоративного налога, то есть налог, уплаченный компанией с прибыли, не вменяется акционерам (дивиденды не облагаются налогом).

Юридические лица также подразделяются на резидентов и нерезидентов. Компания признается налоговым резидентом в Сингапуре, если контроль и управление компанией осуществляются в Сингапуре. Компании — налоговые резиденты — могут пользоваться определенными налоговыми преимуществами.

Наибольший интерес для России представляет опыт Сингапура в налоговом стимулировании бизнеса, а именно малого и среднего предпринимательства. Развитый средний и малый бизнес — основа здоровой экономики любой страны. Одной из причин успеха Сингапура на международной экономической арене является тот факт, что развитие предпринимательства находится в числе главных приоритетов налоговой политики.

Для новых компаний, начинающих свой бизнес в Сингапуре, существует налоговая схема налогового освобождения для нового бизнеса. Данная схема доступна для всех компаний, отвечающих необходимым критериям, в течение первых 3-х последовательных лет, начиная с момента открытия компании [5].

Компании могут пользоваться схемой частичного освобождения от налогообложения на часть своего налогооблагаемого дохода, налоговыми уступками, налоговыми вычетами на доходы, полученные из-за рубежа, имеют возможность использования многочисленных грантов государственной поддержки.

Отдельное внимание заслуживают налоговые льготы для коммерческих предприятий:

1. Льгота развития и расширения призывает сингапурские компании перейти к видам деятельности с высокой добавленной стоимостью, расширить свои операции в стране и закупать передовую технику и оборудование, предлагая пониженный налог в пределах 5–10% дополнительных доходов, полученных от соответствующей деятельности.

2. Налоговая льгота на инвестирование капитала. Целевые проекты могут иметь право на налоговую льготу на инвестирование капитала в 100% от суммы утвержденных капитальных затрат, за вычетом субсидий.

3. Льготная программа «Пионер». Компании из секторов производства или услуг, которые заняты деятельностью, которая повышает общие отраслевые стандарты, имеют право на полное освобождение от корпоративного налога на целевую прибыль на срок до 15 лет.

4. Программа кредитования производительности и инноваций. Предприятия могут пользоваться вычетами до 400% или надбавками на сумму расходов до 400 000 \$, понесенных в каждой из следующих целевых инновационных видов деятельности. Целевые виды деятельности включают в себя: исследования и развитие; регистрацию интеллектуальной собственности; приобретение интеллектуальной собственности; проектные работы, автоматизацию с помощью технологий или программного обеспечения; обучение сотрудников [6].

Можно сказать, что правительство Сингапура успешно и эффективно использует стимулирующую функцию налогов для развития экономики.

В России также предпринимаются меры для поддержки малого и среднего предпринимательства. В российской системе налогообложения можно выделить следующие виды налоговых льгот: изъятия, скидки, освобождения. Среди методов налогового стимулирования можно выделить ряд основных:

1. Налоговые каникулы.
2. Перенос убытков на будущее.
3. Ускоренная амортизация.
4. Инвестиционный налоговый кредит.
5. Специальные налоговые режимы.

Несмотря на предпринимаемые государством меры налогового стимулирования, они все еще нуждаются в пересмотре и корректировке. Современное развитие экономики России показывает недостаточную эффективность существующих методов налогового стимулирования. Так, доля малого и среднего предпринимательства, по данным на 2015 г., составила 20% ВВП, что является сравнительно низким показателем по мировым оценкам [7].

Эффективная налоговая система — это одно из важных условий успешного экономического развития государства. В Республике Сингапур создана такая система. Ее основные преимущества — это стабильная и гибкая налоговая политика; прогрессивная ставка налога на доходы физических лиц; конкурентные и привлекательные ставки налогообложения для юридических и физических лиц; многочисленные налоговые льготы и стимулы, в особенности для малого и среднего предпринимательства.

Налогообложение в каждой стране изначально имеет различные подходы и функции, свои характерные особенности, обусловленные множеством факторов.

Опыт Сингапура уникален. Но он интересен для российских условий в части:

- 1) установления прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц. Введение прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц оказало бы положительное влияние на налоговые поступления в бюджет,

учитывая, что налог на доходы физических лиц занимает одно из ведущих мест в структуре налоговых поступлений;

2) создания идеи стратегии развития, основанной на учете уникальных особенностей, сильных и слабых сторон экономики. Так, Сингапур не имеет природных ресурсов, но он грамотно использовал свое географическое положение для развития экономики. Важен и взвешенный подход в рамках применения зарубежного опыта, то, что хорошо работает за рубежом, не всегда применимо у нас в стране;

3) применения системы государственного и финансового управления — обеспечения координации всех инструментов экономической, инвестиционной, налоговой, денежно-кредитной и валютной политики, поддержки инфраструктурных проектов и ключевых отраслей;

4) внедрения системы сильных и эффективных налоговых стимулов и льгот. Важна планомерная и последовательная политика в налоговом стимулировании, что позволило бы стабильно развиваться российской экономике. Ключевое внимание необходимо уделять развитию малого и среднего бизнеса.

Литература

1. Шкурко К. С. Проблемы налоговой системы и пути ее совершенствования // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4. С. 64.

2. Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/sujet/5783/> (дата обращения: 29.04.2017)

3. Бахтараева К. Б. Сингапур: роль финансовой системы в «экономическом чуде» // Финансы и кредит. 2015. № 39(663). С. 6.

4. Важные факты о налогах Сингапура, которые необходимо знать перед открытием бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.start-business-in-singapore.com/blog/fakty-o-nalogax-singapura.html> (дата обращения: 30.04.2017).

5. Налогообложение юридических лиц в Сингапуре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsbu.org/biznes-v-singapore/180-nalogooblozhenie-yuridicheskikh-lic-v-singapore.html> (дата обращения: 30.04.2017).

6. Основные налоговые льготы в Сингапуре [Электронный ресурс]. URL: <http://rsbu.org/stati/347-osobyenalogovye-lgoty-v-singapore.html> (дата обращения: 01.05.2017).

7. Александр Калинин. Мало и медленно // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/04/14/dola.html> (дата обращения: 01.05.2017).

Налогообложение малого и среднего предпринимательства Китая и России

© А. А. Доржиева

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
adisa-dorzhieva@mail.ru*

© Г. Б. Яндаков

*студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
yandakov.che@gmail.com*

Обложение налогами является основной составляющей государственного бюджета. От ведения налоговой политики государства зависит непосредственно развитие и формирование налоговой политики страны в целом. Россию и Китай непосредственно связывают экономические и политические отношения. Одним из основных связывающих звеньев выступает предпринимательская деятельность, как в России, так и в Китае предусматривает за собой обязательство уплачивать налоги.

В каждой стране предусматриваются меры поддержки в виде уменьшения налоговой базы для субъектов малого и среднего предпринимательства, это различного рода налоговые вычеты и льготы за занятие определенным видом предпринимательства. Китай, как и Россия, активно содействуют развитию малого бизнеса. Исходя из широкого круга возможностей совершенствуются программы специальных налоговых льгот, что обеспечивает благоприятную среду предпринимательской деятельности [4].

Современное производство невозможно представить без малого бизнеса. Именно малый бизнес дает возможность эффективного использования местных ресурсов и отходов более масштабных предприятий. Также это приводит к появлению новых рабочих мест, осуществляет перераспределение затрат производства за короткий инвестиционный цикл, является фундаментальным источником денежных средств в государственные внебюджетные фонды и бюджеты на разных уровнях. Благодаря малому бизнесу создается прочный средний класс, который является одним из важнейших элементов политической стабильности.

В силу Закона КНР «О стимулировании развития малых и средних предприятий» статьей 12 определено, что государство создает *специальный фонд поддержки малых предприятий*. Этот фонд формируется за счет: 1) средств бюджета, целенаправленно выделяемых для поддержки малых предприятий; 2) доходов фонда; 3) по-

жертвований и дарений; 4) прочих финансовых поступлений. Государство участвует в увеличении средств этого фонда путем регулирования налоговой системы в отношении малых предприятий [2]. Как справедливо отмечает И. А. Ляшевич, в секторе малого бизнеса создается и циркулирует основная масса национальных ресурсов, которые служат питательной средой для крупного и среднего бизнеса [7].

Распорядителем средств фонда является Департамент малых и средних предприятий Государственного комитета по развитию и реформе. Активы фонда ежегодно увеличивались за счет вливаний из бюджета в среднем на 10–15%.

Налоговым режимом КНР предусмотрены льготы для субъектов малого и среднего предпринимательства при уплате следующих налогов: подоходного налога с предприятий, налога на добавленную стоимость (НДС), налога на хозяйственную деятельность, налога с продаж.

Подоходный налог уплачивается предприятиями и другими организациями, не включая индивидуальные частные предприятия и товарищества. Закон КНР «О налоге на доходы предприятий» выделяет две категории налогоплательщиков, данный налог должны платить: 1) все иностранные организации, осуществляющие свою деятельность на территории КНР; 2) получающие соответственно прибыль с этой деятельности [3]. Налог на прибыль предприятия выплачивается раз в год. Ставка налога зависит от того, где зарегистрирована организация, если она зарегистрирована в Китае, то ставка составляет 30%. Если же организация зарегистрирована не на территории Китайской Народной Республики, но осуществляет свою предпринимательскую деятельность там, то ставка сокращается до 20%.

Налог на добавленную стоимость. При начислении НДС базовая ставка составляет 17%, малые предприятия уплачивают его в размере 10,4%.

При уплате налога на хозяйственную деятельность малое предприятие может быть освобождено от уплаты налога сроком до трех лет, если при его создании был использован кредит, а одной из сторон, предоставившей гарантию при разделе рисков, выступил государственный орган (центральный или местный). Базовая ставка налога на хозяйственную деятельность для малых и средних предприятий составляет:

- 1) в сфере транспорта, строительства, связи, физкультуры и спорта — 3%;
- 2) в сфере дилерских услуг, туризма, лизинга, рекламы, бытовых услуг, а также реализации недвижимого имущества (зданий и построек) — 5%;
- 3) в сфере страхования и кредитно-финансовой деятельности — 8%;
- 4) в индустрии развлечений — 20%.

В отношении малых предприятий в КНР не применяется упрощенная система ведения бухгалтерской или налоговой отчетности.

Малые предприятия уплачивают налог с продаж (акцизный) в размере 1%. Налог с продаж в КНР в размере от 5 до 30% взимается с 11 видов продукции (табачные изделия, алкоголь, косметика, средства защиты кожи, драгоценности, взрывчатые вещества, бензин, автомобильные шины, мопеды, малолитражные автомобили).

В свою очередь, правовой основой дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в России с 1 января 2008 г. стал федеральный закон от 24 июля 2007 г. (ред. от 03.07.2016) № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Как уже упоминалось выше, в силу Закона КНР создан специальный фонд поддержки малых предприятий, в России подобные функции выполняет Корпорация развития малого и среднего предпринимательства, основными целями деятельности являются:

- 1) оказание поддержки субъектам МСП и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов МСП;
- 2) привлечение денежных средств российских, иностранных и международных организаций для целей поддержки субъектов МСП;
- 3) организация информационного, финансового и юридического сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых субъектами МСП;
- 4) обеспечение информационного взаимодействия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями в целях оказания поддержки субъектам МСП;
- 5) подготовка предложений о совершенствовании мер поддержки субъектов МСП, в том числе предложений о совершенствовании нормативно-правового регулирования в этой сфере.

Также ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства» предполагает массивную инфраструктуру поддержки субъектов и включает в себя также центры и агентства по развитию предпринимательства, государственные и муниципальные фонды поддержки предпринимательства, фонды содействия кредитованию, лизинговые компании, консультационные центры и т. д.

Данная инфраструктура осуществляет свою деятельность за счет средств: 1) федерального бюджета, но только государственным фондам поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности; 2) бюджетов субъектов Российской Федерации; 3) средств местных бюджетов.

Для субъектов малого и среднего предпринимательства РФ установлены четыре системы с низкими налоговыми ставками: 1) упрощенная система налогообложения (УСН); 2) система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход (ЕНВД); 3) патентная система налогообложения (ПСН); 4) единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) [2].

В 2017 г. субъекты малого и среднего предпринимательства для каждой из предпочтительных систем специального налогового режима обязаны соблюдать лимиты годовой выручки, а также ограничения в численности работников:

1. УСН — лимит годовой выручки в 2017 г. не более 150 млн р., численность работников не более 100 человек. Упрощенную систему налогообложения можно применять по одному из двух вариантов на выбор: налог с «доходов» — 6%; налог с «доходов минус расходы» — 15% в зависимости от региона. Не учитывается НДС при исчислении налогов к уплате, а также не учитывается в расходах при исчислении налогов.

2. ЕНВД — лимит годовой выручки не установлен, но количество работников тоже не должно превышать 100 человек, налоговая ставка при ЕНВД — 15%. Налог рассчитывается по коэффициенту-дефлятору, который меняется каждый год, отчетность сдается ежеквартально. Сниженная налоговая ставка в субъектах РФ с 15 до 7,5% на свое усмотрение.

Единый налог на вмененный доход рассчитывается по коэффициентам-дефляторам К1 и К2. Коэффициент К1 составляет 1,798 и является общим для всей Российской Федерации. Коэффициент К2 регионы вправе уста-навливать на свое усмотрение. Форма декларации ЕНВД связана с возможностью снижения налоговой ставки 15%.

3. ПСН — в этом режиме могут работать только индивидуальные предприниматели, разрешенное количество работников, всего 15 человек, причем по определенным (ст. 346.43 НК РФ) видам деятельности ИП в совокупности. Лимит годовых доходов для предпринимателя на патенте — 60 млн рублей. Коэффициент-дефлятор, применяемый для расчета налогов на ПСН, составляет 1,329 (в 2015 г. коэффициент был 1,147). На-логовые каникулы сроком до двух лет, для тех, кто впервые регистрируется в качестве ИП и желает осуществ-лять предпринимательскую деятельность по патентной системе налогообложения, или для ИП, которые решили перейти на данный режим, государство предоставило возможность уйти на налоговые каникулы сроком до двух лет.

4. ЕСХН — лимит годовой выручки не установлен, однако доля дохода от реализации сельскохозяйствен-ной продукции должна составлять не менее 70% всего дохода. Количество работников имеет ограничение (не более 300 человек) только для ИП и рыбохозяйственных организаций и индивидуальных предпринимателей. Для сельскохозяйственных организаций такого ограничения нет. Ставка ЕСХН составляет 6% доходов минус расходы. Налог уплачивается дважды в год, а отчетность ведется по более упрощенной схеме и сдается один раз в год по окончании налогового периода.

Одним из условий возможности применения ЕСХН является то, что доход от сельскохозяйственной дея-тельности должен составлять не менее 70% общих доходов.

Важнейшим преимуществом налоговых льгот для малых предприятий является то, что они напрямую сни-жают сумму налогов, которые субъект должен перевести в бюджет. А также это обстоятельство значительно упрощает ведение налогового учета и сдачу налоговых отчетов.

Таким образом, можно сказать, что уровень развития малого предпринимательства в России ниже, чем в КНР. Процесс формирования предпринимательства сдерживается на основе:

1. Общеэкономической ситуации, так как малое предпринимательство является неотъемлемой составляю-щей экономики. Кризис, введение в 2014 г. санкций оттянули развитие малого предпринимательства на много лет назад, тем самым оставив большое количество «заброшенных» задач в сфере предпринимательства в целом. Тогда как в Китае начиная с 2003 г. мы прослеживаем поступательный рост экономического развития страны, это было связано с усовершенствованием китайской экономики в целом, путем совершенствования программ, направленных на социально-экономическое развитие.

2. Несовершенство нормативной базы также тормозит развитие малого бизнеса, лишает надежной правовой защиты, повышает риск создания новых микропредприятий. Поэтому КНР обратилось к важному направлению на всех уровнях и ветвях власти, чтобы улучшить нормативно-правовую и законодательную власти, что в по-следующем послужило стабилизацией правового поля. Результатом данного фактора стала сбалансированность и фундаментальность в отраслевом разрезе, а также малая зависимость воздействия внешних факторов.

3. Специальные налоговые режимы хоть и уменьшили сложную систему отчетности, а также налоговое бремя, но на малую долю. В РФ существует около 40 видов налогов, а налоговое бремя оценивается в 40–60% ВВП. Тогда как в Китае в зонах экономического роста налоги ниже среднероссийских в 5 раз.

Подводя итог анализа особенностей развития малого предпринимательства России и Китая, следует ука-зать, что высокий уровень развития данной области экономики показывает социально-экономическое здоровье общества, благоприятную среду предпринимательской деятельности как в отдельных регионах, так и в стране в целом. Опыт Китая подтверждает, что чем больше людей занято малым предпринимательством, тем устойчи-вее экономика, надежнее социально-политические устои, повышение потенциала общества соответственно улучшает процессы развития разных областей деятельности.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. №117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. №32. Ст. 3340.

2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. (ред. от 3.07.2016 г.) № 209-ФЗ // СЗ РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006.

3. О налоге на прибыль предприятий: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/enterprise-tax> (дата обращения: 25.04.2017).

4. О стимулировании развития малых и средних предприятий: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/China_law_malyi_biznes.pdf (дата обращения: 24.04.2017).

5. Баженов П. Налогообложение в КНР сейчас находится в процессе реформы [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalogist.ru/book/articles/intervyu/pavel-bazhanov-nalogooblozhenie-v-knr-seychas-nahoditsya-v-processe-reformy> (дата обращения: 24.04.2017).
6. Зверева Н. А. Налогообложение малого бизнеса // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: материалы XXVI Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(26) [Электронный ресурс]. URL: [http://sibac.info/archive/economy/11\(26\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/11(26).pdf) (дата обращения: 24.04.2017).
7. Ляшевич И. А. Правовые проблемы регулирования малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 62.

Сравнительно-правовой анализ систем налогообложения офшорных зон Гонконга и Макао

© **В. В. Дымбрылова**

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
Valeria20101@yandex.ru*

В современном мире существует ряд государств, частей государств, в рамках которых для компаний-нерезидентов существует особый режим регистрации, деятельности и налогообложения. Такие государства именуются офшорными зонами или налоговыми гаванями. Одними из самых крупных офшорных зон являются азиатские, в частности Гонконг и Макао, которые являются специальными административными районами Китайской Народной Республики. Оба эти государства как бывшие колонии обладают собственной системой, особенностями налогообложения. История Гонконга началась в 1842 г., когда Китай уступил Гонконг Британской империи после первой Опиумной войны. Гонконг был британской колонией до 1997 г., затем он стал специальным административным регионом Китая в рамках специального соглашения между Великобританией и Китаем [2]. Влияние Великобритании сильно сказалось на дальнейшем развитии Гонконга.

В связи с этим событием многие бизнесмены во всем мире предсказали серьезные изменения капиталистического режима в Гонконге. Однако, несмотря на фактическое изменение политического статуса, Гонконг до сих пор продолжает быть образцом капитализма и популярной юрисдикцией для регистрации безналоговых компаний; в частности, для бизнесменов, которые сотрудничают с партнерами из стран Дальнего Востока. Гонконг стал одной из самых быстрорастущих экономик в мире. На сегодняшний день Гонконг остается процветающим регионом с превосходной международной репутацией. Он является одним из четырех «азиатских тигров» наряду с Сингапуром, Тайванем и Южной Кореей.

Гонконг обладает весьма авторитетной низконалоговой юрисдикцией и не имеет аналогов для нерезидентов. Однако нужно отметить, что он не является офшором в классическом понимании данного термина. Его статус определяется как низконалоговый центр, а не как безналоговая гавань. Базовой особенностью Гонконга считается то, что в Гонконге компании могут принадлежать, управляться и эксплуатироваться только из-за рубежа, а не иметь директора-резидента, как в Макао. Здесь требуется, чтобы компании имели, по крайней мере, одно физическое лицо в качестве директора, которое будет появляться на публичных записях [2].

Компании, которые были созданы и зарегистрированы в Гонконге, подлежат налогообложению согласно местному законодательству. Но в основе налогообложения Гонконга лежит территориальный принцип, т. е. налог взимается только с дохода, получаемого от источников в Гонконге, или если его базой является факт проживания (нахождения) в Гонконге. Здесь не подлежат обложению налогом офшорные доходы, то есть доходы от источников или от деятельности вне Гонконга, даже если они переводятся сюда. В том же случае, когда гонконгские компании осуществляют свою деятельность за рубежом, налоги с их доходов не собираются. Однако данное освобождение от налогов предоставляется не автоматически, право на его получение нужно подтвердить перед налоговыми органами.

Все гонконгские компании (вне зависимости от того, ведут они бизнес в Гонконге или нет) обязаны ежегодно оплачивать сбор за регистрацию деятельности, который составляет примерно 300 американских долларов с 2014 г. В Гонконге существует 3 основных вида налогов: налог на прибыль, на заработную плату и на недвижимое имущество. Личное налогообложение в Гонконге, как правило, низкое. А наиболее популярным является налог на прибыль, который взимается по скользящей шкале от 2 до 17%. Например, для юридических лиц он составляет 16,5%, а для предпринимателей без образования юридического лица — 15% [2]. Ряд налогов здесь отсутствует, сюда относятся такие платежи, как налог на прирост капитала, налог на наследство, налог на богатство и налог с продаж. Что же касается другой рассматриваемой нами офшорной зоны, стоит сказать, что Макао, также как и Гонконг, является бывшей колонией, но не британской, а португальской. Макао управлялось Португалией с середины XVI в. до конца 1999 г., когда оно стало вторым специальным административным районом наряду с Гонконгом [3].

В 2002 г. правительство Макао приняло закон, который легализовал азартные игры, и были открыты казино. На сегодняшний день Макао — игорный центр Азии, Азиатский «Лас-Вегас». Его офшорный финансовый сектор растет, но ему еще далеко до размеров Гонконга.

Запланированные налоговые доходы от игорного бизнеса ежегодно составляют примерно 80 процентов всех планируемых налоговых доходов Макао. По результатам 2016 г. Бюро финансовых городских служб опубликовало данные, согласно которым налоговые поступления от азартных игр составили 9,11 млрд долларов США. По оценкам крупного американского банковского холдинга «Морган Стэнли», эта цифра в ближайшие годы будет расти [1].

Очевидно, что именно по этой причине Макао может себе позволить иметь ставку корпоративного налога (налога на прибыль) намного ниже, чем у своего географического соседа — Гонконга. Корпоративный налог здесь варьируется от 9 до 12%. Для налога на прибыль в 2010 г. был установлен минимум в размере 200 000 патак (24 000 долларов США), который не подлежит налогообложению [4].

Организации, плательщики налога на прибыль, подразделяются на две группы — А и В. Группа А — общества с зарегистрированным капиталом более чем один миллион патак или со средней налогооблагаемой прибылью за последовательные три года в размере 500 000 патак — облагается на основании декларированных доходов от предпринимательской деятельности. Вторая категория коммерческих организаций — группа В — общества, размер прибыли которых устанавливается Бюро по финансовым услугам (заблаговременно не сообщается, но обычно составляет от 8 до 10 процентов от оборота в соответствии с видом основной деятельности). Юридические лица с декларированной прибылью в Макао подлежат освобождению от налога на первые 200 000 патак Макао, или примерно 24 000 долларов США, а следующие 100 000 патак облагаются по ставке 9%. Для остальных же доходов налоговая ставка равна 12% [3]. Относительно налога с продаж нужно сказать, что в Макао его нет, также как и в Гонконге.

Льготный налоговый режим привлекает множество предприятий, большинством из которых являются казино, которые составляют большой процент ВВП Макао. В отличие от Гонконга, где оплачивается налог в зависимости от источника дохода, в Макао существует совсем иной подход полного освобождения от уплаты налога или налоговой ответственности. Кроме того, в Макао нет территориальной системы налогообложения, как в Гонконге. То есть облагаться налогами могут любые доходы, вне зависимости от места их получения. Однако в данном оффшорном режиме компании могут быть полностью освобождены от налогов, если они не работают в местной валюте — патака, а также если их деятельность не нацелена на жителей Макао и на другие местные учреждения [7].

Что касается личного налогообложения, несмотря на то, что в Гонконге его уровень довольно низкий, в Макао он еще ниже. Жители здесь должны платить подоходный налог на зарплату от работы по найму на учреждения и предприятия Макао. А заработная плата, выплачиваемая при удаленной работе на иностранную компанию, не облагается никакими налогами [5].

Проводя сравнительный анализ двух оффшорных зон: Гонконга и Макао, мы также видим, что каждому из них присущи отдельные налоги, которые не взимаются в другом. В частности, индустриальный налог, налог на туризм, которые существуют в Макао в силу некоторых особенностей его становления.

Помимо этого большинство современных государств, для того чтобы избежать двойного налогообложения заключает различные международные соглашения. Не являются исключением и Макао, и Гонконг. Однако необходимо отметить тот факт, что у Макао как офшора на данный момент совсем мало таких соглашений, а именно их шесть. А Гонконг в это время является более развитым на мировой арене и имеет значительно большее количество соглашений, позволяющих избежать двойного налогообложения [6].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что каждая из изученных нами оффшорных зон имеет собственную систему налогообложения, которая зависит от особенностей развития. Оффшоры на данный момент выгодны мировому капиталу и являются очень привлекательными для иностранных компаний. Несмотря на все выявленные нами различия и сходства, нельзя говорить о том, что Гонконг или Макао является лучшей оффшорной юрисдикцией, так как каждая из них имеет как свои плюсы, так и минусы. Оба этих государства — это наиболее удобные азиатские юрисдикции.

Литература

1. Macau government beats gaming tax revenue target [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ggrasia.com/macau-govt-beats-gaming-tax-revenue-target> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Offshore Jurisdiction Review: Hong Kong [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internationalman.com/articles/offshore-jurisdiction-review-hong-kong> (дата обращения: 10.05.2017).
3. Offshore Jurisdiction Review: Macau [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internationalman.com/articles/offshore-jurisdiction-review-macau> (дата обращения: 10.05.2017).
4. Why is Macau considered a tax haven? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investopedia.com/ask/answers/061416/why-macau-considered-tax-haven.asp> (дата обращения: 10.05.2017).
5. Оффшор Макао [Электронный ресурс]. URL: <https://wealthoffshore.net/offshore-offshores/will-offshore-macau-suit-you/> (дата обращения: 10.05.2017).
6. Оффшоры и международное право [Электронный ресурс]. URL: <https://gsl.org/ru/offshore/offshore-zones/compare/5528-5349/> (дата обращения: 10.05.2017).
7. Макао — «тихий» налоговый конкурент Гонконга [Электронный ресурс]. URL: http://taxpravo.ru/international/analitika/statya-120143-makao_tihiy_nalogoviy_konkurent_gonkonga-430 (дата обращения: 10.05.2017).

Противодействие коррупции на муниципальном уровне в Японии и России: сравнительный анализ

© В. С. Жеребцова

магистрант 1-го года обучения

Иркутского юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Россия, г. Иркутск

v.zherebtzova2010@yandex.ru

Такое негативное социальное явление, как коррупция, существует повсеместно, не исключение и азиатские страны. Противодействие коррупции на муниципальной службе во многих странах имеет свои особенности. Так, во многих азиатских странах, как и в России, действует законодательство, которое устанавливает запреты и ограничения для муниципальных служащих. Интерес вызывает политика противодействия коррупции в Японии.

Исследование проблем противодействия коррупции на муниципальной службе в России и Японии обеспечивает не только интересы юридической науки в формате сравнительного правоведения [4, с. 55–59], но и интересы правотворческой [5, с. 206] и правоприменительной [6, с. 111–114] практики России.

Необходимо отметить, что в Японии не существует единый кодифицированный акт, который бы включал все нормы, посвященные противодействию коррупции. Нормы антикоррупционного характера содержатся в законах о государственной и муниципальной службе, в законах, посвященных избирательному процессу, и т. д.

Во-первых, в рамках противодействия коррупции в Японии уделяется большое внимание установлению запретов и обязанностей для муниципальных служащих. Так, Н. А. Морозов отмечает: «Закон не позволяет государственному и муниципальному служащему быть одновременно руководящим лицом, советником, членом совета компании и другой организации, вести собственное коммерческое предприятие с целью получения прибыли в торговой, промышленной и финансовой сферах. И после ухода со службы отставному чиновнику не разрешается в течение двух лет занимать должности в коммерческом предприятии той области, которую он курировал последние пять лет службы. Совет по делам персонала может потребовать от служащего отчета о владении акциями в сфере, к которой чиновник имеет отношение» [1]. Схожие положения имеет и законодательство Российской Федерации, в статье 14 федерального закона от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» установлен запрет для муниципальных служащих заниматься предпринимательской деятельностью и участвовать в управлении хозяйствующим субъектом. Обратим внимание, что японский законодатель пошел дальше и установил для служащих запрет на участие в управлении коммерческими организациями и после завершения службы. Следующая обязанность, предусмотренная законодательством Японии, касается того, что японский служащий обязан сообщать о «любых правонарушениях, о совершении которых ему стало известно или в совершении которых у него есть уверенность» [3, с. 130]. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Японии устанавливает: «Правительственный служащий или служащий местного органа власти должен выдвинуть обвинение, когда верит, что было совершено правонарушение» [3, с. 130]. Данная норма в совокупности с институтом доносительства в Японии определяет нетрадиционное направление деятельности по борьбе с коррупцией. В Японии действует закон «О защите доносителя». Как указывает В. В. Филиппов, «институт доносителей и доносительство рассматриваются в Японии как важное средство сообщения о неправомерной или незаконной деятельности не только на государственной службе, но и в негосударственной сфере» [3, с. 129]. Данные методы противодействия коррупции отсутствуют в российском законодательстве, но институт доносительства все же знаком нашему государству из истории. На наш взгляд, установление подобных норм в отечественном законодательстве не целесообразно, такие нововведения не будут отвечать социальным реалиям, уровню развития и менталитету нашего государства.

Также как у российских муниципальных служащих, у муниципальных служащих Японии существует обязанность декларировать и публиковать сведения об имущественном положении. Эта обязанность контролируется не только со стороны государства, но и со стороны общества, в Японии достаточно хорошо функционирует система социально-правового контроля и морального воздействия на поведение политиков.

Большое внимание японский законодатель уделяет этическому поведению служащих. Так как этические требования к служебному поведению служащего закреплены на уровне законов, то за нарушение данных правил наступает ответственность. Для расследования нарушений данных предписаний создаются специальные комитеты, которые по итогам расследования вправе привлечь служащего к ответственности. Среди взысканий распространены следующие виды: предупреждение, понижение заработной платы, временное отстранение от службы, увольнение. Что касается российского законодательства, которое регулирует этическое поведение муниципального служащего, то на уровне законов ему уделяется недостаточное внимание. Так, президентом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции одобрен «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», который устанавливает лишь рекомендательные правила поведения. За нарушение положений данного кодекса муниципальный служащий подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению, а также в исключительных случаях может быть привлечен к юридической ответственности, если это будет предусмотрено законом.

Особенности противодействия коррупции на муниципальной службе в России и Японии предопределены множеством специфических обстоятельств, к разряду которых можно отнести такие как интеграция в нормы позитивного права комплекса сложных социальных интересов [7, с. 44–52], индивидуальные особенности построения механизма конституционно-правового регулирования и конституционно-правовой охраны [8, с. 123–137], формирование собственной уникальной правовой политики [9, 10], сложное отношение к использованию собственного и международного правового опыта [11, с. 17–24].

Законодательство России и Японии в сфере противодействия коррупции содержит достаточно много схожих положений, но все же в каждом из государств есть свои особенные подходы к противодействию коррупции. Наш взгляд, тесное сотрудничество в данной сфере государств приведет к положительным изменениям в сфере борьбы с коррупцией. В то же время при рецепции некоторых положений законодательства Японии, определяющих методы борьбы с коррупцией, необходимо учитывать культуру, менталитет, уровень развития нашего государства.

Литература

1. Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: дис. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2000. 193 с.
2. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции [от 23.12.2010 г., протокол № 21] // Официальные документы в образовании. 2011. № 36.
3. Филиппов В. В. Правовые меры противодействия коррупции в сфере государственной службы Японии // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 2(75). С. 127–133.
4. Юрковский А. В. Основные направления сравнительного правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 55–59.
5. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности: учеб. пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск: Изд-во Иркутского юрид. ин-та (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2014. С. 206.
6. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Отечественная система права и законодательства: взгляд сотрудников прокуратуры // Государственная служба. 2016. № 3. С. 111–114.
7. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Японии // Академический юридический журнал. 2016. № 1(63). С. 44–52.
8. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Особенности конституционно-правовой охраны в Японии // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 123–137.
9. Юрковский А. В. Конституционно-правовая политика противодействия преступности в Монголии, Японии и Республике Корея: контент-анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4(38). С. 112–121.
10. Амосова Т. В., Юрковская Е. А., Юрковский А. В. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 96–107.
11. Юрковский А. В. Сочетание традиционных и компаративистских начал в процессе конституционного развития политической системы Японии // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 17–24.
12. Гармаев Ю. П. Взаимодействие правоохранительных органов по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 28 октября 2015 г.). Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГАУ, 2015. С. 3–7.

Компаративистский анализ налога на доходы физических лиц в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

© *П. П. Зуев*
студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
Zuev-p@inbox.ru

Китайская Народная Республика — это быстроразвивающаяся страна с самой перспективной экономикой. Китай обогнал США по показателям ВВП в 2014 г. и стал государством с самой крупной экономикой мира. В докладе МВФ было сказано [1], в декабре 2014 г. ВВП Китайской Народной Республики превысил 17,6 триллиона долларов, а число жителей страны достигло более 1,3 миллиарда человек.

Главной частью любой экономики является налогообложение. От того, как страна реализует свои полномочия в налогообложении в целом, зависит и развитие государства. Реформирование экономики в Китайской Народной Республике было чрезвычайно успешно и не оставило без внимания всю мировую общественность. В данной статье проанализированы налоги на доходы физических лиц, играющие самую важную роль в создании бюджета как Китайской Народной Республики, так и Российской Федерации. Рассмотрены особенности данно-

го налога в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, дана сравнительная характеристика. Возможно ли повторить интенсивность экономического роста Китайской Народной Республики в Российской Федерации при введении модели НДФЛ Китайской Народной Республики.

НДФЛ — один из самых распространенных прямых налогов, суммируемый из учета всего дохода физического лица. В Российской Федерации он взимается с резидентов, а также с субъектов, не являющихся таковыми-ми, но получающих прибыль в Российской Федерации.

Физические лица признаются налоговыми резидентами, фактически находящимися в Российской Федерации не менее определенного периода. 13 % — это фиксированная ставка НДФЛ для основных видов прибыли. Вся сумма платится в бюджет на месте учета налоговым агентом налогового органа. При получении дохода самостоятельно, например, с продажи дома, квартиры, машины, земли, паев, субъект налогообложения должен сам рассчитать и уплатить НДФЛ по итогам налогового периода (налогового года). В данном случае заполняется 3-НДФЛ. С помощью этого документа физическое лицо предоставляет налоговому органу информацию о понесенных расходах и полученных доходах.

Таблица 1

Ставки налога доходов физических лиц

Ставки НДФЛ, %	Вид дохода
13	Вознаграждения, заработная плата, доход от сдачи имущества, доходы от продажи имущества.
15	Облагаются дивиденды, полученные физическими лицами от организаций
30	Доходы физических лиц, которые не являются налоговыми резидентами РФ
35	Процентные доходы по вкладам, стоимость выигрышей, призов

В 2016 г. расчет налоговой базы определялся отдельно по каждому доходу. Также обязательно нужно учитывать, что не имеет влияние на величину налогообложения различного рода штрафы и удержания, которые были взысканы за правонарушения административного характера или решением суда, а также любых других органов, которые могут (вправе) осуществлять подобные действия.

Налог на доходы физических лиц рассчитывается по данной формуле: $\text{НДФЛ} = \text{НБ} \times \text{РНС} / 100, (1)$

где НБ — налоговая база;

РНС — размер налоговой ставки, определенной для каждого конкретного налогоплательщика. Статьей 217 Налогового кодекса Российской Федерации дан перечень необлагаемых доходов НДФЛ.

Таблица 2

Облагаемые и необлагаемые НДФЛ в Российской Федерации

Облагаемые НДФЛ	Необлагаемые НДФЛ
Доход от продажи ценных бумаг (облигаций, акций, паев, векселей)	Государственные пособия (пособия по безработице, беременности и родам)
Доход от аренды недвижимого имущества	Доход, полученный от близкого родственника или члена семьи по договору дарения
Доход от продажи имущества	Доход, полученный в наследство
Доход в виде денежной, натуральной, материальной выгоды	Доход от продажи имущества, которое в собственности более 3-х лет

Налог с доходов физических лиц в Китае

В Китайской Народной Республике дела с налогом на доходы физических лиц обходятся следующим образом. Разрабатывают налоговое законодательство и определяют налоговую политику в Китайской Народной Республике следующие государственные органы:

1. Государственное налоговое управление.
2. Министерство финансов.
3. Государственный совет.
4. Всекитайское собрание народных представителей.
5. Комитет классификации и тарификации при государственном совете [2].

Данные государственные органы принимают и разрабатывают нормативные правовые акты в сфере налогообложения. Департамент налоговой политики Министерства финансов несет ответственность за выработку налоговой политики, а Государственное налоговое управление реализовывает налоговое администрирование.

В КНР плательщиками налога являются физические лица, которые:

- 1) непостоянно проживают на территории Китая;
- 2) постоянно проживают на территории Китая;
- 3) проживают на территории КНР менее одного года;
- 4) проживают на территории КНР хотя бы год и более.

В Китайской Народной Республике НДФЛ с физических лиц вычитается с зарплаты и других видов доходов: работы по договорам, дивиденды, сдачи в аренду квартир, продажи имущества [3].

Таблица 3

Расчетная формула

Сумма налога к уплате	=	Месячный облагаемый доход	x	Применение ставки – разового вычета
Месячный облагаемый доход	=	Валовая сумма месячного дохода	-	800 юаней

Таблица 4

Прогрессивная шкала ставок подоходного налога в Китайской Народной Республике

Доход (в юанях)	Налоговая ставка	Сумма, подлежащая вычету
1,5 тыс. и менее		-
1,5 тыс. – 4,5 тыс.	10%	105
4,5 тыс. – 9 тыс.	20%	555
9 тыс. – 35 тыс.	25%	1 005
35 тыс. – 55 тыс.	30%	2 755
55 тыс. – 80 тыс.	35%	5 505
80 тыс. и более	45%	13 505

Приведенная таблица показывает налоговую ставку в зависимости от дохода физического лица [4].

Исключительный случай, когда налогоплательщики не проживают постоянно в Китайской Народной Республике, но получают заработную плату или вознаграждение из источников в Китайской Народной Республике. Также если налогоплательщик проживает в Китае постоянно и получает заработную плату из источников, не находящихся в Китайской Народной Республике, с него взимается дополнительный вычет в размере 3 200 юаней в месяц (к 800 юаням дополнительно).

Доходы, полученные физическими лицами, являются объектом налогообложения. Доход подразделяется на виды и в зависимости от вида применяются различные налоговые ставки. Физическое лицо, работающее по найму и получающее заработную плату (премии, оклад, участие в прибыли предприятия, бонусы, компенсации и субсидии и др.), оплачивает налог по прогрессивной шкале в размере от 3 до 45%. Налоговой базой является сумма дохода за вычетом ежемесячно 3 500 юаней.

Доходы лиц от ведения деятельности по договору подряда и индивидуальных торгово-промышленных хозяйств, облагаются налогом по прогрессивной шкале в размере от 5 до 35%. Налоговой базой является сумма дохода за вычетом расходов на ведение деятельности, убытков и необлагаемого минимума в размере 42 000 китайских юаней ежегодно.

Независимая трудовая деятельность облагается налогом по ставке 20%; при достаточно крупной сумме дохода от единичного оказания услуг, часть дохода, превышающая 20 000 юаней, облагается налогом по ставке в размере 30%; часть, превышающая 50 000 юаней, облагается налогом по ставке в 40%. Налоговой базой является сумма полученного дохода, уменьшенная на 20%.

Доходы в виде дивидендов, процентов, доходы от сдачи имущества в аренду, роялти облагаются по ставке налога в размере 20%. Налоговой базой по роялти, процентам, дивидендам является весь доход; налоговой базой по доходу от сдачи имущества в аренду — сумма полученного дохода, понижается на 20%.

В отношении следующих видов доходов НДФЛ не взимается:

1. Премии за достижения в сфере образования, науки, культуры, техники, спорта, здравоохранения, охраны окружающей среды, присужденные народными правительствами не ниже провинциального уровня.
2. Доход от процентов по ценным бумагам государственного займа.
3. Компенсации и субсидии.
4. Пособия по потере кормильца, по социальному обеспечению, материальная помощь пострадавшим от стихийных бедствий.
5. Страховые возмещения.
6. Пособия при уходе в отставку или демобилизации кадровых служащих, подъемные пособия.
7. Пособия на пенсии, переезд, материальная помощь.

Налоговые агенты, удерживающие суммы налога ежемесячно, или налогоплательщики, осуществляющие самостоятельное декларирование и каждый месяц, перечисляющие сумму налога, должны заплатить налог в течение 7 дней следующего месяца, а также преподнести в налоговые органы декларацию об уплате налога.

Сравним налог на доходы физических лиц в Российской Федерации и Китайской Народной Республике на базе основных понятий.

Сравнительный анализ НДФЛ в Китае и России

Наименование	Россия	Китай
Налогоплательщики	Резиденты и нерезиденты, получающие прибыль в РФ	1. Лица, находящиеся на территории КНР менее одного года и более. 2. Непостоянно или постоянно проживающие на территории КНР
Объект налогообложения	Доход, полученный налогоплательщиками как от резидентов, так и нерезидентов от источников в РФ и от источников за пределами РФ	Доход, полученный налогоплательщиками: продажа имущества, заработная плата, дивиденды, от предпринимательской деятельности
Налоговая база	Она учитывает все доходы налогоплательщика, полученные им в натуральной или денежной форме	Аналогичная с РФ
Ставки налога	13% — основные доходы (сдача в аренду жилья, работа по найму), 35% — процентные доходы по вкладам в банках в части превышения суммы, исходя из действующей ставки рефинансирования	Прогрессивная шкала налогообложения: от 5 до 45% в зависимости от получаемого дохода
Порядок исчисления и уплаты налога	НДФЛ удерживается налоговым агентом не позднее дня фактического получения наличных средств	Аналогичная с РФ

В целом НДФЛ в Российской Федерации и Китайской Народной Республике схожи в некоторых моментах, однако в Китайской Народной Республике действует прогрессивная шкала налогообложения. Все слои населения платят налог в зависимости от заработка, в свою очередь, есть минимум, который не облагается налогом.

В Китайской Народной Республике решили ситуацию «социальной несправедливости». На наш взгляд, Российская Федерация не готова к внедрению прогрессивной шкалы налога, так как налоговая система недостаточно развита, как в Китае, и данное явление, скорее всего, спровоцирует уход экономики в тень, что ухудшит наполняемость бюджета. Только в долгосрочной перспективе возможно введение прогрессивной шкалы налога.

Литература

1. Антонова О. В. Налоговые системы зарубежных стран // ИА REGNUM. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/1966327.html> (дата обращения: 15.04.2017).
2. Закон КНР // О налоге на доходы физических лиц [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/economic_law (дата обращения: 15.04.2017).
3. Китай — рекордсмен мира по ВВП // Китайские пространства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.http://sinospaces.ru/articles/177> (дата обращения: 15.04.2017).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2, от 27.07.2006 г. № 137-ФЗ (в ред. федерального закона от 30.09.2013 г. № 268-ФЗ) ст. 207 п. 2. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сравнительный анализ некоторых аспектов налога на прибыль в Австралии и России

© *А. В. Клементьев*
 студент 3-го курса юридического факультета
 ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»,
 Россия, г. Улан-Удэ
 andreyamayakkv@gmail.com

Налогообложение — это одна из важнейших сфер жизнедеятельности любого общества и народа, требующая особого подхода к регулированию. Центральное место в данной области всегда занимала, занимает и, пока живет и существует общество с особой формой организации своего существования, будет занимать нормотворческая составляющая. Кроме нормотворчества немаловажное значение имеет наличие разного рода научных и практико-ориентированных школ.

Данное исследование направлено на выявление особенностей некоторых правовых положений, имеющих в австралийском и российском налоговом праве по вопросам налогообложения прибыли организаций, и их сопоставление.

Австралия — государство, расположенное в Южном полушарии. Оно, как известно, занимает один из материков нашей планеты, а также целый ряд островов в Тихом океане. В последней четверти XVIII в. Великобри-

тания начала осваивать свою новую колонию — Австралию. На материке полностью отсутствовали какие-либо зачатки современного для той поры производства, и местное население обеспечивало свою жизнедеятельность за счет охоты и рыболовства. Но постепенно количество колонистов, которых становилось все больше, начало оказывать влияние на развитие разных видов хозяйств: сельского и промышленного [1, с. 15].

Существенную, можно сказать решающую, роль в подъеме экономики и уровня благосостояния населения Австралии стабильно играют ее теснейшие связи в экономической сфере с внешним миром, со многими зарубежными государствами, в частности и с Российской Федерацией. Эти отношения охватывают взаимовыгодную торговлю и инвестиции, техническую помощь и технологическое сотрудничество, различные услуги, в том числе обучение иностранцев, туризм и другие формы сотрудничества [1, с. 16].

Австралия на сегодняшний день представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся государств, которое занимает восьмое место в мире по объему промышленной продукции и национальному доходу населения [3, с. 1].

Закон Австралии от 17 сентября 1980 г. № 126 «Налог на прибыль компаний и пенсионных фондов» оперирует именно понятием «компания». Это означает, что данный вид налога уплачивают компании. Для целей налогообложения компаниями признаются любые корпорации или ассоциации вне зависимости от того, зарегистрированы они или нет. Практика показывает, что плательщиками налога являются в основном компании с ограниченной ответственностью — как австралийские, так и иностранные [3, с. 1].

Субъектом налогообложения выступает конкретная компания, но не ее собственники. Однако в ряде случаев, когда компания не в состоянии уплатить налог после продажи своих акций, налоговая инспекция может обязать уплатить этот налог приобретателей акций.

В России налог на прибыль организаций регулируется Налоговым кодексом, а именно главой 25. Налог на прибыль является ключевым элементом Российской Федерации и служит основным инструментом перераспределения национального дохода. Этот налог является прямым, учитывая, что его конечная сумма полностью зависит от итогового финансового результата. Этот налог позволяет государству регулировать экономические процессы, достаточно эффективно влиять на развитие производства. Налог на прибыль организаций взимается с коллективных субъектов (организаций).

В нашей стране налогоплательщиками налога на прибыль организаций признаются российские организации; иностранные организации, которые осуществляют свою деятельность в Российской Федерации через постоянные представительства и (или) получающие доходы от источников в Российской Федерации [4].

Не признаются налогоплательщиками: FIFA (Federation Internationale de Football Association) и дочерние организации FIFA, указанные в федеральном законе «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., Кубка конфедераций FIFA 2017 г. и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также не признаются налогоплательщиками конфедерации, национальные футбольные ассоциации, производители медиаинформации FIFA, поставщики товаров (работ, услуг) FIFA.

Стоит заметить, что плательщиками налога на прибыль являются зарегистрированные в порядке, установленном законодательством РФ, юридические лица, а это означает, что не являются налогоплательщиками в нашей стране простые товарищества, филиалы, представительства и другие обособленные подразделения российских организаций [4, с. 397].

Закон Австралии дает четкое разграничение между компаниями-резидентами и нерезидентами. Так, резидентом является компания, зарегистрированная в Австралии; не являющаяся инкорпорированной в Австралии, но осуществляющая свою деятельность именно на австралийской территории, где также находится головное руководство компании или большинство голосующих акционеров [3, с. 1].

Компании-резиденты уплачивают налог с валовой прибыли, которую они получают на территории Австралии, а также за ее пределами. Под объектом налога на прибыль юридических лиц подразумевается налогооблагаемая прибыль (taxable income), которая рассчитывается как разница между всей валовой прибылью предприятия за каждый год и установленными скидками. Используется вот такая формула: $TI = AI - D$, где TI (taxable income) — налогооблагаемая прибыль, AI (assessable income) — валовая прибыль, D (deductions) — налоговые вычеты (скидки).

Налогооблагаемая прибыль включает в себя валовый доход (gross income), при этом исключается прибыль, освобожденная от налогообложения. Понятие «валовый доход» не определено в австралийском законодательстве, но когда рассчитывают налог, подразумевают все доходы, полученные в результате осуществления торговой деятельности, платы за оказанные услуги, арендной платы, процентов, дивидендов и т. п. [3, с. 2]. Затем осуществляется расчет по существующей ставке.

В России объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций выступает прибыль, которую получает налогоплательщик. Под прибылью понимается:

- 1) для российских организаций полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов;
- 2) для иностранных организаций, осуществляющих деятельность в Российской Федерации через постоянные представительства, — полученные через эти постоянные представительства доходы, уменьшенные на величину произведенных этими постоянными представительствами расходов;
- 3) для иных иностранных организаций — доходы, полученные от источников в Российской Федерации. Здесь применяется следующая формула: прибыль = доходы – расходы. А далее по действующей ставке осуществляются расчеты применительно к самой прибыли.

Ставка налога на прибыль в Австралии составляет в настоящее время 30% как для частных, так и для публичных компаний и применяется в отношении компаний резидентов и нерезидентов. Отделения иностранной компании уплачивают налог по той же ставке [3, с. 2]. При этом местные органы самоуправления и власти штатов не устанавливают дополнительный корпоративный налог [6]. Налог обеспечивает 14–15% федерального бюджета.

Ставка налога на прибыль организаций в России составляет 20% (статья 284 Налогового кодекса), при этом:

1) сумма налога, исчисленная по налоговой ставке в размере 2% (3% в 2017–2020 гг.), зачисляется в федеральный бюджет;

2) сумма налога, исчисленная по налоговой ставке в размере 18% (17% в 2017–2020 гг.), зачисляется в бюджеты субъектов Российской Федерации [5].

В первые годы экономических реформ именно этот налог был основным в доходах федерального бюджета, его удельный вес в общей сумме доходов превышал 50%, в настоящее время он обеспечивает около 7% всех доходов федерального бюджета ввиду снижения совокупной ставки налога до 20% [2].

Следует сказать о том, что в Австралии налог взимается с прибыли, полученной за год, по ставке, которая действует в год получения прибыли. Год заканчивается 30 июня, но налоговый инспектор вправе установить и так называемый «альтернативный год», то есть разрешить компании подать налоговую декларацию после 30 июня. Такая возможность может быть, к примеру, предоставлена группе компаний с тем, чтобы дать им возможность подать финансовые отчеты в один день [3, с. 2].

Налоговый кодекс РФ определяет, что сумма налога уплачивается на основе налоговой декларации в течение отчетного периода авансовыми платежами. Отчетными периодами для налогоплательщиков, исчисляющих ежемесячные авансовые платежи исходя из фактически полученной прибыли, признаются месяц, два месяца, три месяца и так далее до окончания календарного года, налоговым периодом признается календарный год. Ежемесячные авансовые платежи, подлежащие уплате в течение отчетного периода, уплачиваются в срок не позднее 28-го числа каждого месяца этого отчетного периода [5].

Подводя итог, хочется сказать, что, рассмотрев несколько аспектов налога на прибыль в Австралии и России, безусловно, становится очевидным, что отличия имеют место быть. Однако вопрос о том, где наиболее продуманно регулируется данный вид налога, в Австралии или России, еще сохраняет свою актуальность и всегда может потребовать все новых и новых путей разрешения. А это всегда может дать толчок к обмену положительным опытом этих двух стран.

Литература

1. Архипов В. Я. Экономическое развитие Австралии // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 7.
2. Бородина Л. И. Налог на прибыль организаций в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути совершенствования механизма исчисления // Международный студенческий научный вестник. М., 2014.
3. Зингер Е. А., Ялбулганов А. А. Налог на прибыль компаний в Австралии // Налоговый вестник. 1998. № 5.
4. Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник для бакалавров. М., 2012.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2, от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
6. URL: <http://australia-world.ru/zakonodatelstvo-avstrali/nalogi-v-avstrali.html> (дата обращения: 15.05.2017).

История развития и опыт применения антикоррупционного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительный анализ

© *И. С. Климова*

*магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
vavilova_irina@list.ru*

Проблема коррупции существует давно, однако на более ранних этапах развития общества люди относились к этому явлению как к само собой разумеющемуся. Со времен первобытного общества передача различных предметов, в том числе ценностей, продуктов, иных вещей, более сильному члену племени, вождю или просто человеку, обладающему какими-либо привилегиями, считалась обычной практикой. В настоящее время общество всячески борется с проблемой получения и дачи взятки. Остро проблема коррупции стоит не только в Российской Федерации, но и в Китае.

История развития антикоррупционного законодательства в России начинается с XIII в. Московское царство и Российская империя отличались масштабной коррупционностью. В летописях мздоимство и казнокрадство упоминаются с XIII в. Самый распространенный вариант получил название взятки. Иван III попытался законодательно ее ограничить. Его сын Иван Грозный ввел смертную казнь за взяточничество.

Рост коррупционных преступлений, ущерб казне и императорской власти был столь велик, что это потребовало экстренных мер. Петр I предпринял законодательные и административные действия в этом направлении. В этот период было принято множество антикоррупционных законов. В январе 1704 г. закон об организа-

ции Ижорской канцелярии рыбных ловель вводил запрет на взятки должностными лицами под угрозой смертной казни. Закон о порядке набора рекрутов от 20 февраля 1705 г. грозил тем же самым недобросовестным наборщикам. Указ царя от 25 августа 1713 г. запрещал чиновникам на местах заниматься поборами с населения под угрозой смерти и конфискации имущества. 23 декабря 1714 г. Петр издал указ, который распространялся на всех должностных лиц без исключения и запрещал любые виды вознаграждений. При нарушении этого закона коррупционера ожидали телесные наказания, все та же конфискация имущества и смертная казнь. Содержание этих законов вошло в проект Уложения Российского государства, которое разрабатывалось в 1723–1726 гг. при активном участии царя [2, с. 51].

С 1715 г. чиновники начали получать зарплату. И любые виды взяточничества стали серьезным должностным преступлением. Царь позаботился и о том, чтобы все антикоррупционные законы были обнародованы, и даже потребовал от чиновников расписки об обязательном их прочтении. Стремясь понизить уровень мздоимства в империи, Екатерина II существенно повысила размеры официального вознаграждения. В XIX – начале XX в. с развитием капитализма стали формироваться новые виды коррупции. Например, непосредственная зависимость общественного положения от финансовых возможностей. Выборы волостных старшин, городского головы, судебного пристава, нотариуса превращались в обыкновенную куплю-продажу должностей [2, с. 53].

История проведения антикоррупционных кампаний в разное время в России давала различные результаты, в настоящее время борьба с коррупцией является приоритетной задачей действующего правительства.

Что касается истории борьбы с коррупцией в Китае, то ситуация с коррупцией в этой стране не менее сложная. Представители сословия чиновников всегда пользовались особым положением в обществе. Обычной практикой считалось использование государственных денег для личных потребностей, причем то количество денег, которым мог пользоваться чиновник, зависело от высоты его ранга. Ключевую роль основного закона в Китае имел свод конфуцианских правил, в котором описаны нормы общественной и частной жизни жителей этой страны. Представителей сословия чиновников, которые не смогли сохранить доверие и были уличены в коррупции, подвергали очень жестокому наказанию, вплоть до смертной казни. Уже в современное время применялась процедура вождения провинившегося чиновника с позорящим колпаком на голове. Такие методы общественного порицания применяются и до сих пор, причем такого рода «показательные наказания» проводятся в местах большого скопления людей, а также транслируются в местных средствах массовой информации.

Оценка чиновников и по сей день в Китае зависит от степени преданности того или иного чиновника партии и руководству в целом. Следует отметить, что оценка степени преданности чиновника всегда имеет субъективную окраску, поэтому отмечались случаи несправедливых обвинений в коррупции, следствием которых были казни людей, вина которых была не доказана.

Активное развитие рынка привело к тому, что власти Китая уже не могут скрывать наличие проблемы коррумпированности чиновников всех уровней. Поэтому вполне целесообразным явлением стало развитие антикоррупционного законодательства, усиление контроля над доходами чиновников, за их жизнью, не только общественной, но и частной. Ужесточение санкций за дачу и получение взяток.

В мае 1995 г. Центральная дисциплинарно-контрольная комиссия ЦК КПК приняла и разослала очередное постановление, направленное на борьбу против коррупции руководителей государственных предприятий. Постановление требовало от партийных и хозяйственных кадров строго придерживаться норм честности и самодисциплины. В нем содержался подробный перечень нарушений закона, совершавшихся на тот момент на многих фабриках и заводах КНР. Постановление рекомендовало всем нарушителям закона, расхитителям общественной собственности заняться самопроверкой и вернуть государству незаконно присвоенное (своеобразная форма амнистирования). В противном случае коррупционеры подлежали суровому наказанию [5, с.48].

Коммунистическая партия Китая является руководящей партией. После XVIII съезда компартии в 2012 г. была выработана стратегия партийного строительства неподкупного аппарата, ответственность была возложена на партийные комитеты, а контроль — на комиссию по проверке дисциплины. Выработаны «восемь требований» к стилю работы (сокращение заседаний, упорядочение зарубежных визитов, улучшение работы по информационному освещению и т. д.). Особую роль играют инспекторские группы Центрального комитета, осуществляющие точечные проверки конкретного лица, органа, проекта или специально выделяемых средств. Китайская общественность назвала высокопоставленных коррупционеров «тиграми», а чиновников низкого уровня — «мухами» [5, с. 49].

Такие нормативные акты в последнее время в Китае принимаются очень активно, но, опираясь на статистику, следует отметить, что их результативность невелика, даже несмотря на строгость санкций, которые применяются к такому роду обвиняемых, а также несмотря на стойкую нетерпимость китайского общества к содержанию самого понятия «коррупция».

Итак, необходимо отметить, что сходными чертами истории развития этой отрасли в рассматриваемых странах является, во-первых, наличие острой выраженности проблемы коррупции, во-вторых, принятие разного рода нормативных актов, противодействующих этому явлению. В-третьих, сходной мерой противодействия коррупции, применяемой обеими странами, можно считать декларирование доходов чиновниками [1, с.194].

К различиям можно отнести степень наказания за совершение коррупционных действий, в Китае санкции предполагают не только материальные меры, но и наказание вплоть до смертной казни. В Российской Федерации к коррупционеру могут быть применены меры материального характера, а также связанные с лишением свободы. Кроме того, в Китае есть понятие амнистирования коррупционных преступлений, когда лицо, совершившее такое преступление, может самостоятельно вернуть полученные средства по собственной воле.

Таким образом, законодательные эксперименты по созданию нормативных актов, препятствующих коррупции, практически не меняет количество дел этой категории. Поэтому, чтобы хоть как-то побороть это явление, необходимо тщательно анализировать судебную практику и действующие процессы с целью выявления слабых мест в формальных процедурах, в ходе реализации которых чиновники могут получить взятку. Кроме того, содержание жизни общества должно исключать любые проявления коррупции, освещая их как малопривлекательные и аморальные.

Литература

1. Гун Бин. Российское и китайское законодательство о декларировании имущества: сходство и различия // *Lex russica*. 2016. № 5. С. 193–202.
2. Просандеева Н. В. Противодействие коррупции: правовые системы в истории // *История государства и права*. 2014. № 2. С. 50–54.
3. Рафалюк Е. Е., Крысенкова Н. Б. Проблемы сравнительного правоведения в условиях интеграции государств // *Журнал российского права*. 2013. № 3. С. 118–30.
4. Севальнев В. В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // *Журнал российского права*. 2015. № 10. С. 151–157.
5. Тихомиров С. А. О некоторых технологиях борьбы с коррупцией в Китайской Народной Республике // *Адвокат*. 2013. № 5. С. 47–52.
6. Гармаев Ю. П., Фалилеев В. А. Реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры во взаимодействии с юридическими вузами // *Реформа судебной власти и прокуратуры в условиях конституционных изменений: проблемы и перспективы развития: материалы науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2015. С. 26–29.*

Сравнительно-правовая характеристика налоговых систем России и КНР

© **О. Б. Ку克林**

*студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
bogegipta@mail.ru*

Как правило, для осуществления государством своих достаточно обширных функций во всех сферах жизнедеятельности общества и личности, поддержания обороноспособности, регулирования правопорядка и во многих других областях требуется стабильная и достаточно прочная финансовая база. Для ее формирования главным среди всех источников дохода является налогообложение. Это утверждение можно считать справедливым для подавляющего большинства современных государств. Исключением являются лишь некоторые нефтедобывающие страны Ближнего Востока, такие как Кувейт, Катар, Бахрейн, Бруней, Саудовская Аравия и другие страны.

Вопрос налогообложения является одним из самых важных для внутренней политики большинства государств. Для многих политических партий значительной частью предвыборных программ является подготовка проектов изменений и реформ в налоговой сфере. В наиболее развитых странах, где основным источником формирования стабильной финансовой базы является налогообложение, всегда в качестве приоритетной задачи выступает совершенствование налоговой системы. Противоречие между потребностями увеличения налоговых доходов и необходимостью в создании благоприятных условий для национального предпринимательства выступает одной из основных причин для внесения изменений в сфере налогообложения.

В рейтинге налоговых систем, по результатам проведенного исследования в 2017 г., Россия, которая ухудшила свой показатель по сравнению с 2016 г., когда она занимала 40-е место по уплате налогов, на сегодняшний день занимает 45-е место (схема 1). Также ухудшилось состояние и в сфере ведения бизнеса, в 2016 г. Россия занимала 36-е место, а по состоянию на 2017 г. занимает 40-е место (схема 2). Как было отмечено специал-листами, меньше всего на выполнение различных налоговых процедур тратит бизнес в нашей стране — около 168 часов в год при среднем показателе в мире в 251 час. В Китае же состояние наоборот улучшилось, так, если в 2016 г. Россия занимала 138-е место по уплате налогов, то на сегодняшний день 131-е место (схема 1). Также улучшилось состояние в сфере ведения бизнеса, в 2016 г. он занимал 80-е место, на 2017 г. КНР занимает 78-е место (схема 2) [2].

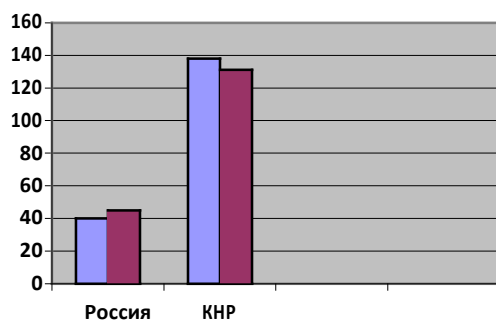

Схема 1. Рейтинг налоговых систем в сфере уплаты налогов

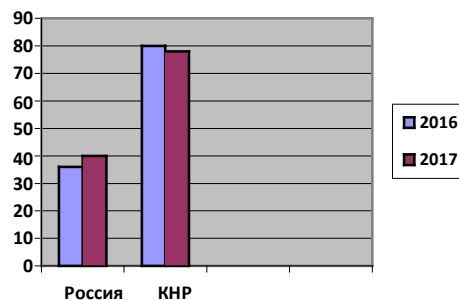

Схема 2. Рейтинг налоговых систем в сфере ведения бизнеса

Если обратить внимание на мировой опыт, то можно сделать вывод о том, что изъятие у налогоплательщиков от тридцати до сорока процентов дохода ведет к сокращению сбережений, а также инвестиций в экономику. В случае, если налоговые ставки и их число достигнет уровня, при котором у налогоплательщиков будут изыматься более 40–50% доходов, то скорее всего это полностью ликвидирует всевозможные стимулы к предпринимательской инициативе и расширению производства [2]. Говоря простыми словами, налоговая система будет эффективной лишь в том случае, если она будет обеспечивать разумные потребности государства, изымая у налогоплательщиков не более тридцати процентов доходов.

Налоги, как правило, и пусть это будут одни и те же виды, будут проявлять себя по-разному в разных экономических условиях и для разных экономических субъектов. В тех странах, где хорошо развита рыночная экономика, основным плательщиком налогов является так называемый средний класс населения, доход которого формируется легальными способами — большей частью в виде зарплаты, перечисляемой на банковские счета граждан в безналичной форме. Стоит также отметить, что в большинстве стран Запады присутствует стабильный рост доходов населения и в них велика доля различного рода социальных пособий, поэтому установление высоких ставок налогов оправдывается ситуацией и функционально используется государством как средство «охлаждения» рынка и сокращения избыточного спроса.

Один из юридических словарей Китая содержит в себе определение понятия «налоговое законодательство» следующим образом: «Налоговое законодательство — это общее обозначение правовых норм, определяющих права и обязанности, возникающие между государством и налогоплательщиком по вопросам взимания и уплаты сумм налогов, оно является правовой основой взаимоотношений государства с налогоплательщиком».

Система налогового законодательства КНР включает в себя правовые акты различных уровней, содержащие налоговые нормы. Они представляют собой формально закрепленные органами государственной власти положения, регулирующие отношения, возникающие в налоговой сфере. В систему налогового законодательства Китая входят законы, различные решения, имеющие временный характер нормы и правила, уведомления, инструкции, соглашения, а также акты под названием «методы», в том числе временные. В качестве примера можно привести такие нормативно-правовые акты, как временные нормы и правила Китая «О налоге на использование природных ресурсов» [3]; Закон КНР «О налоге на прибыль предприятий» [4]; соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы» [5].

Пожалуй, нельзя не отметить, что китайский язык по-своему специфичен, поскольку в нем один и тот же иероглиф может обозначать как налог, так и пошлину. Поэтому бывают случаи, когда отдельные нормативные акты при переводе называются по-разному. Также это распространяется и на такие общие понятия, как «правовое регулирование» и «налогообложение». Поэтому законодательство Китая не закрепляет и такие понятия, как «налоговое законодательство», «налог» и «сбор».

В п.1 ст.8 Налогового кодекса Российской Федерации дано определение налога: «под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований» [1].

Что касается толкования понятия налогового законодательства в России, то оно определяется как совокупность правовых норм, которые содержатся в различных законодательных актах Российской Федерации и принятых в соответствии с ними законах субъектов Российской Федерации, актах представительных органов МСУ, устанавливающих систему налогов и сборов, общие принципы налогообложения и сборов, основания возникновения, изменения и прекращения отношений собственников и государства по уплате налогов и сборов, формы и методы налогового контроля, ответственность за нарушения тех или иных налоговых обязательств.

Налоговый кодекс РФ в п. 1 ст.1 предусматривает, что законодательство России о налогах и сборах включает в себя положения настоящего кодекса и принятые в соответствии с ним федеральные законы о налогах и сборах. Также необходимо отметить, что в п. 5 ст.1 НК РФ закреплено, что федеральные налоги и сборы могут

устанавливаться, изменяться и отменяться только Налоговым кодексом РФ. На это указывает и п. 2 ст. 12 НК РФ, в котором сказано, что федеральными признаются налоги и сборы, устанавливаемые настоящим кодексом и обязательные к уплате на всей территории Российской Федерации. Для обеспечения гарантий выполнения данного правила Налоговый кодекс РФ устанавливает, что ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, не предусмотренные настоящим кодексом либо установленные в ином порядке, чем это определено НК РФ (п. 5 ст. 3) [1].

Система налогового законодательства РФ, в соответствии со ст. 12 НК РФ включает в себя следующие виды налогов и сборов: федеральные, региональные, местные [1].

Федеральные налоги и сборы включают в себя: налог на добавленную стоимость; акцизы; налог на доходы физических лиц; налог на прибыль организаций; налог на добычу полезных ископаемых; водный налог; сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов; государственную пошлину.

Региональные налоги, как правило, устанавливаются НК РФ и вводятся в действие законами субъектов Российской Федерации, обязательны к уплате на территории соответствующих субъектов Российской Федерации. К региональным налогам, согласно ст. 14 НК РФ, следует относить налог, взимаемый с имущества организаций; налог на игорный бизнес; налог на владельцев транспортных средств.

Местные налоги включают в себя согласно ст. 15 НК РФ земельный налог; налог на имущество физических лиц; торговый сбор [1].

Что же касается КНР, то в ней все налоги разделены на три отдельные группы. Первая группа включает в себя центральные налоги, к которым относятся пошлины таможенного характера, потребительский налог, НДС и налоги на хозяйственную деятельность, взимаемые, как правило, с банков, финансовых организаций, предприятий государства и иностранных торговых компаний.

Во вторую группу входят совместные налоги, это такие как НДС, налог на пользование природными ресурсами, налоги на ценные бумаги и бизнес-налог, взимаемый с различных банков и страховых организаций.

Третья группа состоит из местных налогов: налог на прибыль предприятий, бизнес-налог, налог на недвижимое имущество, подоходный налог, взимаемый с физических лиц, гербовых сборов и некоторых других налогов, например, налог на наследство или налог на повышение стоимости земли.

Налоговые управления государственной власти на местном уровне подконтрольны налоговой администрации государства, налоговые управления местного уровня являются органами местного правительства. Государственные налоговые управления вместе с местными налоговыми управлениями регулируют налоги, которыми облагаются предприятия с иностранными инвестициями. Данные предприятия при организации своей деятельности обязаны пройти регистрацию в соответствующих налоговых органах в срок, не превышающий 30 дней с момента получения лицензии на осуществление хозяйственной деятельности.

В КНР на сегодняшний день насчитывается около 25 видов налога: налог на добавленную стоимость; потребительский налог; предпринимательский налог; налог на прибыль предприятий; налог на прибыль предприятий с иностранными инвестициями и иностранных предприятий и другие, которые в зависимости от их природы и от выполняемых ими функций могут быть объединены в 8 групп: налоги с оборота; налоги на прибыль (доходы); ресурсные платежи, включающие ресурсный налог и земельный налог (плата за пользование землями городов и районов); целевые налоги и сборы; имущественные налоги; налоги с операций (действий); сельскохозяйственные налоги; таможенные пошлины.

В соответствии с законодательством Китая, вне зависимости от того, где произошла фактическая выплата, к доходам, полученным на территории КНР, относятся доходы, полученные в результате предоставления каких-либо трудовых услуг: в связи с необходимостью устройства на работу, приемом на должность, соглашением и т. д.; доходы, полученные от сдачи в аренду своего имущества для использования его арендатором на территории КНР; доходы, полученные в результате передачи или продажи недвижимости, прав пользования земельным участком и иного имущества на территории Китая; доходы, извлеченные в результате полученного разрешения на использование патентных прав на территории КНР и др.

В систему государственных органов, которые в свою очередь уполномочены заниматься разработкой налогового законодательства и определением налоговой политики страны, входят: национальный общественный конгресс, а также его постоянный комитет; государственный совет; министерство финансов; государственная администрация налогообложения; комитет тарификации и классификации при Государственном совете; главное таможенное управление.

Разработкой налогового законодательства занимается Национальный общественный конгресс (например, можно назвать Закон КНР «О подоходном налоге с физических лиц») или постоянный комитет конгресса (например, Закон КНР «Об управлении налогами и их взимании»).

Деятельность по разработке ведомственных правил в области налогообложения осуществляют Министерство финансов, Государственная администрация налогообложения, Комитет тарификации и классификации при Государственном совете и Главное таможенное управление, например, разъяснения по применению Временной инструкции по НДС, Временные правила декларирования подоходного налога с физических лиц и другие.

Помимо этого законодательством Китая предусмотрена возможность принятия правовых актов не только «на высшем уровне», но и соответствующими органами на местах.

В заключение хотелось бы отметить, что невозможно в одной статье привести очень подробное сравнение налогового законодательства КНР и РФ, но намечается продолжение работы в данном направлении.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) // Российская газета. 1998. № 148–149. 6 авг.
2. Самые удобные налоговые системы мира // Информационно-аналитическое электронное издание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amondsmith.ru/press/publication/23/> (дата обращения: 13.04.2017).
3. Временные нормы и правила КНР «О налоге на использование природных ресурсов» (приняты на 12-м заседании Государственного совета КНР 26 ноября 1993 г., опубликованы и вступили в силу с 1 января 1994 г.) // Консалтинговая группа «Окно в Китай» [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/economic_law/statute_resource_tax (дата обращения: 13.04.2017).
4. Закон КНР «О налоге на прибыль предприятий» (утвержден 5-м съездом Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 16 марта 2007 г.) // Интернет-представительство ООО «Лигал Уэй» [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/economic_law/enterprise_tax_law (дата обращения: 13.04.2017).
5. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы // Консалтинговая группа «Окно в Китай» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13485/ (дата обращения: 13.04.2017).
6. Гармаев Ю. П. «Оживить» норму об ответственности за невозвращение валютных средств из-за границы // Российская юстиция. 2001. № 11.

Сравнительно-правовой анализ регулирования налогов на прибыль предприятий в России и Китае

© Р. Э. Ли

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Росси́я, г. Улан-Удэ
lee_rita@inbox.ru*

Система налогообложения как в России, так и в Китае является неотъемлемой частью, ведь благодаря ей формируется преобладающая доля государственного бюджета. Налогообложение оказывает огромное влияние на экономику, социальную сферу, являясь одним из главных инструментов ограничения или стимулирования деятельности в конкретных сферах экономики, а также инструментом сдерживания и подчинения населения. Поэтому нелегко оценить значимость системы налогообложения для эффективного существования государства и полноценного выполнения всех поставленных перед ним задач и планов, а также создания высокого уровня качества жизни населения. Здесь будет рассмотрены системы налогообложения России и Китая, также с помощью анализа налоговых систем будет произведено небольшое сравнение. Статья поможет определить сильные и слабые стороны налоговой системы обеих стран, что позволит найти ряд эффективных механизмов и инструментов для совершенствования налоговой системы.

Правовое регулирование. В Российской Федерации порядок исчисления налогов на прибыль организаций регулируется главой 25 Налогового кодекса от 06.08.2001 г. №110-ФЗ. В Китае — законом «О налогах на прибыль предприятий» от 16.03.2007 г.

Базовая ставка. Базовая ставка в России составляет 20%, 17% из которых поступает в региональный бюджет, а 3% в федеральный бюджет. Одновременно субъектам федерации предоставлено право снижать ставку налога для отдельных категорий налогоплательщиков, однако не ниже 13,5%. Таким образом, с учетом льготных условий субъекта минимально возможная ставка налога на прибыль составляет 15,5%. В течение года организации платят авансовые платежи и сдают декларации по налогу на прибыль предприятий.

В материковом Китае налог на прибыль должны платить все иностранные компании и предприятия, которые осуществляют свою деятельность на его территории и получают прибыль от осуществляемой ими деятельности. Налог является ежегодным, поэтому вносить налог необходимо только раз в году. В зависимости от места регистрации компании налоговая ставка может отличаться. Например, если организация официально зарегистрирована на территории Китая, то его учредители обязаны платить 30% ежегодной прибыли. Для отечественных организаций Китай устанавливает такие налоговые ставки, как 25% для предприятий с высоким доходом, 20% для малорентабельных предприятий, 15% для только что зарегистрировавшихся предприятий или тех, чья деятельность связана с высокими технологиями.

Кроме того, в Китае существует «Бизнес-налог», который предназначен для предприятий с иностранными инвестициями. Единой ставки «Бизнес-налога» не существует, поэтому размер зависит от рода предприятия и он оплачивается ежемесячно. Так, если организация занимается транспортом, телекоммуникацией, культурной, спортивной деятельностью или строительными и инженерными работами, то налог в 2017 г. будет равняться 3%. При предоставлении финансовых услуг предприятию необходимо будет отчислить в государственный бюджет около 8% [5].

Плательщики налога на прибыль — в России это российские (отечественные) организации, а также иностранные организации, которые осуществляют свою деятельность через постоянные представительства и получают доходы внутри страны (РФ).

В Китае это предприятия-резиденты и предприятия-нерезиденты. Первые — это те, у которых регистрация была произведена на территории Китая или место эффективного управления находится на территории Китая. Вторые — это те, у которых источники прибыли находятся как на территории КНР, так и могут находиться за рубежом.

Объектом налогообложения является прибыль, полученная налогоплательщиком.

В России прибылью признаются:

1) полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов от отечественных организаций;

2) полученные через постоянные представительства доходы, уменьшенные на величину произведенных этими постоянными представительствами расходов от иностранных предприятий;

3) доходы, полученные от источников на территории РФ от иных иностранных организаций. Классификация доходов организации в Российской Федерации:

- 1) доходы от реализации товаров, работ или услуг и имущественных прав;
- 2) внереализационные доходы.

Доходом от реализации является выручка от реализации деятельности и имущественных прав. Она определяется исходя из всех поступлений, связанных с расчетами за реализованные товары, работы, услуги или имущественные права, выраженные в денежной и (или) натуральной формах.

Классификация расходов организации

Полученные доходы налогоплательщик уменьшает на сумму произведенных расходов. Необходимо отметить, что произведенные расходы, как и полученные доходы, подразделяются на две группы:

1. расходы, связанные с производством и реализацией товаров, работ или услуг;
2. внереализационные расходы.

Расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, осуществленные налогоплательщиком. Необоснованные или не задокументированные чеком или распиской расходами считаться не будут. Расходы, связанные с производством и реализацией, классифицируются по следующим элементам:

- 1) материальные расходы. Например, расходы на приобретение сырья или материалов, используемых в производстве;
- 2) расходы на оплату труда. Сюда входят любые начисления работникам в денежной или натуральной формах, стимулирующие начисления и надбавки, компенсационные начисления, связанные с режимом работы или условиями труда;
- 3) суммы начисленной амортизации: расходы на научные исследования, траты, относящиеся к созданию новой или усовершенствованию производимой продукции;
- 4) прочие расходы, которые включают в себя суммы налогов и сборов, таможенных пошлин и сборов, страховых взносов в Пенсионный фонд, в фонд социального страхования.

В Китае налогооблагаемым считается доход от [4]:

- 1) продаж;
- 2) предоставления услуг;
- 3) передачи имущества;
- 4) капиталовложений в акционерный капитал;
- 5) процентов;
- 6) сдачи в аренду;
- 7) авторских прав и лицензий;
- 8) пожертвований и дарения;
- 9) иное.

При расчете налогооблагаемой суммы от налогооблагаемого дохода предприятия принято вычитать себестоимость по ведению деятельности, включающую в себя:

- 1) себестоимость осуществления хозяйственной деятельности;
- 2) дополнительные издержки и платежи;
- 3) расходы на рекламу, но не более 15% ежегодного дохода;
- 4) представительские расходы, около 60% понесенных расходов, но не более 0,5% ежегодного дохода.

Предприятию также стоит учитывать практически самые главные расходы — это расходы на сотрудников, те разумные расходы на выплату заработной платы, социальные налоги, социальные расходы, а также налоги и сборы, но только за исключением налога на прибыль предприятий.

Место и сроки уплаты налога

Местом уплаты налога в России является налоговая служба, то есть то место, где организация зарегистрировалась. В России при уплате налогов и авансовых платежей нужно помнить, что:

- 1) налог по итогам налогового периода должен уплачиваться не позднее 28 марта года, следующего за истекшим налоговым периодом;
- 2) авансовые платежи по итогам отчетного периода: уплачиваемые ежемесячно по фактически полученной прибыли — не позднее 28 числа месяца, следующего за месяцем, за который исчисляется сумма авансового

платежа, уплачиваются ежеквартально — не позднее 28 числа месяца, следующего за истекшим отчетным периодом;

3) ежемесячные авансовые платежи уплачиваются ежемесячно не позднее 28 числа каждого месяца;

4) налог с доходов по государственным и муниципальным ценным бумагам, подлежащих налогообложению у получателя дохода, уплачивается в течение 10 дней по окончании месяца, в котором получен доход [6].

Местом уплаты налога в Китае является место регистрации предприятия в соответствии с действующими положениями. В случае, если место регистрации предприятия расположено за рубежом, местом уплаты налога является место эффективного управления.

Окончательная сумма налога на прибыль предприятий рассчитывается на годовой основе, а предварительные или по-другому авансовые налоговые платежи осуществляются ежемесячно или ежеквартально на основании суммы фактически полученной прибыли в течение данного периода. В случае возникновения трудностей с расчетом суммы допускается предварительная выплата суммы за аналогичный период предыдущего года или по иной методике, признаваемой налоговым органом.

Предварительные ежемесячные или ежеквартальные платежи по налогу на прибыль предприятий должны оплачиваться в течение 15 дней после окончания каждого месяца или квартала. Окончательный расчет налога за год и подача ежегодной налоговой декларации по налогу на прибыль предприятий производится в течение 5 месяцев после окончания налогового года с возвращением излишне уплаченных налоговых платежей либо возмещением недоплаты.

Как для России, так для и Китая характерно применение определенного перечня налогов, содержащих свои элементы, наличие нормативных документов, регулирующих отношения в сфере налогообложения, система классификации налогов. Основными объектами налогообложения являются прежде всего доходы предприятий.

В Китае налогообложение является основным доходом в бюджет государства. Объясняется это тем, что в Китае отсутствует теневая экономика и количество населения скоро приблизится к отметке в 1,5 млрд. Это выражается в большой организованности налоговой системы и самого населения. Система пропорциональности, в сравнении с прогрессирующей системой Китая, в России уменьшает возможность поступления большего количества денег в государственный бюджет. Хотя базовые ставки на налог в России меньше, но в Китае для разного уровня рентабельности предприятий существует разная ставка по налогу, что позволяет начинающим предпринимателям не чувствовать на себе большое давление со стороны налоговой системы. Однако и в России существуют некоторые льготы для определенных групп предприятий, так, ставка может и не достигать 10% дохода, также Налоговым кодексом РФ предусмотрены льготы по уплате налогов для некоммерческих объединений. В странах, чей темп развития находится на еще более высоком уровне, налоговая ставка исчисляется в пределах 15–17%, что увеличивает возможность развития бизнеса.

В связи с тем, что нормативная база в КНР имеет простую структуру, это приводит к осложнению в понимании и использовании информации, что, в свою очередь, приводит к некоторой трате материальных и временных ресурсов. Законодательство России в этом случае выигрывает в своей структурированности и сдержанности.

Доходы и расходы предприятий разных стран практически не различаются, доходы от продаж, аренды, а расходы на материалы и энергетические ресурсы. Таким образом, положение юридических ли и индивидуальных предпринимателей России и Китая во многом схожи, однако механизмы и инструменты регулирования все же отличаются. Так, в России можно было бы применить прогрессивную систему налогообложения и более жесткий механизм государственного контроля за налоговыми поступлениями.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237. 25 дек.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 03.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2017 г.) // СЗ РФ. 2000. 07 авг.

3. Закон КНР. О налоге на прибыль предприятий 中华人民共和国企业所得税法, утвержденный 5-м съездом Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва от 16.03.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legal-way.ru/tax32.php> (дата обращения: 15.05.2017).

4. Налог на прибыль предприятий [Электронный ресурс]. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/enterprise-tax/> (дата обращения: 15.05.2017).

5. Налогообложение в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://sbf-group.com/ar5.ticles/china/taxation_in_china (дата обращения: 15.05.2017).

6. Федеральная налоговая служба Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/profitul/> (дата обращения: 15.05.2017).

Как власти Пекина борются со смогом

© Лю Пинь

магистрант Политико-юридического университета Китая
Китай, г. Пекин

Экологические проблемы, связанные со здоровьем человека, всегда были горячей темой в мировой науке и общественной жизни. Как известно, в настоящее время Пекин является мегаполисом с одним из самых высоких уровней загрязнения воздушного пространства. Для многих людей, живущих в Пекине, утро начинается с проверки уровня РМ 2.5 в воздухе. Именно поэтому пекинцы очень сильно обеспокоены состоянием качества воздуха.

Выступая в ходе дискуссии с депутатами ВСНП от провинции Шэньси, прошедшей в рамках 5-й сессии ВСНП 12-го созыва, 9 марта 2017 г., премьер Госсовета КНР Ли Кэцян подчеркнул, что необходимо прилагать большие усилия по стимулированию координации социально-экономического и экологического развития. В последние годы власти Китая развернули ряд целевых программ по устранению смога, которые действуют в основном по трем ключевым направлениям: сжигание угля, выброс выхлопных газов автомашин и ликвидация пыли производств. Вместе с тем недостаточное внимание уделяется применению азотных удобрений. Ученым обязательно следует изучить механизм образования смога. Лишь в случае, когда его механизм будет полностью изучен, принятые меры можно будет назвать действительно эффективными.

Сегодня политика правительства КНР повернулась в сторону решения экологических проблем. Так, правительство планирует инвестировать 1 750 млрд юаней в 2017 г., чтобы уменьшить дальнейшее загрязнение воздуха. Согласно специально разработанному «Плану действий по предотвращению и ликвидации последствий загрязнения атмосферы» [1] для северного региона, включающего Пекин, Тяньцзинь и некоторые города провинции Хэбэй, правительство надеется к 2017 г. снизить в этих регионах на 25 % уровень вредных газов по сравнению с показателем 2012 г.

В вышеуказанном Плане Госсовет КНР также объявил 10 мер для борьбы с загрязнением воздуха, называемых газовой десяткой. В число этих мер входят: 1) усиление контроля над потреблением энергии и уменьшение выбросов загрязняющих веществ; 2) реконструкция и модернизация ведущих отраслей промышленности; 3) ускорение технологических преобразований предприятий и повышение инновационного и научно-технического потенциалов; 4) использование природного газа и других более чистых видов топлива; 5) стимулирование новых механизмов энергосбережения и пространственная оптимизация распределения промышленности; 6) повышение роли рыночного механизма и совершенствование экологической политики; 7) воплощение в жизнь законов и стандартов для промышленной реструктуризации и модернизации; 8) усиление межрегионального сотрудничества; 9) установление механизма экстренного реагирования на сильное загрязнение воздуха; 10) определение ответственности предприятия и общества и мобилизация всех сил народа на охрану окружающей среды.

Что касается пекинского смога, причины разные. Это фактор и географический, и человеческий. Пекин лежит в равнине, с трех сторон окружен горами, которые подступают к самому городу. Западные ветры приносят сюда воздух из пустынь Центральной Азии, в котором содержатся мельчайшие частицы песка; океан на востоке насыщает воздух влагой. Вот и получается дымка.

Но дальше вступает в дело человеческий фактор. Самая основная — многочисленные предприятия, автомобили, всевозможные забегаловки, готовые на открытом огне, которые выпускают топливо низкого качества. Вредные выбросы оседают на мелких частицах и создают гремучую, очень опасную для здоровья смесь.

В целях реализации национального плана и дальнейшего улучшения качества воздуха власти Пекина начали активно предпринимать кое-какие меры: 16 марта 2013 г. был обнародован муниципальный план действий «Чистый воздух Пекина 2013–2017» [2], в конце ноября 2016 г. был принят последний «План экстренного реагирования на сильное загрязнение воздуха» [3], в январе 2017 г. были сформированы подразделения экологической полиции, которые борются с серьезными преступлениями в сфере охраны окружающей среды и т. д.

Согласно Плану действий в 2013–2017 гг., предприятия, незаконно выбрасывающие загрязняющие вещества и не выполняющие возложенные на них обязанности, будут нести наказание в виде штрафа, в назначенный срок устранять недостатки или будут привлекаться к уголовной ответственности за экологические преступления.

В соответствии с требованиями Плана 2016 г. во время предупреждения «оранжевого» и «красного» уровня запущено ограничение движения некоторых старых легковых автомобилей с бензиновым двигателем. Кроме того, с 15 февраля 2017 г. в будние дни указанные автомобили запрещены в пределах 5 см кольцевой дороги, нарушители подвергаются штрафу в размере 100 юаней.

С момента начала реализации планов Пекин достиг реальных результатов в области улучшения качества воздуха. Это является реальной демонстрацией того, что общее направление и действующие подходы к борьбе с загрязнением воздуха являются правильными. На пресс-конференции, организованной в рамках 5-й сессии ВСНП 12-го созыва, министр защиты окружающей среды КНР Чэнь Цзинин подчеркнул, что в 2017 г. Министерство защиты окружающей среды намерено ужесточить правоприменительную практику в сфере охраны окружающей среды, еще более решительно вести борьбу по ликвидации загрязнения атмосферного воздуха, воды и почвы.

Литература

1. План действий по предотвращению и ликвидации последствий загрязнения атмосферы [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/2013-09/12/c_117349304.htm
2. Чистый воздух Пекина 2013-2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://zhengwu.beijing.gov.cn/ghxx/qtgh/t1324558.htm>
3. План экстренного реагирования на сильное загрязнение воздуха [Электронный ресурс]. URL: <http://bj.people.com.cn/n2/2016/1121/c82840-29344592.html>

Правовой статус иностранцев в Китае и России: сравнительный анализ

© *Лян Минь янь*

*доцент юридического института Чанчуньского
политехнического университета КНР,
доктор юридических наук
Китай, г. Чанчунь*

В условиях глобализации граждане стали выезжать в разные страны по разным причинам, и во многих странах живут и работают иностранцы. По статистике Министерства общественной безопасности, в Китае в 2010 г. число приезжих иностранцев составляло 52 млн человек, среди них выходцы из Южной Кореи, японцы, американцы и россияне.

Цель поездки в Китай: туризм — 12 млн 382 тыс., визит — 4 млн 607 тыс., обслуживающие работники — 2 млн 463 тыс., по коммерческим делам или на конференции — 1 млн 59 тыс., работающие — 807 тыс., на учебу 190 тыс., остальные — 4 млн 88 тыс. человек.

Согласно статистике Федеральной миграционной службы РФ (далее — ФМС РФ), в России в настоящий момент легально работает 1,4 млн приезжих, 1,1 млн из них — выходцы из СНГ. Это официальные цифры, они далеки от реальных, которые не включают число нелегалов. Масштаб разрыва демонстрируют данные по въезду иностранцев в Россию. В 2010 г. в страну прибыло 11,3 млн иностранных граждан, из которых почти 8 млн человек из стран СНГ. В 2009 г. российские компании официально приняли на работу 3,9 млн человек в соответствии с постановлением правительства России от 07.11.2008 г. № 835 о квоте на иностранцев [9]. А в 2010 г. это количество снизилось до 2 млн чел.

1. Органы управления иммиграционными процессами в Китае и России

Главным органом, осуществляющим управление в сфере иммиграционных процессов, в Китае является бюро по управлению выездом и въездом в КНР. Его основная задача состоит в изучении и развитии иммиграционной политики, организация, руководство и контроль над въездом и выездом иностранцев и граждан Китая, исследование нарушений иммиграционных законов и правил акта, обеспечение услуг по управлению гражданством и выдачей виз в портах, проведение аудита, утверждение и публикация в открытых областях для иностранцев [14].

В России согласно положению о ФМС России Федеральная миграционная служба является федеральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере миграции и осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции. ФМС России подведомственно Министерству внутренних дел Российской Федерации. Основными задачами ФМС России являются:

- 1) реализация общей стратегии государственной политики в установленной сфере деятельности:
 - 1.1) совершенствование нормативно-правового регулирования в установленной сфере деятельности;
 - 1.2) производство по делам о гражданстве Российской Федерации, оформление и выдача основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации;
- 2) осуществление регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и контроля за соблюдением гражданами и должностными лицами правил регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации;
- 3) оформление и выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию, проживания и временного пребывания в Российской Федерации;
- 4) осуществление контроля за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства установленных правил проживания и временного пребывания в Российской Федерации:
 - 4.1) осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации;
 - 5) разработка и реализация во взаимодействии с иными государственными органами мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции;
 - 6) исполнение законодательства Российской Федерации по вопросам беженцев и вынужденных переселенцев, участие в установленном порядке в предоставлении политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства;

7) осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции, привлечения иностранных работников в Российскую Федерацию и трудоустройства граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации;

8) управление территориальными органами ФМС России, ее загранаппаратом, а также иными организациями и подразделениями, созданными для решения возложенных на ФМС России задач.

Очевидно, что в Китае нет специального органа как ФМС РФ. Бюро по управлению выездом и въездом КНР в большей степени занимается вопросами въезда и выезда из страны. Его функции и задачи значительно уже, что позволяет утверждать, что в Китае нет миграционной службы.

2. Понятие «иностранец» в Китае и России

На сегодняшний день в Китае отсутствует легальное определение понятия «иностранец». В соответствии со ст. 2 «Установления о трудоустройстве иностранцев в Китае» иностранец — это тот, кто не обладает гражданством КНР, согласно «Закону о гражданстве КНР». В законе «О гражданстве КНР» установлено: гражданин КНР — это тот, кто обладает гражданством КНР. Значит, иностранец в Китае — это тот, у кого нет гражданства КНР, в это понятие входят: иностранные граждане и лица без гражданства. Основы правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства должны закрепляться в законе, но, к сожалению, в Китае даже нет единого и точного определения понятия «иностранец».

В России понятие «иностраный гражданин» содержится в федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», согласно которому «иностраный гражданин — физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства» [5].

Следует отметить небольшие различия в дефинициях, содержащихся в обоих законах, в частности, федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» требует доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Данное различие не является критическим и едва ли повлечет за собой негативные последствия, однако единство понятийного аппарата всегда свидетельствует о высокой правовой технике законодательного процесса и выступает гарантом однообразной правоприменительной практики.

Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что в России сформировалась более совершенная правовая система, решающая иммиграционную проблему. В особенности в федеральном законе от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «раскрыт» вопрос иммигранта (начиная с оформления приглашения и заканчивая ответственностью). В свою очередь, в Китае нет закона, устанавливающего правовое положение иностранных граждан. Все вопросы, касающиеся иммиграционной проблемы устанавливаются в отдельных законах или правовых актах, и эти нормативные документы не совершенны, не содержат четкие определения, что принесло немало трудностей для применения.

3. Основные принципы правового положения иностранцев в Китае и России

Согласно закону КНР о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев, правительство Китая охраняет законные права и интересы иностранцев на территории Китая. Личная свобода иностранцев неприкосновенна. Органы общественной безопасности или государственной безопасности не могут арестовать иностранца без санкции и решения народной прокуратуры или решения народного суда [7].

Иностранцы, находящиеся на территории Китая, должны соблюдать законы Китая, не наносить вред государственной безопасности Китая, не причинять ущерб интересам общества и не нарушать общественный порядок [9].

Российское законодательство исходит из следующих основных принципов правового положения иностранных граждан:

- 1) иностранные граждане пользуются теми же правами и свободами и несут те же обязанности, что и граждане РФ;
- 2) иностранные граждане равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий и других обстоятельств;
- 3) в отношении граждан тех государств, в которых имеются специальные ограничения прав и свобод отечественных граждан, могут быть установлены ответные ограничения;
- 4) использование иностранными гражданами своих прав в РФ не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам и законным интересам граждан РФ и других лиц. Как и остальные участники гражданского оборота, иностранцы обязаны соблюдать действующие в Российской Федерации законы, включая и те, которые определяют порядок осуществления субъектами своих гражданских прав. Иностранцы, совершившие преступления, административные или иные правонарушения на территории России, подлежат ответственности на общих основаниях с гражданами Российской Федерации [3].

Можно сказать обе стороны в законах установили принципы в отношении иностранцев. Но в Китае такие принципы приравниваются к лозунгам, и это свидетельствует о слабости и невысокой правовой технике в этой сфере.

4. Въезд, выезд, а также проживание иностранцев в Китае и России

Въезд иностранцев в страну, их выезд из страны и транзитный проезд через территорию Китайской Народной Республики, а также регулирование порядка проживания и передвижения иностранцев в Китае реализуются посредством закона о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев. Этот закон вступил в силу с 01.02.1986 г. [8]. Всего содержит 8 глав 35 статей. Иностранцев на территории Китая подразделяют на три кате-

гории: временно пребывающие (до 1 года); временно проживающие (от 1 года до 5 лет) и постоянно проживающие (5 или 10 лет). Указанные лица могут получить вид на постоянное жительство в Китае при условии, если:

1) есть прямые инвестиции в КНР, стабильные инвестиции в течение 3-х лет подряд, и надлежащая оплата налогов.

2) является специалистом и тем, кто сделал высокий и выдающийся вклад в китайское государство.

3) желает жить с членами семьи вместе (родители к взрослым детям, дети к родителем, супруги друг к другу).

Правовой статус вышеперечисленных категорий иностранцев не отличается. Все, кто желает работать в Китае, должен получить лицензию. Лица с визами по серии F, L, С, G, учебной визой и сопровождающие члены работников не могут работать в Китае.

По сроку пребывания все иностранцы, находящиеся на территории РФ, подразделяются на три категории: временно пребывающие в РФ, временно проживающие в РФ (3 года) и постоянно проживающие в РФ (5 лет). Правовой статус каждой категории различен. Соответственно временно пребывающие иностранные граждане и лица без гражданства имеют меньше прав и обязанностей, чем постоянно проживающие. Например, постоянно проживающие в РФ иностранцы пользуются свободой передвижения и выбора места жительства в пределах РФ наравне с российскими гражданами, чего нельзя сказать о двух других категориях иностранцев. Также иностранцы, имеющие вид на жительство, пользуются некоторыми политическими нормами, закрепляющими понятие и устанавливающими критерии отнесения лиц к категории вынужденных переселенцев [10].

Кроме того, обе стороны установили отдельные пункты о специалистах. В Китае существует два вида специалистов:

1. Занимаемые в Китае должности: генеральный директор, заместитель генерального директора, заместитель директора завода, другие соответствующие и более высокие должности, либо должность заместителя (исполняющего обязанности) профессора, заместителя научного сотрудника, заместителя (исполняющего обязанности) других высоких должностных лиц соответствующего и более высокого уровня, а также для лиц, приравненных к этим должностям по привилегиям. Срок непрерывной службы на должности — 4 года, совокупный срок пребывания в Китае в течение 4-х лет — не менее 3-х лет, хорошие показатели об уплате налогов.

2. Высокий и выдающийся вклад в китайское государство, а также особая государственная необходимость.

В России высококвалифицированным специалистом, согласно ст. 13.2 Закона о правовом положении иностранных граждан в РФ, признается иностранный гражданин, обладающий следующими навыками: 1) имеющий опыт работы, достижения в конкретной области деятельности; 2) заработная плата (вознаграждение) составляет более двух миллионов рублей в год.

Таким образом, специалисту достаточно легко приехать в Китай и там работать. А в Россию для того, чтобы стать ВКС, кроме требования к специальности, применяются и другие цензы.

5. Права иностранцев в Китае и России По международным правилам различают три вида правового режима иностранцев: национальный режим, специальный режим и режим наибольшего благоприятствования.

Правовой статус иностранцев, объем их прав и обязанностей в некоторых случаях зависят от того, к какой категории они относятся. Основания для выделения категорий могут быть различными: срок и основания пребывания, классовая принадлежность, половозрастные, профессиональные признаки, состояние здоровья и т. д. [15].

По Конституции КНР: КНР охраняет законные права и интересы иностранцев на территории Китая, иностранцы должны соблюдать китайские законы, законные интересы в сфере личности, брака, семьи и права на образование; законные доходы, сбережения, жилье и другие владения защищены. Для иностранных работников в офисах, школах, государственных и коллективных предприятиях и учреждениях существует равная оплата с китайскими рабочими, обеспечены одинаковые охраны труда, пенсии, отставки и т. д. Иностранцы могут инвестировать в Китай [1].

В 1979 г. закон «О совместном предприятии» позволил иностранным партнерам с китайскими партнерами в Китае организовывать совместное предприятие. Китайское правительство в соответствии с соглашениями, контрактами и уставом совместных предприятий защищает прибыль и другие интересы иностранцев. К 1980 г. «Индивидуальный закон о подоходном налоге» установил: иностранцы, проживающие один год, должны платить подоходный налог как во время нахождения в стране, так и за пределами Китая. А иностранцы, проживающие не менее одного года или не проживающие в стране, платят подоходный налог с доходов, полученных в Китае. Но для иностранцев есть льготные условия по уплате налогов, например, порог для налогообложения: китайцы — 800 юаней, иностранцы — 4 000 юаней.

Иностранцы в Китае не имеют политических прав: иностранцы не вправе избирать и быть избранными. Нельзя иметь членство в партиях или заниматься политической деятельностью. Также нет такой обязанности, как служить в армии. Нет права работать в любых государственных органах.

А в России иностранные граждане на территории России имеют право на трудовую деятельность, вправе получать зарплату и обязаны платить налог, но для иностранцев — 30%, для граждан России — 13%. Кроме того, они имеют право на отдых, на охрану здоровья, на получение пособий, пенсий и других форм социального обеспечения, на обеспечение жильем. Иностранцы имеют право получать образование, пользоваться достижениями культуры, им гарантируется свобода совести, они могут заключать и расторгать браки с гражданами России [11].

Законодательство Российской Федерации устанавливает определенные ограничения в правах, свободах и обязанностях для иностранных граждан и лиц без гражданства. Прежде всего эти ограничения касаются поли-

тических прав, обладание которыми неразрывно связано с наличием гражданства Российской Федерации.

Иностранные граждане или лица без гражданства имеют право приобретать в частную собственность квартиры, дома и иные жилые помещения на территории РФ. При этом для них установлен такой же порядок регистрации договора купли-продажи и перехода права собственности, как и для граждан РФ, но с некоторыми особенностями их оформления.

В соответствии с Законом об иностранных инвестициях граждане другой страны или лица без гражданства могут покупать предприятия, комплексы, здания на территории РФ при условии, что обладают таким же правом по законодательству их места жительства.

Кроме того, действует запрет на использование иностранных инвестиций при приватизации государственных и муниципальных предприятий, расположенных в пределах закрытой территории, кроме случаев, предусмотренных постановлениями Правительства РФ [9].

В земельном законодательстве есть ограничения на приобретение участков в собственность, а также на их аренду. Например, Земельный кодекс запрещает иностранным гражданам и юридическим лицам, лицам без гражданства покупать на праве собственности землю в приграничных территориях, перечень которых устанавливает Президент РФ в соответствии с Законом о государственной границе.

Законодательство РФ также запрещает указанным лицам владеть на праве собственности участками недр, континентального шельфа, лесного фонда.

Сравнив права иностранцев в Китае и в России, можно прийти к выводу:

Права иностранцев на территории России значительно шире, чем в Китае. Иностранные граждане, постоянно проживающие в Российской Федерации в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме. Иностранцы могут покупать на праве собственности землю вне и в приграничных территориях. А в Китае иностранцы не имеют никаких политических прав, не могут покупать землю на праве собственности, а могут только арендовать землю с ограничением.

В Китае существует льготный режим налогообложения, но не только в сфере подоходного налога с населения. Если иностранец откроет ИП или предприятие иностранной инвестиции 100%, то его предприятие по истечении 2 лет после открытия могут освободить от корпоративного подоходного налога, а следующие 3 года обяжут платить только 50%.

Следует сказать, что в Китае и России преобладает национальный режим, только в Китае у иностранцев нет политических прав. А в России иностранцы, постоянно проживающие на территории России, пользуются почти одинаковыми правами с гражданами РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конституция КНР от 1982 г.
3. О беженцах: федер. закон от 19.02.1993 г. № 4528-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федер. закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев: закон КНР от 22.11.1985 г.
8. Общие положения гражданского права Китайской Народной Республики от 12.04.1986 г.
9. Об утверждении Перечня территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение: постановление Правительства РФ от 11.10.2002 г. № 754. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О квотах на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 01.11.2002 г. № 790. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Правил определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 04.04.2003 г. № 193. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Положение о получении вида на постоянное жительство иностранцев от 15.08.2004 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища: указ Президента РФ от 21.07.1997 г. № 746. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Установление о получении вида на жительство иностранцев в Китае от 13.12.2003 г.
15. Установление о трудоустройстве иностранцев в Китае от 22.01.1996 г.
16. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84165/index.html>.

Защита прав граждан Российской Федерации и КНР, участвующих в проведении собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирований

© К. М. Марактаева
магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
german211093@mail.ru

Политические права — это одна из важнейших категорий групп прав человека, определяющая положение личности в государстве и обществе, обеспечивающая участие граждан в решении вопросов государственной жизни, являющаяся необходимым элементом правового государства, а уровень их реализации является показателем развития демократии.

Конституция Российской Федерации 1993 г. гарантирует гражданам России широкий диапазон политических свобод. «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования» [1, ст. 31]. С развитием конституционных положений граждане получили реальную возможность влиять на политические процессы, происходящие в нашем обществе.

Успешность реализации политических прав граждан зависит не только от их закрепления в Конституции Российской Федерации и иного нормативного закрепления, но и в большей степени от наличия действенного механизма защиты данных прав. Одной из самых эффективных форм защиты прав граждан признан суд.

Одной из наиболее действенных форм участия в политической жизни страны и выражения непосредственной (прямой) демократии является участие граждан Российской Федерации в собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях и пикетированиях. В настоящее время данная тема достаточно актуальна в Российской Федерации.

Собрание — это совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для совместного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов.

Митинг — это массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.

Демонстрация — это организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации.

Шествие — это массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам.

Пикетирование — это форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции [2, ст. 2 ФКЗ].

В свою очередь организаторы публичного мероприятия обязаны предоставить органам государственной власти уведомление и регламент проведения публичного мероприятия в целях обеспечения безопасности.

Уведомление о проведении публичного мероприятия — документ, посредством которого органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органу местного самоуправления в порядке, установленном Федеральным законом от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», сообщается информация о проведении публичного мероприятия в целях обеспечения при его проведении безопасности и правопорядка.

Регламентом проведения публичного мероприятия является документ, содержащий повременное расписание (почасовой план) основных этапов проведения публичного мероприятия с указанием лиц, ответственных за проведение каждого этапа, а в случае, если публичное мероприятие будет проводиться с использованием транспортных средств, информацию об использовании транспортных средств.

Как государство в целом, так и органы государственной власти, являющиеся гарантом защиты всех прав граждан, включающие в себя и неотъемлемые политические права, всегда стоят на защите прав граждан и на обеспечении безопасности страны и ее граждан. В связи с этим создан механизм защиты политических прав граждан. Как показывает практика, одним из самых действенных механизмов являются суды, а именно Конституционный Суд Российской Федерации. Но прежде чем гражданам придется направить обращение в суд, существуют, так сказать, «предупредительные» процедуры, а именно административная ответственность. Административная ответственность является действенным, но не совершенным регулятором защиты политических прав и предупреждения правонарушений в этой связи. В России наибольшей значимостью обладает все же Конституционный суд. В большинстве дел рассмотренных Конституционным судом РФ, будь то по социальной защите граждан, либо по защите прав политических, в большей степени суд принимает решение в пользу гражданина.

В Китае также определены права граждан, свободы слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций, гарантированные Конституцией. Развитие средств информации и издательской деятельности обеспечивает благоприятные условия для осуществления гражданами свободы слова и печати. Самыми крупными в Китае общественными организациями являются Всекитайская федерация женщин, Всекитайская федерация молодежи и Всекитайская федерация профсоюзов, филиалы которых имеются по всей стране. Они обеспечивают тесную связь и объединение женщин, молодежи, рабочих и служащих всей страны, принимают уча-

стие в государственной и местной политической жизни, играют важную роль в координации общественных мероприятий, защите законных прав и интересов женщин, молодежи, рабочих и служащих и поэтому пользуются высоким авторитетом в народной среде. Несмотря на всю схожесть политических прав граждан в России и Китае, все же различен механизм защиты данных прав. Так, например, в Верховном Народном Суде КНР свидетели не допрашиваются, а заслушиваются их показания, данные ранее на следствии, что, на наш субъективный взгляд, является недостаточно объективным способом разрешения дел и защиты прав граждан, в том числе касаясь равенства сторон. Вследствие несовершенств механизмов защиты прав граждан и невозможности «мирного разговора» органов государственной власти и народа, как и во многих других странах, возникают конфликты в виде митингов.

В сентябре 2014 г. демократические активисты в Гонконге протестовали против правительства у здания правительства и заняли несколько крупных перекрестков города, чтобы выразить протест против решения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) по планируемой реформе избирательной системы на предстоящих в 2017 г. в Гонконге выборах исполнительной власти.

ПК ВСНП требует от комитета по выдвижению заранее утвердить трех кандидатов на выборах, прежде чем перейти к голосованию с привлечением широких слоев населения. После этих выборов избранный глава исполнительной власти должен быть формально назначен центральным правительством до официального вступления на пост. В июне 2015 г. Законодательный совет Гонконга отклонил избирательную реформу: против законопроекта высказались 28 из 70 депутатов, только 8 парламентариев его поддержали, остальные не голосовали. После этого демонстранты пообещали разойтись и большая часть их слово сдержали, остальным власти дали час на эвакуацию палаток, а тех, кто остался, увела полиция. К сожалению, в большинстве случаев именно задержание полицией и арест являются конечным итогом митингов, шествий и демонстраций. Хотелось бы большего понимания и поддержания разговора со стороны органов власти, прислушаться к народу, ведь именно народ является источником власти, как указано в Конституции.

В Российской Федерации был увеличен предельный размер штрафа для граждан за правонарушения, связанные с проведением публичных мероприятий, с 5 тысяч до 300 тысяч рублей. Следовательно, сохранив для всех иных видов нарушений максимальный размер штрафа в 5 000 рублей, законодатель счел нужным увеличить этот размер для конкретного вида нарушений в 69 раз. Следует отметить, что подобное максимальное наказание предусмотрено за допущенные организатором или участником публичного мероприятия нарушения, повлекшие причинение вреда здоровью человека или имуществу, то есть это наказание увязывается с определенными неблагоприятными последствиями допущенных нарушений [3, с. 12–21].

В Государственную думу РФ внесен законопроект, предусматривающий усиление ответственности за неоднократное нарушение порядка организации либо проведения митингов. Авторами инициативы выступили депутаты от фракции «Единая Россия» Александр Сидякин и Андрей Красов, а также представитель «Справедливой России» Игорь Зотов. Такое повышение размеров штрафов депутаты аргументировали как обеспечение безопасности граждан, принимающих участие в митингах, шествиях и демонстрациях.

Однако Конституционный суд РФ признал минимальный размер штрафа за нарушение правил проведения массовых мероприятий, установленный так называемым законом о митингах, не соответствующим Конституции. По мнению суда, штраф в 10 тысяч рублей для граждан и 50 тысяч рублей для должностных лиц не позволяет учесть все обстоятельства дела [4, с.1].

Суд потребовал, чтобы законодатели внесли изменения в Кодекс об административных правонарушениях, посчитав, что существующие размеры штрафов за административное правонарушение, приравненные как за уголовно наказуемое деяние, нецелесообразны. Лишь некоторые депутаты Государственной думы выразили мнение, что граждане Российской Федерации, получающие заработную плату в среднем 27 тысяч рублей, не имеют возможности на выплату штрафов в размере 300 тысяч рублей.

Судьи постановили, что на организаторов акции нельзя возлагать ответственность за отдельных участников митинга. Если демонстрант повредил имущество и нанес материальный ущерб, то отвечать должен лишь он сам. Возмещать ущерб предстоит государству, но не организаторам.

Кроме того, Конституционный суд запретил наказывать исправительными работами за нарушения на митингах, которые не связаны с причинением вреда здоровью.

Таким образом, на защиту граждан, участвующих в собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях и пикетированиях, как мы выяснили, встает Конституционный Суд Российской Федерации.

В свою очередь, совершенствование законодательства о митингах, шествиях, демонстрациях, пикетированиях в Российской Федерации будет в конечном счете способствовать развитию механизмов реализации общественных инициатив, усилению общественного контроля за государственной властью, демократизации всех сфер общественной жизни, в том числе процессов, происходящих в политической системе страны, а также укреплению доверия граждан к органам государственной власти и органам местного самоуправления.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята общенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/ (дата обращения: 14.05.2017).

3. Авакьян С. А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12–21.

4. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/462319> (дата обращения: 15.05.2017).

Налогообложение страховых организаций России и Китая: налог на прибыль

© *П. А. Никашова*
студентка 3-го курса ЮФ БГУ,
Россия, г. Улан-Удэ
nikashoffa2010@gmail.com

На современном этапе развития международного страхования можно отметить возрастающую роль рынков развивающихся стран и распространение влияния (экспансии) на них ведущих страховых компаний. Времена, когда лидирующее положение занимали только развитые страны, мировые гиганты, уходят в прошлое. И такое изменение в стратегии развития международных страховщиков говорит о глобальных процессах, происходящих в сфере страхования, о жесткой конкуренции и отсутствии возможности расширения масштабов деятельности компаний на традиционных страховых рынках. К таким рынкам относят абсолютных лидеров в мире — Соединенные Штаты Америки, Европейский союз и Японию. В сложившихся условиях азиатский рынок является наилучшей площадкой для развития страхового бизнеса, поэтому весь его потенциал должен быть направлен на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, необходим последовательный, планомерный курс экономических и политических реформ в КНР, что позволит привлечь большие объемы зарубежных инвестиций уже сейчас и увеличить поступления в различные секторы экономики, в том числе и в сферу страховых услуг в будущем.

Безопасность является одной из основных потребностей человека, поэтому в условиях рыночной экономики широко востребованы возможности страхования, связанные с созданием накоплений юридических и физических лиц. Это способствует росту благосостояния нации и позволяет решать проблемы социального и пенсионного обеспечения. Таким образом, страхование — это деятельность, направленная на защиту интересов физических и юридических лиц, осуществляемая через специальные компании.

Страховые организации через страховые фонды оказывают значительное влияние на финансовые потоки всей страны, помимо этого они являются одной из доходобразующих частей бюджетной системы Российской Федерации. Страховые организации — это структурный (основной) элемент страхового рынка, где осуществляется процесс формирования и использования страхового фонда, складываются экономические отношения, переплетаются личные, групповые и корпоративные интересы.

В сфере финансовых отношений страховые организации имеют устойчивую связь с рынком ценных бумаг, банковской системой, валютным рынком, государственными и региональными финансами. Вместе с тем широкий круг отношений связан с участием страховых организаций в налогообложении.

В данной работе были исследованы страховые рынки России и Китая на примере налога на прибыль страховых организаций.

Китайский страховой рынок является одним из самых влиятельных и крупных в мире. Ежегодный прирост страховой премии возрастает, составляя более 36% на 2016 г. На долю государственной страховой компании приходится около 80% совокупной страховой премии, таким образом ее роль является определяющей. Тем не менее уровень развития страхования в стране по-прежнему остается невысоким — около 30 долл. в год составляет страховая премия, приходящаяся на душу населения [5].

Китайское законодательство предъявляет довольно суровые требования к новым «игрокам», которые могут удовлетворить далеко не все компании, а лишь только крупнейшие международные страховые группы. Так, становление бизнеса начинается с открытия в КНР представительства каждым новым участником, а по прошествии двух лет страховая компания вправе подать заявку на получение лицензии и преобразовать филиал в дочернюю компанию. В свою очередь, необходимо остановиться на требованиях, предъявляемых страховым организациям, осуществляющим свою деятельность на территории РФ. Во-первых, размер уставного капитала зависит от объекта деятельности. Так, минимальный уставной капитал организаций медицинского страхования должен составлять 60 млн рублей. Во-вторых, страховая организация должна получить разрешение на проведение соответствующей деятельности (лицензию), исключение составляет деятельность страховых актуариев, они подлежат аттестации [3].

В КНР ставки налогообложения на доходы китайских страховых компаний составляют 33%, иностранных страховщиков — 15%; компании по страхованию жизни освобождаются от налога на доходы и ставки налога с оборота (5%) [1; 2].

В частности, если иностранная страховая компания имеет опыт работы на страховом рынке более 10 лет, капитал объемом более 10 млн долл., то в первый год работы на китайском рынке она освобождается от налогообложения, в последующие годы ставка налога уменьшается вдвое [6]. В свою очередь, в РФ существует единая налоговая ставка для страховых организаций, равная 20 % их прибыли, независимо от того, субъектом какой страны является участник налогообложения.

Все предприятия в Китае (в том числе страховые организации) платят следующие налоги: налог на доходы предприятий, НДС или налог на предпринимательскую деятельность, налог на городской ремонт и строительство и ряд других. С 2010 г. банки Китая участвуют в страховом капитале, однако каждый банк может приобрести акции только одного страховщика, приобретение акций (пакетов акций) у нескольких страховых организаций строго запрещается [7]. Четкое разграничение банковских и страховых операций должны обеспечить финансово-кредитные учреждения в случаях, когда произошло вложение средств в страховые компании. Также банкам запрещается выдавать кредиты страховщику и его дочерним предприятиям, если у банка есть акции этого страховщика.

Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» определяет страхование как отношения по защите интересов физических и юридических лиц РФ, субъектов РФ и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков [3].

В соответствии с законодательством РФ под страховщиком понимается такое юридическое лицо, которое осуществляет страховую деятельность с соответствующим разрешением (лицензией). В круг действий, осуществляемых страховщиками, входят: а) оценка страхового риска; б) получение страховых премий (страховых взносов); в) формирование страховых резервов; г) инвестирование активов; д) определение размера убытков или ущерба и т. д.

Налогом на прибыль облагаются следующие виды доходов.

1. Страховые премии (взносы) по договорам страхования, сострахования и перестрахования. Сострахование — это страхование объекта несколькими страховщиками по одному договору страхования.

Содержание договора определяется правами и обязанностями каждого страховщика. В таком случае страховые премии (взносы) включаются в состав доходов страховщика и состраховщика в размере их доли страховой премии, установленной в договоре сострахования.

Перестрахование — это вид страховой деятельности по защите одним страховщиком (перестраховщиком) имущественных интересов другого страховщика (перестрахователя), связанных с принятым последним по договору страхования (основному договору) обязательств по страховой выплате. При этом страховщик остается ответственным в полном объеме перед страхователем в соответствии с договором страхования.

Так, при определении размера страховой премии применяются тарифы (разработанные страховщиками), определяющие премию, взимаемую с единицы страховой суммы, с учетом объекта страхования и характера страхового риска.

2. Суммы уменьшения (возврата) страховых резервов, образованных в предыдущие отчетные периоды с учетом изменения доли перестраховщиков в страховых резервах.

Страховые резервы формируются страховщиками для обеспечения исполнения обязательств по страхованию и перестрахованию. Резервы по страхованию (за исключением страхования жизни) образуются по Правилам формирования страховых резервов по страхованию иному, чем страхование жизни, утвержденным приказом Минфина России от 11 июня 2002 г. № 51 н [4].

3. Суммы процентов на депо премий по рискам, принятым в перестрахование.

Депо премия — часть премии, выплачиваемая перестраховщику полностью при прекращении договора. Эта сумма причитается страховщику и удерживается перестрахователем как гарантия выполнения обязательств, прописанных в договоре перестрахования.

4. Вознаграждения (премия) за оказание услуг страхового агента, брокера.

Страховой агент — это физическое лицо, постоянно проживающее на территории РФ и осуществляющее свою деятельность на основании гражданско-правового договора, или коммерческая организация, которая представляет страховщика в отношениях со страхователем, действует от имени страховщика и по его поручению в соответствии с предоставленными полномочиями.

Страховой брокер — это юридическое или физическое лицо (предприниматель), осуществляющее посредническую деятельность между страхователем и страховщиком по страхованию от своего имени на основании поручений того или иного участника договора (страхователя либо страховщика).

5. Суммы возврата части страховых премий (взносов) по договорам перестрахования в случае их досрочного прекращения. Возврат части страховых премий осуществляется в случае досрочного прекращения договора (основанием может служить гибель одной из сторон), при досрочном расторжении договора либо при одностороннем отказе страхователя (выгодоприобретателя) от договора.

6. Другие доходы, полученные при осуществлении страховой деятельности (доходы, полученные от размещения страховых резервов и других средств и т. д.).

Доходы налогоплательщика в виде всей суммы страхового взноса, причитающейся к получению, признаются на дату возникновения ответственности налогоплательщика перед страхователем по заключенному договору, вытекающей из условия договора страхования, сострахования, перестрахования. При этом не принимается во внимание порядок уплаты страхового взноса, указанный в договоре [3].

Иной порядок признания доходов предусмотрен только в отношении страховых взносов по договорам долгосрочного страхования жизни, по которым доходы в виде части страховых взносов признаются на момент возникновения у налогоплательщика права на получение очередного страхового взноса в соответствии с условиями договора.

В завершение отметим, что в современной мировой практике налогообложения основным для страховых организаций является налог на прибыль. Хотя существует множество налогов, которыми облагается страховой бизнес, основная доля приходится именно на этот.

В Китае в федеральный бюджет зачисляется налог на прибыль государственных предприятий, а в местный — налог на прибыль предприятий, зарегистрированных и (или) осуществляющих деятельность в какой-либо провинции. В России налог полностью зачисляется в федеральный бюджет, независимо от уровня предприятия.

Специфика налогообложения прибыли страховых организаций обусловлена особенностями элементов юридического состава налогов, таких как объект налогообложения, ставки налога, срок уплаты налога, льготы по налогу. Характерное отличие налогообложения прибыли страховых структур заключается прежде всего в специфике их деятельности, которая связана с достаточно большой скоростью оборота капитала развития страхового рынка в целом.

Следует сказать, что законодательство стран закрепляет систему налогообложения страховых организаций исходя непосредственно из финансовых результатов их деятельности. Но в действительности довольно часто возникают сложности, связанные прежде всего с практической реализацией данной системы налогообложения. Это не позволяет достоверно планировать поступление доходов от страховой деятельности в государственный бюджет и бюджеты более низких уровней (региональные, местные).

Налог на прибыль страховых организаций не решает фискальных задач, и вследствие всевозможных «способов минимизации» прибыли от страховой деятельности такие поступления в бюджет не соответствуют масштабам и темпам роста страховых взносов.

Литература

1. О налоге на доходы предприятий: закон КНР № 32 от 1 января 2008 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О применении Закона КНР о налоге на доходы предприятий: положение № 512 от 1 января 2008 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон от 27 ноября 1992 г. № 4015-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Правил формирования страховых резервов по страхованию иному, чем страхование жизни: приказ Минфина РФ от 11 июня 2002 г. № 51н. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Адамчук Н. Г. Мировой страховой рынок на пути к глобализации. М.: РОССПЭН, 2014.
6. Турбина К. Е. Тенденции развития мирового рынка страхования. М.: Анкил, 2015.
7. Информационное агентство «РИА-Новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru> (дата обращения: 25.03.2010).
8. Налоговая система КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinataxlaw/> (дата обращения: 18.05.2017).

Роль конституционных судов государств Азиатско-Тихоокеанского региона в реализации конституционно-правовой ответственности

© А. В. Никитина

канд. юр. наук, доц.

Хабаровского госуниверситета

экономики и права,

Россия, г. Хабаровск

a_nikitina@inbox.ru

Участие конституционного суда в реализации конституционно-правовой ответственности является весьма распространенным полномочием зарубежных судебных органов конституционного контроля. Исследование зарубежных конституций и законов о конституционных судах, практики конституционных судов демонстрирует активную включенность последних в процесс применения конституционно-правовой ответственности. В отличие от зарубежных стран, в Российской Федерации роль Конституционного суда в этом процессе весьма ограничена, что, по нашему мнению, существенно обедняет его значение в качестве универсального механизма, призванного разрешать любые юридические конфликты, возникающие в государстве [3, с. 27]. Обращение к опыту конституционных судов государств Азиатско-Тихоокеанского региона позволит обратить внимание на неиспользуемые в российском законодательстве и практике полномочия, которые могут способствовать усилению роли федерального и региональных конституционных судов в механизме разделения властей путем их включения в процесс конституционно-правовой ответственности.

Сравнительно-правовое исследование показало, что основными формами участия специализированных судебных органов конституционного контроля в процессе реализации конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти выступают: 1) непосредственное отрешение конституционным судом от должности главы государства, иных выборных и назначаемых должностных лиц по инициативе пар-

ламент; 2) установление (подтверждение) конституционным судом оснований для применения конституционно-правовой ответственности без применения соответствующих санкций; 3) проверка конституционности (или законности) решений парламента или иных органов публичной власти о применении конституционно-правовой ответственности в порядке последующего судебного контроля; 4) дача заключений о соблюдении процедуры в ходе импичмента должностного лица.

В странах Азиатско-Тихоокеанского региона наиболее распространенной формой является участие конституционных судов в установлении (подтверждении) оснований для применения конституционно-правовой ответственности. При этом сама ответственность (в виде процедуры импичмента) применяется парламентом. Так, Конституционный суд Индонезии имеет право выносить решения по запросу Совета народных представителей, касающемся предполагаемых нарушений конституции президентом и (или) вице-президентом. Указанное решение является основанием для инициирования процедуры импичмента в Народном консультативном собрании (ст. 7В и 24С Конституции Республики Индонезия). Согласно ст. 8 Закона о Конституционном суде Монголии к компетенции Конституционного суда (цэца) Монголии отнесено рассмотрение споров, связанных с нарушением конституции президентом, председателем и членами Верховного государственного хурала, премьер-министром и членами правительства, главным судьей Верховного суда и генеральным прокурором. К его компетенции отнесено также решение вопроса о наличии юридических оснований для импичмента президента, председателя (спикера) Великого государственного хурала, премьер-министра и для отзыва членов Великого государственного хурала. Положительное заключение Цэца является основанием для окончательного решения парламентом вопроса об отрешении от должности названных должностных лиц.

Несмотря на широкую распространенность подобной формы, необходимо отметить, что отрешение от должности в таком порядке имеет более политизированный характер, чем отрешение непосредственно конституционным судом. Голосование парламента непредсказуемо с юридической точки зрения; даже при наличии подтвержденного конституционным судом факта совершения преступления или серьезного конституционного правонарушения, должностное лицо может избежать ответственности. В свою очередь, отрешение от должности конституционным судом носит исключительно юридический характер; принятие решения об импичменте всегда обусловлено строгой юридической процедурой и, в частности, доказанностью факта совершенного правонарушения. Это демонстрируют и примеры из законодательства и практики тех государств, в которых конституционным судам принадлежит прерогатива применения санкций конституционно-правовой ответственности в виде отрешения от должности.

Так, например, 10 марта 2017 г. Конституционный суд Республики Корея вынес решение об импичменте президента республики Пак Кын Хе, апробировав на практике модель отрешения главы государства от должности, заложенную южно-корейской конституцией, в соответствии с которой к компетенции Конституционного суда Республики Корея отнесено участие в импичменте президента, премьер-министра, членов Государственного совета, глав министерств, судей Конституционного суда, иных судей, членов Центральной избирательной комиссии, председателя и членов Палаты аудита и инспекций, других должностных лиц, круг которых определен законом (ч. 1 ст. 65 Конституции Республики Корея). В качестве основания для импичмента названы нарушение конституции и других законов в ходе выполнения президентом служебных обязанностей.

В деле Пак Кын Хе Конституционный суд Республики Корея постановил, что импичмент возможен только при наличии «серьезных» нарушений закона, достаточных для обоснования отстранения должностного лица. «Тяжесть» нарушения предопределяется установлением баланса между «тяжестью нарушения закона» и «влиянием этого решения на отстранение». Конституционный суд посчитал, что участие президента в коррупционных преступлениях, совершаемых ее подругой Чхве Сун Силь, в том числе вмешательство во внутреннюю деятельность крупных предприятий, а также разглашение секретных государственных документов, является доказанным и представляет собой нарушение конституции и законодательства по вопросам государственной службы и этики должностных лиц. Конституционный суд посчитал, что подобные действия главы государства, подрывающие принципы представительной демократии и верховенства права, направлены против конституционного правопорядка и подрывают доверие народа, а это является основанием для отстранения от должности [4].

В отличие от стран, указанных выше, в Российской Федерации Конституционный суд не применяет санкции за совершенные конституционные деликты, не устанавливает факты их совершения и не осуществляет последующий конституционный контроль за решениями парламента о применении таких мер. Полномочия российского Конституционного суда ограничены дачей заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Подобная форма участия судебного органа конституционного контроля является мало распространенной за рубежом, поскольку обладает рядом принципиальных недостатков. Во-первых, Конституционным судом контролируется соблюдение лишь процедурных правил и, во-вторых, сама конституционно-правовая ответственность главы государства, по сути, осуществляется во внесудебном порядке. Да и сама трактовка конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц государства характеризуется недостатками: российское законодательство «не знает» такого основания ответственности, как нарушение Конституции и законов; Конституция РФ предусматривает ответственность лишь главы государства, исключая применение подобных конституционных санкций к председателю Правительства РФ, председателям палат Федерального собрания и т. д.

Возможность применения к высшим должностным лицам государства мер конституционно-правовой ответственности и включенность конституционных судов в этот процесс позволяют в полной мере реализовать принципы правового государства, свидетельствуют о связанности этих должностных лиц в своей деятельности

конституционными принципами и ценностями. Кроме этого, следует согласиться с авторитетным мнением профессора С. А. Авакьяна: «в интересах защиты высших должностных лиц государства от необоснованных обвинений и смещения с должности следовало бы подумать о перенятии опыта тех стран, которые отдают в ведение конституционных судов вопросы государственной-правовой ответственности» [1, с. 157].

Немаловажное значение имеет еще одно полномочие зарубежных конституционных судов — участие в ликвидации, запрете, роспуске политических партий. «Конституционно-правовая ответственность указанных субъектов является традиционным средством правового воздействия государства на неправомерную, противоречащую законодательным нормам деятельность общественных ассоциаций» [2, с. 257]. В государствах Азиатско-Тихоокеанского региона полномочия по роспуску политических партий осуществляют конституционные суды Таиланда (ст. 45, 49 Конституции Таиланда), Республики Корея (ст. 111 Конституции Республики Корея) и Республики Индонезия (ст. 24С Конституции Республики Индонезия).

Пользуясь своим полномочием по роспуску политических партий, если их цели и деятельность противоречат фундаментальному демократическому порядку (ч. 4 ст. 8 Конституции Республики Корея), Конституционный суд Республики Корея 19 декабря 2014 г. принял решение о роспуске Единой прогрессивной партии. Ключевыми вопросами указанного дела были следующие: нарушает ли цель или деятельность политической партии фундаментальный демократический порядок; должен ли быть принят во внимание принцип пропорциональности (соразмерности) при роспуске партии; если партия будет распущена, должны ли члены такой партии быть лишены мест в Национальном собрании. После рассмотрения всех материалов дела суд принял решение о роспуске политической партии, поскольку партия предпринимала попытки реализовать социализм северо-корейского стиля, что при обстоятельствах конфронтации Южной Кореи с Северной Кореей было расценено как нарушение фундаментального демократического порядка. «Даже при применении принципа соразмерности суд не имел иного выбора, кроме как принять решение о роспуске партии и о лишении ее членов мест в Национальном собрании» [5, с. 106].

В Положении о запрещении и роспуске политических партий и аналогичных мерах 1999 г., принятом Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) отмечается, что запрет или насильственный роспуск политических партий может быть оправдан только в том случае, если партии проповедают насилие или использование насилия в качестве политического средства для изменения демократического конституционного строя, тем самым подрывая права и свободы, гарантируемые конституцией. Правовые меры, направленные на запрещение или же предусмотренный законом насильственный роспуск политических партий, должны быть результатом судебного заключения о неконституционности этих партий. Таким образом, основания ликвидации, запрета или иных форм принудительного прекращения деятельности политической партии со стороны государства с точки зрения демократической практики лежат в конституционной плоскости — это должна быть такая активность, которая подрывает конституционный правопорядок или угрожает конституционной безопасности.

Анализ законодательства и практики зарубежных стран указал на необходимость совершенствования российского законодательства в части применения мер конституционной ответственности к политическим партиям. Во-первых, необходимо признать и отразить в законодательстве исключительный характер такой меры, как ликвидация политической партии. Это требует изменения оснований для ликвидации. Необходимо, чтобы такая мера была следствием только серьезных конституционных правонарушений или уголовно-наказуемых деяний, совершенных членами политической партии, действующими от ее имени. Организационные нарушения (недостаток численности или региональных отделений политической партии) или нарушения, за которые предусмотрена административная ответственность (например, непредставление политической партией в установленный срок в федеральный уполномоченный орган обновленных сведений, необходимых для внесения изменений в единый государственный реестр юридических лиц, за исключением сведений о полученных лицензиях), не могут быть основанием для принудительного прекращения деятельности политической партии. Во-вторых, признание конституционно-правовой природы подобных споров требует изменения подведомственности дел о ликвидации политической партии — такие дела должны рассматриваться Конституционным судом РФ. Подобные изменения, по мнению автора, призваны отразить конституционно-правовой характер рассматриваемой категории споров, а также создать более прочные гарантии для политических партий, действующих в пределах конституционных предписаний.

Таким образом, позитивный опыт конституционных судов государств Азиатско-Тихоокеанского региона показывает возможные направления совершенствования компетенции Конституционного суда РФ в сфере применения конституционно-правовой ответственности.

Литература

1. Авакян С. А. Проблемы теории и практики конституционного контроля и правосудия // Авакян С. А. Размышления конституционалиста: избранные статьи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 150–165.
2. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 2006. 345 с.
3. Никитина А. В. К вопросу о роли суда в реализации конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти в Российской Федерации // Право: современные тенденции: материалы III междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. С. 27–30.

4. Case on the Impeachment of the President (Park Geun-hye): Case No. 2016Hun-Na1. March 10, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://english.ccourt.go.kr/ckchome/eng/decisions/majordecisions/majorDetail.do> (дата обращения: 17.04.2017).

5. Cho Yongho. Constitutional Justice as a Guarantee of Ensuring the Supremacy of Constitutional Norms — Focusing on the Korean Experience // Вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3. С. 103–108.

Налог на добавленную стоимость в экономике Монголии

© А. Г. Оглоблина

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ
ogloblina19@mail.ru

Самым распространенным косвенным налогом в Монголии является налог на добавленную стоимость (далее — НДС). Как косвенный налог НДС влияет на ценообразование и систему потребления, а также имеет важное значение в регулировании товарно-денежных отношений и условий спроса, кроме этого, он играет роль в аккумулировании доходов бюджета Монголии. Плательщиками НДС являются все субъекты предпринимательской деятельности вне зависимости от формы собственности и вида деятельности, обладающие правосубъектностью юридического лица в соответствии с законодательством Монголии. Объектами налогообложения в соответствии с монгольским законодательством являются прибыль от продажи товаров на государственной территории Монголии, выручка от оказания услуг и выполнения работ, а также цена реализации импортных товаров, ввозимых в Монголию [1, с.135].

В соответствии с законом «О налоге на добавленную стоимость», субъекты, занимающиеся предпринимательской деятельностью, и физические лица с доходом, превышающим 10 млн тугриков, обязаны отчислять налог в размере 15% прибыли.

Вынужденная потребность в регулярном формировании доходов бюджета обусловлена самостоятельностью функционирования НДС как формы денежных накоплений для создания оптимальных условий ведения коммерческого расчета.

Во многих европейских странах НДС обеспечивает от 13 до 30% государственных доходов, что равняется примерно 5–10% ВВП.

НДС особо не перегружает плательщиков, если количество освобождений от его уплаты не превышает допустимый предел, а нулевая ставка не используется слишком часто.

На наш взгляд, в Монголии вместе с внедрением НДС необходимо улучшить систему взимания подоходного налога для возможности использования прогрессивных ставок в экономике. Допустимо увеличить акцизные сборы с товаров, которые приобретаются для частных нужд с повышенными доходами (например, с алкогольной продукции, машин, бензина). Это необходимо для повышения эффективности налоговой системы в общем [2].

В самом начале введения налога на добавленную стоимость в Монголии многие предприниматели не видели разницы между нулевой налоговой ставкой и освобождением от уплаты налога. Зачастую это непонимание приводило к тому, что предприимчивые люди добивались освобождения услуг и товаров от уплаты налога на добавленную стоимость. Несмотря на снижение базы обложения НДС, в данном случае освобожденные товары и услуги полностью не выходят из сферы его обложения, так как нельзя требовать налогового кредита на НДС. Ситуацию значительно усугубляет тот факт, что такие освобождения приводят к каскадности и внезапным колебаниям ставки налога, который предназначен как раз для их исключения. Таким образом, попытки снизить регрессивность НДС способны привести к перекосам в соблюдении принципа справедливости.

Обложение продовольственной продукции по нулевой ставке способно сократить базу налогообложения на 40%. НДС с широко применяемой нулевой ставкой становится менее эффективным инструментом, ведь при его использовании сначала взимаются большие суммы налога, а потом немалая доля поступивших государственных доходов возвращается тем, кто торгует товарами, облагаемыми по нулевой ставке.

Необходимо усиливать преимущества НДС (единообразие, широкая база налогообложения, отсутствие каскадности, высокий коэффициент динамики) путем строгого ограничения числа освобождений от его уплаты, распространения нулевой ставки на экспортные товары и введения только одной (или максимум двух) налоговой ставки. Необходимо изучить другие пути решения проблемы регрессивности вышеуказанного налога, например, определить, можно ли увеличить акцизные сборы с предметов роскоши, улучшить взимание подоходного налога (иногда с использованием информации, содержащейся в документах по НДС) [5].

Также обеспокоенность политиков вызывает вопрос о возможности инфляции в результате введения НДС. Необходимо выяснить, почему налог может вызвать инфляцию. Если НДС вводится вместо действующего налога, приносящего аналогичный доход, относительные цены могут измениться. При взимании НДС увеличиваются государственные доходы, а также возрастает сумма налога, что провоцирует дефляцию, а не инфляцию. Лишь в том случае, если принимаются иные меры и увеличивается денежная масса, может произойти общее

повышение цен. Иначе говоря, сам факт взимания НДС не может вызвать инфляцию, она может быть спровоцирована другими мерами.

Поскольку НДС на ввозимые товары полностью компенсируется предприятиями, а другие налоги на продажу и прямые налоги — нет, довольно часто высказывается мнение, что замена этих налогов на НДС способна улучшить состояние текущего платежного баланса организаций. Налоги на розничную продажу и многие одно-разовые налоги на оптовые продажи не распространяются на экспорт, если не принимать во внимание тот факт, что каскадный эффект провоцирует рост экспортных цен. Именно поэтому замена этих налогов на НДС не оказывает существенного влияния на налогообложение ввозимых товаров. Еще одним немаловажным моментом в случае с Монголией является то, что НДС, уплаченный совершающими покупки туристами, может быть им возвращен, в отличие от многих других налогов на продажи. Можно сказать, что НДС в большей степени, чем налог на розничные или оптовые продажи, будет способствовать развитию туристической деятельности [4, с.135].

Там, где существующий налог на продажи ведет к возникновению каскадного эффекта, доля налога в стоимости каждого товара зависит от количества налоговых обязательств. Таким образом, доля налога в стоимости товаров может быть различной для одних товаров и одинаковой для разных товаров. При этом невозможно абсолютно точно определить долю налога на продажу в цене товара. При введении НДС вместо неопределенной доли налога в стоимости товара появляется известная сумма налога. В зависимости от того, какие существовали правила взимания налога на продажу, возмещения учтенных сумм налога и предоставления субсидий до введения НДС, при его введении условия экспорта могут улучшиться или ухудшиться. Подобным образом в отношении вывозимых товаров, облагаемых НДС на тех же основаниях, что и отечественные товары, может действовать менее выгодный режим.

Для более или менее точного определения относительного влияния введения НДС на торговый баланс важно оценить доли существующего налога для всех товаров и всех секторов внешней торговли. Обычно такую оценку можно осуществить для каскадных налогов на продажу лишь тогда, когда имеются таблицы затрат и выпуска.

Выгодность перехода к НДС для внешней торговли зависит от следующих факторов:

- 1) благоприятной реакции производителей экспортной продукции на изменение отношения их цен с учетом возмещавшихся сумм налога на экспорт и возмещаемых сумм НДС к ценам производителей товаров;
- 2) реакции потребителей экспортных товаров на изменение стоимости этих товаров;
- 3) негативной реакции отечественных потребителей на сравнение рыночных цен импортных товаров с рыночными ценами отечественных товаров.

Сумма НДС от увеличения объемов внешнеэкономической торговой деятельности Монголии заметно возрастает. Доля НДС в налоговых доходах госбюджета Монголии с каждым годом сокращается, несмотря на то, что НДС от внутренней хозяйственной деятельности в абсолютной сумме возрастает. Данное сокращение говорит о постепенном развитии внешнеэкономической торговой деятельности страны. В целом наблюдается рост суммы НДС.

Если рассматривать недалекую перспективу, то внедрение НДС на все виды товаров потребления способствует экспорту. Сначала происходят изменения в обменных курсах валют и ценах отечественных товаров при компенсации влияния налога на средние цены отечественных и иностранных товаров. После таких перемен в ценовом диапазоне или обменных курсах валют налог на добавленную стоимость не сможет воздействовать на импорт и экспорт.

Однако при взимании НДС в большинстве стран применяются меры по освобождению от уплаты этого вида налога, а также нулевая ставка на продовольственные товары, жилье и многие услуги личного характера. Подобные условия обложения НДС приводят к увеличению цен на товары, которыми торгуют на международных площадках, по сравнению с ценами на отечественные товары, что является предпосылкой замещения импортных товаров. При этом НДС значительно сокращает отечественный рынок и провоцирует рост цен на территории государства.

Замена налога с оборота товара на НДС в Монголии привела к перемещению основной массы налогового бремени из сферы обращения в сферу производства, что, в свою очередь, вызвало вымывание из последней значительной доли оборотного капитала.

Литература

1. Гладков И. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: Дашков и Ко, 2013.
2. Попов М., Филин С., Якушев А. Инвестиционный климат и зарубежные инвестиции в Монголии: инвестиционный климат // Инвестиции в России. 2015. № 11.
3. Пономарева Е. С. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: Юнити-Дана, 2013.
4. Международное сотрудничество, внешнеэкономические связи и туризм Забайкальского края в 2013 г.: сб. ст. Чита: Поиск, 2013. С. 72.
5. The Population and Housing Census of Mongolia [Электронный ресурс] // Национальное статистическое бюро Монголии. URL: http://www.toollogo2010.mn/doc/Main%20results_20110615_to%20EZBH_for%20print.pdf (дата обращения: 03.04.2017).

Сравнение налоговых органов Российской Федерации и Японии

© *Е. Ю. Петрова*

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
pedros_946@mail.ru*

Одним из важнейших рычагов воздействия на экономику любого государства является налог. В настоящее время особое внимание в мире уделяется проблемам повышения эффективности и оптимизации налоговой системы государства. В современных условиях конкуренции на международном уровне экономическое превосходство имеют те государства, которые ведут рациональную и осторожную налоговую политику, что содействует реализации товаров и услуг на мировом рынке за счет снижения доли налогового компонента в издержках производства государства. Стремление к увеличению международных экономических связей, а также уход от двойного налогообложения способствуют гармонизации налоговых систем.

Стоит отметить, что налоговую систему Российской Федерации можно охарактеризовать как достаточно гибкую и непостоянную. Это можно объяснить тем, что Россия, будучи участником международных отношений, вынуждена действовать в соответствии с существующими условиями.

Изменение законодательства, в том числе и в сфере налоговых правоотношений, достаточно часто опирается на опыт зарубежных стран с целью соответствия мировым стандартам, а также совершенствования российской налоговой системы на основе уже созданных методов. В последнее время внимание мирового сообщества направлено не только на страны Европы, но и на Восток. Необходимо отметить, что на современном этапе отношения между Россией и Японией в целом настроены на позитивный лад. В связи с этим целесообразно провести анализ налоговых органов двух государств.

Отметим, что система налоговых органов Японии была сформирована уже в XX в. и закреплена в законодательных актах, чего нельзя сказать о налоговых органах Российской Федерации, подвергшихся реформированию и действующих от 19 марта 2004 г. в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.09.2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» [2].

Регулирование и управление налоговой системой Японии, а также координацию ее деятельности осуществляет министерство финансов, как и в Российской Федерации. В соответствии с законодательством Японии непосредственно сбором налогов занимается Национальное налоговое управление (ННУ), основанное еще в 1949 г. Штаб-квартира ННУ расположена в Токио, в его состав входят центральный аппарат, районные налоговые управления, окружные налоговые службы, Национальный налоговый трибунал [4, с. 42]. В полномочия ННУ входит составление плана деятельности налоговых органов, кроме того, оно дает распоряжения районным налоговым управлениям и осуществляет контроль за их исполнением. Кроме того, необходимо отметить, что ННУ возглавляет лицо, назначенное на должность министром финансов Японии. В России руководитель ФНС назначается Правительством РФ по представлению министра финансов РФ.

Налоговая система Японии состоит из трех уровней, что характерно и для налоговой системы Российской Федерации. Низшую ступень в иерархии налоговых органов занимают налоговые инспекции. Именно они являются основными исполнителями законодательства в области налогов и осуществляют функции налогообложения имущества и доходов [3]. Как правило, данную систему составляет несколько отделов, каждый из которых осуществляет администрирование определенного налога или групп налогов.

Следующая ступень налоговой системы Японии представлена районными управлениями. Обычно управление состоит из пяти подразделений: управления согласования, управления налогообложения, управления доходов и сборов, управления уголовных расследований и проверок. Районные управления занимаются консультированием, проверкой крупных налогоплательщиков, а также непосредственно руководят работой налоговых инспекций [3].

И, наконец, высшую ступень иерархии занимает Национальное налоговое управление. В его подчинении находятся не только районные управления, налоговые инспекции, но и налоговый трибунал [3].

Что касается налоговой системы Российской Федерации, здесь высшую ступень иерархии налоговых органов занимает Федеральная налоговая служба, следующую — Управление Федеральной налоговой службы, которое имеет представительства в каждом субъекте РФ, осуществляющие контроль над инспекциями — органами налоговой системы третьего уровня. Последние, как и в Японии, являются непосредственными исполнителями законодательства о налогах и сборах. Необходимо отметить, что в структуру инспекций и Управления ФНС включены структурные подразделения — отделы.

Помимо сходств рассматриваемых налоговых систем, безусловно, имеются и различия. Так, одно из них наблюдается в осуществлении налогового контроля, в частности, речь идет о разных формах ответственности. Так, налоговое законодательство Российской Федерации разграничивает виды ответственности: выделяются налоговая, закрепленная Налоговым кодексом РФ, административная — Кодексом об административных правонарушениях, а также уголовная — Уголовным кодексом РФ. В Японии же предусмотрено два вида ответственности — налоговая и уголовная, первая закреплена в налоговом законодательстве, а вторая регулируется множеством нормативно-правовых актов уголовно-административного законодательства [3].

В механизме выявления правонарушений в сфере налогообложения также имеются различия. Так, например, в Японии во внутренней структуре районных управлений имеются следователи, которые в рамках своих полномочий осуществляют сбор информации, а также выявляют случаи нарушения законодательства о налогах. В Российской Федерации же нарушения налогового законодательства выявляются с помощью проведения выездных или камеральных проверок; расследование данной категории дел относится к подследственности органов внутренних дел. Необходимо отметить, что налоговые органы РФ в своих действиях имеют больше свободы по сравнению с другими органами государственной власти, в частности, органами правосудия. Так, согласно ст. 91 НК РФ, должностные лица налоговых органов производят осмотр помещений налогоплательщика лишь при предъявлении удостоверения и решения руководителя налогового органа [1]. А в соответствии с налоговым законодательством Японии следователи налоговых органов вправе производить обыск, если имеется санкция прокурора. Таким образом, благодаря сходству системы налоговых органов России и Японии, исследование и анализ налоговой системы Японии может оказать влияние на выбор направления проведения реформ в этой сфере в Российской Федерации.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 г. № 506 (ред. от 12.11.2016) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.
3. Отчет Национального налогового управления Японии 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nta.go.jp/kohyo/katsudou/report/2016>. (дата обращения: 29.03.2017).
4. Соловьева Н. Е., Шевченко Е. Е. Сравнительный анализ системы налогового администрирования Японии и России // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: материалы XXX Междунар. науч.-практ. конф. 2013. № 10(30). 214 с.

Конституционные права и обязанности налоговых агентов в РФ и США

© Н. А. Русякова

*студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Россия, г. Воронеж
ruslykova@mail.ru*

Конституция Российской Федерации закрепляет в ст. 57 обязанность платить налоги, но эта обязанность распространяется не только на налогоплательщиков, но и на налоговых агентов как на субъектов налоговых правоотношений.

В соответствии со ст. 24 Налогового кодекса налоговые агенты — это лица, на которых возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет налогов.

Законодательство определяет налоговых агентов через функции, которые они выполняют: по исчислению, удержанию и перечислению налогов.

Кроме этого ст. 24 Налогового Кодекса предусматривает дополнительные обязанности налоговых агентов:

1) представлять в налоговый орган по месту своего учета документы, необходимые для осуществления контроля правильности исчисления, удержания и перечисления налогов; 2) письменно сообщать в налоговый орган по месту своего учета о невозможности удержать налог и о сумме задолженности налогоплательщика в течение одного месяца со дня, когда налоговому агенту стало известно о таких обстоятельствах;

3) вести учет начисленных и выплаченных налогоплательщикам доходов, исчисленных, удержанных и перечисленных в бюджетную систему Российской Федерации налогов, в том числе по каждому налогоплательщику [1].

Процесс уплаты налогов включает несколько этапов, и чтобы снизить издержки налогового контроля, уменьшить случаи нарушения законодательства по налогам и сборам в данные операции были вовлечены другие субъекты помимо налогоплательщика — налоговые агенты.

Ряд ученых считает, что налоговые агенты являются представителями и государства, и налогоплательщика одновременно. Это обусловлено тем, что права и обязанности налоговых агентов проявляются в различных сторонах налоговых правоотношений. Следовательно, налоговый агент является лицом, действующим на стороне налогоплательщика, и может выступать как субъект налогового органа.

Налоговым агентам также характерны определенные признаки правового статуса данного субъекта:

1) правовой статус налогового агента может быть приобретен лицом только в соответствии с налоговым законодательством;

2) правовой статус обусловлен возложением на него трех основных обязанностей (исчисление, удержание, перечисление), которые возникают одновременно;

3) правовой статус налогового агента возникает только в процессе уплаты налогов, при взимании сборов лицо не может приобрести статус налогового агента [1, с. 48].

Пленум Высшего арбитражного суда РФ в постановлении от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой НК РФ» поясняет обязанности налогового агента. Например, в пункте 2 данного постановления говорится, что он перечисляет в бюджет сумму налога, обязанность по уплате которой лежит на налогоплательщике.

Кроме того, Конституционный суд в отношении налоговых агентов рассмотрел спор о порядке зачета или возврата сумм излишне уплаченного налога, который определен статьей 78 НК РФ. Согласно пункту 2 этой статьи, зачет или возврат суммы излишне уплаченного налога производится налоговым органом по месту учета налогоплательщика, если иное не предусмотрено Налоговым кодексом РФ. В то же время в статье 231 НК РФ оговорено, что излишне удержанные суммы НДФЛ возвращаются налоговым агентам в течение трех месяцев с даты получения заявления от налогоплательщика. А налоговый орган возвращает налог только в том случае, если налоговый агент отсутствует.

В число субъектов налоговых правоотношений в Соединенных Штатах Америки также входят налоговые агенты. Уже несколько лет в США действует программа «Служба внутренних доходов США». В своих официальных письмах данная организация несколько раз подчеркивает важность роли налоговых агентов в налоговой системе. Именно в рамках данной программы было введено несколько сотен экзаменационных центров для подготовки и проверки деятельности налоговых агентов. В Соединенных Штатах Америки зарегистрировано около 6 тыс. налоговых агентов. Кроме того, существуют определенные меры для профессионального и государственного контроля за деятельностью данных лиц. Существует открытая база зарегистрированных и действующих налоговых агентов [4].

Роль налоговых агентов как субъектов налоговых правоотношений в США является столь же значимой, как в Российской Федерации, отличаясь при этом спецификой прав и обязанностей. Их деятельность в РФ толкуется и разъясняется Конституционным и Высшим арбитражным судами, а в США создаются специальные службы.

Литература

1. Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31.
2. Евтушенко В. Ф. Налоговые агенты как субъекты налоговых правоотношений / под ред. И. И. Кучерова М.: Юриспруденция, 2006.
3. Контур. Бухгалтерия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buhonline.ru/pub/news/2015/3/9627> (дата обращения: 28.04.2017).
4. Налоги России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taxru.com/blog/2012-06-07-6599> (дата обращения: 12.05.2017).

Особенности пропорциональной избирательной системы России и Японии

© **Ю. О. Сагдеева**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
y.sagdeeva@mail.ru*

Споры вокруг достоинств и недостатков тех или иных избирательных систем не прекращаются. Обычно к достоинствам мажоритарных систем относят их простоту и понятность для избирателя, возможность персонализации кандидата еще перед этапом голосования и определения собственного отношения к предстоящему выбору, а именно к выбору конкретной личности, а не какой-либо партии [2, с. 6].

В юридической литературе представлено так называемое равностороннее мнение ученых, заключающееся в том, что для проведения выборов [6, с. 18]:

- 1) в Государственную думу Российской Федерации необходимо ввести пропорциональную систему;
- 2) в представительные (законодательные) органы субъекта Российской Федерации — смешанную;
- 3) в представительные органы местного самоуправления — мажоритарную.

Сторонники пропорциональной системы к ее достоинствам относят реальную вероятность представительства в органах законодательной власти женщин и молодежи, обеспечение возможностей для выражения политического многообразия взглядов, а так же то, что эта система, основанная на партийном представительстве, в большей степени способствует поддержанию единства задач и целей в деле развития муниципальной территории, обеспечивает согласованность действий при уяснении местных проблем и определении путей их решения.

С. Е. Заславский к достоинствам пропорциональной системы дополнительно относит ее экономичность, поясняя при этом, что в случае выбытия одного из депутатов вне зависимости от причин досрочного прекращения полномочий его мандат переходит к следующему, очередному по списку кандидату, и соответственно, отсутствует необходимость проведения довыборов, которые могут нести значительную финансовую нагрузку [5, с. 37].

В юридической литературе также существует мнение о необходимости при определении вида избирательной системы для использования на выборах в муниципальном образовании учитывать специфические факторы, свойственные только им:

1) органы местного самоуправления не входят в единую систему органов государственной власти Российской Федерации и наделяются полномочиями, направленными в основном на решение местных проблем, но не на партийную, партийно-политическую работу, что заметно отличает их от органов государственной власти федерального и регионального уровней;

2) участие только политических партий в формировании местного самоуправления, которое, по сути, должно быть неполитической структурой, противоречит самой его природе и установленному Конституцией Российской Федерации статусу [4, с. 269].

Противники пропорциональной избирательной системы считают, что ее внедрение повсеместно может привести к печальным последствиям. Так, например, по мнению экспертов [3, с. 378], отсутствие партийных структур на территориальном уровне и (или) их не достаточная развитость (вопрос касается в большей степени сельских поселений), как исключение из правил, может вынудить администрацию и участников избирательного процесса принять неординарное решение о формировании на местах новых партийных организаций, в которые будут приниматься люди, не имеющие отношения к партии ни по идеологическому восприятию, ни по осознанному выбору, при этом включая их в соответствующие списки.

Кроме того, избранный от какой-либо политической партии депутат не может быть в полной мере свободен в определении и выражении собственной позиции при осуществлении депутатской деятельности, а вынужден следовать партийной этике, направляя основные усилия на решение программных задач партии, которые лишь отчасти могут касаться интересов конкретного местного сообщества. Также пропорциональная и смешанная избирательные системы ставят в неравное положение депутатов представительных органов в институте отзыва депутатов, поскольку при использовании этих избирательных систем практически невозможно реализовать предусмотренные положения по отзыву депутатов [1].

В зарубежных странах, к примеру в Японии (парламентская республика), используется смешанная избирательная система. Нижняя палата парламента — Палата представителей (500 членов) избирается на 4 года. Кандидат вносит избирательный залог 3 млн. иен. Он не возвращается, если кандидат не набрал 1/5 части голосов от квоты в данном округе, которая определяется делением действительных в округе голосов избирателей на число причитающихся округу мест.

Верхняя палата парламента — Палата советников (252 депутата) избирается на 6 лет. Через каждые 3 года половина состава советников переизбирается. 152 советника избираются от округов на базе префектур и в столице по той же системе, что и депутаты Палаты представителей, 100 советников — по системе пропорционального представительства. Кандидат в Палату советников должен внести 2 млн. иен. Сумма удваивается, если кандидаты выдвинуты списком. Возможен возврат избирательного залога. Так, независимому кандидату, чтобы получить свой залог обратно, необходимо собрать 1/8 часть голосов от квоты, которая определяется так же, как квота при выборах в нижнюю палату. Иными словами, вся Палата представителей и большая часть Палаты советников формируются по системе «единого непередаваемого голоса», которая побуждает партии внимательно относиться к численности выдвигаемых в округах кандидатов.

В Японии, в отличие от Западной Европы, запрещены обход домов избирателей, агитация на дому и против других кандидатов. В ходе предвыборной кампании (длится месяц) доступ на телевидение крайне ограничен, практикуются ежедневные 8-часовые поездки по городам на агитационных автобусах, оборудованных звукоусиливающей аппаратурой. Кандидаты выступают прямо с крыш автобусов, проводят пресс-конференции, общаются непосредственно с избирателями (тысячи рукопожатий).

Выборы в местные органы власти и управления проводятся в том же порядке, депутаты избираются сроком на 4 года [7].

Таким образом, сторонники пропорциональной избирательной системы полагают, что, если политическая партия и ее низовые структуры будут обладать высоким авторитетом среди местного сообщества, то к позитивным сторонам системы можно будет также отнести:

1) усиление контроля состояния репутации кандидатов от партии, т. к. она не заинтересована в избрании в представительный орган кандидата с сомнительным прошлым, вызывающим негативную оценку избирателей;

2) усиление политического потенциала на местах, позволяющего выбрать из местного сообщества более представительных кандидатов, осуществляющих полезную для общества деятельность;

3) активизация партийной жизни на местном уровне и непосредственная работа кандидатов от партий на территориях;

4) развитие партийных структур на местах и возможности для усиления их поддержки избирателями;

5) заинтересованность центральных и региональных структур партий в эффективной работе кандидатов, избранных по партийным спискам;

6) возможность формирования депутатских объединений по политическому признаку.

Литература

1. О порядке регулирования вопросов, связанных с применением пропорциональных (смешанных) избирательных систем: письмо председателям избирательных комиссий субъектов Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Демидов Г. К. Достоинства, преимущества пропорциональной избирательной системы и проблемы реализации этой системы в практике муниципальных образований // *Argiogi. Сер. Гуманитарные науки*. 2017. № 1. С. 5–9.
3. Дубровина Е. П., Миронов Н. М., Родионов А. И., Шеншин П. П. Записка о некоторых вопросах практики проведения выборов в представительные органы муниципальных образований с использованием смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системы // *Реформа местного самоуправления в Российской Федерации: итоги муниципальных выборов в 2004–2005 гг.* / под общ. ред. Л. Ф. Демьянченко. М., 2006. С. 378–379.
4. Заболева М. В. Избирательные системы, применяемые на муниципальных выборах: проблемы теории и практики // *Вестник Волгоградского гос. ун-та*. 2012. № 2(17). С. 269–273.
5. Заславский С. Е., Зотова З. М. Правовые основы участия политических партий в выборах. М.: РЦИОИТ, 2006. С. 37.
6. Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 18.
7. Какие избирательные системы предпочитают развитые страны? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1480> (дата обращения: 12.05.2017).

Правовые основы провинциальных органов власти Китая 1912–1949 гг.

© **Ч. В. Салбаев**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
skiptomylou3@mail.ru*

На современном этапе развития отечественной науки возникает потребность в крупномасштабных исследованиях особенностей государственных и правовых систем ведущих стран мира, с которыми взаимодействует Россия, и прежде всего это касается Китая, выступающего в качестве экономического и военного партнера. Китай — государство с многовековой историей, на территории которого в первой половине XX в. происходили бурные процессы развития, сопровождавшиеся формированием собственной системы центральных и региональных органов власти. Для успешного сосуществования и развития обеих стран сегодня необходимо иметь верное представление об их государственном и политическом развитии, включая и один из наиболее важных периодов истории Китая — период Китайской Республики, когда прекратилось господство маньчжурской династии, появилась необходимость реализации системы самоуправления. Так как участие граждан в принятии управленческих решений на всех уровнях управления, включая местный, рассматривается мировым сообществом как необходимое условие цивилизованного развития любого государства, само государство заинтересовано в использовании возможностей местного самоуправления для привлечения граждан к участию в социально-экономических преобразованиях на местном уровне. Для граждан местное самоуправление является механизмом воздействия на власть с целью реализации своих интересов и потребностей. Исходя из этого цель данной статьи состоит в анализе основных законов и подзаконных актов, регулирующих деятельность органов провинциальной власти в период Китайской Республики, а также выделение особенностей устройства, компетенций и полномочий провинциальных органов самоуправления.

Материалов, посвященных изучению и описанию процессов становления государственности Китая достаточно, однако предметного исследования правовых основ провинциальных органов власти в период Китайской Республики практически не проводилось. Отдельную категорию источников составляют воспоминания участников тех событий, здесь следует отметить вклад И. Г. Баранова [2], В. Д. Виленского-Сибирякова [3], В. В. Энгель-фельда [7]. Анализ степени изученности проблемы позволяет говорить о существовании серьезных исследовательских пробелов и необходимости их восполнения.

Современное административно-территориальное деление Китая складывалось веками и фактически было заложено еще в императорский период. Поэтому территории китайских провинций существенно не изменились, в отличие от национальных окраин, которые присоединились к империи позднее и находились в состоянии постоянных трансформаций. Таким образом, провинциальное управление Внутреннего Китая имело устойчивый характер.

Органом самоуправления в провинциях Китая являлось провинциальное собрание (провинциальный парламент). Его устройство и компетенция определялись Законом Китайской Республики от 2 апреля 1913 г., а порядок выборов в провинциальные парламенты был предусмотрен Правилами Китайской республики от 5 сентября 1912 г. [2, с. 25].

На основании этих законов провинциальное собрание (шэн-и-хой) обладало следующими полномочиями: рассматривало бюджет провинций, делало запросы и представления высшей провинциальной власти, принимало петиции от населения и т. д. Также в его функции входило наблюдение за деятельностью провинциальной администрации, причем закон наделял провинциальное собрание правом возбуждать обвинение против главного начальника провинции в случае замеченного нарушения законов и передавать его через министра внутрен-

них дел на решение совета министров. Постановление принималось двумя третями голосов от общего числа членов [7, с. 215].

Выборы в провинциальные собрания производились каждые три года. Право избирать было предоставлено китайским поданным обоего пола, достигшим 21 года и прожившим в данном избирательном округе два года. Пассивное избирательное право принадлежало гражданам, достигшим 25-летнего возраста.

Обычные сессии собрания проходили один раз в год, продолжительность их составляла 60 дней. Экстренные сессии созывались губернатором провинции по собственной инициативе или по требованию половины от общего числа членов. Исполнительным органом провинциального самоуправления являлся губернатор.

Провинциальное самоуправление просуществовало очень недолго и было упразднено в последний автократический период президентской власти Юань Шикая под предлогом несоответствия республиканскому строю. В 1917 г. снова был поднят вопрос об учреждении самоуправления, но до 1920 г. он по-прежнему оставался открытым.

После падения аньфуистов в ноябре 1920 г. был издан президентский декрет, предлагавший провинциальным властям предпринять подготовительные меры к введению общественного управления на местах [6, с. 44], но, по сути, оно не получило реализации вплоть до принятия конституции 1923 г., где нашло свое официальное закрепление.

С этого момента организация провинциального самоуправления основывалась на постановлениях Конституции 1923 г., государственных законах и специальных законах провинциального самоуправления, которые издавались посредством особого собрания, состоящего из делегатов от провинциального собрания, уездных собраний и законно учрежденных профессиональных организаций [1], при условии не противоречия этих организационных актов конституции и государственным законам.

Ст. 127 Конституции 1923 г. предусматривала существование в каждой провинции: 1) провинциального парламента или собрания, являвшегося представительным органом однопалатного состава, члены которого избирались населением провинции по системе прямых выборов; 2) провинциального административного совета (шэн-у-юань), выступающего в качестве исполнительного органа [4].

Совет состоял из 5–9 человек, избираемых всем населением по системе прямых выборов на четырехлетний срок, и председателя (юань-чжан), который избирался советом из своего состава. Если не представлялось возможным провести прямые выборы, то совет формировался особым избирательным собранием, организованным на указанных выше основаниях [7, с. 208]. Компетенции провинциального самоуправления и его отношение к государству были определены в статьях 25–38 конституции.

Исполнительным органом провинциального самоуправления являлся губернатор. В его подчинении находились чины гражданского управления всей провинции, отряды внутренней обороны и полиции. По специальному поручению правительства губернатор осуществлял надзорную деятельность за финансами, отправлением правосудия и за административной деятельностью специальных правительственных учреждений.

Губернатор имел право приостановить или отменить постановления, распоряжения, изданные подведомственными ему органами, если они противоречили законам либо могли нанести вред общественным интересам или выходили за пределы их компетенции [7, с. 210]. В случае необходимости наложения взыскания на подведомственные ему чины губернатор обращался к президенту республики, одновременно сообщая об этом министру внутренних дел. Тот же порядок был предусмотрен и для награждения местных чиновников. Если губернатор обнаруживал за кем-либо из подведомственных ему местных чинов алчность и корыстолюбие, он мог отрешить виновного собственной властью от должности, предоставив подробный доклад о наложении на него взыскания с приведением всех обстоятельств дела.

Такова в общих чертах роль китайского губернатора в соответствии с законом 1914 г. Можно сделать вывод, что губернатор являлся авторитетным представителем административной власти, обладающим весьма широкими полномочиями и возможностью воздействия на персонал провинциальных органов. Он находился в подчинении президента и министра-председателя, а от министра внутренних дел получал указания на тех же основаниях, что и от других министров.

Что касается военного управления, то оно после революции 1911 г. претерпело ряд существенных изменений. В 1912 г. республиканское правительство упразднило должность цзунь-ду (генерал-губернаторов), но временно оставило военных губернаторов (сюнь-фу), отделив от них в 1913 г. гражданскую часть с последующей ее передачей гражданским губернаторам [5]. В 1914 г. они были названы цзянь-цзюнями, а в 1916 г. цзянь-цзюни были переименованы в ду-цзюней, существовавших почти везде, за исключением некоторых провинций, где вместо этих высоких чинов учреждались должности ду-баней по военным делам, или начальников военных управлений. Но особой разницы между их функциями не наблюдалось. Положение о ду-цзюнях (тогда еще цзянь-цзюнях) было обнародовано распоряжением президента от 19 июля 1914 г. Согласно данному положению, ду-цзюнь являлся высшим органом военной администрации. Он находился в непосредственном подчинении президента республики и под наблюдением военного министерства, получая от него указания в военных вопросах. Военно-стратегическое планирование осуществлялось ду-цзюнем в соответствии с указами и распоряжениями главного управления генерального штаба. В случаях, когда местный губернатор был вынужден применить военную силу, в целях поддержания порядка в подведомственном ему районе ду-цзюнь имел право послать войска для оказания содействия гражданской власти [3, с. 22]. Обо всех обстоятельствах дела ду-цзюнь представлял доклад президенту республики и одновременно уведомлял об этом военное министерство и главное управление генерального штаба.

Ду-цзюн назначался из числа высших военных чинов, т. е. состоял в чине генерала и генерал-лейтенанта, имел свое управление или штаб, во главе которого стояли начальник штаба в чине генерал-майора и 4–6 военных советников (штабные офицеры) для управления военно-стратегическими делами. Штаб состоял из отделений: военное, интендантское, военно-судное и военно-медицинское.

В административном отношении ду-цзюн распространял свою власть на гражданскую администрацию. Согласно ст. 14 Положения 1916 г., в случае возложения на гражданского губернатора управления военными делами и присвоения ему звания ду-цзюна он имел все права и обязанности, перечисленные в этом законе. На практике все выходило наоборот. Губернатор не назначался, а исполнение его обязанностей возлагалось на ду-цзюна. Когда губернатор и ду-цзюн существовали одновременно, то ду-цзюн фактически являлся высшей властью в провинции [7, с. 218], хотя в законе это не было указано.

Кроме ду-цзюней существовали должности сюнь-юэ-ши (генерал-инспекторов), которые в военно-административном отношении управляли двумя-тремя провинциями. Например, генерал-инспекторы Чжили и Шаньдун, Хубэй и Хунани, трех восточных провинций (Мукденской, Гиринской и Хэйлуцзянской). Должность генерал-инспектора была учреждена в 1919 г., но указом временного правителя от 10 декабря 1925 г. ее упразднили, также как и должность ду-цзюней.

Высшим представителем правительственной власти в специальных округах Жэхэ, Чахара и Сюююань являлся дутун (главнокомандующий или генерал-губернатор), совмещающий функции военного и гражданского губернатора. Как главнокомандующему ему были подведомственны главное железнодорожное полицейское управление и полицейское управление особого района, управление по городским и поселковым делам, осуществляющее надзор за частным самоуправлением, где оно имело место быть, и непосредственное заведывание местным хозяйством тех поселков, в которых оно не было учреждено. Также в его подчинении находились окружные комиссары прилегающих округов — Гирин-Бинцзянского и Цицикарского [7, с. 219] по вопросам, касающимся особого района.

Управление столичным округом находилось в руках начальника (цзин-чжао-ин), который в отношении подведомственного ему района являлся независимым от Чжилейской провинциальной администрации. Он подчинялся непосредственно центральному правительству [3, с. 36]. Полномочия начальника столичного округа аналогичны правам и обязанностям губернатора провинции, его местопребывание — Пекин.

Кроме того, для Пекина и его округа учреждено также особое столичное полицейское управление (цзине-ши-цзинь-ча-тин), которое подчинено непосредственно министерству внутренних дел. Оно ведало полицейским, санитарным и противопожарным делом в столице. Во главе управления стоял начальник (цзун-цзян), получавший указания в своей деятельности от самого министра внутренних дел. Начальнику столичного полицейского управления принадлежало право издавать полицейские правила «для приведения в исполнение законов и декретов или же в силу полномочий, предоставленных ему законом и декретом об организации столичного полицейского управления Китайской республики от 29 августа 1914 г.». Правила эти не должны были противоречить действующим законам и распоряжениям правительства. Начальник столичного полицейского управления имел право приостанавливать или отменять распоряжения или приказы подведомственных ему чинов, если он признает в них наличие нарушения закона, угрозы общественному благу или превышения предоставленной им компетенции. В состав управления входили полицейские инспекторы (ду-юй), старшие (цзин-чжен) и младшие (цзин-цзо) полицейские чиновники, двое технических экспертов (цзи-чжан), четыре техника для заведывания вопросами технического характера и прочий служебный персонал.

В 1925 г. по настоянию иностранцев учреждена также должность градоначальника Шанхая. В его ведении должны были находиться муниципальная полиция, сборы, поддержание порядка в пределах города, народное образование, благотворительные учреждения, строительное дело города и сооружения, пути сообщения, публичное имущество, регистрация владельцев недвижимости, санитария. В состав его управления входило семь отделов, из которых седьмой, муниципальный, образовывался из лиц по назначению ду-баня и по избранию торговой палаты и населения Шанхайского уезда.

Таким образом, в период республики провинциальные органы существенно изменились, по сравнению с предшествующим периодом.

Во-первых, должность генерал-губернатора была упразднена, и исполнительным органом в провинции стал губернатор, обладающий широкими полномочиями и возможностью воздействия на персонал провинциальных органов. Также существовала должность военного губернатора (ду-цзюн), который управлял военными учреждениями в провинции и размещенными в ней войсками, но в 1925 г. она была упразднена.

Во-вторых, если раньше генерал-губернатору были подведомственны от одной до трех провинций, то с провозглашением республиканского строя каждый губернатор управлял только одной провинцией.

В-третьих, появились провинциальные собрания, осуществлявшие законодательные функции. Деятельность провинциальных собраний осложнялась общими условиями китайской политики и, по сути, не функционировали должным образом до 1923 г., когда была принята Конституция, закрепившая их права и полномочия. Также учреждались провинциальные отделы для управления народным образованием, промышленностью, иностранными делами под общим руководством губернатора.

Фактически была создана эффективная система провинциального управления в социально-экономической сфере на провинциальном уровне.

Литература

1. Архив и библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/el/iksetov_10.htm (дата обращения: 08.03.2017).
2. Баранов И. Г. Политико-административное устройство Китайской республики // Вестник Азии. 1922. № 49. С. 25–26.
3. Виленский-Сибиряков В. Д. Современный Китай. М., 1925. С. 107.
4. Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=547> (дата обращения: 03.03.2017).
5. Политический атлас современности. Республиканский Китай в 1912–1949 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hypo.ru/tom2/728.html> (дата обращения: 08.03.2017)
6. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / Экономическое бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1922.
7. Энгельфельд В. В. Очерки государственного права Китая. Париж, 1925. С. 254.

Сравнительно-правовой анализ налоговой системы в России и Китае

© **И. А. Семенов**

студент 3-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ

vanya_semenov1997@mail.ru

Основным источником бюджета многих государств являются налоговые поступления (налоги), Россия и Китай не являются исключением.

В настоящее время Китай считается одной из лидирующих стран в мире, что выражается высокими темпами роста его экономики, в определенной мере обусловленными сложившейся системой налогообложения. В конце XX в. в Китае началась полномасштабная реформа налогов. Ее очевидным итогом стало разграничение местных и центральных налогов, что привело к большому объему доходов бюджета местных органов власти, возрастанию приоритета косвенных налогов, возникновению рыночной конкуренции и т. д. [1].

Ст. 56 Конституции КНР закрепляет, что граждане обязаны в соответствии с законом платить налоги. В отличие от ситуации в России, в Китае отсутствует налоговый кодекс и налоговые правоотношения регулируются и прописаны в отдельных налоговых законах (закон КНР «О налогах на доходы физических лиц», закон КНР «О налогах на доходы предприятий», закон КНР «Об управлении сбором налогов», закон КНР «О налогах на автотранспорт и водные суда» и т. д.).

Виды налогов в Китае можно разделить на восемь групп.

1. Налоги с оборота — налог на добавленную стоимость, предпринимательский налог и потребительский налог. Объектом налогообложения данных видов налога являются объемы реализации или оборотов у налогоплательщиков в сфере производства, обслуживания.

2. Налоги на прибыль — подоходный налог с физических лиц и налог на прибыль предприятий. Объектом налогообложения здесь служат личные доходы физических лиц, а также прибыль, полученная производителем или посредником.

3. Налоги за пользование ресурсами — налог за пользование природными ресурсами, налог за пользование землями городов и городских районов. Плательщиками данных налогов являются пользователи природных ресурсов, земель в городах и городских районах. Эти налоги отражают возмездный характер пользования государственными природными ресурсами и имеют своей целью регулировать доходы налогоплательщиков, имеющих доступ к ним.

4. Налоги специального назначения — налог на поддержание городского строительства, налог на занимаемые пахотные угодья, налог на инвестиции в недвижимость и налог на передачу оцениваемой недвижимости.

5. Имущественные налоги — налог на городскую недвижимость, налог с владельцев домов и налог на имущество, переходящее в порядке наследования.

6. Налоги и сборы, взимаемые при совершении определенных действий — налог на использование автотранспорта и судов, налог на использование регистрационных номеров транспортных средств и судов, пошлина при продаже жилой недвижимости, гербовый сбор, налог с оборота ценных бумаг, налог на банкеты и налог на забой скота. Объектом обложения этими налогами являются соответствующие действия налогоплательщика.

7. Таможенные пошлины. Таможенными пошлинами облагаются товары и другие объекты, импортируемые или экспортируемые из страны.

8. Сельскохозяйственные налоги — сельскохозяйственный налог и налог на животноводство [3].

В XXI в. в системе налогообложения и финансово-бюджетной системе Китая произошли важные изменения, которые обеспечили финансовую поддержку правительства для эффективного осуществления мер управления на макроэкономическом уровне.

В КНР бюджетные средства расходуются главным образом на социальные цели, а не на развитие экономики. Правительство принимает меры к развитию экономики, опираясь на рынок, а средства государственного

бюджета расходуются на содержание государственной администрации, среднее образование, национальную оборону, здравоохранение и социальное обеспечение. Важное значение в Китае придается расходам на инфраструктуру, науку и высшее образование. Глобальные реформы предполагается провести в области контроля за государственными расходами в таких сферах, как здравоохранение и высшее образование [2].

Важную роль в деле макроэкономического контроля играет налоговая система, и правительство предпринимает меры по повышению роли налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и его доли в общих доходах государства. Это способствует росту налоговых поступлений в бюджет государства и лучшему распределению доходов, а фискально-бюджетная система выполняет роль автоматического стабилизатора экономики [2].

Вопросы организации налогового контроля в Китае регулируются законом КНР «Об управлении сбором налогов» от 4 сентября 1992 г. С 1 января 2008 г. в соответствии с законом КНР «О налоге на прибыль предприятий» от 16 марта 2007 г. и «Правилами применения закона о налоге на прибыль предприятий» от 6 декабря 2007 г. для китайских и иностранных компаний действует единая система налогообложения прибыли.

С 1982 г. правительство Китая с целью защиты интересов национальных компаний и зарубежных инвесторов, которые ведут деятельность за пределами страны, стало заключать соглашения во избежание двойного налогообложения с другими государствами [1].

Основным же по величине сборов в бюджет является налог на добавленную стоимость (НДС). Данный налог действует в Китае с 1 января 1994 г., система его взимания существенно отличается от российской.

Налоговая политика России во многом схожа с китайской, но также имеются и существенные различия. В КНР администрированием всех видов налогов занимаются Главное государственное налоговое управление, налоговые управления провинций и местные налоговые управления. По аналогии в России администрирование налогов входит в функции Федеральной налоговой службы РФ, налоговых управлений по субъектам РФ и территориальных налоговых инспекций.

Закон «Об управлении сбором налогов» является основным законодательным актом, который определяет правила налогового администрирования, общие принципы налогообложения, проведения налоговых проверок и юридическую ответственность за налоговые правонарушения. Закон состоит из 6 глав и 94 статей и представляет собой аналог Налогового кодекса РФ [2].

Между российским и китайским налоговым законодательством существует целый ряд отличий:

- 1) система налогообложения в России характеризуется приоритетом прямых и центральных налогов, в отличие от таковой в Китае;
- 2) в Китае в федеральный бюджет зачисляется налог на прибыль государственных предприятий, а в местный бюджет — налог на прибыль местных предприятий, в России же налог полностью зачисляется в федеральный бюджет;
- 3) в КНР объект налогообложения налога на прибыль для китайских предприятий и зарубежных предприятий одинаковый, а в России объект налогообложения налога на прибыль организаций для российских организаций и зарубежных предприятий различается;
- 4) в России НДС платится либо ежемесячно, либо ежеквартально, в Китае налог может уплачиваться ежедневно, один раз в 3, 5, 10, 15 дней или раз в месяц;
- 5) в России есть налоговые льготы для семей с детьми, а в Китае они отсутствуют;
- 6) в Китае подоходный налог с физических лиц прогрессивный, в России — пропорциональный;
- 7) в КНР подоходный налог с физических лиц существует в виде фиксированной минимальной суммы, подлежащей налогообложению, а в России ее нет [3].

Налоговое законодательство КНР начало реформироваться не так давно, и до настоящего времени оно регулярно совершенствуется и адаптируется к быстро меняющимся условиям развивающейся экономики. Возможно, и российскому налоговому законодательству требуются существенные изменения, ведь на данный момент налоговое законодательство России далеко не сбалансировано.

Литература

1. Лебедев Б. М., Колесникова Т. В. Реформирование налогообложения в Китайской Народной Республике // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2012. № 4. С. 144–152.
2. Поспелова Е. Б. Современная налоговая система Китая: налоги на доходы и имущество физических лиц. 2014. № 6(25). С. 140.
3. Сунь Ю. Налоги на прибыль предприятий и подоходный налог с физических лиц в КНР // Вестник ЮУрГУ. Сер. Экономика и менеджмент. 2011. № 8(225). С. 79–82.

Правовой статус государственного служащего в Российской Федерации и Монголии (отдельные аспекты исследования)

© А. Г. Тышкенова

ст. преподаватель кафедры конституционного,
административного и муниципального права
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
79021612161@mail.ru

Государственная служба как элемент системы права представляет собой динамичный правовой институт. Возрастающие требования к государственному аппарату побуждают законодателя и глав государств расширять обязанности служащих.

Как отмечается в отечественной юридической литературе, обязанности государственного служащего характеризуют сущность его служебной деятельности, ибо государство принимает на работу гражданина главным образом в целях возложения на него соответствующих обязанностей [1, с. 256].

Обязанность как элемент правового статуса представляет собой действенный инструмент управления поведением государственных служащих. Надлежащее исполнение обязанностей служащим позволяет достигать поставленных целей в государственном управлении и обеспечивать его эффективность. В правовой науке обязанности неоднократно группировались по разным признакам и классифицировались по различным основаниям.

Ю. Н. Стариковым среди обязанностей служащего выделяются общие (основные) [1, с. 256], что приводит нас к выводу о существовании другой группы обязанностей (специальных), которые предопределены особенностями конкретной замещаемой должности.

Такой же подход мы наблюдаем на законодательном уровне. В ст. 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ от 27 июля 2004 г. перечислены основные обязанности гражданского служащего [7]:

- 1) соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и обеспечивать их исполнение;
- 2) исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом;
- 3) исполнять поручения соответствующих руководителей, данные в пределах их полномочий, установленных законодательством Российской Федерации;
- 4) соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций;
- 5) поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей и др.

Совершенствуя правовую базу государственной службы, в том числе в вопросах регламентации обязанностей, полезным представляется изучение опыта правового регулирования в других странах, в том числе соседних. Благодаря сравнительным исследованиям мы имеем возможность сопоставить теоретические наработки и имеющуюся практику по самым разным вопросам.

В монгольской юридической науке имеются исследования обязанностей государственных служащих как элемента их правового статуса. Профессор Б. Чимид подразделяет обязанности государственных служащих на общие, которые присущи всем служащим вне зависимости от занимаемой должности, и специальные обязанности, зависящие от конкретной должности и обусловленные ее спецификой [2, с. 249]. Тот же подход к делению на виды обязанностей мы наблюдаем в трудах О. Амархуу [6, с. 51].

Аналогичная классификация представлена в программе развития правительства Монголии, в ней установлено, что кроме основных гражданских обязанностей государственный служащий должен выполнять общие обязанности, закрепленные соответствующим законом о государственной службе Монголии [4, с. 73]. Например, к числу основных обязанностей служащих закон «О государственной службе Монголии» относит обязанности уважать и соблюдать конституцию и другие законы Монголии; работать, руководствуясь государственными интересами и в пределах своей компетенции; выполнять распоряжения вышестоящего должностного лица в соответствии с законом; соблюдать этические нормы государственных служащих; повышать квалификацию в соответствии с требованиями, необходимыми для выполнения своих служебных обязанностей и др. [3].

В свою очередь, служебные обязанности в монгольской литературе подразделяются еще на две группы [5, с. 106]:

- 1) обязанности, относящиеся к существу служебной деятельности;
- 2) обязанности, связанные с личностью государственных служащих.

Сравнение обязанностей государственных служащих как элемента их правового статуса в России и Монголии показало, что в целом они имеют схожий характер. В российской и монгольской юридической литературе приводятся идентичные классификации обязанностей служащих. Считаем, что это объясняется сущностью государственной службы, ее назначением и подтверждает важность системной регламентации обязанностей государственных служащих.

Литература

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 768 с.
2. Чимид Б. БНМАУ-ын захиргааны эрх зүй. Улан-Батор, 1973. 278 с.
3. О государственной службе Монголии: закон // Торийнмэдээлэл. 1995. № 11.
4. Засгийн Газрын Удирдлагын Хөгжлийн хотолбор. Торийн Захиргаа, торийн албаны оорчлолт, шинэчлэл. Улан-Батор: ЗГХЭГ, 1996.
5. Нямцэрэн Дэмбэрэл. Правовое регулирование государственной службы в Монголии: дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. 196 с.
6. Амархуу О., Чимид Б. Ардын тор. Улан-Батор, 1981.
7. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон № 79-ФЗ от 27.07.2004. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Налоговая система Республики Сингапур

© *О. В. Хобракова*

студентка 4-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ

ovkhobrakova@gmail.com

Сингапур политически и экономически стабильная республика. Несмотря на тот факт, что Сингапур не является полностью безналоговой юрисдикцией, налоговые условия здесь достаточно благоприятные и позволяют активно и успешно справляться с налоговой нагрузкой, а налоговое законодательство и регулирование в общем ориентировано на бизнес.

Сингапур — это высокоразвитая страна с успешно развитой рыночной экономикой и системой низкого налогообложения. В экономике Сингапура важную роль играют транснациональные корпорации, а валовой национальный продукт на душу населения считается одним из самых высоких в мире.

В Сингапуре очень низкие налоговые ставки. Всего в республике существует пять видов налогов, в том числе налог на прибыль и налог на заработную плату с трудовой деятельности. Суммарная ставка налогов составляет 26,7%. Сингапур занимает пятое место в рейтинге стран с самой лучшей налоговой системой в мире. В республике только четыре вида импортных товаров подлежат обложению налогом при ввозе: алкогольные напитки, автомобили, табачные изделия и нефтепродукты [3, с.153].

Политика государства допускает приход в экономику иностранных субъектов. Особенно интересно то, что законодательство не разграничивает права и обязанности компаний-резидентов и нерезидентов. В отличие от классических оффшорных юрисдикций, Сингапур допускает избегание двойного налогообложения. На сегодня республика подписала соглашения об избежании двойного налогообложения с 61 страной, в том числе с РФ.

В Сингапуре действует территориальная система налогообложения. Средняя ставка подоходного налога составляет около 17%. Подоходным налогом облагается доход, который получен от источников в Сингапуре либо от иностранных источников и переведен в Сингапур, являющийся одним из налогооблагаемых видов дохода:

- 1) доход от различных видов торговли, профессиональной деятельности или предпринимательской практики;
- 2) доход в виде оплаты труда, в том числе опционы и возмещение расходов на проживание и транспортные расходы;
- 3) дивиденды, проценты, различные социальные пособия;
- 4) другие виды дохода.

Согласно закону Республики Сингапур «О подоходном налоге», доход считается полученным в республике, если:

- 1) сумма дохода образуется от зачета задолженности в Сингапуре;
- 2) сумма дохода получена от приобретения движимого имущества в Сингапуре;
- 3) сумма дохода перечислена в Сингапур.

Любой доход в виде вознаграждения за трудовую деятельность, в том числе пособия, компенсации и иные виды доходов, связанные с работой по найму, подлежит обложению налогом, при условии, что эта работа выполнена в Сингапуре. В этом случае не принимается во внимание место нахождения работодателя или место выплаты вознаграждения за труд. Доход от прироста капитала не подлежит обложению налогом. При этом многократное проведение операций с ценными бумагами налоговой служба Сингапура может признать предпринимательской деятельностью и обязать уплатить подоходный налог. Наличие или отсутствие у предприятия статуса налогового резидента в Сингапуре зависит от места ведения учета и контроля над этой организацией.

С 1 июня 2013 г. в отношении некоторых видов зарубежного дохода все налоговые резиденты Сингапура имеют право на освобождение от подоходного налога в случаях, если:

- 1) данный доход был обложен подоходным налогом в иностранной юрисдикции — источнике дохода. Это освобождение от уплаты налога распространяется на все дивиденды, полученные из-за рубежа;

2) средняя ставка подоходного налога в иностранной юрисдикции, которая является источником дохода, составляла не менее 15% в году, в котором доход был получен в Республике Сингапур [1, с. 56].

Для применения налоговых льгот дивиденды считаются полученными от источников за пределами территории Сингапура, если они выплачиваются компанией, которая не является налоговым резидентом Сингапура. Этот подход используется также в том случае, если полученные дивиденды составляют доход от торговли, профессиональной практики, предпринимательской деятельности в Сингапуре (например, дивиденды, полученные банком, который является налоговым резидентом Сингапура). Требование о минимальном участии получателя дивидендов в капитале организации, выплачивающей дивиденды, отсутствует: дивиденды могут быть выплачены и на одну единственную акцию [4, с. 87].

Налог на недвижимость выплачивается собственниками недвижимого имущества. Недвижимое имущество включает здания, строения, сооружения, помещения, земельные участки и арендуемые помещения. К недвижимости не относят промышленные организации и техническое оборудование, которое используется для производственной деятельности. Данный налог выплачивается ежегодно. Ставки налога на недвижимость следующие:

- 1) 4% стоимости используемого собственником или владельцем помещения для проживания;
- 2) 10% цены недвижимости.

Налоговая база зданий, сооружений и строений определяется как предвосхищаемый ежегодный доход от сдачи имущества в аренду (не учитывая предметы обстановки и затраты на содержание имущества). Налоговая база по объектам земельной собственности состоит из 5% рыночной цены объекта недвижимости. Для некоторых видов объектов недвижимости (порты, отели, хостелы, гостиницы и др.) есть отдельная формула исчисления налога на недвижимость.

Налоги на потребление образуются с товаров и услуг (налог с продаж). Налог уплачивается при покупке товаров и оказании услуг в Сингапуре. С 1 июля 2009 г. единая ставка налога на товары и услуги составляет 7%.

Некоторые виды товаров и услуг не подлежат обложению данным налогом (налог с некоторых видов товаров и услуг не взимается или отдельные виды товаров и услуг освобождены от его уплаты). Налог не взимается при продаже товаров и услуг за рубежом, купле-продаже товаров в пределах бондовых зон, операциях между физическими лицами.

От налога на товары и услуги освобождены сделки по продаже и сдаче в аренду недвижимого имущества и некоторые обособленные виды коммерческих услуг.

При осуществлении платежей нерезидентам Сингапура налоговый агент обязан удерживать налог у источника дохода по следующим ставкам.

Ставка 10% применяется при уплате нерезиденту Сингапура следующих платежей:

- 1) роялти или иные платежи, связанные с использованием движимого имущества;
- 2) выплаты, связанные с получением права использования научных, технических, коммерческих знаний и информации.

Ставка 15% применяется при уплате нерезиденту Сингапура:

- 1) процентов, комиссии и платы в связи с любым займом или задолженностью;
- 2) рентных или иных платежей, связанных с использованием движимого имущества;
- 3) платы за приобретение недвижимости нерезидентному агентству.

Ставка 20% применима при уплате нерезиденту Сингапура следующих видов платежей:

- 1) выплаты иностранным лицам, не являющимся резидентами;
- 2) выплата вознаграждения директорам-нерезидентам.

Интерес представляют также гербовые сборы. Данным видом сбора облагается оформление юридических документов при отчуждении имущества, в том числе договоры купли-продажи или другого вида распоряжения имуществом, акциями, договоры дарения, договоры аренды или залога. По общему правилу гербовый сбор должен уплачиваться непосредственно перед оформлением документа. Кроме этого, уплата гербового сбора допускается в течение двух недель после оформления документа, но только если документ оформляется в Сингапуре, или в течение 30 дней — если документ оформляется за пределами территории Сингапура [5, с. 96].

Ставки гербового сбора:

- 1) дарение недвижимости — от 1 до 3 долл. за каждые 100 тыс. долл. цены недвижимости;
- 2) аренда — от 1 до 4 долл. за 250 долл. суммы ежегодных арендных платежей в размере 1 000 сингапурских долл. в год (если в договоре аренды занижен гербовый сбор, взимается с рыночной ставки аренды);
- 3) залог недвижимого имущества — 4 долл. за каждые 1 000 долл. стоимости (но не свыше 500 сингапурских долл.);
- 4) отчуждение акций — 0,20 долл. за каждые 100 долл. рыночной цены акций или стоимости акций по договору отчуждения [1, с. 142].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что Сингапур удобен для ведения бизнеса предпринимателями, поскольку очевидным преимуществом является налоговый режим с невысокими ставками налогообложения для компаний и физических лиц, налоговыми льготами, отсутствием налога на прирост капитала, одноуровневой системой налогообложения и многочисленными договорами об избежании двойного налогообложения.

Литература

1. Калашников Н. И. Сингапур: проблемы города-государства. М.: Знание, 2011. С. 231–233.
2. Курзанов В. Н. Сингапур в экономике Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1995. 134 с.
3. Ли Куан Ю. От третьего мира к первому: Сингапур с 1965 по 2000 г. 2000. С. 141–149.
4. Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2015. 365 с.
5. Плеханов Ю. А., Рогожин А. А. Экономика и политика АСЕАН. М.: Мысль, 2005. 208 с.

Сравнительно-правовое исследование медицинской тайны в соответствии с законодательством России и США

© **Б. Ч. Цыбикова**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ*

В России соблюдение медицинской тайны — общий принцип медицинской деятельности, основным назначением которого является обеспечение основополагающих прав человека и гражданина. Способствуя обеспечению баланса частных и публичных интересов, медицинская тайна выступает гарантией правового государства.

Правовая регламентация медицинской тайны содержится, прежде всего, в ст. 23 Конституции Российской Федерации, в которой записано, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Нарушение этого права допускается лишь на основании судебного решения. В ст. 24 Основного закона устанавливается, что сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. В развитие этих статей Конституции был издан указ Президента Российской Федерации № 188 от 6 марта 1997 г., который относит врачебную тайну к категории сведений, связанных с профессиональной деятельностью.

В российских законодательных актах используется термин «врачебная тайна», хотя, как отмечается в теоретической литературе, правильнее было бы обозначить это понятие «медицинской тайной», поскольку требование не разглашать сведения о пациенте обязаны соблюдать не только врачи, но и другие лица, которым в процессе исполнения ими профессиональных обязанностей стали известны эти сведения.

Само определение врачебной тайны содержится в настоящее время в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. Согласно ст. 13 закона, врачебную тайну составляют «сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении».

В США для защиты медицинской информации существует федеральный закон «The Health Insurance Portability and Accountability Act» (HIPAA; Pub. L. 104–191, 110 Stat. 1936, enacted August 21, 1996) об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан, который устанавливает правила для медицинских работников и учреждений, а также планов медицинского страхования в отношении лиц, которые могут просматривать и получать медицинскую информацию о пациенте, включая членов семьи и друзей. Постановление о конфиденциальности HIPAA обеспечивает право пациента распоряжаться своей медицинской информацией, включая право на получение ее копий, проверку достоверности и получение отчета о том, кому она передавалась [2; 6].

В соответствии с положениями HIPAA по защите неприкосновенности частной жизни предусмотрено определение понятия «информация о здоровье» (health information). Согласно ст. 1171 (4) закона, под «информацией о здоровье» понимается любая информация, включая генетическую информацию, как в устной форме, так и зафиксированная в любой другой форме и на носителе любого вида, которая:

а) создана или получена поставщиком медицинских услуг или медицинского страхования, органом здравоохранения, работодателем, страхователем жизни, школой, университетом или расчетным центром здравоохранения;

б) относится к прошлому, настоящему или будущему физическому или психическому здоровью или состоянию физического лица, оказанию медицинской помощи физическому лицу или к прошлым, текущим или будущим платежам за предоставление медицинской помощи физическому лицу [2].

Статьей 1171 (6) HIPAA (42 USC 1320d) выделяется термин «индивидуальная идентифицируемая информация о здоровье» (individually identifiable health information), обозначающий любую информацию, включая демографическую, собранную от индивида, которая:

а) создана или получена поставщиком медицинских услуг или медицинского страхования, органом здравоохранения, работодателем, страхователем жизни, школой, университетом или расчетным центром здравоохранения;

б) относится к прошлому, настоящему или будущему физическому или психическому здоровью или состоянию физического лица, оказанию медицинской помощи физическому лицу или к прошлым, текущим или будущим платежам за предоставление медицинской помощи физическому лицу;

в) идентифицирует личность или в отношении которой есть разумные основания полагать, что информация может быть использована для идентификации личности [2].

The Health Information Technology for Economic and Clinical Health Act (HITECH Act, was enacted under Title XIII of the American Recovery and Reinvestment Act of 2009; Pub. L. 111–5, Feb. 17, 2009) — Закон об использовании медицинских информационных технологий в экономике и здравоохранении, принят в рамках Закона о восстановлении американской экономики и реинвестировании 2009 г. (Подраздел D Раздела XIII) для содействия использованию информационных технологий в здравоохранении [1]. Подраздел D «Конфиденциальность» (Privacy) касается проблем конфиденциальности и безопасности, связанных с электронной передачей медицинской информации, частично посредством нескольких положений, которые укрепляют гражданское и уголовное правоприменение правил HIPAA [7].

Федеральное законодательство США требует от врачей, больниц и других медицинских учреждений уведомлять о нарушении конфиденциальности граждан, министра здравоохранения и социального обеспечения США. Если нарушение затрагивает более 500 жителей штата или юрисдикции, медицинское учреждение также должно уведомлять авторитетные СМИ штата или юрисдикции (Статья 13402 (e) закона HITECH) [1]. Это требование позволяет сохранить ответственность медицинских учреждений за защиту информации.

В Министерстве здравоохранения и социального обеспечения (Department of Health and Human Services) существует отдел конфиденциальности, который контролирует соблюдение всех государственных и федеральных законов о конфиденциальности, включая HIPAA, расследует нарушения конфиденциальности и жалобы, связанные с несанкционированным доступом или раскрытием информации о здоровье граждан и конфиденциальной информации участников [8].

В России требование о соблюдении врачебной тайны устанавливается п. 2 ст. 13 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г.: не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных законом.

Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается в следующих случаях:

- 1) в целях обследования и лечения гражданина, не способного из-за своего состояния выразить собственную волю;
- 2) при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений;
- 3) по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно. Информацию, содержащую врачебную тайну, предоставляют только при наличии надлежащим образом оформленного официального запроса (постановления суда, следователя, дознавателя);
- 4) в случае оказания помощи несовершеннолетнему для информирования его родителей или законных представителей;
- 5) при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью гражданина причинен в результате противоправных действий. Медицинское учреждение, служба скорой помощи передают информацию о подобных случаях в органы внутренних дел;
- 6) в целях проведения военно-врачебной экспертизы по запросам военных комиссариатов, кадровых служб и военно-врачебных (врачебно-летних) комиссий;
- 7) в целях расследования несчастного случая на производстве и профессионального заболевания;
- 8) при обмене информацией медицинскими организациями, в том числе размещенной в медицинских информационных системах, в целях оказания медицинской помощи с учетом требований законодательства РФ о персональных данных;
- 9) в целях осуществления учета и контроля в системе обязательного социального страхования;
- 10) в целях осуществления контроля качества и безопасности медицинской деятельности в соответствии с законом (п. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г.). Перечень является исчерпывающим.

Допускается с письменного согласия гражданина или его законного представителя разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях (п. 3 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г.).

В соответствии с законом HIPAA работники медицинского учреждения могут передавать информацию при очной встрече, по телефону или в письменном виде. Медицинское учреждение или план медицинского страхования могут осуществить передачу информации, если:

- а) пациент дает разрешение медицинскому учреждению или плану медицинского страхования на передачу информации;
- б) информация передается в присутствии пациента, и он не возражает против ее передачи;
- в) работники медицинского учреждения в отсутствие пациента решают, основываясь на профессиональном суждении, что передача информации в интересах пациента [6].

Медицинские учреждения вправе выдавать лекарственные препараты, отпускаемые по рецепту, медицинские принадлежности, рентгеновские снимки и прочие предметы медицинского назначения члену семьи пациента, другу или другому лицу, которого пациент послал забрать эти предметы [6].

За разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, лица, нарушившие тайну, по российскому законодательству, могут быть привлечены к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Наступление ответственности будет зависеть от обстоятельств дела.

Требования о возмещении вреда, причиненного разглашением сведений, составляющих врачебную тайну, могут быть основаны на ст. 15, 150, 151, 1064, 1068, 1099, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. разглашение информации с ограниченным доступом регулируется ст. 13.14.

В Уголовном кодексе Российской Федерации содержится ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» от 13 июня 1996 г. Часть 2 данной статьи предусматривает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия или распространение этих сведений на публичном выступлении, в произведении или средствах массовой информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Медицинская организация имеет право применить к своему работнику, виновному в разглашении тайны, охраняемой законом и ставшей известной ему в связи с исполнением профессиональных обязанностей, дисциплинарное взыскание: замечание, выговор, увольнение по п. 6 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г.

Закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан и Закон об использовании медицинских информационных технологий в экономике и здравоохранении США, в отличие от российских нормативных актов, четко регламентируют требования к соблюдению медицинской тайны и устанавливают ответственность по каждому виду нарушений. Так, ст. 1177 (а) Закона об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г. (42 USC 1320d–6) устанавливает, что «лицо, которое сознательно и в нарушение этой части а) использует или вызывает использование индивидуальной идентифицируемой информации о здоровье, б) получает индивидуальную идентифицируемую информацию о здоровье, относящуюся к другому лицу, или в) раскрывает индивидуальную идентифицируемую информацию о здоровье другому лицу», в зависимости от обстоятельств наказывается штрафом до 250 000 долл., лишением свободы до 10 лет или и тем и другим [2].

При том, что в действующем законодательстве Российской Федерации немало законодательных актов, регулирующих права и свободы человека, нормы, относящиеся к праву на неприкосновенность медицинской тайны, они не систематизированы, это является причиной пробелов в правовом регулировании общественных отношений. Законодательство в сфере здравоохранения только устанавливает обязанность соблюдения врачебной тайны и должным образом не содействует ее обеспечению, в отличие от законодательства США, которое детально регламентирует конфиденциальность информации о здоровье и устанавливает ответственность за нарушение права личности на сохранение информации о своем здоровье. Российское законодательство в современном состоянии не может достаточно полно гарантировать право на неприкосновенность частной жизни и обеспечить должный уровень ее качества в правовом государстве.

Литература

1. Health Information Technology for Economic and Clinical Health Act (HITECH Act, was enacted under Title XIII of the American Recovery and Reinvestment Act of 2009; Pub. L. 111–5, Feb. 17, 2009) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-111publ5/html/PLAW-111publ5.htm> (дата обращения: 11.05.2017).

2. Health Insurance Portability and Accountability Act (HIPAA; Pub.L. 104–191, August 21, 1996) [Электронный ресурс]. URL: <https://aspe.hhs.gov/report/health-insurance-portability-and-accountability-act-1996> (дата обращения: 11.05.2017).

3. Jones E. HIPAA Final Rule: Genetic Information Nondiscrimination Act (GINA) Definitions (2013) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hipaa.com/hipaa-final-rule-genetic-information-nondiscrimination-act-gina-definitions/> (дата обращения: 11.05.2017).

4. Jones E. HIPAA Final Rule: Prohibited Uses and Disclosures of Genetic Information for Underwriting Purposes (2013) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hipaa.com/hipaa-final-rule-prohibited-uses-and-disclosures-of-genetic-information-for-underwriting-purposes/> (дата обращения: 11.05.2017).

5. Roberts W. Can I Be Sued for a HIPAA Violation? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hipaa.com/can-i-be-sued-for-a-hipaa-violation/> (дата обращения: 11.05.2017).

6. HIPAA for Professionals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/hipaa/for-professionals/index.html> (дата обращения: 11.05.2017).

7. HITECH Act Enforcement Interim Final Rule [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/hipaa/for-professionals/special-topics/HITECH-act-enforcement-interim-final-rule> (дата обращения: 11.05.2017).

8. U.S. Department of Health & Human Services [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/> (дата обращения: 11.05.2017).

Сравнительно-правовой анализ норм о признании нормативных правовых актов не соответствующими Конституции в России и Монголии

© *О. М. Цыренбазарова*

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

Россия, г. Улан-Удэ

ole4kabaduraeva@mail.ru

Россия и Монголия — сопредельные государства с многовековой историей, тесно переплетающимися судьбами, культурными и экономическими связями. Политический, экономический, социальный интерес друг к другу вызывает необходимость изучения правовой системы другого государства, его законодательства, выявления сходств и отличий во многих областях права, в том числе и конституционном судопроизводстве.

В Российской Федерации, как и в Монголии, конституционно предусмотрены случаи проверки нормативных правовых актов. При этом в российской правовой системе кроме Конституции РФ существует отдельный федеральный конституционный закон, в котором прописаны случаи проверки нормативных правовых актов на соответствие конституции, порядок осуществления данной проверки и иные положения. К сожалению, не представлялось возможным изучить закон Монголии, предусматривающий проверку нормативных правовых актов на соответствие конституции, поэтому в ходе написания статьи будут проанализированы положения двух конституций по данному вопросу.

Для начала стоит определиться с тем, какой орган уполномочен рассматривать дела о соответствии конституции принимаемых нормативных правовых актов и в той и в другой стране, а также виды нормативных правовых актов, исследуемых при рассмотрении на соответствие конституции.

В России конституционность законов уполномочен проверять Конституционный суд Российской Федерации [1]. В Монголии данными функциями наделен Конституционный цэц Монголии, который определяется как полномочный орган, осуществляющий высший контроль за выполнением конституции, выносящий заключение о нарушении ее положений, рассматривающий и разрешающий споры. При исполнении своих обязанностей Конституционный цэц и его члены подчиняются только конституции, не зависят от любых организаций, должностных лиц, других людей [2].

Аналогичное положение содержится и в Конституции РФ, при этом исходя из того, что проверку конституционности законов осуществляет именно суд, а не иной орган, определено, что судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. То есть предполагается, что в Монголии аналогичный по правовому положению орган конституционного контроля Конституционный цэц подчиняется только Конституции Монголии, а Конституционный суд РФ помимо Конституции РФ еще и федеральному закону. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ прописан порядок подачи обращений, правовой статус заявителей, гарантии судей, виды принимаемых решений и многое другое, что не отражается в Конституции РФ. При этом Конституция Монголии предусматривает специальный закон, в котором прописаны гарантии членов конституционного цэца, их независимое положение, но, несмотря на наличие закона, они подчиняются только конституции.

Подход российского законодателя более оправдан и обоснован. Конституция по своему содержанию и характеру является основным законом государства, в котором невозможно полностью упорядочить все сферы его жизнедеятельности, и принятие законов, регламентирующих ту или иную деятельность, существенно упрощает правовые отношения в установленной сфере деятельности. Конституционный цэц Монголии не является судом, в отличие от Конституционного суда РФ, поэтому законодатель выделил его в отдельную главу. Конституционный суд РФ — это судебный орган, поэтому логично было его включение в главу 7, именуемую как судебная власть и прокуратура.

При этом отведение только одной единственной статьи (125) органу конституционного контроля в России весьма интересно, тогда как в Конституции Монголии для Конституционного цэца предусмотрена целая глава 5 «Конституционный цэц Монголии». Такое неравное отношение к фактически одному и тому же органу вызывает ряд вопросов. В российской правовой системе главенствующее место занимает Конституция РФ, далее по иерархии следуют федеральные конституционные законы, федеральные законы и т. д., а значит, предоставление Конституционному суду РФ места только в одной статье Основного закона страны свидетельствует об умалении роли и значения последнего. Высшая роль Конституционного суда, по мнению С. В. Нарутто, состоит в обеспечении возможностей самостоятельности и самоорганизации общества, превращения его из совокупности разрозненных граждан в гражданское общество [4].

В. А. Шульцев констатирует, что Конституционный суд РФ — это не только судебный орган, но и такой конституционный орган, которому предоставлено право в установленных Конституцией РФ и Законом о Конституционном суде РФ форме и пределах осуществлять надзор над органами законодательной и исполнительной власти, а в опосредованном виде — над судебными органами, и в данном смысле он сам представляет высшую государственную власть [5].

Позиции российских ученых в отношении правового статуса, роли и места Конституционного суда Российской Федерации однозначно сводятся к тому, что этот орган имеет большое значение в правовой системе России как гарант российского конституционализма.

Хотя и предусмотрен федеральный конституционный закон, он всегда занимал и будет занимать только второе место после Конституции. Более соответствует принципам демократичного, правового государства в этом плане Монголия, где Конституционный цэц занимает достойное место в Основном законе страны.

Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная дума, одна пятая членов Совета Федерации или депутатов Государственной думы, Правительство Российской Федерации, Верховный суд Российской Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, являются субъектами, правомочными обращаться в Конституционный суд Российской Федерации для разрешения дела о соответствии Конституции Российской Федерации:

а) федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации;

б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

в) договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Также по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов Конституционный суд РФ проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле.

Субъектами, правомочными обращаться в Конституционный цэц Монголии, являются граждане Монголии, Великий государственный хурал, президент, премьер-министр, Верховный суд и генеральный прокурор, при этом предусмотрено право Конституционного цэца по своей инициативе рассматривать и разрешать споры о нарушении Конституции.

Право граждан Российской Федерации на обжалование закона реализовано в порядке конкретного нормоконтроля, а граждан Монголии — абстрактного нормоконтроля. Как указывал Н. С. Бондарь, ценность абстрактного нормоконтроля обусловлена его ориентацией преимущественно на защиту общих интересов, он открывает наиболее широкие возможности для осуществления конституционно-судебной проверочной деятельности [3]. Хотя в Российской Федерации и предусмотрен более широкий субъектный состав, это никоим образом не влияет на качество содержания нормативных правовых актов. Полагаем, что предоставление права Конституционному цэцу по своей инициативе рассматривать и разрешать споры — более действенная мера для защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Конституционный цэц Монголии выносит заключение по следующим спорным вопросам:

1) соответствуют ли конституции законы, указы и другие решения Великого государственного хурала и президента, а также решения правительства, международные договоры Монголии;

2) соответствуют ли конституции решения центрального избирательного органа по всенародному референдуму, по выборам Великого государственного хурала, его членов и президента;

3) допущено ли нарушение конституции президентом, председателем и членами Великого государственного хурала, премьер-министром, членами правительства, главным судьей Верховного суда и генеральным прокурором;

4) имеется ли основание для отставки президента, председателя Великого государственного хурала, премьер-министра, отзыва членов Великого государственного хурала.

При сравнении положений конституций о видах нормативных правовых актов, подлежащих проверке на соответствие конституции, было выявлено, что в Российской Федерации перечень более расширенный, чем в Монголии. Помимо аналогичных монгольским законам, указам и решениям государственных органов законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной думы, Правительства Российской Федерации подлежат проверке конституции республик, уставы, а также законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации. Выявленные различия обусловлены государственно-территориальным устройством той и другой страны. В ст. 2 Конституции Монголии определено, что Монголия является унитарным государством, тогда как Российская Федерация — федеративным.

После дачи соответствующего заключения Конституционный цэц Монголии вносит его на рассмотрение Великого государственного хурала. Если Великий государственный хурал с заключением не согласен, Конституционный цэц вторично рассматривает вопрос и выносит окончательное решение, которое вступает в силу с момента его принятия. Закон, указ и другие решения Великого государственного хурала и президента, а также решения правительства и международного договора Монголии, признанные не соответствующими конституции Монголии, считаются недействительными.

Как и в Монголии, акты или их отдельные положения, признанные неконституционными в Российской Федерации, утрачивают силу. Помимо дел о соответствии Конституции РФ Конституционный суд разрешает споры о компетенции, дает толкование Конституции, выносит заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления.

Этим обусловлена интегрирующая роль Конституционного суда РФ как гаранта политического мира в обществе и государстве и хранителя долгосрочных конституционных ценностей, важнейшей из которых является надлежащее соблюдение конституционных прав и свобод граждан от злоупотреблений со стороны органов государственной власти [5].

Анализ конституционных норм о признании нормативных правовых актов несоответствующими конституции в Российской Федерации и Монголии свидетельствует о том, что интерес к данному вопросу определенно есть. Это связано с тем, что конституционный контроль — это специфическая функция и деятельность компетентных органов государства по обеспечению верховенства конституции в системе нормативно-правовых актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений. Поэтому изучение законодательства государств-партнеров Российской Федерации — важнейшая задача всего юридического сообщества и еще более важная и необходимая новому поколению юристов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конституция Монголии от 13 января 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://bsu.ru/university/departments/faculties/uf/13244/13252/13364> (дата обращения: 14.05.2017).
3. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013. С. 99.
4. Нарутто С. В. О роли Конституционного суда как гаранта российского конституционализма // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 47–51.
5. URL: <http://www.jourclub.ru/35/1227> (дата обращения: 14.05.2017).

Сравнительное исследование экологических законодательств РФ и КНР

© **В. Ж. Чимитдоржиева**

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
viktoriya231832@gmail.com*

В природе все взаимосвязано, мы живем на одной Земле, которая не знает разделения территорий на государства, поэтому вопросы экологии должны решаться на глобальном уровне. Сравнительный анализ экологического законодательства может способствовать принятию наиболее эффективных и рациональных мер по охране окружающей среды.

Основной целью принятия Повестки дня на XXI в., проходившей в Рио-де-Жанейро в 1992 г., являлось сохранение экосистемы для будущих поколений. Но поставленные задачи и принципы не выполняются должным образом, в результате происходит загрязнение Земли. В частности, в Бурятии оно касается воздуха, озера Байкал — достояния не только республики, но и всего мира, многочисленных вырубок деревьев и т. д. Около 60% побережья озера покрыто водорослью спиригирой, ранее на Байкале почти не встречавшейся. Возникает вопрос «Что мы оставляем нашему будущему поколению?». В Пекине люди вынуждены носить защитные маски из-за густого ядовитого смога. Врачи говорят о краткосрочных и долгосрочных рисках: в краткосрочной перспективе, т. е. для туристов, это грозит раздражением слизистой оболочки глаз и дыхательных путей, головными болями. У людей, болеющих астмой или сердечно-сосудистыми заболеваниями, даже недолгое пребывание в столице Китая может вызвать одышку или инсульт [1]; в долгосрочной существует реальный риск рака легких, по данным ВОЗ, вдыхание такого воздуха приравнено к пассивному курению. Дышать в Пекине — все равно, что выкуривать сорок сигарет в день. В последнее время канадский стартап Vitality Air доставляет баллоны с чистым горным воздухом в Китай. Стоимость каждого баллона сто юаней, что составляет около пятнадцати долларов.

Система нормативно-правовых актов экологического законодательства — это совокупность законов и иных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Конституция РФ является фундаментальным, основным нормативно-правовым актом, обладающим высшей юридической силой.

Согласно ст. 9 Конституции РФ земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В решении вопроса информирования населения об экологической опасности немалый правовой смысл имеет норма ст. 41 Конституции РФ об ответственности соответствующих должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3). Согласно ст. 42, 40 Конституции РФ и Конституции Республики Бурятия: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». В соответствии со ст. 57 Конституции Республики Бурятия:

«Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к озеру Байкал и другим природным богатствам».

С учетом федеративного устройства России в исключительном ведении РФ находятся: установление основ федеральной политики и федеральные программы в области экологического развития; ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; производство ядовитых веществ и порядок их использования (ст. 71). К совместному ведению относятся вопросы природопользования, охраны окружающей среды (далее — ОС) и обеспечения экологической безопасности, в том числе развитие земельного, водного, лесного законодательства, законодательства о недрах и охране ОС (ст. 72).

В Республике Бурятия существуют следующие нормативно-правовые акты, касающиеся экологической безопасности: закон РБ «Об охране окружающей среды», закон РБ «Об отходах производства и потребления в Республике Бурятия» от 9 марта 2010 г. № 1254-IV, закон Республики Бурятия «Об охране зеленых насаждений в населенных пунктах Республики Бурятия» от 5 мая 2011 г. № 1997-IV, закон РБ «Об особо охраняемых природных территориях РБ» от 29 декабря 2005 г. № 1438-III, закон РБ «Об охране атмосферного воздуха», глава 4 закона РБ «Об административных правонарушениях» от 5 мая 2011 г. и т. д.

ФЗ РФ «Об охране ОС» содержит базовые понятия экологического права и основные принципы охраны ОС, объекты охраны ОС. Также установлены полномочия органов государственной власти РФ и субъектов РФ, полномочия органов местного самоуправления, права и обязанности граждан, общественных объединений и иных некоммерческих объединений в области охраны ОС и т. д. В законе перечисляются и виды нормативов воздействия на окружающую среду, однако ни один норматив не устанавливается законом. Практически все нормативы вредного воздействия на окружающую природную среду устанавливаются подзаконными нормативными актами, что может привести к злоупотреблениям чиновниками своим служебным положением путем изменения нормативов в первую очередь в пользу крупных производителей [6].

Механизмы охраны ОС в КНР и РФ являются практически идентичными. Устанавливаемые законами РФ и КНР механизмы управления охраной ОС и рациональным природопользованием включают в себя:

- 1) экологическое нормирование и стандартизацию;
- 2) мониторинг;
- 3) экологическую экспертизу;
- 4) экологическую сертификацию, экологический аудит;
- 5) лицензирование;
- 6) оценку воздействия планируемой деятельности на окружающую среду;
- 7) меры экономического стимулирования;
- 8) экологический контроль.

В систему нормативно-правовых актов РФ в сфере охраны ОС и рационального природопользования также входят нормативные правовые акты Президента РФ; нормативные правовые акты Правительства РФ; нормативные правовые акты федеральных министерств и ведомств; конституции, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ; нормативные правовые акты органов местного самоуправления; локальные нормативно-правовые акты.

Китай имеет долгую историю формирования нормативно-правовой базы, охраны окружающей среды. В раннем периоде были разработаны простые экологические законы. Уже во время правления императоров Юя и династии Шан (Инь) (4000 г. до н. э. – 21 в. до н. э.) были опубликованы законы «Ицзоушу — Дацзюй»: «Весной в период правления Юя запрещалась рубка деревьев в горных лесах для того, чтобы позволить растениям хорошо расти, а летом запрещалась ловля рыбы, чтобы обеспечить размножение рыб». Эта фраза и сейчас рассматривается как способ выражения правовой нормы, имеющей скрытый запретительный характер. В наше время большое число китайских ученых рассматривает это предписание как первую в мире норму права в области охраны окружающей среды.

Система источников экологического права КНР состоит из норм конституции, закона КНР «Об охране окружающей среды», отдельных законов и других нормативных актов в сфере охраны окружающей среды, а также совокупности экологических стандартов. Конституция КНР является основополагающим законом и непосредственно устанавливает роль, права и ответственность государственных органов.

В отличие от Конституции РФ, Конституция КНР определяет, что собственность на природные ресурсы принадлежит государству и делится на общенародную или коллективную.

Общественная собственность включает в себя:

1) собственность на полезные ископаемые, водные и другие природные ресурсы. Ст. 9 Конституции КНР устанавливает общественную собственность на полезные ископаемые, водные ресурсы, леса, горы, степи, пустыни и другие природные ресурсы;

2) собственность на земельные ресурсы в городах. В ст. 10 Конституции КНР предусматривается, что земля в городах является государственной собственностью.

Коллективная собственность на природные ресурсы в соответствии с конституцией Китая устанавливается на:

1) не принадлежащие государству леса, пустыни и другие природные ресурсы, которые в этом случае, согласно ст. 9, в соответствии с законом могут находиться в коллективной собственности;

2) на сельскохозяйугодья и земельные участки в городах. В соответствии со ст. 10 сельскохозяйугодья могут находиться как в государственной, так и в частной собственности;

3) на землю под жилыми помещениями и приусадебные участки в соответствии со ст. 10 конституции.

Китайская конституция содержит принципы разработки и использования природных ресурсов. В соответствии со ст. 9 Конституции КНР, государство гарантирует рациональное использование природных ресурсов, берет под охрану ценные виды животных и растений, запрещает любым организациям и физическим лицам какими бы то ни было способами захватывать природные ресурсы. Статья 10 запрещает любым организациям или частным лицам присваивать, продавать, сдавать в аренду землю. Все организации и частные лица, в ведении которых находится земля, должны использовать ее рационально. Статья 51 конституции устанавливает, что при осуществлении гражданами своих свобод и прав не должен наноситься ущерб государству, обществу или коллективу, в том числе и окружающей среде [2].

Основным законодательным актом по охране окружающей среды является закон КНР «Об охране окружающей среды». Он ориентирован на гармоничное развитие экономического строительства, социального прогресса и охраны окружающей среды, в нем определены права и обязанности правительств разных ступеней, общественных организаций и граждан.

Разработаны также специальные законы, регламентирующие охрану среды по разным направлениям, в их числе Лесной кодекс КНР, Закон о предотвращении и ликвидации загрязнения вод и т. д.

Собрание народных представителей и народные правительства на местах разработали и обнародовали около пятидесяти подзаконных актов центрального правительства и более тысячи местных нормативно-правовых актов в соответствии со своими природными и финансовыми условиями.

На уровне управления в Китае сформирована система экологического контроля, правительства всех ступеней ответственны за проведение законов в жизнь, ведомства по охране окружающей среды выполняют единый административный контроль, а заинтересованные учреждения ведут конкретную работу.

24 апреля 2014 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) одобрил проект внесения изменений в закон КНР «Об охране окружающей среды», которые вводят прямую и неограниченную материальную ответственность для нарушителей закона. Изменения вступили в силу с 1 января 2015 г.

В КНР вводится система длительных штрафов за загрязнение окружающей среды (ст. 59 закона КНР «Об охране окружающей среды»). Предприятия и другие субъекты хозяйственной деятельности за незаконный сброс загрязняющих веществ должны быть наказаны штрафом и устранить нарушения. Если субъекты хозяйственной деятельности не устраняют нарушения (т. е. продолжают незаконный сброс загрязняющих веществ), с правонарушителей каждый день взимается штраф, который определяется в соответствии с первоначальной суммой штрафа, установленной государственным органом. Ежедневный штраф взимается со дня, следующего за днем истечения срока устранения нарушений, указанного в предписании государственного органа. В российской правовой системе не предусмотрены длительные ежедневные штрафы [10].

Местные органы власти при необходимости дополнительной защиты окружающей среды вправе ввести дополнительные ежедневные штрафы. Такие полномочия у органов местного самоуправления РФ отсутствуют.

В январе–июне 2015 г. общий размер штрафов, взысканных с 292 предприятий, составил 236 млн 350,9 тыс. юаней, 1 814 компаний было закрыто либо подверглось конфискации имущества, 1 092 предприятия были вынуждены полностью или частично прекратить производство, задержаны представители 782 компаний, в суд передано 740 дел, связанных с преступлениями в области окружающей среды.

Таким образом, охрана окружающей среды — это не только меры уполномоченных государственных органов, но и непосредственно осознанные действия каждого человека. Если мы сохраним природу и все ее богатства, это будет являться самым большим финансовым, политическим и духовным вкладом в качество нашей жизни и жизни будущих поколений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: официальный текст. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об охране окружающей среды: закон КНР от 26 декабря 1989 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Лесной кодекс КНР от 20 августа 1984 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Рыженков А. Я., Анисимов А. П. Модернизация российского экологического законодательства в контексте опыта Китайской Народной Республики // Вопросы российского и международного права. 2013. № 2. С. 123–136.
7. Лю Хун Янь. Развитие экологического права Китая и России: дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. С. 89.
8. URL: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended (дата обращения: 08.03.2016).
9. URL: <http://www.moluch.ru/archive/91/20057/> (дата обращения: 08.03.2016).
10. URL: <https://www.chinadialogue.net/Environmental-Protection-Law-2014-eversion.pdf> (дата обращения: 08.03.2016).

Особенности конституционно-правового регулирования в государствах Северо-Восточной Азии

© А. В. Юрковский

*заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Иркутск
avuyurkovsky@mail.ru*

Объективная потребность обеспечения порядка в общественных отношениях детерминирует необходимость формирования национального конституционно-правового регулирования. Фундаментальные основы конституционно-правового регулирования любого государства обусловлены параметрами социально-экономической, политической и правовой природы, сопоставимыми с параметрами социальной действительности, складывающейся в данном государстве. В предлагаемой работе рассматривается конституционно-правовое регулирование и его особенности в странах Северо-Восточной Азии — КНР, КНДР, Монголии, Японии, Республике Корея.

Рассматриваемые государства объединяет не только географическая близость, но и последствия мировой истории, которые оставили свой отпечаток на каждом из исследуемых государств. На протяжении всей истории в государствах региона складывались разнообразные экономические системы, характер которых определялся многими факторами.

Результаты проведенного нами исследования основаны на использовании нормативного материала государств Северо-Восточной Азии [1–5].

Несмотря на активное употребление в научном и политическом дискурсе, понятие «конституционно-правовое регулирование» не имеет единого определения. В основном конституционно-правовое регулирование рассматривается как элемент, составная часть правового регулирования. Вместе с тем целесообразно отметить, что в общей теории государства и права уже давно сложилось представление о понятии «правовое регулирование», основанное на по меньшей мере двух основных значениях — узком и широком.

Задачей предлагаемой работы не является рассмотрение всего многообразия взглядов на определение изучаемого понятия. Тем не менее для реализации нашего исследования необходимо дать собственное определение понятия конституционно-правового регулирования.

Конституционно-правовое регулирование — феномен социальной действительности, вид социального, позитивно-правового регулирования, осознанная, целенаправленная, интеллектуальная, управленческая деятельность людей, обусловленная особенностями складывающейся в определенный период времени общественно-экономической формации и цивилизационно-культурными факторами конкретного общества, функционирования его политической системы; опосредованный итог доминирования воли наиболее влиятельных социальных групп и социального компромисса, исходящий от специально уполномоченных субъектов, целью которого является возведение определенных мировоззренческих идеалов в степень общеобязательного поведения. Конституционно-правовое регулирование осуществляется и обеспечивается различными материальными и организационными средствами, включая принуждение; имеет языковые и поведенческие формы выражения и обладает индивидуальной стилистикой; объективируется в качестве формально определенной информации о видах и формах общеобязательного либо границах возможного поведения в сфере взаимодействия личности и общества, общества и государства, личности и государства в наиболее важных сферах социальной жизни.

По нашему мнению, конституционно-правовое регулирование каждого из конкретных государств Северо-Восточной Азии обусловлено историческими процессами становления государственного языка.

Конституционно-правовое регулирование КНР, КНДР, Монголии, Японии и Республики Корея есть результат культурного признания (становления, образования в культурном социальном поле) конкретных идей в качестве определенных социальных ценностей, потребностей и интересов, которые сами по себе, изначально сформировались как представления о предполагаемом порядке.

Вопрос генезиса доктринальных представлений о предназначении и содержательном наполнении конституционно-правового регулирования в государствах Северо-Восточной Азии, по нашему мнению, является самостоятельной научной проблемой и нуждается в отдельном рассмотрении. Вместе с тем кажется очевидным, что доктринальные и сугубо правовые концепции правового регулирования находят в Китайской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике, Монголии, Японии и Республике Корея свое выражение в виде объективированной информации, которая эксплуатируется в процессе установления предполагаемого порядка. Концепции конституционно-правового регулирования в итоге конституируют процесс государственного управления обществом в каждом из рассматриваемых государств.

Процессы правового регулирования и их механизмы в КНР, КНДР, Монголии, Японии и Республике Корея связаны с качественным изменением познавательной роли и научного статуса понятия управления в области права.

Очевидно, что конституционно-правовое регулирование для каждого из рассматриваемых государств обладает собственными предметом и методами, оно складывается в сфере взаимодействия личности и общества, общества и государства, личности и государства и других важных областях социальной жизни.

В государствах Северо-Восточной Азии конституционно-правовое регулирование неоднородно, оно осуществляется различными средствами приемами и способами. К примеру, можно говорить о допустимых для конституционно-правового регулирования источниках права.

Конституционные методы правового регулирования принято рассматривать в качестве самостоятельной правовой категории, представляющей собой совокупность приемов и способов воздействия конституционных норм на общественные отношения, отрасли права, систему законодательства.

Стратегическими целями конституционно-правового регулирования Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монголии, Японии и Республики Корея является установление в общественных отношениях, возникающих, изменяющихся, прекращающихся по поводу конституционно-го, общественного, государственного, политического строя (устройства), конституционно-правового положения (статуса) личности, территориальной организации государственной власти (государственного устройства), организации и функционирования государственной власти, а также местного самоуправления определенных мировоззренческих идеалов, возведение их в степень общеобязательного поведения.

Опираясь на уже накопленный опыт исследования способов упорядочения общественных отношений с помощью норм конституционного права, целесообразно отметить их особенную специфику и технологию воздействия как на национальные системы права, так и на общественные отношения напрямую. Очевидно, что методология конституционно-правового регулирования предполагает выделение последнего в качестве особого вида позитивно-правового регулирования.

Литература

1. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. // Конституции государств Азии. Т. 3. Дальний Восток. М.: Норма, 2010.
2. Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики от 27 декабря 1972 г. // Конституции государств Азии. Т. 3. Дальний Восток. М.: Норма, 2010.
3. Конституция Монгольской Народной Республики от 13 января 1992 г. // Конституции государств Азии. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. М.: Норма, 2010.
4. Конституция Республики Корея от 12 июля 1947 г. // Конституции государств Азии. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. М.: Норма, 2010.
5. Конституция Японии от 3 мая 1947 г. // Конституции государств Азии. Т. 3. Дальний Восток. М.: Норма, 2010.

Duties of Citizens under Constitutions: Comparative legal analysis

© *M. Ariunaa*

*Lecturer of the Olgontenger University,
Ulaanbaatar, Mongolia, ariunaa@olgotenger.edu.mn*

© *D. Erdenechimeg*

*Lecturer of the Olgontenger University,
Ulaanbaatar Mongolia, erdenechimeg@olgotenger.edu.mn*

«A good Constitution is the greatest blessing which a society can enjoy». So said James Wilson, in his oration at Philadelphia on July 4, 1788, celebrating the adoption of the Constitution of the United States[11]. Nearly all of us are quick to claim benefits, but not everybody is eager to fulfill obligations. In an age of seeming affluence, a great many people find it easy to forget that all good things must be paid for by somebody or other.

Indeed citizenship in a democracy requires participation, civility, and even patience. Democratic citizens should recognize that they do not only have rights, they have responsibilities. Democratic citizens know that they must bear the burden of responsibility for their society if they are to benefit from its protection of their rights.

The research begins with a theoretical discussion of the international concepts of the Constitutional right and duties. The main objective of this research is to identify the legal difference of the Constitutional duties between the Mongolia, PRC and Russia. Moreover, this research aims to analyzing the legal difference between democratic and socialist system regulation about responsibility of the citizens.

THE MAIN CONCEPTS OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND DUTIES

This research based on the assumption that the legal effect of a right cannot be assessed properly by only ascertaining the definition of its substantive scope. This is an attempt to summarize most of the more important rights, powers, and duties recognized or established in the world's main legal systems as Common Law as it existed at the time the USA, Civil law as Russia and Mongolia, and Socialist law as in PRC.

The idea of human rights is an essential part of the liberal creed, since it refers more to a state of feeling, rather than to a statutory provision[8]. «Persons» are one of the two main classes which are the subject of rights, powers, and duties, the other being «citizens». Persons may be «natural» or «corporate». «Citizens» are a subclass of «natural persons»[8]. Citizenship is the attribute of persons who, as members of the political party, have certain privileges and duties in addition to those they have as persons[7].

On the other hand rights and duties are reciprocal and independent: They are 2 aspects of the same thing or 2 sides of the same coin[3]. And now it is clear that for the enjoyment of valuable fundamental rights, firstly we obey our fun-

damental duties seriously, as a law abiding citizen and every citizen should realize that he/she has certain duties and that is National integrity and respect.

The terms «responsibilities», «duties» and «obligation» are often used interchangeably, and there is little real agreement over the meaning of these terms within political debate. Responsibility has been used both in the sense of acting responsibly and in the sense of being under a duty or obligation to act in a particular way. Similarly, politicians often argue that we should «use rights responsibly» or refer to a ‘duty to obey the law’ as a «responsibility».[4] Duties arise in several ways and means, such as moral duties, legal duties, parental duties, societal duties and civil du-ties[9,p.66]. Usually, every individual has duties towards the society or state. According to the Universal Declaration of Human Rights, the duties of each person towards the State, that most jurisdictions recognize the fundamental and sacred duties of the citizen under their Constitution.

THE INDIVIDUAL DUTIES AND RESPONSIBILITIES IN INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW

A. International context:

The Universal Declaration of Human Rights (UDHR) Although the UDHR does not set out the duties owed by individuals to the state or community, article 29(1) contains a general statement of principle regarding the role of individual duties in international human rights: Everyone has duties to the community in which alone the free and full development of his personality is possible [5]. Also article 29.2 of the UDHR states that In the exercise of his rights and freedoms, everyone shall be subject to such limitations as are determined by law solely for the purpose of securing due recognition and respect for the rights and freedoms of others and of meeting the just requirements of morality, public order and the general welfare in a democratic society. This clause lays down the boundaries within which a state may create individual duties in domestic law that limit UDHR rights.

The concepts of European Union. The limitations on a right are as important as its scope in determining its legal content, as virtually no right is absolute in light of the need to balance individual interests and the requirements of community life. Since the very first formulations of human and civil rights instruments, jurists have had to interpret the limits on those rights. The EU's Charter of Fundamental Rights [4] It is only the most recent regional catalog of individual rights. The doctrine of limitations on rights arose within the context of the general doctrine of fundamental rights.

Another interesting approach to the concept of liberty, which underlies positive law in the civil law tradition, stems from the assumption that rights guarantee relatively autonomous spheres of life and gradually bring about new developments and social change. According to this view, the individual is a «part of the human community, not isolated but embedded in a number of structures and interactions which are supported by law». This concept of liberty includes limitations on individual action as well as obligations, allowing for «fast adaptations to public necessities, which result in restrictions on individual rights, may this be in the field of economic or social legislation or in that of private behavior or individual lifestyle [8].

The American Convention on Human Rights (ACHR) The American Convention on Human Rights (ACHR)[5] mentions individual duties only in the most general terms and omits reference to duties owed to the state. The main reference to duties can be found in article 32(1), which states that ‘every person has responsibilities to his family, his community, and mankind’. This represents a significant retreat from the 1948 American Declaration of the Rights and Duties of Man (ADRD), which devoted an entire chapter to individual duties. It appears that the revised ACHR grew out of a concern that the general provision in the ADRD, taken together with the specified duties, allowed states to render enumerated rights contingent upon responsibilities.

B. Domestic context:

CITIZENS DUTIES UNDER THE CONSTITUTION OF MONGOLIA

The Constitution of Mongolia, adopted in January 1992 as part of the country’s transition to democracy, is now over twenty five years old. At the horse hour of the happy yellow horse day in the black tiger month of the water monkey year-midday on February 12, 1992-the former Mongolian People's Republic acquired a new Constitution, a new name, a new coat of arms[13, p.6]. And it has amended in 1999 and 2001 The Constitution recognizes all forms of ownership of property including land, and affirms that Mongolia shall have a multi structured economy which takes into account universal trends of world economic development and national condition[13, p.7]. It consists of a preamble followed by six chapters divided into 70 articles. This is the country's fourth Constitution. Previous constitutions had been adopted in 1924, 1940 and 1960.

The overall objective, according to those involved in the process, was to provide a legal basis for the transition to democracy, the protection of human rights, and economic development, through an economy with a market component. These goals are reflected in the language of the preamble: «Strengthening the independence and sovereignty of the nation; cherishing human rights and freedoms, justice, and national unity; Inheriting the traditions of national statehood, history, and culture; respecting the accomplishments of human civilization; and aspiring toward the supreme objective of building a humane, civil and democratic society in the country.»

The citizens of Mongolia shall uphold justice and humanity and shall discharge in good faith the basic duties. The duties or responsibilities of Mongolian citizen is divided into 2 groups as Mandatory or basic duties and a Sacred duties.

The Constitution of Mongolia provides mandatory duties as follows[1]:

- To respect and the obey by the Constitution and other laws
- To respect dignity, reputation, rights and legitimate interests of others
- To pay taxes levied by law

- To defend motherland and to serve the army according to the law

But Sacred duties as follows: To work, protect his/her health, bring up and educate his/her children and to protect nature and the environment.

CITIZENS DUTIES UNDER THE CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION

The Russian Federation-Russia is a democratic federative law-governed state with a republican form of government. The Article 2 of the Constitution of Russian Federation states that man, his rights and freedoms shall be the supreme value. The recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms shall be an obligation of the State. The Constitution of the Russian Federation was adopted by national referendum on December 12, 1993. The Constitution defines the federal sovereign power, federal structure and governing system, which is modeled after democratic system.

The Russian Constitution recognized that the individual is the source of his/her own freedom, and that the individual exist independency of the state.

Under the Constitution of the Russia, the realization of rights and freedoms inseparable from the citizen's performance of his duties. The rights and freedoms of man and citizen may be limited by the federal law only to such an extent to which it is necessary for the protection of the fundamental principles of the constitutional system, morality, health, the rights and lawful interests of other people, for ensuring defense of the country and security of the State.

The Constitution of Russia provides mandatory duties as follows [2]:

- To pay taxes levied by law
- To defend fatherland and to serve the army according to the law
- To preserve nature and the environment, carefully treat the natural wealth.

CITIZENS DUTIES UNDER THE CONSTITUTION OF PRC

The People's Republic of China is a socialist state under the people's democratic dictatorship led by the working class and based on the alliance of workers and peasants[4].The Constitution is the fundamental law of the state. The existing Constitution was adopted for implementation by the 5th Session of the 5th National People's Congress on December 4, 1982. Amendments were made to the Constitution respectively at the 1st Session of the 7th National People's Congress on April 12, 1988, the 1st Session of the 8th National People's Congress. China has till now, faced with the 3 constitutions at least, from the 1954 constitution[6, p.2].

To concentrate on the socialist modernization drive along the road of building socialism with Chinese characteristics; to adhere to the socialist road, persist in the reform and opening up program, improve the socialist system in all aspects, develop the market economy, expand democracy, and improve the rule of law; to be self-reliance and work hard to gradually realize the modernization of the industry, agriculture, national defense, science and technology so as to build China into a strong and democratic socialist country with a high degree of cultural development

The current Constitution of PRC limits rights in several ways[4]:

1. Define obligation as a direct limitation: For example, Under Article 33 of the Constitution of the PRC, «All persons holding the nationality of the People's Republic of China are citizens of the People's Republic of China, all citizens of the People's Republic of China are equal before the law. And every citizen enjoys the rights and at the same time must perform the duties prescribed by the Constitution and the law», Also Article 51 provides that «The exercise by citizens of the People's Republic of China of their freedoms and rights may not infringe upon the interests of the state, of society and of the collective, or upon the lawful freedoms and rights of other citizens. » And Article 36 provides that «Citizens of the People's Republic of China enjoy freedom of religious belief. No state organ, public organization or individual may compel citizens to believe in, or not to believe in, any religion; nor may they discriminate against citizens who believe in, or do not believe in, any religion. The state protects normal religious activities. No one may make use of religion to engage in activities that disrupt public order, impair the health of citizens or interfere with the educational system of the state. Religious bodies and religious affairs are not subject to any foreign domination».

2. Limit the rights by qualifiers: For example, Article 50 provides that «The People's Republic of China protects the legitimate rights and interests of Chinese nationals residing abroad and protects the lawful rights and interests of returned overseas Chinese and of the family members of Chinese nationals residing abroad».

3. Limit the rights by the law: For Example, Article 34 provides that «All citizens of the People's Republic of China who have reached the age of 18 have the right to vote and stand for election, regardless of nationality, race, sex, occupation, family background, religious belief, education, property status, or length of residence, except persons deprived of political rights according to law». Along with these Fundamental Rights, the Constitution of 1982 also lists the fundamental duties of the Chinese citizens. The Constitution subscribes to the view that there can be no rights without duties. Every citizen enjoys his fundamental rights and freedoms only when he performs his fundamental duties. Article 33 of the Constitution states that "all persons holding the nationality of the People's Republic of China are citizens of the country. They are equal before law and enjoy all fundamental rights." All are equally bound by the duties as specified by the Constitution and law. As such, equality before law and equal entitlement of all to all rights and freedoms is a salient feature of the Chinese Bill of Rights¹³.

To summarize, the following are the duties of the citizens of the PRC.

- 1) All citizens must abide by the constitution and the law protects, public property, observe labour discipline and public order and respect social ethics.
- 2) It is duty of every citizen to pay taxes according to law

- 3) It is sacred duty of every citizen to defend the motherland and perform Military services
- 4) It is the duty of every citizen to safeguard the unity of the country
- 5) it is the duty of citizens to safeguard security and honour of motherland.

CONCLUSION

Apart from a few countries including UK, most all of the countries in the world have their own written Constitution. The Russia, PRC and Mongolia have all written Constitution. However, The Constitution of PRC is the Chinese-style Socialist Constitution. But Russian and Mongolian Constitutions are the democratic ones. Every constitution is inseparable from fundamental duties and human rights of the citizens.

In fact there are more than 50 nations in the world having specific provisions in regard to fundamental duties in their Constitution, including Russia, Mongolia and PRC. Democratic rights are based on the theory that rights are not created by the state. Individuals are born with right. State does not create rights, it only recognizes rights. On the other hand, the socialists make enjoyment on the fulfillment of duties. The constitution of world's first socialist country, that Soviet Union contains a list of fundamental rights immediately followed by a list of fundamental duties. The duties of the citizen under Constitution of PRC are similar with Soviet model. "From each according to his ability, to each according to his work" as laid down in Article 6 of the Chinese Constitution is well protected.

The importance of fundamental duties are highlighted below:

1. The fundamental duties constitute a constant reminder to the citizens that they have duties in building up a free, egalitarian, healthy and responsible society. These are expected to act as damper to reckless and anti-social activities on the part of some individuals.

2. Environmental pollution has become a great cause of concern, not only for Mongolia and China, but for the entire humanity. Unless, we all take the pledge to keep our environment free from pollutants, there remains the threat of undesirable consequences.

3. The inclusion of providing opportunity for education for children as a Fundamental duty is a big step forward towards safeguard of human-rights and abolition of social injustices.

Literature

1. The Constitution of Mongolia. 1992.
2. The Constitution of PRC. 1982.
3. The Constitution of Russian Federation. 1992.
4. American Convention on Human Rights, adopted at the Inter-American Specialized Conference on human rights, San Jose, Costa Rica. 22 November. 1969.
5. Universal Declaration of Human Rights. 1948.
6. Alan J. K. Sanders «Mongolia's new Constitution: Blueprint for Democracy». 1992.
7. Aryan R. Fundamental rights & duties of the Chinese people. 2016.
8. Doran Shultziner and Guy E. Carmi «Human Dignity in national Constitutions functions, Promises and Dangers». 2015.
9. Knox J. H. HORIZONTAL HUMAN RIGHTS LAW. 2008.
10. Pati.R. Rights and their limits: The constitution for Europe in international and comparative legal perspective. 2016.
11. Sastry T. Introduction to the human right and duties. 2011.
12. Tanvi Priya. Fundamental rights and duties of the Chinese citizens. 2015.
13. Zengyuan P. William & Mary Law review «A comparative perspective on the United States and Chinese constitutions». 1989.
14. UNDP, Mongolia, «The Role of the Constitution of Mongolia in consolidating Democracy»: An analysis. 2015.

Comparative study on legal regulations of pasture issues in some countries (Mongolia, Kyrgyzstan Republic, Inner Mongolia of China, Turkmenistan Republic)

© *Manibadar Suvd (Ph.D)*

*Otgontenger University, Ulaanbaatar, Mongolia
suvd@otgontenger.edu.mn*

© *Dorjumen Davaadorj*

*Otgontenger University, Ulaanbaatar, Mongolia
davaadorj@otgontenger.edu.mn*

Many foreign and domestic researchers and scientists have researched natural, ecological, social, and economic issues of «pasture, cattle, and herders» such as deficiency of pasture adequacy, deterioration, loss of proper cattle relations from the points of view of social and natural sciences and promoted different tendencies.

US scientist Garret James Hardin's «Tragedy of the Commons»[21], a tendency on natural resources management, has been accepted by many scientists and researchers. His ideas promote that harms of personal selfish ideas and actions to receive nutrition of natural reserves and wealth may end the natural reserves and exceed the natural overloads so that

it ruins the surrounding environment of humanity that is also a natural reserve version for Tragedy of the Commons. In this accordance, Elinor Ostrom won the Noble Prize for his ideas of Joint Community based on natural resources management [22], as a revelation of public acceptance of his ideas and theories throughout the world. Main contents of his ideas are very important for pasture management enhancement as it is directed to proper exploitation of natural reserves, to setting the borders of natural reserves under the ownership and exploitation of mutual relationship, to make various solution and decision of pasture relations issues on basis of majority votes, to set controls, to lay penalties on law breakers, to make optional and prompt solutions to the relevant disputes.

According to our observation, the pasture deterioration of Mongolia was strongly affected by the illegal actions of political forces and governmental authorities to grant mineral resource licenses without any future considerations, proper orders, and central policies ignoring local residents' opinions and participations. Another vulnerable issue of the pasture relations of Mongolia is that Mongolia may become a country without pasture or fertilized land due to land grabbing theory or due uncontrolled numbers of licenses of land exploitation and cruel, wild mining activities and exploitations.

Another important idea on protection and proper exploitation of natural resources is protecting the rights and Environment interests for future Generation [26]. Such a right of humanities is declared and guaranteed through the Constitution of many countries. For instance: Estonia [11], Andorra [1], Armenia [4], Switzerland [10] and other countries mention about the protecting and guaranteeing ecological rights and interests in the Preamble of their Constitution, while other countries such as Ecuador [6], Argentina [9], South Africa [12], Belgium [5], Bolivia [2], Burundi [3], Cuba [7], Sweden [13], Bhutan [13] state in the main regulation section, and Poland [22] - both in the preamble and main regulation section of the Constitution, respectively. The Constitutional tendencies of these countries are the advanced norms to verify the acceptance and legalization of next generations' rights to live in the convenient environment.

In modern time, world countries pay a special attention on the nature protection and proper exploitation of natural reserves. This wide-ranged issue certainly includes pasture exploitation and protection legal coordination issues. An important tendency of legal policies to solve the issue is a determination and implementation of global, regional, and national level policies on pasture relations and an enhancement of national laws and regulations on this issue.

Thus, comparative studies of pasture legal regulations in different countries shall be very important for the further implementation of the advanced experiments of foreign countries in the soil of homeland and for avoidance and prevention from the repetition of incorrect and mistaken regulations of other countries.

Most of countries with pasture animal husbandry chiefly regulate their pasture relations through law on nature and environment protection, land law, ecology law, and forest law, while many countries have their specialized pasture laws.

Within this article, we have conducted a comparative research on legal regulations of pasture relations of Mongolia with three countries such as Inner Mongolia of China, Kyrgyzstan, and Turkmenistan of nomadic animal husbandry in order to make legal analysis.

Legal regulations of pasture relations in Kyrgyzstan Republic

The present independent pasture law was adopted in 2009 and amended in 2011. This law set norms on several issues of the most importance in the pasture relations; therefore, such a practice should be considered and revised by the countries with the necessity to advance and enhance legal coordination of pasture relations. For instance: This law states, «Pasture is a type of land-in-use covered with grass and other plants available for pasture and other designation and registered into the land registration and statistics» [15, art 2.1], pasture capacity/ load of land-in-use is «the number of permitted cattle to hold in the certain land unit/area without any harms and affects on the pasture plants composites, productivity, ecosystem intactness» [15, art 2.6]; therefore, it has practical importance to determine legal understanding of pasture and to legalize legal backgrounds of the pasture.

Upon studying the legal coordination of pasture relations in Kyrgyzstan, we have found out several privileges to implement into the Mongolian conditions. For instance:

1. Pasture relations are regulated through a special law as the pasture is not considered just a part of the land because it has own features that demand and require special legal regulations and legalize the vitality to cover wide range interrelated relations between cattle, herder, and pasture.

2. There is a legal background of state policy based on the natural resources management tendency based on the local residents that is authorized and accepted in the international practice. The most optional version is accepted the version to determine pasture exploiting subjects as a joint organization of pasture users.

3. The legal status of pasture relations subjects that were state and international organizations was distinguished with detailed legalization of their laws and rules. It is very important to create a joint management/ administration in the pasture relations and to set legal background for the roles and participation of civil social organizations.

4. Legal contents of the rights granted to local self governing organizations on the pasture issues legalized the state to enjoy its land ownership rights through controlling mechanisms and assigned pasture exploiting organizations to use the pasture land under the planning (imperative norms); therefore, Mongolian laws and regulations may calqued such advanced experiments into own legal system.

5. Many world countries have horizontal management system for decision making on the land resources and treasures, especially pasture exploitation and protection issues; however, Kyrgyzstan can be considered to have a system below to top on this issues.

6. Annual planning of pasture exploitation, its contents, an organization of authorities to approve the plan, stages of the activities, implementation, and other relevant issues have been regulated in details as a sign of importance of pasture exploitation issues with strict procedure instead of voluntary actions.

7. Paid system of pasture reserves exploitation, the size of payment, the payment schedule, and setting the legal norms for repeated exploitation of the pasture land upon receive of pasture tickets and upon payment of the pasture fees show the importance of legal and economic guarantees of pasture protection and implementation of theory and practice to use natural reserves under the payment system as a state property.

8. The most vulnerable and urgent issues in the present Mongolian condition is to establish a joint organization of pasture users granting them with certain rights and power through the relevant laws in order to keep the pasture protected and temporarily owned by certain legal persons.

Legal regulations of pasture relations in Inner Mongolia, China

«Grassland Law of China» adopted on June 18, 1985 has become a background to adopt a special pasture law in Inner Mongolia of China; therefore, «Grassland Law» adopted in that year has been enforced for over 30 years up to now; therefore, the country has gained rich experiences on the legal regulations on pasture.

«Grassland Law of China» is a law with dual regulations of land relations for the area used for pasture and farming designations. On basis of this law, Inner Mongolia of China has adopted an independent law regulating the pasture relations that make a major step in the development of legal system in the country [17].

Upon research of legal regulations on the pasture relations in Inner Mongolia of China, there are several legal norms with the tendencies applicable and not applicable into the Mongolian soils. Among them, we can emphasize the followings:

1. The regulations to grant pasture land for possession of herder families on basis of the number of family members and the number of cattle in the family may make the nomadic system lost; i.e., it is tending to regulate the pasture relations through division of the pasture; therefore, Mongolia should not repeat these pasture ownership experiences of Inner Mongolia, China.

2. To set border limits of the possessed pasture lands, regulations to make gates or nets are not very suitable for traditional livelihood of nomadic Mongolians moving in the wide territory.

3. The important regulations of pasture protection ways and methods' regulation are the norms such as "It is prohibited to dig and plow pasture lands without authorizations and permissions", "planned restoration activities shall be conducted in the areas such as deteriorated or deserted areas necessary for ecological restoration", "it is prohibited to rear cattle in the deserted and deteriorated areas or in the regions of major natural and environmental pollutions", "it is prohibited to conduct nature and environmental destruction activities in the areas of full and semi desertification, deteriorated and drained areas". Different management legal coordination such as area and pasture planning, organization, pasture guarantee, pasture registration, creation, investment, pasture exploitation and protection planning should be reflected into laws and rules of Mongolia.

4. We can reflect into the relevant laws and rules of Mongolia some legal coordinations of Inner Mongolia, China on limitation from pasture overloads, to increase fodder and harvest supply through planting forage plants, to regulate the number of cattle through the improvement of cattle composites and quality, a changeable selection of pasture lands, to keep proper pasture and cattle ratio, to control the issue and to lay relevant responsibilities.

Legal regulations of pasture relations in Turkmenistan Republic

In accordance with the research works, Turkmenistan, which is engaged in pasture animal husbandry, adopted Pasture Law on August 18, 2015. It will be very useful for our country to implement the advanced experiences of the country and to consider and revise the disadvantages of its law.

The main tendency of Turkmenistan pasture law is tended to improve economic, ecological, and natural resources capacity in order to regulate relations related to protection and proper exploitation of the pasture. It is a distinguishing feature from the pasture legal coordination of other comparing countries.

Pasture users should be legal entity of the country [16, art 1.6], while pasture renters can be private persons and legal entities [16, art 1.7] according to the law. The law legalized the terms such as pasture and its reserves, capacity, infrastructure, roads through the pasture, pasture exploiters' association, Commission to regulate pasture exploitation, planning for pasture organization, pasture protection, restoration, state inspection, information registration and verification, using pasture for other purposes by their legal contents.

Article 9 of the law classified the pasture: 1) into desert, mountain slope, and mountain by their location, 2) into annual and quarter by the term of exploitation, 3) into waterized and non-waterized by the level of water supply, 4) into remote or close by the type of exploitation; therefore, it has set more detailed regulation conditions of pasture relations.

Article 2 of the law legalized the rights of state and local administrative organizations in different limitations that have become a regulation important for strengthening the joint pasture management. Powers of state organizations has regulated the main pasture issues such as pasture control, infrastructure development, restoration measures, project and program implementation, pasture verification, and registration and information has become an experience to clarify the ways the state enjoys its rights of proprietorship. In this accordance, the Government of Turkmenistan has adopted a procedure on detailed relations of the pasture in addition to the relevant pasture law and reflected the norms of the relevant state organizations to develop and enforce the relevant pasture standards, regulations, and procedure. All of these circumstances can become an experience to regulate pasture relations in accordance with the regional features of ecologically different regions.

It has also included a regulation to terminate the pasture exploitation rights due to the legal backgrounds such as misuse of the pasture for other designation, pasture deterioration, and breaches of the law.

Another special regulation stipulated in Article 28 of Turkmenistan Pasture Law is a condition to use the pasture for 10 years through land rent agreement (upon reflection of number and types of cattle, type of pasture, rights and responsibilities, and assignments conditions of the contractual parties etc.).

This law has clearly legalized some issues such as to make resolutions on mining activities in the pasture land on basis of the local residents' opinions and participations, to grant pasture users to complain about the breaches of their rights on pasture exploitation and to have their complaints and applications resolved by the relevant state authorities [16, art 34-36]; therefore, Turkmenistan can be considered one of the countries with advanced pasture regulations as it has implemented natural resource management based on the local residents.

Legal regulations of pasture relations in Mongolia

Mongolian agricultural land occupies 115008.6 thousand hectare or 73.53% of the total territory of the country. Pasture land occupies 110646.7 thousand hectare or 96.21% of the agricultural land of the country. In comparison with 2013, the pasture land size has been reduced by 352.8 thousand hectare land [18, p 23] in accordance with the relevant survey that mentioned about the reduction of the pasture land.

Regulations stipulated in the Article 52 of Land Law of Mongolia has been a legal background to regulate relations of pasture exploitation and protection; however, there are several problems and disadvantages of legal regulations such as exploitation of pasture in four seasons schedule, winter and spring camp pasture usage through contracts etc. difficult to implement into reality. For instance:

1. State policy and principles on local pasture issues are not clear.
2. Pasture planning and organizational statements are not clear.
3. There is a condition for free of charge competitive exploitation of pasture.
4. Organizations of herders and herder families, which are user subjects of pasture relations, are not clear.
5. There are no regulations and backgrounds to set borders of areas to get engaged in the animal husbandry in the pasture land.
6. There are no clear legal environments on acceptance of organization for (section or groups) herders — subjects for winter and spring pasture users, to set their rights and responsibilities on pasture exploitation and protection.
7. There is a lack of mechanism to lay a penalty on law breakers.

In the present moment, when the traditional pasture exploitation and protection methods and customs of Mongolian nomadic herders are lost, legal regulations for pasture relations are clearly insufficient. The relevant articles of present Land Law [19, art 52] can't meet the demand and supply requirements of present pasture relations. All of these backgrounds are the main reasons for enhancement of the legal regulations for land relations.

State and civil society organizations of Mongolia have developed several versions of the Draft Law on Pasture; therefore, we consider that the following tendencies must be the privileged solution for the enhancement of the bills on pasture laws through solution these directions at the principles' levels:

1. To have regulations in accordance with natural reserves management tendency based on local residents;
2. To set regions for pastures (winter, spring, summer, fall, and encampment reserve areas) and intensified animal husbandry;
3. To set subjects of pasture relations and their legal status.

It is necessary to reflect and solve main issues such as but not limited to planned exploitation of pasture in accordance with their capacities, to make the pasture exploitation rights legally clear and definite, to set state control on pasture conditions, and to grant pasture related rights to mutual organizations of herders. Demands to set pasture borders, to set and legalize pasture organization and pasture user subjects' legal status.

We consider that it is worth creating legal coordination to have the contractual regulations verified to use pasture for animal husbandry through joint agreements.

CONCLUSION

In modern time, proper pasture exploitation and protection, involvement into the economic circulation are the main tendency for sustainable development of countries.

In countries of rising desertification and pasture deterioration, it is important to enhance the legal regulations of pasture relations. It is worth to advance the research works to implement advanced experiences of countries such as Kyrgyzstan, Inner Mongolia of China, and Turkmenistan into Mongolia.

It is necessary to adopt an independent pasture law in Mongolia on basis of natural reserves management tendency dominating in the international practice, theory of «Tragedy of the Commons», land aggression tendency, and a tendency to protect nature and environmental rights and interests of the next generations.

Literate

1. Andorra's Constitution of 1993, preamble.
2. Bolivia (Plurinational State of)'s Constitution of 2009, art.9.6.
3. Burundi's Constitution of 2005, art.35.
4. Constitution of Armenia. 1995. preamble.
5. Constitution of Belgium. 1993. art.7.
6. Constitution of Cuba. 1976. art.27.
7. Constitution of Ecuador. 2008. art 395.

8. Constitution of Sweden. 1991. art.2.
9. Constitution of the Argentine nation. 1994. art.41.
10. Federal Constitution of the Swiss Confederation 1999. preamble.
11. Mongolian constitution. 1992. art 10.3.
12. The Constitution of the Republic of Estonia.1992. preamble.
13. The Constitution of the Republic of South Africa.1996. art.24.
14. The Constitution of The Kingdom of Bhutan. 2008. art.5.
15. The constitution of the republic of Poland.1997. preamble and art.74.1.
16. Law on land of Mongolia. 2002. art 52.
17. Law on steppe of China. 1985.
18. Law on grassland of China. 1985.
19. Report on administration of land Affairs, Geodesy and cartography. 2015.
20. The rule of pasture monitoring. 1984.
21. Hardin G. (1968). Tragedy of the Commons // *Science*. Vol. 162.
22. Ostrom E., Governing the Commons // *The Evolution of Institutions for Collective Action*. 1990.
23. Law of the Kyrgyz Republic «About pastures». 2009. № 30.
24. Law of Turkmenistan «About pastures». 2015. № 267-V.
25. URL: <http://www.globalagriculture.org/report-topics/land-grabbing.html>.
26. URL: http://www.sehn.org/pdf/Models_for_Protecting_the_Environment_for_Future_Generations.pdf.
27. URL: <http://www.eic.mn/DLDBase/>, 2011.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Правовое регулирование военно-технического сотрудничества России и Китая

© *В. А. Алексеева*

студентка 3-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

valentina09158@yandex.ru

В период с конца XX в. до начала XXI в. произошли серьезные трансформации в мировом сообществе. Распад СССР и образование новых государств привели к изменению отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в первую очередь между Россией и Китаем. АТР является важнейшим регионом внешнеполитических и экономических интересов РФ, а военно-техническое сотрудничество с входящими в него странами становится одним из средств достижения этих целей. Китай представляет собой один из наиболее широких рынков вооружения в мире, расширение военно-технического сотрудничества с Китаем дает возможность российскому оборонно-промышленному комплексу развиваться, продолжая инвестировать в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию новых образцов вооружения и военной техники.

Военно-техническое сотрудничество (далее — ВТС) России и Китая имеет давнюю историю. Военные связи СССР и КНР были налажены еще в 1949 г., но в 1969 г. приостановлены из-за ухудшения советско-китайских отношений. За данный период Китаю было поставлено вооружения и военной техники на общую сумму около 4,1 млрд долл. и передано безвозмездно около 650 лицензий на производство военной техники и вооружения. После многолетнего перерыва ВТС между Россией и Китаем возобновилось только в 1990 г.

Чжен Ци выделяет несколько групп, регулирующих ВТС. К первой группе относятся документы Китайской Народной Республики: «Белые книги», публикуемые министерством обороны; документы министерства иностранных дел; официальные доклады Коммунистической партии Китая (КПК) по вопросам военной политики. Эти документы определяют принципы и цели внешней и оборонной политики, задачи военно-технического сотрудничества и развития вооруженных сил. Спецификой данных источников является то, что они зачастую не дают конкретных сведений, что можно объяснить общими формулировками, завуалированностью, стремлением Китая к закрытости своей военной политики для других государств.

Ко второй группе относятся документы Российской Федерации (РФ): федеральные законы, регламентирующие военно-техническое сотрудничество с другими государствами; указы президента России; концепции внешней политики РФ; документы министерства иностранных дел РФ, министерства обороны РФ и Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству РФ. Все эти документы определяют цели и задачи военно-технического сотрудничества с учетом национальных интересов России, а также полномочия, структуру и содержание военно-технического сотрудничества России с другими государствами.

Двухсторонние соглашения РФ и КНР составляют третью группу. Они регулируют военно-техническое сотрудничество, выражение позиции относительно установления нового миропорядка, подписание соглашений о взаимном сокращении вооруженных сил и развитии мер доверия в приграничных территориях.

В четвертую группу входят документы таких международных организаций, как ШОС. Эти документы касаются различных аспектов военного сотрудничества России с Китаем. [11].

Подробнее рассмотрим третью группу — двухсторонние соглашения. Военно-техническое сотрудничество с Китайской Народной Республикой основывается на правовой базе, которая была заложена еще в XX в. Ее образуют межправительственное Соглашение о ВТС, подписанное 24 ноября 1992 г. и Меморандум о понимании между правительствами России и КНР о ВТС, подписанный 18 декабря 1992 г. [2].

Пункт 3 меморандума гласит, что «Стороны выразили намерение развивать военно-техническое сотрудничество в области сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, противовоздушной обороны, электроники военного применения, аэрокосмической техники, а также конверсии военных производств».

Стоит отметить, что именно после этого появилась идея о создании российско-китайской смешанной межправительственной комиссии, которой было бы под силу контролировать работу участников ВТС на плановой основе. Согласно ст. 7 распоряжения о заключении соглашения между министерствами обороны двух стран, стороны осуществляют сотрудничество в форме официальных визитов министров обороны и других военных руководителей, рабочих встреч, консультаций, обмена опытом, обучения, стажировки, переподготовки военнослужащих и т. д. [5]

Эти соглашения и меморандум помогли установить прямые отношения между странами, вывести отношения на новый уровень, преодолеть паузу и продолжить развивать военное сотрудничество такими же темпами, как и во времена СССР.

27 июня 1997 г. состоялась разработка механизма регулярных встреч глав правительств РФ и КНР. Целью создания являлась координация сотрудничества двух государств в торговой, экономической, военной, научнотехнической, энергетической, транспортной сферах, в сфере ядерной энергетики и других областях, в том числе по крупным проектам и долгосрочным программам сотрудничества, имеющим стратегическое значение (ст. 2). Для координации работы механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая была создана Российско-китайская комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств. [4]

К данному соглашению подписано большое количество протоколов, например, протокол от 21 марта 2006 г., в котором говорится о том, что «в целях дальнейшего укрепления промышленного и технического сотрудничества сторон в области гражданской авиационной техники стороны учреждают в рамках Российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств Подкомиссию по сотрудничеству в области гражданской авиации и гражданского авиастроения» (ст. 1) [4].

Успешное развитие военно-технического сотрудничества в 1990-е гг. привело к оформлению стратегического партнерства между Россией и Китаем. В Пекинской декларации ему было уделено особое внимание наряду с развитием отношений в торгово-экономической и научно-технической сферах. Говоря о ВТС, главы двух стран отметили, что оно «является одним из главных направлений углубления и расширения российско-китайских отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» (пункт 7) [3].

На начало XXI в. пришли существенные изменения, потребовавшие подписания новых документов и создания новой нормативно-правовой базы, которая существует по настоящее время. Потому логичным и закономерным стало подписание 16 июля 2001 г. договора «о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве» между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, охватывающего все основные принципы, сферы и направления двустороннего взаимодействия, который был заключен на 20 лет с возможностью автоматического продления на следующие пятилетние периоды.

В соответствии с этим договором Россия и Китай обязались на долгосрочной основе развивать равноправное партнерство и стратегическое взаимодействие, в том числе и в военной сфере (ст. 7, 16). В случае возникновения угрозы миру или угрозы агрессии Москва и Пекин незамедлительно вступают в контакт и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы (ст. 9). Договор также предусматривает совместные усилия сторон по поддержанию глобального стратегического баланса и координацию действий на международной арене по предотвращению и урегулированию конфликтов (ст. 12). Также, согласно ст. 2, государства в своих взаимоотношениях обязуются не применять силу или угрозу силой, не использовать друг против друга экономические и иные способы давления и разрешать разногласия между собой исключительно мирными средствами в соответствии с положениями Устава ООН, другим общепризнанными принципами и нормам международного права [1].

Были приняты планы действий по реализации положений данного договора на 2005–2008 гг. и на 2009–2012 гг. В ходе московского саммита 22 марта 2013 г. утвержден План действий на 2013–2016 гг.

Заключается большое количество контрактов на поставку военной техники и продукции военного назначения. К примеру, в марте 2013 г. Россия и Китай подписали соглашение о поставке 24 самолетов и 4 подводных лодок. В сентябре 2014 г. был заключен контракт на приобретение шести дивизионов зенитных ракетных комплексов большой дальности С-400 «Триумф» на сумму более 3 млрд долл. Россия и Китай в ноябре 2015 г. подписали контракт на 24 истребителя Су-35. 19 ноября 2015 г. государственная корпорация «Ростех» объявила о заключении контракта на поставку в Китай 24 истребителей Су-35, КНР стал первым иностранным покупателем этих самолетов. Также заключаются договоры о проведении совместных учений.

При наличии сильных сторон военно-технического сотрудничества России и Китая, выражающихся в укреплении взаимного доверия друг к другу, налаживании взаимосвязей по вопросам глобальной и региональной безопасности, существовании каналов взаимодействия и диалога также имеются проблемы сотрудничества. Среди таких проблем можно назвать угрозу копирования российских образцов вооружения, производства китайских аналогов и перепродажи их на мировом рынке вооружения; уменьшение доли российского экспорта вооружений в Китай; угрозу смещения баланса сил с военно-технической точки зрения в сторону Китая [10]. Необходимо отметить, что с нарушением прав интеллектуальной собственности сталкиваются практически все государства, имеющие какие-либо партнерские отношения с Китаем. Одним из ярких примеров выступает китайский истребитель J-11, являющийся копией российского истребителя Су-27.

Что касается нормативно-правовой стороны вопроса, то в 2008 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики было подписано Соглашение об охране интеллектуальной собственности. Обе стороны заинтересованы в соблюдении данного соглашения.

Таким образом, заключенные договоренности в военной сфере способствовали развитию российско-китайского военного сотрудничества по нескольким направлениям: в политической сфере, по поставкам военной техники, проведению совместных учений, в настоящее время оно носит динамичный и крупномасштабный характер.

Литература

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/agreements/prc_rus_treaty (дата обращения: 16.05.2017).
2. Меморандум о понимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о военно-техническом сотрудничестве: подписан в г. Пекине 18 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/13117> (дата обращения: 16.05.2017).
3. Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 17–19 июля 2000 г. // Сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/601392 (дата обращения: 16.05.2017).
4. Протокол к соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-137/45916 (дата обращения: 16.05.2017).
5. Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Китая о военном сотрудничестве: распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 1993 г. № 1820-р [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=226820> (дата обращения: 16.05.2017).
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поставках из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику продукции военного назначения, оказании технического содействия и условиях расчетов [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/ED0A6A483C46D4DA43257E36002E09AA (дата обращения: 16.05.2017).
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об охране интеллектуальной собственности в ходе выполнения Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о военно-техническом сотрудничестве от 24 ноября 1992 г. [Электронный ресурс] // Интернет-портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/protection/special/ (дата обращения: 16.05.2017).
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8305505> (дата обращения: 16.05.2017).
9. Клименко А.Ф. Военно-стратегическое партнерство России и Китая. Проблемы безопасности [Электронный ресурс] // Общественный политический журнал «СИАА». URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=152905&type=3&page=0&hd> (дата обращения: 16.05.2017).
10. Козлова И. В., Чернышев В. А. Некоторые аспекты военного сотрудничества России и Китая на современном этапе // История, политика и философия в эпоху глобализации: материалы VI науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, РУДН, 18 мая 2015 г.) / под ред. В. Б. Петрова. М.: Изд-во РУДН, 2015. 327 с.
11. Российско-китайское военно-техническое сотрудничество как важный компонент стратегического партнерства двух государств: теоретическое и практическое измерение [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/rossijsko-kitajskoe-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-kak-vazhnyj> (дата обращения: 16.05.2017).
12. Ци Чж. Военно-техническое сотрудничество России и Китая в контексте проблемы «двух Китаев» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 73–1. С. 511–513.

Коллизия при интерпретации международных актов и Конституции РФ: позиция Конституционного суда РФ

© **Н. В. Ашектыева**

магистрант 2-го года обучения юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия.

nadya.ashektyeva@mail.ru

Конституционное право является ядром национальных правовых систем, поэтому в условиях глобализации и развивающихся интеграционных процессов эта отрасль права в наибольшей мере подвержена интернационализации, причем данная тенденция развивается параллельно с другой — конституционализацией международного права. Серьезные трансформации претерпевают традиционные взгляды на такие конституционно-правовые институты, как права человека, публичная власть, государственный суверенитет.

Заметной составляющей правового регулирования в современных государствах являются международно-правовые нормы, активно влияющие на национальные правовые системы, причем не только тех государств, которые являются участниками различных межгосударственных объединений (хотя сегодня сложно найти страну, не входящую хоть в какое-нибудь такое объединение). Соответственно возрастает и риск столкновения правовых регуляторов, юридических коллизий, но риск — непреходящий спутник права, неизбежный фактор правового развития, а права без коллизий не бывает.

Основной массив правовых норм содержится в нормативных правовых актах, причем во всех государствах независимо от их принадлежности к той или иной правовой системе (семье). Однако современный правопорядок, правовое регулирование общественных отношений в любом государстве немыслимы без правовых актов, принимаемых органами судебной власти. Согласимся с Н. С. Бондарем в том, что судебная практика оказывает значимое воздействие на нормативное содержание конституционализма, вторгается в его нормативно-правовой компонент. В деятельности судов все более рельефно просматривается не только правоприменительная, но и правотворческая функция.

Признавая, что судебные решения могут содержать правовые нормы (общеобязательные правила поведения), следует допустить и возможность наличия коллизий между такими нормами. Представляется, что данную проблему нельзя решить нормативным закреплением приоритета правовой позиции одного судебного органа по отношению к правовой позиции другого, поскольку в таком случае неизбежно посягательство на свободу судебного усмотрения и, соответственно, на независимость судебной власти.

Российский гражданин К. Маркин, безусловно, вошел в историю благодаря настойчивым и последовательным усилиям по защите своих прав в судебных органах национальной и международной юрисдикции, которые привели к столкновениям правовых позиций Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека. В Постановлении № 27-П по делу о проверке конституционности положений ст. 11 и п. 3 и 4 части четвертой ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда, принятым ввиду необходимости исполнения решения Европейского суда, позиции которого разошлись с подходами Конституционного суда РФ, выраженными в его ранее состоявшемся решении по «делу Маркина», Конституционный суд РФ попытался сформулировать критерии соотношения своих юрисдикции и правовых позиций и юрисдикции и правовых позиций Европейского суда. Конституционный суд РФ констатировал, что права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ — это, по существу, те же права и свободы, которые признаны Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п. 3 мотивировочной части Постановления № 27-П от 6 декабря 2013 г.), соответственно, положения российского законодательства о правах человека могут быть предметом проверки и Конституционного суда РФ (с точки зрения их соответствия Конституции РФ), и Европейского суда (с точки зрения их соответствия Конвенции). Именно благодаря Конституционному суду РФ было изменено российское процессуальное законодательство, и в нем появились положения, предписывающие пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений в случае установления Европейским судом нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд. Однако при реализации решения Европейского суда может возникнуть вопрос о конституционности законоположений, повлекших нарушение соответствующих положений Конвенции в их интерпретации Европейским судом, а в ходе конституционного судопроизводства данные законоположения могут быть признаны не противоречащими Конституции РФ. В такой ситуации Конституционный суд РФ (исходя из того, что для суда общей юрисдикции в любом случае исключается отказ от пересмотра вступившего в законную силу судебного решения в связи с вынесением постановления Европейского суда) указал, что он в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского суда (п. 3 мотивировочной части Постановления № 27-П от 6 декабря 2013 г.). Подчеркнем эту весьма мягкую пока формулировку Конституционного суда РФ: речь идет о необходимости исполнения решений Европейского суда с учетом специфики российского правопорядка.

В Постановлении № 21-П от 14 июля 2015 г. Конституционный суд РФ констатировал, что решения Европейского суда должны исполняться с учетом верховенства Конституции РФ. Согласно позиции Конституционного суда, участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказ от государственного суверенитета. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и основанные на ней правовые позиции Европейского суда не могут отменять приоритет Конституции РФ. Их практическая реализация в российской правовой системе возможна только при условии признания за Конституцией РФ высшей юридической силы.

В основе Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод лежат общие базовые ценности. Исходя из этого в подавляющем большинстве случаев коллизии между двумя документами не возникают. Однако подобный конфликт возможен, если Европейский суд дает трактовку Конвенции, противоречащую Конституции РФ. В такой ситуации, в силу верховенства своей Конституции, Россия, по мнению Конституционного суда РФ, вынуждена будет отказаться от буквального следования постановлению Европейского суда и, соответственно, может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ. Такая возможность аргументируется и необходимостью соблюдения императивных норм общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмеша-

тельства во внутренние дела государств. Данный вывод, подчеркнул Конституционный суд РФ, соотносится с практикой высших судов европейских стран (в частности, Германии, Италии, Австрии, Великобритании), которые также придерживаются принципа приоритета норм национальных конституций при исполнении решений Европейского суда, и положениями Венской конвенции о праве международных договоров. Верховенство Конституции РФ при исполнении решений Европейского суда может быть обеспечено исключительно Конституционным судом РФ.

Эта правовая позиция Конституционного суда РФ достаточно быстро нашла воплощение в российском законодательстве. Федеральным конституционным законом «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном суде Российской Федерации”» № 7-ФКЗ от 14 декабря 2015 г. Конституционному суду РФ предоставлено полномочие разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации. Несмотря на рекомендации Венецианской комиссии Совета Европы изменить (по сути — отменить) принятые поправки, Конституционным судом РФ в рамках реализации нового полномочия уже был рассмотрен первый запрос Министерства юстиции РФ.

Сложилась непростая ситуация. Отношения России с европейским сообществом (неотъемлемой частью которого она продолжает оставаться!) становятся все более напряженными. При всей привлекательности (и поддержке, по сути) позиции российской власти можно высказать определенную настороженность — не приведет ли ее реализация к самоизоляции Российской Федерации в мировом и, в частности, в европейском правовом пространстве, не снизит ли институциональные и процессуальные возможности россиян по защите своих прав?

Основой позиции Конституционного суда РФ (а также и законодателя, и правоприменителей) является тезис об абсолютном верховенстве Конституции РФ в правовой системе Российской Федерации (составной частью которой являются и международные договоры) со ссылкой на ст. 15 Конституции РФ. Казалось бы, данный тезис является аксиомой и активно тиражируется на страницах учебной и научной литературы. Однако ст. 15 Конституции РФ содержит несколько иной текст, и ее буквальное толкование позволяет заключить, что данная норма закрепляет юридическое верховенство Конституции не в правовой системе Российской Федерации, а в системе национального законодательства, т. е. лишь по отношению к правовым актам, принимаемым в Российской Федерации. Вряд ли можно международные договоры вообще и Конвенцию о защите прав человека и основных свобод в частности (принятую почти на полвека ранее российской Конституции!) считать актами, принятыми в Российской Федерации, и требовать их соответствия российской Конституции по аналогии с иными актами, составляющими правовую систему Российской Федерации.

Если мы признаем верховенство Конституции, то должны согласиться и с установленным ею абсолютным приоритетом международного договора по отношению ко всем российским законам. Согласно п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ вступившие в силу международные договоры Российской Федерации по определению не могут быть неконституционными (в практике Конституционного суда РФ имеются примеры, когда он на основе данного положения отказывает заявителям в проверке конституционности вступивших в силу международных договоров). Это, очевидно, осознавали и лица, по запросу которых было принято Постановление Конституционного суда № 21-П от 14 июля 2015 г. В запросе оспаривались не положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как таковой, а положения Федерального закона о ее ратификации. Представляется, что здесь имеет место попытка скрыть истинные цели заявителей за формально-юридической стороной вопроса. Ведь законы о ратификации международных договоров, как правило, весьма кратки, и в их тексте крайне сложно даже предположить наличие неконституционных положений. Основная цель таких законов — ввести в национальный правовой порядок намного более пространные нормы международных договоров, согласованные Российской Федерацией с другими участниками. Это несоответствие обнаружил и Конституционный суд РФ, подчеркнув в своем постановлении, что заявители не подвергают сомнению ни какие-либо положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации, ни федеральный закон о ее ратификации как нормативное основание ее включения в правовую систему России в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и признал запрос в этой части допустимым лишь потому, что закон о ратификации находится в неразрывном нормативном единстве с другими оспариваемыми в запросе положениями процессуального законодательства и Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», образуя вместе с ними нормативно-правовую базу для исполнения постановлений Европейского суда, вынесенных в отношении России на основании положений Конвенции в их истолковании Европейским судом (п. 1.2 мотивировочной части).

Литература

1. Бондарь Н. С. Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // Теория и практика российского конституционализма: сб. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина (Москва, 26 июня 2012 г.) / под ред. В. И. Фадеева. М., 2013. С. 23.

2. Глигич-Золотарева М. В. Трансформация традиционных конституционных ценностей: современные реалии и вызовы // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 76
3. Определение Конституционного суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-0-0 об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина К. А. Маркина на нарушение его конституционных прав положениями ст. 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», ст. 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы и 35 и 44 Положения о назначении выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.
5. СЗРФ. 2013. № 50. Ст. 6670.
6. Тихомиров Ю. А. Государство. М., 2013. С. 288, 302.
7. Тихомиров Ю. А., Шахрай С. М. Риск и право. М., 2012. С. 7.
8. О федеральном бюджете на 2016 г.: федер. закон № 359-ФЗ от 14 декабря 2015 г. (пп. 5 п. 1 ст. 21) // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7230; (ч. 2). Ст. 7230; (ч. 3). Ст. 7230.
9. Eur. Court H. R. Case of Konstantin Markin v. Russia. Application no.0078/06. Judgment of 7 October 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 30.03.2017); Case of Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of 22 March. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109868> (дата обращения: 30.03.2017).
10. Eur. Court H. R. Case of ОАО «Neftyanaya kompaniya 'YUKOS'» v. Russia. Application no. 14902/04. Judgment of 31 July 2014 (Just satisfaction) [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 02.02.2017).
11. URL: [http://www.Venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2016\)016-e](http://www.Venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)016-e) (дата обращения: 22.02.2017).

Исторические аспекты китайско-американских отношений в 1945–1958 гг.: американский взгляд

*© Р. А. Бадмаева
студентка 2-го курса Восточного института
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
badmaeva_roksana@mail.ru*

«Хотя Китайская Народная Республика не является крупной мировой державой, это серьезная проблема для всего мира и серьезная проблема для внешней политики США. Очевидно, наши государственные деятели не могут иметь дело с Китаем без хорошего понимания текущей политики Китая и политических тенденций, которые, в свою очередь, зависят от адекватного понимания истории и общества Китая в наше время» писали в своей статье в 1980 г. Рамон Майерс и Томас Мецджер, ведущие исследователи Гуверовского университета [9, с. 87]. Такое понимание важности исследования современной истории Китая было осознано американскими властями только после Второй мировой войны и этому способствовал ряд причин: американское участие в войне на Тихом океане, появление послевоенного Китая в качестве номинальной мировой державы, «потеря Ки-тая» для Америки, война в Корее и таинственный маоистский Китай — все это вкупе способствовало повышению интереса Америки к Китаю, особенно к его новейшей истории. Интерес возник не только из любопытства, но и практической необходимости понять Китай и понять суть дебатов «кто потерял Китай», возникших в начале 1950-х гг.

«Потеря Китая» для Америки остается одним из главных вопросов, затрагиваемых во многих работах американских ученых. За десятилетия исследований назывались различные причины ситуации, сложившейся в отношениях между КНР и США в послевоенные годы. В данной статье рассматриваются некоторые тезисы относительно «потери Китая» Штатами и будет предпринята попытка определить возможность сближения КНР и США в условиях послевоенных перестановок на геополитической карте мира.

В американской историографии на сегодня существует множество мнений по поводу того, почему США не смогли предотвратить победу коммунистов, утратив тем самым шанс расширить свою сферу влияния на Дальнем Востоке. Так, победа Коммунистической партии Китая в 1949 г. заставила многих американских историков заключить, что это логический результат единого, «революционного», разворачивающегося процесса, «корней» и «этапов», с помощью которых они могли бы затем перейти к исследованиям. Дж. К. Фэрбэнк в третьем издании своего авторитетного труда «Соединенные Штаты и Китай» писал: «Если мы признаем, что Запад привнес современные пути развития в Китай, то мы должны принять великую китайскую революцию двадцатого века как то, что мы помогли начать» [7, с. 402]. Фэрбэнк окончательно подводит итоги своей позиции в разделе под

названием «История и революция в Китае» первой части главы десятого тома «Кембриджской истории Китая»: «иными словами, современная история Китая фиксирует две большие драмы: во-первых, культурное противоборство между расширяющейся западной цивилизацией с ее международной торговлей и войнами и устойчивой китайской аграрной и бюрократической цивилизацией; и, во-вторых, вытекающие из первой фундаментальные трансформации Китая в величайшей из всех революций» [6, с. 1–2].

Возможность победы КПК в Китае возникла прежде всего из совокупного влияния трех основных аргументов, приведенных во влиятельных исследованиях американских историков XX в. «В интеллектуальной сфере марксистско-маоистская мысль заменила умирающие ценности конфуцианства и несоответствующие ценности современного либерализма. На общественно-политическом уровне интеллигенция и крестьяне, осознавшие свое угнетенное положение, вместе боролись против союза коррумпированного дворянского класса с бизнес-группами, поддерживаемыми иностранным империализмом. В то же время морально активизированная коммунистическая партия двинулась с революционным потоком истории, чтобы победить коррумпированный и распадающийся Гоминьдан. На экономическом уровне неоднократные кризисы, усугубляемые империализмом и укоренившиеся в эксплуататорской системе сельской организации, заглушали благотворное влияние, исходящее от современных городов, которые постепенно прошли индустриализацию. Взятые вместе эти аргументы создали впечатление, что современная китайская история имела линейный, целенаправленный курс, кульминацией которого стала победа коммунистов в 1949 г. и отбрасывание Гоминьдана на обочину истории» [9, с. 89].

В свою очередь, неудачи Гоминьдана объяснялись в исследованиях, касающихся проблемы лидерства и стратегических решений. В качестве примера приводилась политика Чан Кайши после того, как он основал свою базу в Цзянсу и Чжэцзяне. «В 1928–1929 гг. у него было несколько вариантов. Он мог сосредоточиться на сельском хозяйстве, обороне и развитии нескольких образцовых провинций. Вместо этого он полагался на инфляционные средства и откровенное вымогательство в виде налогообложения частного сектора в целях финансирования военной деятельности и снабжения большой территории, находящейся под его контролем. В 1938 г. его партия могла бы выбрать провинцию, отличную от провинции Сычуань, чтобы передислоцировать свои силы, а не изолировать себя от Китая. Опять же, в конце 1945 г. Гоминьдан мог сосредоточиться на восстановлении северо-восточных провинций. Вместо этого он попытался сначала восстановить береговые провинции и укрепить там свою власть. Стратегические решения, отличные от тех, которые фактически были приняты, вполне могли привести к различным результатам» [9, с. 96].

Согласно другой группе аргументов по факту «потери Китая», масштабные события на мировой арене в сфере геополитики, произошедшие после Второй мировой войны, повлекли за собой структурные изменения во внешнеполитическом курсе США, выразившиеся в виде повышенного интереса к странам, которые, по мнению некоторых исследователей, ранее не являлись приоритетными направлениями во внешней политике США (Китай, Тайвань и Корея) [2, с. 426]. Так, в статье Рассела Бухайта говорится, что, поскольку в первые послевоенные годы основной сферой политических и геостратегических интересов Соединенных Штатов являлась западная Европа, китайской проблеме не было уделено должного внимания, вследствие чего недостаточная поддержка Гоминьдана привела к победе коммунистов, но со временем эта ошибка была осознана и предприняты меры. «Согласно общепринятой концепции, когда Чан Кайши бежал на Тайвань, общественное давление вынуждало американских политиков, вопреки их мнению о ценности Тайваня в американской национальной политике, рекомендовать защиту острова. Что касается Кореи, Соединенные Штаты ответили на это из-за открытого вызова советской власти, хотя сама по себе Корея слабо их интересовала. Согласно этой интерпретации, как президент Гарри Трумэн, заявивший в своих комментариях от 5 января 1950 г. о том, что Соединенные Штаты не будут оказывать военную поддержку Тайваню, так и государственный секретарь Дин Ачесон в своем Национальном пресс-клубе отмечали, что исключение Кореи из американского периметра обороны задействовано в соответствии с непреложным геополитическим восприятием американских интересов на Дальнем Востоке» [2, с. 425–426].

Когда-то действительно периферийный Китай стал главным интересом США. Эта трансформация имела две основные причины. Во-первых, поскольку Соединенные Штаты в качестве основной цели войны на Дальнем Востоке видели полное уничтожение японской военной мощи, поддерживаемой квазифашистской внутренней системой, американские официальные лица, очевидно, не могли представить Японию в качестве доминирующей державы в Азии. В американском представлении Китай занял бы место Японии как коммерческий партнер Запада и, благодаря скорейшему разрешению своих внутренних споров и переходу к демократии, стал бы стабилизирующей и мирной силой в Азии. Во-вторых, поскольку политики США были свидетелями советской экспансии, они надеялись создать проамериканский Китай в качестве противовеса СССР [2, с. 428].

В более позднем исследовании «Полезные противники: великая стратегия, мобилизация внутри страны и китайско-американский конфликт, 1947–1958 гг.» Томас Кристенсен, анализируя решение Трумэна и Ачесона не признавать Китайскую Народную Республику после ее создания в 1949 г., а также помощь Чан Кайши, которая была оказана не по действительно стратегическим причинам, а вследствие того, что было бы непоследовательно НЕ помогать некоммунистическому союзнику перед лицом коммунистической угрозы [4, с. 76], и рассматривая действия Гарри Трумэна во внешней и внутренней политике США, приходит к выводу, что основными причинами невозможности сближения с Китаем, с одной стороны, были антикоммунистические настроения, господствовавшие в мире и в администрации Трумэна, которым он не мог противостоять [4, с. 104, 109–110, 120], а с другой стороны — стратегия Мао, согласно которой война в Корее и противостояние на Тайване «гарантировали бы всеобщее согласие для претворения в жизнь его широкой экономической стратегии “Большой

шого скачка” ... Подняв огонь национализма против угрозы американского империализма, Мао спровоцировал кризис, чтобы убедить свой народ пожертвовать ради Родины» [4, с. 219].

Помимо вышеперечисленных тезисов существует абсолютно противоположное мнение касательно «потери Китая» Америкой, которое отрицает сам этот факт. Так, Чэнь Цзянь в своей статье «Миф о “потерянном” шансе Америки в Китае: китайская перспектива в свете новых доказательств» на основе новых китайских и российских материалов приводит ряд аргументов, исключающих возможность договоренностей между США и Коммунистической партией Китая. Ведущим тезисом в работе Чэнь Цзяня является жесткая позиция КПК в отношении США, нашедшая свое отражение в условиях, которые были озвучены китайской стороной в ходе переговоров между Хуан Хуа и Джоном Лейтоном Стюартом. Так, китайские коммунисты соглашались на сотрудничество с американцами при следующих условиях: во-первых, США должны были разорвать отношения с Гоминьданом и прекратить оказывать ему поддержку, и, во-вторых, Мао Цзэдун и руководство КПК потребовали у США равноправного отношения к Китаю [3, с. 80]. При рассмотрении в исторической ретроспективе эти два условия были невозможны для выполнения американцами. Выполнение первого условия — о прекращении связей с Гоминьданом — потребовало бы кардинального изменения курса политики США в Китае с конца Второй мировой войны, а реализация второго представляла для американцев серьезную проблему в историко-культурном смысле. Действительно, Мао считал «равенство» исторической проблемой, указывая на то, что в китайско-американских отношениях доминировал ряд неравных договоров с момента поражения Китая в Опиумной войне 1839–1842 гг. Он полагал, что Соединенные Штаты и другие западные державы в моральном отношении имеют перед Китаем огромный долг [3, с. 80]. Еще одним важным аргументом в пользу несостоятельности «мифа о потере Китая» Чэнь считает факт сближения КПК с Советским Союзом, в частности отмечается большое влияние И. Сталина на Мао Цзэдуна и руководство КПК в принятии решений, касающихся политики в отношении Гоминьдана и США [3, с. 82–83]. Подводя итоги своего исследования Чэнь отмечает, «что принятие КПК антиамериканской политики в 1949–1950 гг. имело глубокие корни в истории и современном опыте Китая. Резкие расхождения в политической идеологии (коммунизм против капитализма) и осознание национальных интересов внесли свой вклад в формирование китайско-американской конфронтации; и подозрение и враждебность были дополнительно выкристаллизованы в результате постоянной поддержки Вашингтоном Гоминьдана и обработки КПК таких событий, как дело Уорда. Но, с точки зрения Китая, самая глубокая причина антиамериканской политики КПК заключалась в ее связи с великими планами Мао Цзэдуна по преобразованию государственного, общественного и международного мировоззрения Китая, и эта политика стала неотъемлемой частью этих планов с самого начала» [3, с. 86].

Таким образом, в свете вышерассмотренных тезисов и аргументов, приведенных в исследованиях американских историков и политологов, мы получаем многостороннее и четкое представление об отношениях между США и Китаем в первое послевоенное десятилетие, в динамике которого произошла так называемая «потеря Китая» Америкой. Как мы видим, политика, проводимая руководителями обоих государств, не способствовала сближению, хотя на начальном этапе их отношений вероятность сближения была, но политический курс, выбранный под влиянием объективных обстоятельств, в первую очередь правительством США в конечном итоге привел к «потере Китая» как сферы влияния Америки.

Литература

1. Brzezinski Zbigniew. U.S. Foreign Policy: The Search for Focus. Foreign Affairs. Vol. 51, No. 4. P. 708–712.
2. Buhite Russell D. «Major Interests»: American Policy toward China, Taiwan and Korea, 1945-1950 // Pacific Historical Review. Vol. 47, No. 3. P. 425–451.
3. Chen Jian. The Myth of America's «Lost Chance» in China: A Chinese Perspective in Light of New Evidence // Diplomatic History. Vol. 21. No. 1. P. 77–86.
4. Christensen Thomas J. Useful Adversaries: Grand Strategy, Domestic Mobilization and Sino-American Conflict, 1947–1958. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 352.
5. Di He. The Most Respected Enemy: Mao Zedong's Perception of the United States // The China Quarterly. № 137. P. 144–158.
6. Fairbank John K., editor. The Cambridge History of China. Vol. 10. Late Ch'ing 1800–1911. 1st Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Part 1. P. 730.
7. Fairbank John K. The United States and China. Third Edition. Cambridge: Harvard University Press, 1971. P. 522.
8. Fairbank John K., MacFarquhar Roderick, editors. The Cambridge History of China. Vol. 14. The People's Republic. Part 1. The Emergence of Revolutionary China 1949–1965. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 700.
9. Myers Ramon H., Metzger Thomas A. Sinological Shadows: The State of Modern China Studies in the United States // The Washington Quarterly. Vol. 3. Iss. 2. P. 87–114.

**К вопросу о понятии «национальная безопасность»
(на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики)**

© С. В. Балтаева
*магистрант 1-го года обучения,
Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
(ИЮИ (ф) АГП РФ)
avyurkovsky@mail.ru*

В условиях колоссальных повсеместных изменений в современном мире опасность новых угроз, как внутренних, так и внешних, возрастает. Именно государство является основным субъектом обеспечения национальной безопасности. При всем многообразии подходов термин «национальная безопасность» представляет собой некое сочетание единых интересов как государства в целом, так и социальных групп, наций, народностей, в нем проживающих, а также каждой личности в отдельности.

Исследование проблем национальной безопасности на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики обеспечивает интересы юридической науки не только в области сравнительного правоведения [11, с. 55–59], но и в вопросах правотворческой [12, с. 206] и правоприменительной [13, с. 111–114] практики России.

Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия 2015 г.). Данный документ содержит определения понятий, таких как «национальная безопасность», «национальные интересы Российской Федерации», «стратегические национальные приоритеты».

Следует обратить внимание на неоднозначность самого термина «национальная безопасность». Стратегия 2015 г. дает такое определение: «национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. В Стратегии 2015 г. четко определено, что национальная безопасность является комплексом составляющих ее видов безопасности и включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую и безопасность личности (ст. 6).

Таким образом, используемый подход закрепления понятия национальной безопасности оправдан и отражает то состояние современного мира, которое можно наблюдать на протяжении последних лет.

Стратегия 2015 г. призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [4]. Тем самым подчеркивается комплексный характер анализируемого документа, что следует признать одним из главных его достоинств.

Особенности обеспечения национальной безопасности в КНР предопределены множеством специфических обстоятельств, к разряду которых можно отнести такие как интеграция в нормы позитивного права комплекса сложных социальных интересов [7, с. 44–52], индивидуальные особенности построения конституционно-правового регулирования и конституционно-правовой охраны [6, с. 30–38], формирование собственной уникальной правовой политики [8, 9, 10], сложная форма политико-территориальной организации государственной власти [5, с. 44–49].

В мае 2015 г. Государственным советом КНР была выработана и опубликована очередная Белая книга «Военная стратегия Китая». Настоящий документ содержит следующие разделы: обстановка в сфере национальной безопасности; задачи и стратегические миссии армии; стратегия активной обороны; формирование и развитие военных сил; военная подготовка; сотрудничество в военной сфере и сфере безопасности. Это основной документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты КНР, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности КНР и обеспечение устойчивого развития страны.

Основным нормативным правовым актом по данному вопросу является закон КНР «О национальной безопасности», который регламентирует основные принципы и содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности, полномочия и функции органов государственной власти, а также содержание системы обеспечения национальной безопасности. Предметом регулирования закона является как безопасность в целом, так и национальная безопасность в частности. Основываясь на современных китайских научных исследованиях и положениях действующих нормативных правовых актов, можно считать понятие «безопасность» более широким, чем «национальная безопасность».

В соответствии со ст. 2 закона КНР «О национальной безопасности» под безопасностью понимается состояние относительного отсутствия внешних и внутренних угроз государственной власти, суверенитету, единству и территориальной целостности, благосостоянию народа, устойчивому социально-экономическому разви-

тию и другим важнейшим государственным интересам, а также способность обеспечивать устойчивое состояние безопасности.

Анализ терминов «безопасность» и «национальная безопасность» показывает их единую сущность — состояние защищенности государства, в условиях которого гарантируются развитие личности и общества, защита национальных интересов от внутренних и внешних угроз.

Ряд китайских авторов рассматривает национальную безопасность в ключе безопасности нации, прежде всего безопасности личности (права и законные интересы), общества (благополучие народа), государства (суверенитет, единство и территориальная целостность).

Следует отметить, что существуют отличающиеся в некоторой степени определения национальной безопасности. Ученые трактуют национальную безопасность как основные направления деятельности государства, которые обеспечивают защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства, национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе. В свою очередь, Син Вэнпин предлагает понимать под национальной безопасностью состояние государства и народа, которое характеризуется закрепленной на законодательном уровне защищенностью от внешних и внутренних угроз, а также возможностью их совместного устойчивого развития, социалистической модернизации, реализации великого возрождения китайской нации [1, с. 239].

Согласимся с мнением Син Вэйпина, который рассматривает национальную безопасность как состояние защищенности от различных угроз. В целом можно сделать вывод, что безопасность — это дело всего народа, общегосударственная задача, ориентированная на охрану политической системы демократической диктатуры народа и социалистической системы с китайской спецификой, охраны основных интересов народа, национальных интересов страны. Достигается она проведением единой государственной политики, поддержанной всем народом, а также разумной и согласованной системой мер, адекватных опасностям и угрозам жизненно важным интересам общества и государства [3, с. 46].

Руководствуясь всем вышеизложенным, под национальной безопасностью в КНР в современных условиях можно понимать государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в различных сферах (военной, политической, общественной, в том числе миграционной, пограничной, продовольственной, экономической, экологической, информационной) [2, с.65].

Резюмируя, отметим, что категория «национальная безопасность» является универсальной и может использоваться в различных областях и применительно ко многим процессам. Однако в дефиниции данного понятия в подавляющем большинстве случаев присутствуют слова «состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества, прав граждан, населения».

Литература

1. Бень Хэпин, Пань Панфу. Общие положения закона о национальной безопасности. Циндао: Изд-во Ун-та Хайян, 2011. С. 239.
2. Манцуров А. Ю. Об определении понятия «национальная безопасность» (на примере Китайской Народной Республики) // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2016. № 30. С. 65.
3. Син Вэнпин. Новая концепция безопасности Китая с точки зрения национальной безопасности: автореф. ... д-ра юр. наук / пер. А. Ю. Манцуров. Динань: Шаньтунский педагогический университет, 2008. 46 с.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Юрковский А. В. Особенности территориальной организации государственной власти Китайской Народной Республики // Мир юридической науки. 2010. № 2. С. 44–49.
6. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Особенности конституционно-правовой охраны в Китайской Народной Республике // Мир юридической науки. 2014. № 9. С. 30–38.
7. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Китайской Народной Республики // Академический юридический журнал. 2015. № 4(62). С. 44–52.
8. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Государственно-правовые проблемы противодействия коррупции в Китайской Народной Республике // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 42–49.
9. Юрковский А. В. Сравнительное исследование категории «революция» в конституционном праве КНР и КНДР // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 132–141.
10. Юрковский А. В., Лю С., Ван Ч. О повышении квалификации и профессиональной подготовке сотрудников органов прокуратуры Китайской Народной Республики // Российский следователь. 2009. № 12. С. 35–37.
11. Юрковский А. В. Основные направления сравнительного правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70) С. 55–59.
12. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности: учебное пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск: Изд-во Иркутского юрид. ин-та (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2014. С. 206.
13. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Отечественная система права и законодательства: взгляд сотрудников прокуратуры // Государственная служба. 2016. № 3. С. 111–114.

Сравнительный анализ правового положения женщин Древнего Китая и Индии

© А. Н. Бахаев

студент 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия

© А. С. Петрова

студент 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
anastasiapetrova.anastasia@yandex.ru

Проблема правового положения женщины является одним из главных вопросов при изучении Древнего Востока. На протяжении всей истории Древнего Китая и Индии положение женщин отличалось от положения мужчин. На начальных этапах развития истории общественный строй в этих странах был патриархальным и большее влияние на порядок в государстве оказывали именно мужчины.

Древнекитайская семья имела черты жесткого патриархата. Главой семейства являлся мужчина, имевший безграничную власть над всеми членами его семьи. Понятие «отец» в Древнем Китае обозначалось иероглифом «фу», представлявшим собой символ наказания за непослушание членов семьи. В Индии семья также имела патриархальную форму. Глава семейства именовался «дампати», только он мог совершать жертвоприношения в честь предков, мог отдать в услужение, продать или убить члена семьи [3, с. 15].

Одним из условий вступления в брак было наличие определенного возраста. В Древнем Китае для женщин возраст брачного совершеннолетия устанавливался с четырнадцати до двадцати лет, так как по истечении данного возраста женщина считалась неспособной к деторождению. А в Индии брачный возраст девушки зависел от возраста ее жениха: так, если ему было двадцать четыре года и менее, то девушке разрешалось выходить замуж с восьмилетнего возраста, тридцатилетний мог жениться на девушке шестнадцати лет.

В Древней Индии существовали некоторые особенности форм брака, которые влияли на правовой статус женщины. Одной из форм брака была «брахма». Суть такого брака состояла в том, что невесту с приданным выдавали за жениха из того же сословия. Другой формой являлась «дайва» — глава семейства отдавал свою дочь жрецу за то, что тот совершил жертвоприношение. При «арше» за девушку не давалось приданого, а, наоборот, брался выкуп, обычно в виде крупного рогатого скота. Смысл «праджапатьяи» заключался в том, что отец выдавал свою дочь без выкупа и без приданого. «Гандхарва» основывалась на согласии обеих сторон, часто без всяких обрядов, кроме устного обещания. Такой брак часто заключался тайно. «Асура» означала брак с выкупом невесты, «ракшаса» — брак с похищением невесты. «Пайшача» — это обольщение девушки, пребывающей в сонном состоянии, умалишенной или пьяной, которое едва ли вообще можно назвать браком [4, с. 40].

В переводе с древнекитайского слово «жениться» означало брать в дом жену, а «выходить замуж» — покидать семью. Жених приводил невесту в свой дом, забирая ее из родной семьи. Бывали случаи, когда помолвка проходила еще в детстве, но в случае, если будущий муж умирал еще до свадьбы, девушку венчали с поминальной дощечкой умершего жениха. Это совершалось для того, чтобы невестка, став вдовой, не смогла выйти повторно замуж, тогда она была бы вынуждена ухаживать за родителями жениха. Древнекитайская девушка до замужества должна была вести кроткий образ жизни, находиться постоянно дома и беспрекословно выполнять все отцовские приказы.

Свадебный ритуал в Китае начинался с того, что девушка выходила из своей комнаты и следовала к паланкину. Отец невесты или ближайший его родственник запирает на замок дверцы паланкина, а ключ передавал верному слуге для вручения жениху. В день свадьбы празднично наряженную в красное платье невесту, причесанную еще по-девичьи, в паланкине доставляли в дом жениха. Будущие муж и жена вместе совершали различные ритуалы и обряды. После их окончания жених удалялся, а невеста причесывалась уже как замужняя женщина. Позже молодые отправлялись в спальню.

Следующим этапом являлось свадебное пиршество. По окончании всех торжественных обрядов жена специально представлялась свекрови, под начало которой она отныне поступала, и всей остальной родне. По истечении определенного времени она была обязана представиться предкам мужа в храме предков, после чего принимала участие в обрядах жертвоприношений. Только после этого она становилась женой и членом семьи (до этого ее еще можно было возвратить родителям — в случае, если бы она, например, оказалась поражена каким-либо недугом).

Жизнь девушек в Древнем Китае была очень тяжелой, уже с раннего детства устанавливался культ мужчины. Их положение не только не менялось, но даже становилось еще хуже после замужества. Хотя девушкам в богатых семьях жилось все же легче — их не продавали в публичные дома, но сватали без согласия.

Что касается Древней Индии, то все расходы на свадьбу обязаны были брать на себя родители невесты, включая приданое. Свадьба обходилась очень дорого и сопровождалась множеством ритуалов и обрядов. Мужчина в сопровождении родственников и друзей приходил в дом будущей жены, где получал от ее отца напиток из молока и меда. Во дворе дома жених и невеста входили в специальное помещение и садились напротив друг друга по разные стороны занавески для совершения религиозных обрядов. Жрец-брахман читал вслух священные тексты, после чего молодожены могли увидеть друг друга. После этого отец девушки передавал дочь мужу,

а тот давал обещание относиться к ней в соответствии с тремя основными правилами: стремиться к набожности и добропорядочности; стремиться к богатству и благосостоянию; стремиться к получению радостей и удовольствий [1, с 80].

По завершении основной части церемонии бракосочетания молодожены отправлялись в дом мужа, где совершали жертвоприношение над огнем домашнего очага. В течение первых трех ночей они не должны были иметь близости. На четвертую ночь мужчина проводил обряд с просьбой о счастливой интимной жизни, после чего свадьба считалась завершенной.

Однако вышеописанная свадебная церемония являлась не единственной из существовавших в Древней Индии. Свадьба могла проходить и без всякой церемонии и считалась в такой же степени законной.

Богатый мужчина в Древнем Китае обладал правом кроме законной жены также иметь наложниц. Над ними властвовала «первая жена», то есть хозяйка дома. Все они жили под одной крышей и зачастую исполняли обязанности домашней прислуги. Законная жена не имела права приходить жаловаться мужу на присутствие других женщин в доме. Также «первая жена» признавалась матерью всех детей своего мужа, в том числе и детей от наложниц. Настоящие же матери теряли любые права на своих детей. В случае смерти жены муж имел право жениться на другой женщине либо на одной из наложниц.

В Древней Индии по законам Ману муж должен был относиться к жене как данной от Бога, поэтому связи с другими женщинами запрещались. При опасности прекращения рода муж мог завести детей через интимную связь с другой женщиной, жена же могла родить детей от брата мужа либо от другого мужчины. В случае опасности прекращения рода отец мог заставить свою дочь родить для него сына.

Подчинение женщины мужчинам было обычным явлением в древнекитайских семейных традициях. Оно происходило от почитания культа предков, согласно которому смысл жизни человека — продолжать свой род и заботиться о могилах предков. Замужняя женщина по этим представлениям должна была в первую очередь заботиться о предках мужа и только после этого о своих.

Покорность являлась основной обязанностью женщины в Древнем Китае. В родном доме она должна была во всем подчиняться отцу, после замужества своему мужу и его родителям. Основными качествами супруги считались трепет перед мужчиной, спокойствие и адаптация к нраву мужа. Женщине почти не разрешалось выходить из дома. Гость всегда мог спросить главу семейства о его делах, о здоровье его отца, сына, но никогда о здоровье жены или дочерей. Такой вопрос считался проявлением неучтивости. Женщина была обязана угождать родителям своего мужа и, как бы строго он ни обращался с женой, беспрекословно ему повиноваться.

В Древнем Китае рождение сына считалось счастьем, обеспечивало покой родителей после их смерти, так как жертву умершему отцу должен был приносить старший сын. Девочка не имела на это права, поэтому считалось, что она не играет никакой роли в семье. Также в Древнем Китае практиковалось умерщвление девочек-младенцев.

Сын брал фамилию отца, дочь же фамилию матери. В небогатой семье было невыгодно иметь дочь, поэтому родители могли продать ее в рабство, зачастую она попадала в публичный дом. Мужчине из бедной семьи было трудно жениться. В таком случае его родители брали к себе на воспитание девочку, которая в будущем становилась невестой их сына. Она не имела права покинуть этот дом, где с ней часто обращались с крайней жестокостью.

В своем доме древнекитайская девушка повиновалась отцу, в доме мужа — мужу, если женщина становилась вдовой, она была обязана повиноваться сыну. Мать мужа имела беспрекословную власть над его женой. Сын не мог возражать матери, если она плохо обращалась с его женой, так как это считалось неуважением к своему роду.

Вдова была обязана скорбеть о своем муже всю жизнь. Если она выходила замуж повторно, это считалось изгнанием из своей собственной среды, она рисковала быть убитой родственниками погибшего мужа. Зачастую после смерти мужа жена совершала самоубийство, в основном причинами были бедность и жестокое обращение со стороны родственников покойного мужа.

Женщины в Древней Индии находились в таком же приниженном положении, как и в Китае. Они являлись собственностью своих мужей. Женщина также должна была посвятить всю свою жизнь мужу и его семье. Она не обладала правом выйти замуж после смерти мужа, хотя муж мог свободно жениться после смерти своей жены. К тому же женщина не могла выйти из брака, даже в том случае, если муж продал или оставил ее. Древнеиндийская женщина не имела доступа к религиозным текстам и храмам, не могла обучаться. В дополнение к этому женщина не имела права вступать в брак с мужчиной из более низкой варны, а мужчина мог жениться на девушке ниже статусом, тем самым повышая значимость ее рода. Так, женщины в Древнем Китае и Индии беспрекословно подчинялись мужчине, однако и у этого были плюсы: мужчина обязан был обеспечивать семью, воспитывать детей, от женщины требовалось лишь рождение потомства.

Женщины в Древней Индии не являлись полностью бесправными, они имели право получить некоторую долю наследства. Например, дочери или сестры, которые еще не вступили в брак, получали свою часть наследства в качестве приданого. Наследство умершей матери дочери получали в виде ее украшений, посуды и так далее. Имущество матери делилось также между единоутробными братьями и сестрами. В том случае, если у этих сестер имелись дочери, то они получали свою долю от имущества покойной.

В Древнем Китае в период Шань-Инь наследственные правоотношения несколько отличались от древнеиндийских. Например, при отсутствии сыновей получить свою долю в наследстве могли косвенные родственники, то есть братья, внуки и даже племянники. А при отсутствии таковых наследство получала вдова умершего.

В период Хань в наследственное право были внесены некоторые изменения. Например, в это время наследники умершего получали вместе с имуществом и его долги. Наследство имели право получить как мужчины, так и женщины, но имелись исключения, например, замужние дочери не получали своей доли, так как брак утравивал их связь с родным домом. Незаконнорожденные дети и незамужние дочери получали половину доли. Был введен прототип завещания — глава семейства обладал правом лишить наследства или перераспределить доли по своему усмотрению.

В Древнем Китае мужчина имел право на развод при следующих обстоятельствах: при разногласиях между женой и родителями мужа; если не может родить детей; при факте измены; если вызывает раздоры в семье; при недугах, которые вызывают отвращение у людей; если присваивает себе домашнее имущество. Но эти обстоятельства не действовали в тех случаях, если жене некуда было идти и если муж смог разбогатеть благодаря этому браку. Существовал развод по взаимному согласию. Он совершался с согласия обеих семей, а в случае каких-либо взаимных претензий в дело вмешивалось государство.

Брак в Древней Индии считался священным и нерасторжимым для женщин. Повторные браки вдов были под запретом. Древнеиндийская женщина, как и женщины в Древнем Китае, не отстранялась от мужа ни в случае ее продажи или оставления мужем, ни даже в случае его смерти.

Хотя в религиозных текстах не пишется о разводе, в Артахаштре существуют свидетельства о его возможности в случаях, если брак не был освящен религиозным ритуалом. В связи с этим супруги имели право на развод с обоюдного согласия. Артахаштра разрешает расторжение брака, который был освящен религиозно в том случае, если муж оставил жену сроком от одного до двенадцати лет в зависимости от обстоятельств и принадлежности к варне.

Правовое положение женщины в обществе всегда было предметом споров. За все время развития истории человечества взгляд на место и роль женщины в обществе неоднократно и радикально менялся. На протяжении многих веков женщина считалась существом неполноценным по сравнению с мужчиной, на основании чего оценивалась как нуждающаяся в мужской опеке и была лишена практически всех политических прав, ограничена в гражданских правах и в какой-то мере бесправна в семейной жизни. Хотя в Индии женщины обладали некоторыми привилегиями в браке ввиду религиозности данной страны, у них не было почти никаких прав. Также существовали некоторые различия между положением женщин в этих странах из-за особенностей общественного строя. Но в основном правовое положение женщин в Древнем Китае и Древней Индии было схожим.

Литература

1. Дворецкова П. А. Семья и брак в Древней Индии. Тамбов, 2017. № 7. С. 81–86.
2. Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран. М.: Норма, 2016. 816 с.
3. Попова А. В. История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2016. 421 с.
4. Томсинова В. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М.: Зерцало, 2014. 560 с.

Советы по заключению сделок между Россией и Китаем с целью предотвращения возникновения финансовых рисков

© Ван Сюань

*студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ*

© Р. Э. Ли

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
lee_rita@inbox.ru*

В условиях постоянно прогрессирующей внешнеэкономической деятельности риски являются объективным явлением в деятельности каждого предприятия. Риском непосредственно называют предполагаемое событие, способное принести кому-либо ущерб или убыток. Одним из видов рисков являются финансовые, связанные с вероятностью потерь или недополучения денежных средств.

Также в связи со стремительным развитием международных отношений и торговли России с Китаем страхование финансовых рисков при проведении переговоров и согласовании проектов контрактов стало необходимостью. При заключении данных сделок существуют некие субъективные правила поведения, поскольку всегда есть определенный процент того, что в процессе может возникнуть ложное понимание условий договора, так как некоторые термины, толкование тех или иных правил могут быть различны. Во избежание подобных казусов нужно уметь предусмотреть возможные сложности.

Практически все договоры сопровождаются страхованием. При заключении контракта в зависимости от условий может изменяться лишь то, на ком будет лежать обязанность заключить договор страхования: на продавце либо на покупателе.

Объектами страхования в международной торговле являются имущественные интересы, это риски утраты грузов, гражданская ответственность сторон, валютные и предпринимательские риски. Страхователями выступают прежде всего стороны внешнеэкономической сделки — продавцы и покупатели, а также перевозчики, которые страхуют свою гражданскую ответственность за утрату, порчу, повреждение груза.

Прежде всего правовое регулирование в предложенных странах осуществляется с помощью национального права. Так, в России главными источниками выступают такие правовые акты как:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г.;
- Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федер. закон № 164-ФЗ от 8 декабря 2003 г. (ред. от 13 июля 2015 г.);
- Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ № 4015-1 от 27 ноября 1992 г. (ред. от 3 июля 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.);

В Китае регуляторами внешнеторговой и страховой деятельности являются:

- Гражданский процессуальный кодекс КНР (принят 4-й сессией ВСНП седьмого созыва 9 апреля 1991 г.);
- Об обеспечении обязательств (гарантиях): закон (принят 2-й сессией ВСНП восьмого созыва 1 октября 1995 г.);
- О договорах: закон КНР (принят 2-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 1999 г.).

Также источником регулирования внешнеэкономической деятельности обеих стран выступает Генеральное соглашение ВТО в сфере услуг (General Agreement on Trade in Services) 1997 г. Генеральное соглашение не предписывает формы регулирования, которые страны-участницы могут применять на внутреннем рынке. Соглашение содержит общие принципы, которые должны соблюдаться при разработке регулирующих мер, затрагивающих международную торговлю. Данное соглашение является первым шагом к многостороннему соглашению по либерализации торговли в сфере услуг.

На основании вышеизложенного хотелось бы предложить советы по заключению договоров с Китаем и обратить ваше внимание на некоторые аспекты предотвращения возникновения возможных финансовых потерь.

Под влиянием международных регуляторов в России и Китае с целью установления в международных договорах льготных положений, позволяющих вести свободную торговлю, не обремененную дополнительными затратами и условиями, в национальных правовых актах также предусматриваются нормы, способствующие международному сотрудничеству и гарантирующие эффективную внешнюю торговлю.

При анализе правового регулирования страхования рисков, можно с твердой уверенностью сказать, что обе страны достаточно хорошо защищены от возможного возникновения риска во внешнеэкономической деятельности.

Чтобы избежать риски, связанные с вероятностью потерь финансовых ресурсов (денежных средств), при заключении внешнеэкономических договоров нужно помнить следующее. Стороны еще до достижения договоренности должны проверить своего контрагента. Юристы как рекомендуемые специалисты при заключении договора должны знать своего партнера от и до. Правильный выбор контрагента обеспечит надлежащее исполнение договора, а также минимизирует риск привлечения к любой юридической ответственности, наступившей в результате заключения контракта с недобросовестной стороной. Необходимо знать, чем занимается и занимался контрагент в момент и до момента подписания договора, были ли прецеденты того, что сторона-партнер не отдавала заемные деньги или брала кредит, но не возвращала в срок, было ли такое, что поставляемый от нее товар не доходил до покупателя или деньги за услугу не были выплачены.

Нужно понимать, что китайская компания не вправе именоваться на английском языке, такое название полное или сокращенное, не может являться официальным. В России будет законным, если предприятие имеет название на русском и параллельно на английском языках. Однако если название китайской фирмы в договоре будет написано латинскими буквами, то с таким предприятием лучше договор не заключать.

Стороны проводят исследование на предмет наличия у юридических лиц лицензии, регистрации. Китайское юридическое лицо регистрируется в Торгово-промышленной администрации, российское юридическое лицо — в Едином государственном реестре юридических лиц. Стоит отметить, что организационно-правовые формы юридических лиц также отличаются, так, в Китае их всего две: компания с ограниченной ответственностью и акционерное общество с ограниченной ответственностью, в России — хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия.

Личности физических лиц и индивидуальных предпринимателей должны проверяться, как и история заключенных договоров в прошлом, были ли они виновниками неудачных сделок. Обязательно выясняется соответствие адреса тому, который предложен при регистрации, контактная информация должна быть полной. Причиной такого детального исследования являются случаи, когда партнеры просто исчезают после получения предоплаты и прекращают выходить на связь. Обычная сумма предоплаты составляет 20 000–50 000 долл. Для недобросовестных партнеров этой суммы вполне достаточно, чтобы пойти на мошенничество.

Следует отметить, что предмет контракта должен соответствовать зарегистрированным видам деятельности компании.

Партнеры, подписывающие соглашение, должны проверить у своих контрагентов доверенность, чтобы выступать от лица своей организации, и есть ли право на заключение такого рода внешнеэкономических сделок. К тому же любые дополнения и приложения должны быть подписаны в оригинале вместе с договором.

При заключении договора необходимо учитывать, что подпись российского партнера не теряет юридической силы, если она отличается от той, что в паспорте, т. к. в России нет правовых положений о личной подписи гражданина РФ. А при возникновении вопросов можно будет заказать почерковедческую экспертизу. Китайский же партнер обязательно должен подписать договор иероглифами, означающими его имя, в суде подпись латинскими знаками не будет иметь никакой юридической силы.

Следует обращать особенное внимание на банковские счета, так у нечестных китайских партнеров может оказаться офшорная, особенно Гонконгская, регистрация. Поэтому банковский счет должен быть открыт на материковой территории Китая.

Иностранцы обычно заключают контракты на двух языках, и тут важно установить равенство экземпляров на русском, китайском или английском языках, так как погрешности перевода могут сыграть злую шутку с одной из договаривающихся сторон.

В договоре следует прописать действия каждой из сторон, что, по сути, составляет предмет договора. В случае несогласования сторонами предмета договора сделка будет считаться незаключенной. Неточное его определение в договоре может привести к тому, что покупателю привезут не заказываемый им товар, а нечто другое. Если от этой поставки зависит какой-то другой заказ, то предприниматель не только терпит убытки, но и рискует потерять деловую репутацию.

Следующим неотъемлемым пунктом заключения договора является его цена. Для определенного ряда договоров цена — первоочередное условие. Если в данном виде сделки отсутствует цена договора, то такой договор считается незаключенным. Зачастую цена в договоре имеет денежное выражение. В случае закрепления цены в виде конкретной денежной суммы во избежание фальсификаций в России ее следует указывать прописью, а в Китае — традиционными иероглифами. Здесь же нужно указать валюту, в которой товар или услуга будет оплачиваться.

Также при заключении договора с контрагентами необходимо тщательно проверить все его пункты и условия. Важно согласовать время исполнения договора, сроки поставки, сроки очередного платежа, если оплата будет осуществляться в рассрочку, в случае неточной договоренности по данным пунктам партнеры могут понести немалый финансовый ущерб.

В России и Китае существуют различия в понимании задатка, поэтому во избежание риска возможного убытка при заключении договора стороны должны обратить внимание на эти отличия и принять верное решение. Как говорилось ранее, задаток в Китае не возвращается уплатившей его стороне в случае ее отказа от исполнения договора.

Одни и те же термины могут совершенно по-разному толковаться законодательством России и Китая, что может стать причиной разногласий, а смутное понимание примененного права повлечь за собой очень большие убытки.

Если договор составлен российским юристом, то в качестве права, подлежащего применению к договору, необходимо выбирать право РФ. Если китайцы настаивают на включении в договор положения о применении права КНР — а это рекомендует делать китайским предпринимателям большинство китайских юристов — то перед его заключением должен провести проверку специалист по законодательству КНР. В противном случае существует риск того, что в соответствии с китайским законодательством некоторые ваши действия окажутся незаконными. После судебного разбирательства нужно будет потратиться на все судебные расходы, а также существует риск упущенной выгоды.

При возникновении споров существует множество способов их разрешения: проведение прямых переговоров между сторонами, так называемые «альтернативные способы разрешения споров» (медиация, примирение, экспертиза, мини-процессы) и арбитраж.

Оптимальным способом разрешения споров по внешнеэкономическим договорам является международный коммерческий арбитраж. Решения международного коммерческого арбитража могут быть приведены в исполнение в большинстве стран мира. Это означает, что решение китайского или российского международного коммерческого арбитража может быть исполнено как в России, так и в Китае, а также везде, где находится имущество должника. Решения государственных судов за рубежом признаются не всегда и далеко не во всех странах. Для того чтобы передать спор на разрешение арбитража, необходимо включить в договор арбитражную оговорку, в которой обязательно указать наименование арбитража, в который передается спор.

В России самостоятельным постоянно действующим арбитражным учреждением (третейским судом) является Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате России (МКАС) (англ. International Commercial Arbitration Court for Russian Chamber of Commerce (ICAC)), который также является частью правового института международного коммерческого арбитража. МКАС разрешает коммерческие споры международного характера и осуществляет свою деятельность в соответствии с законом Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже». МКАС является членом Международной федерации коммерческих арбитражных институтов (МФКАИ).

В Китае в качестве крупнейшего международного коммерческого арбитража выступает Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (China International Economic and Trade Arbitration Commission, CIETAC). Из азиатских арбитражей с большой практикой разрешения споров, связанных с Китаем, стоит выделить Гонконгский международный арбитражный центр (Hong Kong International Arbitration Centre, HKIAC) и Сингапурский международный арбитражный центр (Singapore International Arbitration Centre, SIAC).

Также существует арбитраж «ad hoc», который формируется непосредственно сторонами контракта для рассмотрения одного конкретного спора, причем регламент разбирательства определяют либо стороны совместно, либо его устанавливает созданный арбитражный трибунал. Однако обычно, вместо согласования регламента, с целью экономии времени и избежания противоречий стороны используют уже существующие регламенты, к примеру, Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ. Данный регламент позволяет до минимума сократить процедурные споры и обеспечить выход из тупика в том случае, если, к примеру, ответчик не назначает своего арбитра, или если два арбитра не могут достигнуть согласия относительно кандидатуры председателя.

Следует отметить, что срок исковой давности по китайскому законодательству составляет два года, в России — три года.

Условия поставки во внешнеэкономических договорах обычно определяются терминами ИНКОТЕРМС 2010. Однако, если в России правила ИНКОТЕРМС широко используются, то в Китае это не так. При заключении договора необходимо хорошо понимать, какие права и обязанности возникают у продавца и покупателя в связи с поставкой товаров. Для этого лучше узнать подробную информацию о содержании терминов ИНКОТЕРМС заранее, а не после заключения договора.

Страхование финансово-кредитной сферы представляет собой страхование инвестиций от политических рисков и страхование экспортных кредитов. Здесь указываются цели, условия и порядок осуществления страхования инвестиций, страхования экспортных кредитов от политических и экономических рисков, размеры страховых выплат, страховых премий, субъекты и объекты страховых отношений.

Страхованием внешнеэкономических сделок в России занимаются такие компании, как «Ингосстрах» и «Итерма», в Китае — инвестиционный холдинг «People's Insurance Company of China Limited» или «PICC», это старейшая страховая компания в стране, основанная в 1949 г. В настоящее время PICC предоставляет все виды страховых услуг для бизнеса и частных лиц, включая страхование жизни и здоровья, страхование автотранспорта, коммерческих активов, грузов и т. д. Группа компаний China Life является крупнейшим игроком на рынке коммерческого страхования материкового Китая. До 1999 г. China Life была частью Государственной народной страховой компании, сегодня это ведущая компания, предоставляющая услуги по страхованию для бизнеса. Ping An Insurance начинала свою деятельность как компания, страхующая от несчастных случаев. На данный момент компания предоставляет весь спектр страховых услуг как на территории Китая, так и за его пределами. China Pacific базируется в Шанхае и занимается большей частью страхованием имущества, куда входит автострахование, семейное имущественное страхование, страхование инвестиций и ответственности по кредитам.

Итак, страхование во внешнеэкономической деятельности является очень важной процедурой, позволяющей полноценно защитить имущественные интересы владельцев собственности в непредсказуемых чрезвычайных ситуациях. Никто не в состоянии гарантировать полное отсутствие риска финансовых потерь, однако, если соблюдены правила страхования грузов, их собственники могут рассчитывать на возмещение ущерба. Правила страхования разработаны в соответствии с международными страховыми стандартами и национальным законодательством России и Китая, а также максимально учитывают интересы бизнеса.

Вообще, страхование, с одной стороны, выступает в качестве экономического стабилизатора, с другой — является сферой экономики и бизнеса. В то же время оно помогает управлять риском. Специфика страхования заключается в компенсировании ущерба при наступлении возможного страхового случая. А во внешнеэкономической деятельности при сотрудничестве фирм из разных стран, со своими правовыми законодательными особенностями страхование становится «спасательной шлюпкой».

В результате исследования предложена концепция совершенствования страхования внешнеэкономических контрактов в России. В регулирование страхования финансовых рисков можно привести следующие дополнения.

1. Необходимо увеличить роль государственной поддержки по страхованию, тем самым гарантировать уменьшение рисков случаев и обеспечить более безопасную внешнеэкономическую деятельность. Создать государственную страховую компанию и через эту компанию осуществлять страховую деятельность российских предпринимателей.

2. Недопущение кумуляции, помощь со стороны государства в вопросах предвидения и предотвращения возможных рисков.

3. Способы государственной поддержки экспорта должны включать в себя обеспечение и страхование экспортного кредитования.

4. Из-за роста цен на сырье и материалы, изменения валютного курса экспортер может потерпеть неудачи и встретить большие финансовые потери. Политические и коммерческие риски лучше всего застраховать максимально — на 90–100%, чтобы уберечь национальных производителей от экономической нестабильности стран-импортеров.

5. Российские предприятия, занимающиеся деятельностью в сфере высоких технологий, должны иметь обязательную поддержку со стороны государства в виде достаточного комплекта финансовых инструментов, позволяющего увеличивать объемы российского экспорта.

Страхование и соблюдение правил поведения при заключении сделок помогут его субъектам избежать многих нежелательных рисков.

Литература

1. Венская конвенция о праве международных договоров (Vienna Convention on the Law of Treaties) / ООН. Вена, 1969.

2. Генеральное соглашение по торговле услугами — ГАТС (General Agreement on Trade in Services) / ВТО. 1995.
 3. ИНКОТЕРМС 2010. Правила толкования международных торговых терминов / Международная торговая палата. 2010. № 715.
 4. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards) 1958 / ЮНСИТРАЛ. Нью-Йорк, 1958.
 5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ (UNCITRAL) о международном торговом арбитраже 1985 г. / ООН. Вена, 2008.
 6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014. № 11-ФКЗ). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 7. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят ГД ФС РФ 21.10.1994: по состоянию на 28.03.2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 8. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая: федер. закон от 26.01.96 г. № 14-ФЗ, принят ГД ФС РФ 22 декабря 1995 г., по состоянию на 28 марта 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 9. Таможенный кодекс Таможенного союза Российской Федерации: федер. закон от 27 ноября 2009 г. № 17-ФЗ, принят Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств, по состоянию на 8 мая 2015 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 10. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ, принят ГД ФС РФ 16 июня 1995 г., по состоянию на 12 марта 2014 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 11. Об организации страхового дела в Российской Федерации: федер. закон от 27 ноября 1992 г. № 4015-1, по состоянию на 1 января 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 12. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федер. закон от 8 декабря № 164-ФЗ, принят ГД ФС РФ 21 ноября 2003 г., по состоянию на 13 июля 2015 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
 13. 中国. 中华人民共和国民事诉讼法 [网络资源]: 1991年4月9日 第七届全国人民代表大会第四次会议通过
- // 中华人民共和国的法律. Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 4-й сессии ВСНП седьмого созыва 9 апреля 1991 г. [Электронный ресурс]// Законы Китая.
14. 中国. 中华人民共和国合同法 [网络资源]: 1999年3月15日第九届全国人民代表大会第二次会议通过, 1999年3月15日中华人民共和国主席令第十五号公布, 自1999年10月1日起施行 // 中华人民共和国的法律. «О договорах»: закон КНР, принят 2-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 1999 г. [Электронный ресурс]// Законы Китая.
 15. 中国. 中华人民共和国合同法 [网络资源]: 1999年3月15日第九届全国人民代表大会第二次会议通过, 1999年3月15日中华人民共和国主席令第十五号公布, 自1999年10月1日起施行 // 中华人民共和国的法律. «О договорах»: закон КНР, принят 2-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 1999 г. [Электронный ресурс] // Законы Китая.
 16. 中国. 中华人民共和国担保法 [网络资源]: 1995年10月1日第八届全国人民代表大会 // 中华人民共和国的法律. Об обеспечении обязательств (гарантиях): закон КНР, принят 14-й сессией ВСНП восьмого созыва 30 июня 1995 г. [Электронный ресурс] // Законы Китая.

Проблемы осуществления международного сотрудничества в сфере защиты прав человека

© *Е. Ю. Земзикова*
студентка юридического факультета
Орловского юридического института
МВД России им. В. В. Лукьянова,
г. Орел, Россия
zemzikova@yandex.ru

Международное сотрудничество государств в сфере соблюдения и защиты прав человека прошло в своем развитии ряд этапов. Свое начало этот процесс берет в Уставе ООН. Один из этапов можно охарактеризовать как выработку общих положений, что было обусловлено осознанием международным сообществом введения единых стандартов по правам человека. Эти стандарты развивались и конкретизировались по мере сближения взглядов государств относительно ценности демократических прав и свобод, гарантий их осуществления и ме-

ждународной защиты. На основе данных стандартов свою деятельность осуществляет Организация Объединенных Наций, целью создания которой является осуществление взаимопомощи государств по вопросам обеспечения и защиты прав и свобод человека.

ООН создала не только правовые основы, но и механизм международного сотрудничества, состоящий из главных органов и специализированных учреждений, обладающих определенными полномочиями в области прав человека. Основными органами по защите прав человека являются: генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Совет по опеке, Международный суд, ЭКОСОС и Секретариат.

К специализированным органам по правам человека относится, прежде всего, Комиссия ООН по правам человека, ответственная за разработку международных стандартов в области прав человека и контроль за их соблюдением. Комиссия по правам человека ввела десятки специальных процедур, предназначенных для конкретных проблем и стран: учреждены должности и полномочия специальных докладчиков и представителей, рабочие группы и независимые эксперты. За последние 10–15 лет Комиссия провела работу по изучению положения в отдельных странах, включая проблемные с политической точки зрения страны. Как правило, комиссия осуществляет свою деятельность через специального докладчика — полунезависимого эксперта, который официально дает отчет перед комиссией и ведет непрерывный диалог с правительством данной страны для создания постоянного присутствия и канала влияния [3].

Однако в последнее время работа комиссии и деятельность ООН в области прав человека зачастую наталкивается на препятствия политического характера: как межправительственная организация она стремится решать вопросы консенсусом, что требует поиска постоянных компромиссов, и привносит политические мотивы при решении вопросов правового характера. Это обстоятельство вызывает критику тех правозащитников, которые по определенным причинам отрицают политические компромиссы и отказываются от снижения уровня международных стандартов и не желают смириться с грубыми нарушениями прав человека. Однако поиск компромиссов в условиях глобализирующегося мира остается неизбежным.

В настоящее время международное сотрудничество в сфере прав человека охватывает следующие направления:

1) заключение международных договоров, целью которых является обеспечение признания государствами зафиксированных в этих актах прав и свобод человека;

2) создание механизмов, обеспечивающих принятые государствами обязательства;

3) разработку рекомендаций относительно прав человека, которые подлежат соблюдению государствами.

Ежегодно в Женеве в марте — апреле проводятся очередные сессии Комиссии. В ходе указанных сессий она принимает более ста резолюций и решений по широчайшему кругу проблем, который за последнее время значительно увеличился. Причем многие из таких трудно отнести к правозащитным. Например, перевозка токсичных отходов, разоружение, доступ к легкому и стрелковому оружию, международная торговля и т. д. Подобное стремление со стороны отдельных государств охватить широкий спектр проблем и принудить Комиссию выйти за пределы своей компетенции, тем самым нарушая собственный мандат, зачастую не способствует повышению авторитета этого органа.

Кроме того, внесение на рассмотрение Комиссии заведомо конфронтационных проектов резолюций и решений неизбежно приводит к политизации дискуссии, усилению взаимного недоверия государств. Возникает ситуация, при которой обсуждение проблематики поощрения и защиты прав и свобод человека содействует не объединению, а разобщению стран, результату, прямо противоположному целям и принципам ООН. Более того, это противоречит и мандату, и предназначению самой Комиссии.

Таким образом, рассматривая проблемы международного сотрудничества в сфере защиты прав человека, необходимо сделать несколько замечаний общего характера.

Во-первых, взаимодействие государств в области поощрения и защиты прав человека осуществляется на двух основных уровнях: универсальном и региональном. В первом случае мы подразумеваем Организацию Объединенных Наций. Во втором различные региональные организации, такие как Совет Европы, Организация американских государств, Африканский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и др.

Во-вторых, на универсальном уровне степень сотрудничества и его эффективность по определенным аспектам имеют ярко выраженную специфику. Во многом это определено тем, что определенные проблемы всегда считались более значимыми, чем другие. Поэтому координировать свои действия, договариваться о контроле по данным вопросам для правительств соответствующих государств было куда сложнее, чем по другим [2].

Как отмечено в Брайтонской декларации, государства — участники Конвенции, а также Европейский суд несут ответственность за обеспечение жизнеспособности конвенционного механизма. В этом аспекте государства — участники Конвенции твердо намерены действовать совместно с Европейским судом и поддерживать работу Комитета министров и Парламентской ассамблеи Совета Европы, а также комиссара по правам человека и других институтов и органов Совета Европы, работать в духе сотрудничества с гражданским обществом и национальными органами по защите прав человека [1].

Однако необходимо отметить, что существующая система международного сотрудничества государств в настоящее время переживает кризис, вызванный так называемой политикой двойных стандартов. Политикой двойных стандартов принято называть ситуацию, когда оценка одних и тех же действий субъекта зависит от отношений, в каких оценивающий находится с данным субъектом. Такая политика и находит свое отражение в международном праве, когда действия угодных субъектов по нарушению конвенций, обязательств, принципов находят оправдание, в то время как действия неугодных субъектов считаются недопустимыми.

Вряд ли представляется возможным добиться от всех государств международного сообщества приверженности к общим правозащитным ценностям. Политика двойных стандартов существовала со времен возникновения человеческого общества и в ближайшее время будет являться одним из главных препятствий на пути развития партнерских отношений между государствами.

Таким образом, то большое значение, которое каждое государство в отдельности придает приоритету прав и свобод человека, показывает потребность в международном сотрудничестве в этой области, лишенном двойных стандартов. Именно такое сотрудничество может стать важным фактором международных отношений в целом и одним из компонентов, связанным с обеспечением всеобщей международной безопасности. Необходимость решения глобальных проблем человечества является стимулом для поиска компромиссов в данной сфере международного сотрудничества.

Литература

1. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. № 6/2012. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Корольков П. А. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека и их реализация в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2011. № 11.
3. Михайлов С. С. Проблема государственного суверенитета в рамках членства в ЕС. СПб., 2011. С. 20.

Сравнительный анализ избирательных систем Китая и России

© **В. И. Калашикова**

*студентка 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»,
г. Улан-Удэ, Россия
kvikai@mail.ru*

Выборы — это один из важных элементов демократического политического режима, с помощью которого народ может выражать свои интересы. В конституциях Российской Федерации и Китайской Народной Республики сказано, что это демократические государства. Но, как известно, каждая страна имеет свои особенности в государственном управлении. Отношения между Россией и Китаем активно развиваются, что дает возможность для более глубокого изучения политических систем друг друга. В данной статье мы рассмотрим избирательные системы Китая и России на примере выборов в Государственную думу РФ и во Всекитайское собрание народных представителей и СНП других уровней.

Под избирательной системой понимается совокупность правил, способов и процессов, которые регулируют порядок осуществления избирательных прав граждан с помощью выборов в государственные органы. В Китае мажоритарная избирательная система, а в России — смешанная. Особенность этой избирательной системы заключается в том, что при выборах в государственные органы одновременно используются две электоральные формулы от пропорциональной и мажоритарной избирательных систем [9, с. 122].

Электоральная культура Китая и России основывается на принципах, включенных в текст конституций государств, в которых, к сожалению, отсутствуют специальные главы и разделы, посвященные избирательной системе. Китайское избирательное законодательство достаточно стабильное. В этом нам помогает убедиться тот факт, что с момента принятия Закона о выборах 1 июля 1979 г. было внесено только пять изменений. В России же с 1995 г. было принято шесть законов о выборах депутатов Госдумы и три закона об основных гарантиях избирательных прав. В действующий ныне закон с 2002 г. было внесено более сорока объемных поправок. Стабильность в китайском законодательстве способствовала своевременному обновлению состава высших органов власти, успешному завершению процесса передачи власти [8, с. 70]. Из этого можно сделать вывод, что чем меньше государство вмешивается в избирательное законодательство, тем более стабилен и упорядочен процесс смены политической элиты и передачи государственной власти.

Согласно ст. 32 Конституции РФ, все граждане, достигшие восемнадцати лет, имеют избирательные права. Не имеют их граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, но эти права лишаются только на этот срок, то есть после освобождения избирательные права восстанавливаются. Согласно ст. 34 Конституции Китая, все граждане КНР, достигшие восемнадцати лет, независимо от каких-либо национальных, профессиональных и иных факторов, имеют избирательные права [4, с. 68]. В России регистрация избирателей осуществляется главой муниципального образования по состоянию на 1 января и 1 июля каждого года. Список избирателей формируется избирательной комиссией на каждом избирательном участке на основе сведений главы муниципального образования [2].

В Китае по округам проводится регистрация новых избирателей и избирателей, восстановленных в политических правах. Здесь же исключают из списков умерших, лишенных избирательных прав и покинувших округ [8, с. 72]. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики предусматривает возможность лишения избирательных прав в следующих случаях:

- 1) по приговору суда;
- 2) как мера наказания для лиц-революционеров;

3) приговоренные к смертной казни и пожизненному лишению свободы;

4) недееспособные [4, с. 68]. Душевнобольные также не регистрируются в списках избирателей, но подтверждением этого факта занимается не суд, как в России, а избирательная комиссия [8, с. 72].

И в РФ, и в КНР каждый избиратель имеет один голос, то есть в этих государствах действует принцип равного избирательного права. Однако в Китае есть свои особенности: существует преимущество для национальных меньшинств и неравное представительство сельского и городского населения. При распределении норм представительства в ВСНП в крупных административно-территориальных единицах Постоянный комитет ВСНП учитывает численность национальных меньшинств, их уровень развития и расселение и устанавливает для них льготы, потому что каждая малочисленная национальность должна быть представлена в ВСНП [4, с. 69]. Что же касается неравного представительства городского и сельского населения, то оно проявляется в следующем:

1) при выборах в ВСНП депутат от сельской местности представляет в восемь раз больше избирателей, чем депутат от города;

2) при выборах в собрания народных представителей провинций, автономных районов и городов депутат от сельской местности представляет в пять раз больше;

3) при выборах народных представителей собраний автономных округов, уездов и автономных уездов — в четыре раза [7, с. 189, 190].

В Конституции КНР установлена диктатура пролетариата и рабочего класса, поэтому на выборах учитывается преобладание сельского населения. Также это обеспечивает интересы всех социальных групп и национальных меньшинств в органах государственной власти. К сожалению, данное явление противоречит принципу равного избирательного права в Китае [7, с. 190].

Также имеет особое значение представительство Народно-освободительной армии Китая. Это объясняется большой ролью вооруженных сил в истории этого государства и в современной политической системе. В соответствии с постановлением достигшие восемнадцатилетнего возврата военнослужащие и члены их семей имеют право избирать и быть избранными от армии. Избрание кандидатов происходит на собраниях военнослужащих [4, с. 70].

И в России, и в Китае существует принцип личного тайного голосования, то есть никто не вправе знать о выборе избирателя, кроме него самого, и никто не должен влиять на этот выбор. В день голосования бюллетень заполняется в кабине или в специально оборудованном месте. При этом запрещается присутствие посторонних лиц, избиратель должен быть один. Однако в некоторых местностях Китая, где велико количество малограмотного населения, голосование происходит путем поднятия руки. Также если из-за неграмотности или физического недостатка отсутствует возможность заполнить бюллетень самостоятельно, то избиратель может уполномочить другое лицо проголосовать вместо него. Это возможно и в том случае, если избиратель не будет находиться в день выборов на избирательном участке. Человек в письменной форме дает другому избирателю право своего голоса, но для этого необходимо согласие избирательной комиссии. Один человек может иметь такие полномочия не более чем от трех избирателей [4, с. 71]. В российском законодательстве по этому поводу говорится, что если гражданин не имеет возможности самостоятельно заполнить бюллетень, то он может также попросить помощи у другого человека, то есть дать ему право проголосовать вместо себя. Персональные данные этого человека указываются в соответствующей графе списка избирателей. Как мы видим, и в Китае, и в России существует такая процедура передачи избирательного права, но только в определенных случаях и только с согласия избирательной комиссии.

Согласно ст. 3 Конституции РФ, народовластие осуществляется непосредственно через органы государственной власти и местного самоуправления. Народ выбирает депутатов в Государственную думу, которые избираются сроком на пять лет. Назначает выборы Президент РФ не ранее чем за 110 дней и не позднее чем за 90 дней до дня голосования, то есть до третьего воскресенья месяца, в котором истекает срок Государственной думы действующего созыва. В России при выборах в Государственную думу используется смешанная избирательная система, по которой одна половина (225 депутатов) избирается по принципам пропорциональной избирательной системы, а другая — по принципам мажоритарной системы. По второй системе выдвигаются как самостоятельные, независимые кандидаты, так и кандидаты, входящие в состав политической партии. Необходимым условием для получения места в Государственной думе является преодоление 5-процентного барьера [9, с. 124]. Для получения места по пропорциональной системе необходимо преодолеть этот барьер, а по мажоритарной — получить относительное большинство голосов. Главное достоинство пропорциональной избирательной системы заключается в том, что при ней в парламенте обеспечивается представительство небольших и средних партий. Это означает, что Государственная дума будет выражать общую волю народа [3, с. 21]. При этом элементы мажоритарной системы позволяют получить место в Госдуме политикам-одиночкам, которые не связаны с партиями и их взглядами, уставом. Они более внимательны к интересам населения [1, с. 48].

ВСНП в Китае состоит из представителей административно-территориальных единиц (провинций, областей, городов, административных районов) и вооруженных сил. Обязательно должны присутствовать представители национальных меньшинств. В КНР отсутствует Центральная избирательная комиссия (в России она существует), поэтому организацией выборов в ВСНП и их контролем занимается Постоянный комитет ВСНП. Представители избираются сроком на пять лет. Выборы проводятся за два месяца до истечения срока ВСНП действующего созыва по мажоритарной избирательной системе [8, с. 71]. Чтобы получить место в ВСНП, кандидат

должен набрать более половины голосов. На выборах уездного и вышестоящих СНП побеждает кандидат, который получил больше половины голосов общего числа всех депутатов нижестоящих СНП [4, с. 74].

Нарушение тех или иных прав приводит к санкциям со стороны государства. Для избирательного законодательства предусмотрена своя система наказаний за преступления. В Китае предусмотрены санкции за нарушение избирательного законодательства за следующие деяния:

- 1) срыв выборов путем насилия, угроз, обмана, взяток;
- 2) фальсификация избирательных документов;
- 3) ложное сообщение о количестве избирательных бюллетеней;
- 4) применение других методов или препятствование избирателям и депутатам в осуществлении своих избирательных прав.

Эти преступления наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или лишением политических прав согласно статье 256 Уголовного кодекса КНР.

В российском законодательстве описано одиннадцать видов преступлений против избирательных прав. Они представлены в четырех статьях Уголовного кодекса РФ:

- 1) воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141);
- 2) нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141.1);
- 3) фальсификация избирательных документов, документов референдума (ст. 142);
- 4) фальсификация итогов голосования (ст. 142.1) [6, с. 88].

Эти преступления караются штрафом в определенном размере, либо обязательными или исправительными работами на определенный срок. В зависимости от тяжести преступления возможны такие виды наказаний, как принудительные работы, арест и лишение свободы. Существует наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на определенный срок. Такое наказание возможно, например, за подделку подписей избирателей. Можно сделать вывод, что данная сфера избирательного права в российском законодательстве более развита и проработана: имеется система преступлений и разные меры наказания за их совершение.

В идеальном представлении при демократическом режиме власть можно получить с помощью стараний, умений, таланта, несмотря на происхождение. Однако необходимо эту власть заслужить в условиях равной борьбы, которая реализуется на выборах [5, с. 357]. Грамотная избирательная система создает условия для формирования политической элиты, состоящей из профессионалов и людей, которые способны удовлетворить интересы и потребности народа.

Литература

1. Боброва Н. А. Реформа избирательного права 2005 г. и ее влияние на политическую систему России // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 47–51.
2. Козлова Е. И., Кутафин Е. И. Конституционное право России [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/konstitucionnoe-pravo-4/58.htm> (дата обращения: 17.05.2017).
3. Кучеренко П. А. Основные тенденции развития избирательной системы России на примере выборов депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2006. № 2. С. 20–26.
4. Морозова О. С. Избирательная система и особенности государственного управления избирательным процессом в КНР // Выборы: теория и практика. 2012. № 1(21). С. 66–70.
5. Пучнин А. С. Россия и оптимальная избирательная система // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 5(73). С. 351–357.
6. Хэн Чж. Уголовная ответственность за нарушение избирательного законодательства по УК Китая и УК России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1(19). С. 88–91.
7. Цзин М. Избирательная система Китая и выборы депутатов Всекитайского собрания народных представителей // Новый юридический журнал. 2013. № 1. С. 187–192.
8. Эриашвили Н. Д., Белоновский В. Н., Гасанова К. К. Конституционная основа электоральной культуры Китайской Народной Республики // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 69–75.
9. Яргомская Н. Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 122–129.

© Л. В. Ковтуненко
магистрант 2-го курса
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
г. Барнаул, Россия
Lidya_K@mail.ru

Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС) был учрежден на основании Договора о Евразийском экономическом союзе [2] (далее — Договор) с целью обеспечения единообразного применения государствами — членами и органами Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров ЕАЭС с третьими сторонами и решений органов ЕАЭС.

Суд ЕАЭС — независимый орган судебной власти, не подчиняющийся никаким другим органам и учреждениям. Так же, как и национальные суды, Суд ЕАЭС обеспечивает контроль за тем, чтобы в нормах права, создаваемых Высшим евразийским экономическим советом, Евразийским межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией, не искажались цели интеграции и не нарушались основные права хозяйствующих субъектов.

В соответствии со ст. 19 договора Суд ЕАЭС является постоянно действующим судебным органом Союза. Местом пребывания Суда Союза является город Минск, Республика Беларусь.

Организация деятельности Суда ЕАЭС устанавливается положениями глав I, II и III Статута Суда Евразийского экономического союза (далее — Статут Суда) (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе), а также «Правилами организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза», утвержденными приказом Председателя Суда Евразийского экономического Союза от 14 апреля 2015 г.

Можно сказать, упомянутые акты закрепляют основные положения статуса судей ЕАЭС сравнительно поверхностно. Причем более подробно требования, предъявляемые к судьям, должностным лицам и сотрудникам аппарата Суда, а также гарантии, привилегии и иммунитеты судей, должностных лиц и сотрудников аппарата Суда, закрепляются только в локальном акте Суда ЕАЭС — Правилах организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза.

Порядок назначения судей ЕАЭС предусмотрен пунктом 10 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС). Судьи назначаются на должности Высшим евразийским экономическим советом по представлению государств-членов. Согласно пункту 8 Статута срок полномочий судьи составляет девять лет.

Следует отметить, что ранее в Суде ЕврАзЭС существовал другой порядок назначения судей ЕврАзЭС: судьи назначались на должность судьи Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС по представлению Межгосударственного совета ЕврАзЭС и на уровне глав государств-членов. В связи с этим, по мнению Ж. М. Кембаева, несмотря на переход к новой ступени интеграции — к формированию ЕАЭС, институциональная структура Союза во многом слабее даже той, которая существовала в рамках ЕврАзЭС [13]. В частности, нынешняя институциональная структура ЕАЭС не предусматривает наличия представительного органа. Поэтому в настоящее время порядок назначения судей ЕАЭС предусматривает исключительно участие глав государств-участниц [13].

Согласно Статуту Суда ЕАЭС судьи Суда ЕАЭС не могут представлять интересы государственных или межгосударственных органов и организаций, коммерческих структур, политических партий и движений, а также территорий, наций, народностей, социальных и религиозных групп и отдельных лиц.

Судьи не вправе заниматься любой деятельностью, связанной с получением доходов, кроме научной, творческой и преподавательской; не могут участвовать в разрешении какого-либо дела, в котором он ранее участвовал в качестве представителя, поверенного или адвоката одной из сторон спора, члена национального или международного суда, следственной комиссии или в каком-либо ином качестве.

Судьи при отправлении правосудия равны и обладают одинаковым статусом. Председатель суда и его заместитель не вправе предпринимать действия, направленные на получение любого неправомерного преимущества по сравнению с другими судьями.

Кроме того, судьи, как при исполнении своих полномочий, так и во внеслужебных отношениях, должны избегать конфликта интересов, а также всего того, что может умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости, беспристрастности [2]. В соответствии с п. 9 Статута (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС), судьи Союза должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов [2].

Таким образом, договором установлено, что судьи Союза, как правило, должны соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов. При этом напомним, что государствами — членами Евразийского экономического союза являются пять государств: Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан. В настоящее время в состав суда входят 8 судей.

Необходимо отметить, что страны-участницы Союза устанавливают разные требования к кандидатам на должности судьи, в том числе высшим судебным органам государств-членов.

Сравним требования, предъявляемые к кандидатам на должности высших судебных органов Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Беларусь. Так, законодательство Российской Федерации, устанавливая в ст. 12 ФКЗ «О судебной системе РФ» и ст. 2 Закона РФ «О статусе судей РФ» единство статуса судей, закрепляет в целом ряде законов статусы судей различных судов. Например, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» устанавливает, в том числе и статус судьи Конституционного суда (глава 2); ФКЗ «О Верховном Суде РФ» содержит отдельные положения, регламентирующие статус председателя Верховного суда РФ, его заместителей, судей Верховного суда РФ и органов судейского сообщества в Верховном суде РФ и т. д.

При этом нормы рассматриваемых нормативных правовых актов либо полностью дословно дублируют друг друга, либо являются отсылочными к другим федеральным конституционным или федеральным законам.

В некоторых случаях имеется и противоречие норм законов положениям Конституции РФ. Например, п. 2 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей РФ» установлено, что одним из требований к претенденту на должность судьи является наличие определенного стажа работы в области юриспруденции, в то же время ст. 119 Конституции РФ устанавливает такое требование, как наличие стажа работы по юридической профессии, что, конечно же, не одно и то же [12].

Так, к кандидатам на должность судьи Конституционного суда РФ устанавливаются одни из следующих требований — возраст не менее 40 лет и стаж работы по юридической специальности не менее 15 лет (ФКЗ «О Конституционном суде РФ»); к кандидатам на должность судьи Верховного Суда РФ — возраст не менее 35 лет и стаж работы по юридической специальности не менее 10 лет (ФКЗ «О Верховном Суде РФ»).

Несколько иные требования установлены в Кыргызской Республике. В соответствии с ее Конституционным законом «О статусе судей Кыргызской Республики», одно из требований к кандидату в судьи Верховного суда — возраст не менее 40 лет и стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет; требования к кандидату в судьи Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики — возраст не менее 40 лет и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет.

В соответствии с Конституционным законом «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» судьей Верховного суда Республики Казахстан может стать гражданин республики, имеющий высшее юридическое образование, безупречную репутацию и стаж работы по юридической профессии не менее двадцати лет или стаж работы судьей не менее десяти лет и получивший положительное заключение пленарного заседания Верховного суда. При этом кандидаты в судьи проходят стажировку в суде на постоянной основе.

Кодекс Республики Беларусь «О Судеустройстве и Статусе Судей» устанавливает следующее: судьей Конституционного суда Республики Беларусь может стать гражданин Республики Беларусь, владеющий белорусским и русским языками, имеющий высшее юридическое образование, являющийся высококвалифицированным специалистом в области права, имеющий, как правило, ученую степень и обладающий высокими моральными качествами. Например, судья Верховного Суда Республики Беларусь и судья Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь должен иметь стаж работы в должности судьи не менее пяти лет.

На основании изложенного, сравнив только требования к возрасту и стажу, предъявляемые к кандидатам на должности судьи высших судебных органов стран-участниц ЕАЭС, можно уже проследить особенности законодательства последних относительно статуса судей Суда ЕАЭС, что не может свидетельствовать о единстве статуса судей Суда ЕАЭС.

В соответствии с п. 13 приложения № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., с инициативой о прекращении полномочий судьи по основаниям, предусмотренным пунктом 12 Статута, могут выступать государство-член, представившее судью, суд или сам судья [2].

Так, Г. М. Даниленко относительно статуса судей ЭС СНГ написал следующее: «Имеются по крайней мере два фактора, которые значительно подрывают независимость судей. Во-первых, судьи выполняют свои функции в рамках ограниченного срока — 10 лет. Во-вторых, и это самое главное, судьи могут быть освобождены от должности не институтами организации и не самими судьями, а государствами, которые судей назначили» [11].

Позиция Г. М. Даниленко также подходит и по отношению к статусу судей Суда ЕАЭС, так как судьи Суда ЕАЭС выполняют свои функции в течение ограниченного срока — 9 лет, а также могут быть освобождены от должности государствами-участницами по любому основанию.

Таким образом, положение о том, что досрочное освобождение судей Суда ЕАЭС от занимаемой должности возможно государствами-членами, несомненно, очень отрицательно влияет на закрепленный в Статуте Суда ЕАЭС принцип независимости судей.

Кроме того, Статут Суда Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 г., приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., Регламент Суда ЕАЭС, утвержденный решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г., не закрепляют основания, по которым государство-член может инициировать освобождение судьи от занимаемой им должности. Тем самым данный вопрос остается только на усмотрении государств-участниц и ставит положение Судей ЕАЭС в уязвимое положение, что, несомненно, нарушает принцип независимости судей.

Таким образом, единого нормативного правового акта, регламентирующего статус судей Суда ЕАЭС, не принято. В состав Суда ЕАЭС входят 5 государств-участниц, при этом каждая страна-участница имеет свою правовую базу, устанавливающую правовой статус судей. Избыточность, непоследовательность законодатель-

ства о статусе судей Суда ЕАЭС влечет разбалансированность регулирования статуса судей, что, несомненно, может подорвать равенство судей, а также возможность существования эффективного органа правосудия. Считаем необходимым принять единый нормативный правовой акт ЕАЭС, который бы закреплял статус судей Суда ЕАЭС, единые требования, применяемые к кандидатам на должности судей ЕАЭС, а также более основательно урегулировать порядок освобождения судей ЕАЭС от занимаемой должности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2015. № 5. Ст. 5.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Конституционном суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21.07.1991. № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.
4. О Верховном суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 05.02.2014. № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2015) // СЗ РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 550.
5. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31.12.1996. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.
6. О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26.06.1992. № 3132-1 (ред. от 03.07.2016) // РГ. 29.07.1992. № 170.
7. О статусе судей Кыргызской Республики: Конституционный закон Кыргызской Республики от 09.07.2008. № 141 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 2008. № 6/2. Ст. 605.
8. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 25.12.2000. № 132 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2000. № 2. Ст. 410.
9. О судеустройстве и статусе судей: кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006. № 139-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 107. № 2/1236.
10. Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза, утвержденные приказом Председателя Суда Евразийского экономического Союза от 14.04.2015. № 8. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Даниленко Г. М. The Economic Court of the Commonwealth of Independent States // New York University Journal of International Law and Politics. 1999. № 4. С. 893–918, 899.
12. Ермошин Г. Т. Единство и многообразие статуса судей в Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Кембаев Ж. М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2016. № 2. С. 30–45.
14. Ненашева Т. Н. Евразийский суд: назад в будущее // Закон. 2012. № 9. С. 152–161.
15. Четвериков А. О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5.

Теория правового государства в Китае

© **А. В. Красавин**

*студент 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
Andrei2499@mail.ru*

© **Пэн Да**

*студент 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
Pen03rus99@mail.ru*

Без демократического элемента право всего лишь инструмент лишения прав и свобод человека и гражданина. Но если в законах того или иного государства не признаются элементы демократии, то это демократическое общество и государство является лишь выдумкой [5, с. 78].

Безусловно, верховенство Конституции и законов играет важную роль в реализации института демократии и создании демократического общества в Китае. Целью создания правового государства в Китае являются развитие производительных сил и строительство социалистической модернизации.

Одним из главных признаков правового государства является верховенство Конституции и законов, то есть «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством. Государство обеспечивает единство и соблюдение социалистической законности. Никакие законы, административные положения и местные положения не должны противоречить Конституции. Все государственные органы и вооруженные силы, политические партии и общественные организации, пред-

приятия и учреждения должны соблюдать Конституцию и законы. За любое их нарушение необходимо привлекать к ответственности. Никакие организации или частные лица не должны пользоваться привилегиями, выходящими за рамки Конституции и законов» [7].

Создание правового государства в современный период проходило в два этапа: первый этап (1949–1977) — это начало строительства правового государства, второй этап (с 1978 г. по настоящее время) — завершение создания правового государства в Китае. На первом этапе Мао Цзэдун выдвинул учение о строительстве государства на основе закона, но фактически он неправильно истолковал понятие «социализм» и связанное с ним «правовое государство». В действительности строилось не правовое государство, а государство, основанное на власти монарха: право служило инструментом в борьбе с оппозицией и преступностью.

Новый этап, начавшийся в 1978 г., заключался, во-первых, в том, что на XI съезде КПК были установлены принципы защиты прав человека и создания такой правовой системы, которая предполагала бы действительный и стабильный авторитет закона, равенство всех перед законом, независимую судебную систему.

Во-вторых, в 1979 г. в Указе о процессуальных гарантиях применения уголовного права и уголовно-процессуального права было установлено, что законы уголовного права нужно применять в соответствии с указанными гарантиями: это важный признак, характеризующий развитие правового государства. Именно в этом указе впервые был использован термин «правовое государство».

В-третьих, в последнем абзаце преамбулы Конституции КНР 1982 г. установлены положения о защите, уважении и авторитете Конституции. Данная Конституция торжественно заявляет о достижениях в борьбе народов Китая, определяет основы правовой системы и основные задачи государства, она является основным законом государства и имеет высшую юридическую силу. Все народы страны, все государственные органы, вооруженные силы, все политические партии и общественные организации, все предприятия и учреждения страны должны принимать Конституцию как основной стандарт и обязаны поддерживать уважение к Конституции и претворять ее положения в жизнь [2].

На XV съезде КПК был выдвинут общий план построения правового государства, в марте 1999 г. положения этого плана были закреплены в Конституции КНР.

До появления идеи правового государства в Китае развивались идеи эффективного управления государством, так как Китай является государством нравственности (основа — нравственность). Закон существует, прежде всего, для обеспечения в обществе порядка, а не для защиты прав человека. Во-вторых, понятие «правовое государство» в современном значении возникло в Китае под влиянием западной идеи демократии и либерализма. Если в России эта идея распространилась в XVIII в., то в Китае — только в конце XIX в. Главное отличие заключается в том, что Россия оказалась под влиянием западных демократических идей после победы в Первой мировой войне, в Китае же были вынуждены изучать западную мысль ради освобождения и независимости страны в условиях ее колонизации западными великими державами. В то время в Китае только узнали о понятии «правовое государство», но распространение оно не получило, так как не вписывалось в традиции древней китайской культуры. В-третьих, в Китае, как и в СССР, при строительстве социализма пытались соединить идеи правового государства с идеей осуществления принципов социальной справедливости, свободы и равенства, но обеим странам не удалось сделать это до конца. Россия оставила коммунистическую идеологию и провозгласила курс на создание капиталистического правового государства, а Китай, преодолевая препятствия, продолжил строительство именно социалистического правового государства, и главное — этот курс проводится по-прежнему под руководством Коммунистической партии Китая.

Понятие и характеристика правового государства в Китае

Большинство ученых в Китае придерживается точки зрения, что «правовое государство» является созданным в обществе идеальным порядком, основанным на соблюдении законов. Оно обладает такими основными ценностями современного общества, как демократия, права и свободы человека и т. д. [6].

Существует теория, что помимо материальных условий для построения правового государства необходимы также и духовные условия: вера граждан в закон такая же, как вера в Бога, т. е. отношение к закону как к святыне; чувство уважения и веры в закон — основа добровольного его соблюдения, основа верховенства и авторитета закона. Новое отношение к закону заключается в том, что члены общества признают закон как необходимость своей жизни, как потребность и стимул их деятельности, чтобы граждане добровольно руководствовались законом в своих поступках. Строительство правового государства — это дело не только правительства, но и всех граждан, их общее дело. Поэтому оно предполагает независимое положение каждого гражданина, свободу выражать свое мнение, надежды и потребности. Если закон хороший, то необходимо безусловное его соблюдение, а если закон плохой, то граждане вправе через мирные выступления требовать отмены такого закона. Таким образом, для построения правового государства необходимы не только материальные, но и духовные условия, и только тогда может быть воплощена идея правового государства.

Основные признаки правового государства:

1. Осуществление государственной власти в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную, судебную с целью не допустить сосредоточения всей полноты государственной власти в чьих-либо одних руках, исключить ее монополизацию, узурпацию одним лицом, органом, социальным слоем, что закономерно ведет к «ужасающему деспотизму» (Ш. Монтескье).

2. Наличие Конституционного суда — гаранта стабильности конституционного строя — органа, обеспечивающего конституционную законность и верховенство Конституции, соответствие ей законов и иных актов законодательной и исполнительной власти.

3. Верховенство закона и права, что означает: ни один орган, кроме высшего представительного (законодательного), не вправе отменять или изменять принятый закон. Все иные нормативные правовые акты (подзаконные) не должны противоречить закону. В случае же противоречия приоритет принадлежит закону. Сами законы, которые могут быть использованы в качестве формы легализации произвола (прямой противоположности права), должны соответствовать праву, принципам конституционного строя. Юрисдикцией Конституционного суда действие неправового закона подлежит приостановлению, и он направляется в парламент для пересмотра.

4. Связанность законом в равной мере как государства в лице его органов, должностных лиц, так и граждан, их объединений. Государство, издавшее закон, не может само его и нарушить, что противостоит возможным проявлениям произвола, своеволия, вседозволенности со стороны бюрократии всех уровней.

5. Взаимная ответственность государства и личности: личность ответственна перед государством, но и государство не свободно от ответственности перед личностью за неисполнение взятых на себя обязательств, за нарушение норм, предоставляющих личности права.

6. Реальность закрепленных в законодательстве основных прав человека, прав и свобод личности, что обеспечивается наличием соответствующего правового механизма их реализации, возможностью их защиты наиболее эффективным способом — в судебном порядке.

Проблемы построения правового государства в Китае Во-первых, несмотря на то, что в Конституции

КНР закреплена ряд прав и свобод граждан, в реальной жизни

проблемы остаются. Например, в уголовном процессе особенно плохо гарантированы права подозреваемого: его могут допрашивать без участия адвоката и не вызывать свидетелей в суд. Для борьбы с преступностью прокуратура, полиция и суд могут координировать свои действия, игнорируя принцип разделения властей.

Во-вторых, в Китае уже принят большой массив законодательства, но между законами и подзаконными нормативными актами существуют противоречия. И самое главное: существует много нечетких, неконкретных и оценочных норм.

В-третьих, судебная власть не может быть полностью независимой. Следует отметить, что в Китае не существует разделения власти на три ветви, и хотя есть законодательная, исполнительная и судебная власти, они не имеют равного статуса, законодательная власть преобладает над другими ветвями власти, что особенно сильно влияет на судебную власть. К примеру, местный съезд народных представителей может выбирать и увольнять со службы судей. Возможность повышения судей по службе тоже зависит от местного собрания представителей, в частности от отдела кадров этих органов. Таким образом, законодательная власть решает вопросы назначения и увольнения судей, судебная власть фактически контролируется законодательной властью, и ей трудно быть независимой.

В истории Китая судебные и исполнительные органы были единым целым. Такая традиция и на сегодняшний день сильно влияет на судебную власть, поэтому судебная власть не может стать независимой и от исполнительной власти. Во-первых, в Китае судебные органы в финансовых вопросах зависят от местного правительства. Во-вторых, подготовка судей и управление ими осуществляются по образцу государственных служащих. В-третьих, судья самостоятельно не принимает решение, поскольку по закону об организации народного суда в Китае судебную власть осуществляют коллегия судей, судья с заседателями и судья единолично. В Китае все организации должна возглавлять Компартия, в том числе и судебные органы. Комитет партии часто вмешивается в дела суда, и замечания партии становятся решениями суда. Контроль со стороны общества, особенно со стороны СМИ, полезен для реализации принципа независимости судебной власти.

В завершение представляется важным сделать ряд выводов:

1. Правовое государство — это то, к чему стремятся все цивилизованные государства мира. Мы можем сделать вывод, что Китай на современном этапе еще не является правовым государством. В Китае ученые и правительство считают, что правовое государство — это мечта, которая когда-нибудь должна стать реальностью. Компартия даже разработала план, за какое время может осуществиться эта мечта, поставила разные задачи.

2. Сторонники другой точки зрения считают, что правовое государство — это просто мечта, которая не может быть осуществлена, и что не нужно к нему стремиться. Однако, по нашему мнению, обе точки зрения являются не совсем верными, так как хоть правовое государство и является недостижимым идеалом, мы должны максимально приблизиться к нему. Следует отметить, что формирование правового государства — процесс сложный, длительный и непрерывный, требующий реакции на вновь возникшие ситуации и в экономике, и в политике, и в нравственности. Однако силы государства в проведении социальных реформ не безграничны. Естественный прогресс человеческой жизни вносит и будет вносить новое в теорию и практику строительства правового государства. В понятии «правовое государство» концентрируются общечеловеческие ценности, сформированные в процессе длительного развития общества. Для Китая уже нет иного пути, кроме как построить и развить правовое государство.

Литература

1. Гуй Жуйсян. Понятие и применение независимости судебной власти. Пекин, 2001.
2. Ли Буюнь. История и перспектива развития правового государства. 1998.
3. Лян Цичао. Сборник статей. Пекин, 1989.
4. Марченко М. Н. Правовое государство // Энциклопедия юриста. 2005.
5. Политико-правовое учение Монтескье.
6. Чжан Иэньсянь. Теория права: учебник. Пекин, 1999.
7. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004).

К концу 2016 г. по численности населения 1,4 млрд человек Китай занимает первое место в мире. В 1970-х гг. население Китая уже превышало 800 млн человек. Тогда стало понятно, что чрезмерно быстрый рост населения не благоприятствует экономическому и социальному развитию, создает большие трудности в области трудоустройства, жилья, транспорта, лечения и т. д. [1, с. 29].

В связи с этим Китай был вынужден законодательно ограничить размер семьи и с середины 1970-х гг. в стране начала реализоваться политика планирования семьи, то есть политика одного ребенка на одну семью. В соответствии с предыдущей демографической политикой в течение около 30 лет гражданам КНР обычно разрешают иметь не больше одного ребенка на семью, в частности семейным парам, которые живут в городе. Сельские семьи могут родить второго ребенка, если первый младенец — девочка. Штраф за нарушение политики составляет 4–8 средних годовых доходов в регионе рождения. Кроме того, степень ограничения рождаемости зависит от провинции и политика не так строга в отношении национальных меньшинств.

С одной стороны, данная демографическая политика приносила эффективные плоды, например, прирост населения замедлился, демографическое давление на ресурсы и окружающую среду ослабло, уровень образования в Китае значительно вырос. Сегодня среднее количество детей, рожденных одной женщиной в течение жизни, в Китае снизилось с 5,8 до 1,8, с другой — осознали такие негативные влияния данной политики, как проблема низкой рождаемости, старение населения. Поэтому 27 декабря 2015 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение о пересмотре Закона о народонаселении и плановом деторождении [2, с. 30]. В Китае было официально объявлено, что политика одного ребенка на одну семью будет отменена в будущем. Согласно решению, в Китае с 1 января 2016 г. осуществится новая политика «одна семья — два ребенка». По новой политике количество допустимых для любых семей детей будет увеличено до 2. Ожидаемые результаты проведения новой демографической политики заключаются в следующем:

- Во-первых, новая политика помогает решать проблему низкой рождаемости, с которой Китай сталкивается в настоящее время. Во время проведения политики планирования семьи общий коэффициент рождаемости в Китае снизился до 1,55 в 2014 г., а в 2012 г. коэффициент был снижен до 1,18, что в соответствии с теорией Лутца и др., если общий коэффициент рождаемости в стране ниже 1,5, то эта страна сталкивается с «ловушкой низкой рождаемости». Теперь общий коэффициент рождаемости в Китае уже близок к 1,5, что приводит к нехватке рабочей силы, повышению тем самым расходов на оплату труда, переселению иностранных компаний в страны, которые имеют преимущества низкой стоимости рабочей силы. В данном случае проведение новой политики стимулирует рождаемость и имеет большое значение для решения вышеуказанных проблем.

Более того, повышение рождаемости приносит обществу новую силу. Известно, что нехватка молодежи ухудшает инновационную способность всего общества, препятствует исследованиям и разработкам промышленности высоких технологий.

- Во-вторых, новая политика способствует смягчению демографического старения. Демографическое старение населения становится государственной проблемой и выступает на первый план. Согласно статистическим данным 2014 г., число пожилых людей в возрасте 60 лет и старше достигло 212 млн, что составило 15,5% общей численности населения страны, число людей в возрасте 65 лет и старше достигло 137 млн, или 10,1%. В связи с политикой одного ребенка на одну семью молодые супруги должны поддерживать четыре пожилых, что увеличивает их физические и психические бремена. В то же время ввиду усиления старения населения ограничивается повышение производительности труда. Основным источником дохода правительства является налог от рабочей силы. В данном случае правительство должно увеличить капиталовложения в пенсионное и медицинское страхование. Сокращение правительственных источников доходов и увеличение расходов тормозит дальнейшее увеличение ВВП и социальное перераспределение, тем самым устойчивое экономическое и социальное развитие.

- В-третьих, с помощью новой политики в некоторой степени будут облегчаться диспропорции соотношения полов. Под влиянием традиционного взгляда того, что принято относиться к мужчинам с уважением, а к женщинам с пренебрежением и политики одного ребенка на одну семью, в настоящее время в Китае мужчин на 30 млн больше, чем женщин. Уже сегодня число мальчиков в возрасте до девяти лет на 12,7 млн превосходит количество девочек [3, с.57]. Если эта тенденция будет продолжаться, то в будущем серьезный дисбаланс между мужчинами и женщинами приведет к нестабильности традиционных семей, росту разводов и увеличению уровня преступности, таких как похищение и торговля женщинами, и даже к социальным потрясениям.

В результате новой политики ожидается появление до 3 млн детей дополнительно каждый год. По мере проведения данной политики нужно обратить внимание на следующие вопросы: отслеживание реализации политики двухдетной семьи, чтобы избежать низкой рождаемости, несправедливое бремя иждивенчества, семейные конфликты в связи с выбором деторождения, защиты прав и интересов женщин во время поиска работы, а также другие новые социальные проблемы.

Новая демографическая политика помогает замедлить темпы старения населения Китая, ослабить давление на пенсионное обеспечение, расширить демографическую пользу Китая, повысить устойчивость и способность

семей противостоять рискам. Реализация двухдетной политики признается регулированием и совершенствованием демографической политики Китая в соответствии с сегодняшней ситуацией населения и необходимостью экономического и социального развития.

Литература

1. Бергер Я. М. Население Китая на рубеже XXI в. // Китаеведение. 2001. № 1.
2. Михеев В., Луконин С. Китай: новые тренды развития // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6.
3. Бергер Я. М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1.
4. 穆光宗. 论我国人口生育政策的改革[J]. 华中师范大学学报(人文社会科学版). 2014(01).
5. 王卫琴. 论单独二胎新政策对社会经济发展的影响[J] 财经界(学术版).2015(04).

Россия и АСЕАН — курс на долгосрочное сотрудничество

© Т. В. Норбоева

*студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия,
norboevatv@mail.ru*

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) — бурно растущий, развивающийся макрорегион, кроме того, это значимая для России экономическая и политическая площадка. Сотрудничество с АТР позволяет России противодействовать изоляции, поддерживать статус европейской державы с жизненными интересами в Азии. Устанавливая крепкое сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА), Россия тем самым расширяет свои геополитические возможности, поскольку устанавливает связи как с западом, так и с Востоком. Как правило, Россия поворачивалась на Восток, когда возникали проблемы с Западом. Поворот России на Восток под влиянием ухудшившихся отношений с Западом из-за Украины — последний пример этого рода.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — главный представитель АТР, один из ключевых партнеров России в странах ЮВА. Его с полной уверенностью следует назвать гигантом на международной арене. Это первая организация, политика которой основывается на том, что страны региона должны сосредоточить все свои усилия на модернизации и поступательном развитии. Кроме того, в ее фундаменте лежат идеи региональных лидеров в вопросах экономического развития Дэн Сяопина и Ли Куан Ю, что, вне всяких сомнений, предопределяет успех АСЕАН.

АСЕАН — региональная межправительственная организация создана в 1967 г. Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами, подписавшими Бангкокскую декларацию, однако окончательно организация оформилась в 1976 г. с подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и Декларации согласия. В настоящее время в АСЕАН помимо вышеуказанных стран входят также Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа. В 1997 г. был создан новый формат, так называемый АСЕАН плюс три, куда вошли помимо членов организации Китай, Япония и Южная Корея. В 2007 г. государства-члены АСЕАН подписали Устав, придающий организации статус международного юридического лица. Сегодня АСЕАН объединяет десять государств с населением (на 2014 г.) 6,2 млн чел., объемом ВВП 2,5 трлн долл., объемом ВВП на душу населения 4,000 долл. [6, с. 12]. Объем ВВП АСЕАН в 2014 г. составил почти 15% экономики США. Поскольку ВВП АСЕАН растет в год в среднем на 5%, ВВП государств Европейского союза приблизительно на 2%, предполагается, что к 2020 г. АСЕАН станет пятой мировой экономикой, обогнав Германию и следуя за Индией. Как видим, потенциал для роста у АСЕАН очень высокий.

Для чего необходимо сотрудничество Россия — АСЕАН? В первую очередь сотрудничество объясняется географической близостью Юго-Восточной Азии (ЮВА) и территорий Сибири и Дальнего Востока России. Устанавливая диалог с ЮВА, Россия обеспечивает развитие Дальнего Востока и Сибири. К примеру, на прошедшем ВЭФ–2016 особое внимание было уделено отношениям Республики Корея и Дальнего Востока. Дальневосточный регион с учетом сегодняшней транспортной и инфраструктурной ситуации заинтересован во всестороннем взаимодействии со странами АСЕАН и в целом с государствами АТР, для которых, в свою очередь, этот регион является перспективным направлением для инвестиций. Сибирь, в частности Республика Бурятия, может быть задействована в российско-асеановских отношениях путем использования «байкальского фактора», который включает в себя туризм, санитарно-курортную деятельность и экологически чистое производство.

Вместе с тем сотрудничество с АСЕАН означает увеличение экономического потенциала России. На территории стран ЮВА важную роль играют энергетические проекты (ГЭС, АЭС), транспортные проекты, добыча полезных ископаемых (нефть, газ), военно-техническое сотрудничество [5, с. 21]. Партнерство в указанных областях принесет выгоду обеим сторонам, о развитии в этих сферах указывается и в Комплексном плане действий по развитию сотрудничества РФ и АСЕАН (2016–2020) [2].

Между тем страны АСЕАН заинтересованы в политическом присутствии России как крупной региональной державы для баланса интересов стран ассоциации, стремительно набирающего мощь Китая и США как миро-вой сверхдержавы. Для России тесное сотрудничество со странами АСЕАН создает не только экономические дивиденды, но и усиливает ее политический вес в Азии. Как видим, идея диалогового сотрудничества России и АСЕАН оказывает влияние на стороны исключительно в положительном ключе.

Характеризуя темп развития российско-асеановских отношений, следует их назвать умеренно-развивающимися. И это несмотря на то, что история развития диалогового сотрудничества России и АСЕАН берет свое начало в 1996 г., когда Россия получила статус партнера АСЕАН в рамках регионального диалога в ходе совещания министров иностранных дел. За двадцать лет диалогового партнерства, и особенно за десять лет отношений на уровне саммитов с участием глав государств и правительств, взаимный интерес АСЕАН и России, несомненно, возрос. В его основе лежат отказ обеих сторон встраиваться в «западный мир» и их на-правленность на достижение экономической самодостаточности на основе развития крупных проектов. В со-временных условиях Россия и АСЕАН все больше укрепляются в приверженности нормам международного общения, в основе которых — равенство, уважение государственного суверенитета и недопустимость давления одних стран на другие.

Российско-асеановским отношениям уже 20 лет, но, как отмечает Г. М. Локшин, это фактически 20 лет топтания на месте в развитии связей со странами ЮВА вместе и поодиночке [1, с. 13]. Конечно, за этот период не удалось построить такого отношения к России, при котором она воспринималась бы как ведущий, основной партнер. Однако не стоит забывать, что изначально стороны не стремились к такому результату. Ведь установление диалога предполагает построение взаимовыгодных отношений на основе уважения суверенитета каждой стороны.

Тем не менее российско-асеановские отношения вполне могли развиваться в более активном темпе. На данный момент наблюдаем, что товарооборот России в АСЕАН по итогам 2015 г. составил 13,7 млрд долларов, а объем взаимных капиталовложений — 11 млрд долларов. Однако даже такие показатели, по мнению лидеров России и стран АСЕАН, не соответствуют потенциалу стран-участниц диалогового партнерства. Есть к чему стремиться, есть что развивать и улучшать.

Говоря о преградах на пути к укреплению диалоговых отношений России и АСЕАН, отметим, что в первую очередь это разница в экономическом развитии. Россия не может похвастать таким большим экономическим потенциалом, как Китай, Республика Корея и США. Доля товарооборота России в АСЕАН на 2015 г. составляет лишь 0,6%, в то время как у США этот показатель достигает 9,4%, Китай — 15,2%, Республика Корея — 5,4% [4, с. 1]. Такая низкая доля товарооборота не повысится за несколько лет, поэтому необходимо прибегнуть к дополнительным усиливающим мерам. К примеру, создание экономического партнерства стран ЕАЭС, ШОС и АСЕАН — инициатива, предложенная В. В. Путиным в послании Федеральному Собранию в 2015 г. Данное предложение уже составляет один из пунктов комплексного развития российско-асеановских отношений [1, с. 13].

Помимо экономических барьеров, в науке зачастую уделяется особое внимание вопросу отсутствия стратегии взаимоотношений как таковой. Притом стратегию понимают как документ, в котором изложена вся последовательность действий. Как отмечает В. В. Сумский, «стратегия, прежде всего — это, конечно, не бумага, а это политическая и экономическая практика. Это дела, которые часто бывают по-настоящему значимее слов, и они последовательность дел» [1, с. 8]. Стратегию в отношениях сторон можно усмотреть в их обоюдном желании войти в качестве полноправного участника в многополярный мир, когда он в полной мере консолидируется. Достижение данной цели обеспечивается путем непосредственной поддержки странами друг друга в форме диалогового сотрудничества.

Кроме того, хотелось бы заострить внимание на необходимости конкретного определения российских государственных интересов в АТР, которые бы однозначно ориентировали на то, что именно необходимо России для модернизации и успешного инновационного развития районов Сибири и Дальнего Востока, в чем мы заинтересованы и что представляется реально достижимым в сложившихся условиях. «Прочно стоять на двух но-гах» — на Западе и на Востоке — безальтернативная для России политика, обусловленная историей и уникаль-ным геополитическим положением страны [4, с. 13]. Однако присутствие в жизнедеятельности двух полюсов должно сопровождаться какими-либо активными действиями, свидетельствующими о заинтересованности Рос-сии в сотрудничестве.

Анализируя российско-асеановские отношения, наблюдаем, что выгоду от сотрудничества приобретает больше Россия, но шагов к непосредственному установлению сотрудничества с российской стороны не пред-принимается. Главным образом, АСЕАН отведена роль «движка» взаимоотношений (АСЕАН поддерживает усиление роли России в АТР и помогает ей в развитии экономики российского Дальнего Востока, АСЕАН открыла центр АСЕАН при МГИМО и пр.). Из этого вытекает логически обоснованный вывод о необходимости принятия таких мер, которые совершенно точно будут говорить о заинтересованности России в сотрудничестве с АСЕАН. На сегодняшний день о таких шагах с российской стороны говорить не приходится. Полагаем, что причина кроется в том, что при всей возможной полезности участия в международных структурах России нужны собственные региональные и трансрегиональные интеграционные проекты, которые функционировали бы с учетом ее национальных интересов и экономических приоритетов. Поскольку Россия, будучи евразийской державой, не может разворачиваться только в одну сторону. Отражением именно этого осознания является пред-ложение о тройственном сотрудничестве ЕАЭС, ШОС, АСЕАН [3, с. 7].

Литература

1. Интересы России в АТР и перспективы отношений Россия-АСЕАН: материалы науч. межинститутской конф. (13 апреля 2016 г.) / ИВ РАН. М., 2016. 86 с.
2. Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-asean20.ru/load/194249/> (дата обращения: 29.04.2017).
3. Поворот России на Восток — измерение АСЕАН: результаты, проблемы, перспективы : стенограмма заседания Международного клуба Триалог, 6 июля 2016 г. М., 2016. 18 с.
4. ASEAN Statistics: ASEAN trade by selected partner country/region [Электронный ресурс]. URL: http://asean.org/storage/2016/11/Table19_as-of-6-dec-2016.pdf (дата обращения: 29.04. 2017).
5. Mihoko K., Vassilieva A. Russia's «Multilateral Diplomacy in the Process of Asia-Pacific Regional Integration: The Significance of ASEAN for Russia». Sapporo, 2007. 27 с.
6. 한 눈에 보는. 아세안경제공동체 [Электронный ресурс]. URL: <http://asean.mofa.go.kr/korean/as/asean/main/res/aec.pdf> (дата обращения: 29.04. 2017)

Правовое обеспечение использования беспилотных летательных аппаратов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© Ю. В. Помогалова

*доцент кафедры гражданского и трудового права
ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИИ России»,
канд. юр. наук, доцент
г. Воронеж, Россия
yrotogalova@yandex.ru*

© Л. Е. Прихожая

*студентка 5-го курса
ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИИ России»,
г. Воронеж, Россия,
ludka26rus@mail.ru*

В настоящее время беспилотные летательные аппараты (БПЛА) активно используются вооруженными силами и силовыми структурами различных стран мира, в том числе и России.

Первостепенной задачей применения БПЛА самолетного типа строения в армии России является разведка, направленная на получение и обработку данных о противнике, его вооружении, а также на выяснение его уязвимых мест. Сейчас на вооружении армии активно используется многоцелевой аппарат «Дозор-600», предназначенный для разведки и наблюдения в прифронтовой зоне. Отдельную группу составляют дроны-камикадзе, которые ведут радиоэлектронную борьбу с противником, служат в качестве ретранслятора радиосигнала и дают целеуказания артиллерии. Также их используют и в качестве воздушных мишеней [8].

МЧС России активно применяются БПЛА вертолетного типа строения, которые используются для мониторинга крупномасштабных чрезвычайных ситуаций, их ликвидации и устранения вызванных ими отрицательных последствий. Так, для отображения максимально наглядной картины паводковой обстановки в Приморском крае аэромобильными группировками, работающими на территории подтопленных населенных пунктов, круглосуточно осуществляется мониторинг обстановки с помощью беспилотных воздушных судов. С помощью БПЛА удастся вовремя оценить опасные места и предотвратить прорыв дамб, где возникает угроза перелива воды в непосредственной близости от жилых домов и автомобильных дорог [4].

Для повышения эффективности оперативной работы во время чрезвычайных ситуаций в Главное управление МЧС России по городу Севастополю в 2016 г. поставлены на боевые дежурства два новых беспилотных летательных аппарата «DJI Phantom 3», которые выполняют задачи по мониторингу лесопожарной обстановки и разведке труднодоступной территории во время чрезвычайных ситуаций, а также осуществляют поиск и обнаружение потерявшихся в горно-лесистой местности туристов, что особенно актуально для этого региона [4]. Помимо этого, особый интерес представляет собой проведение радиационной и химической разведки в условиях, опасных для человека и в то же время требующих охвата значительной площади в сжатые сроки [12, с. 50].

ФСИН России также начинает внедрение мультикоптеров в своей деятельности. Например, в УФСИН России по Амурской области в 2015 г. при проведении тактико-специальных учений были использованы беспилотные летательные аппараты УМВД России по Амурской области, которые осуществляли разведку и наблюдение за местностью. В результате оперативно-разыскных мероприятий личный состав блокировал территорию местонахождения вооруженных преступников и после обнаружения преступников, укрывшихся в здании в районе села Кантон-Коммуна, была проведена специальная операция по захвату беглецов, которую выполнили сотрудники отдела специального назначения «Восток» УФСИН и СОБР УМВД России по Амурской области [12, с. 50].

В 2016 г. ГУФСИН России по Красноярскому краю взяло на вооружение беспилотный летательный аппарат вертикального взлета и посадки малой дальности Supercam X6 («Серафим»), который может выполнять полет в

автоматическом режиме по заранее спланированному маршруту с возможностью корректировки полетного задания. Помимо этого, оператор имеет возможность управлять аппаратом с джойстика. Система автоматического управления (автопилот) с навигационной системой (GPS/ГЛОНАСС) на борту позволяет исключить «человеческий фактор» и значительно повысить надежность всей системы. Данный беспилотный аппарат применяется для оценки обстановки с высоты птичьего полета при проведении масштабных учений, топографической съемки учреждений ГУФСИН с последующим составлением точных схем, а также при проведении мероприятий по розыску преступников.

БПЛА применяются не только силовыми ведомствами, сегодня их используют для аэрофотосъемки, патрулирования, геодезических изысканий, мониторинга различных объектов и даже для доставки покупок на дом.

К тому же с помощью беспилотников возможно осуществить передачу запрещенных предметов осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Так, 8 марта 2017 г. возле ФКУ ИК строгого режима № 9 УФСИН России по Курской области был задержан 26-летний гражданин, который пытался переправить осужденным запрещенные предметы с помощью миниатюрного беспилотного летательного аппарата. Офицерами дежурной смены нарушитель был задержан, у него изъяли беспилотный аппарат и «посылку» с 6 мобильными телефонами и 63 sim-картами [2]. И это не единственный случай. Чаще всего пытаются доставить осужденным в исправительные учреждения телефоны, наркотические средства, деньги, алкоголь, sim-карты, зарядные устройства.

Также БПЛА способны создать угрозу самолетам, находясь в опасной близости от аэропорта, или помешать работе пожарных служб, потеря управления БПЛА может привести к причинению вреда здоровью окружающим. Беспилотники могут быть использованы в террористических целях, что может привести к катастрофическим последствиям.

В России с 30 марта 2016 г. беспилотные летательные аппараты любительского класса (дроны, квадрокоптеры, мультикоптеры) согласно ст. 32 Воздушного кодекса РФ [3] признаны воздушными судами. С 5 июля 2017 г. БПЛА с максимальной взлетной массой от 0,25 до 30 килограммов, ввезенные в Российскую Федерацию или произведенные в Российской Федерации, будут подлежать учету в порядке, установленном Правительством РФ [10]. Минтранс уже разработал проект положения об учете БПЛА.

Статьей 66 ВК РФ предусмотрены общие правила допуска к полету воздушных судов, которые должны иметь государственный и регистрационный или учетный опознавательные знаки, прошедших необходимую подготовку и имеющих на борту соответствующую документацию. ФГУП «ЗащитаИнфоГранс» уже разработало методику идентификации малых беспилотников с помощью RFID-метки, с которой можно будет считать информацию об аппарате и его владельце с расстояния до трехсот метров.

Регистрация полетов квадрокоптеров весом до 30 кг стала необязательной. Однако для беспилотников, независимо от их веса, действует запрет на использование в местах большого скопления людей, аэропортах, вокзалах, рядом с крупными объектами инфраструктуры и других запретных зон. Так, в г. Челябинск 17 апреля 2016 г. на проходившем городском митинге в воздушное пространство в целях фото-, видеофиксации мероприятия был запущен квадрокоптер. Документов на запуск аппарата у запустившего не было. Владелец квадрокоптера допустил правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 11.4 КоАП РФ (нарушение правил использования воздушного пространства), в результате был оштрафован на сумму в 3000 рублей [11].

Определенные правила регистрации и проведения полетов беспилотников имеются во многих странах, чей положительный опыт может быть воспринят российским законодателем.

Весной 2015 г. в Объединенных Арабских Эмиратах стали действовать нормы нового закона о дронах, в соответствии с которыми запрещено производить полеты в радиусе 5 км от аэропортов и вертолетных площадок, разрешаются полеты только в зоне прямой видимости (без применения биноклей и т. п.), в дневное время и при хорошей погоде, не приближаясь к зданиям и объектам частной собственности, а также к людям. Без какой-либо лицензии и разрешения от Управления гражданской авиации могут летать лишь некоммерческие дроны.

В Таиланде с апреля 2016 г. разрешает пилотировать дроны без лицензии, если их вес не более 2 кг, а коптер используется для личных целей. Относительно безопасности полетов установлено, что необходимо всегда видеть дрон и пилотировать его только днем. Высота полета не должна превышать 90 м. Нельзя пилотировать БПЛА рядом с другими дронами, нельзя посягать на частную жизнь, а также нельзя приближаться менее чем на 30 м к людям, транспорту и зданиям.

В Сингапуре разрешение требуется владельцам тех дронов, чей вес больше 7 кг. Неважно, для чего используется БПЛА, в любом случае следует получать разрешение на полет и съемки. Для коммерческого использования дрона потребуются получать разрешение в любом случае, какой бы вес аппарата ни был. Существуют ряд правил и ограничений, если БПЛА будет летать в различных специальных зонах или вблизи стратегических объектов, например, без разрешения можно летать не выше 60 м, а аэрофотосъемка требует разрешения.

В Камбодже с апреля 2015 г. были введены ограничения на использование БПЛА из-за ряда несчастных случаев. Теперь, например, в столице страны Пномпене дрон можно запускать только, если заранее получено разрешение мэрии. На открытых пространствах БПЛА можно пилотировать без каких-либо ограничений.

В Филиппинах все вопросы БПЛА регулируются Управлением гражданской авиации страны. От всех владельцев дронов требуют регистрировать свои аппараты в УАА и иметь сертификат по пилотированию, который выдается только после обучения. Перед запуском коптера необходимо сделать заявку и указать цели полета [7].

В Китае беспилотники применяются практически повсеместно: как для решения простых задач муниципального уровня, так и проблем государственного масштаба. После случившегося в 2014 г. на юго-западе Китая

землетрясения только использование дронов позволило провести поисково-спасательную операцию и затем оценить масштабы ущерба. Управление гражданской авиации Китая в 2016 г. установило правила применения дронов, которые теперь разделены на семь типов в зависимости от технических характеристик, в том числе веса, и функций. Соответственно, установлены разные правила движения для разных типов летательных аппаратов.

Сегодня более 300 полицейских дронов используется в 25 провинциях Китая для патрулирования труднодоступных районов, где расположены лаборатории по производству наркотиков. Часть государственных границ контролируется дронами, а на военное использование беспилотников китайские власти возлагают большие надежды. И, наконец, беспилотные летательные аппараты применяются для мониторинга состояния нефтепроводов [1].

В Японии полеты беспилотных аппаратов строго ограничены законом по авиации в густонаселенных районах. Между тем Япония готовится в 2020 г. предложить единые международные стандарты для использования дистанционно управляемых летательных аппаратов, разрабатывая систему управления ими с помощью сенсоров высоты и GPS-навигации, чтобы избежать столкновения в воздухе летательных аппаратов [9].

Наиболее крупный «отряд дронов» принят на службу в штате Пенджаб, расположенном на северо-западе Индии. 50 беспилотников будут распределены по наиболее проблемным точкам этого региона. Их планируется использовать во всех сферах, связанных с безопасностью: от сопровождения высокопоставленных чиновников до обнаружения террористов; от контроля во время проведения массовых акций до наблюдения за трафиком на дорогах [6]. Не вызывает сомнений дальнейшее исследование правового обеспечения использования БПЛА в России и странах АТР.

Литература

1. Беспилотники становятся основой роста китайской экономики [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8/416119/biespilotniki_stanoviatsia_osnovoi_rosta_kitaiskoi_ekonomiki (дата обращения 07.04.2017).

2. В курскую колонию хотели запустить беспилотник с мобильниками [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dddkursk.ru/number/1170/new/012065> (дата обращения: 07.04.2017).

3. Воздушный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 19.03.1997 г. № 60-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 291-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

4. Новости МЧС России. Официальный сайт МЧС России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/32892713> (дата обращения: 09.04.2017).

5. Новости УФСИН России по Амурской области. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: http://www.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID_207324&sphrase_id=980579 (дата обращения: 09.04.2017).

6. Отряды полицейских дронов будут следить за порядком [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nat-geo.ru/science/470381-za-poryadkom-budut-sledit-politseyskie-drony> (дата обращения: 07.04.2017).

7. Правила ввоза и пилотирования коптеров в различных странах [Электронный ресурс]. URL: http://4vision.ru/national_rules (дата обращения: 07.04.2017).

8. Российские и зарубежные беспилотники (БПЛА) [Электронный ресурс]. URL: <http://divannievoiska.ru/weapons/72-rossiyskie-i-zarubezhnye-bespilotniki-bpla.html> (дата обращения: 09.04.2017).

9. СМИ: Япония планирует предложить единые международные стандарты для дронов [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/technology/20170226/1488750642.html> (дата обращения: 07.04.2017).

10. О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 03.07.2016 г. № 291-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (Ч. 1). Ст. 4224.

11. Челябинец оштрафован за нелегальное использование квадрокоптера [Электронный ресурс]. URL: https://dostup1.ru/society/Chelyabincet-oshtrafovan-za-nelegalnoe-ispolzovanie-kvadrokoptera_86939.html (дата обращения: 07.04.2017).

12. Янников И. М. Применение беспилотных летательных аппаратов при разведке труднодоступных и масштабных зон чрезвычайных ситуаций // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3(21).

Сравнительный анализ экологического права на примере Великих озер (США и Канада) и Байкала (Россия)

© А. В. Цыденов

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»,
г. Улан-Удэ, Россия
ayurtsydenov@gmail.com

В статье нами предпринята попытка подвергнуть эколого-правовому сравнительному анализу Постановление Правительства РФ «Об утверждении границ водоохранной и рыбоохранной зон озера Байкал» [3, с. 1].

Одной из особенностей озера Байкал является то, что оно находится под юрисдикцией трех правовых режимов, регулируемых различными нормативно-правовыми актами.

1. «Водоохранная зона Байкал, границы которой установлены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2015. № 368-р — Водным кодексом РФ (статья 65)» [1, с. 1].

2. Центральная экологическая зона Байкальской природной территории (ЦЭЗ БПТ), границы которой установлены Распоряжением Правительства РФ от 27.11.2006. № 1641-р «о границах Байкальской природной территории», Федеральным законом от 01.05.1991. № 94-ФЗ «Об охране Байкала», Постановлением Правительства Российской Федерации 30.08.2001. № 643 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенной в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» [4, с. 1].

3. «Участок всемирного природного наследия ЮНЕСКО» — Земельный кодекс РФ (статья 27) [2, с. 1].

Границы практически всех территорий совпадают между собой, кроме Участка всемирного природного наследия «озеро Байкал», который не включает в себя города Северобайкальск и Бабушкино. Охране озера отводится высокий государственный приоритет, однако многие законопроекты принимаются без должной на то подготовки, на наш взгляд, в постановлении «Об утверждении границ водоохранной и рыбоохранной зон озера Байкал».

Проводя анализ данного правового акта, мы можем сделать следующий вывод: законопроект был принят без учета интересов местного населения и других субъектов, проживающих на прибрежных участках озера, что говорит нам об обширности участников эколого-правовых отношений на Байкале и прибрежных территориях. К примеру, указанный выше законопроект активно лоббировался международной организацией «Greenpeace», члены которой считают собственной победой принятие экологического правового акта.

Однако в силу некоторых обстоятельств представители Greenpeace отдают приоритет сохранению природы, а не благополучию местных жителей. Федеральные власти также согласны с идеей об усилении экологического контроля, однако такой подход создает общественное напряжение. В попытках защитить озеро правительство РФ создало чрезмерно ограниченные условия для проживания собственных граждан. Такой подход недопустим, к тому же ведет к противоречию с региональными властями.

Тем не менее его внедрение и необходимость не вызывают сомнений. Проблема в том, что законопроект был принят слишком поспешно без должной обработки и научной подготовки. Уровень антропогенного влияния, оказываемого на озеро Байкал, за последние годы существенно вырос. Однако практический результат законотворчества вызывает сомнения. Во многом он отстает от объективной реальности, возможной альтернативой могло бы служить создание оперативного органа, который целенаправленно занимался бы проблемами озера и координировал природоохранный механизм. Подобный игрок на эколого-правовом поле внес бы ясность в нынешнюю ситуацию и стал бы арбитром при разрешении проблем.

Для того чтобы понять лучший вариант разрешения проблемы, проведем сравнительный анализ с другими природными объектами, имеющими наиболее схожее экологическое, географическое и этническое положение.

Основным примером, который мы можем взять на вооружение, можно считать опыт Великих озер. Для проведения компаративного анализа данный природный объект подходит по всем параметрам. Экологические проблемы эвтрофикации или загрязнения воды имели место быть в Великих озерах.

«Процессы, которые развиваются сейчас на Байкале, поразительно похожи на те, что происходили в период между 1950 и 1970 гг. на Великих озерах в США. Точно так же эти изменения могут существенно повлиять на экономическую деятельность и здоровье людей, живущих неподалеку. Учитывая многообразие мнений вокруг причин и возможных последствий этих изменений, делать прогнозы пока рано. Деграция прибрежной зоны некоторых участков озера может быть вызвана как колебаниями уровня озера, так и поступлением токсичных промышленных веществ или глобальным потеплением. В любом случае, какими бы ни были причины, с загрязнением Байкала нужно справиться как можно скорее. Опыт Великих озер показывает, что минимизировать последствия эвтрофикации (процесс ухудшения качества воды из-за избыточного поступления в водоем так называемых «биогенных элементов» — Открытая Россия) можно, выстроив многочисленные очистные сооружения. Также необходим строгий контроль биогенной нагрузки на озеро, что невозможно без принятия соответствующей программы постоянного мониторинга прибрежной зоны» [7, с. 5]. Также вместе с этим следует выделить, что данный объект вмещает в себя 18% мирового запасов пресной воды.

Тем не менее Великие озера являются трансграничными объектами и требуют двухстороннего взаимодействия, что также имеет аналогию с озером Байкал и нуждается в согласовании с монгольской стороной. Для получения практического результата эколого-правовой характеристики природного объекта следует обратиться

к зарубежному опыту решения проблем. Стоит проанализировать правовую составляющую, регулирующую охрану озера.

Главной правовой базой для сотрудничества по водным вопросам является рамочный Договор между США и Канадой о пограничных водах 1909 г., а основной структурой — американско-канадская Международная объединенная комиссия (МОК) по пограничным водам. МОК состоит из представителей Канады и США, имеет полномочия оценивать количественное и качественное состояние водосборов вдоль международной границы. Так, в другом Договоре (1944) зафиксировано, что «пограничные воды — бесценный ресурс, принадлежащий народам Канады и США», и что правительства обеих стран «несут ответственность за управление этими ресурсами и обеспечение безопасного и обильного снабжения чистой водой» [6, с. 4].

Данная комиссия является неправительственной организацией. Она неподотчетна собственному государству, не несет перед правительством никаких обязательств и полностью свободна в собственных решениях. Ключевым способом решения проблем этой организации служит построение консенсуса. Согласно VII статье договора МОК состоит из шести человек. По три из каждой державы на паритетной основе. «Статья XII Договора обязывает членов Комиссии беспристрастно выполнять свои обязанности. Независимость членов Комиссии подтверждается также иммунитетом Комиссии против судебных процессов в обеих странах. Фактически члены Комиссии могут быть лишены своих полномочий только Соглашением между двумя странами.

Комиссия функционирует как коллегиальный орган в интересах обеих стран» [6, с. 4].

Главное преимущество МОК — это то, что она не является органом для переговоров между правительствами держав. Комиссия действует исходя из принципов пользы для экологического и экономического положения озер, то есть исходя из баланса производства и очищения на прибрежных территориях, не уходя из одной крайности в другую, и стоит выше национальных интересов.

Паритет членов гарантирует равноправие двух сторон, постоянная работа Комиссии дает возможность решить проблемы в случае судебного разбирательства без политического давления. Двухсторонний мандат Комиссии является залогом решения спорных вопросов, учитывая интересы обеих сторон и без привлечения третьей силы.

Главная задача Комиссии заключается в предотвращении и регулировании споров между США и Канадой. Для выполнения данных целей, Комиссия обязуется исполнять три главные функции:

1. Псевдосудебная функция.

В полномочия МОК входит управление на заявки новых пользований, заборов или ограждений в одной стране, которые потенциально могут изменить естественный уровень вод или объема стока в другой державе. Для достижения согласия Комиссия создает совет по рассматриваемой проблеме или вопросу.

2. Консультативная функция.

Комиссия обладает правом на управление заявками на постройку любых сооружений, заграждений на водных руслах и плотин, если данные проекты поднимают естественный уровень воды в той или иной стране. Как и в первом случае для разрешения проблемы МОК собирает совет.

Решения Комиссии по первым двум вопросам не обсуждаются и обязательны к исполнению.

3. Арбитражная функция.

В обязанности Комиссии входят рассмотрение спорных вопросов, которые передаются Канадой и США. Согласие Сената США необходимо учитывать до того, как правительство начнет обязательный арбитражный процесс. Однако за столетнюю практику не было передано ни одного дела Комиссии по проблемным вопросам.

Основным правовым базисом при работе Комиссии служит договор 1909 г. между Канадой и США. Так при выдаче разрешения на постройку плотин или других заградительных сооружений МОК руководствуется принципами, заложенными в договоре.

Интересен тот факт, что для согласования решения, которое принимает Комиссия, необходимо согласие 4 членов. Это подчеркивает тот факт, что один из представителей державы согласен с решением. Но в целом все решения — это результат консенсуса. На протяжении 100-летней работы мнения членов Комиссии разделялись по национальной черте лишь в двух случаях из 117, однако и итогом всегда становилось согласие.

Еще одна особенность Комиссии в совместном расследовании. По консультативным и псевдосудебным вопросам Комиссия организует советы консультирования, в которую входят из одинокого числа члены от каждого государства. При этом они представляют федеральные, региональные интересы и мнение частного сектора.

В данных условиях существует негласное правило — член Совета опирается на собственные профессиональные и личные качества и не руководствуется интересами своей организации или правительства. Совет и Комиссия стремятся к консенсусу. Представленный метод разрешения спорных вопросов межгосударственных отношений без сомнения показывает положительный результат.

Совместное расследование — это ключевой фактор в нахождении консенсуса как для государств, так и для обществ. К тому же некоторые положения Договора обязывают Комиссию давать возможность быть услышанным всем сторонам разбирательства. Для этого Комиссия проводит общественные слушания и всячески поддерживает и приглашает в участие муниципальные, региональные и государственные административные органы.

Вывод эколого-правовой характеристики сводится к следующим фактам. Некоторые законодательные инициативы не совсем состоятельны и несут в большей мере негативный характер для проживающих рядом с озером людей. Для эффективной правовой и экологической политики следует активно использовать опыт других держав.

Во многих вопросах сталкиваются интересы региональных и федеральных властей, а также местных жителей. Помимо этого в вопросах, связанных с озером Байкал, немаловажную роль играют международные природоохранные организации (ЮНЕСКО, Greenpeace). Широкое поле участников формирует активные столкновения, ведущие к разногласиям, но не решению проблем или же игнорированию интересов других.

Сегодня день главная угроза для озера — это загрязнение его вод. Правительство приняло ряд законодательных актов для устранения этой проблемы, однако исправляя одну угрозу, она породила множество других. Возможной альтернативой лучшему решению неразрешимых на данный момент вопросов будет создание аналогичной МОК организации.

В случае успешной адаптации зарубежного опыта для российской действительности вполне возможно добиться улучшения экологического состояния озера Байкал. В данный проект для учета интереса всех сторон стоит привлечь представителей не только федеральных, но и региональных властей, также включить в состав членов муниципальных учреждений и экологических организаций. Вместе с тем возможно и привлечение представителей международных организаций и монгольской стороны. Огромное число субъектов приводит к столкновениям, а создание подобного органа может свести к минимуму конфликты и недопонимание, а также поможет в разрешении проблем и достижении консенсуса.

Литература

1. Водный кодекс Российской Федерации от 3.06.2006. № 74-ФЗ (ред. от 31.10.2016) ВК РФ, Ст. 65. Водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001. № 136-ФЗ (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.01.2017) ЗК РФ. Ст. 27. Ограничения оборотоспособности земельных участков.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5.03.2015. № 368-р.
4. Постановление Правительства РФ от 30.08.2001. № 643 (ред. от 2.03.2015) «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории».
5. Материалы из интервью с С. Г. Шапхаевым.
6. URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/5_1.htm (дата обращения: 17.05.2017).
7. Timoshkin O. A., Samsonov D. P., Yamamuro M. Rapid ecological change in the coastal zone of Lake Baikal (East Siberia): Is the site of the world's greatest freshwater biodiversity in danger?

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) физических лиц в России и Канаде

© Ю. А. Баннова

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

В.А.5@yandex.ru

В России вот уже почти два года действуют поправки к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», касающиеся введения процедуры банкротства для физических лиц.

За этот недолгий период институт несостоятельности граждан еще не успел устояться в российской правовой системе, а потому по-прежнему вызывает множество вопросов и требует значительных дополнений. В связи с этим считаем необходимым обратить внимание на страны, где данный институт существует уже довольно давно, в частности на Канаду, поскольку канадская модель является наиболее интересной и подходящей для российской правовой системы.

В Канаде в настоящее время основным законодательным актом, применяемым в отношении банкротства как юридических, так и физических лиц, является закон «О банкротстве и неплатежеспособности» [3], принятый в 1919 г. Положения, касающиеся потребительского банкротства, были внесены в него в 1992 г. Таким образом, практика по делам о несостоятельности физических лиц в Канаде сложилась достаточно обширная. Из 100 тысяч дел о банкротстве 80% занимают дела о банкротстве граждан-потребителей.

Личное банкротство предоставляет шанс честному, но неудачливому человеку избавиться от своих долгов или значительно сократить их. Банкротство может стать результатом как стечения тяжелых жизненных обстоятельств: потери работы, значительного сокращения доходов, так и не способности гражданина правильно сопоставить свои возможности и потребности. Иногда в число банкротов попадают игроки, неплательщики налогов или, что является нередкой ситуацией в Канаде, студенты, которые не могут возвратить кредиты, взятые в юности.

Если долги жителя Канады превышают 1000 долл. и нет никакой возможности погасить их в срок, он может подать заявление о собственном банкротстве. Такое заявление может быть подано и его кредиторами. В Канаде предусмотрена возможность семейного банкротства.

При расчете задолженности учитываются все ни к чему не привязанные долги. Обеспеченные долги — моргидж (ипотека), автокредит — в данную сумму не включаются.

В России заявление о признании гражданина банкротом можно подать тогда, когда требования к гражданину составляют не менее пятьсот тысяч рублей и не исполняются им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Инициаторами введения процедуры также могут быть как кредиторы, так и сам должник. Кроме того, гражданин имеет право подать заявление о банкротстве, если имеются обстоятельства, очевидно свидетельствующие о том, что он не сумеет исполнить свои долговые обязательства в установленные сроки, и при этом отвечает признакам неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества. При расчете задолженности учитываются как обеспеченные, так и не обеспеченные долги.

Согласно канадскому закону «О банкротстве и неплатежеспособности» к физическим лицам применяются две процедуры: 1) процедура потребительского банкротства, включающая два типа — упрощенное потребительское банкротство и обычное потребительское банкротство; 2) процедура потребительской реабилитации.

Процедура потребительской реабилитации представляет собой нечто среднее между применяемыми в России процедурами реструктуризации долгов гражданина и мировым соглашением. Прежде всего, она направлена на восстановление платежеспособности должника и предполагает заключение между кредиторами и должником соглашения о погашении долга, предполагающего, что должник в течение установленного сторонами срока погасит часть долга при условии полного прощения задолженности. Должник вправе выходить с предложением о заключении такого соглашения, если его задолженность составляет от 5 000 до 75 000 долларов (не включая обеспеченные долги). Предельный срок для выполнения плана реабилитации законодательством не предусмотрен [5].

Если кредитор не принимает соглашения в течение 45 дней, то начинается общая процедура банкротства. Процедура упрощенного потребительского банкротства возможна, если сумма задолженности физического лица не превышает 75 000 долларов и должник становится банкротом в первый раз. Процедура обычного потре-

бительского банкротства применяется, если совокупность всех долгов потребителя превышает 75 000 долларов и (или) имеет место повторное банкротство.

В России при банкротстве могут применяться такие процедуры, как реструктуризация долга, реализация имущества, мировое соглашение. При признании заявления должника о банкротстве обоснованным суд вводит процедуру реструктуризации и дает время на разработку плана погашения задолженности. План может быть утвержден, если физическое лицо соответствует предусмотренным законом требованиям, а именно — имеет источник дохода, не имеет неснятой или непогашенной судимости за финансовые и экономические преступления, за последние 5 лет не признавался банкротом, не выносил на утверждение план реструктуризации задолженности в течение последних 8 лет [2]. Правом на составление такого плана обладают должник, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган.

Данная процедура предоставляет возможность пересмотреть условия порядка и срока погашения долгов гражданина, позволяя ему постепенно расплатиться с кредиторами, сохранив при этом свое имущество. Срок реализации плана реструктуризации не может превышать трех лет.

Если окажется, что гражданин не соответствует требованиям для утверждения плана реструктуризации его задолженности, арбитражный суд вправе вынести решение о признании его банкротом и перейти к процедуре реализации имущества, то же происходит, если никто не представит соответствующего плана. Если гражданин не выполняет график погашения долгов утвержденного плана, то реструктуризация отменяется, физическое лицо также признается банкротом, вводится реализация имущества.

После введения названной процедуры все имущество гражданина, имеющееся у него на данный момент, включается в конкурсную массу, за исключением имущества, на которое по закону не может быть обращено взыскание, в частности, единственное жилье, если оно не является предметом ипотеки, имущество, необходимое для осуществления профессиональной деятельности, если стоимость такого имущества не превышает 10 000 рублей, предметы обычной домашней обстановки и обихода, одежда, обувь.

По мотивированному ходатайству арбитражный суд имеет право исключить из конкурсной массы имущество, на которое может быть обращено взыскание, но общая стоимость такого имущества не должна превышать 10 000 рублей.

В Канаде стоимость освобождаемого от долгов имущества устанавливается отдельным законом в каждой провинции. Так, например, в Британской Колумбии стоимость имущества составляет 12 000 долларов для недвижимости, 4 000 долларов для предметов обихода, 5 000 для автомобиля, 10 000 для рабочего оборудования, а также одежды и медицинской страховки [4].

Стоимость банкротства в Канаде зависит от семейного положения должника, его дохода и от того, банкротился ли он ранее. Минимальная стоимость процедуры при ее минимальной продолжительности 9 месяцев составляет 1 800 долларов, которые выплачиваются в размере 200 долларов ежемесячно [6].

В России при подаче заявления о признании гражданина банкротом требуется уплатить госпошлину в размере 300 рублей, а также внести на депозит суда денежные средства в размере 25 000 рублей на оплату услуг финансового управляющего, являющегося обязательным участником дел о несостоятельности [2]. Кроме того, суд при принятии заявления к производству требует подтверждения наличия у должника имущества, достаточного для погашения других расходов по делу на сумму не менее 25 000 рублей, либо внесения данной суммы на депозит суда.

Длительность процедуры банкротства в Канаде, если должник банкротится в первый раз и у него отсутствует избыточный доход, составляет 9 месяцев. Если такой доход имеется, то банкротство будет продлено до 21 месяца. Если процедура применяется в отношении должника во второй раз и он не имеет избыточного дохода, то банкротство будет длиться 24 месяца, при его наличии — в течение 36 месяцев [5].

В России длительность банкротства зависит от введенных процедур. Так, реструктуризация долгов гражданина может длиться до трех лет. Процедура реализации имущества вводится сроком на 6 месяцев и может неоднократно продлеваться по ходатайству финансового управляющего. В Канаде во время банкротства гражданин обязан вести отчет о своих ежемесячных доходах и расходах перед управляющим по банкротству с приложением квитанций и чеков, а также посетить два семинара по финансовому планированию. В России после введения процедуры реализации имущества гражданину из его доходов выделяется прожиточный минимум, которым он вправе распоряжаться по своему усмотрению. Мер по обучению должника финансовому планированию у нас не предусмотрено.

Функционирование системы, регулирующей несостоятельность в Канаде, обеспечивается совместными усилиями соответствующего уполномоченного государственного органа, судов, а также частных лицензированных управляющих дел о банкротстве. Особое место здесь занимает официальный ресивер, являющийся одновременно должным лицом суда и Службы суперинтенданта по банкротству, уполномоченного органа государства, в обязанности которого входят управление и контроль ведения всех банкротных дел, а также осуществление контроля над деятельностью трасти. Официальному ресиверу делегированы все права и обязанности Службы суперинтенданта [3].

В случае подачи заявления о банкротстве самим должником и при отсутствии противопоказаний (в частности, возражений со стороны кредиторов), признание должника несостоятельным может осуществляться ресивером во внесудебном порядке. Именно в таком порядке осуществляется более 80% всех банкротств в Канаде [1].

Ключевую роль в рамках процедур несостоятельности должника играет лицензированный суперинтендантом по банкротству трасти — аналог российского финансового управляющего.

В его обязанности входит председательствование на собраниях кредиторов, осуществление действий по выявлению имущества должника, проверка законности заключенных должником сделок. Он принимает в свое распоряжение все дела и документы, все активы банкрота, обеспечивает их сохранность, организует продажу активов, распределяет средства, полученные вследствие продажи собственности должника, между кредиторами с целью погашения имеющихся задолженностей.

В Канаде, как и в России, нет специальных судов для слушания дел о банкротстве, рассмотрение дел входит в обязанности регистрара, представляющего собой должностное лицо суда, низшее по статусу по сравнению с судьями, но принимающее от имени суда практически все решения по делам о банкротстве. Полномочия регистрара в любой момент могут быть исполнены судьей [1].

В России ведение всех дел о несостоятельности входит в обязанности арбитражных судов. Центральной фигурой при банкротстве, подобно канадскому трасти, является финансовый управляющий. В его основные обязанности входит выявление имущества должника и обеспечение его сохранности, проведение финансового анализа состояния гражданина-должника, выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, а также ведение реестра кредиторов и проведение собрания кредиторов, рассмотрение отчетов гражданина об исполнении им утвержденного плана реструктуризации и составление заключения о доходах его исполнения, опубликование сведений о банкротстве гражданина.

В Канаде сведения о банкротстве хранятся в кредитной истории гражданина в течение шести лет с момента признания, ограничивая тем самым возможности новых займов. В случае повторного банкротства данный срок увеличивается до четырнадцати лет. В течение данного срока должник обязан сообщать сведения о своем банкротстве при займе более чем в 1 000 долларов [5].

В России к последствиям признания гражданина банкротом относится то, что в течение пяти лет данный гражданин не имеет право без указания на факт своего банкротства принимать на себя долговые обязательства. В случае вторичного признания гражданина несостоятельным в указанный период правило об освобождении его от обязательств не применяется.

Кроме этого, в трехлетний период с момента признания гражданина банкротом он не вправе занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в его управлении [2].

Проанализировав правовое регулирование несостоятельности (банкротства) физических лиц в России и Канаде, мы пришли к выводу о том, что в Канаде в силу давности существования и активного применения данный институт является более развитым и продуманным. В России же по данному вопросу только начала выработываться правоприменительная практика, в ходе которой и стали проявляться недостатки и пробелы законодательства. Однако, выявляя недочеты на практике, а также изучая опыт зарубежных стран, законодатели имеют возможность постепенно все учесть и разработать соответствующие законодательные изменения и нововведения.

Из опыта Канады нам необходимо обратить внимание на введение наряду с общей процедурой банкротства для граждан упрощенной процедуры, что позволит значительно сократить процедурные расходы и сделает банкротство более доступным, а кроме того, сократит время рассмотрения данных дел.

Разработать систему органов по типу Службы суперинтенданта по банкротству, в функции которых входило бы проведение государственной политики по предупреждению несостоятельности граждан, производство исследований в области причин образования их просроченных долгов, сбор данных для совершенствования законодательства о потребительском банкротстве, обеспечение условий реализации процедур банкротства, а также возможность внесудебного урегулирования банкротных дел, что снизило бы нагрузку арбитражных судов и тоже уменьшило бы судебные издержки.

Необходимым является и введение для должников курсов подобно канадским семинарам финансового планирования, которые бы позволили повысить экономическую грамотность должника, способствовали бы его быстрому восстановлению после банкротства и уменьшили бы вероятность повторного банкротства. Предоставить возможность исключать ипотечные долги из банкротства, в случае, если предметом ипотеки является единственное жилье гражданина. Предусмотреть возможность семейного банкротства, поскольку в настоящее время при подаче супругами заявлений о несостоятельности судом возбуждаются отдельные производства в отношении каждого из них, что не всегда целесообразно, т. к. зачастую их имущество, а иногда и долги являются общими.

Литература

1. Государственное регулирование процессов банкротства в Канаде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawyers.ru/antikrizis28.html> (дата обращения: 12.03.2017).
2. О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017): федер. закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 18.06.2017) // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190.
3. Bankruptcy and Insolvency Act [Электронный ресурс]. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/B-3/> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
4. Canadian Bankruptcy Overview [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptcycanada.com/bankruptcy-overview/> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
5. Personal Bankruptcy in Canada [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptcycanada.com/bankruptcy/personal-bankruptcy/> (дата обращения: 10.03.2017).
6. What is the Bankruptcy Cost in Canada [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptcycanada.com/bankruptcy-cost-canada/> (дата обращения: 11.03.2017).

К вопросу о порядке наследования по закону в Китае

Гао Янэн
магистрант Китайского
политико-юридического университета
Китая (г. Пекин)

Во всех странах институт наследования является одним из самых важных институтов гражданского права. В той или иной степени институт наследования затрагивает интересы почти каждого человека, поэтому его значение трудно переоценить и его исследование имеет прикладное значение. В статье рассмотрим анализ порядка наследования по закону в Китае.

15 марта 2017 г. в ходе Пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва впервые были приняты общие положения Гражданского кодекса Китайской Народной Республики. Наследственное право Китая представляет собой обособленную отрасль права. Закон Китайской Народной Республики «О наследовании» состоит из 5 глав, включающих 37 статей. В первой главе «Общие положения» содержатся основания возникновения наследования, содержание наследства, наследство личных доходов, полученные по договорам индивидуального подряда, право наследования недееспособных и дееспособных, срок для возбуждения в суде споров о праве наследования и условия, при которых лицо утрачивает право на наследование. Вторая глава «Наследование по закону» посвящена порядку наследования. Третья глава «Наследование по завещанию и завещательный дар» устанавливает вид завещания, лица, которые не могут являться свидетелями при составлении завещания, юридическая сила завещания недееспособных и дееспособных и так далее. Четвертая глава «Распоряжение наследством» разрешает проблемы охраны наследства, раздел наследства, нажитого мужем и женой во время брака и находящегося в их совместной собственности, принцип раздел наследства, доля еще не родившегося ребенка при разделе наследства и так далее.

Вторая глава «Наследование по закону» закона КНР «О наследовании» детализирует порядок наследования по закону в Китае. В соответствии со ст. 10 закона КНР «О наследовании» наследство принимается в следующем порядке:

в первую очередь — супруг, дети, родители;

во вторую очередь — братья и сестры, дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери [2].

После открытия наследства к наследованию призываются наследники первой очереди; наследники второй очереди к наследованию не призываются. В случае отсутствия наследников первой очереди к наследованию призываются наследники второй очереди.

К детям, указанным в законе КНР «О наследовании», относятся дети, рожденные в браке, внебрачные дети, приемные дети, а также находящиеся на иждивении пасынки и падчерицы. К родителям относятся родные отец и мать, приемные родители, находящиеся на иждивении отчим и мачеха. К братьям относятся полнородные братья и сестры, неполнородные братья и сестры по линии отца и матери, приемные братья и сестры, братья и сестры, находящиеся на иждивении.

Глава 63 «Наследование по закону» ГК РФ прямо детализирует порядок наследования и указывает на то, что наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и родители наследодателя. Если нет наследников первой очереди, наследниками второй очереди по закону являются полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка, как со стороны отца, так и со стороны матери. Наследниками третьей очереди по закону являются полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя (дяди и тети наследодателя) [1].

В соответствии со ст. 1145 ГК РФ призываются к наследованию в качестве наследников четвертой очереди родственники третьей степени родства — прадедушки и прабабушки наследодателя; в качестве наследников пятой очереди родственники четвертой степени родства — дети родных племянников и племянниц наследодателя (двоюродные внуки и внучки) и родные братья и сестры его дедушек и бабушек (двоюродные дедушки и бабушки); в качестве наследников шестой очереди родственники пятой степени родства — дети двоюродных внуков и внучек наследодателя (двоюродные правнуки и правнучки), дети его двоюродных братьев и сестер (двоюродные племянники и племянницы) и дети его двоюродных дедушек и бабушек (двоюродные дяди и тети). Наследников седьмой очереди по закону призываются пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя.

Если сравнить раздел V ГК РФ и закон КНР «О наследовании», то можно наблюдать, что существуют некоторые различия в сфере порядка наследования между двумя странами. Во-первых, в Китае пасынки, падчерицы, отчим и мачеха являются наследниками первой очереди по закону, в России пасынки, падчерицы, отчим и мачеха представляют собой наследники седьмой очереди по закону. Во-вторых, закон КНР «О наследовании» устанавливает две очереди наследников по закону, то есть первая очередь — супруг, дети, родители, и вторая очередь — братья и сестры, дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери. В ГК РФ наследники подразделяются на шесть очередей. Одним словом, круг наследования по закону в ГК РФ шире, чем в законе КНР «О наследовании». Но порядок наследования в Китае тоже имеет свои особенности. Например, в соответствии со ст. 12 закона КНР «О наследовании» в качестве наследников первой очереди рассматриваются сноха или зять, которые несли основную обязанность по содержанию свекра, свекрови, тестя, тещи.

Конечно, такой институт наследования в Китае имеет недостатки. Известный китайский культурный деятель Ци Гун оставил много произведений каллиграфии и живописи после смерти. Согласно закону КНР «О наследовании» это индивидуальное законное имущество представляет собой наследство Ци Гуна после его смерти. Ци Гун не составил завещания или завещательного отказа, у него тоже не было наследников по закону. Его племянница несла основную обязанность по его содержанию. Но в Китае его племянница не является наследником по закону. В соответствии со ст. 14 закона КНР «О наследовании» соответствующая доля в наследстве может быть выделена помимо наследников тем лицам, которые несли основную обязанность по содержанию наследодателя. В соответствии со ст. 32 закона КНР «О наследовании» при отсутствии наследников и лиц, получающих завещательный дар, наследство переходит в собственность государства; если умерший при жизни состоял членом организации коллективной собственности, наследство переходит в собственность организации коллективной собственности. Таким образом, племянница Ци Гуна только получила часть его наследства. Мне кажется, это нарушает принцип неприкосновенности частной собственности. Принципы наследственного права представляют собой основные начала, в соответствии с которыми строится наследственное право как система правовых норм, а также осуществляется наследственно-правовое регулирование общественных отношений [3].

По мере развития гражданского законодательства в Китае институт наследования непрерывно совершенствуется и общие положения Гражданского кодекса КНР детализирует некоторые положения. Например, в соответствии со ст. 28 закона КНР «О наследовании» при разделе наследства должна быть предусмотрена доля еще не родившегося ребенка. В случае смерти ребенка после рождения эта доля наследуется по закону. Закон КНР «О наследовании» был принят на 3-й сессии ВСНП 6-го созыва 10 апреля 1985 г. В соответствии со ст. 16 общих положений Гражданского кодекса КНР, которые были приняты в ходе 5-й сессии ВСНП 12-го созыва 15 марта 2017 г., при разделе наследства или принятии дара не родившийся ребенок имеет гражданскую правоспособность. В случае смерти ребенка после рождения его гражданская правоспособность ничтожна.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации по состоянию на 5 марта 2017 г. Ч. 1–4. М.: Проспект, 2016.
2. Закон Китайской Народной Республики «О наследовании» от 10 апреля 1985.
3. Гушин В. В., Дмитриев Ю. А. Наследственное право и процесс: учебник для высш. учеб. завед. М.: Эксмо, 2005.

Сравнительно-правовой анализ защиты интеллектуальных прав в сети «Интернет» по законодательству России и некоторых стран АТР

*© Д. С. Доржиева
студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
darishka93@inbox.ru*

Проблемы защиты интеллектуальных прав, несмотря на прошедшие реформы в российском праве, до сих пор остаются актуальными в силу ряда причин. Так, права законных правообладателей до сих пор повсеместно нарушаются, и они терпят колоссальные убытки. Теневые доходы от интеллектуального пиратства являются источником финансирования криминальных структур и влияют на рост преступности. Данные проблемы тормозят развитие таких передовых отраслей, как информационно-технологическая, промышленная, что влечет за собой невостребованность молодых специалистов и их отток в зарубежные страны, а также повышают рост безработицы.

России необходимо закрепиться на мировой арене как честный и надежный партнер для привлечения большего количества инвесторов, поэтому решение проблем защиты интеллектуальных прав очень важно.

На данный момент основные проблемы защиты интеллектуальных прав наблюдаются, на наш взгляд, в законодательной, правоприменительной, судебной и общественной сферах. Что касается судебной практики, она выявляет недостатки в действующем законодательстве, регулирующее защиту интеллектуальных прав. Так, при закрытии интернет-сайтов, размещающих медийный контент, содержащий результаты интеллектуальной деятельности, не учитывается тот факт, что нарушителям не составляет труда создать в сети Интернет сайт-двойник или как его называют «зеркало». Хотя, стоит отметить быструю реакцию законодателя на данную проблему: Государственная дума в первом чтении одобрила законопроект о блокировке подобных незаконных сайтов-зеркал. В законопроекте предполагается закрывать доступ к таким сайтам в течение 5–7 часов после обращения правообладателя.

Также, в судебной практике нередки случаи наказания тех, кто не причастен к факту нарушения интеллектуальных прав, а именно информационных посредников — интернет-провайдеров (коммерческая организация, предоставляющая доступ в интернет). Например, когда ООО «Первое Музыкальное издательство» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском к ООО «Рамблер Интернет Холдинг» о взыскании 100 000 рублей компенсации за нарушение исключительных прав на аудиовизуальное произведение — видеоклип «Капитал»

группы исполнителей «Ляпис Трубецкой» [2]. ООО «Рамблер Интернет Холдинг» отметил, что материал был размещен на сайте пользователем, не зарегистрированным в системе, а сам ответчик только предоставил техническую возможность для подобного размещения. Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, признав, что ответчик не может нести ответственность за незаконные действия пользователя. Суды апелляционной и кассационной инстанции отменили данное решение и признали ООО «Рамблер Интернет Холдинг» ответственным в нарушении авторских прав. На наш взгляд, в данном примере нарушитель определен не верно, так как виновный в правонарушении является конечный пользователь, на которого ответственность нашим законодательством не предусмотрена.

По поводу общественной сферы можно сказать, что здесь картина самая бесперспективная и удручающая. Согласно данным, полученным нами в ходе социального опроса в сети Интернет, примерно 95% опрошенных когда-либо скачивали или смотрели (слушали, читали) медийный контент бесплатно, из них больше половины это делают постоянно; примерно 50% опрошенных никогда не приобретали контент платно на специализированных сайтах или платформах, таких как «iTunes», «Steam» и т. д.; около 73% опрошенных никогда не смотрели фильмы платно в сети Интернет на специализированных сайтах или платформах, таких как «ivi.ru», «Amediateka» и т. д.

Также, 59% опрошенных видели (слышали) социальные рекламы о вреде интеллектуального пиратства, об уважении чужого интеллектуального труда. Около 60–70% слышали из средств массовой информации об уничтожении пиратской продукции и видели, что тот или иной объект интеллектуальной собственности изъят из публичного доступа. Эти данные говорят о том, что, несмотря на достаточно широкую пропаганду вреда и противоправности интеллектуального пиратства в СМИ, граждане все равно нарушают закон. Половина опрошенных ответила, что цена на легальный медийный контент на специализированных сайтах и платформах, по их мнению, высокая. Проанализировав рынок специализированных сайтов и платформ для просмотра кинофильмов и телесериалов [3], мы выявили, что средняя цена за месячную подписку там составляет примерно от 200 до 400 рублей. На наш взгляд, проблема в общественной сфере кроется не в цене, а в низком уровне правосознания, правовом нигилизме, компьютерной безграмотности, а также в недостаточной осведомленности о рынке платных платформ.

Повсеместные нарушения прав на объекты интеллектуальные собственности в РФ свидетельствуют о нейтральном, а порой и позитивном отношении россиян к нарушениям прав интеллектуальной собственности. Складывается впечатление, что в нашем обществе деятельность интеллектуальных пиратов не рассматривается как аморальная. Именно поэтому они могут беспрепятственно функционировать, практически не скрываясь, при активной или пассивной поддержке общества.

По мнению О. Н. Журавлевой, «ограниченность возможностей законного доступа к объектам интеллектуальной собственности влечет рост незаконных посягательств на них» [4]. Несмотря на ужесточение репрессивных мер, уровень незаконных посягательств на права интеллектуальной собственности не только не снижается, а, наоборот, возрастает. Борьба с нарушениями прав требует применения более жестких санкций, но оказывается все менее эффективной, так как начиная с некоторого момента средства, затрачиваемые на борьбу с пиратством, просто не покрываются доходами, полученными за счет продаж легальной продукции. Базовые проблемы защиты интеллектуальной собственности лежат в экономической сфере: пока выгодно торговать контрафактной продукцией, никакие правовые запреты не будут достаточно эффективны, никакие санкции не в состоянии сдерживать потребности современного общества в свободном обмене знаниями.

Острые проблемы, связанные с ростом количества нарушений в данной сфере, государство пытается решать не комплексно, а путем отдельных изменений в законе, увеличивая размер наказания и круг субъектов правонарушения, не принимая соответствующих мер по повышению эффективности правоприменительной практики, судопроизводства и профилактики в борьбе нарушениями интеллектуальных прав.

В связи с этим, на наш взгляд, основные усилия в сфере правовой защиты интеллектуальной собственности должны быть направлены не только на ограничение доступа к объектам интеллектуальной собственности, сколько на развитие правового регулирования и технологического обеспечения, которые способствовали бы расцвету легальных форм широкого использования результатов интеллектуальной деятельности.

Международный альянс интеллектуальной собственности (International Intellectual Property Alliance (ИПА)) в феврале 2016 г. опубликовал рейтинг 10 стран, в которых наблюдается большой рост нарушений интеллектуальных прав. В данный рейтинг вошли такие страны, как Бразилия, Белоруссия, Россия, Индонезия, Индия, Коста Рика, Чили, Аргентина, Китай, Украина [5]. Россия в данном рейтинге находится на 8-м месте. В докладе ИПА говорится, что благодаря правовым реформам, проведенным в Российской Федерации с 2013 по 2015 г., регулирующие возможность досудебной блокировки сайтов, на которых найден пиратский контент, дали определенный результат и прогресс очевиден. Однако российское законодательство до сих пор затрудняет иностранным [6] правообладателям напрямую решать проблему с сайтами, обладающими нелегальным контентом. То есть большинство российских программ (торрентов) для скачивания нелегального контента находится в России и граждане других государств беспрепятственно пользуются такими программами. В подобных ситуациях у исполнительных органов власти других государств, чьи граждане скачивают нелегальный контент, возникают проблемы правового регулирования данного вопроса.

В виду данного рейтинга мы не будем рассматривать правовое регулирование защиты интеллектуальных прав перечисленных стран. В сравнительное исследование включены те страны, где уровень нарушения интеллектуальных прав относительно низкий по сравнению с большинством стран.

Рассмотрим правовое регулирование защиты интеллектуальных прав в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В российском законодательстве отсутствуют такие понятия, как «интернет-сайты», «интернет-провайдер», «социальные сети» и др., что значительно усложняет правоприменительную и судебную практику. При исследовании мы обратили внимание на один из самых первых законов об авторском праве и обнаружили в нем подобные определения. Так, в законе об авторском праве Южной Кореи 1952 г. есть четкое определение поставщика интернет-услуг (интернет-провайдера), что является редкостью в нашем законодательстве, в котором вообще слово «интернет» встречается редко. Итак, согласно ст. 30 Закона об авторском праве Южной Кореи 1952 г.: поставщик интернет-услуг — это лицо, предоставляющее услуги по воспроизводству, интерактивной передаче информации, работ и другого через информационно-телекоммуникационные сети.

В Новой Зеландии также разработан и достаточно давно функционирует Закон об авторском праве 1994 г., в котором предусмотрена ответственность интернет-провайдера, что мы не поддерживаем, так как интернет-провайдер фактически не несет ответственности за то, что размещают конечные пользователи сети. Однако в данном законе некоторые аспекты защиты интеллектуальных прав в интернет-пространстве прописаны достаточно хорошо. Например, он предусматривает все-таки ответственность не только интернет-провайдера, но и самого конечного пользователя за нарушение авторских прав. Так, в части 3 статьи 92 Б Закона Новой Зеландии об авторском праве 1994 г., говорится, что ничто не ограничивает право автора и/или владельца авторских прав на обращение в суд в отношении пользователя или интернет-провайдера с требованием о запрете использования объектов интеллектуальной собственности в сети.

В октябре 2012 г. в Японии вступил в силу антипиратский закон, аналогичный нашему Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» от 02.07.2013 № 187-ФЗ. Японский закон, также как и его аналоги по всему миру, вызвал бурную реакцию в обществе, закон окрестили драконовским [7]. За загрузку или распространение пиратских материалов пользователи могли получить до двух лет тюрьмы или 1 млн иен штрафа (или и то и другое в совокупности). Закон вступает в силу в том случае, если пользователь знал, что контент нелегальный, и загрузил его намеренно. Из-за того, что в законопроекте были прописаны не все детали, под наказание попал даже просмотр видео на YouTube.

Как уже было упомянуто, закон был принят крайне неодобрительно (вплоть до ставших традиционными хакерских атак на правительственные сайты), вследствие чего правительство Японии поспешило выступить с заявлением, что применяться закон будет крайне осторожно, как и любые уголовные наказания в адрес простых граждан. Это оказалось правдой: за три месяца действия закона по нему не был осужден ни один человек, а к марту 2013 г. их было 27. Что касается продаж музыки, то, согласно данным ассоциации звукозаписывающей индустрии Японии, их показатели упали на 30% по сравнению с прошлым годом.

Резюмируя, необходимо отметить самые важные, на наш взгляд, проблемы защиты интеллектуальных прав в РФ. Во-первых, в закон следует включить такие понятия, как «интернет-сайты», «социальные сети», «электронные библиотеки», «поисковые системы» и другие интернет-ресурсы, а также регламентацию действий пользователей в данных ресурсах. Нормативное определение понятий облегчит регулирование отношений в области защиты интеллектуальных прав в интернет-пространстве.

Во-вторых, в судебной практике нередко встречаются дела, где ответственность за нарушение перекладывается на тех, кто не причастен к факту нарушения интеллектуальных прав, а именно на информационных посредников — интернет-провайдеров. А реальные нарушители — конечные пользователи — остаются безнаказанными, вследствие чего продолжают грубо нарушать интеллектуальные права. В данной ситуации, на наш взгляд, уместно применение новозеландского опыта привлечения к ответственности пользователей, который предусмотрен в законе. Либо взять на заметку американский опыт системы Copyright Alert System (упомянутый в наших ранних исследованиях), то есть соглашение между ключевыми правообладателями и крупнейшими интернет-провайдерами по противостоянию пиратству. Так, в нашем законодательстве можно обязать крупных провайдеров при обнаружении факта нелегального скачивания продукции выслать около 2–3 предупреждений. После чего следуют санкции на усмотрение провайдера: ограничить скорость интернета до минимальной либо закрыть доступ в сеть вообще до тех пор, пока нарушитель не оплатит штраф или не пройдет «онлайн-курс по соблюдению авторских прав».

Однако корень всех проблем с нарушением интеллектуальных прав кроется именно в обществе, повсеместные нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности в РФ свидетельствуют о нейтральном, а порой и позитивном отношении россиян к нарушениям прав интеллектуальной собственности. Пока мы не преодолеем повальный правовой нигилизм в данной сфере, нам стоит учесть японский опыт и не вводить слишком жесткие наказания, ведь наказание скорее вызывает агрессию и противостояние. Пока следует взять на заметку немецкий опыт, а именно декриминализировать пользование объектами интеллектуальной собственности для личных целей.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч). Ст. 5496.
2. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11 мая 2010 г. / № КГ-А40/3891-10 г. по делу № А40-89751/08-51-773. 2010. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Михайлов А. 15 самых удобных онлайн-кинотеатров // Московские новости. 2013[Электронный ресурс] URL: <http://www.mn.ru/culture/film/88865/> (дата обращения: 18.11.2016).
4. Журавлева О. Н. Меры защиты интеллектуальной собственности. М.: Альфа-М, 2014. С. 156.
5. Официальный сайт Международного альянса интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: URL: http://www.iipawebsite.com/2016_SPEC301_TOC. (дата обращения: 12.11.2016).
6. Доклад о России Международного альянса интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: URL: <http://www.iipawebsite.com/rbc/2016/2016SPEC301RUSSIA> (дата обращения: 12.11.2016).
7. Попова М. Как борются с интернет-пиратством в России и в мире // Lookatme.ru. 2013[Электронный ресурс]: URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/193955-piracy> (дата обращения: 15.11.2016).

Режимы и некоторые виды рабочего времени в странах Азии

*© Доржсүрэнгийн Оюунбат
преподаватель кафедры частного права
Университета Отгонтэнгэр
oyunbat_o@yahoo.com*

Режимы рабочего времени не получили закрепления в Трудовом кодексе Монголии, хотя есть определенные понятия и практическое его применение. В горнодобывающей и строительной отраслях в последнее время расширяются сферы применения различных видов режимов рабочего времени, хотя нет законодательной регламентации разновидностей режима рабочего времени. Режимы рабочего времени в Монголии регулируются нормативными актами, правилами внутреннего распорядка организаций либо трудовым договором.

До марта 1921 г. в Монголии не было трудового кодекса, трудовые отношения в основном регулировались подзаконными актами. В мае 1921 г. временное правительство Монголии издало Постановление № 20 — первый подзаконный акт, в котором рассматривался вопрос «о рабочем времени и времени отдыха в министерствах и ведомствах». Рабочий день в министерствах и ведомствах начинался с 9 часов утра и продолжался до 16 часов вечера, установив продолжительность и режим труда [5]. Первый Трудовой закон Монголии от 14 февраля 1925 г. заложил нормативно-правовую основу рабочего времени в учреждениях, также были установлены 7 праздничных дней в течение годового календарного периода[2].

В середине XIX в. в зарубежных государствах издавались законы, органичивающие рабочее время для женщин и детей, которые были одним из первых требований рабочего движения. Трудовое законодательство 1973 г. также регулировало рабочее время женщин и детей. В статье 169 Трудового закона Монголии предусматривается сокращенное рабочее время для несовершеннолетних, для женщин, имеющих малолетних детей, от 6 до 7 часов в день [3].

Действующий Трудовой кодекс Монголии 1999 г. установил обоснованную норму продолжительности рабочего времени [4]. Рабочее время теперь исчисляется на определенные календарные периоды — месяц, квартал, год. Согласно статье 70 Трудового кодекса Монголии продолжительность рабочего дня составляет 8 часов, а недели 40 часов. При установлении продолжительности рабочего времени не учитывались интересы сторон, его пределы установлены законом.

Проблеме правового регулирования рабочего времени в Монголии в научной литературе уделялось мало времени. Этим вопросом занимались ученые Л. Баасан, Б. Уранцэцэг. Но, несмотря на актуальность, данная тема почти не разрабатывается.

Режимы рабочего времени в зависимости от отраслей экономики и условий труда, от видов занятости и социального положения рабочего подразделяются на следующие разновидности:

- 1) суммированный учет рабочего времени;
- 2) деление рабочего времени на части;
- 3) сменная работа;
- 4) гибкое рабочее время.

Режимы рабочего времени не регулируются законом, законодатель не определил понятие и предназначение норм рабочего времени.

В последнее время с развитием сфер услуг и инфраструктуры, а также с автоматизацией и компьютеризацией предприятий неполное рабочее время становится все более актуальным. Согласно международной конвенции 175 от 24 июня 1994 г. «О работе в условиях неполного рабочего времени» неполным рабочим временем считается продолжительность рабочего времени меньше нормальной (т. е. менее 40 часов в неделю), установленная по соглашению сторон или трудовым договором [6].

Создание рабочих мест в условиях неполного рабочего времени позволило сэкономить рабочее место, работник может трудиться в нескольких местах одновременно. Работа в 2–3 местах позволит сотруднику повысить коммуникабельность, квалификацию и производительность труда.

В условиях экономического кризиса, в связи с уменьшением объема производства и услуг стоит вопрос о сокращении рабочего места или рабочих часов. Переход на неполное рабочее время один из способов преодоления издержек бизнеса за счет сокращения расходов на оплату работника. Законодательное

регулирование неполного рабочего времени также приобрело немаловажное значение не только в Монголии, но и во многих зарубежных государствах.

Различаются следующие виды неполного рабочего времени:

1) неполный рабочий день (смена) — в день от четырех до шести часов вместо установленных законом восьми часов;

2) неполная рабочая неделя — уменьшается количество дней работы от двух до четырех рабочих дней в неделю;

3) неполный, рабочий день (смена) и неполная рабочая неделя — уменьшается количество часов и дней работы, например, три дня в неделю по три часа вместо пяти дней по восемь часов.

В Монголии неполное рабочее время начали применять с 2000 г., его законодательное регулирование отсутствует. Неполное рабочее время регулируется отраслевыми подзаконными актами.

Трудовое законодательство Турции. Трудовое право Турции регулируется следующими законодательствами: законами о труде 1971 г., о профсоюзах 1983 г., о трудовых судах 1950 г. и т. д. Сверхурочные работы допускаются при производственной операции, а также необходимостью повышения выпуска продукции. Сверхурочные работы в обязательном для работников порядке допускаются для предотвращения или ликвидации аварии, при чрезвычайных обстоятельствах. В Турции рабочая неделя составляет 40 часов в неделю [4].

Согласие работника на сверхурочные работы должно быть зафиксировано в трудовом договоре при приеме на работу или впоследствии в коллективном договоре. Сверхурочные работы любого вида не должны превышать для работника 3 часов в день и 90 часов в год [8].

Трудовое законодательства Кореи. Корейская правовая система имеет смешанный характер. С одной стороны, применение прецедентного права отождествляет его с англосаксонской системой права, а с другой — использование кодифицированных норм придает характер романо-германской правовой системы.

Трудовое право в Корее создавалось по американскому образцу, но некоторые положения были скорректированы с учетом южнокорейской культуры. В 2003 г. Национальное собрание Республики Корея приняло решение о введении в стране пятидневной рабочей недели. С принятием этого закона рабочее время сократилось с 44 до 40 часов в неделю. Среди представителей различных профессий самый длинный день у научно-технических работников.

Выяснилось также, что сотрудники крупных частных корейских компаний работают больше: реальная продолжительность рабочего дня в компаниях типа «Самсунг» или «Эл-Джи» составляет в среднем до 10 часов 6 минут, в то время как на мелких, средних и венчурных предприятиях — 9 часов 54 минуты, а в государственных компаниях — 8 часов 18 минут [9]. Корея вошла в десятку самых трудолюбивых стран мира и даже стоит на первом месте по количеству рабочих часов в год (2 357 ч), отпуск длится 10 дней, государственных выходных всего 11 [10].

Рабочее время в Японии. В Японии в отличие от многих стран мира продолжительность рабочего времени значительно выше, даже есть различия по сферам занятости. По данным ежегодного обследования министерства труда в 2010 г, занятые в Японии отработали 2 106 часов год [6].

В странах Азии для усиления гибкости правового планирования рабочего времени в трудовом договоре регулируется недельная, месячная или годовая продолжительность рабочего времени, которая варьирует в рамках максимальных часов учетного периода и относится к числу суммарного учета рабочего времени. Первоначально режимы рабочего времени в Азии регулировались в правилах внутреннего распорядка, например в Монголии, в новых графиках работы в Японии и Корее, в коллективных договорах в Турции, а затем были включены в трудовое законодательство.

Правовое регулирование режимов рабочего времени в Азии в целом делает первые шаги, дальнейшее его развитие позволит изменить характер правового регулирования и изменить его значение. Развитие режимов рабочего времени направлено на сокращение рабочих часов и улучшение качества жизни населения. В XXI в. идет коренная перестройка режимов рабочего дня и отдыха, стиля и образа жизни.

Литература

1. Конституция Монголии. 1992.
2. Трудовой закон Монголии. 1925.
3. Трудовой закон Монголии. 1975.
4. Трудовой закон Монголии. 1999.
5. Постановление Временного правительства от 23 апреля 1921 г. № 20 // Сборник трудовых законов. Улан-Батор, 2003.
6. О работе на условиях неполного рабочего времени: конвенция Международной организации труда. Женева, 1994. № 175.
7. Белов А. В. Сокращение рабочего времени как инструмент преодоления дефицита труда: парадоксальный опыт Японии для Российских реформ // Проблемы современной экономики. 2013. № 4(48).
8. Дзукоева З. В. Некоторые вопросы правового регулирования рабочего времени в РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 9.
9. Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право. М., 1999.

10. URL: <http://vestnik.kr/society/306.html> (дата обращения: 17.06.2017).

11. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2008/06/01/1701> (дата обращения: 17.06.2017).

Сравнительный анализ семейного законодательства России и Монголии

© *И. Э. Дымбрылова*

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

dymbrylowa1993@yandex.ru

Распад Союза Советских Социалистических Республик в 1991 г. ознаменовал падение коммунистического строя в пользу капиталистического с рыночной экономикой. Постсоветские государства кардинально сменили политические и социальные основы. Внешние связи ряда государств, в том числе России и Монголии, охладели. В настоящее время наблюдается тенденция к сближению политических, экономических, социальных интересов таких государств, как Россия и Монголия, подтверждение тому заключение соглашения об отмене визового режима.

Сближение Российской Федерации (РФ) и Монгольской Народной Республики (МНР) приведет к возможному увеличению интернациональных браков между гражданами данных государств. В связи с этим возникает необходимость сравнительного анализа семейных законодательств данных государств и выявления их схожих черт.

Высшей силой в иерархии нормативных актов МНР обладает Конституция Монголии как основа всей ее правовой системы. Конституция МНР в п. 11 ст. 16 провозглашает равноправие женщин и мужчин в сфере политических, экономических, социально-культурных, семейных отношений. Заключение брака зиждется на равноправии мужчины и женщины, достигших установленного законом возраста, на их добровольном взаимном отношении. Интересы семьи, материнства, младенчества и детей защищаются государством [3].

Второе место по значимости в отрасли семейного права Монголии занимает Закон о браке и семье. Данный нормативный акт содержит конкретные нормативные положения семейного права монгольского государства. Структура данного закона подразделяется на общую и особенную части. В общей части дается характеристика фундаментальных устоев семейного законодательства Монголии и задаются основные направления политики развития семейного права. Согласно им основными принципами монгольского семейного права являются равноправие женщины и мужчины, взаимная добровольность вступления в брачные отношения, экзогамия брачных уз и моногамия союза и т. д. Особенная же часть посвящена регламентированию специфических институтов монгольского семейного права. Таких, например, как институты опеки и попечительства, наследования и т. д. [7, с. 165].

Отрасль семейного права МНР помимо вышеприведенных актов содержит ряд законов, затрагивающих аспекты семейного права, среди которых значимое место занимает закон о противодействии домашнему террору и насилию. Принятие данного закона демонстрирует обеспокоенность государства за благополучие обстановки внутри семьи, здоровое развитие детей, целостность физического, психического здоровья членов семьи.

Следует отметить, что отрасль семейного права МНР помимо законов, международных соглашений, актов нормативного характера в конкретных случаях может регулироваться нормами брачного контракта. В условиях контракта жених и невеста устанавливают долевое положение совместно нажитого имущества при разводе и т. д.

В России, как и в Монголии, Конституция обладает высшей юридической силой и возглавляет иерархию нормативно-правых актов всех отраслей российского права. Согласно ст. 19, 38 Конституции в России устанавливается равенство прав и свобод мужчины и женщины, равенство прав и обязанностей родителей по воспитанию детей, обязанности совершеннолетних детей заботиться о нетрудоспособных родителях и т. д. [1].

Основным источником семейного права, «сердцевиной» всего обширного массива действующего семейного законодательства является Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) [2]. СК РФ содержит общие положения семейного законодательства России, аспекты заключения и прекращения брака, правовое положение супругов, находящихся в законном браке, нормы по регулированию отношений между родителями и детьми. СК РФ также регламентирует такие аспекты семейного права, как алиментные обязательства членов семьи, формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, вопросы введения, применения Семейного кодекса, приведения нормативных правовых актов в соответствии с кодексом [4, с. 85].

В число актов, регулирующих семейные отношения, также входят федеральные законы, принятые в соответствии с СК РФ. К ним относятся, например, Закон об актах гражданского состояния, Закон о банке данных о детях, Закон об опеке. Принятые в различное время, они решили важные регулятивные и охранительные задачи в области семейных прав и обязанностей участников семейных отношений.

Законы субъектов РФ в области семейных отношений могут применяться по вопросам, непосредственно СК РФ не урегулированными. Это согласуется с принципом единства семейной политики на федеральном и региональном уровнях, что предполагает, в частности, дополнение и развитие субъектами РФ и органами местного самоуправления предоставленных семье федеральным законодательством минимальных социальных льгот [6, с. 52].

В правовую систему российского семейного законодательства помимо законов входят иные нормативные правовые акты, регулирующие семейные отношения, включая в первую очередь указы Президента, обязательные для исполнения на всей территории РФ и постановления Правительства РФ.

Указами Президента РФ утверждаются мероприятия общегосударственного уровня, имеющие комплексный характер (например, федеральные целевые программы по различным вопросам защиты семьи, материнства и детства) или определяются концептуальные подходы к решению проблем в данной сфере.

К компетенции Правительства РФ согласно Семейному кодексу РФ относятся определение видов заработка и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей; определение порядка передачи детей на усыновление, а также осуществления контроля над условиями жизни и воспитания детей в семьях усыновителей на территории РФ; усыновление по представлению Министерства юстиции РФ и Министерства иностранных дел РФ порядка деятельности органов и организаций иностранных государств по усыновлению детей на территории РФ и порядка контроля над ее осуществлением и т. д. [5].

Таким образом, сравнительный анализ семейного права России и Монголии позволил выявить схожесть основных положений о браке и семье в данных государствах, некоторую идентичность структур правовых систем РФ и МНР. Данные сходства свидетельствуют об общности проводимой данными государствами политики регулирования семейного права, что может послужить дополнительным фактором сотрудничества данных стран.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // СЗ РФ. 1996. №1. Ст. 16.
3. Конституция Монгольской Народной Республики 1992 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://legendtour.ru/rus/mongolia/text/constitution-of-mongolia-1992.shtml> (дата обращения: 15.03.2017).
4. Антокольская М.В. Место семейного права в системе отраслей частного права // Государство и право. 1995. № 6.
5. О некоторых вопросах применения Конституции РФ при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995. № 8 (БВС РФ. 1996. № 1).
6. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учебник: 6-е изд., перераб. М., 2012.
7. Рязановский В. А. Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия юр. факультета. Харбин, 1929. Т. 7.

Особенности заключения брачного договора в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© *О. С. Жамбалова*

магистрант 1-го года обучения юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

olesenny@mail.ru

Правовое регулирование современных семейных отношений все чаще основывается на разнообразных договорах и соглашениях, заключаемых членами семьи друг с другом. Важную роль в регламентировании имущественных отношений супругов играет брачный договор. Введение института брачного договора позволило заложить новый подход к регулированию семейных имущественных отношений, заменив императивно-дозволительный на диспозитивный метод [5].

В России термин «брачный договор» впервые был закреплен в Семейном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее — СК РФ) [2], в связи с этим институт брачного договора является относительно новым для российского законодательства. Брачный договор перешел в российскую систему права из правовых систем зарубежных стран, в которых он существует уже не одно столетие.

Впервые в истории брачный договор появился в Древнем Вавилоне, приблизительно десять тысяч лет на-зад, по которому муж имел право на многоженство, а жена была вправе распоряжаться своим приданым, при этом мужу запрещалось расточать имущество жены или распоряжаться им без ее согласия [7]. Среди современных государств соглашения, заключаемые супругами по поводу регулирования имущественных отношений в браке, стали называться брачными договорами в гражданском законодательстве Франции в 1804 г. [8].

В соответствии со статьей 40 СК РФ под брачным договором понимается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения.

Брачный договор является особой разновидностью гражданско-правовых соглашений безвозмездного типа и согласно п. 2 ст. 423 ГК РФ не может предусматривать получение платы или встречного удовлетворения [1]. Как все договоры, заключаемые членами семьи, брачный договор является консенсуальным договором, обладающим особым лично-доверительным характером.

Особенностью брачного договора можно считать его комплексность: он регулирует два вида отношений, а именно — права и обязанности супругов по поводу имущества и по взаимному содержанию друг друга. Следующая его особенность заключается в определении имущественных прав и обязанностей супругов как в браке, так и в случае его расторжения. При этом стороны могут урегулировать свои имущественные отношения перед вступлением в брак, в течение брака, а также при разводе.

От иных гражданско-правовых договоров брачный договор отличает его особый субъектный состав, предмет и содержание. При этом брачный договор должен соответствовать всем требованиям, которые предъявляются к сделкам.

Брачный договор может регулировать отношения по поводу имущества, имеющегося в натуре, а также в отношении имущества, которое только будет приобретено в будущем.

Данный договор может быть заключен на определенный срок, а в дальнейшем переоформлен, дополнен или изменен, либо на неопределенный срок, и тогда он прекращает свое действие в случае смерти одного из супругов или при расторжении брака.

Государство, в котором больше половины граждан одновременно с вступлением в брак заключают брачный договор, является США. Понятие брачного договора в США существует достаточно долго и является способом закрепления имущественных прав, свобод и ответственности за каждым лицом, готовящимся вступить в законные брачные отношения в отличие от российской практики заключения брачных договоров, которая существует лишь пару десятилетий.

Семейные отношения в различных штатах регулируются по-разному, для примера рассмотрим законодательство штата Калифорния. Согласно ст. 1500 Калифорнийского семейного кодекса имущественные права мужа и жены, установленные законом, могут быть изменены добрачным соглашением [4].

Брачный договор в США может регулировать не только имущественные права и обязанности супругов, но и другие правоотношения, их перечень более широкий по сравнению с российским законодательством. Согласно ст. 1612 Калифорнийского семейного кодекса брачный договор может содержать условия, регулирующие права и обязанности каждой из сторон в отношении любого имущества и любых прав: покупка, продажа, пользование, обмен, аренда, потребление и т. д., порядок распоряжения имуществом в случае смерти, при раздельном проживании, а также любые другие вопросы, включая их личные права и обязанности, не нарушающие общественный порядок. Утверждение и вступление в силу брачного договора происходит после регистрации брака, а возможность изменения или дополнения допускается исключительно на основании письменного соглашения, подписанного сторонами. Однако во многих штатах изменение и дополнение брачного договора допускается только в судебном порядке.

Далее рассмотрим особенности и порядок заключения брачного договора в Китае. Согласно ст. 19 закона КНР «О браке» супругами может быть заключено соглашение о том, что имущество, приобретенное в период брака, а также имущество, находящееся в собственности одного из супругов до регистрации брака, является совместной собственностью, раздельной собственностью, либо частично совместной, частично раздельной собственностью [3]. Также как в России и США, брачный договор в Китае должен быть заключен в письменном виде.

Заключить брачный договор в России могут лишь лица разного пола при отсутствии препятствий для вступления в брак, установленных ст. 14 СК РФ. Для заключения брачного договора лицо должно обладать дееспособностью и достигать брачного возраста. Исключением является разрешение органа местного самоуправления на вступление в брак до совершеннолетия, либо эмансипация.

Калифорнийский семейный кодекс регулирует данный вопрос тождественно российскому законодательству, за исключением определения возможности заключать брачное соглашение несовершеннолетним — в США несовершеннолетний вправе заключить добрачное соглашение, только в случае, если он признан эмансипированным.

Российское законодательство определенным образом регулирует заключение брачного договора ограниченно дееспособными и недееспособными лицами. Ограниченно дееспособные граждане могут заключать брачный договор только после предварительного получения согласия от своего попечителя. За недееспособных лиц, состоящих в браке, такой договор заключает опекун.

Брачный договор может установить режим общей долевой собственности и режим раздельного имущества. При установлении режима общей долевой собственности в договоре определяется размер доли, принадлежащей каждому из супругов, а также возможный порядок изменения долей. При установлении режима раздельного имущества определяется, какое конкретно имущество, приобретенное в браке, кому из супругов будет принадлежать, а также избирается способ распоряжения общим имуществом.

В практике наиболее часто используются различные комбинации режимов, сочетающие элементы и общности, и раздельности имущества. К примеру, имущество, приобретенное в период брака, общее, а доходы от предпринимательской деятельности, являются собственностью супруга, который их получает.

Однако брачный договор не является абсолютной гарантией защиты имущества и доходов от притязаний супруга, что отражено в судебной практике: довольно часто суды аннулируют условия договора по сомнительным основаниям. По мнению Л. В. Кружаловой, «правовая неопределенность такого понятия, как “крайне неблагоприятное положение одного из супругов” (п. 3 ст. 42 СК РФ), дает дополнительное основание для аннулирования брачного контракта» [6]. Решение по каждому подобному делу зависит от отдельных обстоятельств.

Законодательство США более подробно описывает случаи, при которых брачное соглашение не подлежит принудительному исполнению, например, если супруг докажет, что не был обеспечен полной информацией об имущественных или финансовых обязательствах другого супруга, или договор был подписан под принуждением, обманом.

Многие цивилисты рассуждают о возможности в брачном договоре предусмотреть порядок распоряжения имуществом, являющимся общей собственностью супругов или принадлежащем каждому в отдельности, в случае смерти. Из анализа действующего законодательства следует отрицательный ответ на данный вопрос, поскольку все вопросы, связанные с наследованием, являются предметом регулирования ч. 3 ГК РФ. Брачный договор, как в России, так и в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона, не может решать вопрос наследования, так как этот вопрос регулирует отдельная отрасль права.

Вместе с тем в соответствии с законом права и обязанности супругов могут быть поставлены в зависимость от наступления или ненаступления тех или иных условий, определенных в договоре. Поскольку в законе ничего не указано о характере этих условий, то можно сделать вывод, что они могут иметь различный, в том числе и неимущественный характер. Данной позиции придерживаются законодатели всех рассматриваемых государств.

В России, как в США и Китае, установленной законом формы брачного договора не существует. Объем, количество и содержание включенных в него положений решаются по взаимному согласию супругов или лиц, вступающих в брак.

Таким образом, на основании изученного можно сделать вывод об особенностях заключения брачного договора в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В каждом государстве институт брачного договора обладает своей спецификой и своеобразием, однако смысл его заключается в обеспечении лиц, вступающих в брак, возможностью отступить от того режима супружеского имущества, который предусмотрен в праве определенной страны и будет регулировать их имущественные отношения с момента заключения брака при отсутствии брачного договора. А если рассмотреть отличия, то в целях сокращения количества судебных тяжб и их длительности российскому законодательству было бы полезно обратить внимание на опыт США и более подробно регламентировать или вовсе определить закрытый перечень оснований признания брачного договора недействительным.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 28.03.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Закон КНР о браке [Электронный ресурс]. URL: <http://chinahelp.me/registry-office/zakon-knr-o-brake> (дата обращения: 13.03.2017).
4. Калифорнийский семейный кодекс [Электронный ресурс]. URL: <http://law.justia.com/codes/california/2005/fam.html> (дата обращения: 14.03.2017).
5. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Брачный договор. М.: Статут, 2009. С. 128.
6. Кружалова Л.В., Морозова И.Г. Справочник юриста по семейному праву: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 113.
7. Левушкин А. Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах – участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: учеб.-практ. пособие. М.: Юстицинформ, 2012.
8. Морандьер Л. Жюллио де ла. Гражданское право Франции: в 3 т. / пер. с фр. Е. А. Флейшиц. М.: Иностранная литература, 1960. Т. 2.

В жизни большинства людей семья занимает особое место. В семье дети становятся личностями, им прививаются ценности и идеалы. Родители формируют мировоззрение ребенка, модель общественного поведения. Именно дети занимают центральное место в семье. Если они не рождались в семье, то супруги прибегали к усыновлению. Усыновление долгое время решало проблему бездетных семей и проблему сиротства.

В современной юридической науке под усыновлением (удочерением) понимается: «юридический акт, в результате которого между усыновителем (усыновителями) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком — с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению» [7, с. 512]. Таким образом, правовая сущность усыновления заключается в полном приравнивании усыновленного ребенка в личных и имущественных правах и обязанностях к родным детям усыновителя. Усыновители не только по существу, но и по форме заменяют родителей, и здесь нет того временного характера воспитания детей, который присущ иным формам. В этом заключается особенность усыновления, обуславливающая приоритетность данной формы устройства детей.

У всех народов и государств институт усыновления проходил свой исторический путь развития, который зависел от экономического, политического и социального состояния общества.

Дети у монголов считались главным богатством человека. Чем больше было детей, тем счастливее были родители. Остаться без потомства означало не продолжить свой род, а это было большим несчастьем для любого человека. Бездетные семьи, стремясь обзавестись желанным потомством, прибегали к помощи лам в молитвах, к помощи шаманов, проводили различные обряды и магические приемы.

Также желание иметь детей породило институт усыновления. Традиция усыновлять — *урчлэх ес* — была издавна известна монголам и была очень распространена. В «Сокровенном сказании монголов» упоминается об историческом акте усыновления между Ван-ханом керейтским и Чингисханом: «...Ван-хан сошелся с Чингисханом в Тульском Темном Бору, и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял...» [8, § 164]. В монгольских преданиях часто рассказывают о приемных детях, которые становились приемными братьями членов различных родов. Обычно усыновляли детей, подобранных в неприятельских улусах во время войн и набегов. Приемные дети не всегда входили в род своих приемных родителей, а продолжали считаться принадлежащими к тому роду, из которого были взяты. Тем не менее они пользовались имущественными правами наравне с родными детьми своих приемных родителей; хотя чаще всего получали меньшую долю. Главное, они получали убежище и защиту рода, их принявшего [4, с. 61].

У монголов существовало поверье, что усыновленный ребенок может привести к рождению в семье собственных детей — «дагуулах», «татах» — «притянуть». Усыновленный мальчик становился продолжателем рода, а девочка — помощницей для матери в хозяйстве. Ребенок мог быть взят по сговору у родственников или же совсем у чужих людей [6, с. 141]. Бывало, что супруги, не имеющие потомства, покупали детей у бедняков, платя за них большие деньги (до 1000 р. за ребенка) [4, с. 54]. Нередки были и случаи кражи детей в городах: их увозили в степь бездетные и обычно состоятельные родители и воспитывали как своих наследников. Внебрачное рождение ребенка у монголов не составляло позора ни для матери, ни для самого ребенка [1, с. 24]. Усыновление детей, рожденных до брака, по монгольскому обычному праву не производится.

В зависимости от целей усыновление у монголов следует различать двух видов:

- с целью собственно воспитания, тогда приемный ребенок приравнивался и в личных, и в имущественных правах с родными детьми;
- в основе второго вида усыновления лежало соглашение о взаимовыгодных интересах: усыновитель получает хозяйственную выгоду в виде дополнительных рабочих рук, а усыновленный необходимое материальное обеспечение. В этом случае усыновленный не получал равных прав с родными детьми. Данный вид усыновления начал зарождаться в период складывания феодальных отношений. И в дальнейшем приобрел форму эксплуатации детского труда, бедняков. Закреплен он был в «Монгол цааз бичиг» — нормативно-правовом акте Монголии эпохи маньчжурского господства.

Согласно монгольскому праву усыновителем могло выступить каждое совершеннолетнее лицо, сам акт усыновления у рядовых монголов совершается с санкции хошунного управления, у князей — с разрешения *чулган-дарги*, причем о таком усыновлении должно быть поставлено в известность центральное правительство. Для усыновления требуется согласие родителей ребенка, а согласие самого усыновляемого не предусмотрено. Усыновленный ребенок формально пользуется всеми правами родного, но на практике — при разделе имущества или при наследовании власти (у князей) — обычно возникает много споров и недоразумений [4, с.293].

Монголы, у которых существовал культ детей, с удовольствием усыновляли детей с целью их воспитания, передачи им родительской любви, а также в последующем передаче наследства. Однако развитие феодальных

отношений придало данному институту не свойственные от природы черты: усыновление с целью получения дополнительных рабочих рук в хозяйстве принимало форму эксплуатации бедняков.

Бурятские племена являются частью монгольского народа, поэтому традиции и обычаи двух этнических групп близки друг другу. Являясь составной частью монгольского права, обычное право бурят имеет определенные сходства в регулировании вопросов усыновления.

Дети у бурят также считались главным богатством человека. И их отсутствие приносило бурятам те же страдания, что и монголам.

Усыновление у бурят именовалось как «ухибуун оргож абаха» и было очень популярно. По мнению отечественного исследователя обычного права бурят А. Т. Тумуровой, усыновление — «древний соционормативный институт, было широко распространенной формой установления родственных отношений и детально регламентировалось обычаями и традициями народа» [9, с. 98]. Каждая бездетная бурятская семья старалась усыновить ребенка. Тогда семейная пара уже не считалась бездетной. Буряты, как и монголы, верили, что усыновленный ребенок может привести к рождению в семье собственных детей — «дахуулха» — «вести за собой». Поэтому чаще всего усыновляли детей своих родственников. Однако нередки были случаи усыновления из чужих семей, других отоков. Также брали детей и у соседских русских крестьян-старожилов. Как отмечают этнографы, буряты считали, что русский ребенок был огражден от злых духов, обладал более крепким здоровьем и поэтому имел больше шансов выжить [2, с.187].

Главным отличием в регулировании института усыновления у бурят явилось то, что нормы, регламентирующие процедуру усыновления, были закреплены в нормативно-правовых актах. Это сборники «степных законов»: Селенгинские уложения (1775, 1823), Положение 11 хоринских родов (1808), Хоринские уложения (1823, 1851).

Сама же процедура усыновления у бурят была практически такой же, как и у монголов, имея все же некоторые свои особенности. Договор при усыновлении детей ближайших родственников носил устный характер. Устанавливалось согласие обеих сторон на усыновление, а также статус усыновляемого, обговаривалась его судьба по достижении брачного возраста. Чаще всего усыновитель брал на себя обязательства женить, уплатив калым, наделив сына онч [9, с.99], дочь выдать замуж, снабдив приданым инжи [11, с.39]. В знак благодарности «новые» родители преподносили символические дары. Такая «несложная» процедура предусматривалась в случае усыновления детей ближайших родственников. В Уложении 11 хоринских родов 1823 г. статья 100 обязывает составлять письменное подтверждение в случае усыновления для передачи наследства. Приведем статью дословно: «Если кто возьмет на воспитание чужого ребенка для передачи наследства, то оба (родителя), как берущий, так и дающий ребенка, должны составить письменное подтверждение и засвидетельствовать у должностных лиц отока» [11, с.78]. Также по ст. 155 Хоринского уложения 1851 г. письменное свидетельство требовалось в случаях усыновления детей из других отоков и детей «чужеродцев».

В качестве субъектов усыновления по обычному праву бурят мог выступать любой человек без ограничения по возрасту, полу. Ни один из сборников «степных законов» не устанавливает возрастные границы для усыновителей и усыновляемых.

Нет упоминания в Уложениях бурятских родов и о том, кто может быть усыновленным, а кого запрещено усыновлять. Но имеется предписание кого необходимо усыновить в обязательном порядке. Например, ребенка незамужней дочери родители обязаны были признать собственным и до 18 лет обеспечить его воспитание. Эту норму мы находим в статье 46 Хоринского уложения 1823 г. По обычному праву бурят приемные дети наследовали имущество родителей наравне с родными детьми.

В изучении наследственных прав приемных детей у бурят интерес представляет статья 132 Селенгинского уложения 1823 г. В ней отмечается, что, если «по степному обыкновению» ребенок будет записан как усыновленный на имя ближайшего родственника, но находился при своих кровных родителях и никакой пользы не принес тому, на чье имя записан, то и претендовать на имущество приемного родителя не имеет никакого права [10, с. 68]. Возвращением усыновленного к кровным родственникам, по мнению А. Т. Тумуровой, договор усыновления расторгался. Усыновитель освобождался от обязательств выплаты калыма при женитьбе, выдела наследства. При этом кровные родители были обязаны компенсировать расходы на содержание воспитанника. Размеры компенсаций регламентирует ст. 39 Хоринского уложения 1808 г.: «за воспитание годовалого ребенка кормилица может взять 7 р. за год, двухлетнего — 6 р., трехлетнего — 5 р., четырехлетнего — 4 р., пятилетнего — 3 р., шестилетнего — 2 р., семилетнего — 1 р., восьмилетний живет за одежду и пропитание, девятилетний должен получать 1 р. заработка, десятилетний — 2 р., одиннадцатилетний — 3 р., двенадцатилетний — 4 р., тринадцатилетний — 5 р., четырнадцатилетний — 6 р., пятнадцатилетний — 7 р., а после сего этот мальчик пусть уже своими силами ищет заработок» [11, с.32].

Если же был уплачен калым, выделен онч и инжи, договор усыновления не мог быть расторгнут в одностороннем порядке [9, с.100]. По Хоринскому уложению 1808 г. было запрещено требовать обратно взрослую дочь, в малолетстве отданную на воспитание [11, с.39].

Помимо имущественных отношений как у бурят, так и монголов в результате усыновления возникали и личные. Усыновители брали на себя юридическую ответственность за приемных детей, обязывались воспитывать и растить их в любви как родных детей. Усыновленные, в свою очередь, должны были помогать родителям в хозяйстве, по старости обеспечить им должный уход и содержание.

Таким образом, мы видим, что правовая сущность усыновления по обычному праву и бурят, и монголов ничем не отличалась от современной и заключалась в полном приравнении усыновленного ребенка в личных и имущественных правах и обязанностях к родным детям усыновителя.

Проведенное нами исследование показало, что обычное право монголов и бурят широко регламентировало институт усыновления. Можно выделить немало закономерностей в его развитии у этих двух народов. Оно имело схожие цели, процедуру и последствия. Оно оберегало права усыновленных, устанавливало обязательств-ва обеих сторон. И прежде всего, это отражалось на имущественных отношениях, возникающих в результате усыновления. Единственное отличие, отмеченное нами, — нормы, регулирующие институт усыновления у бурят, были закреплены в законодательных актах. У монголов оно регулировалось нормами обычая и традиций.

Литература

1. Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 60 с.
2. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
3. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
4. Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск: Знание сила, 1921. 332 с.
5. Минникес И. В., Бимбаева О. Л. Принятие детей в семью: историко-компаративистское исследование. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-msal.ru/articles/2015/01/01/article_101905.html (дата обращения: 15.05.2017).
6. Монголоведные исследования: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 3. 180 с.
7. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учебник. 5-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. 512 с.
8. Сокровенное сказание монголов [Электронный ресурс]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=170435&page=22> (дата обращения: 15.05.2017).
9. Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 221 с.
10. Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 282 с.
11. Цыбиков Б. Д. Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. 124 с.

Правовое регулирование сервитута в Российской Федерации и Монголии

© А. А. Комарицына

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
akomaritsyna@bk.ru*

В Российской Федерации институт сервитута закреплен в таких нормативно-правовых актах, как Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 274–277) (далее — ГК РФ), Земельный кодекс РФ (ст. 23), Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997. № 122-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) (ст. 1, 26) и других нормативно-правовых актах.

В Монголии сервитут регулируется Гражданским законом Монголии от 2002 г. [4].

Правовое регулирование сервитутов в России и Монголии имеет как отличия, так и сходства.

Во-первых, в законодательстве РФ закреплено понятие сервитута, в частности, в ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» говорится, что сервитут — это право ограниченного пользования чужим объектом недвижимого имущества [3]. Аналогичное определение содержится в ст. 274 Гражданского кодекса РФ [1].

Согласно ст. 151.1 Гражданского закона Монголии собственник недвижимого имущества при осуществлении прав собственности может ограничивать право другого собственника недвижимости следующими способами:

- 1) в тех случаях, если указано в законе либо в договоре;
- 2) при осуществлении права собственности обязывать других собственников не проводить деятельность, нарушающую его права и законные интересы;
- 3) ограничение собственником осуществления прав в отношении недвижимого имущества другой стороны сервитута [4].

Законодательство Монголии не дает легальное определение сервитута.

Во-вторых, в п. 3 ст. 274 ГК РФ указано, что в случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута. Судами проверяется соблюдение обязательного досудебного порядка урегулирования спора. Одним из условий вынесения решения судом, удовлетворяющего иск об установлении сервитута, является подтвержденное документально отсутствие возможности обеспечения нужд заинтересованного лица другим способом, кроме как через право ограниченного пользования чужим земельным участком.

В Монголии такой порядок установления сервитута законодательно не закреплен, однако в Гражданском законе указано, что лицо, пользующееся ограниченным вещным правом, может при реализации своих прав требовать устранения препятствий со стороны другого лица.

В-третьих, в Монголии установлено, что в том случае, если стороны договорились между собой, то сторона сервитута регулярно в установленные сроки выплачивает плату и надбавку стороне с ограниченным правом [4].

В ГК РФ также указано, что собственник участка, обремененного сервитутом, вправе, если иное не предусмотрено законом, требовать от лиц, в интересах которых установлен сервитут, соразмерную плату за пользование участком [1].

В-четвертых, в России сервитут подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество, а в Монголии регистрация сервитута не установлена.

Федеральный закон от 21.07.1997. № 122-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (ч. 1 ст. 27) устанавливает, что государственная регистрация сервитута проводится по заявлению собственника недвижимого имущества либо лица, в пользу которого устанавливается сервитут, при наличии у последнего соглашения о сервитуте. Также в данном законе указано, что сервитут вступает в силу после его регистрации в Едином государственном реестре прав.

В-пятых, в законе Монголии установлено, что если находящиеся во владении лица, обладающего сервитутом, земля либо другая недвижимая собственность подверглись разделу и передаче в собственность нескольких лиц, и право собственников с ограниченным сервитутом правами не ухудшается, то для каждого собственника сервитут остается прежним. Если сервитут должен был относиться к разделенным участкам земли или каким-либо частям недвижимого имущества, сервитут других частей прекращается.

Когда земельное владение собственника с ограниченным сервитутом правами было разделено и при этом передано нескольким лицам, тогда указанная земля освобождается от каких-либо других правовых ограничений, кроме уже имевшихся ранее ограничений по сервитуту.

В ГК РФ также установлено, что в случае перехода прав на земельный участок, который обременен этим сервитутом, к другому лицу, сервитут сохраняется.

В-шестых, в Российской Федерации и Монголии законодательно не закреплен конкретный срок действия сервитута. Однако в ч. 4.1 ст. 23 Земельного кодекса РФ закреплено, что в отношении земельного участка, расположенного в границах земель, зарезервированных для государственных или муниципальных нужд, срок установления публичного сервитута не может превышать срок резервирования таких земель [2].

Таким образом, правовое регулирование сервитута в России и Монголии имеет определенные отличия, а также сходства. Процесс совершенствования законодательства о сервитутах в РФ не завершен.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2001. № 44. ст. 4147.
3. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) // СЗ РФ. 1997. № 30. ст. 3594.
4. Гражданский кодекс Монголии от 10 января 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 12.04. 2017).

Этапы оспаривания кадастровой стоимости недвижимости в России и США

© Т. Р. Лубсанов

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
t231@mail.ru*

Одной из актуальнейших тем в гражданском праве на текущий момент является вопрос, связанный с налогообложением объектов недвижимости. Так, начиная с 2015 г. для расчета налога на имущество физических и юридических лиц используется кадастровая стоимость. В соответствии с п.1 ст. 378.2 Налогового кодекса РФ (части второй) (далее — НК РФ) «налоговая база определяется с учетом особенностей, установленных настоящей статьей как кадастровая стоимость имущества в отношении следующих видов недвижимого имущества, признаваемого объектом налогообложения: административно-деловые центры и торговые центры (комплексы), нежилые помещения, объекты недвижимого имущества иностранных организаций, жилые дома и помещения» и п. 1 ст. 390 НК РФ (части второй) «налоговая база определяется как кадастровая стоимость земельных участков, признаваемых объектом налогообложения в соответствии со статьей 389 настоящего Кодекса» [1].

Во многих регионах России сейчас происходит реструктуризация налоговой базы. В основном регионы приняли нормативные акты о взыскании налогов от кадастровой стоимости объектов недвижимости. Поэтому проводились массовые государственные кадастровые оценки (далее — ГКО), сначала по ФЗ-135 «Об оценоч-

ной деятельности в Российской Федерации», а с 2017 г. по ФЗ-237 «О государственной кадастровой оценке». У данной оценки высокая погрешность в плане индивидуальности объекта недвижимости, и в большинстве случаев кадастровая стоимость завышена [2; 3].

В связи со «сложностью стоявших перед законодателем задач в условиях несформированного рынка земли в Российской Федерации» [4], а также рынка недвижимости в целом действующее правовое регулирование закрепляет применение в ходе ГКО, главным образом, методов массовой оценки. Массовая оценка имманентно предполагает игнорирование ряда индивидуальных признаков объекта недвижимости и смещение акцентов исследования на типовые характеристики объекта: площадь, вид разрешенного использования, район города и др. В результате утвержденная кадастровая стоимость зачастую отличается от уровня рыночной стоимости объекта оценки. Если кадастровая стоимость оказывается завышенной, у частных лиц возникает заинтересованность в ее снижении до размера рыночной для снижения объема налогового бремени.

Ранее в законе отсутствовал механизм корректировки кадастровой стоимости. Налогоплательщики пытались оспорить сами акты об утверждении результатов определения кадастровой стоимости, однако суды отказывали в удовлетворении таких заявлений, поскольку при несоответствии кадастровой стоимости размеру рыночной, тем не менее, отсутствовали формальные основания для признания акта незаконным [5].

В поворотном постановлении президиума по делу ООО «Аверс» Высший арбитражный суд РФ пришел к выводу, что «установление судом рыночной стоимости земельного участка должно являться основанием для обязанности органа кадастрового учета внести такую стоимость в качестве новой кадастровой стоимости в государственный кадастр недвижимости с момента вступления в силу судебного акта» [6].

Позднее в Закон об оценочной деятельности была включена ст. 24.19, положения которой регулируют рассмотрение споров о результатах определения кадастровой стоимости. В действующей редакции данная статья имеет номер 24.18 и вместе со ст. 248 Кодекса административного судопроизводства РФ предусматривает два основания для пересмотра результатов определения кадастровой стоимости:

- 1) недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости;
- 2) установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость.

Система обращений о пересмотре кадастровой стоимости в России состоит из следующих шагов:

I. *Первый шаг — Недостоверность сведений.* Сначала после ГКО нужно сверить данные собственника с данными органов, принявших результаты ГКО, чтобы учесть возможность недостоверности сведений. При недостоверности сведений в данных результатах ГКО собственник обращается в Комиссию по пересмотру кадастровой стоимости при Росреестре РФ со следующими документами:

- 1) выписка из Единого государственного реестра недвижимости о кадастровой стоимости объекта недвижимости, содержащая сведения об оспариваемых результатах определения кадастровой стоимости;
- 2) нотариально заверенная копия правоустанавливающего или правоудостоверяющего документа на объект недвижимости;
- 3) выписка из Единого государственного реестра недвижимости о характеристиках объекта недвижимости, содержащая сведения об основных характеристиках объекта недвижимости.

II. *Второй шаг — Комиссия при Росреестре.* Если собственник не находит ошибок, то нужно обратиться в Комиссию по пересмотру кадастровой стоимости при Росреестре РФ для пересмотра кадастровой стоимости в размере рыночной. Для этого необходимы следующие документы:

- 1) выписка из Единого государственного реестра недвижимости о кадастровой стоимости объекта недвижимости, содержащая сведения об оспариваемых результатах определения кадастровой стоимости;
- 2) нотариально заверенная копия правоустанавливающего или правоудостоверяющего документа на объект недвижимости;
- 3) выписка из Единого государственного реестра недвижимости о характеристиках объекта недвижимости, содержащая сведения об основных характеристиках объекта недвижимости;
- 4) отчет, составленный на бумажном носителе и в форме электронного документа.

III. *Третий шаг — суд.* В случае если собственнику отказали в Комиссии по пересмотру кадастровой стоимости при Росреестре РФ, то можно обратиться в суды высшей инстанции субъектов РФ. В судах требуется предоставить:

- 1) решение Комиссии при Росреестре о пересмотре кадастровой стоимости;
- 2) выписку из Единого государственного реестра недвижимости о кадастровой стоимости объекта недвижимости, содержащую сведения об оспариваемых результатах определения кадастровой стоимости;
- 3) нотариально заверенную копию правоустанавливающего или правоудостоверяющего документа на объект недвижимости;
- 4) выписку из Единого государственного реестра недвижимости о характеристиках объекта недвижимости, содержащую сведения об основных характеристиках объекта недвижимости;
- 5) отчет, составленный на бумажном носителе и в форме электронного документа;
- 6) положительное экспертное заключение, выданное экспертом саморегулируемой организацией оценщика [2; 7; 8].

В большинстве случаев, суд является последним этапом в пересмотре кадастровой стоимости объекта недвижимости, так как в судебном процессе одна из сторон может ходатайствовать о назначении судебной экспертизы. Обычно судьи принимают положительное решение после судебной экспертизы.

Если собственнику отказали в суде, то необходимо подавать апелляцию в вышестоящие инстанции.

С 2017 г. вступил силу Федеральный закон № 237 «О государственной кадастровой оценке», который предусматривает изменения ГКО и пересмотра кадастровой стоимости. Но различия со старой процедурой пересмотра кадастровой стоимости минимальны, в основном связаны с составом комиссии и количеством документов [3].

Далее рассмотрим действующую практику оспаривания кадастровой стоимости в США.

Заявления по оспариванию результатов кадастровой оценки могут быть направлены в трех случаях.

1. В связи с получением результатов кадастровой оценки. Собственники недвижимости обычно получают уведомления каждые три года. В нем прописаны данные о старой и новой кадастровой стоимости. Новая стоимость отражает изменения на рынке и другие условия, влияющие на стоимость объекта с момента последней оценки. Тем, кто подает на апелляцию, необходимо отправить подписанную апелляцию обратным письмом в течение 45 дней. После этого будет назначено очное слушание обращения (оно также может быть проведено по телефону или даже по переписке).

2. Собственник недвижимости может до 1 января написать петицию, если в течение последних двух лет его собственность не оценивалась и в этот период времени произошли события, которые могли уменьшить стоимость объекта. Заполненная форма отправляется по почте в отдел кадастровой оценки. После этого назначается очное или заочное слушание.

3. В связи с покупкой недвижимости с 1 января по 30 июня. Направить апелляцию в таком случае можно в течение 60 дней с момента перехода прав собственности. После этого назначается очное или заочное слушание.

Действия собственника недвижимости, несогласным с результатом кадастровой оценки, проходят следующим образом.

Первый этап — инспектор. На первом этапе процесса пересмотр кадастровой стоимости носит условный характер. Собственник недвижимости предоставляет основания для апелляции налоговому оценщику, назначенному инспектором по кадастровой оценке.

Копию с информацией об объекте недвижимости можно бесплатно получить в местном отделе кадастровой оценки. Эта информация будет проверяться на слушании на предмет корректности.

Муниципалитеты обычно рекомендуют представить на слушании наиболее убедительные доказательства: «данные об объектах-аналогах можно получить из целого ряда источников: отделы кадастровой оценки, информация о сделках, доступная в риэлторских компаниях, средствах массовой информации, при личном наблюдении». В информации об объекте недвижимости предлагается проверить все: математическую и физическую правильность указанных данных.

Очевидно, что для корректного установления рыночной стоимости собственнику может не хватить умения и понимания. В таком случае пособия по пересмотру кадастровой стоимости, которые выпускают некоторые из штатов, советуют обратиться к профессиональному оценщику недвижимости.

Второй этап — совет по пересмотру кадастровой оценки. После слушания истец получает уведомление. Если собственник не согласен с решением, он может подать апелляцию в Совет по пересмотру кадастровой оценки. Апелляция должна быть направлена в течение 30 дней с момента последнего решения инспектора.

Совет представляет собой независимый орган, включающий трех (или более — в зависимости от конкретного штата) человек. Каждый из членов Совета обязан иметь квалификацию и опыт в области налогов или оценки. В основном в Совете представлены такие специалисты, как налоговый эксперт, адвокат и оценщик недвижимости.

Список объектов-аналогов, который отдел кадастровой оценки будет представлять в качестве доказательства на слушании, истец может получить для ознакомления, если заполнит соответствующее заявление за 15 дней до даты слушания.

Третий этап — Налоговый суд. Если собственник остается неудовлетворенным решением Совета, он может направить апелляцию в Налоговый суд своего штата в течение 30 дней с момента последнего решения Совета по оспариванию. Налоговый суд представляет собой независимый орган, назначаемый губернатором штата. Судебное слушание более формально, чем предыдущие два этапа апелляции, однако все равно является административным.

В случае несогласия с решением суда, собственник направляет апелляцию в суды высшей инстанции (Высший суд штата, Апелляционный суд штата, далее идут суды федеральной юрисдикции). На этом этапе собственник чаще всего обращается за юридической помощью.

Итак, проанализировав этапы оспаривания кадастровой стоимости недвижимости в России и США, можно сказать, что в России недостаточно широко применяется практика оспаривания кадастровой стоимости. Во многих регионах России комиссия при Росреестре напрямую зависит от региональных властей, которая не дает собственникам при соблюдении законов и сборе всех документов оспорить кадастровую стоимость. А для оспаривания кадастровой стоимости в суде требуется немало затрат, что не каждый собственник недвижимости может себе позволить.

В России как на федеральном, так и на региональном уровнях государство влияет на ГКО, создавая государственные бюджетные учреждения, которые будут проводить кадастровую оценку, тем самым напрямую

контролируя налоги собственников недвижимости. Нет индивидуальных подходов к собственникам объектов недвижимости, вся процедура проведения работ по кадастровой оценке носит массовый характер. В связи с этим кадастровая стоимость некорректна и собственникам приходится оспаривать кадастровую стоимость.

В США в силу давности и активного применения институт практики оспаривания кадастровой стоимости является более развитым и продуманным, чем в России. В России же пока существуют некоторые недостатки законодательства. Дальнейшее развитие данного института видится в выявлении законодателем недочетов на практике, а также изучения опыта зарубежных стран. Из опыта США нам требуется обратить внимание на оптимизацию докомиссионных систем пересмотра кадастровой стоимости, учитывая при этом все доводы и положения собственников.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. 1998. № 31. ст. 3824; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СЗ РФ. 2000. № 32. ст. 3340.
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 05.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
3. О государственной кадастровой оценке: федер. закон от 03.07.2016 г. № 237-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть 1). ст. 4170.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баженова Вячеслава Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 66 Земельного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 01.03.2011. № 275-О-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного суда РФ от 20.06.2012. № 4-АПГ12-11. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.06.2011. № 913/11 по делу № А27-4849/2010. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015. № 21-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изм. от 13.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 20.03.2017).
8. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости: постановление пленума ВС РФ от 30.06.2015 г. № 28 [Электронный ресурс]. URL: <http://lexcodex.ru/plenum-i-prezidium-vs-rf/postanovlenie-plenuma-vs-rf-n-28-ot-30-06-2015-g/> (дата обращения: 20.03.2017).
9. City Of Madison Assessor Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cityofmadison.com/assessor/about/duties> (дата обращения: 20.03.2017).
- Contesting Your Assessment in New York State [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tax.ny.gov/pdf/publications/orpts/grievancebooklet.pdf> (дата обращения: 21.03.2017).
10. How to Become an Assessor [Электронный ресурс]. URL: http://study.com/become_an_assessor.html (дата обращения: 21.03.2017).
11. Iowa Property Assessment Appeal Board [Электронный ресурс]. URL: <https://paab.iowa.gov/about/board-members> (дата обращения: 21.03.2017).
12. Los Angeles County Office of the Assessor [Электронный ресурс]. URL: <http://assessor.lacounty.gov/> (дата обращения: 19.03.2017).
13. Maryland Department of Taxation and Assessment [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dat.state.md.us/sdatweb/> (дата обращения: 22.03.2017).
14. Mass Appraisal Explained [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deltacounty.com/DocumentCenter/Home/View/896> (дата обращения: 21.03.2017).
15. New York State Department of Taxation and Finance [Электронный ресурс]. URL: http://www.tax.ny.gov/pubs_and_bulls/orpts/assessjob (дата обращения: 20.03.2017).

Защита права на изображение гражданина в России и Монголии

© Л. А. Лукьянова
студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
lukyanovalara98@mail.ru
г. Улан-Удэ, Россия

Когда люди научились изображать себя и других людей, возникла проблема охраны прав изображенного лица на его собственное изображение. До определенного этапа формирования социальных взаимоотношений между людьми данный вопрос не требовал правового решения. Об этом свидетельствуют памятники права. Ни в нормах римского права, ни в канонах средневековья, ни в первых правовых актах зарождающегося буржу-

азного общества мы не обнаружим упоминаний о праве на изображение. Разногласия, которые возникали в обществе в связи с публичной демонстрацией изображения человека, решались на основе существующих в стране традиций и норм морали.

Однако в XX в., когда человечество научилось быстро в больших объемах передавать информацию на расстояние, ситуация существенно изменилась. В обществе возникла необходимость защиты права на изображение. Законодателями многих стран мира были разработаны и приняты нормы об охране этого права. К числу таких стран относятся Россия и Монголия.

Данная работа посвящена изучению правового регулирования гражданско-правового института «право на изображение» в сравнительном аспекте действующего законодательства этих стран. В ходе анализа постараемся выделить общие черты и особенности, присущие правовым нормам нашей страны и соседней — Монголии.

Защита права на изображение является неотъемлемой частью гражданского права этих стран.

В Российской Федерации указанное право относится к числу личных нематериальных объектов гражданских правоотношений, поэтому ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» включена в главу 8 «Нематериальные блага и их защита» Гражданского кодекса Российской Федерации части первой (далее по тексту — ГК РФ). Кроме того, участники гражданских правоотношений руководствуются разъяснениями постановления пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» (далее по тексту — постановление пленума ВС РФ от 23 июня № 25), обязательного для применения всеми судами общей юрисдикции.

В Гражданском кодексе Монголии, принятом Великим Государственным Хуралом (однопалатным парламентом) в 1994 г. и вступившим в силу 1 января 1995 г., с изменениями, внесенными в 2002 г., в статье 6 ГК дано понятие объектов гражданского права, которое включает в себя в том числе неимущественные права (ст. 6.2 ГК Монголии). Однако в кодексе отсутствует раздел об объектах, поэтому право на изображение закреплено в главе 3 «Граждане» пунктах 5 и 9 статьи 21 «Защита имени, чести, достоинства и деловой репутации».

С целью защиты права на изображение ГК РФ закрепляет правило о том, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина.

Под обнародованием изображения гражданина понимают осуществление действия, которое впервые делает это изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети Интернет [3].

Согласие гражданина может содержать ряд условий, которые определяют порядок и пределы обнародования и использования его изображения, например, срок, на который оно дается, или способ использования данного изображения. Согласие гражданина, которое было дано ранее на использование его изображения может быть отозвано в любое время [2].

Монгольское законодательство формулирует право гражданина на защиту изображения в статье 21.5 ГК Монголии. Согласно данной норме гражданин имеет право требовать компенсации вреда, если полагает, что ему нанесен вред несанкционированной демонстрацией его изображения в фото-, видео- и кино съемках, методом изобразительного искусства и другими способами.

Как мы видим, и в Монголии, и в Российской Федерации право на изображение сформулировано законодателями как абсолютное и по содержанию очень схоже. Однако в ГК Монголии в отличие от ГК РФ не используется понятие «обнародование изображения», а употребляется термин «несанкционированная демонстрация» (в некоторых источниках дается другой перевод — «публичная демонстрация без согласия гражданина»). Сравнивая эти термины, можно сделать вывод о том, что монгольское законодательство шире определяет содержание права на изображение, так как не связывает его защиту лишь с первой публикацией изображения гражданина.

Гражданское законодательство стран-соседей устанавливает исключение из установленного правила.

Так, по российскому закону обнародование и использование изображения гражданина без его согласия допускаются в следующих случаях:

1. Использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах.

При этом под публичным интересом следует понимать следующее, если обнародование и использование изображения гражданина, являющегося публичной фигурой, осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу общественно значим.

К случаям использования изображения гражданина без его согласия Верховный суд РФ также относит случаи, когда оно необходимо в целях государственной безопасности и защиты правопорядка (например, в связи с розыском граждан) [3].

2. Когда изображение, получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, в том числе открытых судебных заседаниях, или на публичных мероприятиях (на собраниях, конференциях, концертах, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях).

3. Гражданин позировал за плату.

Анализ действующего законодательства позволяет к указанному перечню также отнести случаи, когда изображенные на коллективном фотоснимке граждане очевидно выразили свое согласие на фотосъемку и при этом не запретили обнародование и использование фотоснимка, то один из этих граждан вправе обнародовать и использовать такое изображение без получения дополнительного согласия на это от иных изображенных на фото-

снимке лиц; когда после смерти гражданина не осталось лиц, которые по закону вправе давать согласие для обнародования и использования изображения данного гражданина (супруг, дети, родители) [3].

Согласно ст. 21.6 ГК Монголии не требуется разрешение гражданина:

- 1) если его изображение было использовано для пропаганды занимаемого им места в обществе;
- 2) при съемках в учебных и научных целях;
- 3) при изображении его в деловой обстановке среди многих других;
- 4) если это лицо получило заработок или гонорар за то, что его изображение было использовано.

Приведенные перечни близки по содержанию. И в России, и Монголии не требуется согласия гражданина на публикацию (обнародование) его изображения, если он позировал за плату, а также когда изображение получено при съемке в обстановке среди других лиц на каких-либо публичных мероприятиях. В то же время полагаем, что «использование изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах без согласия гражданина» по российскому закону охватывает большее количество случаев, чем это предусматривает ГК Монголии («использование изображения гражданина для пропаганды занимаемого им места в обществе; при съемках в учебных и научных целях»).

Между тем в отличие от монгольского законодательства российский закон содержит указание на необходимость получения от гражданина согласия в любом случае, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является извлечение прибыли либо удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни. Аналогичного уточнения нет в ГК и других правовых актах Монголии.

Наибольший практический интерес вызывает вопрос о способах защиты нарушенного права на изображение. По сравнению с законодательством соседнего государства российское законодательство более детально регламентирует данный вопрос. Как и все нематериальные блага, право на изображение в нашей стране защищается в случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения [2].

В качестве основных способов защиты права на изображение в России можно выделить следующее:

- 1) признание судом факта нарушения права на изображение;
- 2) восстановление положения, существовавшего до нарушения права;
- 3) пресечение и запрещение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 4) самозащита права;
- 5) компенсация морального вреда;
- 6) изъятие из оборота и уничтожение без какой бы то ни было компенсации изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащих изображение гражданина;
- 7) удаление изображения в сети Интернет, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения и др.

По законодательству Монголии можно выделить общие и специальные способы защиты нарушенного права на изображение.

Так, в ст. 9 ГК Монголии имеется открытый перечень способов защиты нарушенного права. Лицо, чье право на изображение нарушено, может избрать любой способ защиты, включая восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право, компенсацию неимущественного (морального) вреда, самозащиту и другие.

В качестве специального и основного способа, указанного в п. 5 и 9 статьи 21 ГК Монголии, является компенсация (в некоторых переводах — ликвидация), возмещение вреда потерпевшим или заинтересованным лицам. При этом может быть возмещен как материальный, так и нематериальный вред (ст. 497, 511 ГК Монголии). При определении размеров возмещения нематериального вреда учитываются способы распространения информации, сфера охвата, последствия для душевного состояния потерпевшего и другие обстоятельства [1].

Анализ указанных норм свидетельствует о наличии сходства способов защиты права на изображение двух стран. Это и возможность компенсации вреда, прежде всего нематериального (морального) вреда, пресечение действий, нарушающих право, самозащита и др. И в той, и в другой системе законодательства выбор способов защиты права на изображение неограничен. В то же время в российском гражданском законодательстве арсенал способов защиты больше и по содержанию, на наш взгляд, они более действенные и эффективные.

Такие способы, как изъятие из оборота и уничтожение без компенсации материальных носителей, содержащих изображение гражданина; удаление изображения в сети Интернет, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения, в законодательстве Монголии отсутствуют. Однако анализ действующих норм права Монголии говорит о том, что возможность применения этих способов не исключается, так как Гражданский кодекс предусматривает использование иных способов, не перечисленных в статьях 9 и 21.

Таким образом, можно сделать вывод, что одной из целей защиты нематериальных благ в государственной политике России и Монголии является защита права на изображение гражданина. При этом отмечаем большое сходство в определении понятия «право на изображение», перечней случаев, когда для обнародования (публичной демонстрации) изображения гражданина не требуется его согласие и др. Имеющиеся отличия касаются, во-первых, расширительного толкования содержания «права на изображение» по ГК Монголии по сравнению с российским законом, во-вторых, несовпадения случаев, когда возможно использование изображения гражданина без его согласия, по ГК РФ их значительно больше, чем по ГК Монголии; в-третьих, более детальной регла-

ментации защиты права на изображение, а также способов защиты нарушенного права на изображение. По сути, в монгольском законодательстве данный гражданско-правовой институт закрепляет лишь пункт 5 в статье 21 ГК, в то время как ГК РФ это регламентирует статьей 152.1, а также обязательными для применения разъяснениями, содержащимися в постановлении пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (пункты 43–49). Остальные отличия не столь существенны и выражаются в основном в использовании законодателями различных терминов и формулировок.

Анализ норм законодательства России и Монголии, регулирующих гражданско-правовые отношения, возникающих в связи с защитой права граждан на изображение, показал, что географическая близость, соседство, взаимные контакты, дружба и «живое» общение народов «дают свои плоды». Несмотря на своеобразие и большие различия между странами, в частности, в экономике, культуре и других сферах, нормы права в области гражданского законодательства весьма схожи.

Литература

1. Гражданский кодекс Монголии от 10 января 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 12.04.2017).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2017 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 г. № 25. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Фадеева Е. Ю. К вопросу о взыскании компенсации морального вреда // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы IV студ. межвуз. конф., посвящ. 75-летию НГАУ. Новосибирск, 2011.

Зарубежный опыт правового регулирования оплаты и стимулирования труда различных категорий работников

© О. Д. Нимацыренова

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

o.yunanimacyrenova@mail.ru

В зарубежной практике применяются две модели организации оплаты и стимулирования труда: американская и японская. В качестве форм регулирования системы оплаты и стимулирования труда в мировой практике используется:

- 1) государственное регулирование посредством установления минимального уровня заработной платы, предельных размеров ее роста в период спада экономики, осуществления налоговой политики;
- 2) коллективное договорное регулирование на государственном и отраслевом уровнях;
- 3) заключение договоров между правительством, руководством отраслей и профсоюзами в части определения общего порядка индексации доходов, форм и методов исчисления заработной платы, размеров разовых повышений ее уровня, социальных выплат и льгот (в том числе пособий по безработице);
- 4) фирменные коллективные договоры — организации самостоятельно устанавливают размеры тарифных ставок и окладов, доплат и надбавок, утверждают систему участия в прибылях и т. д.;
- 5) саморегулирование — рынок рабочей силы определяет среднюю заработную плату и др.

Обозначенные формы регулирования тесно взаимосвязаны, взаимодействуют и влияют друг на друга, при этом создают единый механизм регулирования оплаты труда. Вместе с тем система организации оплаты и стимулирования труда в каждой из стран имеет свою специфику. Если в Японии главенствующими критериями являются стаж и рационализаторство, то в США — квалификация [3, с. 214]. Система стимулирования в развитых странах базируется на использовании двух направлений: стимулирование роста производительности труда и стимулирование повышения качества рабочей силы. При этом первое направление является приоритетом систем, которые направлены на стимулирование роста эффективности производства.

Япония является страной, добившейся наиболее значительных успехов в управлении мотивацией труда. Система оплаты и стимулирования труда Японии основана на трех основных принципах: пожизненный наем персонала, принцип старшинства при определении заработной платы и служебного повышения и введение внутрифирменных профсоюзов. Главным преимуществом японских предприятий являются методы управления персоналом и практика понимания особой важности качества человеческого капитала в повышении производственных показателей. В соответствии со сформировавшейся в Японии психологией, индивиды и группы не разделяются, т. е. не принято поощрение соревновательных действий отдельных сотрудников в группе. По устойчивому мнению японцев, такая практика позволяет избежать конфликтов в группе и способствует укреплению единства в коллективе, а соперничество между коллективами хорошо поощряется. Подобные методы удовлетворяют потребность сотрудников в причастности, что, в конечном счете, обеспечивает мотивацию к труду больше, чем стимулирование труда. Проводимые на регулярной основе групповые мероприятия, которые

не входят в производственный процесс, способствуют поддержанию трудовой дисциплины. По мнению японцев, именно дисциплина является основой корпоративного духа, являющегося достаточно эффективным методом мотивации труда. Помимо этого, руководство японских компаний уделяет значительное внимание доверительным отношениям с персоналом, будучи уверены в том, что доверие порождает ответственное доверие [2, с. 24].

Еще одной отличительной особенностью системы стимулирования труда Японии является проявление заботы со стороны руководителей к своим подчиненным, их жизни и жизни членов их семей. Подобная практика позволяет временно сократить величину выплат по оплате труда, при этом предполагает выплаты потенциально больших средств для покрытия затрат, потраченных работником для удовлетворения интересов предприятия. Также необходимо отметить, что «пожизненное трудоустройство» достаточно часто используется в частных компаниях и крупных корпорациях промышленного сектора. Такая практика гарантирует сотрудникам занятость до выхода в отпуск по достижению пенсионного возраста, повышение в должности и увеличение заработной платы в зависимости от срока работы в компании.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в системе пожизненного найма в случае снижения потребности в кадрах вследствие внедрения высоких технологий работники не сокращаются, а переводятся на другой участок работы. Эта система функционировала несколько десятилетий, и новые требования современного развития поставили вопрос об эффективности такой системы. Происходящие глобальные процессы, размытие торговых границ, появление транснациональных корпораций-гигантов — все это дало понять японцам о потребности в сильных личностях и создании для них благоприятных условий для развития. Крупные технологичные компании Японии сегодня привлекают специалистов из других развитых стран. Несмотря на это, пожизненный найм в настоящее время остается основным фактором мотивации труда в Японии, так как ему присущи масса преимуществ, заключающиеся в стабильности занятости для работника и работодателя, в поддержании низкого уровня безработицы для страны и общества в целом.

Американскую систему стимулирования труда следует рассматривать с позиции концепции развития человеческих ресурсов. Данная концепция сформировалась благодаря изменениям условий хозяйствования субъектов предпринимательства в различных сферах деятельности, которые повысили роль труда работников в производстве. Состояние конкурентоспособности предприятий начали измерять обеспеченностью квалифицированным персоналом, уровнем ее мотивации, формами организации труда и другими факторами, влияющими на эффективное использование рабочего труда. Осуществление стратегии развития человеческих ресурсов требует определенных затрат помимо выплаты заработной платы: затраты на отбор персонала, его обучение, социальное страхование и т. д. Помимо этого, эффективный человеческий капитал способен создавать доходы, которые поступают в распоряжение работодателя, и в этой способности выражается «ценностный» аспект стратегии развития человеческих ресурсов. Величина дохода зависит от производительности труда, его продолжительности и эффективности, а работник, обладающий высокой квалификацией, компетенциями, принесет предприятию более высокий доход, который определяет его «ценность» для предприятия.

В концепции развития человеческих ресурсов значительная роль отведена развитию работников высшего звена, так как уровень их подготовки и квалификации отражается на конечных результатах деятельности предприятия. По этой причине любая организация в США стремится закрепить «управленческую верхушку» посредством ведения системы вознаграждения, предоставления социальных и других льгот и поощрений. Вместе с тем концепцию развития человеческих ресурсов все-таки можно считать прагматичной, так как здесь главенствует принцип окупаемости произведенных затрат на сотрудников. В американских компаниях сегодня в использовании труда работников параллельно осуществляют две стратегии. В рамках первой стратегии компании стремятся обеспечить потребности собственного производства в качественной рабочей силе с целью достижения конкурентных преимуществ. Вторая стратегия связана с дополнительными вложениями в повышение квалификации и компетенции персонала, а также с созданием благоприятных условий для ее эффективного использования. Использование двух стратегий одновременно предоставляет возможность американским компаниям поддерживать низкий уровень текучести кадров.

Американская система оплаты труда имеет следующие специфические особенности:

- 1) большинство работников получает повременную оплату, что обусловлено развитой системой организации труда, когда производительность труда от рабочего практически не зависит;
- 2) размер минимальной заработной платы устанавливается законодательством, регулируется законом, при определении среднего уровня оплаты компании опираются на соответствующие показатели местного рынка отрасли;
- 3) на абсолютную величину заработной платы влияет квалификация работника и стоимость проживания в данной местности;
- 4) повышение размера заработной платы осуществляется ежегодно для всех работников, прошедших аттестацию. Оценивает проделанную работу руководитель организации на основе сведений, представленных непосредственным руководителем;
- 5) как правило, размер оплаты труда инженерно-технических работников США является высоким, поэтому их величину не оглашают, как и зарплаты руководящих должностей. Размеры оплаты их труда не фиксированы, они оговариваются индивидуально [1, с. 263].

Система оплаты труда американских компаний характеризуется хорошей мотивацией труда, стимулирующей увеличение производительности труда, повышение качества продукции и сокращение издержек производства. Некоторые крупные американские компании используют традиционную и гибкую систему оплаты одновременно: на уровне компании или структурного подразделения применяется система, предполагающая уча-

стие сотрудников в прибыли, а на уровне производственных участков — система распределения доходов. Как показывает опыт, гибкая форма оплаты труда предоставляет возможность значительного повышения уровня оплаты труда при одновременном росте производительности труда и прибыльности производства. С другой стороны, кроме материального стимулирования гибкие системы оплаты труда включают элементы морального стимулирования сотрудников, так как в данном случае производительность труда зависит во многом не от квалификации работника, а от рациональной организации труда. Американским предприятиям свойственно отслеживание динамики оплаты труда персонала конкурентов для определения базовых ставок оплаты труда. Целью определения рыночных ставок оплаты труда является удержание имеющихся и привлечение новых ценных кадров. Обобщение мирового опыта позволяет выделить основные принципы, на которых базируются современные системы оплаты и стимулирования труда:

- 1) зависимость заработной платы работника от производительности труда и качества работы;
- 2) дифференциация оплаты труда в зависимости от квалификации работников, условий труда и отраслевой принадлежности компании;
- 3) рост уровня заработной платы на системной основе;
- 4) превышение темпов роста производительности труда над темпами роста средней заработной платы;
- 5) предоставление предприятиям максимальной самостоятельности в вопросах организации и оплаты труда, при этом регулирование оплаты труда государством не отменяется.

Важную роль в материальном стимулировании работников играет система социальных выплат и участие в прибылях предприятия. В развитых странах, чаще всего, применяется повременная форма оплаты труда, способствующая производству продукции высокого качества, улучшающая психологический климат в коллективе, позволяющая сэкономить фонд заработной платы при неполной занятости работников. Вместе с тем в последнее время индивидуализация заработной платы все более широко распространяется, которая базируется не только на оценке способностей сотрудника, но и их умении в решении проблем производственного процесса.

Рассматривая зарубежный опыт оплаты труда, стоит отметить, что материальное стимулирование является важнейшим, даже определяющим, но не единственным фактором привлечения рабочей силы в современных условиях. Кроме размера и периодичности вознаграждения определенное значение имеют стабильность деятельности предприятия, возможность карьерного роста, удаленность работы от места проживания, микроклимат в коллективе, удовлетворенность трудом в целом, социальные стимулы и другое.

В условиях развития индустриально-инновационного развития экономики все большую долю среди общего количества предприятий будут занимать венчурные компании и малые инновационные предприятия.

Для примера можно привести опыт мотивации и стимулирования труда в компании Google, являющейся одной из крупнейших инновационных корпораций, при этом сохранившей индивидуальные подходы к организации труда персонала и регулярно признаваемой международными экспертами одной из лучших компаний-работодателей [4, с. 219–224].

Приведем лишь несколько примеров этих корпоративных социальных льгот и преимуществ:

- 1) возмещение юридических расходов для сотрудников в размере до 5 000 долл. США;
- 2) оплата отпуска по уходу за ребенком до 18 недель на уровне около 100% средней заработной платы сотрудника;
- 3) финансовая поддержка после рождения ребенка;
- 4) предоставление услуг мойки автомобиля, смены масла, ремонта велосипедов, химчистки, залов для занятий фитнесом, массажа и услуг стилиста доступны в штаб-квартире компании;
- 5) наличие в офисах кабинета врача и бесплатного фитнес-центра;
- б) предоставление не только бесплатных обедов и ужинов в офисе, но и приготовление ассортимента вкусных и здоровых блюд, подготовленных ежедневно для гурманов шеф-поварами [5].

Таким образом, в Японии и США в последние десятилетия накоплен значительный опыт подготовки высококвалифицированных работников производственной сферы и руководителей. Крупные предприятия развивают многостороннюю деятельность по обучению и подготовке своих работников, такую как организация отделов, специализирующихся на обучении и подготовке работников, учреждение центров содержательной профессиональной подготовки, составление программ систематического обучения, дифференцированных по должностям и квалификации, предоставление возможностей для стажировки, а также различной информации о методах эффективного проведения обучения во время работы.

Литература

1. Герчикова И. Н. Менеджмент: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2012. 511 с.
2. Захаров А. Н. Зарубежный опыт мотивации и оплаты труда // Вестник НГИЭИ. 2014. № 9 (40). С. 24–27.
3. Кувшинов А. И. Теоретические основы мотивации труда работников сельскохозяйственных предприятий // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 6(38). С. 213–216.
4. Панзабекова А. Ж., Турабаев Г. К. Зарубежный опыт формирования системы оплаты и стимулирования труда в условиях инновационного развития // Вестник Национальной академии Республики Казахстан. 2016. № 5. С. 219–226.
5. Looking for a Lesson in Google's Perks // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2013/03/16/business/at-google-a-place-to-work-and-play.html?_r=0 (дата обращения: 17.05.2017).

Сравнительно-правовой анализ института франчайзинга на примере России и Вьетнама

© А. О. Новоселова

студентка 4-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

kompas2920@mail.ru

Франчайзинг как способ осуществления предпринимательской деятельности является неотъемлемой частью рыночной экономики развитых зарубежных стран. И если франчайзинг в развитых странах — это популярный способ ведения бизнеса, то в развивающихся странах льготное предпринимательство только начинает приобретать полноценный экономико-правовой формат, завоевывать популярность и доверие местных предпринимателей. Франчайзинг может реально повлиять на экономическую обстановку в стране, улучшить ее, мало того, представители развивающихся стран уже оценивают позитивное значение франчайзинга.

В конце 90-х гг. прошлого столетия во Вьетнаме начал зарождаться франчайзинг. В 1998 г. пионером в продвижении вьетнамского франчайзинга стала компания «Trung Nguyen Coffee» (Чунг Нгуен кофе), которая в настоящее время располагает более 1 200 торговыми точками по всей стране. После вступления Социалистической Республики во Всемирную торговую организацию (ВТО) в январе 2007 г., начался активный приток иностранного франчайзинга. И сейчас местный потребитель имеет возможность воспользоваться продукцией и услугами известных мировых брендов, таких как «Кизфси», «Макдональдс», «Старбакс», «Лоттерия», «Адидас», «Найк» и др. Среди местных брендов, работающих по системе франчайзинга, можно отметить ресторанную группу «The Golden Gate» (Золотые ворота), действующую с 2005 г., «Pho 24», ресторан, специализирующийся на вьетнамской суп-лапше (с 2003 г.), «Highlands Coffee» (Кофе Высокогорья), «KinH Do» (Кинь До, пекарни), «NINO MAXX» (Нино Макс, модная одежда), «T & T» (обувь) и другие [8].

В России, в свою очередь, первооткрывателем стала научно-производственная фирма «Дока» Владимира Довганя, занимающаяся производством мини-пекарен и оборудования для изготовления хрустящего картофеля. Образованные в 1993 г. компании «Дока-Пицца» и «Дока-хлеб» также работали по принципу франчайзинга. В 1992 г. в Москве было открыто первое кафе-мороженое «Баскин Роббинс». В настоящее время лидирующие позиции среди отечественных предприятий, применяющих систему франчайзинга, занимает сеть кафе-мороженое «33 пингвина», сеть точек быстрого питания «Стардог!s», гипермаркет детских игрушек «Бегемот». Лидерами иностранных франшиз являются сеть ресторанов «Сабвэй» и сеть кафе-мороженое «Баскин Роббинс» [3].

Нормативно-правовую базу вьетнамского франчайзинга составляют статьи 284–291 Закона о коммерческом праве 2005 г. [9], Указ Правительства № 35/2006/ND-CP [5], детализирующий положения коммерческого франчайзинга, Указ Правительства № 120/2011/ND-CP [6], внесший изменения в Указ № 35/2006/ND-CP, Циркуляр Министерства торговли № 09/2006/ТТ-ВТМ [4], регламентирующий порядок регистрации франчайзинга и статья 95 Указа Правительства № 185/2013/ND-CP [7], устанавливающая административную ответственность за нарушение правил предоставления франшизы. В России франчайзинг урегулирован главой 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], получившей наименование «коммерческая концессия».

Статья 284 Закона о коммерческом праве 2005 г. определяет коммерческую франшизу (франчайзинг) как коммерческую деятельность, в которой франчайзер предоставляет право франчайзи взять на себя обязательство самостоятельно приобретать или продавать товары, или оказывать услуги при соблюдении условий о том, что деятельность франчайзи будет соответствовать методам организации бизнеса франчайзера, ассоциироваться с торговыми марками, фирменными наименованиями, бизнес-ноу-хау, слоганами, логотипами и рекламой франчайзера. И если в определении франчайзинга, обремененного в коммерческую концессию (ст. 1027 ГК РФ), в большей степени уделяется внимание предоставлению прав на объекты интеллектуальной собственности, что свойственно скорее природе лицензионного договора, то определение франчайзинга в рамках статьи 284 отражает признаки правовой природы именно франчайзинга, то есть установление тесных коммерческих взаимоотношений.

Урегулированы во Вьетнаме и преддоговорные отношения франчайзинга: правообладатель предоставляет копию договора франчайзинга и документ о раскрытии информации потенциальному пользователю минимум за 15 рабочих дней до подписания договора, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Образец документа о раскрытии информации закреплен в приложении 3 к Циркуляру Министерства торговли № 09/2006/ТТ-ВТМ. Кроме того, закон устанавливает встречное обязательство для франчайзи о предоставлении всей обособленно запрашиваемой информации со стороны франчайзера.

В России отсутствуют нормы, регулирующие преддоговорные отношения франчайзинга. Общие положения о переговорах, закрепленные в статье 434.1 ГК РФ, могут послужить фундаментом для построения таких отношений между партнерами, но, учитывая специфику коммерческого взаимодействия, регламентация дофранчайзингового этапа все же крайне необходима для выстраивания высококачественных, надежных и цивилизованных предпринимательских отношений.

Договор франчайзинга во Вьетнаме может заключаться в письменной, устной, конклюдентной формах (ст. 285 Закона о коммерческом праве 2005 г.). Содержание договора включает в себя непосредственно само коммерческое право, права и обязанности сторон, цену, срок, который устанавливается по усмотрению контрагент-

тов, а также основания для расторжения соглашения. Сам договор вступает в силу с момента его заключения, если иное не предусмотрено соглашением.

Отечественное законодательство предусматривает только письменную форму договора, что свидетельствует о том, что пока отношения франчайзинга в России не готовы к свободному оформлению. Содержание договора также охватывает комплекс исключительных прав, их объем с возможностью указания территории, на которой пользователь (франчайзи) имеет право осуществлять свою деятельность, право на субконцессию (субфранчайзинг), права и обязанности сторон, ограничения деятельности контрагентов, основания для расторжения договора и другое.

Во Вьетнаме не требуется регистрация внутреннего договора франчайзинга, также как и договора франчайзинга, продвигающего товары и (или) услуги вьетнамского происхождения за пределами страны. Законодатель устанавливает требование о регистрации только иностранного франчайзинга (ст. 18 Указа Правительства № 35/2006/ND-CP), а именно деятельности самого франчайзера, который сможет пройти такую регистрацию при соблюдении минимального срока (не менее одного года) эксплуатации бизнес-системы на территории своего государства, а также при наличии всех необходимых лицензий для реализации товаров и (или) услуг (ст. 5 Указа). Регистрацию осуществляет Министерство промышленности и торговли (МОИТ) Социалистической Республики Вьетнам. Министерство выступает не только регистрирующим, но и контрольно-координирующим органом в области франчайзинга, занимающееся и предложениями по усовершенствованию франчайзингового законодательства.

Напомним, что отечественное законодательство устанавливает требование о регистрации перехода исключительных прав по договору коммерческой концессии (ст. 1028 ГК РФ), которую осуществляет Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). Некоторые российские ученые придерживаются позиции о целесообразности в отмене императивной нормы о регистрации и установления регистрации на договорной основе [2, с. 137–138, с. 115]. Свою позицию обосновывают продолжительностью процедуры регистрации и опасением иностранных франчайзеров в разглашении ценной коммерческой информации.

В отличие от договора коммерческой концессии, в котором должна быть оговорка о субфранчайзинге, вьетнамское законодательство не устанавливает таких требований. Если франчайзи желает предоставить франшизу вторичному пользователю, ему достаточно сделать запрос, на который в течение 15 дней должен дать ответ франчайзер, молчание же означает согласие. Кроме того, закон устанавливает закрытый перечень оснований для отказа франчайзера в предоставлении франшизы вторичным пользователям (п. 4 ст. 15 Указа Правительства № 35/2006/ND-CP). В такой ситуации может возникнуть риск не подконтрольной франчайзеру передачи ценной коммерческой информации, поэтому изначальная договоренность между контрагентами позволит в будущем избежать нежелательных ситуаций.

Несмотря на то, что по своей юридической природе договор франчайзинга — это возмездный договор, из буквального толкования норм статей 286, 289 закона следует, что право франчайзера на получение сумм от использования франшизы и корреспондирующая обязанность франчайзи в оплате таких сумм возникают в том случае, если иное не предусмотрено договором. Отсюда возникает вопрос, что именно имел в виду законодатель — абсолютное отсутствие условий о цене в договоре или возможную альтернативу денежной оплате в иной форме встречного предоставления, скажем, оказания услуг. На этот счет в российском законодательстве не возникает сомнений в том, что договор носит исключительно возмездный характер (п. 1 ст. 1027 ГК РФ).

Нормы Закона о коммерческом праве 2005 г., регламентирующие права и обязанности контрагентов, не являются императивными, то есть они могут быть изменены по соглашению сторон. Примечательно, что вьетнамское законодательство нормативно отражает не только обязанности сторон по договору, как это делает ГК РФ, но и закрепляет отдельными нормами права франчайзера и франчайзи.

Перечислим некоторые наиболее интересные обязанности франчайзера по законодательству Вьетнама (ст. 287 закона): спроектировать и организовать места продажи товаров или предоставления услуг за счет франчайзи в равной степени относиться ко всем франчайзи в коммерческой системе франчайзинга. Равное отношение заключается в невозможности отказать одному франчайзи в заключении договора франчайзинга на новый срок и продлении договора с другим франчайзи, а также в предоставлении права на субфранчайзинг одному предпринимателю и отказе в таком праве другому. Несмотря на то, что по общему правилу такая обязанность является диспозитивной, она все же носит императивный характер. Равное отношение выступает определенным принципом франчайзинговых отношений во Вьетнаме наряду с добросовестностью поведения участников соглашения. Среди обязанностей франчайзи отметим прекращение использования объектов интеллектуальной собственности в случае истечения срока договора или его расторжения, а также сохранение в тайне ноу-хау, даже после истечения срока договора или его расторжения. На наш взгляд, такое законодательное уточнение вполне уместно, так как тем самым устраняется возможное незаконное использование франчайзи промышленной собственности правообладателя. Аналогичная отечественная норма (шестой абзац, ст. 1032 ГК РФ) не содержит такого рода уточнения, но из смысла норм, регулирующих секрет производства, следует, что тот, кому предоставлено право пользования сведениями, составляющими ноу-хау, должен сохранять их конфиденциальность (п. 3 ст. 1469 ГК РФ) до прекращения исключительного права на секрет производства.

Односторонний отказ франчайзера от договора коммерческой франшизы возможен только в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 16 Указа № 35/2006/ND-CP): прекращение действия бизнес-лицензий, банкротство, нарушение закона, которое может повлиять на репутацию франчайзера, нарушение условий договора и их не исправление в течение разумного срока. Для франчайзи также установлено соответствующее право на одно-

стороннее расторжение договора — нарушение обязательств франчайзером. Отличие отечественной регламентации заключается в отсутствии нормы, прямо предусматривающей основание для одностороннего отказа от договора пользователем. И на наш взгляд, принципиально важно закрепить такую норму и в отечественном законодательстве.

Цель проведенного краткого сравнительно-правового анализа законодательства о франчайзинге двух стран — России и Вьетнама, сводилась к тому, чтобы наглядным образом продемонстрировать, как один и тот же правовой институт подвергается индивидуальной оценке законодателя, которая, в свою очередь, приводит к различным механизмам его урегулирования. Несмотря на то, что Вьетнам не относится к числу передовых франчайзинговых стран с многолетним опытом, практикой и теорией ведения бизнеса через систему франчайзинга, мы наблюдаем весьма качественные и продуманные правовые положения, которые при соблюдении специфики отечественной экономической и правовой сфер могут найти отражение и в российском законодательстве, в частности, нормы о требованиях к франчайзеру, который должен эксплуатировать предприятие не менее одного года, а также к будущему субфранчайзеру, принцип равного отношения ко всем франчайзи, конкретизация прав и обязанностей сторон в отдельных нормах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23.05.2016 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 410.
2. Еремин А. А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2015. 216 с.
3. Климова С. В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте: дис. ... канд. юр. наук. М., 2011. 221 с.
4. Национальный реестр франшиз [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusfranch.ru/nfr/spisok_franshiz_reestra/ (дата обращения: 26.04.2017).
5. Circular the Ministry of Trade № 09/2006/ТТ-ВТМ (issued on 25 May 2006) [Электронный ресурс]. URL: <http://hethongphapluatvietnam.com/circular-no-09-2006-tt-btm-of-may-25-2006-guiding-the-commercial-franchising-registration.html> (дата обращения: 26.04.2017).
6. Decree the Government № 35/2006/ND-CP (issued on 31 March 2006) [Электронный ресурс]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/en/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=5762 (дата обращения: 26.04.2017).
7. Decree the Government № 120/2011/ND-CP (Decree 120) [Электронный ресурс]. URL: <https://hanoi.eregulations.org/media/Decree%201202011ND-CP%20dated%202016%20December%202011%20of%20the%20Government.htm> (дата обращения: 26.04.2017).
8. Decree the Government № 185/2013/ND-CP [Электронный ресурс]. URL: <http://vietnamlawenglish.blogspot.co.ke/2013/11/vietnam-decree-no-1852013nd-cp-on.html> (дата обращения: 26.04.2017).
9. Franchising in Vietnam: overview [Электронный ресурс]. URL: https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/1-6311849?_lrTS=20170420104657205&transitionType=Default&c (дата обращения: 26.04.2017).
10. The Vietnam Commercial Law 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/en/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=5497 (дата обращения: 26.04.2017).

Недействительность брака по семейному законодательству Российской Федерации и некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона

© И. А. Павлова

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*г. Улан-Удэ, Россия
000.0909@mail.ru*

Одним из важнейших приоритетов любого государства является защита института семьи и брака. На пути к процессу заключения брака право создает разнообразные юридические барьеры, дабы избежать заведомо неполноценных союзов. Совершается это с помощью детальной регламентации порядка вступления в брак. Однако вопреки урегулированию регистрации нарушения при заключении брака появляются нередко. Отдельные из этих нарушений, предписанные в законе, выступают как основания признания брака недействительным. Проблема недействительности брака выступает как одна из наиболее сложных и запутанных. Она несет достаточно негативные последствия как для государства в целом, так и для отдельных субъектов в частности. Подобный союз не приводит к возникновению у супругов прав и обязанностей, а также образованию семьи вообще.

В современном законодательстве Российской Федерации понятие недействительность брака отсутствует, а содержится лишь исчерпывающий перечень оснований признания брака таковым. Согласно ст. 27 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) в число оснований включены отсутствие добровольного волеизъявления на вступление в брак; недостижение брачного возраста; наличие другого нерасторгнутого брака; близкое родство по

прямой восходящей и нисходящей линии; отношения усыновления; недееспособность супругов или одного из них вследствие психического расстройства, установленная судом до регистрации брака; сокрытие одним из супругов наличия венерической болезни ВИЧ-инфекций; вступление в брак без намерения создать семью (фиктивный брак) [6].

Статистика указывает на то, что наиболее часто встречающимся основанием признания брака недействительным (97–98%) выступает существование другого нерасторгнутого брака [7, с. 379].

Актуальным представляется вопрос, о не включении в качестве основания признания брака недействительным факта совпадения пола супругов. Не исключены случаи перемены одним из супругов гендерной принадлежности в период состояния в браке. Дальнейшая судьба подобных браков не ясна. Интересным является вопрос об утаивании одним из супругов такого обстоятельства, как перемена пола или гермафродитизм. Установление юридических последствий недействительности брака в данных случаях достаточно уместно.

К перечню оснований также не отнесены корыстные побуждения. По мнению В. А. Рясенцева, «брак по расчету» регистрируется для создания семьи, но основан этот брак не на чувстве любви, а на меркантильных соображениях [4, с. 121]. Противоположенный взгляд у Л. М. Пчелинцевой, которая определяет подобный брак, как брак заключенный хотя и из определенных корыстных побуждений со стороны одного или обоих супругов, однако цель создать семью присутствует [4, с. 117].

В настоящее время добросовестный супруг имеет право настаивать лишь на расторжении брака, хотя для защиты его имущественных прав и компенсации морального вреда справедливо предусмотреть возможность требования признания брака недействительным.

Анализ законодательства некоторых стран АТР в данной области общественных отношений позволяет сделать вывод о совпадении большинства положений института недействительности брака. И все-таки некоторые страны имеют свою специфику данного института. Так, в ст. 10 закона Китайской Народной Республики «О браке» порядок признания брака недействительным именуется аннулированием. Граждане могут обратиться с заявлением в учреждение, которое производило государственную регистрацию брака либо в народный суд. Также в вышеуказанной статье отмечено, что брак, заключенный с нарушением необходимых условий или при наличии обстоятельств, препятствующих его заключению, не порождает супружеских правоотношений. Одна-ко дети, как и в российском законодательстве, рожденные в недействительном браке, уравниваются в правах с детьми, рожденными в законном браке (ст. 12 Закона КНР «О браке»). Интересным представляется судьба имущества, которое было нажито в период существования недействительного союза, так как она определяется лицами, заключившими брак, на основании соглашения. Если же соглашения достичь невозможно, спор рассматривается народным судом. Безусловно, и то, что приоритетом выступает защита прав и законных интересов стороны, которая не знала и не могла знать о наличии обстоятельств или нарушении условий, препятствующих заключению брака. Одним из оснований для аннулирования брака является сокрытие одним из супругов наличия определенного заболевания. Эти ограничения защищают права и законные интересы добросовестного супруга и будущего потомства, так как при наличии заболеваний, которые являются основанием недействительности брака, характеризуются как наследственные. Стоит отметить, что аннулирование брака при сокрытии одним из супругов заболевания производится по заявлению другого супруга [5, с. 352].

Порок волеизъявления также выступает как одно из оснований признания брака недействительным. Осуществляется данный процесс в судебном или административном порядке по заявлению одной из сторон, как правило, пострадавшей. Заявление подается в течение одного года со дня регистрации брака.

Стоит подчеркнуть то, что на территории современного Китая имеется тенденция к фактической полигамии, которая выступает одним из оснований недействительности брака. Обратим внимание на достаточно интересный факт: территория Тибетского автономного района до сих пор сохраняет многомужество и многоженство. По оценкам китайских и зарубежных ученых, в 1940–1950 гг. на востоке Тибета семьи многомужества занимали 15%, а на севере — 50% [1, с. 74]. Современные источники подтверждают сохранение указанных данных. Отметим, что наряду с полигамией актуальными остаются вопросы возрастающего уровня разводов и фактического сожительства, а также трансформация политики «одна семья — один ребенок» и прочее.

Все основания признания брака недействительным носят характер безусловных и влекут аннулирование брака. При этом нарушение основных начал семейного законодательства в части свободного волеизъявления мужчины и женщины на брак, без влияния третьих лиц также влечет признание брака недействительным [1, с. 75].

Внимание привлекает и то, что порок воли будущих супругов Уголовный кодекс КНР в форме предопределения, а равно иного вмешательства третьих лиц в свободу брака, а также за нарушение одним из супругов принципа моногамии, рассматривает в качестве преступления.

Порок воли также является одним из оснований недействительности брака в семейном законодательстве Японии, который влечет реституцию. Аннулирование брака и отрицательные правовые последствия вызывает и факт заключения брака с лицом, не достигшим брачного возраста или в недопустимой степени родства, либо нарушение принципа моногамии.

В семейном праве Индии к числу отличительных оснований недействительности брака относятся половое бессилие супруга в течение брака вплоть до подачи иска о признании его недействительным, а также беременность невесты на момент заключения брака, которая наступила вследствие половой связи не с супругом.

В США признание брака недействительным происходит в судебном порядке. Стоит учитывать и тот факт, что прежде чем оформить брак, мужчина и женщина получают брачную лицензию. Неправильное оглашение имен лиц, которые вступают в брак, истечение срока лицензии также относятся к основаниям для недействи-

тельности брака. При рассмотрении дела о признании брака недействительным рассматриваются вопросы о праве собственности на имущество, о долговых обязательствах, о дальнейшей опеке над детьми и уплате алиментов. Особенностью выступает уголовная ответственность при регистрации фиктивного брака. Так, например не редки случаи, когда иностранные граждане заключают брак ради получения Green Card, которая подтверждает статус законного жителя США с правом на постоянное проживание, работу, учебу, свободный въезд и выезд из штатов.

Обзор зарубежного права некоторых стран, включаемых в Азиатско-Тихоокеанский регион, позволяет выявить главные тенденции в развитии концепции признания брака недействительным, определить позитивный и негативный юридический опыт, который можно использовать для усовершенствования отечественного законодательства по учитываемому вопросу.

Литература

1. Авхадеев И. В. Законодательство Китайской народной республики о недействительности брака: актуальные вопросы институциональной регламентации // *Право и государство: теория и практика*. 2014. № 4. С.73–75.
2. Афонькин Г. П., Додонов О. Е. Современные проблемы правового обеспечения уголовной ответственности за семейное (домашнее) насилие в России // *Полицейская деятельность*. 2012. № 8. С.104–107.
3. Закон «О браке» КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch4 (дата обращения: 14.03.2017).
4. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М., 2010.
5. Рясенцев В. А. Недействительность брака // *Сов. юстиция*. 1969. № 8. С.21–22.
6. Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // *СЗ РФ*. 1996. № 1. Ст. 16; *СЗ РФ*. 2012. № 47. Ст. 6394.
7. Трофимец И. А. Некоторые проблемы недействительности брака по российскому законодательству и законодательству государств-участников Содружества Независимых Государств и Балтии // *ВВ: Вопросы права и политики*. 2013. № 5. С.378–454.

Сравнительный анализ института социальной защиты прав беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в отдельных странах АТР

© **В. А. Панасюк**

*студентка 3-го курса колледжа
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Россия
victoriy_2013@bk.ru*

При исследовании вопроса о совершенствовании правопорядка, обеспечения благополучия человечества, требуется анализ не только внутреннего национального законодательства, но и заимствование опыта зарубежного правового регулирования, прежде всего, это касается социальной защиты прав несовершеннолетних. Вместе с тем, учитывая географическую, политическую, экономическую и правозащитную общность государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), следует обозначить, что в его состав принято включать более 45 участников [10, с. 22] как островных, так и континентальных стран [2, с. 15]. В этой связи особый интерес и вызывает такая социальная категория, как детская беспризорность.

Воспитание детей и проявление заботы представляет собой не только достижение, обязанность каждого родителя, но и выступает эффективным механизмом нормального функционирования общественных интересов и отношений, опосредованных нормами права для разрешения личных, семейных, государственных и глобальных мировых задач.

Фундаментальное исследование, осуществленное Г. П. Соломенцевой о влиянии обеспечения национальной безопасности России на социально-правовую значимость здоровья детского населения, демонстрирует специфику незащищенности несовершеннолетних, в том числе беспризорных и безнадзорных. Согласно ее мнению, «попытка формирования законодательной базы для преодоления демографического кризиса на уровне субъекта Федерации, расположенного на малонаселенных территориях, наталкивается на проблему все возрастающего притока иностранной силы из густонаселенных. Этому способствуют сложившиеся геополитические тенденции в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [13].

Природа безнадзорности и беспризорности трансгранична по своей сути, имеет схожие черты в отдельных континентах земного шара. Так называемая «мировая направленность» указанного социально-негативного явления, по авторскому мнению, исходит из таких факторов, как экономический (кризис экономики, бедность, отсутствие программ государственной поддержки населения); правовой (отсутствие надлежащей правовой регламентации, коллизии правовых норм, неэффективность юридической ответственности или ее полное отсутствие); социальный (общественное презрение и социальное равнодушие, бездомность, отсутствие специализированных органов социального обслуживания населения); нравственный (безответственность законных представителей несовершеннолетних, их низкий социальный статус); организационный (отсутствие удовлетворительных мер профилактики, предупреждения и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью).

Определяя специфику законодательства и правоприменительной практики по вопросам социальной защиты беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в странах АТР, считаем целесообразным остановиться на анализе опыта России, КНДР, Камбоджи, Вьетнама и США.

Итак, в действующем российском законодательстве к основным актам, определяющими статус указанных лиц, их ответственность, а также гарантии социальной защиты, принято относить:

1. Федеральный закон от 24.06.1999. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».
2. Федеральный закон от 24.07.1998. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ.

В соответствии с нормой, закрепленной в ст. 1 ФЗ № 120, под безнадзорным лицом понимается «несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц» [1]. Помимо изложенного, данный акт определяет не только цель, задачи, принципы, механизм профилактической работы, но и полномочия государственных органов и учреждений по работе (службе) с неблагополучными детьми.

На наш взгляд, социальная картина детской беспризорности и безнадзорности — не менее острые проблемы в системе обеспечения социальной защиты прав несовершеннолетних лиц, поскольку такое явление представляет угрозу общественным интересам со стороны правонарушений, распространения инфекционных заболеваний, нравственной и социальной деградации, а также всех форм психоневрологических зависимостей.

В семантической трактовке термины «безнадзорный» и «беспризорный» соотносятся как философские категории «общего» и «частного», где наиболее широким представляется первый из обозначенных. Такое воззрение и определяется содержанием воли законодателя [1], обозначившего отличительной характеристикой названных дефиниций отсутствие постоянного места жительства и пребывания.

Что касается правоприменительной практики РФ, то по данным федеральной службы государственной статистики (ФСГС) общую численность детей с делинквентным поведением установить не представляется возможным. Учитывая содержание ежегодного статистического издания «Дети России» и показатели официального сайта ФСГС, возможно определить тенденцию роста и снижения численности детей, оставшихся без попечения родителей, на конец 2016 г. в процентном отношении к предыдущему году в целом по России: за 2009 г. — 104,5%; за 2010 г. — 95,5%; за 2011 г. — 98,2%; 2012 г. — 98,4%; 2013 г. — 78,9%; 2014 г. — 97,2%; 2015 г. — 96,8 [11].

Тем самым наблюдается положительная динамика социальной защиты несовершеннолетних за последние годы без учета данных 2016 г., которые не подлежали публикации. По сведениям Института современной России, количество беспризорных детей неизвестно, официальные оценки их количества значительно разнятся — от 1 до 4–5 млн. «Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН назвал средний возраст детей, живущих на улицах, — 12–13 лет. Две трети из них мальчики» [6].

Однако, проследивая генезис исследуемого института, необходимо отметить психические и эмоциональные особенности безнадзорной личности, отличающиеся искаженными представлениями собственной субкультуры псевдонезависимости, вседозволенности и жестокости. Подтверждая аргументацию обозначенной точки зрения, проявляем солидарность относительно следующей позиции: «В России количество беспризорных детей достигло уровня гражданской войны. Ежегодно в России появляется 115–120 тыс. сирот, каждый день 200–220 детей отбирается у нерадивых родителей, 600 тыс. находятся в интернатах, в заведениях разного типа на сегодня в России насчитывается 28 млн детей» [5].

Правоохранительными структурами государственной власти ведется борьба с несовершеннолетними правонарушителями и их законными представителями, допустившими безнадзорность. К специальным субъектам следует отнести широкий спектр координирующих собственную деятельность социальных учреждений (органы опеки и попечительства; органы социальной защиты населения, подразделения по делам несовершеннолетних в системе органов внутренних дел РФ, прокуратура РФ и суды общей и конституционной юрисдикции). В этой связи справедливо обосновано утверждение Ю. И. Скуратова о том, что прокуратура РФ не только выполняет «свои» традиционно присущие задачи, но и оказывает сильнейшее воздействие на качество работ иных органов [12, с. 153], что и требует усиление надзора, связанного с защитой прав детей в досудебных стадиях. Все же очевидно, на более поздних этапах производств по делам несовершеннолетних определяющее значение имеют судебные органы.

Мониторинг Верховного суда РФ при разрешении судами споров, связанных с воспитанием детей, демонстрирует причинно-следственную связь между благополучием человеческого фактора и защиты детства от безнадзорности, но не выявляет показателей по применению мер юридической ответственности к законным представителям (в том числе и к государственным органам) таких потерпевших [4]. Проблема восстановления статуса и нормальной жизнедеятельности несовершеннолетних остается неразрешенной.

Что касается опыта стран АТР, то здесь требуется знание не только лингвистических характеристик, анализ законодательства, но и экономического уровня сообщества, от которого зависит и правовая зрелость общественного самосознания, и цивилизованность общественности за рубежом.

Общая численность детей улиц, согласно оценкам ЮНИСЕФ, колеблется в районе 100 млн, а среди стран, где ситуация с беспризорными детьми вызывает особое беспокойство специалистов, названы Китай, Индия, Бразилия, Пакистан, Филиппины, Камбоджа и Россия [6].

Значительное влияние на благополучие человеческого фактора оказывает политический и административный ресурс управления правоотношениями, положительный пример тому демонстрирует КНДР: «Все эти достижения стали результатом жестких мер, направленных против проникновения в страну хаоса и беспредела, капиталистического образа жизни. Бережное и любовное отношение к детям — главная составляющая корейского общества. В Советском Союзе был лозунг: «Все лучшее — детям!». Так в КНДР это чувствуется во всем — как дети празднично одеты, как их воспитывают в детских садах и школах, как отдают в их распоряжение самые современные стадионы, как им предоставляют самое передовое в мире медицинское обслуживание» [9].

Диаметрально противоположное обстоятельство проявлено в Камбодже. В этой стране по-прежнему актуальна проблема беспризорных детей, торгующих и попрошайничавших, вовлекаемых в преступные организации и сексуальную эксплуатацию. По разным оценкам, на улицах Пномпеня работает от 10 до 20 тыс. детей [3]. Менее радикальная ситуация складывается во Вьетнаме, в котором создаются государственные детские дома, но их немного и не каждый сирота способен туда попасть, что является показателем формального разрешения ситуации. Так, например, «во Вьетнаме есть буддистская пагода, храм под управлением одной старой монахини, в прошлом завуча. У них более 140 человек разного возраста и пола — от самых маленьких, которым 3–4 года, до 10–12 лет. В это место дети попадают разными путями — кого-то подбирают на улице, кого-то подбирают к воротам родители или родственники, решившие отказаться от ребенка» [7].

В США уровень беспризорности достиг небывалых высот: в комплексном государственном отчете говорится, что на 30 нормально живущих детей приходится один бездомный ребенок. Это говорит о высоком уровне бедности всей нации, об отсутствии доступного жилья. Почти 2,5 млн американских детей оказались на улицах в 2013 г. Особенно остро эта проблема стоит в Калифорнии, которая составляет 1/8 населения США. На этот штат приходится более 527 тыс. бездомных, что составляет около 20% от количества бездомных по всей стране [14, с. 28].

Данная работа служит призывом широкого круга общественности к мысли: «Для скорейшего позитивного изменения сложившейся ситуации... выявление неблагополучных семей и детей, находящихся в социально опасном положении... в качестве регулярных профилактических мероприятий следует отметить организацию ежегодных комплексных и оперативно-превентивных операций...» [8, с. 39].

Резюмируя вышеизложенное при осуществленном сравнительном анализе института социальной защиты прав беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в отдельных странах АТР, находим обоснованными следующие выводы:

1. Названная тематика исследования предполагает индивидуальную работу над реализацией потенциала и заботы о благополучии населения не только в семье, в своей стране, но во всем мировом сообществе, что требует значительных душевных затрат от каждого субъекта права (в зависимости от вида) по совершенствованию своей личности и функций на пути к цивилизованности.

2. Социальная защита детей от социально негативных явлений возможна лишь при условии правового качества законодательных актов (чего нет в ряде стран АТР по данным СМИ), координации деятельности уполномоченных органов, совершенствовании судебной практики и привлечения благотворительных, политических и медицинских ресурсов международного взаимодействия, в том числе и в странах АТР, а также повышения материальной поддержки благополучия человеческого фактора.

3. Необходимость формирования межгосударственных и межправительственных организаций по профилактике, противодействию и борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, а также проведения эмпирических исследований, направленных на восстановление статуса и реабилитации нормальной жизнедеятельности социально нуждающихся категорий детей.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 28.06.1999. № 26. ст. 3177.
2. Буденкова А. В. Австралия и Е. С. В XXI в.: диверсификация или сокращение направлений сотрудничества? // Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия: тез. междунар. науч. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 138 с.
3. В Камбодже родители продают детей в сексуальное рабство: жертвам от 5 до 17 лет [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.com/crime/30jan2007/sex_mafia.html (дата обращения: 25.04.2017).
4. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: обзор Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 25.04.2017).
5. Дети без детства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения: 25.04.2017).
6. Дети-призраки ИСР [Электронный ресурс]. URL: <http://cpanel.imrussia.org/ru/society/245> (дата обращения: 25.04.2017).
7. Другой Вьетнам [Электронный ресурс]. URL: <http://drugoivietnam.wixsite.com/drugoy-vietnam> (дата обращения: 25.04.2017).
8. Жилиева С. К. Проблемы предупреждения беспризорности, бродяжничества, попрошайничества несовершеннолетних (исторический аспект, зарубежный опыт) // История государства и права. 2012. № 14. С. 38–40.

9. Северная Корея — чудесная страна. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artemkprf.ru> (дата обращения: 25.04.2017).

10. Семенов О. Ю. Энергетическое сотрудничество европейского союза с островными государствами АТР // Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия: тез. междунар. науч. конф / ФГБОУ ВПО «ИГУ». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 138 с.

11. Семья, материнство и детство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.04.2017).

12. Скуратов Ю. И. Статус российской прокуратуры // Современное право. 2011. №1. С. 153–155.

13. Соломенцева Г. П. Здоровье детского населения как фактор национальной безопасности России: Социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 25.04.2017).

14. Школяренко Е. А. Статус бездомных и лиц без определенного места жительства: необходимо четкое правовое регулирование // Журнал российского права. 2012. № 5. С.36–44.

Сравнительный анализ правового регулирования охраны сельскохозяйственных земель в РФ и США

© Е. Ю. Петрова

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

pedros_946@mail.ru

В соответствии со ст. 77 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) землями сельскохозяйственного назначения принято считать земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей [4]. Необходимо отметить, что данная категория земель обладает уникальной неповторимой природной способностью плодородия, которая определяет возможность производства продуктов жизнеобеспечения.

Между тем во всем мире остро стоит вопрос об охране, а также о рациональном использовании сельскохозяйственных земель. В рамках исследования государственного регулирования производства в сельскохозяйственной сфере в экономически развитых государствах остановимся на Соединенных Штатах Америки, поскольку данная страна является одним из показательных примеров в настоящее время в данной отрасли. Отметим, что в США сложилось законодательство для урегулирования отношений в сельскохозяйственной сфере с учетом всех его особенностей. Наиболее активную деятельность в настоящее время государство осуществляет в связи с анализом и учетом земельных ресурсов, которые уже задействованы в сельскохозяйственном производстве или же потенциально пригодны для него. Результатом такой деятельности является составление карт «лучших фермерских земель» для участков общей площадью 563,9 млн га, что составляет более 60% всего земельного фонда США [5, с. 15].

В ходе определения видов разрешенного использования в Соединенных Штатах Америки принято применять классификацию, которая выделяет одни из наиболее значимых земель для сельского хозяйства. Так, выделяют две основные категории земель: лучшие уникальные сельскохозяйственные земли, а также еще одна категория, которая включает в себя еще две подкатегории: значимые в масштабах одного штата и сельскохозяйственные земли на местном уровне [1, с. 12].

Законодательством США закреплены положения о компенсационных выплатах фермерам за счет средств федерального бюджета в том случае, если фермер включен в федеральную программу борьбы с эрозией почв. Нужно сказать, что интенсивные технологии возделывания сельскохозяйственных культур на орошаемых землях позволяют получить высокие урожаи, однако приводят к развитию эрозии данных земель.

Меры, которые применяются в целях защиты земель сельскохозяйственного назначения, регламентированы Законом о продовольственной безопасности Фермерским биллем от 1985 г., действующим в настоящее время в обновленной редакции от 2014 г. [9]. Так, в соответствии с программой борьбы с эрозией почв Министерство сельского хозяйства при содействии штатов выделяет на местности и на плановом материале сильно эродированные площади пашен и пастбищ и предлагает фермерам, являющимся собственниками земельных участков, вывести их в резерв. Договор может быть заключен на 10 лет, в соответствии с которым фермер получает техническую и финансовую помощь для заселения или для заложения своих проблемных земель, также ему выплачивается сумма, которая возмещает ему упущенную выгоду в результате отказа от эксплуатации части своих земель.

В США фермерам предоставляется также необходимая и техническая помощь для осуществления мероприятий по поддержанию плодородия почв, а также по разработке проектов внутривладельческого землеустройства. Данная помощь выражается не только в предоставлении финансов, но и соответствующего оборудования, техники для осуществления технических работ по реконструкции землепользования [1, с. 12].

Отметим, что в США существует программа зонирования отдельных территорий на уровне штатов, муниципальных образований и отдельных графств. В соответствии с данной программой запрещается любое строи-

тельство на землях, не связанное с сельскохозяйственным производством, либо запрещается строительство одного несельскохозяйственного объекта на территории от 4 до 250 га. Эксперты оценивают данную программу как одно из наиболее эффективных способов защиты земель сельскохозяйственного назначения [3, с. 241].

В Российской Федерации на сегодня подверглась реформированию законодательная база, тем самым были разработаны федеральные программы, в частности, связанные с рациональным использованием земель сельскохозяйственного назначения. Так, в Российской Федерации с 2013 г. действует государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.», утвержденная Правительством Российской Федерации, одной из целей является повышение плодородия почв [6].

Как отмечается в юридической доктрине, в законодательстве Российской Федерации нет ясности в вопросе о виде разрешенного использования относительно земель сельскохозяйственного назначения [8, с. 11].

Отметим, что ст. 78 ЗК РФ говорит об использовании земель сельскохозяйственного назначения для осуществления производства в сфере сельского хозяйства, создания защитных лесных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных связанных с производством в сельскохозяйственной сфере целей [4], а не о разрешенном использовании рассматриваемой категории земель. Помимо упомянутых целей ЗК РФ говорит и о еще некоторых видах, где используются земли сельскохозяйственного назначения, в частности, в сфере охотничьего хозяйства, для сенокосения, выпаса скота, для ведения фермерского и личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, дачного строительства, а также в других видах деятельности.

По поводу повышения плодородия рассматриваемой категории земель, нужно сказать, что наше государство также заинтересовано в данном вопросе. Так, еще 1998 г. был принят Федеральный закон, который регулировал отношения, направленные на повышение плодородия почв.

Отметим и то, что нашим государством разработаны компенсационные, а также субсидированные выплаты сельскохозяйственным производителям. Заметим, что законодательство продолжает совершенствоваться, издаются нормативно-правовые акты, в частности, принятое Постановление Правительства РФ от 7 июля 2015 № 678, утвердившее правила предоставления субсидий в рамках вновь разработанной и принятой Государственной программы [7].

Однако, несмотря на достаточное нормативно-правовое закрепление норм, казалось бы, предусмотрены все вопросы, тем не менее площади плодородных земель продолжают сокращаться.

В. И. Кашин в докладе от 1 февраля 2017 г., посвященном итогам работы в 2016 г. в отрасли растениеводства, отметил, что в Российской Федерации всего 7,8% земель подверглось мелиоративным работам, однако в США — 39,1% [2].

Таким образом, анализ состояния земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки показал, что, несмотря на законодательную проработанность рассматриваемого вопроса, тем не менее вопрос о повышении плодородия на практике остается не решенным.

Литература

1. Волков С. Н. Опыт землеустройства на землях сельскохозяйственного назначения в США и Канаде. М.: ГУЗ, 2012. 44 с.
2. Доклад Председателя комитета Государственной думы по аграрным вопросам, академика РАН В. И. Кашина по итогам работы отрасли растениеводства в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: www.komitet2-20.km.duma.gov.ru/upload/site2/documents/1487765961.docx (дата обращения: 25.04.2017).
3. Жиругов Р. Т. Земельная собственность: частная или государственная? Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 241.
4. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 г. №136-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
5. Ишмуратов М. М. Государственное регулирование сельскохозяйственного производства в странах с развитой экономикой // Правовое регулирование земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. М., 2016. 117 с.
6. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.: постановление Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717 (в ред. от 31.03.2017) // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.
7. Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию перспективных инновационных проектов в агропромышленном комплексе в рамках подпрограммы «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» государственной программы Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.»: постановление Правительства РФ от 07.07.2015 г. №678 (в ред. от 25.05.2016) // СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4242.
8. Румянцев Ф. П., Коноплева Т. Д. Теоретические подходы к понятию земель сельскохозяйственного назначения и их разрешенного использования // Юрист. 2014. № 2. С. 11–15.
9. Фермерский билль США [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RS22131.pdf> (дата обращения: 25.04.2017).

Сравнительно-правовой анализ правового регулирования отпусков в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

© В. Р. Петушинова

студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

vikapetushinova@mail.ru

К странам Евразийского экономического союза относят Белоруссию, Казахстан, Армению, Россию и Киргизию. В статье мы сравним право на отдых, а именно на отпуск в вышеуказанных странах.

На современном этапе чрезвычайно актуальным становится обращение к законодательству стран ближнего зарубежья с целью обмена правовым опытом. Тесные взаимоотношения Российской Федерации и стран Таможенного союза, которые теперь являются членами Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), побуждали нас к проведению сравнительного исследования трудового законодательства этих стран в части правового регулирования отпусков.

Основным источником трудового законодательства во всех этих странах является Трудовой кодекс. Это не удивительно, ведь все страны, являющиеся участниками ЕАЭС, это бывшие союзные республики. И прообразом, базой, на которой они строили свою правовую систему, является законодательство СССР, а точнее, кодексы законов о труде РСФСР 1918, 1922, 1971 гг.

Анализ трудовых кодексов РФ, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Армения и Белорусской республики показывает, что только в одном закреплено отдельное понятие отпуска. Так, под отпуском согласно ст. 150 ТК Белоруссии понимается освобождение от работы по трудовому договору на определенный период для отдыха и иных социальных целей с сохранением прежней работы и заработной платы в случаях, предусмотренных настоящим кодексом [5, с. 150]. Нормативное закрепление понятия отпуска позволяет выделить присущие только данному виду времени отдыха свойства, черты, признаки. В связи с этим рекомендуется дополнить трудовые кодексы данных стран нормой, в которой дано определения отпуска.

При регулировании отпусков белорусский и казахстанский законодатель последовательно классифицирует их на виды. Они разделяются на две группы отпусков:

1. Трудовые.

К трудовым отпускам относят:

- основной оплачиваемый ежегодный трудовой отпуск;
- дополнительный оплачиваемый ежегодный трудовой отпуск.

2. Социальные (ст.87 ТК РК; ст. 150 ТК РБ), в Армении — целевые.

Под социальным или целевым отпуском понимается освобождение работника от работы на определенный период в целях создания благоприятных условий для материнства, ухода за детьми, получения образования без отрыва от производства и для иных социальных целей — это отпуска по беременности и родам; по уходу за детьми; в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС; по уважительным причинам личного и семейного характера; отпуск без сохранения заработной платы; учебный отпуск; отпуск, предоставляемый за исполнение государственных или общественных обязанностей.

Норма, закрепляющая классификацию отпусков, является результатом развития трудового законодательства в этих двух странах после получения независимости в 1991 г. Ведь как в КЗоТе РФ 1971 г., так и в современном Трудовом кодексе РФ 2001 г. отсутствует подобная нормативно закреплённая классификация, и целевое назначение отпуска можно вывести лишь из смысла правовой нормы, регулирующей соответствующие отношения.

В РФ отпуска можно условно разделить на:

- 1) ежегодные оплачиваемые отпуска;
- 2) отпуска без сохранения заработной платы;
- 3) другие виды.

Международным актом, регламентирующим право на ежегодный оплачиваемый отпуск, является Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках» 1970 г. Согласно ст. 3 данной Конвенции минимальная продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска ни в коем случае не может составлять менее трех рабочих недель за один год работы [2, с. 3].

Продолжительность такого отпуска в Республике Беларусь, Республике Казахстан не может быть менее 24 календарных дней [6, с. 88], в то время как в России и Кыргызстане этот лимит составляет 28 календарных дней [3, с. 117]. Хотя из стран ЕАЭС только Россия является участником данной конвенции, однако же нормы трудового законодательства других странах не противоречат международному регулированию продолжительности отпуска. Таким образом, можно сделать вывод, что положения Конвенции №132, установленные на международном уровне, соблюдаются вне зависимости от участия страны в ней. Это показывает, что право на ежегодный оплачиваемый отпуск стоит на одном уровне с неотъемлемыми правами человека в целом, только в отношении прав работников.

Белорусское законодательство обладает особой спецификой правового регулирования отпусков, что заключается в изменении продолжительности отпуска в целях поощрения и наказания. Увеличение продолжительно-

сти отпуска рассматривается как одна из форм поощрения работников, в то же время сокращение его продолжительности используется в качестве одной из мер дисциплинарного взыскания. Так, ст. 181 ТК РБ гласит, что за прогул без уважительной причины наниматель вправе уменьшить работнику продолжительность трудового отпуска на количество дней прогула.

Однако всегда есть границы, которые работодатель пересечь не может. Так, продолжительность трудового отпуска не может быть меньше основного отпуска (24 календарных дня). Из смысла данной нормы делаем вывод, что такая мера взыскания может быть применена только к работникам, имеющим право на удлиненный основной или на дополнительный отпуск.

Данную систему было бы целесообразно использовать и в законодательстве других стран ЕАЭС наряду с моральными и материальными мерами поощрения, поскольку предоставление дополнительных дней отдыха, безусловно, является для работника мощным стимулом дальнейшей плодотворной деятельности.

Следует также упомянуть право на замену отпуска денежной компенсацией. Полной замены отпуска не допускается как в соответствии с национальным законодательством стран, так и в соответствии нормам Конвенции МОТ №132. Поэтому в трудовых кодексах установлен минимум, которые работник обязан провести в отпуске. В Белоруссии денежной компенсацией может быть заменена часть отпуска, превышающая 21 календарный день; в Кыргызстане — 14 календарных дней; а в России это количество эквивалентно всей продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска, т. е. 28 календарным дням. В Армении же в принципе не допускается замена ежегодного минимального отпуска денежной компенсацией. Исключением является лишь выплата компенсации вследствие расторжения трудового договора [4, с. 170].

Такая концепция правового регулирования отпусков рассматривает отпуск не только как право, но и как обязанность работника. Однако это в то же время является дополнительной гарантией права работника на отдых и на эффективное восстановление работоспособности, что, в свою очередь, является гарантией конституционного права на охрану здоровья и, опять же, проявлением принципа социальной справедливости [7, с. 216].

Если анализировать вторую группу отпусков, то можно заметить ряд одинаковых видов отпусков. Обобщая их регламентацию, не будет ошибкой заявить о том, что они предоставляются в принципе на одних и тех же основаниях и гарантируется один и тот же комплекс одинаковых прав, т. е. всегда сохраняется рабочее место, не редко совпадает продолжительность.

Отдельно выделим Трудовой кодекс Республики Армения, который сейчас находится на этапе коренного реформирования. Данный кодекс больше всех остался верен законодательству СССР. Как отметил премьер-министр Армении Карен Карапетян: «Обсуждения проектов министра труда и социальных вопросов и Национального центра показали: хотя эти изменения и содержат в себе крайне необходимые элементы, однако проблема глубже, Трудовой кодекс нуждается в коренном пересмотре».

Таким образом, законодательство данных стран в сфере регулирования отпусков схоже с российским законодательством. Однако, как и российскому законодательству, им есть к чему стремиться.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ. 2002. № 1(ч.1). ст. 3.
2. Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках» 1970 г. // Бюллетень международных договоров. № 11. 2012.
3. Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 04.08.2004 №106. (с изм. и доп. по сост. на 25.01.2017). [Электронный ресурс]: URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30296269 (дата обращения: 07.05.2017).
4. Трудовой кодекс Республики Армения от 09.11.2004 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus> (дата обращения: 07.05.2017).
5. Трудовой Кодекс Республики Беларусь 26.07.1999 № 296-3. [Электронный ресурс]: URL: <http://xn----ctbfcfvic3abdqybq.xn--90ais> (дата обращения: 07.05.2017).
6. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015. № 414-V (с изм. и доп. от 06.04.2016). [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832 (дата обращения: 07.05.2017).
7. Филаткина А. П. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании рабочего времени и времени отдыха в России и Белоруссии // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (20 февраля 2016 г.) / отв. ред. Т. А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2016. С.214–219.

Особенности законодательства об охране труда в РФ и США

© В. А. Пинигин

студент 4-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

piniyin.victor@mail.ru

Сравнительно-правовые исследования продолжают оставаться востребованными в юриспруденции, в том числе с точки зрения их пользы для законодательной деятельности. Одной из целей, преследуемых компаративистикой, является выявление общих закономерностей в развитии права различных государств. Изучение правовых явлений и институтов на примере и во взаимосвязи с другими государствами позволяет лучше понимать национальное законодательство, выявлению положительных и отрицательных сторон правового регулирования.

Развитие связей между РФ и США в области труда является одним из приоритетных направлений международного сотрудничества. Сегодня рассмотрение законодательства об охране труда двух федеративных государств — РФ и США — позволяет учитывать и обобщать опыт двух государств с целью последующей разработки новых и совершенствования имеющихся норм в рассматриваемой области. Ежегодно в России и США тысячи человек получают травмы на производстве, часть из которых заканчивается смертью пострадавших работников, что позволяет говорить об актуальности исследований проблем охраны труда через сравнительно-правовые методы.

История развития законодательства об охране труда в РФ и США продолжается уже третье столетие. Условно можно выделить три этапа.

1. *Формирование законодательства об охране труда в XIX в.* Данный период ознаменован принятием первых законов, регулировавших некоторые вопросы охраны труда. В 1869 г. в США принимается Закон об обязательном устройстве запасных выходов их шахт и необходимой вентиляции. Чуть ранее в России началось принятие подобных актов, среди которых: «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 1835 г., закон «О воспрещении ночной работы подросткам и женщинам на прядильных фабриках» от 1885 г. и другие.

2. *Развитие законодательства об охране труда в XX в.* В США продолжается развитие законодательства в части охраны труда. Появляются основополагающие институты и понятия, система и принципы охраны труда. Среди законов, принятых в данный период, можно выделить «О справедливых трудовых стандартах» от 1938 г., закон «О регулировании трудовых отношений» от 1947 г. и др. Трудовое право США делится на коллективное и индивидуальное [5, с. 48]. К последнему относится законодательство о безопасности на производстве. Эта и другие особенности развития, заключающиеся, например, в слабом развитии законодательства об охране труда вплоть до 1970-х гг., были предопределены существованием в США общего права («common law»).

Российское законодательство об охране труда в XX в. формировалось в условиях кодификации трудового законодательства. Однако большинство норм об охране труда в советский период содержалось все-таки в межотраслевых и отраслевых актах [2, с. 45].

3. *Законодательство об охране труда в XXI в.* В РФ принимается новый Трудовой кодекс (далее — ТК РФ), в который неоднократно вносились изменения в части охраны труда. В 2013 г. были введены положения о специальной оценке условий труда в целях выявления вредных и (или) опасных факторов производственной среды для дальнейшей оценки их воздействия на работника.

В США принимаются законы об охране труда в отдельных отраслях производства: законы США о безопасности национальных транзитных систем от 2007 г., о повышении безопасности потребительских товаров от 2008 г. и другие.

Одной из особенностей норм об охране труда в США, принятых еще в XX в., является продолжение их действия и в настоящее время. Законодательство претерпело лишь небольшие изменения и дополнения.

Законодательство об охране труда в РФ и США имеет несколько уровней. Вызвано это, прежде всего, федеративным устройством обоих государств. Если говорить об основном законе государств, коими являются их конституции, то Конституция РФ 1993 г. отмечает принцип охраны труда и здоровья граждан как один из элементов конституционного строя (ст. 7). Данное положение возлагает на государство определенные социальные задачи. Конституция США не содержит положений, свидетельствующих о социальной направленности политики данного государства. Однако нельзя говорить о невыполнении данным государством социально ориентированных программ.

Основное место в системе законодательства США об охране труда отведено Закону США об охране труда 1970 г. (далее — Закон США 1970 г.), который является актом общего действия. Помимо него в стране приняты законы, регулирующие отношения с отдельными категориями работников или в отдельной отрасли. Вместе с тем штатам предоставлено право самостоятельно принимать законодательные акты, регулирующие безопасность труда. В совокупности с вышеназванным законом специальные законодательные акты и законы штатов образуют систему законодательства об охране труда США. При этом Закон США 1970 г. действует на территории всего государства. В одних штатах региональные законы распространяются на работников частных и государственных организаций, в других — только на государственные.

Особенностью Закона США 1970 г. является и то, что его нормы содержат санкции, применяемые к работодателю за нарушение законодательства об охране труда. Данным мерам посвящен раздел 17 Закона. Указывается, что «любой работодатель, который умышленно или неоднократно нарушает требования... Закона, любой стандарт, правило, изданные в соответствии с разделом 6 Закона, или правил, установленных в соответствии с данным Законом, могут быть подвергнуты штрафу, размер которого не может превышать 70 000 долл. за каждое нарушение, но не менее 5 000 долл. за каждое такое нарушение» [1].

В отличие от законодательства США, в РФ санкции, применяемые к работодателю за нарушение требований охраны труда, содержатся не в законе, регулирующем общие вопросы безопасности труда — ТК РФ, а, например, в КоАП РФ и УК РФ, что говорит о их административно-правовом и уголовно-правовом характере.

Как указывалось ранее, законодательство об охране труда в США состоит не только из актов общего действия, но также из специальных актов, к которым можно отнести, например, Закон США об охране труда шахтеров 1977 г. В нем затрагиваются следующие вопросы:

- 1) общие положения (разработка и принятие стандартов по охране труда, проведение проверок, ответственность за нарушение данного закона и т. д.);
- 2) временные обязательные стандарты по охране здоровья;
- 3) выплата пособия при профессиональных заболеваниях;
- 4) деятельность по управлению в области охраны труда на шахтах [4, с. 696].

В России нет специального акта в области обеспечения охраны труда, что, по мнению А. С. Неверовой, «определяет регулирование указанной группы отношений только в рамках отраслевого кодифицированного акта — ТК РФ» [2, с. 113]. Законодательство об охране труда в РФ является составной частью трудового законодательства, которое состоит из ТК РФ, иных федеральных законов и законов субъектов РФ [3], также институт охраны труда в значительной степени опирается на медицинские и технические стандарты. Поэтому не совсем объективно будет рассматривать законодательство об охране труда РФ как состоящее только из федеральных законов и законов субъектов РФ. В него необходимо включать также законодательные акты, содержащие санитарно-гигиенические, медицинские, технические и другие нормы.

Рассматривая источники правового регулирования охраны труда в РФ и США, нельзя не затронуть такую важную составляющую, как международное право. Важную роль в разработке международных принципов охраны труда играет Международная организация труда (МОТ). РФ и США являются членами данной организации, однако по-разному воспринимают необходимость принятия рекомендаций МОТ в качестве обязательных. Это отражается, например, в различном количестве ратифицированных конвенций МОТ. Так, за период членства в организации РФ ратифицировала порядка 70 конвенций, 52 из которых действуют и сегодня. В то же время в США процедуру ратификации прошли всего 14 действующих конвенций. Однако судить по такому параметру о соответствии законодательства нормам международного права будет не совсем верным.

Итак, законодательство об охране труда США и РФ имеет ряд существенных различий и особенностей, которые обусловлены в первую очередь историческим развитием и принадлежностью к различным правовым системам.

В Конституции РФ институт охраны труда (ст. 7) является составной частью конституционного строя, что обусловлено социальной ролью государства. В Конституции США отсутствуют положения об охране труда. Это позволяет сделать вывод о неполной сформированности нормативной правовой базы законодательства о безопасности труда.

Имеются различия и в других источниках института охраны труда. В РФ основные вопросы охраны труда отражены в кодифицированном законодательном акте — ТК РФ, в котором выделен специальный раздел «Охрана труда». Помимо него в состав законодательства о безопасности труда входят иные федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, а также законы субъектов РФ. В отличие от отечественного законодательства, в США законодательство об охране труда представлено Законом США об охране труда 1970 г., а также специальными отраслевыми законами, регулирующими охрану труда в отдельных отраслях производства.

Касаемо международного договора как источника института охраны труда следует отметить, что РФ в отличие от США ратифицировала большее количество конвенций МОТ в сфере охраны труда. Однако такие важные конвенции из их числа, как Конвенция МОТ № 161 о службах гигиены труда 1985 г., Конвенция МОТ № 167 о безопасности и гигиене труда в строительстве и ряд других, так и не были ратифицированы нашим государством. В этом можно увидеть перспективы дальнейшего развития и международного уровня регулирования охраны труда в РФ, в том числе и путем ратификации указанных конвенций.

Литература

1. Закон США об охране труда 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legalarchiver.org/osh.htm> (дата обращения: 02.05.2017).
2. Неверова А. С. Сравнительно-правовое исследование законодательства об охране труда Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юр. наук. М., 2014.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон [принят Гос. думой 21 декабря 2001 г.] // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
4. Хабибуллина А. С. Понятие и особенности законодательства об охране труда в США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4. С. 691–698.
5. Черняева Д. В. Трудовые отношения в странах англо-саксонского права. М.: Волтерс-Клувер, 2010. 208 с.

Правовое регулирование корпоративного договора в России и США

© Т. А. Пыкина

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

heykitty16@mail.ru

Длительное существование плановой рыночной экономики в РФ послужило одной из причин длительности процесса урегулирования на законодательном уровне положений о российских юридических лицах. Российское гражданское законодательство на протяжении долгого времени проходит этап существенного реформирования — изменялись положения об учредительных документах, поменялись названия хозяйственных обществ, появились новые формы некоммерческих организаций. На протяжении долгого времени в круг правоотношений, которые официально были урегулированы гражданским законодательством, входили вещные, обязательственные, отношения, возникающие по поводу исключительных прав. Результатом стремительного роста регистрации юридических лиц стало возникновение вопроса о так называемых «корпоративных отношениях».

Сами корпоративные отношения как предмет гражданского права стали законодательно таковыми лишь в 2012 г., когда Федеральным законом от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ абзац первый пункта 1 статьи 2, начинающейся со слов «гражданское законодательство», после слова «регулирует» был дополнен словами «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)» [1]. Вопрос о признании корпоративных отношений на законодательном уровне как предмета гражданского права обсуждался с момента самого становления и развития юридических лиц в постсоветском гражданском законодательстве. Однако, несмотря на сегодняшнее закрепление вышеназванного правового института, открытым остается вопрос, связанный с определением круга корпоративных отношений. Употребление союза «или» значит, что законодатель определяет корпоративные отношения, включая в них два самостоятельных блока отношений: отношения, связанные с участием в корпоративных организациях, и отношения, связанные с управлением корпоративными организациями [3].

Следующим шагом в реформировании корпоративных отношений стал закон № 99-ФЗ, в результате чего в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) появилась ст. 67.2, где указано общее родовое понятие для соглашений хозяйственных обществ — «корпоративный договор».

На наш взгляд, именно закрепление на законодательном уровне понятия «корпоративные отношения» послужило тому, что ст. 67.2 ГК РФ называется не «акционерное соглашение» и «договор об осуществлении прав участников общества», а «корпоративный договор», который является собирательным понятием.

Корпоративные договоры прошли сложный этап от неприятия их судебной практикой до законодательной легитимации как эффективных инструментов распределения корпоративного контроля. Тем временем, пока в России идет большой и трудоемкий процесс по реформированию форм осуществления предпринимательской деятельности, в США уже длительное время существуют и активно используются такие понятия, как корпоративные отношения, корпоративный договор.

Корпоративный договор как специфический договорный механизм регулирования корпоративных отношений генетически связан с корпоративным правом Англии и США — англо-американская модель соглашений акционеров. Именно здесь прослеживаются первые упоминания о применении на практике корпоративных договоров и данные соглашения стали иметь юридическую силу, что в дальнейшем привело к признанию их судебной практикой не только в Америке и Великобритании, но и во многих других странах мира, включая Россию.

Первые упоминания о корпоративных договорах «shareholder's agreements» встречаются в решениях английских судов 40-х гг. 19-го столетия и получили широкое распространение [4]. Однако соглашения акционеров 1840-х гг. представляли собой учредительные договоры акционерных товариществ, в которых устанавливался размер уставного капитала и ежегодно распределяемых дивидендов. С принятием LimitedLiabilityAct 1855 и CompaniesAct 1856 принцип ограниченной ответственности получил нормативное закрепление, а в английской доктрине корпоративные отношения стали разграничивать на отношения между корпорацией и акционером, с одной стороны, и собственно между акционерами — с другой. Последнее и породило двойственность корпоративного договора, ранее бывшего простой учредительной сделкой.

Страной с наибольшим количеством заключаемых корпоративных договоров, безусловно, является США. Впервые возможность заключения соглашения между акционерами была признана в деле Brown v. Pacific Mail Steamship Co. 1867 г., в котором федеральный суд под целью заключения такого соглашения подразумевал осуществление акционерами права голоса по принадлежащим им акциям [5]. Стало возможным голосовать за определенных кандидатов в совет директоров либо образовывать «votingtrust», управляющие которого проголосуют на общем собрании за определенных кандидатов. Однако судебная практика на протяжении долгого времени негативно относилась к подобным соглашениям и часто признавала их недействительными. Положение существенно изменилось после дела Abercrombie v. Davies 1957 г., рассмотренного судом штата Делавэр, тогда соглашения акционеров стали признаваться действительными.

Долгое время оставался открытым вопрос об изменении порядка голосования на собрании акционеров в корпоративном договоре. Изначально суды не признавали такие положения акционерного соглашения, считая,

что после того, как лицо приобретает акции компании, оно автоматически становится стороной корпоративного договора, и, следовательно, имеет право голоса на собрании. Отношение к этому вопросу изменилось после принятия модельного законодательного акта, положения которого были восприняты многими штатами, — Model Business Corporation Act 1950 г. [6]. Данный акт предусмотрел следующие положения:

1) голосование по доверенности;

2) порядок заключения голосующих трастов: любое число акционеров могло заключить соглашение об учреждении голосующего траста, передав акции в управление трасти (trustee), но не более чем на десять лет.

Параграф 7.32 Model Business Corporation Act также позволяет сторонам моделировать в соглашении корпоративную структуру, устанавливая типы акций и т. д. с учетом императивных норм закона.

Нужно отметить, что в США также существуют ограничения свободы корпоративного договора. Так, в параграфе 7.32 Model Business Corporation Act (2002) закреплен принцип соответствия акционерного соглашения «публичному порядку» и установлен запрет на изменение акционерным соглашением каких-либо уставных норм, в случае если акции котируются на бирже. Также запрещено закрепление в соглашении правил о личной имущественной ответственности членов корпорации. Как известно, на различные субъекты США распространяется законодательство, принятое в самом штате, а не на общегосударственном уровне. В этой ситуации нормативно-правовые акты отдельных штатов также содержат принцип соответствия соглашения «публичному порядку»: например, в параграфе 7.32 Business Corporation Act 2005 штата Флорида установлено, что как «соглашения, противоречащие публичному порядку», квалифицируются те соглашения, которые предусматривают освобождение директоров от обязанности вести дела корпорации или от имущественной ответственности, ограничивают право акционеров на предъявление производных исков, и в «иных случаях». Открытость данного перечня предоставляет судьям широкие возможности для толкования рассматриваемого принципа. Согласно, например, параграфу 7.32 Business Corporation Act 1983 штата Иллинойс соглашение акционеров действительно, в случае «если оно не носит мошеннический характер, не нарушает общественных интересов и интересов кредиторов, не противоречит императивным нормам закона» [8].

В результате рассмотрения англо-американской модели корпоративного договора в США можно сделать вывод, что корпоративный договор имеет такую же силу, как и устав компании, и даже в случае их противоречия преимущество получает первый. Предмет акционерных соглашений довольно широк, но при этом необходимо помнить о ряде имеющихся ограничений, таких как ограничение свободы договора, соответствие корпоративного договора публичному порядку. Являясь корпоративным актом, а не гражданско-правовым договором, оно обязательно не только для его сторон, но и для всех третьих лиц, вступающих в правоотношения с корпорацией. Здесь отражается договорная концепция юридического лица в англосаксонском мире: все учредительные документы имеют договорную природу и изменяются также посредством договора.

В отечественном же праве ст. 67.2 ГК РФ установила общие положения о корпоративном договоре, где закреплены существенные диспозитивные начала, связанные с предоставлением участникам хозяйственных обществ возможностей устанавливать в корпоративном договоре такое регулирование своих отношений, которое соответствует их целям участия в управлении делами корпорации, что дает возможность защиты своих прав в случае нарушения со стороны контрагента корпоративного договора.

В то же время корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, а также определять структуру органов общества и их компетенцию, за исключением случаев, когда правила ГК и законов о хозяйственных обществах допускают их изменение уставом общества. Нарушение корпоративного договора влечет ответственность перед другими участниками договора, но по общему правилу не является основанием для признания недействительными как решений органов общества, так и совершенных обществом сделок.

Корпоративный договор не может выходить за рамки положений, установленных законодательными нормативно-правовыми актами и уставом юридического лица, и, следовательно, он относится к «договорному способу регламентации отношений между участниками». Законодатель говорит о том, что соглашения акционеров (участников) не должны изменять и развивать положения устава общества, с чем нельзя согласиться. Во-первых, сам ГК РФ содержит в себе противоречивые положения — устанавливая определенные рамки предмету договора, он также содержит положение о невозможности участников общества и акционеров ссылаться на их противоречие уставу в случае требования признания первых недействительными. Так, ГК РФ предусматривает положение, согласно которому корпоративный договор, противоречащий уставу, не является недействительным для его сторон (п. 7 ст. 67.2 ГК РФ), т. е. такие положения в противоречии уставу все же могут получить судебную защиту. Это подтверждается и в п. 37 постановления пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25.

Последствием заключения корпоративного договора является обязанность уведомления общества о факте заключения данного соглашения. В случае неисполнения данной обязанности участники общества, не являющиеся сторонами корпоративного договора, вправе требовать причиненных им убытков (абз. 1 п. 4 ст. 67.2 ГК РФ). Однако у сторон договора отсутствует обязанность раскрывать положения заключенного ими корпоративного договора.

Считаем, что отсутствие публичной достоверности создает возможность для злоупотребления правом, в частности, контролирующими общество участниками, не обеспечивая поддержание стабильности гражданского оборота.

Основным содержанием (предметом) корпоративного соглашения и одновременно правовыми последствиями являются не возникновение, изменение, прекращение гражданских (корпоративных) прав и обязанностей, как это имеет место в обычном договоре, а установление порядка (условий) выполнения существующих субъективных корпоративных прав путем ограничения (воздержания от осуществления) своих (субъективных) корпоративных прав (правомочий), возложения обязанностей активно-пассивного характера претерпевать данные ограничения, вести себя определенным образом. Обычно предусматривают порядок голосования на общем собрании участников (акционеров), приобретение и (или) отчуждение долей (акций), внесение изменений в учредительные документы общества и определение структуры органов управления обществом, условия финансирования общества.

Субъектами правоотношений из корпоративного договора являются его стороны (ст. 67.2 ГК РФ). Действующее законодательство не указывает, кто конкретно может заключать данный договор, однако по общепринятой позиции это действующие участники корпорации — акционеры и участники обществ с ограниченной ответственностью. Исходя из судебной практики, сторонами по корпоративному договору также могут быть доверительный управляющий акциями и номинальный держатель.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что корпоративные договоры представляют собой правовые явления, договорные по форме, но корпоративные по содержанию, их предмет не носит неограниченный характер и должен соответствовать определенным условиям. Однако важно отметить, что сторонами корпоративных договоров не могут быть третьи лица, кредиторы и будущие участники общества, поскольку они не несут корпоративной правоспособности, ввиду этого, считаем, что необходимо исключить п. 9 и 10 ст. 67.2 ГК РФ, предусматривающие регулирование таких договоров, как корпоративные.

Корпоративный договор заключается в простой письменной форме. Существенным условием корпоративного договора выступает его предмет.

Корпоративный договор не создает новые права для участников, которые не предусмотрены Законом об ООО и уставом общества. Он лишь уточняет и конкретизирует, как участники будут осуществлять эти права, и позволяет заранее договориться, как поступать в той или иной ситуации.

За нарушение корпоративного договора, в отличие от устава, к участнику можно применить меры ответственности: штрафы, пени и взыскать убытки. За нарушение договора провинившуюся сторону также можно заставить выкупить долю пострадавшей стороны по заранее определенной цене или формуле. Для этого участники должны заключить штрафной опцион, который необходимо заверить у нотариуса.

На сегодня ГК не содержит достаточно эффективных способов защиты прав участников корпоративного договора, т.к. убытки достаточно сложны в доказывании. Для того чтобы признать сделку недействительной, необходимо знать о существующих в ней положениях, которые опять же не являются публичными.

Законодательное закрепление акционерных соглашений позволило снизить излишнюю урегулированность отношений между владельцами ценных бумаг российских компаний и более гибко урегулировать ряд вопросов в сфере управления компаниями. Однако, несмотря на признание в России корпоративного договора, существует ряд неразрешенных проблем. Законодательство о данных соглашениях противоречиво и содержит большое количество несостыковок. Одни нормы противоречат другим. ГК запрещает вносить определенные положения в корпоративный договор, но при этом защищает их.

В результате проведенного анализа регулирования норм о корпоративном договоре в России и США можно сделать вывод, что нормы о корпоративных договорах США являются наиболее проработанными. Корпоративный договор может развивать положения устава и при спорной ситуации, именно первый получит преимущественное право применения. Круг вопросов, которые могут быть отражены в корпоративном договоре США, значительно широк в отличие от российского правового порядка. Также бизнесменам Америки необходимо в обязательном порядке раскрывать не только сам факт заключения договора, но и его полномочия, что защищает права третьих лиц, не являющихся участниками такого договора.

Таким образом, считаем, что законодателю в России необходимо установить, что корпоративный договор может дополнять и развивать положения устава и иметь с ним равную юридическую силу. Информация о корпоративном договоре не может быть конфиденциальной для лиц, на которых распространяются положения корпоративного договора, и подлежит немедленному сообщению таким лицам. Необходимо также включить способ такой защиты прав участников и акционеров, как возможность понуждения исполнения корпоративного договора в натуре.

В случае принятия законодателем предложенных мер совершенствования ГК корпоративный договор в России сможет стать таким же распространенным в бизнес-практике, как в США, акционеры и участники общества смогут заключать договоры с уверенностью, что данное соглашение не повлечет негативных последствий и участник (сторона) договора сможет доказать свои законные притязания на предмет сделки в суде, а также понудить ответчика исполнить их в натуре, тогда у недобросовестного контрагента не будет возможности избежать ответственности за свои противоправные действия. Последствием широкого распространения корпоративного договора также внесет свой вклад в развитие корпоративных отношений и корпоративного управления в целом.

Литература

1. О внесении изменений в главы 1, 2, 3, 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ// СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). ст. 7627.

2. Сидорова В. Н. Правовая природа корпоративных отношений // Юрист. 2007. № 12. С. 40–41.
3. Настин П. С. Корпоративные отношения в гражданском праве: теоретический и практический аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 145.
4. Варюшин М. С. Генезис и эволюция корпоративных договоров в корпоративном праве Англии и США // Законодательство и экономика. 2013. № 9. С. 63–69.
5. Варюшин М. С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2015. С. 17.
6. Modell Business Corporation Act. American Bar [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.americanbar.org/dch/committee.cfm?com=CL27000> (дата обращения: 16.04.2017).
7. Баженов П. Защита прав на товарный знак в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://cnlegal.ru/china_intellectual_property/trademark_protection (дата обращения: 14.04.2017).
8. Федоров С. И. Правовое регулирование корпоративных договоров и модернизация гражданского права России // Вестник гражданского права. 2013. № 1. С. 56.

Опека и попечительство в России и КНР: сравнительно-правовой анализ

© Т. А. Савельева

студентка 2-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

ts.162307.ts@gmail.com

Материнство, детство и семья — это объекты социальной защиты. Семья — базовая ячейка общества, один из основных социальных институтов, являющийся, на наш взгляд, залогом успешного развития общества. Молодое поколение — стратегический ресурс любого государства, будущее страны. К сожалению, в России не всегда соблюдается конституционный принцип защиты материнства, семьи и детства. По данным интернет-издания «ТорА», Россия несколько лет подряд занимала первое место по числу сирот, брошенных детей и де-тей, оставшихся без попечения родителей [1]. Нередко фиксируются случаи нарушений прав несовершеннолетних при полном бездействии со стороны государственных органов, в компетенцию которых входит защита прав детей и их семей. С целью изменения сложившейся ситуации социальная политика России предусматривает различные меры по обеспечению нормального и эффективного функционирования таких институтов, как мате-ринство, детство и семья.

Наряду с другими важными правовыми инструментами, призванными гарантировать защиту прав детей, являются предусмотренные действующим законодательством такие формы устройства детей, как усыновление, опека и попечительство, приемная семья. В статье рассмотрим вопросы института опеки и попечительства, проведем анализ функционирования данного института в России и Китае. Считаем, что сравнение нашего законодательства с зарубежным является основой и залогом для успешного сотрудничества. Более того, лучший передовой опыт других стран, в частности Китая, может быть использован для улучшения и совершенствования нашего законодательства.

В статье 38 Конституции Российской Федерации говорится о том, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства, забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей [2]. Кроме того, в нашей стране гарантируется социальное обеспечение в случае потери кормильца, о чем также свидетельствует основной закон государства. В Конституции КНР (ст. 49) отмечено, что брак, семья, материнство и младенчество находятся под охраной государства [3]. Однако, несмотря на регулирование данного вопроса Конституцией, и в той, и в другой стране остается проблема детей, оставшихся без родительского попечения по самым разным причинам. Таким детям и в России, и в Китае присваивается статус социально незащищенных. Для защиты прав и интересов, восполнения недостающего или отсутствующего полностью компонента правосубъектности — дееспособности, предусмотрена система опеки (попечительства), как одна из форм устройства детей, и осуществления государственной защиты личности.

В Китае в сфере семейных правоотношений отсутствует кодифицированное законодательство, данную сферу призваны регулировать законы: Общие положения гражданского права КНР, Закон КНР «О браке», Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости», Закон КНР «Об усыновлении» и другие.

В параграфе 2 статьи 16 «Опека» Общих положений гражданского права КНР установлено следующее: «Родители несовершеннолетних являются опекунами несовершеннолетних. В случае смерти родителей несовершеннолетнего или их неспособности быть опекунами исполнение обязанности опекуна возлагается на одно из следующих лиц, способных быть опекуном:

- 1) дедушка или бабушка по отцовской или материнской линии;
- 2) старший брат, старшая сестра;
- 3) другие состоящие в близких отношениях родственники и друзья, добровольно принимающие на себя обязанности по опеке при согласии организации — места работы отца или матери несовершеннолетнего или комитета городского или сельского населения по месту жительства несовершеннолетнего» [4]. Стоит отметить,

что в Китае данный институт охватывается понятием «опека», термин «попечительство» в китайском законодательстве не упоминается.

Институт опеки и попечительства в России является межотраслевым институтом гражданского и семейного законодательства. основополагающими являются нормы Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Статья 31 ГК РФ гласит: «Опека и попечительство устанавливаются для защиты прав и интересов недееспособных или не полностью дееспособных граждан. Опека и попечительство над несовершеннолетними устанавливаются также в целях их воспитания» [5]. В статье 145 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) говорится о том, что «опека или попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов» [6]. Кроме того, Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (в ред. от 28.11.2015 г.), который так же осуществляет регулирование отношений, возникающих в связи с установлением, осуществлением и прекращением опеки и попечительства, в статье 4 определяет задачи государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству [7]. Они состоят в том, что государство призвано одним из первых выявлять тех лиц, которые остались без попечения родителей или иных законных представителей, обеспечивая им должное и достойное устройство, именно государство обеспечивает стабильную работу органов опеки и попечительства, следит за выполнением опекунами, попечителями своих функций и обязанностей, обеспечивает защиту прав и законных интересов подопечных.

Согласно российскому законодательству, опека устанавливается над несовершеннолетними, не достигшими 14 лет, которые и по иным обозначенным причинам попадают под эту категорию, а попечительство устанавливается над детьми с 14 и до 18 лет. В китайском законодательстве о таком делении ничего не упоминается. Однако следует отметить, что частичная дееспособность в Китае наступает с 10 лет, они считаются ограниченно дееспособными. Могут осуществлять гражданскую деятельность, соответствующую их возрасту и умственным способностям. В возрасте до 10 лет китайские граждане считаются недееспособными.

Семейный кодекс РФ не дает нам легального определения понятия «детей, оставшихся без попечения родителей», однако из смысла статьи 121 следует, что к этой категории относятся дети, лишенные по каким-либо причинам ухода, охраны, воспитания и заботы. В статье перечислены одни из самых распространенных случаев, когда дети остаются без родительского попечения, а именно: смерть родителей, лишение их родительских прав, ограничение их в родительских правах, признание родителей недееспособными, болезнь родителей, их длительное отсутствие, уклонение родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе отказ родителей взять своих детей из воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения и других аналогичных учреждений.

Рассматривая вопрос о порядке назначения опекуна/попечителя, следует отметить, что в законодательстве КНР отсутствуют такие нормы.

В отличие от китайского российское законодательство «характеризуется более детальной конкретизацией правовых норм» [8, с.93], в частности, порядка принятия мер по устройству детей, оставшихся без попечения.

Согласно ст. 122 Семейного кодекса РФ лица, владеющие информацией о детях, подпадающих под категорию социально не защищенных, должны сообщить об этом в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения этих детей. Органы опеки и попечительства обязаны в трехдневный срок провести обследование условий жизни таких детей, установить факт наличия/отсутствия у них родственников, обеспечить защиту прав и интересов этого ребенка до решения вопроса об его устройстве, а в течение месяца устроить ребенка в семью или специальное детское учреждение.

Опекун/попечитель по законодательству России назначается органами опеки и попечительства — органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Это могут быть только дееспособные, совершеннолетние граждане. При этом, согласно требованиям, должны учитываться его нравственные качества, внутренние убеждения и иные личные качества, способность к выполнению обязанностей опекуна/попечителя, отношения между ним и лицом, которому назначается опека/попечительство и, если это возможно, желание подопечного. В СК также говорится о том, что устройство ребенка под опеку и попечительство осуществляется с учетом его мнения. Назначение опекуна ребенку, который достиг возраста 10 лет, осуществляется с его согласия. В статье 146 СК РФ, а равно и в статье 35 ГК РФ, содержится перечень лиц, которые не могут выступать в роли опекуна/попечителя, а именно: лишенные родительских прав, те, кто имеют или имели судимость за ряд преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности, мира и безопасности человечества, а также имеющие судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления, тем, кто заключил однополые браки в государствах, где такие браки были разрешены. Иначе говоря, мы видим, что законодатель достаточно серьезно относится к данному вопросу, выявляя такие требования и ограничения.

Тем лицам, которые помещены в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, опекун/попечитель не назначается. Эти обязанности выполняет указанная организация. Обязанности выполняются на безвозмездной основе. Законы КНР эти требования прямо не прописывают, однако на практике они учитываются.

Законодательства РФ и КНР предусматривают обязанности для опекунов (попечителей). В ст. 36 ГК РФ указано, что опекуны/попечители обязаны защищать их права и интересы, заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, должны заботиться об их обучении и воспитании [5]. В ст. 18

«Общих положений гражданского права КНР» отмечено, что «опекун должен выполнять обязанности по опеке, охранять здоровье, имущество и другие права и законные интересы подопечного; опекун не вправе распоряжаться имуществом подопечного, кроме как в его интересах» [4]. В случае ненадлежащего исполнения обязанностей в законодательстве обеих стран предусмотрены нормы о юридической ответственности.

Особенностью законодательства КНР в институте опеки (попечительства) является то, что:

- во-первых, бабушки, дедушки с обеих сторон, друзья, братья, сестры имеют не преимущественное право быть опекунами/попечителями перед другими, как, например, в России, а основное, о чем говорится в статье 18, при наличии разногласий при определении лица, выполняющего обязанности опекуна, опекун определяется организацией — местом работы или комитетом городского или сельского населения по месту жительства лица и лишь в случае несогласия с выбором и обжаловании его в суд — судом. В случае невозможности установить опеку в соответствии с вышеназванными положениями обязанности по опеке могут быть возложены на организацию, в которой работает отец или мать несовершеннолетнего, или на комитет городского либо комитет сельского населения по месту жительства ребенка, либо на органы гражданской администрации [8, с. 92];

- во-вторых, в России в случае невозможности установления опекуна/попечителя обязанности возлагаются на соответствующие органы, а в КНР — на организацию — место работы, комитет городского или сельского населения по месту жительства лица с психическим расстройством или органы гражданской администрации.

Кроме того, наше законодательство содержит некоторые особенности, например, нельзя разделять братьев и сестер, родители могут оставлять заявление, где указано лицо, которое они желали бы назначить опекуном своему ребенку в случае их болезни.

Таким образом, и в России, и в Китае этот институт нацелен на обеспечение достойной жизни детей-сирот, детей, которые по разным причинам остались без попечения родителей, чтобы они смогли в полной мере реализовать свои права, свободно развиваться в нашем обществе в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. На наш взгляд, регулирование данного института несколькими отраслями права есть не что иное, как тенденция успешного развития страны в данной сфере, что должно способствовать улучшению сложившейся ситуации в стране. Кроме того, преодолению сложившихся проблем должно способствовать и изучение законодательства зарубежных стран. На наш взгляд, законодательство в этой сфере должно совершенствоваться в целях оказания оперативной и эффективной помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Гражданское право — это обширная отрасль права, достаточная сложная и многообразная, еще многое предстоит преодолеть на пути к совершенству.

Литература

1. Ежедневное интернет издание «ТорА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topa.ru/russia-top.htm> (дата обращения: 16.03.2017).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Конституция КНР [Электронный ресурс]. URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinaconstitutionallaw/china_constitution (дата обращения: 16.03.2017 г.).
4. Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]. URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinacivillaw/china_general_principles_of_civil_law (дата обращения: 16.03.2017).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2017 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 16.
7. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // СЗ РФ. 2008. № 17. ст. 1755.
8. Доржиева С. В. Опека над детьми по законодательству России и Китая // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: перспективы сотрудничества с Российской Федерацией: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 17–19 июня 2010) / науч. ред. Ю. И. Скуратов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. Ч. 2. С. 91–93.

© *Улыкпан Назгул*
магистр
г. Улаан-Батор, Монголия
Akgul_7207@yahoo

Сегодня глобализация затронула экономику, общественно-культурные связи стран мира и оказывает непосредственное влияние на изменение законов, использование номинальных достижений разных стран в сфере гражданских прав.

Считается, что контракт — это исключительные обстоятельства соглашения, подписываемые для достижения определенной цели. Если обратиться к истории развития контракта (англ. agreement, contract), то можно увидеть, что развитие концепции, формы договора, классификация контракта всегда обогащались и постоянно менялись. Романо-германский тип правовой системы охватывает страны континентальной Европы: Германия, Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Австрия и Швейцария и др. Им принадлежат договорные юридические обязательства, которые ссылаются на решение судьи. С другой стороны, англосаксонское публичное право не делится на частное и публичное право. Однако присутствует деление права на материальные и процессуальные. В число стран с такой правовой системой относятся Великобритания, Ирландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия [8]. В настоящее время понятие договора объясняют как правовое средство для реализации и развития экономики нежелезы, чем отношение правового позитива и субъективного юридического мышления. Например, в Южной Корее значимость контракта велика для экономики страны [9], а в Китае целью контракта является повышение социального развития, которое соединяет экономику и имеет важную роль в договорной экономике страны [10]. Основа права в романо-германском договоре отражает конкретные действия в рамках взаимных прав и обязанностей, признанных в соответствии с законом. Например: в Германии с субъективной точки зрения соглашение выражает желание сторон. В случае Монголии, которая входит в данную правовую систему, договор описывается как соглашение между двумя или более сторонами, направленное на создание, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей [4].

Страны, которые не входят в англосаксонскую правовую группу, определяют термин о договоре как «соглашение, основанное на законе, переговорах двух или более сторон, чтобы осуществить переговоры по контракту» [6]. Исходя из этого контекста, можно описать договор как «обещание», данное сторонами друг к другу. В США «контракты — это приверженность к закону, при нарушении которого наступает ответственность в виде компенсации имущества [10]. В Англии толкование договора указано: «действия сторон, не запрещенных законом, на основе взаимных прав и обязанностей». При просмотре гражданских законов в правовой системе можно выделить, что одним из основных критериев договорности является «причина создания контракта» или «casus». В гражданском праве обязанности договора делятся на основные и дополнительные, в основные обязательства входят взаимные права и обязанности сторон, а в дополнительные — средства для обеспечения деятельности при невыполнении основных функций договора: штраф, гарантия, залог, фидуция в договорах. В публичной правовой системе данные понятия отсутствуют, поэтому при заключении договора осуществляется ссылка на «consideration». «Consideration» — это один из главных пунктов в договоре, при невыполнении которого договор считается не действительным.

В частно-правовой системе при невыполнении основных пунктов договора при наступлении гражданского конфликта, дефекта, задержки данные обстоятельства регулируются законом по-разному [7]. В публично-правовой системе обязанности договора вписаны в качестве основных условий договора, поэтому при их невыполнении, такие обстоятельства считаются нарушением договорных обязательств [7]. В публично-правовой системе нарушение договора не прописано, так как есть более структурированные пункты, а также имеются специальные группы, в которых описаны условия контракта и последствия невыполнения. Кроме того, имеются специальные согласия для регулирования конфликта [3]. В публичных договорах во многих случаях включены следующие пункты: введение, определение, основные функции договора, последствия, возникающие в результате нарушения договорных обязательств.

В ситуациях, когда любое государство входит в договорные отношения, как одна сторона, суд и арбитр дела для регулирования контракта или же разрешения гражданских споров, они могут обратиться к источникам иностранного международного права и общепризнанным международным нормам. Условия и процедуры для внешнеэкономических контрактов строятся на основе правовой системы страны. В странах с частной правовой системой, в таких как Монголия, Казахстан, страны бывшего СССР, большинство европейских стран, Латин-ская Америка, Турция, Индонезия, при неразрешении дела заинтересованных сторон без судебного дела многие пункты гражданского права сводятся и применяются по контракту. Поэтому контракт должен быть обработан и создан в краткоизложенном виде. Так как до 1990 года Монголия была страной с социалистической правовой системой, иностранные контракты и сделки регулировались напрямую Правительством. В последние годы при переходе страны в рыночную экономику создаются инновационные виды контрактов, которые включают в себя основные идеи западных стран, вобрав в себя азиатский характер. В Великобритании, США, Канаде, Австралии, Индии, Новой Зеландии правовые нормы для судей и законодателей, по сути, являются суждением предыдущих случаев, установленных правовыми принципами. Однако в последнее время законодательство

этих стран принимает ряд новых законов по проблемам, связанным с правами и обязанностями контракта. При не обозначении выбора способа разрешения споров сторонами, по которым он должен решаться, действует закон, на территории которого находится организация, выполняющая обязанности контракта. Стандарты таких споров могут быть различными в разных странах. Большинство государственных законов определяет нормы, применимые к определенным типам внешних экономических сделок [5].

При не достижении договоренности сторон, но подписании договора любая деятельность совместного производства, специализации и кооперирования, строительство, монтаж, а также выполнение других видов работ применяется закон страны, на территории которой происходит процесс. При создании совместного предприятия с участием юридических лиц (граждан иностранных государств) используется принцип применения норм международного права, применяются законы страны, на которой находится производство.

В Инкотермсе (базовые условия контракта) указаны определенные условия международной и внутренней торговли, соглашениях покупателя товара, договорные обязательства, установка нецелостности товара, риск, данные о покупателе. Последняя одобренная версия Инкотермса вступила в силу с 1 января 2011 г. Особенность этой версии заключается в том, что она спроектирована таким образом, что ее можно использовать не только в международных, но и во внутренних торговых контрактах. Также существенным изменением можно считать вычитание терминов DAF, DES, DEQ и DDU и добавлением новых DAT и DAP.

Литература

1. Байгал Э. Олон Улсын хувийн эрх зүй. 2016.
2. Доржпалам Х. Гэрээний эрх зүй. 2016.
3. Коннелл Ф., Мэндсайхан Т., Цогт Н. Олон Улсын бизнесийн хэлцэл, сургалтын гарын авлага. 2008.
4. Наранчимэг Д. Иргэний эрх зүйн үндсэн асуудал. Улан-Батор, 1999.
5. Оюунтунгалаг Ж. Харьцуулсан Иргэний эрх зүй. Улан-Батор, 2013.
6. Contract law. University of Melbourn. Australia, 1999.
7. Zweigert K. and Koetz H. An Introduction to Comparative law // The Institutions of Private Law. 1977. Vol. 2.
8. Rober F. Contract Law and Theory. Lexis Nexis, 2013.
9. Park N. The Role of law in Korean Economic Development. Korean legislation Research Institute, 2008.
10. Peter S. Freedom of Contract and Paternalism, Prospects and limits of Economic Approach. Bartins Press, 2013.

Право собственности на землю в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: сравнительно-правовой анализ

© **О. Ч. Цыденова**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
ouyuna.t@mail.ru*

Рассмотрим вопросы ограничения права собственности на землю, а также баланс частных и публичных интересов в использовании земли. Земля и другие природные ресурсы признаются Конституцией Российской Федерации основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [9]. Данное положение полностью соответствует международным нормам права. Так, Резолюция VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1952 г. № 626 прямо устанавливает, что «право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами и свободно их эксплуатировать является их неотъемлемым суверенным правом и соответствует целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций» [14].

В институте права собственности сочетаются и взаимодействуют публичные и частные начала в правовом регулировании отношений. В общей теории права под ограничением права понимается сдерживание деяний лица, связанное с неблагоприятными условиями для осуществления собственных интересов, которое сообщает об уменьшении объема возможностей, свободы личности.

Частная собственность на землю подразумевает собственность граждан и юридических лиц. Право собственности граждан и юридических лиц на нее формируется права на земли, находящиеся в государственной и муниципальной собственности (первичный земельный рынок), либо в результате сделок между собой (вторичный земельный рынок).

Вместе с тем не все земельные участки могут быть объектами права частной собственности. Земельные участки подразделяются на изъятые из оборота, ограниченные в обороте и свободные в обороте. Объектом права частной собственности могут быть только земельные участки, не ограниченные в обороте, и в виде исключения в случаях, предусмотренных законодательством, участки из числа ограниченных в обороте.

Земля является природным объектом, важнейшим ресурсом государства, поэтому существует ряд ограничений по владению, пользованию и распоряжению землей. Исходя из этого, право собственности на землю не является абсолютным в полной мере.

По мнению Е. А. Галиновской, основная задача современного законодательства заключается в правовом обеспечении баланса частных и публичных интересов в использовании земли, который достигается закреплением совокупности взаимосвязанных правовых механизмов воздействия на различные виды общественных земельных отношений [1, с. 14–25].

В соответствии со статьей 56 Земельного кодекса РФ публичные интересы определяют необходимость установления различного рода ограничений хозяйственной деятельности, связанной с использованием земель [4]. В связи с этим права на землю могут быть ограничены по основаниям, предусмотренным Земельным кодексом РФ или иным федеральным законом. Ограничение прав лиц, которые используют земельные участки на праве частной собственности, является установлением в административном порядке запретов на осуществление отдельных видов хозяйственной деятельности и использования земли, или требований о воздержании от совершения определенных действий.

Сочетание публичных (государственных) и частных интересов при правовом регулировании права собственности на землю предусматривается также в зарубежном законодательстве.

Согласно законодательству Японии право собственности на землю может быть ограничено в целях общественного спокойствия; во имя учреждений общественного характера (принудительное изъятие земель может быть в публичных интересах, например при строительстве шоссе или железных дорог); в целях поддержания и развития определенной отрасли экономики; в целях сохранения культурных ценностей. В статье 29 Конституции Японии определено, что частное имущество может быть использовано в публичных интересах за справедливую компенсацию [13; 16]. Таким образом, в Конституции Японии закрепляется возможность отчуждения собственности в общественных целях за справедливое вознаграждение. Содержание права собственности по Гражданскому кодексу Японии состоит в свободном использовании, извлечении выгод и распоряжении этим правом в пределах полномочий, установленных законодательством (ст. 206) [2].

В некоторых государствах доминирующей собственностью на землю является муниципальная, которая основана на использовании преимущественно арендных методов регулирования. Данная политика проводится, например, в Канаде и Индии. На городские муниципалитеты, являющиеся основными субъектами земельных отношений и крупными владельцами земли, возложена ответственность за справедливый отвод земель и регулирование правового положения недвижимости в городских границах [15, с. 368].

В соответствии с Конституцией Канады собственниками земель являются федеральное правительство, провинции и муниципалитеты, имеющие в своем распоряжении около 90% земельного фонда страны. В нее входят письменные тексты, неписанные традиции и соглашения.

По законодательству США, считающихся демократическим государством, для осуществления генеральных планов развития города муниципалитетам дается право выкупа земли у частных владельцев, компенсации им полной рыночной стоимости, даже против воли владельца. Учитывая данные обстоятельства, при индивидуальном землепользовании и приобретении недвижимости федеральные налоги для землевладельца сокращаются. Впоследствии на льготных условиях земли выкупает новый владелец, который согласен выполнять планы муниципалитетов [15]. Конституция страны провозглашает «справедливую компенсацию» при любых случаях экспроприации собственности для государственных нужд [10].

Право частной собственности в странах Южной Америки также не рассматривается как абсолютное неограниченное право. Так, Конституция Колумбии гарантирует право частной собственности «и другие права, приобретенные на должном основании» (ст. 30) [7]. При наличии государственной пользы в конкретном случае общественные и государственные интересы преобладают над частными. Схожее регулирование содержится и в Конституции Перу 1993 г., в которой определено, что государство «может в силу закона вмешиваться в развитие частной промышленности и в деятельность частных предприятий в целях рационализации производства, распределения и потребления ресурсов или для оказания трудящемуся справедливой защиты, на которую он имеет право» [6]. Аналогичные положения содержатся и в Конституции Чили, в которой гарантируется свобода владения любой собственностью, за исключением объектов, находящихся в общем пользовании или принадлежащих только нации (п. 23 ст. 19) [8]. Следует отметить, что в истории Колумбии и Чили отмена частной собственности не прослеживалась.

Приоритет государственных интересов в вопросах собственности четко выражен в Конституции Эквадора 2008 г. В частности, исключительное право собственности государства сохраняется в различных секторах экономики, включая нефтяную и газовую промышленности, энергетику, сферу радио и телекоммуникаций и т. п. (ст. 313). По Конституции изъятие собственности возможно «в целях выполнения планов социального развития, устойчивого управления окружающей средой и обеспечения общественного благосостояния» (ст. 323) [12]. По поводу вопроса о компенсации собственникам в конституции говорится о ее существовании и о порядке, устанавливаемом специальным законом.

В большинстве стран существуют законодательно установленные правила для определения компенсаций в случае изъятия частной собственности для государственных нужд.

В Конституции Камбоджи определено, что государство выплачивает «справедливую рыночную стоимость» за изъятие земельных участки (ст. 44) [5].

Понятие «справедливый выкуп» присутствует также в Конституции Филиппин (ст. 9, ч. III) [11]. Кроме стандарта «справедливой рыночной стоимости» законодательные акты об изъятии в США дополняют различные практические рекомендации. Так, например, при восстановлении существующих до момента изъятия условий землепользования органы власти полностью компенсируют убытки обладателей прав на земельные участ-

ки. Изменения в стоимости земельных участков, вызванные принятием решения об изъятии, не учитываются. Государством выплачивается рыночная стоимость земельного участка, существовавшая до опубликования решения об изъятии [3, с. 87].

В соответствии со статьей 30 Конституции Колумбии собственность может подлежать изъятию, но только в интересах общества и с обязательным возмещением [7]. Характерной особенностью стран Южной Америки является предварительное возмещение. Конституция Чили, разработанная в годы правления А. Пиночета, предусматривает изъятие собственности только в исключительных случаях и на основании закона, принятого парламентом. Само изъятие возможно только в публичных интересах с обязательной предварительной компенсацией. Размер компенсации определяется соглашением сторон, при невозможности разрешается судом. Вместе с тем согласно пункту 24 статьи 19 Конституции Чили в случае судебного решения о компенсации она выплачивается суммой наличными [8]. Как отмечают исследователи, такое подробное регулирование вопроса объясняется таким институциональным недостатком, как игнорирование принципа верховенства закона в части имущественных прав.

В США дела об изъятии для государственных нужд рассматриваются в судах общей инстанции. В таких странах, как Австралия, Новая Зеландия, Гонконг и Китай, существуют специальные земельные суды для разрешения споров о земле [3, с. 89]. Судебные решения подвергаются специальной экспертизе, при проведении которой гарантируется юридическая обоснованность и повышается согласованность решений. Данное обстоятельство способствует в дальнейшем предсказуемости судебных разбирательств.

Таким образом, в ходе проведенного анализа очевидным является то, что в зарубежных государствах ограничения права собственности являются общепринятой практикой. Из опыта США и других стран нам требуется обратить внимание на создание специальных земельных судов для разрешения споров о земле, что будет способствовать предсказуемости судебных решений.

Литература

1. Галиновская Е. А. Земельное законодательство: особенности формирования и развития // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 14–25.
2. Гражданский кодекс Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.ru/university/departments> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Едемский А. А. Международная практика определения компенсаций за изымаемые для государственных нужд земельные участки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 87, 89.
4. Земельный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета. 2001. № 211–212.
5. Конституция Королевства Камбоджи. Принята 24 августа 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.ru/university/departments/faculties/uf/13244/13252/16182/> (дата обращения: 17.03.2017).
6. Конституция Перу. Принята 29 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=534> (дата обращения: 15.03.2017).
7. Конституция Республики Колумбии от 04 июля 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: http://confinder.richmond.edu/admin/docs/colombia_const2.pdf (дата обращения: 16.03.2017).
8. Конституция Республики Чили. Принята 11 августа 1980 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mir-geo.ru/chili/gosud> (дата обращения: 18.03.2017).
9. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237.
10. Конституция США. Принята 17 августа 1787 г. [поправка 5] [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=168> (дата обращения: 18.03.2017).
11. Конституция Филиппин. Принята 11 февраля 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.ru/university/> (дата обращения: 18.03.2017).
12. Конституция Эквадора. Принята 28 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=5507> (дата обращения: 18.03.2017).
13. Конституция Японии. Принята 3 ноября 1946 г. [Электронный ресурс]. URL: http://legalportal.am/download/constitutions/112_ru.pdf (дата обращения: 18.03.2017).
14. Объединенные нации. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей ООН на седьмой сессии за время с 14 октября 1952 по 21 декабря 1952 г. // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия. Дополнение № 20 (A/2361). Нью-Йорк, 1952. С. 22–23.
15. Рене Давид, Камилла Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 368.
16. Чиркин В. Е. Конституционное право. М.: Юрист, 2007. С. 93.

**Институт обязательств по возмещению вреда,
причиненного жизни или здоровью гражданина в Китае, Японии и США**

© *Л. Г. Цыренжапова*

магистрант 1-го года обучения юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

tafudozuka@mail.ru

Обязательства из причинения вреда как институт гражданского права возник еще в римском праве. В Риме основанием обязательственных правоотношений считались внедоговорные частные правонарушения (*delictumprivatum*), поскольку они формировали правовые основания у потерпевшего требовать от правонарушителя возмещения вреда в виде денежных средств. Величина требований устанавливалась законом для каждого конкретного случая. Деликтами в римском праве признавались только те правонарушения, которые были указаны в законе. К ним, в частности, относились: *iniuria* — личная обида; *furtum* — кража, *damnum in iuria datum* — неправомерное уничтожение или повреждение имущества [5, с. 86].

Обязательства из причинения вреда — одно из важнейших средств защиты прав и интересов участников гражданского оборота, направленное на обеспечение восстановления имущественного положения потерпевшего. Данный институт относится к охранительным обязательствам.

Институт обязательств по возмещению вреда широко распространен по всему миру, так как каждый день на практике встречается множество случаев причинения вреда, вытекающих из внедоговорных отношений, которые зачастую люди не могут предвидеть.

В условиях роста правонарушений против личности, в связи с необходимостью повышения правовых гарантий прав и интересов граждан, проблемы возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина в частности, источником повышенной опасности, приобретают особую актуальность и продолжают привлекать внимание значительного числа правоведов, широко обсуждаются в печати, в обыденной жизни. Интересы потерпевшего от правонарушения именно на компенсационной основе обеспечиваются с помощью мер деликтной ответственности. Право на возмещение ущерба при его причинении является конституционным правом каждого гражданина. Оно согласуется с конституционными положениями о защите жизни и здоровья, охране правопорядка в любом государстве. Будучи направленными на восстановление прежнего состояния, которое было до правонарушения, обязательства вследствие причинения вреда способствуют охране жизни и здоровья граждан.

Если в Российской Федерации основным источником регулирования данного института является Гражданский кодекс РФ, то в США, например, дела о возмещении причиненного вреда нередко решаются на основе частных кодификаций прецедентов — *Restatements of the Law of Torts*. Противоправным признается поведение лица, нарушающее субъективное право другого лица. В КНР существуют Общие положения гражданского права КНР, принятые на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 12 апреля 1986 г., в главе 3 которых детально указана гражданская ответственность за нарушение прав в различных случаях. В Японии также данный институт предусмотрен в Гражданском кодексе Японии.

В ГК Японии общие условия деликтной ответственности — умысел и неосторожность, в котором умысел понимается как осознание лицом, совершающим определенное действие, того, что данное действие причинит вред другому лицу. При этом конечной целью действий не обязательно должно быть причинение вреда. Неосторожность означает пренебрежение требуемым законодательством вниманием — «вниманием хорошего управляющего». Помимо статьи 709 ГК Японии, устанавливающей институт деликтной ответственности, также предусматривается еще пять специальных институтов, которые можно считать разновидностями общего института. В четырех из них фактически допускается ответственность без вины, например ответственность лица, осуществляющего контроль за действиями недееспособного (ст. 714), использующего труд других лиц (ст. 715) или являющегося собственником строения (ст. 717) либо животного (ст. 718) [2, с. 163].

Рассматривая субъектный состав данного института в Японии, можно сказать, что в отличие от российского права, где ответственность за причиненный вред несут на общих основаниях лица, достигшие 14-летнего возраста; родители несут ответственность за действия своих малолетних детей (до 14 лет); за действия детей от 14 до 18 лет родители могут нести дополнительную ответственность, если у причинителя вреда нет достаточного имущества, в Японии по-другому решают вопрос о деликтоспособности несовершеннолетних. В данной стране не установлен возраст наступления деликтоспособности, а в каждом конкретном случае суд решает, обладает ли несовершеннолетний достаточными умственными способностями для осознания своих действий [4, с. 447]. Также в Японии предусматриваются свои специальные деликты, например японское право устанавливает определенные особенности ответственности за такие специальные деликты, как ответственность лица, осуществляющего контроль за действиями недееспособного лица; ответственность лица, использующего труд других лиц; ответственность лица — собственника строения; ответственность владельца животного; ответственность за вред, причиненный различного рода происшествиями (например, автотранспортными) или несчастными случаями (например, экологического характера) [4, с. 448]. Следовательно, можно сделать вывод, что регулирование института по возмещению вреда в сфере деликтного права касается субъектного состава и специальных деликтов в Японии значительно отличается от права ряда других стран, например США и Китая и России.

Говоря о правовой системе США, можно отметить, что важной ее особенностью является тесная связь между уголовным и гражданским судопроизводством. Данный факт подразумевает применение в гражданско-правовом регулировании способов и методов из сферы уголовно-правового регулирования.

Институт деликтных обязательств в США предусматривает три основных правила для признания конкретного действия лица в качестве деликта, что, в свою очередь, порождает обязательство о возмещении пострадавшей стороне: во-первых, истец должен являться стороной, потерпевшей ущерб; во-вторых, действия или бездействие ответчика должны являться причиной возникновения ущерба; в-третьих, действия или бездействие ответчика должны быть выражены в нарушении обязанности, которую ответчик должен был нести перед истцом.

Также в Америке существуют специальные деликты. К примеру, в Своде (втором) деликтного права 1956 г. говорится, что производитель, не принявший разумных мер предосторожности при изготовлении движимых вещей, которые он, если они сделаны без необходимой тщательности, должен признать в качестве представляющих собой неоправданный риск причинения физического вреда тем, кто использует их по назначению в соответствии с его замыслом, и тем, для кого они, как этот производитель обязан предвидеть, будут представлять опасность в случае их вероятного использования, несет ответственность за физический вред, причиненный тем, кто правомерно использовал эти движимые товары должным образом и для целей, для которых они представлялись [3, с. 367].

В КНР так же, как и во многих странах, предусматривается общее правило возмещения вреда. К примеру, в общих положениях гражданского права КНР в ст. 119 говорится, что в случае причинения телесного повреждения гражданину ему должны быть возмещены расходы на лечение, доходы, сократившиеся по причине отсутствия его на работе, определено пособие по инвалидности и оплачены другие расходы. В случае смерти гражданина должны быть также оплачены расходы на похороны, необходимые средства на жизнь для лиц, ранее находившихся на содержании умершего, и другие расходы. Данное положение сходно по своему характеру с положениями российского законодательства. Важно отметить, что помимо распространенных специальных деликтов в Китае также указаны такие деликты, как причинение вреда другим лицам в результате обвала зданий или иных строений, а также в результате падения предметов и пролития веществ, находящихся на зданиях или в подвешенном состоянии, владельцы или лица, в чьем ведении находятся здания или строения; причинение вреда другим лицам из-за отсутствия ясных указателей и непринятия мер безопасности при земляных работах в местах общественного пользования, на тротуарах, переходах, при ремонтно-восстановительных и защитных работах на подземных сооружениях и т. д.; причинение вреда другим лицам домашними животными их владельцы или лица, у которых домашние животные содержатся; гражданская ответственность за вред, причиненный вследствие стремления избежать опасности [6, с. 5].

Таким образом, важно отметить, что каждое государство предусматривает определенное охранительное регулирование такого института, как деликтные обязательства. На примере вышеуказанных государств можно сделать вывод, что в каждом из них охраняются права субъектов внедоговорных правоотношений в случае нарушения их прав и интересов, которые обязательно должны быть восстановлены нарушителем. Данные правоотношения возникают в любой стране, т. к. общество не может предвидеть наступление указанных обстоятельств, однако подобные ситуации встречаются на практике очень часто.

Литература

1. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 604 с.
2. Зенин И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран. 5-е изд. М.: Изд-во МЭСИ, 2005. Вып. 5. 194 с.
3. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М.: Междунар. отношения, 2001. 480 с.
4. Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 680 с.
5. Сокрутова Т. Ю. Сравнение деликтных обязательств в римском, гражданском и международном частном праве // Вестник СГАП. 2009. № 1.
6. Положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law (дата обращения: 12.03.2017).

Правовое регулирование транснациональных корпораций в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© С. Б. Цыренова

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
svetlana.bairovna@yandex.ru*

Интерес к вопросу о транснациональных компаниях Азиатско-Тихоокеанского региона особенно высок, так как начиная со второй половины XX в. транснациональные компании Азиатско-Тихоокеанского региона, обладая мощным производственным потенциалом, емкостью внутренних рынков и высокой численностью населения, начали активно влиять на мировую торговлю.

В целях правильного уяснения правового положения и особенностей деятельности транснациональных корпораций в Азиатско-Тихоокеанском регионе представляется необходимым дать определение данному понятию.

Сегодня существует множество точек зрения на трактовку сущности ТНК, так, Большой экономический словарь определяет транснациональную корпорацию как корпорацию, компанию, осуществляющую основную часть своих операций за пределами страны, в которой она зарегистрирована, чаще всего в нескольких странах, где имеет сеть отделений, филиалов, предприятий.

Как правило, ТНК базируются преимущественно в развитых странах, таких как США, Япония и страны Европейского союза. Основными специализациями таких компаний являются электронная, химическая, фармацевтическая и автомобильная промышленность.

Вопрос правового регулирования стал особенно актуальным во второй половине XX в., когда особую роль в экспорте капитала в соседние страны Азии стали играть новые индустриальные страны первого эшелона — Тайвань, Сингапур, Республика Корея, Гонконг. Экспорт капитала был обусловлен перемещением трудоемкого производства в страны с более дешевой рабочей силой.

Внутрирегиональные инвестиции стали одним из факторов индустриализации, модернизации и ускоренного экономического развития всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

ТНК азиатского типа начинают свою деятельность с учреждения торговых представительств, постепенно переходя к местному производству. Корпорации из стран АТР обычно сначала открывают филиалы, производящие определенные виды продукции в различных регионах Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем объединяют такие филиалы в единую производственную сеть.

Инвестиционная деятельность японских, корейских, китайских корпораций, безусловно, способствует интеграции стран АТР, однако такая деятельность была бы неэффективной без политической поддержки государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому на основе развитой и прогрессивной правовой базы различные страны Азиатско-Тихоокеанского региона способствуют развитию и поддерживают ТНК.

Правовое регулирование деятельности ТНК осуществляется на трех уровнях: международный, региональный и национальный. Международный уровень представлен рядом международных торговых соглашений, основополагающим признается «Хартия экономических прав и обязанностей государств». «Хартия экономических прав и обязанностей государства» была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 1974 г., в ней содержатся нормы, направленные на ограничение деятельности ТНК, а также установлен основной принцип: государство имеет право «регулировать и контролировать деятельность транснациональных корпораций в пределах действий своей национальной юрисдикции и принимать меры к тому, чтобы такая деятельность не противоречила законам, нормам и постановлениям и соответствовала его экономической и социальной политике. Транснациональные корпорации не должны вмешиваться во внутренние дела принимающего государства».

В 1974 г. были созданы Центр ООН по ТНК, основной задачей которого являлось осуществление проверки деятельности ТНК, и Комиссия по ТНК, результатом деятельности которой было создание проекта кодекса поведения ТНК. Проект кодекса поведения ТНК содержит основные принципы деятельности ТНК: уважение суверенитета стран, в которых корпорации ведут деятельность, соблюдение законодательства, деятельность ТНК не должна противоречить экономической политике развития страны как в международном, так и в региональном масштабе, также в кодексе были определены обязательства ТНК и права на их пребывание на территории страны-реципиента.

В 1993 г. Центр по ТНК перешел под правление ЮНКТАД, в это время развивающиеся страны начали идти на уступки для ТНК, принимая законы, способствующие притоку капитала в страну, поэтому важность вопроса о принятии кодекса снизилась, именно поэтому документ на сегодняшний день так и не утвержден.

Региональный уровень представлен соглашениями ЕС, ОЭСР, СНГ и других стран. Основным актом, регулирующим деятельность ТНК, являются принятые в 1976 г. «Руководящие принципы для многонациональных предприятий ОЭСР», они содержат основные принципы деятельности компаний, однако имеют лишь рекомендательный характер.

Важным этапом в развитии правовой базы регулирования деятельности ТНК стала подготовка Многостороннего соглашения по инвестициям в 1995 г. Основными его пунктами стали: доступность всех нормативно-правовых актов в области инвестирования, ключевые принципы деятельности — принцип наибольшего благоприятствования и предоставления национального режима, исключение определенных ограничительных торговых барьеров и вопрос по регулированию споров между странами. Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей, и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности дают возможность ТНК проникнуть на национальные рынки и расширить свое влияние практически на все секторы национальных производственных рынков, сельского хозяйства и сферы услуг, а также урегулировать поведение правительств по вопросам иностранных инвестиций в производственной сфере. В основе соглашений лежит установление принципа национального режима, которое устраняет количественные ограничения для осуществления инвестиционных проектов.

Для дальнейшего развития системы регулирования транснациональных отношений необходимы совершенствование нормативно-правовой базы принимающего государства для международного торгово-экономического сотрудничества, стандартизация и унификация механизмов регулирования деятельности ТНК,

а также повышение уровня информационно-коммуникационной обеспеченности систем регулирования транс-национального бизнеса.

Литература

1. Конвенция о транснациональных корпорациях [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/ru/docs/iteit20073_ru.pdf (дата обращения: 14.03.2017).
2. Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий [Электронный ресурс]. URL: <https://mneguidelines.oecd.org/guidelines/MNEGuidelinesRussian.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Хартия экономических прав и обязанностей государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 15.03.2017).
4. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2010.
5. Киреева А. А. Южнокорейские ТНК: история выхода на рынки АТР // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: материалы XXXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2015. № 10(37). С. 99–104.
6. Петровская А. П. Правовое регулирование деятельности ТНК в АТР // Экономика и социум. 2017. № 1(32). С. 325–329.

Краткий обзор арбитража в Китае

© *Чжао Лэ*

*Магистрант Политико-юридического
Университета Китая (г. Пекин)*

Закон КНР об арбитраже был принят 31 августа 1994 г. на 9-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва, опубликован 31 августа 1994 г. и вступил в силу с 1 сентября 1995 г. [1]. Закон КНР об арбитраже был принят для того, чтобы гарантировать справедливое разрешение экономических споров, защищать законные интересы разных сторон и способствовать здоровому развитию рыночной экономики. Арбитраж может разрешать правовые, договорные, экономические, торговые и имущественные споры, возникающие между равноправными субъектами арбитражных соглашений.

Арбитраж в Китае проводится на основе соглашения сторон. Арбитражное соглашение представляет собой согласованную волю сторон о передаче спора между ними на рассмотрение в арбитражную комиссию. В арбитражном соглашении должны быть написаны требования сторон, содержание спора, арбитражная комиссия и так далее. Арбитражное соглашение для сторон арбитражного соглашения имеет обязательную силу и не может быть отменено. В КНР существует много способов разрешения споров, и, в отличие от других способов, арбитражное не может быть обжаловано, оно является окончательным и имеет обязательную силу для сторон. Арбитраж проводится только негосударственными арбитрами, выбранными сторонами арбитражных соглашений.

Арбитраж обязан справедливо и независимо разрешать споры по фактам и закону КНР об арбитраже. Арбитражная комиссия осуществляет независимую деятельность и не вмешивается в дела административных органов, общественных организаций и граждан. Арбитражное соглашение, содержание которого выходит за рамки закона КНР об арбитраже, или арбитражные соглашения, заключенные недееспособными гражданами или гражданами, дееспособность которых ограничена, или соглашение, заключенное под угрозой или давлением, ничтожно. Стороны арбитражного соглашения должны исполнять арбитражные решения. Если одна сторона арбитражного соглашения не исполняет арбитражные решения, другая сторона вправе подать народному суду заявление о принудительном исполнении арбитражного решения.

Создание и работа арбитражных учреждений и арбитраж проводятся по закону КНР об арбитраже. В системе арбитражных учреждений в Китае входят десятки арбитражных комиссий.

Арбитражные комиссии могут быть созданы в городах центрального подчинения, в провинциях, автономных районах и городах с учетом реальной потребности.

Арбитражная комиссия состоит из граждан, имеющих высшее юридическое образование и пользующихся уважением и репутацией. Арбитражный судья должен соответствовать одному из следующих условий: рабочий стаж в арбитражном учреждении, рабочий стаж в качестве адвоката или судьи не менее 8 лет; участие в законодательной, исследовательской и научной работе и получение высокого звания и т. д. [1]

Арбитражная ассоциация в Китае является общественной независимой организацией. Арбитражная комиссия является членом Арбитражной ассоциации, осуществляющей проверку арбитражной комиссии. Арбитражная ассоциация в Китае контролируется правилами закона КНР об арбитраже и правилами Гражданского процессуального кодекса.

В Китае учреждаются две арбитражные комиссии, связанные с зарубежными спорами: Всекитайская арбитражная комиссия по международной экономике и торговле и Морская арбитражная комиссия [2]. В разных городах учреждено более 140 местных арбитражных комиссий, которые рассматривают споры, возникающие в торговых и в экономических сферах. Местные комиссии тоже являются важной частью арбитражных учреждений. В Китае также применяются особые положения об арбитраже, связанные со спорами с иностранными эле-

ментами. По мере развития экономики и торговли арбитраж играет все более важную роль в разрешении экономических и торговых споров. Арбитраж для здорового развития китайского общества и экономики имеет большое значение.

Литература

1. Закон КНР об арбитраже от 31 августа 1994 г.
2. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/China_law_arbitraj.pdf (дата обращения: 30.04.2017).
3. URL: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_ba0c155e-723b-430a-8e9b-8a8d1891969a.html (дата обращения: 30.04.2017).

Сравнительно-правовой анализ регулирования труда профессиональных спортсменов в России и США

© *Т. Н. Шагдаров*

*студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

juvejeep@mail.ru

Спортивная деятельность давным-давно стала значимой составляющей жизни всего человеческого мира, а вопросам правового регулирования труда спортсменов и тренеров уделяется большое внимание как в России, так и в США. В данной статье хотелось бы кратко осветить некоторые аспекты регулирования труда профессиональных спортсменов в России и США. На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации не определено, кого считать профессиональным спортсменом. В Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» существуют понятия «спортсмен» и «спортсмен высокого класса». Согласно закону, спортсменом признается физическое лицо, занимающееся выбранным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях. Спортсмен же высокого класса определяется не иначе как спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов.

Коснемся непосредственно правового регулирования труда профессиональных спортсменов в России. Помимо Конституции РФ, международных актов и Трудового кодекса Российской Федерации, трудовые отношения и иные связанные с ними отношения между спортсменами и их работодателями регулируются массой разнообразных нормативно-правовых актов: федеральными законами, подзаконными актами; договорами, соглашениями, уставами спортивных организаций, спортивными регламентами.

Что касается профессионального спорта в США, то тут он функционирует, базируясь на качественной правовой основе. Вероятно, ни в одном государстве мира не принималось такое количество нормативных актов, связанных с профессиональным спортом. В США профессиональный спорт формируется на базе норм, характерных для прецедентного права [3].

Из истории американского профессионального спорта мы видим, что юридические нормы при его формировании возникали вначале после всевозможных судебных исков, а далее, после решения суда, становились прецедентами, используемыми в дальнейшем для разрешения схожих споров. Частенько спорные вопросы между игроками и клубами, между командами и лигами оставались без должного внимания, за исключением случаев, когда они становились достоянием общественности [2].

Однако, в отличие от России, в США, а именно в Трудовом кодексе штата Техас, закреплено понятие «профессиональный спортсмен» — это лицо, работающее в качестве профессионального спортсмена преимущественно в следующих организациях:

1. Национальная футбольная лига.
2. Национальная баскетбольная ассоциация.
3. Американская лига профессиональных бейсбольных клубов.
4. Национальная лига профессиональных бейсбольных клубов.
5. Международная хоккейная лига.
6. Национальная хоккейная лига.
7. Центральная хоккейная лига [5, с. 123].

Весьма интересен тот факт, что профессиональный спорт в США — это, прежде всего, специфический вид спортивно-развлекательного бизнеса. Спортивный бизнес базируется на мощнейших коммерческих и юридических постулатах, как система контрактов, соглашения владельцев команд о неконкурировании в бизнесе, особая система набора игроков в команды драфт, соглашения о договоренностях между лигами и ассоциациями игроков лиг и других нюансах.

Специфика регулирования профессионального спорта в США заключается в том, что в основе структуры профессиональных лиг лежит система правовых актов, в том числе положений, закрепленных в регламентных

актах и локальных нормативных документах [4]. Это система в совокупности состоит из пяти следующих важнейших элементов:

- 1) отбор игроков в команды (драфт);
- 2) удержание их в команде;
- 3) контроль над игроками;
- 4) решение спорных вопросов между владельцами команд и спортсменами;
- 5) трансфер игроков.

Драфт, о котором говорилось выше, подразумевает под собой процедуру, согласно которой не спортсмен выбирает себе команду, а система указывает ему команду и имя ее владельца, от которого он в случае подписания контракта полностью зависит. Иначе говоря, данная система ограничивает права спортсменов, позволяя тем самым уравновесить конкурентоспособность клубов.

Отметим, что труд спортсменов в Российской Федерации является трудом особым. Ряд особенностей отличает его от труда иных категорий работников. В свою очередь, особый характер труда требует специального правового регулирования возникающих при этом отношений.

Правовое регулирование трудовых отношений спортсменов в Российской Федерации основывается на принципе единства основных условий труда и равенства, трудовых прав и обязанностей всех работников, работающих по трудовому договору [1, с. 91].

Таким образом, в России и США вопросы правового регулирования труда профессиональных спортсменов отличаются. Во-первых, в США, в отличие от России, определено понятие «профессиональный спортсмен». Во-вторых, в России трудовые отношения спортсменов основываются на принципах равенства и единства, а в США допустимым является ограничение общегражданских прав спортсменов. Но тем не менее помимо отличительных черт, наблюдается присутствие и сходных — многообразие источников, регулирующих трудовые правоотношения спортсменов, как в России, так и в США.

Литература

1. Гусов К. Н., Шевченко О. А. Спортивное право. Правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта: учеб. пособие. М.: Проспект, 2012. 145 с.
2. Зарубежный опыт организации и регулирования профессиональной спортивной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://sportwiki.to> (дата обращения: 10.05.2017).
3. Прецедентное право: теперь и в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 11.05.2017).
4. Professional sports and the Law. Washington D.C., Government Printing office, 1986.
5. Шевченко О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России: дис. ... д-ра юр. наук. М., 2014. 371 с.

Актуальные вопросы оспаривания кадастровой стоимости в Российской Федерации и странах АТР

© **О. К. Шакирова**

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*г. Улан-Удэ, Россия
shok-1994@mail.ru*

Ориентировочное количество рассматриваемых дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости земельных участков в апелляционном порядке Верховным судом Российской Федерации составляет от 10 до 25 дел. Связано это с тем, что проблемным остается вопрос определения оценочной стоимости недвижимости, согласно которой исчисляется налоговая база имущественного и земельного налогов. Недовольство граждан вполне объяснимо, ведь каждый хочет доказать свое право законно уменьшить размеры налогов и, соответственно, арендные (рентные) расходы. Но, как показывает практика, чаще всего суды общей юрисдикции на начальном этапе отказывают собственникам и арендаторам в установлении собственности по цене, равной рыночной. Итак, основные причины отказа:

Первое — это определение даты, по состоянию на которую устанавливается кадастровая стоимость. Одна из ошибок, которая допускается, — это неверное определение даты установления кадастровой стоимости, как правило, вновь образованных участков. Следующая ошибка — изменение неактуальной к моменту обращения в суд кадастровой стоимости.

Второе — нужно обращать особое внимание на достоверность отчета и правильность экспертного заключения саморегулируемой организации. В Российской Федерации сложилось так, что оценщики не несут особой ответственности при допущении ошибок. Более того, как отмечает С. П. Коростелев, нет взаимодействия между государством и саморегулируемыми организациями [1]. Ошибки, которые даже непроизвольно может допустить оценщик, могут пагубно отразиться на процессе оспаривания кадастровой стоимости и привести к невозвратимым последствиям. Такими ошибками, к примеру, могут служить: недостоверная информация в отчете об

оценке недвижимости, сравнение объектов, аналоги которых отличаются от объекта оценка по площади, или если при сравнении с аналогичными объектами не использовались все критерии (например, последняя дата продажи).

Подобную правовую ситуацию разобрал Верховный суд Российской Федерации в определении по делу №56-АПГ15-3 от 1 апреля 2015 г. [2]. Суть вопроса заключалась в установлении кадастровой стоимости равной рыночной. Однако из-за грубого нарушения оценщика в отчете, а именно из-за проведения неверного сравнения объектов аналогов, в удовлетворении иска было отказано.

Третье — это обращение в комиссию по оспариванию кадастровой стоимости при Росреестре. Не всегда досудебное урегулирование является хорошим способом устранения спора. Индивидуальные предприниматели и юридические лица обязаны сначала обратиться в комиссию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости. В случае если не будет соблюден досудебный порядок урегулирования спора, в удовлетворении требований заявителя в суде откажут.

Четвертое — определение способа защиты права. В случае если в установленный срок комиссия отклонила или не рассмотрела заявление, есть два варианта дальнейших действий.

Во-первых, уже путем судебного урегулирования подать заявление об установлении кадастровой стоимости равной рыночной [3]. В данном случае будет ясна ситуация, так как судебная практика уже устоялась.

Во-вторых, можно поспорить с комиссией путем обжалования решения комиссии либо признания ее действия (бездействия) незаконным. В последнем случае уместно подумать о сроках разрешения данного вопроса. Интересным остается и тот факт, что в Верховном суде Российской Федерации имеется всего лишь одно дело по рассмотрению подобного правового случая. Оспаривание решение комиссии рассматривалось от заявителя ООО «Торговая фирма “Донские зори”», дело № 41-АПГ15-13. Решение осталось без изменения, и исковые требования не были удовлетворены.

В-пятых, это определение подведомственности и подсудности. Дела об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости рассматриваются в порядке административного судопроизводства. Глава 25 Кодекса об Административном судопроизводстве Российской Федерации от 8 марта 2015 г. подробно определяет порядок обращения путем подачи административного искового заявления. Кодекс Административного судопроизводства Российской Федерации также определяет круг лиц, которые могут обратиться с заявлением о нарушенных правах: юридические лица и граждане, органы государственной власти, органы местного самоуправления. «Административное исковое заявление об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости может быть подано в суд не позднее пяти лет с момента внесения в государственный кадастр недвижимости оспариваемых результатов определения кадастровой стоимости» [3].

Также следует отметить, что подсудность определяется согласно нормам, установленным Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. Ранее данные дела рассматривались в порядке гражданского судопроизводства. В связи с изменением законодательства нельзя сказать, что споры по рассмотрению категории дел по оспариванию кадастровой стоимости и приравнению ее к рыночной получили упрощенную процедуру. Приходится лишь признать, что право оспорить нарушенные права Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации хоть и предоставляет, но защищать эти права могут только лица с юридическим образованием, что существенно ограничивает круг потенциальных заявителей, чьи права и законные интересы были нарушены.

Для формирования административного искового заявления необходимо предоставить в суд перечень документов, указанных в ч. 2 ст. 246 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации:

«1) наименование суда, в который подается административное исковое заявление;

2) наименование административного истца, если административным истцом является орган, организация или должностное лицо, место их нахождения, для организации также сведения о ее государственной регистрации; фамилия, имя и отчество административного истца, если административным истцом является гражданин, его место жительства или место пребывания, дата и место его рождения, сведения о высшем юридическом образовании при намерении лично вести административное дело, по которому настоящим Кодексом предусмотрено обязательное участие представителя; наименование или фамилия, имя и отчество представителя, его почтовый адрес, сведения о высшем юридическом образовании, если административное исковое заявление подается представителем; номера телефонов, факсов, адреса электронной почты административного истца, его представителя;

3) наименование административного ответчика, если административным ответчиком является орган, организация или должностное лицо, место их нахождения, для организации и индивидуального предпринимателя также сведения об их государственной регистрации (если известны); фамилия, имя, отчество административного ответчика, если административным ответчиком является гражданин, его место жительства или место пребывания, дата и место его рождения (если известны); номера телефонов, факсов, адреса электронной почты административного ответчика (если известны);

4) сведения о том, какие права, свободы и законные интересы лица, обратившегося в суд, или иных лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление, нарушены, или о причинах, которые могут повлечь за собой их нарушение;

5) содержание требований к административному ответчику и изложение оснований и доводов, посредством которых административный истец обосновывает свои требования;

6) сведения о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, если данный порядок установлен федеральным законом;

7) сведения о подаче жалобы в порядке подчиненности и результатах ее рассмотрения при условии, что такая жалоба подавалась;

8) иные сведения в случаях, если их указание предусмотрено положениями, определяющими особенности производства по отдельным категориям административных дел;

9) перечень прилагаемых к административному исковому заявлению документов [3].»

Данный перечень не является ограниченным, при предоставлении доказательств можно использовать и иные сведения, но в случае отсутствия необходимых указанных сведений судья правомочен вынести определение об оставлении административного искового заявления без движения.

Основаниями для рассмотрения административного иска служат недостоверные сведения об объекте недвижимости, которые изначально были использованы при определении кадастровой стоимости. Также Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации предусматривает еще одно основание, это «установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость».

Шестая проблема — это оплата государственной пошлины. Согласно пояснениям Министерства финансов Российской Федерации от 8 апреля 2014 г. № 03-05-06-03/19696, государственная пошлина уплачивается по тем же расчетам, что и по делам, возникающим из публичных правоотношений. Таким образом, рассмотрение требований об установлении кадастровой стоимости земельного участка в размере, равной его рыночной стоимости, относится к делам, вытекающим из публичных правоотношений [4].

В связи с законодательным введением налога на коммерческую недвижимость в 2015 г. количество споров по оспариванию оценки недвижимости увеличилась до сотен тысяч [5]. В связи с чем усиливается социальная напряженность в стране.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в связи с выделением частей единого объекта недвижимого имущества, например земельного участка или объектов капитального строительства, становится сложно осуществлять оспаривание какой-либо из частей объекта и определять кадастровую стоимость.

Что касается сроков оспаривания, то возможность оспорить кадастровую стоимость предоставляется только в течение шести месяцев с момента ее установления. В этом случае налогоплательщик сталкивается с проблемой по срокам оспаривания, ведь фактически информацию о завышении кадастровой стоимости узнает не сразу, а лишь спустя 3–4 месяца после ее установления. Таким образом, на оспаривание остается всего лишь 2 месяца в лучшем случае [6].

Решить данную проблему можно с помощью установления срока оспаривания кадастровой стоимости недвижимости в три года. И изменить порядок рассмотрения таких категорий дел в суде. То есть рассматривать по существу имеет место только в случае обязательного досудебного урегулирования и наличия отрицательно-го решения комиссии. Выглядеть это должно следующим образом — внести изменение в абзац 6 статьи 24.19 Федерального закона от 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»: «Результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены в комиссии в течение трех лет с даты их внесения в государственный кадастр недвижимости».

Что касается проблемы необоснованных отказов комиссий по оспариванию кадастровой стоимости объектов недвижимости, уместно отметить эту тенденцию во всех регионах нашей страны, что явно противоречит существующему законодательству. Например, в Иркутской области процент отказа судов составляет 80% от всех обращений граждан с заявлениями подобного характера [7].

Решить данную проблему возможно путем пересмотра позиции государственных органов, а именно Министерства экономического развития Российской Федерации, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, соответственно и судебных органов путем разъяснения Пленума Высшего суда Российской Федерации.

Как уже отмечалось выше, достоверность экспертизы отчетов об определении рыночной стоимости при оспаривании кадастровой стоимости имеет первостепенное значение. Для устранения сложившейся ситуации предлагается оставить лишь стоимостную экспертизу, тем самым увеличить ответственность саморегулируемых организаций. То есть фактически нужно устранить в статье 5 раздела 2 Федерального стандарта оценки № 5 «Виды экспертизы, порядок ее проведения, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения» [8].

В зарубежных странах кадастровая стоимость исходит из 0,2–0,75% от рыночной стоимости, в результате чего кадастровая стоимость существенно ниже рыночной. Что позволяет не занижать рыночную стоимость в дальнейшем и избежать судебных споров. В Российской Федерации ситуация обратная, кадастровая стоимость в десятки раз превышает рыночную.

Также представляется необходимым до утверждения кадастровой стоимости учитывать все характеристики объекта, в том числе и физические.

Но основной проблемой является полное отсутствие статистических, аналитических данных о кадастровой стоимости. Нет данных государственных издержек, нет динамики кадастровой стоимости недвижимости в Российской Федерации и в ее субъектах. Не представляется возможным сравнить динамику кадастровой стоимости в периоды кризисов, или же, наоборот, экономического роста.

К примеру, в США сумма издержек по одному объекту недвижимости составляет 6 долларов, в России же данная сумма не определена. Необходимо предоставить Росреестру возможность выполнить сбор статистических данных и иной информации о стоимости недвижимости, к примеру:

1) данные на один объект недвижимости, и вычислить издержки на оспаривание кадастровой стоимости и соответственно ее определение;

2) статистику жалоб, отказов в заявлении;

3) количество оспариваемых объектов;

4) данные по периодам и годам, в каких количествах производилось оспаривание объектов недвижимости.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что основными проблемами для налогоплательщиков в оспаривании кадастровой стоимости недвижимого имущества являются: 1.

Отсутствие информации о начале процедуры назначения кадастровой стоимости.

2. Отсутствие характеристик и иной исходной информации об объекте недвижимости.

3. Отсутствие информации о дате установления кадастровой стоимости.

4. Отсутствие информации о наличии существующих налоговых льгот для конкретных объектов недвижимости.

Очевидно, что налогоплательщик узнает о размере налога на недвижимое имущество с момента получения уведомления об уплате налога. Появляется необходимость обязать Росреестр информировать налогоплательщика о вышеуказанной информации [9].

Литература

1. Коростелев С. П. Кадастровая оценка недвижимости с позиции профессионального оценщика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ocenchik.ru/docsb/2567-kadastrovaya-ocenka-nedvizhimosti-ocenshchik.html> (дата обращения: 13.03.2017).

2. Определение Верховного суда РФ от 1 апреля 2015 г. № 56-АПГ15-3. Доступ из справочной системы «КонсультантПлюс».

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 28.05.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2017) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

4. Гришина О. П. Кадастровая стоимость = рыночная стоимость. С какого момента применяем? // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2014. № 15. С. 51–60.

5. Федотова М. А., Григорьев В. В. Кадастровая стоимость недвижимости: 8 проблем ее оспаривания и 8 мероприятий по решению этих проблем // Имущественные отношения в РФ. 2014. № 11(158). С. 40–43.

6. Империя оценки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webviki.ru/imperia-a> (дата обращения: 15.03.2017).

7. Восточно-Сибирская правда [Электронный ресурс]. URL: smao.ru/ru/news/market/article_7020.html (дата обращения: 18.03.2017).

8. Приказ Минэкономразвития России от 4 июля 2011 г. № 328 (ред. от 20 февраля 2017) «Об утверждении Федерального стандарта оценки “Порядок проведения экспертизы, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)”» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Григорьев В. В. Проблемы определения и оспаривания кадастровой стоимости недвижимости в Российской Федерации // Слияния и Поглощения. 2014. № 5. С. 56–59.

Divorce and enhancement of children's rights

© *Tserenjav Altantsetseg*
Otgontenger University,
Ulan-Bator, Mongolia
altantsetseg@otgontenger.edu.mn

Every child has to enjoy his basic civil rights and freedom since his birth date; therefore, an issue to create an effective complex mechanism to protect children's rights at national, regional, and international level has been in the center of the state policy and regulations.

A principle «to pay a special attention on the protection of major child interests» in the Children Rights Convention approved by UN in 1989 has been accepted worldwide as a main principle to maintain in the children related activities of the participant countries.

Children become a special legal subject that requires a special protection; therefore, it is necessary to determine children rights and their contents in the family relations in details and to clarify the legal regulations and implementation mechanisms in privilege in order to protect children's rights and to meet their supreme legal interests.

Family Law, other relevant laws and rules have legalized obligations for the legal representatives of children; however, there is no legal regulation for the children's rights protection in the family relations; therefore, it is affecting to create an environment, where the enforcement of the law is insufficient thereby creating careless tendencies on the protection of children's rights.

Divorce affects on the legal interests of children; however, our country has not had legal and non-legal mechanisms to solve the relevant negative consequences.

In accordance with statistics data, unstable family relations have been increasing day by days thereby causing divorce; therefore, more and more children has been living separately from one of their parents. In 2012, totally 2464 persons had their marriage annulled at state level of Mongolia. This rate has been increasing year by years reaching 3873 as of 2015 [7].

Divorce certainly affects on the rights of children directly and indirectly causing material and non-material ways; however, no scientific-based and national level major research and survey works have been conducted on affects of the divorce on the children's mentality, physical and intellectual development, health, education, and upbringing.

From the research works of foreign scientists and researchers, you can see that divorce can show different affects on children depending on their age, sex, raised environment, family economic conditions, financial status, internal family environment, domestic violence in the family, traditions and customs, and religion of the family. For instance, we can name many research works such as a survey «Effects of Divorce on Children» published by Department of Justice, Canada in 1997, [2] «The consequences of divorce for Adults and Children» by Paul Amato [5], a professor of Pennsylvania State University, USA, «Divorce Family Living Situations and Child Development» by Heather Joshi, Elizabeth Cooksey, Richard Wiggins, Andrew McCulloch etc., and many other research works [4].

These surveys and research works pay an attention on the court resolution of divorce related disputes and emphasize the importance to consider the changes in the children's family status, economic condition, living quality, psychology, health, and upbringing conditions to consider during the decision making process in order to reduce harms on the children's rights and legal interests caused by the divorce and to change the attitude of the society on the protection of the children legal rights and interests.

Children's rights to raise healthy in the family, to live with their parents, and to be under their care create the conditions to enjoy their legal rights stipulated in the international conventions on children's rights and domestic laws and rules; therefore, Article 18.1 of Children Rights' Convention states, «Parents or legal caretakers in certain circumstances shall take responsibilities for children upbringing and development». Many parents understand as if their legal responsibilities are fulfilled upon setting and payment of alimants for their children ignoring their legal responsibilities for upbringing of their children. In this accordance, we classify responsibilities of parents on protection of children's rights within the framework of the divorce into the following sections:

- a) Resolution of divorce issues during the court procedure
- b) Issues after the marriage annulment.

Protection of children's legal interests and rights during the court resolution on divorce issues

It is very important to protect the rights of children during the resolution of divorce and related issues through the court procedure. State legal policies on protection of children rights showed a major influence on the divorce procedure. Article 12 of Family Law states to annul the marriage through the administrative and court procedures while the marriage shall be annulled only through the court procedure if the couple has a child below 18 years of age. In addition, it states to prohibit the divorce if the wife is pregnant or has a child up to 1 year of age. Mongolian Law of Reconciliation states to use a reconciliation period in the family disputes; as it can be explained the implementation of the regulations to protect the children's legal interests stipulated in Article 16.11 of the Mongolian Constitution, to support sustainability of the family relations and to prevent from the children's rights and legal interests' breaches caused by divorce. In addition, Article 14.2 of Family Law states, «In case of necessity, the Court may postpone the divorce procedure up to three months period, during which all the necessary reconciliation measures shall be taken by the Court». In connection with the adoption of Reconciliation Law of Mongolia, it is legalized to take reconciliation measures of Court through the reconciliatory at the court or through the reconciliatory chosen by the parties.

During the court settlement of divorce related disputes, controversial opinions between parents and children shall increase harms on children. Traditional tendencies of parties and their advocates pay attention only on determination and clarifications of the reasons for divorce, property shares and other related issues, child legal guardians, and alimant issues during the court settlement of divorce related disputes; therefore, it has been affecting on the legal interests and rights of the children.

US scientist Wallerstein, who has conducted research, works for 25 years on the consequences of divorce on Children, states, «During the divorce procedure, parents prefer their personal interests and ignore the legal rights and interests of their children [6]. Long term court procedure to resolve controversial opinions between parents affect on the mentality and psychology of children»; therefore, there is a tendency to use reconciliatory methods in dispute resolution or to solve divorce related disputes on basis of the contracts between parents to make advanced consideration and determination of divorce consequences and effects on the children and to use ways to overcome these burdens [3]. This contract determines parents' principles on their children and negotiates on the issues such as but not limited to proper and correct information, to create conditions for the children to have permanent contacts and relations with their parents, ways of solution on the children rights related issues, if any, and responsibilities for the charges and costs of children related issues such as education and health of children.

From Article 10 of Washington State Parenting Act adopted in 1987, you can see some conditions to be reflected into the contract can be resolved through special regulations in the law [1].

In accordance with Article 26 of Mongolian Family Law, parents' obligations for upbringing of their children shall stay enforced even after their divorce. Unless special negotiations have been made between the parents on their parental obligations, the Court shall set these obligations; however, the court procedure practice is not sufficient due to lack of general court practice. When the court made a resolution on the divorce during the resolution of the divorce disputes, it should remind the parties to negotiate on special procedure to fulfill their parental obligations and to explain and pro-

mote the importance of such actions or to resolve the issues in accordance with the relevant laws and procedures if the parties can't reach the negotiations.

However, when there is lack of relevant presently effective laws and rules, procedure, model and standards to set this procedure by the Court, it will be insufficient to implement this procedure to enhance the children's rights.

Therefore, the state administrative organization for Children and Family Development Issues shall develop a model procedure for parents to fulfill their parental obligations within their main assignments on children rights issues and enforce this procedure at the national level that will be very effective for the adoption of the law.

Article 14.7 of Family Law of Mongolia states, «To solve child care issues for the children of 7 and above age, the child's opinion shall be considered» [4]. The opinion of the children shall be an important evidence to solve children's adoption issues through court procedure; however, the law does not state to use the opinion of the child as background for the legal resolution.

It is necessary to seek actively the opportunities to enforce above regulations stipulated in the Family Law through tendencies based on the children's rights. Article 12 of UN Convention on the Rights of the Child states, «States Parties shall assure to the child who is capable of forming his or her own views the right to express those views freely in all matters affecting the child, the views of the child being given due weight in accordance with the age and maturity of the child. For this purpose, the child shall in particular be provided the opportunity to be heard in any judicial and administrative proceedings affecting the child, either directly, or through a representative or an appropriate body, in a manner consistent with the procedural rules of national law» [3]. Article 5.3 of «Law of Children's Rights» adopted in 2016 states, «Children enjoy a right to live with their parents, to have permanent relations with their parent in case of separate life from their parent, and to express own ideas and opinions on the choice of parent to live together in case of divorce and separate living of their parents»; therefore, it is necessary to legalize and determine the ways, procedure, and environment to receive children's to express their legal rights during the resolution of the divorce issues for their parents. In other words, it will be suitable for the children's legal interests if the ideas and proposals expressed on the care take issues are considered as an issue of children rights and legal interests instead of considering as evidence to the court session, obtained in oral and written forms, and to consider the ways of behavior, motions and other expressions of the children's psychology, and their attitude to their parents. If the Court considers it is necessary to involve the child into the court session in order to express his own ideas, the Court should also consider the situation to involve professional experts and specialists on children issues or representatives of children's rights organizations in order to express ideas of underage children at the court sessions, if the personal participation of the children may have bad consequences. In addition, the courtroom and buildings shall be organized and designed for the mentality of the children, to create a special observation room to observe their attitude and relations to their parents, to involve professional experts and psychologists into the legal enforcement issues, and to have a summary of experts' team.

During the court sessions procedure, it is chiefly difficult to have a summary of the expert on the children related issues. Capital City and District Children and Family Development Centers and Departments had Expert's Summary on 140 cases by the 95 court resolutions in 2015 and on 144 cases by 91 resolutions in 2016, respectively [7]. However, there are not sufficient numbers of the experts to make a sufficient level summary; there are no united methodology and procedure on summary making; it is unclear who is responsible for charges of summary; relevant health, educational and other organizations do not participate in the child protection issues in accordance with the estimation of the situation and in some cases, experts are suffered from different kinds of pressure and enforcements.

Article 25.4 of Family Law states, «When it is identified conflicts and controversy between legal interests of parents, caretakers, and supporters and children, soum and district Governors may appoint a legal representative to protect legal rights and interests of children».[4] Divorce is chiefly caused by the controversy, misunderstanding of the couple and domestic violence in the family; therefore, legal interests' conflicts between the children and parents may influence on the divorce in some cases. Family Law states to appoint a representative from the local administrative organizations in order to protect legal rights and interests of children in the relations prior to divorce; however, the ways of law enforcement have been unclear and non-understandable up to now. When it is identified that there are legal interests' conflicts between the children and parents, the Court may report the local soum and district governor to appoint the authorized representative to enforce the above law statements.

Parents do not know, avoid or sometimes ignore their legal responsibilities before their children. During the arbitration of disputes on divorce, the participation and involvement of the legal and court organizations are very important to protect the rights of children and to fulfill their legal responsibilities.

As evidence, Article 129 of Civil Process Law of Mongolia states, In resolving a case related to dissolving a marriage, a judge may issue an order to support an underage child and/or incapacitated parents; to place an underage child in custody of either one of the parents; to instruct the married couple to live separately. However, it is necessary to re-search legal opportunities to take different measures on the breached rights of the children in connection with the features and specifics of the breached rights having considered the fact that the children are special legal subjects. For instance: we can name several obligations to prefer legal rights and interests of their children such as but not limited to have permanent contacts and relations with their parents, to assign them to grant children with the opportunities to obtain true and correct information on their parents, to assign parents to participate in the education and upbringing issues of their children. Then, it will be one way to enhance the principle stipulated in the Article 4.5 of Family Law «It is preferred to enhance children's basic rights to raise and develop in healthy family life and to protect their legal interests and rights» [4].

To protect legal rights and interests of children after divorce

Legal coordination and regulation on protection of the legal rights and children after divorce are insufficient. One of the bad consequences of divorce is consequences on the psychology, upbringing and formation of the children. Article 9 of «Children's Rights Law» contained a new regulation on the children's education and formation.

Upbringing of children has been determined as the complex activity to grant children with all the best personal behaviors, proper actions, ethical and moral values of a person; therefore, it is important to explain bad consequences and risks of children after divorce to parents and reflect their legal responsibilities into the legal resolutions or court decision on the divorce so that it helps to enhance the law enforcement and to protect children's rights, and to improve responsibilities of parents.

Article 26.8 of Family Law states, «If the parents have divorced or living separate from the child for some respectful reason, the governors or residing Soum, district, bagha, and khoroo shall make control on implementing their duties stipulated in Article 26.2 of this law». It has been unclear how to enforce this law statement and how to enhance the interrelations between laws.

However, it is good that Chapter 4 «Collaboration on Child Protection» of «Mongolian Law of Child Protection» has provided the conditions of governmental organizations to interrelate their joint activities on child protection and created a legal environment to cooperate and control the collaborations between the organizations [5]. Within the enforcement of the Child Protection Law, we are still lack of the regulation to deliver a copy of the legal resolutions on divorce issues to the relevant organizations for Children and Family Development issues within the certain time limit. Such a law regulation shall allow persons stipulated in Article 19 of Children's Rights Law to make complaints and claims on the breaches of the children rights and legal interests, to improve their participations and interrelations of governmental organizations in this issue.

Due to insufficient understanding about caretakers and caretaking in real life, legal resolutions on leaving a child under the temporary caretaking of someone have been understood by parents as if legal guardians of the children have been appointed. The notion «to leave under the care of the parent» in the law expresses an action to care after the child; however, «legal guardians» expresses giving the child under the protection of a person in legal meaning. Thus, when parents of a child are living separately due to divorce or other reasonable excuses, they shall not be released from their parental obligations and one of parents must not prohibit another to fulfill the legal parental obligations and responsibilities in accordance with the Family Law of Mongolia [5].

For recent years, Courts have been receiving claims with the request to assign divorced parents to meet their parent. There is a common tendency that a parent taking his/her child in accordance with the legal resolutions understands as if he/she has a privilege to solve all the child related issues independently. Thus, it is necessary for the Court to explain the parties about caretaking of the child stipulated in the legal resolution and about equal rights and responsibilities of parents for upbringing of their child.

In many cases, the Court has to change its resolution on the caretaker of the child in the legal resolution. For instance: children's rights are breached and children stay without legal guardians and caretakers when a parent taking a care after the child can't fulfill the legal responsibilities due to the reasons such as the parent has to live abroad for long time, to leave under the care of a relative, or imprisoned etc. Thus, when an organization or social worker with the assignments and responsibilities to control the enforcement of the legal rights and interests of children considers that the children rights are breached, he/she should address the relevant state organizations or to claim at court.

When defendant is released from aliment obligations due to the claim of the defendant not to claim for the aliment of the child during the arbitration of the disputes on divorce, it shall not conform the statements stipulated in Article 53 of Family Law to terminate or release from the obligations to support and assist the children; therefore, the aliment must be set in order to enhance the child's rights in privilege despite the defendant's claim for the aliment or any other remunerations. It will influence to improve the responsibilities of parents for their child, to keep permanent and sustainable relations between parents and children, and to assist children to fulfill their obligations to love, respect, feed, and take a care of their parents.

CONCLUSION

First of all, it is necessary to conduct detailed surveys on the consequences caused by divorce. Among them, it is worth to determine and consider the changes in the child's behavior, physiology, mentality, and upbringing during and after the resolution on the divorce and related issues considering different factors such as children's age, sex, and living conditions in order to use basic information for the complex legal and non-legal mechanisms such as a prevention from the child's legal rights and interests breaches and measures to protect their rights.

It is necessary solve children rights and legal interests issues not only through legal regulation mechanisms, but also non-legal mechanism in the period prior to divorce. If we consider that divorce shows negative influences on the legal rights and interests of children, it is time for civil social organizations, economic entities, and other persons to take effective measures to prevent from above mentioned bad consequences until the divorce of the couple in problematic relations.

This sector is really lack of the assistances and supports of social staffs, psychologists, educational and religious organizations, and other specialists. We shall not deny that activities of groups Legal Committee of Children's Rights and a joint team of Children's Team stipulated in Child Protection Law adopted in 2016.

In countries of higher legal development, the society and public have been conducting active attempts to develop Children's Rights Declaration for the children from the divorced families, to promote these laws into the society, and to protect some legal rights of children.

We summarize that the legal coordination on protection of rights related to the divorce has been legalized at sufficient level in Mongolia. However, it is necessary to create legal and social service systems that improve interrelations and cooperation of the organizations responsible for legal regulations and law enforcement organizations, enhance their feedback, implement and enforce the laws actively and productively in conformity with the principles to respect the legal rights and interests of children, and support and assist the parents and caretakers to implement their legal responsibilities to support children.

Literate

1. Washington State Parenting Act. 1987.
2. Department of Justice Canada «The Effects of Divorce on Children» (A selected Literature Review). UNEDITED. 1997. URL: www.justice.gc.ca.
3. Department of Justice Canada «The Effects of Divorce on Children» (A selected Literature Review). UNEDITED. 1997. URL: www.justice.gc.ca.
4. Heather Joshi, Elizabeth C. Cooksey, Richard D. Wiggins, Andrew McCulloch, Georgia Verropoulou and Lynda Clarke, «Diverce Family Living Situations and Child Development: Multilevel Analysis Comparing Longitudinal Evidence from Britain and USA». URL: www.siteresources.worldbank.org.
5. Paul R. Amato «The consequences of Divorce for Adults and children: An Update, Pennsylvania State University». USA. 2012. URL: www.hecak.srce.hr.
6. Wallerstein J. S. The Overburdened Child: Some Long-term Consequences of Divorce, Columbia Journal of Law and Social Problems. 1985. № 19(2). P. 165-182.
7. Statistical information database. URL: www.1212.mn.

A comparative study of patent law between China and Korea

© **Guo li**

*Juris Doctor, Associate Professor of School of Law,
Changchun University of Science and Technology,
Deputy Director of Northeast Asia Institute of Comparative Law*

© **Li chang**

*Graduate School of Law,
Changchun University of Science and Technology.*

© **Yu duo**

Master of Law

China and Korea are both located in Northeast Asia, the geographical position is close; the cultural origin is closely related. In 1960s, the two countries were both economically backward agricultural countries, and Korea's lack of natural resources. The main life and production materials are relied on importation. 40 years later, at the same time of rapid economic development; The Korean government fully supports the technology development activities from the aspects of law, policy, personnel training and capital investment. In recent years, Korea has gradually become the center of technological innovation in Northeast Asia, and has become a recognized intellectual property rights [1]. This paper mainly analyzes the similarities and differences of the patent law, find out the shortage of our country and learn the advanced experience. Patent law is formulated by the state, it is used to adjust the legal norms of various social relations arising from the confirmation and implementation of the ownership of invention and creation. It includes the basic elements of patent right, the basic conditions of authorization, the application and approval procedures, and the corresponding protection measures. Patent law, copyright law and trademark law constitute the main body and core content of intellectual property law.

1. The comparison of the background of patent law between China and Korea

China and South Korea as the Northeast Asian economic powerhouse, the geographical proximity, cultural background, and economic development mode has many similarities, so in many ways can learn from each other and learn from.

China is a big country of intellectual property rights, but it is not a powerful country of intellectual property rights. In 2011 the number of patent applications in China is expected to be nearly 500 thousand pieces, the United States nearly 400 thousand, Japan is about 300 thousand, China surpassed the United States and Japan to become the world's largest patent applications. But if calculated per capita, China is about 70% of the world average, only about 14% of the developed countries. China's dependence on foreign technology is as high as 50%, some people call it hollow technology. The Chinese government puts forward the strategic goal of «building an innovation oriented country» by 2020, for this, we must strengthen the development, use and protection of independent intellectual property rights, in order to achieve the knowledge industry chain from the low-end to high-end. Korea developed and published the «charter» (patent order) in 1908, It directly introduced and applied the Japanese legal system, and set up a charter court in 1946 and set up the first real charter law. From 1961 to 1963, Korea substantially revised the franchise law, It is separated into three independent law, «Special law», «practical case law» and «new design law»[5]. The three types of patent protection are: Invention, utility model and appearance design. Each law has a corresponding order of enforcement and en-

forcement rules. After the amendment of the «government organization law» of Korea in 1976, the Chartered Institute of the Republic of Korea was established as the Chartered Office in 1977. It is under the jurisdiction of the Ministry of industry resources and is responsible for the acceptance, examination and approval of patent and trademark applications.[4] Appearance design and trademark applications are reviewed by the same department of the franchise. In 2000, the franchise office changed its name to the intellectual property office, further expand the scope of business. At present, the Korean Intellectual Property Office is not only responsible for the patent and trademark related work, but also under the jurisdiction of industrial property, to deal with intellectual property disputes. It is also responsible for the fight against counterfeit products, training in the field of intellectual property rights and other responsibilities. After the establishment of the Korea Intellectual Property Office, the establishment of a special network of intellectual property management KIPOnet, to provide the public with the application, query, payment and other services. The operation of the system indicates that the patent application in Korea has reached the stage of full electronic. Currently, the Korean patent applications and processing of electronic ratio has been close to 100%, reaching the world's top level. The Patent Law promulgated by China stipulates clearly that the patent right of invention is protected, and the patent office and the strict examination standard are established according to the international standard, The legal procedures for patent protection should adopt international practice as far as possible. It makes China's industrial property rights protection system quickly into the ranks of modern international protection of industrial property rights. Proved by practice, The intellectual property law system established in our country in ten years is basically the same as that of the developed countries in the past two hundred years, and basically consistent with the relevant provisions of contemporary intellectual property protection and the spirit of the treaty, can be called late start, high starting point, fast development. China has implemented a single patent protection system in the field of invention and creation, and given the full protection of intellectual property rights as much as possible [6]. The combination of administrative and judicial trial, focusing on international cooperation. But there are also problems of system of patent protection in China: the subject of rights awareness of the rights, the patent and low level of industrialization, enterprise management level is relatively low, more decentralized system of laws and regulations, the lack of integration between the various laws and regulations, even conflicts between regulations, limitation of liability, content management. And the «patent law», «trademark law», «copyright law» in the scope and intensity of judicial and administrative protection vary.

Korea has achieved rapid economic growth, In 1964, Korea's national income is only \$100, exports amounted to only \$100 million, but in 2014, South Korea's national income is \$28000, exports amounted to \$573 billion, imports amounted to \$525 billion 500 million, becoming the Seventh World Trade scale. As a small country with a population of 50 million and no natural resources, it has achieved so much in a short time [2].

2. Comparison of patent law contents between China and Korea Comparison of patent object

There are three kinds of protection objects in the patent law of China, namely, invention, utility model and appearance design. However, the object of protection of the patent law of South Korea only refers to the invention, that is, «the use of natural law, to create the idea of a different technology, is to solve technical problems to contribute to the creation of technology». There are other relevant laws to protect utility models and appearance designs. In the protection of patents, the provisions of Korea are more detailed.

Korea's patent law provides that the inventor's patent is protected. The «invention» referred to in this law, refers to the use of natural law, to create a different concept of technology, is to solve technical problems contribute to the creation of «technology». [7] Only the discovery of natural laws or principles cannot be regarded as «inventions». The scope of protection for patents includes objects, substances, methods, devices, and uses, Specifically as: First, the invention can be applied to industrial production, and has not been published or put into practice before the patent application is filed, or the invention has not been recorded at home and abroad; Second, even in line with the previous provisions, but in the following circumstances can not obtain a patent: In the technical field of the invention, the invention can be easily made by people with common knowledge; Prior to filing a patent application. The application for a patent or the use of a new case registration, which is the same as the one he has published, Patent cannot be obtained. Third, according to the Patent law, an invention that fails to obtain a patent shall have the following: Although it is in conformity with the conditions relating to the acquisition of a patent, the invention cannot be patented if there is a possibility of disturbing public order or good customs or endangering public health; The patent law provides that the person who is qualified to obtain a patent is the inventor or his successor, but the patent office staff or the patent court clerk shall not be entitled to the patent right[1].

At present, a patent law of our country includes three types of patent protection. This approach is of positive significance in the historical context. In the early 80s, the law of intellectual property protection in our country is extremely lacking, at the same time, there is an urgent need for economic and trade exchanges with other countries, the establishment of intellectual property protection system, the accession to the international treaty on intellectual property rights. But it is impossible to develop a single line law in the short term for each patent specification. Therefore, the patent law provides for the protection of inventions, utility models and appearance designs [10]. However, the current situation of this single law is not suitable for the needs of the reality and the trend of international development. We can consider legislation alone to break the current situation of patent law. Many countries in the world have enacted a special appearance design law. Korea is one of the countries that implement separate legislation.

Comparison of the conditions for granting patent

The patent law of China stipulates that the invention and utility model which has been granted a patent right shall

be novel, creative and practical. The design of the patent right shall be different from or similar to that of the domestic and foreign publications that have been published before or at the time of application, and shall not conflict with the lawful rights of others. Korea's patent law provides a wide range of conditions of grant. Prior to filing a patent application. The patent application that has been published by the other party or the use of the new record the same as his patent application, Patent cannot be obtained.

The patent law of our country stipulates the situation of five kinds of non-authorized patents, they are the scientific discovery, the rules and methods of intellectual activity, the diagnosis and treatment of diseases, animal and plant species, the material obtained by nuclear fission. But the South Korean patent law only provides for two kinds of non-patent cases: First, although it is in conformity with the conditions relating to the acquisition of a patent, the invention cannot be patented if there is a possibility of disturbing public order or good customs or endangering public health; Second, the patent office staff or the patent court clerk shall not be entitled to the patent right. Korean Patent Law provides that, in the field of medical and surgical techniques, in addition to the surgical treatment and diagnosis of human beings, all possible inventions can be patented. The original data of gene sequences can not be patented because they are not practical, but the gene fragment can be patented if it can be proved to be practical. If the business method itself lacks the technical implementation, it is not the subject of the patent right, it must be combined with technical measures to be granted the patent right.[5] Nuclear transformation methods, animal species, asexual plants can apply for patent protection. Korea attaches great importance to the study of advanced methods of diagnosis and treatment. The patent law of our country stipulates that the exceptions without losing novelty: 1. For the first time in an international exhibition sponsored or recognized by the Chinese government; 2. For the first time to publish at a prescribed academic or technical meeting; 3. Other people without the consent of the applicant, to disclose its contents.

Korean Patent Law provides that the conditions to meet the requirements of the new regulations, progress and potential use of the industry. New regulation (novelty), it means that the same invention or utility model has not been published in domestic and foreign publications before the date of application, or published in a network of presidential decree, not publicly or publicly used in China. At the beginning of 2006, Korea revised the patent law, the revised Patent Law has been implemented since October 1, 2006. Changes in the legal provisions of novelty are: whether at home or abroad, as long as the application has been made public or before use, that is the loss of novelty.

For exceptions that do not lose novelty, Korea's content, broader than China's requirements. For example, for the purpose of the use of the test, the applicant published articles in the publication, the Internet, etc. All included within the exceptions without losing novelty. The concept of academic conferences, exhibitions, etc., which are published in academic conferences and exhibited at exhibitions, is much broader than that in China. South Korea's newly revised patent law stipulates that since October 1, 2006, no matter how open the invention, as long as the public within 6 months from the date of the application to the Korean Patent Office, it will not lose its novelty.

At present, China's national awareness of intellectual property needs to be improved. Most people have the invention and creation, scientific research, we first thought is published in the publication or in academic meetings open, and this action seriously affect the patent application. In the current awareness of intellectual property protection to be improved, China in the development of laws and regulations should be based on national conditions, to develop a favorable terms for domestic applicants.[4]

Comparison of patent applications

The documents of the patent application in our patent law are divided into pictures or photographs of inventions, utility models and designs, and the products and the categories to which they are used shall be stated. The requirements of the application documents for patent applications are basically the same. In some special applications, the laws of the two countries have the same place. For example, follow the first application principle, that is, the right to grant the first applicant; you can apply for priority and so on [10].

South Korea is the application of the first principle, that is, the same invention patent granted to the first applicant. The patent application can be filed in Korea after the filing of the patent application, which can be used to determine the application date more quickly to ensure that the applicant has a favorable position on the patent. However, when applying for a patent in China, the claim must be submitted at the same time as the patent application, the patent specification and its abstract. In the description of the specification of the invention, the Korean patent law no longer requires that it is necessary to record the purpose, constitution, and effect to the extent that it is easy to carry out the invention. The patent applicant may record the contents of the invention conveniently and collectively in accordance with the documented method stipulated in the «Korean Ministry of Industry and Resources». Applicants can also use the method of their own invention to make a note. This also allows third parties to have a clear understanding of the invention, the formation of the environment of the protection and the flexibility to use the invention has a certain role in promoting. [4]The requirements of the Chinese Patent Law for the specification are still required to take the form of writing, that is, according to the technical field, background technology, the contents of the invention, the description of the drawings, the specific implementation of five content and order to write.

Comparison of review approval

Our patent law stipulates that the patent examination is divided into preliminary examination and substantive examination. The substantive examination is a three-year period from the date of application (the priority date is the priority date). The main body of the substantive examination can only be the applicant. China has no clear legal provisions to speed up the review system, But in practice there is the invention of patent applications to speed up the review process, but the relevant documents, the cost is not clear enough. The application for the invention patent applies to the early

disclosure and the request for review, For utility models, design patent applications do not conduct a substantive review of them, after the first trial can be authorized to register[3].

Korean law also provides that any person can apply for a patent application for an invention patent, not limited to the applicant. The period for requesting a substantive review is five years from the date of filing. The application for two applications or separate application for the case shall be made within 5 years from the original filing date, but for more than five years, it may be filed within 30 days from the date of filing a division or double application. Requests for substantive review should be made within five years from the date of international filing for PCT applications in the national phase of the PCT. However, it is necessary for the applicant to submit a substantive examination after the submission of the international application for the translation fee. The third party must submit a written review of the patent after it has submitted a written time. South Korea has a priority review system: refers to the legal requirements of certain conditions of the invention patent applications, by the applicant, the agent, want to implement the patent or other local groups to make a priority review request, and pay a fee, to its Priority review of the system.[6] The general priority review is made only for applications that have been made public and have entered the substantive examination procedure, but for inventions related to national interests and so forth, it can be made before it is made public. Request a priority review of patent applications in respect of eligible requests.

Since 2006, South Korea has implemented a substantive examination system for utility model patent applications. Make a partial review of the design application, such as the appearance of the graphic design, without substantive review.

China's current practice has accelerated the review process, but there is no clear official written requirements, the applicant is not easy to grasp, hope in this regard to develop detailed and feasible provisions, to meet certain conditions of patent applications, to give decisive conclusions as soon as possible.

Comparison of patent rights

China and South Korea's patent law on the protection of patent rights are both two decades. The contents of the patent right stipulated in the Patent Law of our country mainly include the right of transfer, the right to use others, the provisions of the regulations, the fee for the implementation of the invention, the right to sign the patent number, the award of the invention, and the right of signature[9]. Mainly for the protection of the economic rights and moral rights of the patentee. For the determination of patent invalidation procedures, China's patent law provides that the first person to be issued a patent grant objection by the patent management department to review the objection, the test results do have a patent notice invalid. But the original patentee may file a claim with the people's court. The judgment of the people's court is the final result.

The Korean Patent Law provides that the invention, utility model and design have a three-month dissent date from the date of authorization registration. Applicants may use the patent correction system to modify their own patent documents after objections have been made by others. China provides that the applicant can not make any corrections other than the errors caused by the cause of the patent office.

The current application of the Chinese Patent Law provides that, for the invention patent application, the applicant only in the substantive examination of the request, or received a notice to enter the substantive examination within 3 months from the date of the applicant can take the initiative to make changes in the application, The review can only be modified at the request of the examiner. For utility models and designs, the application documents are subject to modification only within 2 months from the date of filing the application. In addition to the errors caused by the patent office can be made to make corrections, from the application to the authorization, there is no other chance of modification, which is very unfavorable to the applicant. The Korean patent law stipulates that the applicant may amend the application documents before receiving the notice of the notice of acceptance. The notice of reply can be amended within 30 days from the date of the request for review. The patent may also be revised after the patent license. The Korean Patent Law also provides that the applicant may increase or change the priority claim within 16 months of the earliest priority. Therefore, the applicant does not exceed the scope of the original application under the premise of the application documents and authorized patents have the opportunity to modify the initiative to correct the obvious mistakes, unconscious errors, improve its patents.

Korea's invention patent protection period is 20 years, calculated from the date of application. Under certain conditions, the invention of pesticides or pharmaceutical fields may apply for an extension of 5 years. Utility model protection period of 10 years, calculated from the date of application, under special circumstances can be extended for 5 years. The design protection period is 15 years, calculated from the date of authorization. China's invention patent protection period of 20 years, utility model, design protection period of 10 years, are calculated from the date of application.

Comparison of patent protection

China is a country that has a dual protection system for patent protection. «Double track system» is the administrative protection and judicial protection coexistence of the patent protection system. In 1984, the first introduction of administrative protection and judicial protection coexist «two-track system. To the third revision of the Patent Law so far, the «two-track system» was established. The administrative protection of the patent is handled by the patent business department and the customs department. The responsibility of the patent business management department is to control the infringement of the infringement of the patent and the patent hypocritical mark according to the request of the right holder, stop the infringement order against the infringement, adjust the compensation amount, also responsible for the impersonation of others patents and patent hypocritical acts of regulation. Customs through border measures, the infringement of patent rights, trademarks, copyright goods in the customs clearance when the country to block. The people's court shall carry out a two - trial final system on the judicial protection of patent rights. The patentee may apply

for damages in the proceedings, or may use the pre-literal protection, the evidence protection measures and the termination system. For fake patent acts can be punished with criminal sanctions.

South Korea's situation is the strict establishment of intellectual property rights as private areas. South Korea's patent protection system in principle only judicial protection of a way. South Korea's patent business management can not take positive sanctions against patent infringement as China does. However, due to the recognition of the seriousness of the infringement of patent infringement, so in order to make the patent management departments and customs can take positive protective measures, the law is being revised and the relevant countries to study. South Korea's patent protection system is a three-level trial system, the implementation of patent infringement to stop the request, the loss of compensation request, improper return request. You can sue the state procurator ate for criminal cases[2].If you compare the patent protection provisions of the two countries, you can not judge which country system is good. It depends on the state of a country. China operating administrative protection system 27 years, South Korea also refers to the implementation of administrative patent protection. For China in the establishment of intellectual property patent court, we can also learn from the Korean patent court mode of operation.

Comparison of rights procedures

In South Korea, against the intellectual property office review department of the patent license, invalid administrative decision, the appeal of the court is the Korean patent court. An intellectual property court composed of the Dispute Committee and the Dispute Appeal Board shall be the pre-trial level of the Patent Court. The judges of the Korean Patent Court believe that, in form, the decisions made by the Intellectual Property Court are administrative decisions. And the patent court is the first instance of the judicial review. But in fact, the decision of the intellectual property court can be called the first instance, the patent court is second instance, and the Supreme Court is the third trial. The decision of the Korean Patent Court to the Intellectual Property Court can only be maintained or withdrawn, but it can not be changed. The patent court does not govern cases of infringement of intellectual property rights. Infringement cases are governed by the regional courts in Korea and the patent courts are not subject to patent infringement cases. These ap-peals are governed by the higher courts of the district courts.

In China, there is no such institution as the «intellectual property court». The decision on the patent application rejected by the Patent Reexamination Board and the decision to declare the patent right invalid or to maintain the patent right, if not satisfied, or such as patent disputes, patent infringement disputes and other cases, there is no difference in the Court of Appeal by the provinces, all under the jurisdiction of the Intermediate People's Court, the grassroots people's court has no jurisdiction.

3.Characteristics of Korean Patent Law

South Korea has a double application system. Second application refers to the same content of the invention and creation, can be invented, utility model of repeated applications. Utility model license can be applied within one year after the invention patent. However, an application for the same subject can only be granted a patent, so the applicant must give up one of the utility models or inventions. Since October 1, 2006, South Korea began to implement the revised patent law, the dual application system changed into a change application system, that is, between the types of applications can change. For example, if the applicant does not exceed the scope of the utility model patent application, the applicant may change the original utility model application to the invention patent application, and the application date will remain unchanged. After the change is successful, the original utility model is deemed to be withdrawn. For the utility model proposed before October 1, 2006, South Korea applies the form censorship system, Since October 1, 2006 on the utility model patent applications, from the formal review to the same patent with the invention of the sub-stantive review. Korean design applications include several types: complex design, similar to the design, secret design applications and some designs[5]. The plural design refers to an application that may include the same category of 20 or less designs. Similar designs are based on applications that have been applied or authorized, and then submit a similar design application to prevent others from copying and embezzling their designs and infringing their rights. The secret design application means that the applicant's preparation for the design of the product has not yet been completed, fear that the published design is imitated by others, request the Patent Office to publish its designs within three years from the date of authorization.

South Korea has repeatedly revised its intellectual property laws to encourage the introduction of foreign patents and international exports of domestic patents to promote international technology transfer and domestic technical learning. In order to fully cope with the economic globalization and the rapid development of high technology brought about by fierce competition, South Korea introduced the relevant policies and laws, the progressive implementation of intellectual property strategy.

CONCLUSION

The establishment of the Chinese patent system is much later than the United States, Japan, Korea and other countries. The patent law implemented in 1985 was the first patent law of New China. The law draws on the experience of foreign patent system for hundreds of years, is a more in line with national conditions and international characteristics of the modern patent law. It is the inevitable outcome of the economic system reform, is our country to promote the development of productive forces, accelerate the objective needs of modernization. The implementation of patent law to encourage inventions, promote scientific and technological progress, improve the awareness of intellectual property rights played a very big role. However, in the course of several decades of development, patent law and its laws and regulations also exposed some problems, Compared with the current international development and foreign patent system, there is a need to improve and improve the place. For example, the issue of electronic applications, network open issues, garbage patents and other issues need to be detailed specifications.

China as a large market capacity of the new economies of the country, both a huge patent applicant, but also a huge patent importer, in recent years, patent input and output are very alarming. These huge numbers indicate that China will usher in a surge in patent review, licensing, application, and disputes over the next few years. How to provide an efficient platform for applicants, examiners and professionals at home and abroad, and how to further protect and utilize the advanced technological achievements at home and abroad is a major proposition worthy of attention.

Literate

1. Chen Jing, Wu Qiang. China and South Korea invention patent development gap and reason, science and technology management research. 2008.
2. Jin Xuanqing, Mei Feng. China and South Korea's patent infringement compensation. 2014.
3. Kim Min Che. Korean Patent Court / Science and Technology and Law. 2015.
4. Liu Linqing, Tan Liwen. Patent competitive advantage of the theoretical source. 2005.
5. Shang Shihao. South Korea's new patent law changes/industry practice. 2009.
6. Song Ping. China, Japan and Korean, the three countries of science and technology innovation ability comparison and revelation // Shandong social science. 2012.
7. Wen Hankui. A Comparative Study of Patent Protection System in China and Korea // China Ocean University. 2011.
8. Xu Zhiyong. South Korea's patent application notes and changes in the law of the concession // China Intellectual Property. 2016.
9. Zhang Chuanjie, Wei Ping. The comparative study of China and South Korea's patent value growth effect // Scientific research management. 2010.
10. Zhou Jie. The study of intellectual property system. 2008.
11. Zuo Zhongmei, Wang Zhiyuan, Sheng Sibe. China, Japan and South Korea's intellectual property strategy comparative study. 2011.

Comparative Study on Legal Regulation of Chinese and Japanese Medical Advertisements

© *Guo li*

*Juris Doctor, Associate Professor of School of Law,
Changchun University of Science and Technology,
Deputy Director of Northeast Asia Institute of Comparative Law*

© *Li Chang*

*Graduate School of Law,
Changchun University of Science and Technology.*

© *Yu duo*

Master of Law

1.medical advertising overview

(1)The concept of medical advertising

The State Administration for Industry and Commerce and the Ministry of Health jointly issued the Measures for the Administration of Medical Advertisements on November 10, 2006 and formally implemented on January 1, 2007. «Medical advertising management approach» clearly stated that medical advertising refers to the use of various media or form directly or indirectly introduce medical institutions or medical services advertising. Advertising is an important way for consumers to recognize products, and it plays an important role in guiding consumers' purchasing behavior. Drugs and medical devices, medical institutions, medical services and health care products is unique because it is close-ly related to the life safety and health of the people, and the legitimacy of its advertising form and the authenticity of the content is particularly important.

Legitimate drugs and medical advertisements help promote new medical technology and new drug information, and guide the broad masses of people to choose hospitals, physicians and medicines. Illegal drug advertising and medical advertising more serious than the general advertising caused by social harm, it not only mislead the patient, delay the disease, and the patient suffered economic losses, seriously damaged the interests of the masses [1]. At present, the domestic drug advertising and medical advertising is more common illegal phenomenon.

(2)Medical advertising release steps

China's medical advertising involves the main three main: advertising owners, advertising publishers, advertising operators. In the general sense, advertising owners are medical institutions, advertisers publishers are all kinds of media, advertising operators are advertising companies. According to China's «medical advertising management approach» provisions, the release of medical advertising need to go through four steps.

First, the medical institutions selected advertising companies, then the advertising companies design copy; Second, the medical institutions will design a good copy of the sample submitted to the provincial health administrative departments to check, access to «medical advertising review certificate» and approval number; Then, the advertising company contact the media, the media will once again review the «medical advertising review certificate» and the sample which are issued by the health sector , After the audit can be released later. Advertising operators, advertisers must strictly review the «medical advertising review certificate», and in accordance with the approved content of the release. For the approved content in The «medical advertising review certificate», advertising owners, advertising operators, advertising

publishers shall not make any changes [2]. Finally, the industrial and commercial departments around the responsible for the published or broadcast ads to monitor, and penalties for violations.

(3) the main body of medical advertising

In recent years, with the deepening of China's medical and health system reform, private capital flows into the medical market. Compared with the public medical institutions, private medical institutions generally exist in the following status: social awareness is not high, the masses of low awareness, occupy a small market share. For the pursuit of profit and their own survival, the release of medical advertising has become the main means of attracting patients, so private medical institutions in the medical advertising market accounted for the vast majority. But these private medical institutions legal awareness indifferent, in order to expand market share, blindly pursue economic benefits, do everything possible to drill the law of the loopholes, and even openly violate laws and regulations. For example, wantonly tamper the «medical advertising review certificate» content which was approved by the provincial health administrative department, or did not obtain «medical advertising review certificate» on the unauthorized release of medical advertising. These private medical institutions in the publicity, mainly for those who chronic illnesses of chronic diseases, frequently disease, to seize the patient suffering from long-term torture and eager to cure the psychological, hype to exaggerate the effect. Even the use of celebrity visibility, in the following forms such as: special reports, character interviews, health information, etc., to win the attention of patients, causing the patient's attention, so as to achieve the purpose of attracting patients. Shanghai monitor the mainstream media medical advertising for five consecutive years, but also found that illegal publishing medical advertising agencies are mainly concentrated in private medical institutions.

2. Problems and Causes of Medical Advertisements in China

(1) A brief overview of false medical advertisements

From China's medical advertising publishing process, can not be described as not strict, or even can be said to be very cautious. However, the law of life is to implement, and then harsh and rigorous system if not a good implementation, it is just a dead letter. At present, the problem of medical advertising in China can be divided into two parts: through the legitimate media medical advertising problems and through illegal media advertising issues. The existence of false advertising is mainly due to the lack of supervision and media interests, advertising revenue is the main source of profit in the media, in the case of supervision is not in place, relying solely on the media's social responsibility to prevent false advertising is impossible. For the industrial and commercial administrative departments with regulatory responsibility, the use of fines to deal with false medical advertising, will not let the false medical advertising disappeared. The result is that false advertising is still broadcast, the fine will still be paid, But the chain of interests will not be interrupted. This is because the medical and health sector only to manage medical behavior, regardless of medical advertising. The lack of supervision by the health sector in this area of medical advertising will inevitably bring this area into a disordered and illegal state.

From the marketing point of view, medical advertising is indeed the most important hospital marketing and brand promotion [3]. Driven by interests, some of the content of advertising seriously deviated from the original intention which is to protect people's physical and mental health, and even life safety. Overwhelming medical advertising varies greatly, and even to the extent of flooding. Advertising forms are also tidy, in a lot of medical service advertising, there are a lot of stories, poetry, characters and other forms of interviews. These medical advertisements describe content that is incumbent, highly provocative, and is mostly propagated for the treatment of chronic diseases or various incurable diseases. By looking at these ads, people feel the world is not terminally ill and incurable diseases. According to the description of the ad, regardless of the patient's personal situation, just come here to see a doctor, can «drug to the disease», «invalid refund». So often appear to allow patients to spend more money, medication and eating the wrong medicine situation, false advertising bring great misleading and real harm to consumers. Some experts pointed out that medical advertising frequently illegal for the following three reasons: First is the advertising of the hospital can get high profits; second is the advertising media can get a higher income; third is the law enforcement agencies investigated and dealt with ineffective [4]. In this case, «medical advertising to cancel» the voice no doubt caused a strong response from all walks of life. We can imagine in the near future, medical advertising approval policy and release system, supervision and crackdown will be more and more.

After the medical and health departments and industrial and commercial administration joint, to eradicate the false medical advertising is still long way to go. «There are policies under the policy» is the usual strategy of those who fake, they can not willingly quit to the stage which make their profit-rich. Execution, permanent supervision is a permanent expectation of the people [5]. Medical market is different from the ordinary commodity market, it must be the people's physical and mental health as the first benefit. The harmony of the medical market is the epitome of the whole social harmony. Only the advertising publishers, advertising operators and a variety of media are joint action, so that false medical advertising can not survive the space.

(2) Communicate medical advertising through illegal media

Through the illegal media to spread medical advertising mainly refers to the advertising owners in the absence of «medical advertising review certificate», to avoid the inspection of health supervision departments, secretly issued publicity page or brochure, and then hire people in the station, hotels, squares, markets, farmers market and labor market and other personnel-intensive areas distributed. In China, the traditional media supervision increasingly stringent of the moment, this form of medical advertising has become the main form of medical advertising chaos. It is very mobile, low cost, difficult to obtain evidence, regulatory difficulties, these characteristics for the standardization of medical advertising chaos to bring great difficulties.

Resulting in the distribution of private advertising advertising phenomenon is the cause of many reasons. First of all, medical institutions advertised by such medical advertisements are usually small private hospitals or medical clinics. In the increasingly deep modern market, private medical institutions are increasing, but its visibility and medical strength than public hospitals are still a large gap, In order to win the living space in the market, it had to increase prop-aganda. And through the traditional media broadcast medical advertising, the cost is extremely high, and the review is strict. Small private medical institutions of the lack of strength, in order to achieve the purpose of publicity, dissemination of advertising is «effective» way of publicity. In addition, for this did not get «medical advertising review certificate» of medical advertising, although in China's «advertising law», «medical advertising management approach», «outdoor advertising registration management regulations» have been mentioned, but In the actual management of the lack of execution, the health sector has no right to punish it, and the business sector has not received the notice of the health sector before. The two seem to have no power to take the initiative to manage such offenses, which did not pass the «medical advertising review certificate».

(3) Communicate medical advertising through legitimate media

In the legitimate media on the spread of medical advertising there are violations of the «medical advertising management approach», phenomenon. False propaganda, exaggerated effect, blind Lanhuo, disguised advertising phenomenon does exist. However, in the «Medical Advertisement Management Measures» Article 7 has clearly stipulated that the performance of medical advertising may not contain the eight cases, as well as the State Administration for Industry and Commerce, the Press and Publication Administration jointly requested, from November 1, 2006, all newspapers and periodicals shall not be re-issued 12 categories of medical advertising, even in a specific period of time may not play ads have a clear request, It was hard to see the advertisements of medical institutions in the television press.

In fact, in addition to large public hospitals and private hospitals, small private hospitals even made «medical advertising review that» it is difficult to get the ads and layout in resource limited TV newspaper. For example, in the provincial television broadcast advertising, advertising costs up to tens of millions or even billions of dollars a year is not surprising. Even if the owner can take advertising costs, it does not mean that you will be able to get the ads. The content of the advertisement must undergo a rigorous examination. In contrast, small medical institutions in order to achieve the purpose of publicity, can only turn to other ways. In addition to the above mentioned private printing, there is the city level or county-level city level television publicity. For local media units, medical advertising revenue has become a major source, and these local media resources are limited, attractive interests make some advertising companies, media units to relax the review of medical advertising content. The release of these false medical advertising ,which not only for medical institutions to attract a large number of patients quickly, but also for the advertising company to bring huge economic benefits, which makes advertising companies and false medical advertising publishers to reach a «tacit understanding» [6].

3.A Comparative Study on the Legal Regulation of Medical Advertisement between China and Japan

(1) Restrictions on medical advertising

In our country, the health administrative department and the Chinese medicine administration department are responsible for reviewing the medical advertisements and have the responsibility of supervising and managing the medical institutions. According to the «medical advertising management approach» Article III of the medical institutions to publish medical advertising, should be issued before the application for medical advertising review, did not obtain «medical advertising review certificate», shall not publish medical advertising.

China's «medical advertising management approach» Article VIII provides that medical institutions to publish medical advertising, medical products should provide samples of goods. But in practice, this provision has not been well implemented and implemented, Some medical institutions submit a standardized version at the time of review to obtain a «Medical Advertisement Examination Certificate» and then apply the «Medical Advertisement Exam» to publish or broadcast a different version. China's «medical advertising management approach». Article VI provides that medical advertising content is limited to the following items: 1, the first name of the medical institutions; 2, medical institutions address; 3, the form of ownership; 4, medical institutions; 6, the number of beds; 7, admissions time; 8, contact phone. However, due to the existence of management between China's health administration and industrial and commercial departments out of control, resulting in a lot of illegal medical advertising and unregulated situation.

In Japan, although there are many medical advertising, but generally only a simple address, telephone, treatment time and treatment items and other basic information. Japanese law provides that in principle prohibits medical institutions to advertise in any form, in particular prohibiting medical advertisements in major news media such as television and newspapers. A variety of medical institutions can only be purely informative advertising, that is, through the advertising to inform the community of new services, such as credit card can be used to check, weekend can also seek medical treatment, to provide on-site service. Therefore, the Japanese medical advertising is very small, the content of medical advertising is also very simple, only the advertiser's address, contact, service, the main department and so on. There is no medical technology, medical effects, consumer testimony and other aspects of the content [7]. In Japan, only the beauty surgery hospital will be in the public media advertising, but did not exaggerate the propaganda statement. Japan's hospital advertising is very flat, this situation is due to Japan's strict legal requirements. Japan's «medical law» on the hospital advertising is strictly regulated. The Housheng Labors Ministry under the «medical law» developed a «medical advertising guide» [8].

This «Guide» provides that: try to avoid the use of the latest therapy, the latest equipment and other words. Because there is no strict definition of «the latest», it is easy to form an exaggerated propaganda. «Medical Law» also stipulates that hospital advertising should pay attention to grade, try not to highlight the cost of the treatment, etc., It can not use

the advertising language which easy to mislead the patients , such as «as long as the hospital, no matter who can accept a certain treatment» and so on.

Japan's bus advertising overwhelming, subway cars, on the platform, automatic ticket gate above the bus, people can see the line near the hospital advertising. Many of the apartments have a free street map downstairs, with details of the number of blocks in the neighborhood. In such maps will be printed clinics, hospitals advertising. Although there is no gorgeous propaganda rhetoric, only marked with telephone booking and treatment time, which is very convenient for the local residents. Moreover, the roadside production of sophisticated hospital light boxes also attract the eyes of pass-ers-by. Web promotion in the Japanese view is also a form of advertising. Municipal hospitals, university hospitals and other large hospitals of the page is designed to be very user-friendly, focusing on the introduction of the latest prescription counseling, female specialist and other services. Small clinics of the page has also been made impressive, such as children's teeth plastic surgery clinic put the web design into cartoons and so on.

(2)Medical advertising supervision.

In accordance with China's «medical advertising management approach» provisions, industrial and commercial administrative departments responsible for the supervision and management of medical advertising, and the responsibility for the punishment of medical advertising violations. When the ad is deemed to be in violation of the «medical advertising management approach», the health administrative department may order it to rectify, to recover the «medical advertising review certificate» or even revoke the «medical institutions practice permit».

«Medical advertising management approach» provides that the health sector has the right to review the medical advertising, but in dealing with illegal acts, there is no real punishment execution power, It needs to inform the business sector, the business sector to exercise the right to punish execution. And the business sector only after receiving the notice of the health sector before they can exercise the right to impose punishment, the business sector lacks the initiative to punish the illegal acts. That is, China's medical advertising regulatory review and punishment is out of touch, the lack of cooperation between the two is the key link of false medical advertising regulation. In the practice of medical advertising supervision, the health department is responsible for issuing «medical advertising review certificate». For health care institutions that do not have a «medical ad review», the health department has no right to impose penalties. And the business sector has no access to the health sector before the notice, nor the right to exercise its enforcement powers. The two seem to have no initiative to regulate the lack of «medical advertising review» illegal power. Left behind the legal management of the blank.

In addition, the behavior of posting private medical advertisements on the streets often violates different departmental laws or different legal norms in the same legal department, constituting a number of consecutive or simultaneous violations, resulting in competing lawsuit, resulting in complex legal application problem. In the face of this situation, according to the «State Administration for Industry and Commerce on outdoor advertising supervision and management of the relevant issues», the provisions of the competent authorities are industrial and commercial organs. In the city management department, neighborhood offices within the jurisdiction of the commercial nature of the advertising, if the content is legal, City management departments, street offices according to the city and environmental health regulations are responsible for investigation, industrial and commercial organs are no longer investigated and dealt with; industrial and commercial organs to investigate the content of illegal advertising.

From 2007 to 2014, 8 years, the country investigated and dealt with 370,000 false illegal advertising cases, of which 30% are false medical advertising [9]. Deceived patients in a weak position, so difficult to defend. Because the legitimate rights and interests of patients after being violated, requiring advertisers or medical institutions to bear civil liability, patients need to bear the burden of proof. Because the responsibility of the application is the principle of fault liability, patients with information asymmetry and lack of professional knowledge of the weak position, it is difficult to prove.

Japan has three major ban on hospital advertising: one is false advertising, the second is the compared advertising (compared with others), the third is exaggerated advertising. Relatively speaking, Japan's drug advertising is relatively small, there are mostly to relieve colds, seasonal hay fever and reduce muscle, joint pain and the like daily medication. This is because Japan's health care system is relatively sound, people can go to the hospital and clinic, according to the doctor prescription medication to take. So, in addition to headache brain heat and the like common disease, generally do not have their own to the pharmacy to buy drugs. Japan's drugs and health food and other advertising are basically to promote the main components of the product, as well as the composition of the medical and health effects, it will not one-sided emphasis and rendering the product's medical and health effects [10].

(3)Illegal medical advertising punishment

Recently we have been widely concerned about the «Wei Zexi event», the protagonist, Wei zexi is the victim of false medical advertising. Wei Zexi suffering from synovial sarcoma when he was in sophomore year. Through Baidu search, he went to the Armed Police Corps in Beijing Second Hospital to try to accept the «tumor biological immuno-therapy», but this therapy has long been eliminated in the United States, the cooperation between the hospital and Stanford University is also a false propaganda. Wei Zexi and users questioned the Armed Police Second Hospital and the relevant doctors exist fraud. Baidu, which is controversial for medical information PPC, is again questioned. Although the fibrous sarcoma of Wei Zexi is a very dangerous condition, under the existing medical conditions, the possibility of survival and the expected survival time is very low, but the various acts of the Armed Police Second Hospital's related departments, delayed Wei Zexi's time to seek other more effective treatment programs, and wasted a lot of money of the patients.

Deeply pick up the back of the incident you will find that, this hospital, in fact, is the armed police hospital's outsourcing department. It belongs to the private hospital, the so-called «Putian Department» hospital. These private hospitals found that public hospitals in the quality of service and the lack of detail, aimed at the weakness of public hospitals, to make up for their own shortcomings of inadequate treatment, openly settled in public hospitals. Professionals said that the best way we identify the «Putian Department» hospital is to see whether the hospital do a lot of advertising. The strategies of these hospitals are often: the first step, renting public hospital venues and equipment, temporary hire of doctors, reduce staff costs. The second step, through a large number of advertising to create some false information, such as the attending physician is said to be professor or expert of a large hospital in Beijing, etc. They are good at treating the disease, which is basically infertility, sexually transmitted diseases, skin diseases and so on. Which also makes the «Putian Department» hospital's advertising costs are high. «Putian Department» is still to the upper reaches of the medical industry development, they produce medicine, medical equipment. Most of these products are sold in the «Putian Department» of the hospital, far higher than the average price of the market, and ultimately achieve the purpose of profiteering. The third step, if the hospital brand famous, it will stand up and expand their operations. If the hospital smashed, it will begin in another place. We can say that «Putian Department» is a huge cancer for the medical industry, and is the main publisher of many medical advertising.

Reflect on the «Wei Zexi event», why the Armed Police Hospital contracted out of the department? Why the infamous «Putian Department» hospital survive? First of all, the public hospital itself is facing a dilemma, inadequate supply corresponds to the growing medical demands. The result of the imbalance between supply and demand leads to a large number of informal medical forces outside the formal health system. They take some unconventional approach in exchange for interests, and even carry out cooperation with private capital to seek survival. For example, the old military doctors on Electric pole, ancestral secret recipe and the roving doctors in the community, etc. As well as those so-called health care products, even in the regular television media, there are some of their shadow. Second, another very important reason is that the tort liability is too small, lack of supervision. If the subjective intentional tort liability can make a hospital directly bankrupt, closed down, then there is no hospital dare to false propaganda, wrong treatment. So it will not contract out the department. Japan's medical responsibility punishment is the case.

The legal liability of illegal medical advertisements in our country is divided into administrative liability, civil liability and criminal responsibility. It is found in the «General Principles of Civil Law», «Criminal Law», «Advertising Law», «Anti-Unfair Competition Law», «Medical Advertisement Management approach».

The current «advertising law», «medical advertising management approach» in the terms of liability, obligations, penalties, there are many contradictions. For example, China's «Anti-Unfair Competition Law» and «Advertising Law» in the application of different laws on the outcome of the punishment exist a contradiction. For the same illegal facts, «Anti-Unfair Competition Law» provides that «punishable by more than 10,000 yuan, less than 200,000 yuan», «Advertising Law» provides «at the advertising costs more than 1 times, less than 5 times». Thus, for the same false medical advertising, the application of different laws of the punishment results will be different. It is difficult to accurately cut, and may even lead to part of the law enforcement officers, deliberately apply the lighter or heavier penalties, which for the people and the main body of the offense is not fair.

In addition, China's current «Criminal Law», «Advertising Law», «Medical Advertising Management Measures» are provided for the punishment of medical advertising violations, but the punishment is far from enough, most of them are fine and other administrative penalties. But the actual situation is that such a clear distortion of the administrative penalties, can not curb false medical advertising, because in most cases the amount of punishment are much lower than the false medical advertising profits, and even the advertising owners and advertising publishers counterfeit false medical advertising contracts, reduce the amount of advertising contract to escape the responsibility of administrative penalties. This «tacit understanding» of the contract by the business sector as a basis for free advertising revenue, in some cases the fine is less than one percent of the actual advertising costs, so that the law provides a fine of less than 5 times of the costs will be meaningless. Although in the «Criminal Law» provides that the serious behavior of false advertising can constitute a «false advertising», «two years imprisonment or criminal detention, and a fined or», but in the real practice in the judicial practice, false medical advertising cases were rare punished. On the public security department itself, the medical advertising from the illegal to the degree of crime, rarely take the initiative to investigate whether a medical ad constitutes a crime.

There are still two extremes of differentiation on the basis of specific punishment. According to the provisions of Article 20 of the Measures for Administration of Medical Advertisements: «Medical institutions shall issue medical advertisements in violation of the provisions of these Measures, and the local health administrative departments at or above the county level shall be ordered to make corrections within a time limit and give a warning. If the circumstances are serious, It may order it to suspend business for rectification, revoke the relevant medical and related subjects, until the revocation of «medical institutions permit». «This provision from the former painless administrative warning, to the latter's serious suspension of business, the span between the two is very large, and there is no division of what is «serious» specific boundaries, the supervision of the relevant authorities lacks practical operability and reduces the effectiveness of supervision».

Chapter 8 of the Pharmacy Law of Japan provides for the advertisement of pharmaceuticals as follows: No one can carry out clear or dark hypocrisy or exaggeration of advertising and communication on the name, manufacturing method, performance, effect or performance of pharmaceuticals, related health foods, cosmetics and medical devices, etc.; Not to make possible misunderstanding of advertising, such as the audience may be mistaken for a medical product has been identified by the authority and so on. If there is a violation of medical advertising laws, it will be sentenced to 6

months imprisonment, less than 300,000 yen [11]. Although the punishment is not very severe, but it's shamed for the hospital to Commit a crime. If the credibility decline, there will be no longer business to do. No one dares to take risks.

4. Summary

The state of medical advertising management is increasing, it will be the future trend. The role of medical advertising is to help the medical service as soon as possible on the quality and quantity of the track, rather than the only way to make money. Advertising costs are huge, if the operator simply to the pursuit of profit, these costs will eventually be passed on to patients. Medical service is not a simple commodity, medical responsibility is moral. The standardized management of medical advertising requires the legislative department, quality inspection departments, medical and health departments and other aspects of systematic coordination. In addition to the effective implementation of their respective obligations, the departments should strengthen the exchange of foreign information, and more measures to form a joint force. Through the understanding of Japan's medical advertising system, learn from the advantages of Japan's medical advertising service system, combined with China's national conditions, identify problems and solve problems. One of the most important is to strengthen the supervision of medical institutions, thorough investigation of illegal medical practice. For private hospitals, clinics, individual clinics, to strengthen their daily supervision. Improve the system of relief, so that patients effectively safeguard their own interests, clear the authority of the law. Wei Zexi is not a case, he is a microcosm of social phenomena, there are more patients like him are still suffering from illegal medical treatment. So, put the health care reform into practice as soon as possible is a comfort to the young life.

Literate

1. Su shimei, Cui Shuying. Advertising Ethics // Henan University Press. 2010. P. 222.
2. Zhou dongmin, Zhao xiju, Liu lei, et al. Research on Medicine in the View of Law // Tianjin Science and Technology Press. P. 43.].
3. Liu wei. Analysis of the causes of illegal medical advertising and coping strategies // Hospital Management Forum 32. 2015. № 8.
4. Zhang sining. Value Conflict and Order Reconstruction in Transition China // Social Science Literature Publishing House. 2011. P. 190.
5. Gao hui, Zhao qiang. illegal medical advertising supervision and management of the status quo and counter-measures // China Public Health Management. 2014. № 5.
6. Cheng bixi. Governance Difficulties and Legal Regulation of False Medical Advertisements // Jiangxi Social Science. 2015. Issue 11.
7. Li mingwei. Advertising Regulations and Management // Central South University Press. 2009. P. 219.
8. Sun xiuping. Japan's hospital advertising is very plain // Life Times. 2013. № 23.
9. Gong lei. Japan and other countries strictly limit the medical drug advertising // China Business News. 2006. 08.01.
10. Wang xin, Wang fang. how to regulate foreign hospital advertising // Youth Journalists. 2005. № 4.
11. Gong lei. Japan and other countries strictly limit the medical drug advertising // China Business News. 2006. 08.01.

The Research on Trust Mechanism of Land Management Rights from the Perspective of Law

© Zhao Shengyang

Jilin University, Economic Law, doctoral student

The rural land problem has always been the core of three issues of «agriculture, the countryside and farmers» in China. Since the beginning of this century, the pace of agricultural modernization in China has been further accelerated, and agricultural modernization and collectivization are more demanding for the intensification, specialization and socialization of agricultural production. The changes of economic operation mode also lead to the increasing demand for land management rights in the land market. There is no doubt that such changes will inevitably lead to a series of problems. First, the pace of industrialization and urbanization is accelerated, and towns can provide more job opportunities. More farmers choose to work in cities considering their incomes. Therefore, the land is gradually abandoned. «Who will cultivate the land»? The agricultural development in China has suffered the embarrassment of no followers. Second, due to the influence of the life styles from their parents who have gradually drifted away from the land, most «second generation of farmers» in rural do not know how to cultivate the land and they also do not like farming. «How to cultivate the land better»? The agricultural development in China is facing unprecedented difficulties. Third, due to urban-rural dual structure and the current social security system, most migrant workers cannot enjoy social security benefits for urban workers. «Who protect the interests of farmers?» which has become an important issue directly related to the vital interests of farmers.[14] In order to solve the problems above, the central authorities put forward the policy of «Three Rights Division» timely to promote the reform of rural land system by the basic orientation of «implement collective ownership, stabilize farmers' contracting rights, and liberalize land management rights».[1] For the «three power division», the ownership is the foundation, the contracting right is the guarantee, and the management right is the core. The purpose of the policy is to confirm farmers' contracting rights and circulate land management rights by marketization on the basis of adhering to the collective ownership of rural land. As one of the effective ways to «liberalize land management rights», the feasibility, necessity and institutional obstacles for implementation of the land trust circulation have been fully demonstrated by scholars, and they believe that «the circulation of land trust accords with the current reality and the need to protect the rights and interests of farmers, which can be the breakthrough to solve the real difficulties,

and fit development needs of China's land market».[14] Compared with the traditional swap lease, the model of “renting the farmers lands for leasing lands again by marketization” has more security and standardization[9].

First, the Purpose of the Trust Mechanism for Land Management Rights

The trust system is originated from Anglo American law system, and creates a new model of property utilization through the elaborate design and complex arrangement for rights and obligations of three trust parties.[2] As a kind of special trust model, the trust of land management rights not only carries the trust of the client and protects the interests of the beneficiary, but also shoulder the responsibility of China's agricultural land rehabilitation, collective land plan-ning and utilization as well as land resources protection.

First, it is the need to protect rights and interests of farmers. In the practice of trust circulation for land manage-ment rights, Although sometimes the client is not the farmer but cooperative, village committee or town government, farmers are the actual obliges of the trust land and the ultimate beneficiaries. For its essence, the land trust realizes the separation of ownership, management right and beneficial right on the basis of not changing the collective ownership of rural land. Besides, it realizes the rational land use and development to achieve the intensive and scale land develop-ment, and makes farmers enjoy the fixed incomes and value-added revenues of land on the basis of protecting farmers' rights.[7] The so-called fixed incomes refer to farmers' rental incomes based on the entrust of land management rights, while value-added revenues are farmers' excess interests according to their beneficial rights proportions in the case of earnings by exploitation and utilization of land management rights.

Second, it is conducive to promoting the rural land circulation, and curbing the occurrence of idle and abandoned land. The comparative advantage of agricultural production in China is not high. Although China has abolished the agricultural tax to reduce farmers' burden, it is still difficult to make a breakthrough for land revenues, which results in a lot of migrant workers, leaving idle and abandoned land without farmers to cultivate in many rural areas. The usufruct of land manage-ment rights means that people who have land management rights can exercise their rights freely within the framework of law, and it also means that the land management rights as the property right can realize circulation in the market as a trad-ing object to realize its value. The pilot experience of land circulation in some areas of China shows that the promotion of land trust can not only increase farmers' incomes and attract investments to improve economic development level in rural areas, but also contribute to achieving scale land operation to avoid idle land and waste of land resources.

Two, the Establishment of the Main Elements for the Trust Mechanism of Land Management Right

The subject of the trust legal relationship is also called people of trust relation, mainly including the client, trustee and beneficiary.[11] As a kind of trust, the subject of rural land circulation trust is also the same. However, the subject of rural land trust circulation in China has shown some special features due to the reality of China's rural land system, and it will be elaborated separately as follows.

(a) the client: people who own land management rights

In the trust circulation of land management rights, it is always not farmers but cooperatives, village committees or township governments who sign the trust contract with the trust company. However, according to the Trust Law, the effective establishment of the trust requires that the client entrusts the trust property to the trustee, which requires that the client has the right to dispose of the trust property [10]. The client of rural land trust should be farmers who have rights to contracted management or village collective who enjoys the land ownership? This is an important issue not only related to farmers' rights and interests, but also related to the land system and trust system. Article 34 of China's Rural Land Contract Law states clearly: «The subject of land management rights circulation is the contractor, and the contractor has the right to decide by oneself whether or not land management rights are circulated and the circulation way according to the law». Rural land trust is an innovative way to circulate rights to contracted management, while the subject of rights to contracted management are farmers. Therefore, it is natural that farmers who have land management rights by means of family should be the client of the land management rights trust. In this sense, it can be said that the rural land trust is different from the general property trust. For the general property trust, the trustee is the owner of the property, while the client of the rural land trust is not the owner of the rural land - village collective organization but people who have land management rights-farmers. Therefore, whether it is entrusted by the individual, the group, or community (the village committee), the client should be the subject of land management rights - farmers.[13]

(b) the trustee: the professional trust company

The trustee in the trust relationship refers to people who accept the entrustment of the client to manage or dispose of the trust property for the benefit of the beneficiary or a specific purpose.[12] The trustee is the most important party in the trust relationship, and plays a critical and pivotal role in the trust relationship.[4] According to the provision in article 24 of China's Trust Law, a natural person or a legal person with full capacity for civil conduct may act as a trustee. However, due to the particularity of the rural land trust circulation in China, the natural person should not be regarded as the trustee of the rural land circulation trust. The specific reasons are as follows: in the rural land trust circulation, farmers, as a party to the trust, are often in an unfavorable status. Their unfavorable status is not only reflected on econ-omy, but also on seeking legal relief when their rights are violated due to the lack of legal knowledge or no money for litigation. If the trustee's credit is not good, once there is the breach of entrust duty to cause damage to beneficiaries, the farmers, as beneficiaries, will suffer significant losses or even poverty. In order to protect the vital interests of farmers, special provisions must be made on the qualifications of the trustee in the trust of rural land transfer. Para-graph 2 of Article 24 in China's Trust Law provides the legal basis for it. Therefore, Higher requirements should be made on credit for the trustee in the circulation trust of rural land. Due to the weak financial strength, the natural person should not be the trustee of the rural land circulation trust, while the trust company with strong financial strength and reliable credit should be the trustee of the rural land circulation trust.

(c) the beneficiary: overlap with the identity of the client

The beneficiary is the person to whom the client intends to give interests when the trust is established. That is, the beneficiary is the person who has beneficial rights in the trust.[5] One of the purposes to establish trust circulation of rural land in China is to enable farmers to obtain land circulation revenues. Therefore, beneficiaries of the rural land circulation trust should be the farmers themselves. Thus, the client and the beneficiary are the same in the trust circulation of rural land. Therefore, the trust circulation of rural land belongs to the self-beneficial trust for its type. That is, the trust is established by farmers for themselves to obtain land circulation revenues. In the process of the rural land trust circulation in China, the obligee stated in the certificate of land management rights is only one of the main family members (hereinafter referred to as head of a household). Therefore, the beneficiary is often only head of a household in the trust contract. However, actual beneficiaries of the rural land circulation trust should not only be limited to head of a household, but also be entitled to all family members who have land management rights. In the trust relationship, the beneficiary is the person who fully enjoys trust interests. There is no requirement for behavioral competence, and a person with limited capacity for civil conduct and a person without capacity for civil conduct may be the beneficiary. Therefore, minors who are not persons with full capacity for civil conduct in farmers' family members are also beneficiaries of rural land trust circulation.[10]

Three, Legal Basis of Trust Mechanism for Land Management Rights

China's Rural Land Contract Law is the basic law to regulate rural land management in China, which makes the explicit permission that there are five ways to circulate rural land management rights, including transfer, lease, swap, sub-contract and shares.

Although the current legal provision in China does not mention the way of land trust circulation, the land trust circulation is permitted by the law of China according to the principle that «the entities can do anything which are not prohibited by the civil law».

First, this kind of liberal provision for the law of China provides a feasible and effective way to circulate land management rights with space to explore, and the trust circulation of land management rights should be one of it. Second, it is allowable as long as the law does not expressly prohibit. Therefore, the trust circulation is included in «other forms of circulation», which is prescribed by law, and complies with provisions of China's Rural Land Contract Law. Meanwhile, there is no doubt that laws and regulations, such as Land Management Law, Rural Land Contract Law and Rural Contracted Management Right Circulation Regulations in China comply with the real right property of rural land management rights in China's Property Law. China's Trust Law does not directly regulate the circulation way of rural land trust system. However, its article 7 clearly states: «the trust property is the property legally owned by the client» and «the property referred to in this Law includes the legal property rights». The trust is based on the transfer of property rights. Foreign research is relatively sufficient in the field of transferability of land. After several years of field investigation in China, Roy Prosterman from the United States believes that although China's vast rural areas abide by land use rights, it will not increase land values or achieve any economic benefits. The right to use should be transferred to attract more developers with stronger ability to develop and enhance the depth and efficiency of land use.[8] Meanwhile, China's administrative factors have played a role in the management of land. However, it is not necessary to play this role for it should be the law of value for market which plays the role of lever adjustment. The excessive intervention of the local government will guide people to think about the interests driving behind it. This study exposes many problems existing in the current land circulation in China. Meanwhile, it also urges scholars to focus on a totally new mode of land circulation, and then a totally new mode of land circulation is put forward - land trust circulation mode [6].

The establishment of the land circulation mode not only complies with the reality of circulation market for China's rural land management rights, but also plays a positive role in promoting the establishment and improvement of rural land capital market. Meanwhile, it also complies with the fundamental policy of promoting the construction of new socialist countryside and the current rural land policy. In the modern society, small scale farmland management by scattered farmers cannot adapt to the needs of China's social and economic development, while the circulation of land management rights is the objective requirement for rural economic development in China, meanwhile, it is also the inevitable result because the party and the government attach great importance to the development of rural areas. China has always attached great importance to the development and solution of three issues of agriculture, the countryside and farmers, which is well shown by the constant issues of the central No. 1 file. In the trust system of rural land, people who have land management rights only entrust the use right of contracted land to the trustee, which does not involve the land ownership and the right to contract. This will ensure that the premise of the system is also the fundamental policy on land with consistent adherence in China. The land is circulated on the premise of insisting on the collective ownership of rural land and the long term system of land management rights. In this way, it not only does not threaten China's basic economic policies in rural areas, but also is conducive to the development and stability of the household contracted responsibility system, which is a useful exploration and innovation for the basic land policy in rural areas of China.

Literature

1. Refer to the Opinions on Perfecting the Method of Dividing the Ownership, Contracting Right and Management Right of Rural Land issued by General Office of the State Council. 2016.
2. Chenpu. Trust as a Form of Ownership Movement an attempt to solve the theoretical ascription problem for the ownership of trust property // Hebei Law Science. 2010.
3. Chenzhi. Study on the Risk Control Rules for Trust Circulation of Land Management Rights // Rural Economy. 2016.

4. Edwards R. & Stock N. Trusts and Equity. 1997.
5. He Baoyu. Study on Principles of Trust Law // China University of Political Science and Law Press. 2005.
6. Liu Zhiren. Research on Trust Mechanism in Rural Land Circulation // Hunan People's Publishing House. 2008.
7. Pujian. Liberation of Land: a New Round of Land Trust Reform. 2014
8. Roy Prosterman. China's Agricultural Scale Operations: is it the Appropriate Policy? // China Rural Observation. 1996.
9. Wangfang. Study on the Circulation Mode of Rural Land Trust in China // Rural Economy. 2017.
10. Xu Haiyan, Feng Jiansheng. The Legal Structure for Trust Circulation of Rural Land Management Right // Law Forum. 2016.
11. Xu Mengzhou. Trust Law // Law Press China. 2006.
12. Yu Weiming. Research on the Trustee in Trust // Law Press China. 2007.
13. Zhang Zhengyu. Study on the Trust System of Land Management Rights - Based on the Innovation for Transfer System of Land Management Rights // Doctoral Dissertation. 2013.
14. Zheng Zhifeng. Study on the Legal Structure of the Promotion for Separation of Contracting Rights and Management rights for Rural Land // Rural Economy. 2014.

Intelligence of legal data and citizens' right to know

© *Хэжан*

*проректор по международным связям Чаньчуньского
политехнического университета,
доктор юридических наук, профессор*

© *Yang Shishi*

*магистрант Чаньчуньского
политехнического университета,
г. Чаньчунь, Китай*

Connotation of Intelligence of legal data

With the development of Information and communication technology accumulates hitherto, and according to itself technical developing logic, the big data spontaneously develops at the stage shifting from enhancing production efficiency to more advanced intelligent period. Big data enables many hard-to-quantified information to be converted into data that can be stored and processed, which improving the use and excavation of the valuable information hiding in the sea volume of data[1].

On March 5, 2016, the supreme people's court officially online launched «Faxin», China's law application digital network services platform. The launch of «Faxin» online platform hat landmark significance. It reveals the actual advancement of informatization version 3.0 of people's court and construction of intelligent court, which are promoted by supreme people's court in «Internet +» and «big data» era. Based on the largest present domestic legal knowledge navigation system, «Faxin outline», the judicial adjudication analysis engine provided by Guoshuang, and big data engine provided by Tonganzhitui, «Faxin» online platform can in-depth process, agglomerate, intelligently analyse and push the sea volume of articles of law, gist of cases, legal opinions, and judgement document[2]. Thus «Faxin» provides lawyers with one-stop professional legal knowledge solutions, and also the country's first digital platform of law that amalgamates «legal knowledge service» and «big data service of cases», which pushes to the society legal norms and judicial rules. The function of the LD engine of «Faxin» online platform, based on the thorough understanding of the judgment document and self-learning and evolving, is proceeding infinite dimensional and multiple free combination and layer upon layer analysis. Utilizing the clustering analysis and intelligent sorting function of big data, SP engine helps lawyers, through professional terminology and elements, simultaneously accomplish the comparison of juristic facts, the matching of legal relations, the check of legal basis and reference of judgement results, while handling the similar cases. The implementation of the «Faxin» online platform means that the intelligence of legal data has gone out of the laboratory of judicial science and technology, and is now stepping into every corner of the society.

2. The connotation of the citizen's right to know

Citizens' right to know is the right to vote, and supervision effectively exercise the full expression of the prevailing political free speech rights, civil rights often means the obligation of government. In order to realize the citizen's right to know, the premise is that government information should be made public. Citizens' right to know is the theoretical basis of government information disclosure, and the government information is an inherent requirement of citizens' right to know. The public's right to know is possible only if a country with a large amount of information is actively or passively exposed. As a basic human right, citizen's right to know has its unique meaning in international rules and in the legislative practice of countries. «The right to know is the foundation of human dignity, equality and justice», Declaration on the right to know in Atlanta says. In this declaration, citizens' right to know is expressed as the basis for citizen participation, good governance, human development and the realization of other socio-economic and civil political rights[4].

China's constitution does not specify citizens' right to know, but it indirectly confirms citizens' right to know. Because in our country the constitution stipulates clearly the our country citizen participation, council, managing state af-

fairs, supervision, criticism, Suggestions and complaints, charges or report the rights of the state organs and their staff, and the people the rights to the series of the basic premise is to enjoy the right to know. Because clearly stipulated in the constitution in our country citizens shall have the right to free speech, and according to the international rules, the complete «free speech» content including right to know and right of expression.

3. The relationship between intelligentization of legal data and citizen's right to know Intelligence of legal data is an important guarantee for citizens' right to know

The right to know is the basic political right of citizens and is closely linked with the state's public information for obtaining citizen support. Therefore, in order to guarantee citizens' right to know the principle of information disclosure system provide information basis for the exercise of citizens' political rights, is the precondition of citizens' orderly participation, work is the basis for the construction of socialist political civilization[5]. According to statistics, 80% of all useful information held by the government in our country, but because of the lack of a unified law, this information is often blocked in government agencies, private is hard to get and use the information. Our administration has long been closed, blocking information, blocking public and even becoming a habit. Even government documents tend to be communicated internally and then publicly, with more open links, slow time and poor channels. Since most of the information monopoly by the government, the public's lack of an effective way to obtain relevant information, information resources and sometimes become a certain state organs or individuals for personal gain. That it is not hard to understand «why some departments to share information with the public and even other departments», with a negative attitude because for them, information monopoly means the monopoly of power, information sharing often means that some of the loss of power, then is losing power of «grey income». The government monopoly on information also makes important wealth of information resources as a social cannot play its proper value, because the huge waste of social resources, relatively high cost of economic activity, has affected the economic and social development.

The realization of the right to know is inseparable from freedom of information, which is represented in the judicial field as the freedom of judicial information. Social attributes is the essential attribute, everyone has the instinct to communicate, hope can exchange information with the outside world and deal with their own information, every man is a social animal. In today's rapid development of informatization, a country to implement the information blockade and intelligence monopoly is almost impossible, even if a place is very backward, also will always find a camera, tape recorder equipment such as probe. Big data era information update is very timely, information transmission speed faster, information transmission range is very wide, which makes the information in the network environment woven net continuously and to the public, judicial power as a kind of public power, relate to social justice and public interests, it should run in the sun, the right to know. Intelligence of legal data makes judicial public will be widely spread, the rationality of the public justice 'right to know, not because the public to the judicial process and result of knowledge and produce new contradictions and disputes, also conducive to the public for future actions to create a clear and stable legal expectations.

The intelligence of legal data promotes the development of citizen's right to know

German philosopher Hegel thinks public opinion is a good way to express their will and opinions. The intelligence of legal data creates an opportunity to present public opinion. Once the legal action is on the web, the strong online presence makes it a powerful watchdog. For Internet users focus on judicial cases in real life, their identity and career is not single, but scattered in all walks of life in all areas, that is not in every field of their discovery of the incident and error correction ability is keen to be reckoned with. At the same time, the openness of the Internet forces judicial officers to pay more attention to their daily actions and lead by example. It also makes the judiciary more firmly committed to its own legal beliefs. «The law is not just a tool for secular policy, it is also part of the ultimate purpose and meaning of life» [2]. «Law is purpose is not tools» this deep, warm law-abiding faith makes everyone to respect and abide by the law, such a crime can get stop, social order would be systematically conducted.

Literate

1. Gao Qi Cai. Multivariate justice: the way to solve disputes and its change of Chinese society // Law Press China. 2009.
2. Yu Ding Yu. Search for laws // Law Press China. 2010.
3. Zhang Li. The development of China's judicial system of public // Justice of China. 2011.
4. Zhang Wei Ying. Information, trust and law // Shanghai Joint Publishing Press. 2006.
5. Zhu Song Yan. The right to development and citizen participation // China Legal Publishing House. 2007.

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за коррупционные преступления по законодательству России, Китая и Сингапура

© Д. Б. Аюшиев

студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия
dayushiev@list.ru

Актуальность работы обусловлена тем, что в нашем государстве проблема коррупции на протяжении всей истории стоит довольно остро. Петр I говорил: «Кто украдет из казны больше, чем стоит метр веревки, тот на этой веревке и повешен будет». Император данные слова сказал в Сенате, угрожая ввести указ такого содержания. Генерал-прокурор Ягужинский отметил: «Неужели вы хотите остаться государем без служителей и поданных, мы все ворует, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой».

Порой задумываешься, что это на самом деле так. Сегодня мы можем наблюдать в стране проявления не только низовой, но и верхушечной коррупции. Ее можно увидеть как на уровне губернаторов регионов, так и на уровне правительства.

В России к осужденным за коррупционные преступления относятся достаточно мягко. Мягкость выражается в наказании данных лиц. Можно назвать десятки осужденных экс-губернаторов регионов, но нельзя назвать даже одного, который понес бы реальное наказание за совершенные преступления [3, с. 13]. Например, Вячеслав Дмитриевич Дудка, экс-губернатор Тульской области, обвинялся в получении взятки в 40 миллионов руб-лей. Признан виновным и осужден на 2,5 года лишения свободы, но, так как он отбыл этот срок под домашним арестом, был освобожден в зале суда. Алексею Викторовичу Баринову, экс-губернатору Ненецкого автономного округа, вменялось превышение должностных полномочий и нецелевое расходование бюджетных средств. Он был признан виновным и приговорен к 3 годам лишения свободы условно. Алексей Валентинович Улюкаев, экс-министр экономического развития, получил в качестве взятки более 2 миллионов долларов. В настоящее время в отношении бывшего министра ведется следствие.

Всей общественности запомнилось дело Евгении Николаевны Васильевой, экс-главы департамента имущественных отношений Министерства обороны РФ, бывшего члена совета директоров ОАО «Оборонсервис». Она обвинялась в превышении должностных полномочий и в хищении государственных средств в особо крупном размере. Васильева признана виновной и приговорена к 5 годам лишения свободы, с учетом пребывания под домашним арестом она должна была провести в тюрьме 2,5 года, была освобождена в связи с условно-досрочным освобождением. Ответственность за коррупционные преступления предусмотрена главой 30 УК РФ.

В ходе рассмотрения примеров можно сделать очевидный вывод о том, что путь эффективной борьбы с коррупцией весьма далек от действительности в России. Пока в нашем государстве будет довольно мягкое отношение к проявлениям верхушечной коррупции, нам никогда не удастся одержать над ней верх [5, с. 168]. Разве можно поставить знак равенства между совершенными преступлениями и тем наказанием, которое их настигло.

В Китае мы можем наблюдать более 40 статей УК, в которых предусмотрена смертная казнь, три из них связаны с коррупционными преступлениями. Лин Цзихуа, бывший начальник канцелярии Коммунистической партии Китая, обвинялся во взяточничестве и превышении должностных полномочий. Суд приговорил его к пожизненному лишению свободы. Лю Чжихуа, вице-мэру Пекина, вменялось взяточничество и превышение должностных полномочий. Суд приговорил его к смертной казни. Ответственность за коррупционные преступления предусмотрена статьями 384, 385 и 388 УК КНР [1, с. 21]. В приведенных примерах мы можем наблюдать очевидное различие в санкциях, предусмотренных за такие преступления в России, Китае и Сингапуре. Бесспорно, в России наблюдается мягкость в наказании за совершенные преступления коррупционного характера. В Китае ведется именно та борьба с коррупцией, которую просто необходимо применять в каждом государстве.

Сингапур является на сегодняшний день государством, которое добилась низкого уровня коррупции. Многие исследователи называют это «Сингапурским чудом». Это самое чудо связано с первым премьер-министром Ли Куан Ю. Выразить его идею курса борьбы с коррупцией нам поможет одна из знаменитых его цитат: «Чтобы победить коррупцию, начните с того, что посадите трех своих друзей».

Сингапур поборол коррупцию с позиций авторитарного государства [4, с. 125]. Действующее в стране Бюро по расследованию случаев коррупции наделено полномочиями, свойственными государству авторитарного ти-

па. Данный орган может вести расследование в отношении не только подозреваемого, но и его родственников. Основная его функция — расследование коррупционных преступлений, но также оно наделено полномочиями вести расследование и по прочим уголовным делам, связанным с фактами коррупции. Бюро может провести проверку в отношении каждого государственного служащего, может привлечь к ответственности любого гражданина, независимо от его статуса, ранга или вероисповедания. Бюро вызывает страх в сердцах многих сингапурцев, которые склонны к совершению коррупционных преступлений. Сингапурская бюрократия боится Бюро как всевидящего ока. Порой данный орган именуют как «Бюро по расследованию заразной жадности».

Низкого уровня коррупции в стране добились также с помощью уравнивания размера зарплат работников частного сектора и государственных служащих. Сейчас среднестатистический судья зарабатывает более 1 миллиона долларов. В Сингапуре проводилась пропаганда, под которой понимается создание климата честности и открытости, переводящей коррупцию в разряд социально неприемлемых явлений. Закладывается принцип того, чтобы оставаться честным и неподкупным [2, с. 24].

Таким образом, рассмотрев уголовную ответственность России, Китая и Сингапура, а также положение коррупционного вопроса в стране, можно сделать ряд выводов. Коррупция — это болезнь, медленно пожирающая государство изнутри. В России этот вопрос обстоит наиболее остро, государство предпринимает недостаточные меры по борьбе с коррупцией, особенно это касается проявлений верхушечной коррупции. В России необходимо возобновить практику смертной казни, предусмотрев данную меру в первую очередь обвиняемым в коррупционных преступлениях, отменив мораторий путем отказа от ратификации Конвенции защиты прав человека и основных свобод. Наши взоры должны быть устремлены не на запад, а на восток. В стране нужно вести пропаганду климата честности и открытости, переводящей коррупцию в категорию социально негативных явлений. Каждый гражданин своей страны должен знать, что «дающая рука всегда выше берущей». У де-нег нет отчизны. Патриотизм и порядочность — категории, не обременяющие казнокрадов. Единственная их цель — это уничтожение государства.

Литература

1. Иванов Л. А., Данилов А. Г. Опыт борьбы с коррупцией в азиатских странах // Следователь. 2014. № 10. С. 21–23.
2. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. М., 2005. С. 24.
3. Макаров А. В. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3. С. 13–21.
4. Филиппов В. В. Антикоррупционная политика Сингапура. Хабаровск: Изд-во ДВИУ, 2016. 251 с.
5. Шишкарев С. Н. Противодействие коррупции: теория и практика. М.: Изд-во КДУ, 2009. 168 с.
6. Бальхаева В. В., Попова Е. И., Гулина Е. В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве в некоторых зарубежных странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона—VI: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 129–132.

Сравнительный анализ института уголовной ответственности за налоговые преступления по законодательству РФ и КНР

© **Б. Ц. Банзаракаев**

*студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*г. Улан-Удэ, Россия
kerulen95@gmail.com*

© **С. З. Донаканян**

*студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*г. Улан-Удэ, Россия
donsammark_96@mail.ru*

Успешное развитие современного уголовного права, а также эффективное правоприменение в России невозможно без знания опыта зарубежного законодательства. В данной статье, в первую очередь, будет рассмотрено законодательство РФ и КНР в сфере правового регулирования налоговых преступлений; во-вторых, проведен сравнительный анализ этих правовых институтов, а также показана динамика налоговой преступности в РФ на примере статьи 198 УК.

Итак, Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за неуплату налогов в статье 198 (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица), 199 (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации), 199.1 (неисполнение обязанности налогового агента), 199.2 (сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов) [1].

Хочется отметить, что данные составы закреплены в главе 22 УК РФ — преступления в сфере экономической деятельности, соответственно видовым объектом будет являться нормальное осуществление экономической деятельности.

Уголовный кодекс КНР регламентирует исследуемый институт намного глубже. Уголовная ответственность за преступления в сфере налогообложения предусмотрена главой 6 — преступления против порядка сбора налогов.

Настоящая глава объединяет в себе 11 составов преступления: статья 201 (Фальсификация, подделка, сокрытие, самовольное уничтожение налогоплательщиком бухгалтерских книг, расчетных документов, включение в бухгалтерскую книгу дополнительных статей расходов, невключение в нее или уменьшение количества статей доходов, отказ от декларирования после получения уведомления налоговых органов...); 202 (отказ от уплаты налогов с применением методов насилия и угроз); 203 (сокрытие имущества налогоплательщиком, имеющим задолженность по уплате налогов); 204 (незаконный возврат государственной экспортной пошлины); 205 (неправомерная выписка специальной квитанции об уплате налога на добавленную стоимость или иных квитанций, на основании которых производится возврат экспортной пошлины); 206 (подделка или продажа поддельных специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость); 207 (незаконная продажа специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость); 208 (незаконная покупка специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость); 209 (подделка, самовольное изготовление иных квитанций, могущих быть использованными для незаконного возврата экспортной пошлины); 210 (хищение специальных квитанций); 211 (предусматривает совершение преступлений, указанных в статьях 201, 203, 204, 208, 209, организациями); 212 (особенности исполнения таких видов наказания, как штраф и конфискация имущества, применительно к настоящей главе) [4]. Таким образом, видовым объектом будет являться порядок сбора налогов.

Общественная опасность данных преступлений выражается в том, что предусмотренные в статьях деяния влекут с неизбежностью последствия в виде непоступления денежных средств в бюджет, что в первую очередь скажется на благосостоянии самых малообеспеченных слоев населения. По оценкам экспертов, Российская Федерация ежегодно из-за массового уклонения налогоплательщиков недополучает около 30% причитающихся платежей [5, с. 5–14].

Важно отметить, что субъектом ответственности по законодательству обеих стран может быть любое лицо, своими действиями или бездействиями причинившее ущерб государству.

Отметим, что российские нормы, предусматривающие уголовную ответственность за налоговые преступления, имеют следующие важные особенности. Отличаются менее строгими видами наказания, поскольку по законодательству РФ данная категория преступлений относится к категории преступлений средней тяжести, так как максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы; китайское же законодательство, на наш взгляд, очень строго, поскольку предусматривает наказание вплоть до бессрочного лишения свободы (ч. 4 ст. 205, ч. 4 ст. 206 УК КНР). Также стоит отметить, что до 2011 г. по данной категории дел в качестве высшей меры наказания предусматривалась смертная казнь, но фактически она не применялась и заменялась длительными сроками лишения свободы [3, с. 62–63].

Таким образом, можно судить о жесткости налоговой системы КНР и важности данного института для страны. В соответствии с примечаниями к статьям 198 и 199 УК РФ условиями освобождения от уголовной ответственности в РФ являются совершение преступления впервые и ликвидация налогоплательщиком задолженности по налогам, штрафам, пени [2, с. 12–16]. Китайское законодательство, напротив, не предусматривает подобного института.

Таким образом, российское законодательство по сравнению с китайским представляется нам более гуманным. Однако оказывает ли данный фактор положительное влияние на налоговую систему РФ? Нет. Обратим внимание на динамику налоговой преступности на примере статьи 198 УК РФ.

В конце прошлого столетия уголовно-правовая борьба с данными посягательствами приняла более-менее активный характер. Так, например, в 1997 г. было возбуждено 712 уголовных дел по статье 198 УК РФ (по всей стране), а уже в 2001 г. наблюдается заметный скачок правоприменительной деятельности — 6 789 дел, в 2002 г. — 4 972, в 2003 г. — 1 464, в 2004 г. после резких изменений в налоговых статьях УК — 2 783. В 2011 г. заметен очередной скачок — 8 682, в 2012 г. — 5 818 дел. В последние годы число зарегистрированных преступлений также заметно выросло: в 2015 г. — 9 041, в 2016 г. — 9 283 дел [7].

Данная динамика налоговой преступности, по мнению И. И. Кучерова, определяется изменениями в экономической жизни страны, рыночных отношений. С ростом числа предприятий, основывающихся на частной форме собственности, возникло определенное противоречие между интересами государства и общества, с одной стороны, и новыми собственниками — с другой.

Также еще одним критерием, по которому мы бы хотели сравнить данную категорию дел, является то, какими органами расследуются дела по неуплате налогов. В России из зарегистрированного в 2015 г. 9 041 дела подавляющее большинство — 7 944 дела — возбуждено и расследовано органами внутренних дел, 125 дел возбуждено и расследовано следователями Следственного управления Следственного комитета, 682 дела расследовано таможенными органами, органами Федеральной службы безопасности (далее ФСБ) — 63 дела. В 2016 г. 9 283 дела, 8106 дел возбуждено и расследовано органами внутренних дел, 97 дел — следователями Следственного комитета, 603 дела расследовано таможенными органами, органами ФСБ — 101 дело [7].

Проанализировав статистические данные, можно сделать вывод, что основную работу по выявлению и расследованию дел по неуплате налогов выполняют органы внутренних дел. Данное явление можно объяснить тем, что в основном преступления, связанные с неуплатой налогов, относятся к подследственности органов внутренних дел, а квалифицированные составы — к подследственности других правоохранительных органов.

Что же касается Китая, то там данная категория дел относится к подследственности органов общественной безопасности.

В целом налоговая преступность для России, по мнению А. М. Тимофеева, — явление относительно новое, так как в течение длительного периода основными налогоплательщиками являлись государственные предприятия, которые не были заинтересованы в уклонении от уплаты налогов. В КНР же данная проблема известна более долгий период.

П. В. Трошинский указывает, что уже с 1976 г. в КНР повсеместно возникали преступные группы, повысился уровень коррупции среди чиновников, появилась проблема ухода от налогов в крупных объемах и многое другое. Поэтому жесткость китайского законодателя также связана с давностью появления этой проблемы.

По данным налоговых органов, лишь 17% всех экономических субъектов, функционирующих в России, полностью и в срок рассчитываются по налоговым обязательствам, 50% производят платежи нерегулярно, а 33% не платят налоги [6, с. 14–15].

Масштабы налоговой преступности в России представляют реальную угрозу экономической безопасности государства, поскольку скрытые от налогообложения денежные средства не могут использоваться в качестве легальных финансовых источников в экономике.

В связи с этим мы считаем необходимым ужесточение налогового законодательства. Во-первых, отмена примечания к статье 198 УК РФ, во-вторых, увеличение санкций статей, в-третьих, криминализация ряда общественно вредных деяний в налоговой сфере, на наш взгляд, станут побуждать лицо заплатить налоги и все пени.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Семенова Н. Ф. Уголовная ответственность за налоговые преступления по законодательству зарубежных стран: компаративистский аспект // Власть. 2010. № 5. С. 12–16.
3. Пан Дунмэй. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2. С. 62–63.
4. Особенная часть Уголовного кодекса КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/#6> (дата обращения: 11.05.2017).
5. Кузнецов В. И. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2(14). С. 5–14.
6. Истомина П. А. Некоторые проблемы полноты собираемости налогов в современной России // Современное право. 2008. № 7. С. 14–15.
7. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2017).

Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с детьми по законодательству России и Монголии

© **А. Б. Батоболотов**

магистрант 2-го года обучения юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

borkhon94@mail.ru

Ситуация в России и Монголии по охране несовершеннолетних от жестокого обращения обострилась. Рост числа преступлений в этой сфере произошел как в России, так и в Монголии благодаря схожим криминологическим факторам: обострение социально-экономической ситуации, связанное с резким имущественным расслоением в обществе; пробелы в правовом регулировании охраны прав и свобод человека и т. п.

По Конституции России родители обязаны воспитывать своих детей. Вместе с тем уголовно-правовая охрана от невыполнения или неполного выполнения воспитательных функций родителями и иными лицами в России и в Монголии по вполне объяснимым причинам имеет существенные отличия, поскольку указанные страны достаточно заметно отличаются как по уровню экономического развития, так и по характеру исторических, культурных, правовых традиций, государственно-политического устройства. Указанное обстоятельство дает возможность, с одной стороны, провести сравнительное исследование уголовно-правовых норм защиты несовершеннолетних от жестокого обращения с детьми и в конечном итоге расширить знания об уголовно-правовой науке двух стран; с другой стороны, обозначить очевидные положительные и отрицательные стороны действующего российского и монгольского законодательства, что может указать на удачные правовые приемы при совершенствовании национальных правовых систем.

В УК РФ предусмотрена глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». По российскому уголовному законодательству жестокое обращение с детьми образует состав ст. 156 УК РФ, при этом действующий субъект преступления — специальный.

После объявления независимости в 1924 г. монгольское государство энергично работало над формированием уголовной политики в отношении несовершеннолетних, свидетельством этому — принятие четырех уголовных кодексов в первой половине прошлого века: в 1924, 1929, 1934, 1942 гг. Наиболее четко и полно уголовная политика Монголии в отношении несовершеннолетних как целенаправленная деятельность государства сложилась во второй половине XX в. Свое отражение она получила в УК Монгольской Народной Республики 1960 г., где были закреплены положения, соответствующие принципам гуманизации правоприменительного процесса в отношении несовершеннолетних, наполнение его содержания на основе важнейших принципов современной педагогики. Принятая в 1992 г. новая Конституция Монголии стала основным законодательным документом, обеспечивающим права человека и гражданина, в том числе ребенка. Ст. 19 Конституции Монголии гласит, что «интересы семьи, материнства, младенчества и детей защищаются государством».

При сравнении уголовного права Монголии и России выделяется сходство в правовом регулировании. В Конституции Монголии указано, что «Монголия, соблюдая общепризнанные нормы и принципы международного права, проводит миролюбивую внешнюю политику». В настоящее время Монголия присоединилась к 46 международным конвенциям о защите прав человека и ратифицировала международные конвенции, которые прямым или косвенным путем касаются защиты прав и законных интересов ребенка от преступления. Кроме того, Монголия приняла участие во Всемирной Венской конференции ООН по правам человека в 1993 г. и поддержала декларацию об имплементации национальных правовых актов о защите прав человека.

Статья 113.1 Особенной части УК Монголии предусматривает, что «эксплуатация человека с использованием насилия, шантажа применения силы, воровства, обмана, мошенничества, злоупотребления служебным положением, беспомощного состояния или других форм насилия, а также получение согласия другого лица путем дачи взятки, вербовка другого лица на преступление, торговлю людьми, перевозка, передача и укрывательство наказываются лишением свободы от 3 до 5 лет с конфискацией имущества», и этим определяется состав преступления. В примечании данной статьи термин «эксплуатация» расшифровывается как «насилованные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, рабства или удерживание в сходных условиях, принудительный труд, изъятие органов или тканей человека» и в части 2.3 постановления Верховного суда Монголии от 26 марта 2008 г. № 12 термин «эксплуатация» интерпретируется как «ограничение всех естественных прав человека, осуществление всех или некоторых имущественных или неимущественных прав на человеке», а термин «держать в сходных условиях рабства» объясняется как «запрещение или ограничение человеческих и естественных прав в связи с противоправными действиями некоторых религий, культов и традиций». В самом Уголовном кодексе Монголии предусмотрена статья 100:

1. Систематическое нанесение побоев или совершение иных действий, имеющих характер пыток, если они не повлекли последствий, указанных в статьях 96 и 98 настоящего Кодекса, наказываются лишением свободы на срок от 3 до 6 месяцев или лишением свободы на срок до 2 лет.

Таким образом, уголовное преследование за жестокое обращение носит более широкий характер, именно поэтому на основе рекомендации ООН 2004 г. был принят Закон о борьбе с семейным насилием, в 2007 г. была разработана и реализуется в Монголии Национальная программа по борьбе с семейным насилием. Монголия и Россия активно сотрудничают в вопросе профилактики преступлений, направленных против насилия, используемого при воспитании в семье, обмениваясь полученным опытом.

Так, в Монголии, как и в России, для полного раскрытия преступлений против несовершеннолетних, защиты несовершеннолетних потерпевших, избличения виновных, обеспечения правильного применения законодательства возможно введение системы ювенальной юстиции, только по разным вариантам, что объясняется разностью правового регулирования, менталитета.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) / СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. (ред. от 17 апреля 2017) № 63-ФЗ / СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс Монголии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.ru/university/departments> (дата обращения: 15.05.2017).

Правовое регулирование незаконного оборота наркотических средств в Китае и России: историко-правовой анализ

© *Е. Н. Будуннов*

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления»
г. Улан-Удэ, Россия
budunov.evgeniy@mail.ru*

До наступления XX в. в мире и обществе не существовало прямых запретов на использование наркотических средств, на их употребление и производство из наркотических средств различных веществ. Дурманящие «зелья» истари входили в культурную традицию многих стран мира, а на Африканском континенте наркотические товары и по сей день остаются неотъемлемым элементом ритуалов и обрядов. Однако не всякий обычай имеет право на существование в цивилизованном обществе, и тезис об опасности наркомании и необходимости борьбы с ней вряд ли нуждается в доказательствах.

Распространенность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, требует постоянного совершенствования деятельности правоохранительных органов и законодательства.

В данной связи следует обратить внимание на опыт зарубежных государств, которые, столкнувшись с проблемой незаконного оборота наркотиков, разрабатывали и внедряли на своих территориях комплекс мер по борьбе с наркоугрозой.

В эпоху развивающихся отношений с западными державами — в середине девятнадцатого века — Япония принимает решение идти по собственному пути, вступив в контакт с наркотрафиком как способом реализации императорской власти. С момента аннексии Тайваня в 1895 г. до конца Второй мировой войны в 1945 г. опиум и наркотики были широко распространены на территориях Азии, находящихся под японским контролем.

Таким образом, в начале XX в. правительство Китая столкнулось с серьезными проблемами, связанными с оборотом опиума в стране, и им не были предприняты какие-либо шаги к уменьшению потребления и распространения опиума. Курение наркотиков на территории Китая стало нормой и не вызывало никакого недовольства ни со стороны правительства, ни со стороны местных жителей.

Под давлением иностранных государств в 1906 г. правительство Китая было вынуждено принять решение об уменьшении производства опиума, также было поставлено под контроль его распределение и потребление среди населения. 20 сентября 1906 г. в Китае издается Императорский указ о запрете использования опиума в течение 10 лет [6, с. 98].

Все же находились и те, кто данные запреты нарушал, однако производство было трудно замаскировать или скрыть. Крестьяне, как правило, выращивали опийный мак незаконно, поэтому их легко было разыскать. Но на некоторых территориях Китая не удавалось в полной мере прекратить производство опийного мака, неоднократно вводились войска в несколько провинций с целью его искоренения.

В ходе Уханьского восстания 1911 г. началась Синьхайская революция в результате которой была свергнута с правления императорская династия Цин и провозглашена революция [2, с. 87].

Новый республиканский режим предпринял попытку восстановить импульс прежней кампании по истреблению опиума. Программа работала продолжительное время и после смерти Юань Шикая.

Отказы и ошибки в выполнении программы, которые были уже замечены при правлении Юань Шикая [8, с. 102], стали все более и более печально известными с конца 1916–1918 гг. В результате чего все успехи реформы по борьбе с опиумом, достигнутые в течение периода с 1907 по 1916 г., были полностью уничтожены.

К 1926 г. культивирование мака в Китае стало вновь столь же вездесущим, как это было до 1906 г.

Лидер китайской антимоноархической революции 1911–1913 гг. Сунь Ятсен, избранный 29 декабря 1911 г. временным президентом Китайской Республики, издал указ о запрете производства и курения опиума.

С 1906 до 1916 г. государство предприняло серьезное усилие по борьбе с оборотом опиума в Китае, обращаясь к определенной литературе и издавая законодательные акты.

С начала XVIII в., во время развития в России государственного устройства, стали появляться многочисленные торговые пути между государствами. В результате устойчивых торговых отношений с Китайской империей на территорию России стали приезжать китайские граждане и привозить с собой опиум. Как раз-таки на тот период приходится всплеск опийной и кокаиновой зависимости в Российской империи, с этим пришло и понимание серьезности угрозы наркозависимости.

Основные функции по пресечению распространения наркотических средств возлагались на таможенно, обязанностью которых было не допускать ввоз наркотических веществ на территорию России. Специальных отделов и служб по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств в Российской империи не существовало.

В дореволюционной России опиум воспринимался большей частью общества как медицинский препарат, а случаи наркозависимости квалифицировались как душевная болезнь либо как отравление. Такое положение существенно изменилось, когда правительство взяло курс на борьбу с пьянством в 1913–1915 гг.

Газеты с тревогой пишут о массовой переориентации пьяниц с алкогольной «дури» на наркотическую: «ханка, политура, одеколон, — ничто перед такую страшную опасностью, которая надвигается с востока в

образе опия». По сведениям иркутских газет, «в городе и в глазовском предместье произведены массовые обыски, во время которых найдены громадные запасы опиума. Есть арестованные. По сведениям из Бодайбо, в районе Ленских приисков появились курильщики опия. Курение начало быстро прививаться и завоевывать популярность среди приискателей и приняло массовый размер» [9].

Примерно в эти годы в Китае было запрещено производство опия, и его китайские производители перебрались в соседнюю Россию. Газета «Правительственный вестник» сообщает, что если в 1910 г. в Приамурье было зарегистрировано 306 десятин посевов мака, то в 1913 г. уже 3 933 десятины. Не только произведенный опиум вывозился в Китай, но практика аренды земель под опиумный мак начала широко распространяться по России: «...прельщаясь высокой арендной платой, крестьянское и казачье население сдает в аренду китайцам лучшие земли... с хорошими всходами, перепаханными под посевы мака».

Уже 17 июня 1915 г. «Собрание Указаний и Распоряжений Правительства» опубликовало «Высочайше утвержденные Положения Совета Министров: О мерах борьбы с опиекурением», которые имели ярко выраженный запретительный характер. В ответ возникла реальная угроза распространения опиума по всей стране и захвата всех сфер его производства и распространения криминалом.

К сожалению, из-за войны, по мнению Николая Второго, «всякие внутренние реформы должны быть отложены до окончания боевых действий», и из-за событий 1917 г. «Положения о мерах борьбы с опиекурением» не получили дальнейшего развития, но борьба с наркотическими средствами все-таки продолжилась после Февральской революции.

Принятие Постановления ЦИК и СНК от 23 мая 1928 г. и ВЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г. послужило началом для создания новых мер по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Данное постановление запретило сеять опийный мак и коноплю на территории Советского Союза, кроме посевов, которые были созданы государством для медицинских целей.

29 января 1936 г. СССР присоединился к Международной конвенции о наркотических средствах 1925 г., данной конвенцией были определены правила, предъявляемые к продаже, ввозу, вывозу и применению наркотических средств, в зависимости от научной или медицинской необходимости каждого государства.

Несмотря на все предпринятые меры, первые годы существования СССР не удалось существенным образом сократить потребление наркотиков в стране, но удавалось сохранить эту проблему в определенных рамках, при которых она еще не представляла серьезной угрозы для безопасности населения.

После успешной победы над войсками генералиссимуса Чан Кайши и провозглашения 1 октября 1949 г. образования Китайской Народной Республики Мао Цзэдун фактически стал лидером страны и при его жестком правлении завершилось разложение китайской нации.

Согласно его высказываниям: «новый Китай избавится от всех “капиталистических” и “феодалных”, культурных элементов старого Китая», что собственно и произошло. Главной целью Мао Цзэдуна стало искоренение опиума, и она стала воплощаться в жизнь с 1949 г. [8, с. 19].

Характерно, что одним из первых нормативных документов образованного в октябре 1949 г. нового китайского государства стал циркуляр Центрального народного правительственного совета от 24 февраля 1950 г. «О строгом запрещении опиума и других наркотиков». Продавцы тем самым лишались гигантского рынка сбыта в самой населенной стране мира. В Гуйчжоу были закрыты опийные притоны, наркоманы реабилитированы, заводы мака разрушены, торговцы наркотиками арестованы. Проводилось много открытых судебных процессов, и много крупномасштабных наркодилеров было казнено.

Благодаря проведению последовательной суровой политики по отношению к сбытчикам наркотиков и наркоманам через 30 лет международное экспертное сообщество признало Китай «страной без наркотиков».

Примерно в то же время состоялось принятие основ уголовного законодательства СССР 1958 г. и третьего УК РСФСР 1960 г., которые без преувеличения можно считать новым этапом в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что рассмотренные нормы стали своеобразной основой современного уголовного законодательства, направленного на борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

При подготовке первого в истории КНР Уголовного кодекса 1979 г. китайский законодатель исходил из того, что с наркоманией как массовым явлением в стране практически покончено. Тем не менее в уголовном законе все же закрепили ответственность за незаконное производство, торговлю, перевозку наркотиков (ст. 171 УК КНР).

Китай оставался страной, свободной от наркотиков вплоть до конца 70-х гг. XX в., когда курс «реформ и открытости» привел к созданию условий, приведших к превращению Китая в транзитный пункт транспортировки наркотиков из региона «Золотого треугольника» (Таиланд, Мьянма, Лаос). Как следствие, и в самой стране стало стремительно расти число наркозависимых и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ.

Последующая после смерти «великого кормчего» и ареста основных инициаторов разрушительной «великой культурной революции» политика реформ и открытости (декабрь 1978 г.) привела к бурному экономическому росту Китая. Страну захлестнул рост преступности, включая незаконное распространение наркотиков.

Принятое в марте 1982 г. решение о принятии Постановления об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные хозяйственные преступления, вносило изменения в статью 171. Отныне в ее санкциях за торговлю наркотиками допускались также лишение свободы на срок десять и более лет, пожизненное

лишение свободы и смертная казнь. 28 декабря 1990 г. на 17-м заседании ПК ВСНП седьмого созыва было принято Постановление о запрете наркотиков, с тем чтобы обеспечить правовую основу для «беспощадного подавления наркопреступности» [1, с. 10].

В отдельную статью выделено культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 351 УК КНР). При переводе использовано слово «культивирование» в качестве родового понятия, включающего и посев, и выращивание растений. В этом смысле налицо определенная нестыковка со статьей 231 УК РФ, в которой понятие «культивирование» поставлено в один ряд с «посевом» и «выращиванием» наркосодержащих растений. Представляется, что правы авторы «Комментария к УК РФ», полагающие, что российский законодатель исходил из переносного значения слова «культивирование». В пользу применения именно этого понятия в указанном значении при переводе УК КНР следует рассматривать и положения статьи 352 — незаконные торговля, перевозка, переноска, хранение жизнеспособных семян или рассады опийного мака или других растений, содержащих наркотические вещества. Китайский законодатель закрепляет уголовную ответственность за различные операции как с уже произведенными, так и с потенциальными наркотиками, но лишь в одной статье зафиксированы наказания за непосредственный процесс возделывания наркосодержащих растений, обработку, рыхление почвы и др.

Широко представлен круг преступных деяний по оказанию содействия наркодельцам: выгораживание преступников, занимавшихся контрабандой, торговлей, перевозкой, производством наркотиков, укрывательство, перемещение, утаивание их наркотиков или преступных доходов, а также прикрытие, выгораживание указанных преступников работниками по борьбе с наркопреступностью или другими работниками государственных органов (ст. 349). Одновременно в статьях 353–355 очевидно стремление законодателя к предотвращению распространения наркомании в стране.

На современном этапе в УК РФ внесены существенные изменения в нормы, устанавливающие ответственность за деяния с наркотиками. При этом была выдержана основная концепция борьбы с наркоманией: ужесточение наказания за наиболее опасные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и смягчение ответственности за менее серьезные преступления. Действующее законодательство не предусматривает уголовную ответственность за употребление наркотических средств, однако в этом случае виновный может быть привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере от 500 до 1000 рублей либо в виде административного ареста на срок до 15 суток (ст. 6.9 КоАП РФ). Для установления факта употребления наркотических средств необходимо провести медицинское освидетельствование на факт употребления наркотиков либо тестирование с положительным результатом.

Закон предусматривает уголовную ответственность также за незаконные приобретение, хранение, изготовление наркотиков. В отличие от сбыта наркотиков, по которому минимальный размер сбываемых наркотиков не установлен, количество приобретенного или хранящегося наркотика должно превышать определенный размер.

Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ установлена в девяти статьях УК РФ. Важное значение имеет статья 82.1 УК РФ, в ней сказано, что осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медико-социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

Существенным дополнением к уголовно-правовым мерам борьбы с наркоманией, содержащимся в УК РФ, является примечание к ст. 228 УК РФ, которым предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности при незаконных действиях с наркотиками. В соответствии с ним лицо, добровольно сдавшее наркотические средства или психотропные вещества и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с их незаконным оборотом, изобличению лиц, их совершавших, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. Эта норма обладает значительной профилактической направленностью, стимулируя деятельное раскаяние лиц, совершивших незаконные действия.

В заключении важно отметить, что в момент, когда в СССР стали появляться наркотические вещества, начали также создаваться различные распоряжения, декреты, постановления, которые осуществляли регулирование данной сферы, были созданы государственные органы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Но вопреки всему этому потребление наркотиков среди населения с каждым годом неуклонно росло. Учитывая актуальность данного вопроса в современном мире опыт его решения правительством Китая можно перенести на настоящую ситуацию в мире.

Литература

1. Анисимов Л. Н. Наркотики: правовой режим: международно-правовые проблемы регулирования производства, применения и распространения наркотических и психотропных веществ. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 10 с.
2. Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции. 1911–1913: учеб. пособие. М., 2001.
3. Международная опиумная конвенция от 23 января 1912 г.
4. Панов В. П. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993. 39 с.

5. Попова Е. И. К вопросу об ускорении судебного разбирательства в уголовном процессе Китая и России // Современное право. 2010. № 12. С. 160–164.
6. Тимоти Брук, Роб Тадаши Вакабаяши. Китай, Великобритания и Япония. 1839–1952. Лос-Анджелес, Лондон, 2000.
7. Усов В. Н. Последний император Китая Пу И (1906–1967). Жизнь и судьба. М.: Олма-пресс, 2003.
8. Юн Дэвид. Движения народных масс в Китае. Париж: Высшая школа социальных наук, 1982.
9. К 90-летию Указа Императора Николая II «О мерах борьбы с опекуреннием» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/k-90-letiyu-ukaza-imperatora-nikolaya-ii-o-merah-borby> (дата обращения: 15.05.2017).
10. Гармаев Ю. П. Выявление должностных преступлений в таможенных органах // Законность. 1997. № 6. С. 22–23.
11. Попова Е. И. Взаимодействие следователя и работников прокуратуры по уголовным делам с перспективой рассмотрения судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) // Российский следователь. 2015. № 19. С. 25–29.
12. Попова Е. И., Гулина А. В. Организационно-правовые основы органов внутренних дел // Современные проблемы теории и практики глазами молодых исследователей: материалы X Всерос. молодежной науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Шаралдаевой. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. С. 202–205.

К вопросу о роли Японии в развитии системы наказаний в уголовном законодательстве Республики Корея

*© Д. А. Добряков
аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
den-dobryakov@yandex.ru*

Современная система наказаний по Уголовному закону Республики Корея (형법; далее — УК Республики Корея) состоит из 9 видов наказаний, а именно: из смертной казни, каторжных работ, лишения свободы, лишения прав, приостановления прав, штрафа, ареста, малого штрафа и конфискации имущества (ст. 41 УК Республики Корея). Наказания в системе расположены в порядке убывания строгости, среди них выделяются основные и дополнительные виды (но их разделение достаточно сложное и не следует из одних лишь норм Общей части закона).

Здесь уместно упомянуть суровость корейского уголовного законодательства [3, с. 198], состоящего из базового УК Республики Корея и множества специальных законов (например, Военно-уголовного закона Республики Корея (군형법) и Закона о национальной безопасности (국가보안법), а также множества других), среди которых в одном только УК Республики Корея смертная казнь предусмотрена в 17 статьях Особенной части, пожизненные каторжные работы — в 11 статьях, а каторжные работы на определенный срок — более чем в 200 статьях. Однако нельзя не отметить, что подобная жестокость материального уголовного права в Республике Корея отчасти компенсируется мораторием на исполнение смертной казни и достаточно гуманным исполнением остальных видов наказаний.

В существующей ныне системе наказаний и самом Уголовном законе 1953 г. нашел отражение ряд факторов, среди которых собственная древняя культурная традиция Кореи занимает, пожалуй, отнюдь не доминирующее положение. Одним из важнейших факторов следует, как представляется, считать японское влияние — почти полвека Корея была в той или иной форме подчинена Японской империи, хотя история «тесных контактов» с этим государством насчитывает не одну сотню лет.

С конца XIX в. по 1905 г. влияние носило в первую очередь экономический характер. Взаимодействие двух стран в этот период достаточно ярко характеризуют следующие примеры. Япония в огромных объемах вывозила из Кореи сельскохозяйственную продукцию (до 88% импорта на долю Японии и Китая), что, вкупе с плохими урожаями, привело в 1889 г. к голоду в провинциях Хамген и Хванхэ; население подняло восстание и корейское правительство, пойдя на уступки восставшим, запретило вывоз зерновых культур из страны, однако тут же вынуждено было этот запрет снять — Япония пригрозила военным вторжением. И в том же году один из японских банков получил право на сбор налогов в открытых портах Кореи за предоставление правительству займа [1, с. 345–346]. Хотя экономическая экспансия находится с уголовно-правовыми нормами в косвенной связи, столь агрессивные ее проявления позволяют получить представление об отношении японского государства к Корее, что важно для понимания последующих событий.

В 1905 г. японское правительство вынудило императора Кореи Коджона (고종) подписать договор о протекторате, в соответствии с которым в Сеуле было создано генерал-резиденство, а корейское правительство лишалось права на ведение самостоятельной внешней политики [4, с. 121]. Этот договор положил начало второму периоду японского владычества, когда экспансия вышла далеко за рамки экономики. В частности, япон-

ские «представители» инициировали обновление уголовного законодательства Кореи, что привело к принятию в 1905 г. первого кодифицированного уголовного закона, составленного на основе старого китайского законодательства и японского Уголовного кодекса 1882 г., являвшегося, в свою очередь, проекцией французского кодекса 1811 г. [5, с. 275].

Третий период можно условно ограничить подписанием очередного неравноправного договора с последующей аннексией Кореи в 1910 г. («Его величество Император Японии и Его величество Император Кореи, имея в виду особые и близкие отношения между их странами, желая содействовать общему благу двух народов и гарантировать незыблемый мир на Востоке ...убеждены в том, что эти цели могут быть наилучшим образом достигнуты посредством аннексии Кореи Японской империей...» [6, с. 246]) и поражением Японии во Второй мировой войне в 1945 г. В это время произошло полное подчинение Кореи Японской империи, превратившее формально суверенное государство в колонию, во главе которой стоял назначенный из Токио генерал-губернатор. Корея утратила не только национальный суверенитет, но и, что закономерно, суверенитет право-вой, в связи с чем в 1913 г. на территорию генерал-губернаторства было распространено действие нового японского Уголовного кодекса, принятого в 1907 г. (Закон № 45 от 24 апреля 1907 г.) на основе УК Германии 1871 г. [5, с. 275]. И лишь в 1953 г. на смену этому кодексу был принят новый УК Республики Корея, то есть даже после обретения независимости в Корею на протяжении ряда лет сохраняло силу японское законодательство.

Итак, с 1953 г. (с 3 октября) в Республике Корея существует свой суверенный уголовный закон. Он был принят в правление первого Президента Республики Корея Ли Сын Мана (이승만) на фоне недавно завершившейся войны с северным соседом (Корейской Народно-Демократической Республикой — КНДР), которой предшествовал раскол страны на северную (коммунистическую) и южную (антикоммунистическую) части в 1945–1948 гг. Война и авторитарный характер власти первого президента отразились как на достаточно жестких уголовно-репрессивных мерах, сохранившихся в системе наказаний (смертная казнь, каторжные работы и т. д.), так и на структуре Особенной части УК Республики Корея, где на первый план помещены преступления, связанные с мятежом и иностранной агрессией (главы 1 и 2 Особенной части, ст. 87–103; в то же время преступления, связанные с лишением человека жизни, содержатся в главе 24, ст. 250–256, что символически свидетельствует о распределении приоритета соответствующих объектов уголовно-правовой защиты), притом эти преступления описаны в законе весьма разнообразно и детализировано.

Тем не менее при сравнении корейского и японского уголовных законов (кодексов) может возникнуть впечатление, что система и виды наказаний в них практически тождественны. Действительно, системы наказаний выстроены единообразно от наиболее строгого вида наказания к наиболее мягкому (ст. 41, 50 УК Республики Корея и ст. 9, 10 УК Японии), выделяются основные и дополнительные виды наказаний, притом дополнительным в Общей части обоих законов называется одно наказание — конфискация имущества, а бессрочное лишение свободы является более суровым наказанием, чем каторжные работы на определенный срок (ч. 1 ст. 50 УК Республики Корея и ст. 10 УК Японии) и т. д.

Но вместе с тем существуют и значимые различия. Во-первых, УК Республики Корея имеет два самостоятельных и в определенной степени самобытных (по крайней мере, не имеющих японского происхождения) вида наказания — лишение прав (п. 4 ст. 41) и приостановление прав (п. 5 ст. 41). Эти наказания близки российскому наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (п. «б» ст. 44, 47 УК РФ) и одновременно напоминают, хотя и достаточно отдаленно, институт судимости. В ч. 1 ст. 43 УК Республики Корея устанавливаются четыре права, которых лицо может быть лишено либо действие которых может быть приостановлено: право становиться государственным служащим (п. 1); активное и пассивное избирательное право (п. 2); право на определенные виды деятельности (п. 3); право возглавлять юридическое лицо, становиться аудитором или управляющим юридического лица, быть инспектором или куратором деятельности юридического лица (п. 4). При этом лицо лишается всех четырех прав, тогда как приостановлены могут быть только первые три.

Во-вторых, отличается разделение видов наказаний на основные и дополнительные. Если японский законодатель устанавливает дополнительный характер только для конфискации имущества (ст. 9 УК Японии), то южнокорейский законодатель, вроде бы сделав точно так же (ст. 49 УК Республики Корея), в ряде статей закона устанавливает дополнительный или смешанный характер некоторых наказаний. Так, исключительно дополнительным наказанием является, помимо конфискации, лишение прав (ч. 1 ст. 43 УК Республики Корея), всегда сопутствующее основным наказаниям в виде смертной казни (из-за моратория на исполнение данного вида наказания это не является самоочевидным), пожизненных каторжных работ и пожизненного лишения свободы. Интересно, что «автоматический характер» лишения прав является характерной чертой уголовно-правовых систем, испытавших влияние французского законодательства [2, с. 332]. Выступать в смешанном качестве (т. е. быть как основным, так и дополнительным наказанием) могут, в частности, приостановление прав и штраф (ч. 2 ст. 43 УК Республики Корея, а также за отдельные категории преступлений, предусмотренные в ст. 204, 209, 220, 237, 256, 265, 282, 345, 353, 358, 363 и др.).

В-третьих, законодатели двух стран по-разному подошли к соотношению строгости каторжных работ и лишения свободы. В УК Японии содержится норма, согласно которой лишение свободы на определенный срок будет более строгим наказанием, чем каторжные работы (т. е. нарушит порядок, установленный в системе наказаний), при том условии, что срок лишения свободы будет вдвое больше срока каторжных работ (ст. 10). Южнокорейский же законодатель фактически уравнивал строгость каторжных работ и лишения свободы — лишение свободы считается более строгим наказанием, если его срок превышает срок каторжных работ, т. е. здесь не

имеет значения кратность или иные пропорции, важен лишь сам факт превышения срока (ч. 1 ст. 50 УК Республики Корея).

В-четвертых, отличаются размеры наказаний и некоторые другие измеряемые значения (без учета a priori разных сумм штрафов). УК Японии устанавливает предельный срок каторжных работ и лишения свободы до 20 лет (ст. 12, 13), также предусмотрел возможность его увеличения при наличии отягчающих обстоятельств до 30 лет (ч. 2 ст. 14). УК Республики Корея устанавливает более высокий максимальный срок для данных наказаний —

30 и 50 лет при наличии отягчающих обстоятельств (ст. 42). Кроме того, в законодательстве обеих стран присутствует норма, согласно которой невыплаченный штраф (как обычный, так и малый) может быть заменен заключением с отбытием трудовой повинности (ст. 70, 71 УК Республики Корея и ст. 18 УК Японии). Японский законодатель установил период заключения от одного дня до двух лет, тогда как южнокорейский законодатель изначально вовсе оставил срок исполнения данной уголовно-правовой меры (노역장유치) на усмотрение суда и лишь в редакции закона от 14 мая 2014 г. установил предельный срок заключения в 1000 дней (если сумма штрафа превышает 5 млрд вон; ч. 2 ст. 70 УК Республики Корея).

Таким образом, влияние Японии на развитие южнокорейской (и на более раннем этапе истории — всей корейской) уголовно-правовой мысли было велико, и не будет преувеличением отметить, что оно сохраняется до настоящего времени. Представляется некорректным оценивать данное влияние с позиций «хорошо» и «плохо», вместо чего следует указать на заметную роль Японии в рецепции норм европейского (французского и германского) права, а также повышении уровня юридической техники, выразившейся в кодификации корейского законодательства.

Литература

1. История Кореи (с древнейших времен до наших дней) / ред. Ю. В. Ванин. М.: Наука, 1974. Т. 1.
2. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография. М.: Юрлитинформ, 2009.
3. Ким Г. Н. Республика Корея: справочник. Алматы: Дайк-Пресс, 2010.
4. Син Хенсик. История Кореи (крат. популяр. очерк) / пер. Л. А. Петрова. М., 2008.
5. Paul Kichyun Ryu, New Korean Criminal Code of October 3, 1953. An Analysis of Ideologies Embedded-init, The, 48 // J. Crim. L. Criminology & Police Sci. (1957–1958).
6. Text of the Treaty of Annexation between Korea and Japan, signed August 22, 1910 // The Advocate of Peace. 1910. Vol. 72. Nov.

Коллизии права при обеспечении государственной безопасности стран Азиатско-Тихоокеанского региона

© Е. А. Доржиева

студентка 3-го курса юридического факультета
Московского технологического университета

г. Москва, Россия

elena_dorzheva@bk.ru

Национальная безопасность является состоянием защиты человека, общества и государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются конституционные права и свободы граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность страны [3].

Главной проблемой национальной безопасности в XXI в. является терроризм. Чем чаще происходят террористические атаки, тем более высокий уровень безопасности требуется. В мире, где можно на расстоянии управлять терактами, необходим более сильный контроль тех сфер, которые упрощают деятельность террористов, — сотовые телефоны, интернет, электронные сообщения. С этой целью правительства многих стран ужесточают не только наблюдение, но и сами законы, которые призваны бороться с терроризмом.

Наблюдение обеспечивает безопасность страны и защиты граждан. Камеры наблюдения позволяют раскрыть и предотвратить колоссальное количество преступлений. К примеру, за 2016 г. в Москве почти 70% преступлений было раскрыто с помощью городской системы видеонаблюдения [21]. Без мониторинга коммуникаций и деятельности крайне подозрительных лиц государственные программы безопасности не смогут оценить степень серьезности угроз.

Однако сбор и хранение данных обычных граждан и абсолютная возможность спецслужб взломать любого невиновного гражданина ставят под сомнение необходимость такой усиленной слежки, которая изначально была призвана защитить граждан от преступников и терроризма, но на деле оборачивается против них — все более ущемляют личную свободу и право на неприкосновенность частной жизни, являющейся неотъемлемым правом каждого человека.

После событий 11 сентября 2001 г. правительство США пришло к выводу, что закон не поспевает за технологиями. Была выработана программа наблюдения за террористами, которая изначально должна была перехватывать коммуникации Аль-Каиды. Однако затем данная программа стала распространяться на простых граждан с целью регистрации и выявления террористов среди арабских и мусульманских иностранных граждан в США. Более 80 000 должны были пройти регистрацию, более 13 000 находились в процессе депортации и более 5 000

человек находились в предварительном заключении [26]. В итоге не было выявлено ни одного террориста, тем не менее данная программа стала самой агрессивной национальной компанией этнического профилирования со времен Второй мировой войны.

Из рассекреченных данных, полученных в 2013 г. от Эдварда Сноудена, весь мир узнал о том, что правительства США и Великобритании ведут всеобъемлющую слежку за гражданами не только своего государства, но и граждан других стран, таких как Китай и Япония [17]. Перехват коммуникаций, в том числе частных, ведется, невзирая на то, что речь идет о невинных людях [29]. Слежка затрагивает все виды связи — электронная почта, прослушивание голосовых и видеосообщений, просмотр фотографий, видео, пересылаемых файлов, отслеживание физического перемещения абонента.

Защитники данных мер наблюдения аргументируют это высказыванием «если вам нечего скрывать, вам нечего бояться» [15]. Однако этот аргумент построен на ложном предположении, приватность — это не утаивание чего-либо плохого, приватность — это неотъемлемое право человека на поддержание условий жизни с достоинством и уважением [1]. Свобода требует безопасности частной жизни без вторжений [12].

Вместо того, чтобы сосредоточиться на преступниках, правительства все чаще занимаются усиленной слежкой за бесчисленным количеством людей во всем мире. Наоборот, каждый недавний успех Агентства национальной безопасности (далее — АНБ) исходил из обычного целевого наблюдения. К примеру, один из террористов Бостонского марафона уже был под наблюдением Федерального бюро расследования (далее — ФБР). Среди примеров недавних событий — теракт на рождественском базаре в Германии 19 декабря 2016 г. До совершения теракта гражданин по фамилии Амри, уроженец Туниса, ранее пытался установить контакты с террористическими группировками, подозревался в подготовке преступлений против государственной безопасности, но в ходе слежки спецслужбам Германии не удалось обнаружить никаких указаний на возможную подготовку теракта, в связи с чем с сентября 2016 г. слежка за Амри, согласно закону, была приостановлена, и Амри исчез из поля зрения правоохранителей. Марокканские спецслужбы также дважды предупреждали спецслужбы Германии о связях Амри с «Исламским государством» и его готовности к совершению теракта. Однако германские спецслужбы не обратили внимания на эти предупреждения [23].

Защищая необходимость тотальной слежки, правительство США аргументирует это тем, что если бы до 11 сентября была возможность всеобъемлющего наблюдения, то теракт можно было предотвратить [19]. Тем не менее американские спецслужбы были неоднократно проинформированы о возможных атаках Усамы бен Ладена за несколько месяцев до терактов 11 сентября. Сообщения поступали с весны 2001 г. и продолжались до лета, в которых содержалась информация о существовании и развитии планов бен Ладена [27].

Эти примеры свидетельствуют о том, что государству требуется не больше информации и контролирования средств связи, а необходимость в более эффективных способах анализа и использования уже существующей информации, проверки, быстрого реагирования и обмена информации внутри органов на поступающие сообщения о возможных терактах.

Наблюдение за всеми гражданами не дает явных результатов в борьбе с терроризмом. Возможно, данные программы используются редко и с благими намерениями, однако всеобъемлющее государственное наблюдение не создает более безопасные условия жизни для людей, а создает атмосферу угнетения и недоверия граждан к государству, трансформирует образ государства в полицейское. Так, в 2013 г. в США, Германии и Великобритании и других странах пронеслась волна протестов в защиту неприкосновенности частной жизни [22]. В частности, в США демонстрации сопровождался лозунгом «Восстановите четвертую!», подразумевая четвертую поправку к Конституции США [4]. Данная поправка запрещает необоснованные обыски, досмотры и изъятия документов и личного имущества американцев. Это является коллизией норм права, с одной стороны, постановление секретного суда FISA, который курирует национальные видеонаблюдения, и с другой — нормы Конституции США. Впоследствии постановления секретного суда были признаны Апелляционным судом США незаконными [19].

Также в 2016 г. ФБР обратилось к Apple, для того чтобы компания разработала программу для отключения шифрования телефона террориста. Компания отказалась, так как это навсегда ослабит конфиденциальность людей по всему миру [5]. Через некоторое время ФБР признало, что данная программа для отключения шифрования им не потребовалась, они взломали телефон террориста без нее [6]. Это ставит под сомнение доверие к спецслужбам в вопросе о конфиденциальности и безопасности.

Ужесточились и законодательные способы борьбы с терроризмом. Созданные законы позволяют применять правовые антитеррористические нормы в борьбе с другими преступлениями и действовать более агрессивно в сферах, не относящихся к терроризму. Примером данной тенденции могут послужить события, которые произошли после терактов в Париже в 2015 г. — Франция расширила действия антитеррористических законов, уполномочив правоохранительные органы проводить обыск и помещать под домашний арест тех лиц, поведение которых угрожает безопасности или общественному порядку [18]. Однако по прошествии некоторого времени эти законы были применены нецелесообразно — для подавления протестов против изменения климата [18]. Правительства многих стран, таких как Турция, Испания, Венгрия, Польша, в том числе Россия, ввели строгие законы в отношении свободы собраний и слова [8]. Пакет антитеррористических законов депутата Государственной думы Ирины Яровой вызвал критику в России и за ее пределами в вопросе о хранении данных именно из-за своей затратной и нереалистичной реализации, а также в вопросе получения данных гражданина без запроса в суд [11]. Это является коллизией права по отношению к Конституции РФ, поскольку ч. 2 ст. 23 Конституции гласит: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграф-

ных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Пакет Яровой прямо нарушает право на неприкосновенность частной жизни, допуская проводить осмотр и выемку без судебного постановления.

Авторитарные государства ограничивают доступ к интернету и активно используют социальные сети для преследования критиков. В ежегодном отчете о свободе в интернете организация Freedom House констатировала, что ситуация с интернет-свободами в мире ухудшается [7].

Проблемой существующего мониторинга также является неверное интерпретирование информации, полученной в ходе наблюдения в социальных сетях, — это высказывания, комментарии, репосты или сатирические шутки, которые пользователи социальных сетей оставляют у себя на страницах или блогах. Они могут не нести выраженного призыва к противоправным действиям или оскорблению кого-либо, однако могут послужить поводом для допроса в правоохранительных органах или обыска [10].

Хранение интернет-данных и наблюдение являются необходимой мерой по обеспечению национальной безопасности, тем не менее не должны нести несправедливые последствия для невиновных. Тенденция такова, что из-за созданной программы в США и Великобритании другие страны, относящиеся к Азиатско-Тихоокеанскому региону (далее — АТР), такие как Россия, Китай и Япония, не пытаются учиться на ошибках коллег, а применяют эти технологии на практике уже сегодня [20]. К примеру, не так давно Эдвард Сноуден сообщил о том, что программы слежки существуют также у Японии, которая в 2013 г. получила от США доступ к программе отслеживания интернет-активности [16].

Невозможно ставить на весы два базовых права человека, право на безопасность и право на неприкосновенность частной жизни, поскольку они необходимы человеку всецело, без уменьшения одного права ради другого. Государства должны исходить из принципа пропорциональности, создание программ для входа в миллионы телефонов — это не то же самое, что обыск одного дома. В большинстве стран АТР закон уже допускает широкий спектр действий, в том числе целевое наблюдение. Чтобы воспользоваться всеми преимуществами имеющегося потенциала системы национальной безопасности, нам необходимы международная кооперация и более эффективная политика в области безопасности во внешней политике, лучшее применение нынешних законов вместо создания новых и более жестоких законов, которые подрывают нашу свободу.

Исходя из вышеизложенного, следует определить конкретные меры во избежание нарушения права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальности:

- 1) хранение и сбор информации и метаданных за лицами, в отношении которых имеется ориентирующая информация о готовящемся преступлении;
- 2) для получения полного доступа к данным всех видов связи подозреваемого и его отслеживания обязательно судебное решение, на основании которого будут проведены оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия;
- 3) необходимы эффективные способы анализа и использования уже существующей информации, хранящейся на различных носителях, а также информации, находящейся в общем доступе, которая запрещает вмешательство в частную жизнь. Для тщательного наблюдения необходим штат сотрудников, осуществляющих мониторинг данных каналов информации.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН. Ст. 12.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с поправками от 21.07.2014. № 11-ФКЗ). Ст.23.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015. № 683. Ст.6.
4. Билль о правах (ратифицирован 15 декабря 1791 г.). Поправка IV.
5. Apple Inc. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apple.com/customer-letter> (дата обращения: 16.04.2017).
6. Cable News Network. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://money.cnn.com/2016/03/28/news/companies/fbi-apple-iphone-case-cracked> (дата обращения: 11.04.2017).
7. Freedom House. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2016> (дата обращения: 11.04.2017).
8. Index on Censorship. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indexoncensorship.org/2013/03/the-formidable-voices-of-the-plazas> (дата обращения: 26.04.2017).
9. Mappingmediafreedom. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://mappingmediafreedom.org/#/2044> (дата обращения: 11.04.2017).
10. Meduza. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/03/21/reposty-ot-politsii-layki-ot-fsb> (дата обращения: 11.04.2017).
11. Meduza. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/13/zakon-yarovoy-prinyat-bolshe-polugoda-nazad-kak-on-rabotaet> (дата обращения: 11.04.2017).
12. Oxford University Press. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/privacy> (дата обращения: 22.04.2017).
13. Reuters. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-climatechange-summit-france-activists-idUSKBN0TH0DW20151128> (дата обращения: 04.04.2017).

14. Telegraph.2017[Электронныйресурс].URL:<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/hongkong/10137215/Edward-Snowden-claims-US-hacks-Chinese-phone-messages.html> (дата обращения: 14.04.2017).
15. The Chronicle of Higher Education 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chronicle.com/article/Why-Privacy-Matters-Even-if/127461> (дата обращения: 26.04.2017).
16. Theintercept. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://theintercept.com/2017/04/24/japans-secret-deals-with-the-nsa-that-expand-global-surveillance> (дата обращения: 16.04.2017).
17. THE JAPAN TIMES LTD. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/news/2016/06/04/national/nsa-whistleblower-snowden-says-u-s-government-carrying-out-mass-surveillance-in-japan/#.V10kO_mLSUI (дата обращения: 24.04.2017).
18. The Law fare Institute. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawfareblog.com/frances-extended-state-emergency-what-new-powers-did-government-get> (дата обращения: 26.04.2017).
19. The New York Times Company. 2017 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.nytimes.com/2013/06/14/us/nsa-chief-to-relealines&em> (дата обращения: 04.04.2017).
20. Газета.Ру. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/04/22/6649349/great-russian-firewall.shtml> (дата обращения: 06.04.2017).
21. Сетевое издание «360tv.ru». 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://360tv.ru/news/okolo-70-prestuplenij-v-moskve-raskryty-s-ispolzovaniem-kamer-videonabljudeniija-16755> (дата обращения: 20.04.2017).
22. ТАСС информационное агентство. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/566247> (дата обращения: 10.04.2017).
23. Marokkowannte BND vor Monatenkonkretvor Anis Amri // Die Welt. 2016. 23 Dezember.
24. Bergen, Peter, David Sterman, Emily Schneider, and Bailey Cahall. 2014. 13 January.
25. Eichenwald, Kurt. 2012. 10 September.
26. Senator Dick Durbin: Opening Statement at the Hearing on Ending Racial Profiling in America, Subcommittee on the Constitution, Civil Rights, and Human Rights (Apr. 2012). URL: <http://www.judiciary.senate.gov/pdf/12-4-17DurbinStatement.pdf>.
27. The Deafness before the Storm // New York Times. 2015. 18 November.
28. TatverdchtigerAnisAmri: Der Weg in den Terror // Spiegel Online. 2016. 22 Dezember.
29. Ewen MacAskill; Julian Borger; Nick Hopkins; Nick Davies; James Ball. GCHQ taps fibre-optic cables for secret access to world's communications // The Guardian. 2013. 21 July.

Уголовная ответственность за налоговые преступления по законодательству Российской Федерации и КНР

© Д. С. Киселева

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

darry_kiss@mail.ru

© А. В. Фоминых

*студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

nastix.fominix@yandex.ru

Любое государство в современном мире обладает налоговой системой для поддержания нормального функционирования власти. В большинстве стран установлена конституционная обязанность платить налоги, так, в Конституции Российской Федерации такая обязанность закреплена в статье 57 [1], а в Конституции Китая — в 56 статье [7]. За нарушение этих положений физические лица и организации несут ответственность.

В любом случае за нарушение законодательства наступает юридическая ответственность, которая представляет собой способ реагирования государства на правонарушение, осуществление предусмотренных законом санкций [5, с. 215]. Юридическая ответственность подразделяется на уголовную, гражданскую, административную, дисциплинарную и материальную.

За совершение налогового правонарушения по российскому законодательству предусмотрена административная и уголовная ответственность. Ответственность за подобные правонарушения в Китае предусмотрена Уголовным кодексом, а также Законом КНР «Об управлении сбором налогов» от 4 сентября 1992 г. [6]. Преступления, по которым предусмотрена уголовная ответственность, наиболее опасны для общества и государства и требуют глубокого изучения.

В Российской Федерации мы можем наблюдать увеличение количества налоговых преступлений (график 1), председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин в интервью корреспонденту «Российской газеты» указал, что количество возбужденных дел об уклонении от уплаты налогов 2015 г. возросло на 68 процентов по сравнению с предыдущим годом [8].

В настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает четыре состава налоговых преступлений — статьи 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», 199.1 «Неисполнение обязанностей налогового агента» и 199.2 «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов» [3]. Уголовный кодекс Китая содержит 12 статей, посвященных преступлениям против порядка сбора налогов. Для изучения вопроса об уголовной ответственности за налоговые преступления необходимо определить состав таких деяний [9].

Во-первых, объект любого преступления представляет собой общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которые нарушаются одним или несколькими преступлениями. В теории уголовного права выделяют общий объект, родовый объект, видовой объект, непосредственный объект. Родовым объектом налоговых преступлений является установленный порядок осуществления экономической деятельности. Непосредственный объект — экономические и финансовые интересы государства, отношения, возникающие между налогоплательщиками и государством. Объектом налоговых преступлений по Уголовному кодексу Китая также являются экономические интересы государства.

Во-вторых, объективная сторона включает в себя общественно опасное деяние, общественно опасное последствие и причинно-следственную связь между ними. Особенностью налоговых преступлений является большой круг деяний, которые можно квалифицировать по соответствующим статьям Уголовного кодекса. В соответствии со статьями 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса РФ преступления могут совершаться в виде уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, неисполнения в личных интересах обязанностей налогового агента, а также сокрытия денежных средств либо имущества [3]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» разъясняет, какие деяния должны быть совершены, чтобы квалифицироваться как налоговые преступления.

«Под уклонением от уплаты налогов и (или) сборов, ответственность за которое предусмотрена статьями 198 и 199 УК РФ, следует понимать умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации» [4, п. 3]. Уклонение может заключаться в предоставлении налоговой декларации с внесенными ложными сведениями или непредставлении декларации вообще.

Неисполнение обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов должно нести за собой удовлетворение личных интересов. Налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с Налоговым кодексом возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации [2, ст. 24]. Личным интересом признается извлечение имущественной или неимущественной выгоды [4, п. 17].

Под сокрытием денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (статья 199.2 УК РФ), следует понимать

деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере [4, п. 20].

Уголовный кодекс Китая подробно раскрывает объективную сторону каждого налогового преступления. Данные преступления могут совершаться в виде фальсификации, подделки, сокрытия, уничтожения документов; включения дополнительных статей расходов; невключения или уменьшения количества статей доходов; отказа от декларирования; неуплаты подлежащих уплате налогов или уплаты в меньшем размере; незаконного возврата государственной экспортной пошлины; неправомерных действий со специальной квитанцией [9].

В-третьих, субъектом преступления называют лицо, которое совершило общественно опасное деяние и в соответствии с уголовным законом может нести за него ответственность. В соответствии с российским уголовным законодательством субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства), достигшее возраста уголовной ответственности. Вменяемость означает, что лицо способно понимать общественную опасность своих действий и руководить ими, а также отсутствие заболеваний, исключающих ответственность. За налоговые преступления к ответственности могут привлекаться лица, достигшие 16-летнего возраста. В статьях, которые квалифицируются как налоговые преступления, установлены специальные субъекты. А именно в ст. 198 УК РФ — лицо, которое обязано уплачивать налоги и (или) сборы, а также предоставлять налоговую декларацию. По ст. 199 УК РФ ответственность несут руководитель организации-налогоплательщика, главный бухгалтер или лица, их заменяющие.

В соответствии с китайским законодательством субъектом налоговых преступлений может быть физическое лицо (гражданин КНР, иностранный гражданин, лицо без гражданства), которое в момент совершения преступления не страдало психическими заболеваниями, а также достигло 16-летнего возраста. Отличительной чертой уголовного законодательства Китая является установление ответственности организаций. Касательно налоговых преступлений организации несут ответственность за неправомерную выписку, подделку или продажу специальной квитанции об уплате налога на добавленную стоимость или неправомерную выписку иных квитанций, на основании которых производится возврат экспортной пошлины или возврат налогов. В этих случаях на организацию накладываются штрафные санкции, а руководители организации и другие ответственные лица несут ответственность в соответствии с определенной статьей. Еще одна отличительная особенность субъекта преступления заключается в обязанности членов семей или опекунов усилить контроль над психически нездоровыми лицами, совершившими преступление, и обеспечить их лечение [9].

В-четвертых, субъективная сторона характеризует психологическое отношение лица к совершаемому деянию и включает в себя вину, мотив и цель. Уголовный кодекс РФ выделяет совершение преступления со следующими формами вины: умысел (прямой, косвенный умысел) или неосторожность (легкомыслие, небрежность). Налоговые преступления совершаются только с прямым умыслом, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления [3, ст. 25]. Мотив как обязательный элемент состава определяется только в статье 199.1 УК РФ, когда неисполнение обязанностей налогового агента производится в личных интересах. Уголовный кодекс КНР также выделяет две формы вины: умысел и неосторожность, но не разграничивает прямой и косвенный умысел, легкомыслие и небрежность. Налоговые преступления, как и по российскому законодательству, совершаются только умышленно.

Затрагивая вопрос о наказании, хочется сказать, что до 2011 г. в Китае существовала смертная казнь за налоговые преступления. В настоящее время наказаниями за налоговые преступления по Уголовному кодексу КНР являются: надзор, краткосрочный арест, срочное лишение свободы, бессрочное лишение свободы, одновременно применяются штраф или конфискация имущества [9]. Уголовный кодекс РФ предусматривает следующие виды наказаний: штраф, принудительные работы, арест, лишение свободы на определенный срок, дополнительным наказанием является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [3].

Хочется отметить, что российское законодательство устанавливает дополнительное основание освобождения от уголовной ответственности в отношении налоговых преступлений. Так, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное статьями 198 и 199 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации [3].

В итоге можно сказать, что за совершение налоговых преступлений в России и Китае предусмотрена уголовная ответственность. В Китае намного больше составов, чем в России, а также ответственность за такие преступления жестче, так как до 2011 г. применялась смертная казнь. Данные меры говорят о стремлении правительства искоренить налоговые преступления. В России и Китае при назначении наказания применяются дополнительные меры, включающие в себя конфискацию имущества (Китай) или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (Россия).

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) // Российская газета. 1998. № 148–149. 6 авг.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. 17 июня. Ст. 2954.
4. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006. № 64 // Российская газета. 2006. № 297. 31 дек.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. 245 с.
6. Об управлении сбором налогов: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://law.uglc.ru/charge.htm> (дата обращения: 15.05.2017).
7. Конституция КНР 1982 г. [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch2 (дата обращения: 15.05.2017).
8. Обман валют [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/01/15/bastrykin.html> (дата обращения: 15.05.2017).
9. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://asia-business.ru/law/law1/criminalcode> (дата обращения: 15.05.2017).

Сравнительно-правовое исследование института смертной казни в Японии и КНР

© С. А. Куриганов

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

г. Улан-Удэ, Россия

kuriganov_sergei@mail.ru

Противодействие криминализации общества, защита интересов государства и общества, обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан — вот далеко не полный перечень основных задач, стоящих перед обществом, в современный период в контексте противодействия преступности [4, с. 378]. Проблема совершенствования института уголовных наказаний актуальна как никогда. Географическое расположение России по соседству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет пристально рассмотреть и проанализировать особенности исполнения некоторых уголовных наказаний, в частности применения смертной казни в Японии и Китайской Народной Республике (далее КНР).

Назначение и процесс исполнения такого вида уголовного наказания, как смертная казнь, заставляют нас задуматься не только о гуманности национального уголовного законодательства, но и об отношении таких государств, как Япония и КНР, к неотъемлемым правам и свободам человека и гражданина. Кроме того, нигде еще не удалось создать юстицию, работавшую без ошибок. А это, при наличии смертной казни, означает, что неизбежно казнят невиновных.

Смертная казнь — самый строгий вид наказания. Необходимость данного вида наказания в Японии у 85% населения не вызывает сомнения, таковы последние данные социологического опроса, проведенного правительством страны. Наказание в виде смертной казни содержится в 13 статьях Уголовного кодекса Японии. Согласно ст. 11 УК Японии, смертная казнь приводится в исполнение в тюрьме путем повешения. Приговоренный к смертной казни до приведения наказания в исполнение содержится в тюрьме [6].

В соответствии со ст. 9 Закона об исполнении наказания на осужденных, которым вынесен смертный приговор, распространяется тот же порядок содержания в тюрьме, что и на всех остальных лиц, содержащихся в тюрьмах. Однако у министерства юстиции Японии имеются специальные ведомственные акты, согласно которым до исполнения казни такие лица содержатся в специальных тюрьмах в одиночных камерах. Внутренний режим в таких тюрьмах отличается своей суровостью, в частности, к осужденным не допускаются адвокаты, члены семьи и даже члены парламента [5]. В Японии насчитывается семь таких специальных тюрем для «смертников»; осужденные в них изолированы от внешнего мира; им запрещено смотреть телепередачи, слушать радио и пользоваться компьютером; разрешено лишь иметь при себе не более трех книг на выбор и играть в настольные игры; предусмотрены 30-минутные прогулки (3 раза летом и 2 раза зимой); питание ограничено. Учитывая длительные сроки ожидания казни, все эти ограничения и постоянное электроосвещение не могут не влиять на психику осужденных.

В ходе анализа хронологии исполнения высшей меры наказания прослеживается явный субъективизм. К примеру, выступавший против смертной казни бывший министр юстиции Японии Сейкен Сугиура проводил либеральную политику и ввел мораторий на исполнение смертной казни. За время действия моратория (на начало 2007 г.) число осужденных, в отношении которых было избрано наказание в виде смертной казни, но в силу моратория не было приведено в исполнение, достигло 100 человек. Следующий министр юстиции, Йинен Нагасе, напротив, выступал за сохранение высшей меры наказания. Это отразилось на статистике приведения приговоров со смертной казнью в исполнение. Так, за 10 месяцев 2007 г. было приведено в исполнение 10 смертных приговоров [5]. Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: так как приговор со смертной казнью подлежит обязательному утверждению министром юстиции Японии, реальное исполнение смертной казни зависит от того, противник или сторонник смертной казни занимает этот пост.

Правительство Японии обосновывает применение высшей меры наказания прежде всего позицией суда присяжных, который отражает волю народа. Однако необходимо понять, чем руководствуется народ Японии, поддерживая применение высшей меры наказания.

Так, секретариат кабинета министров Японии проводит регулярные опросы о статусе высшей меры наказания с 1965 г. С 1989 г. эти опросы проводятся каждые пять лет. Ближайший опрос имел место в ноябре 2014 г. Из 85% респондентов, поддержавших смертную казнь, 54% обосновали свою позицию следующим образом: если смертная казнь будет упразднена, семьи жертв кровавых преступлений не получат эмоционального удовлетворения [8]. Таким образом, если рассматривать чувства родственников убитого в качестве одной из значимых причин сохранения смертной казни, получается, что наказание за убийство одинокого человека должно быть менее суровым. Это нелогично, однако это именно то, что мы имеем в действительности. И это подрывает не только основу наиболее значимого постулата современного законодательства — «Нет наказания без закона», но также противоречит целям наказания — «восстановление справедливости и исправление осужденных».

В настоящее время Япония находится под давлением международных и европейских организаций, требующих гуманизации уголовных наказаний. Кроме того, Япония в вопросе отмены смертной казни скорее следует глобальному тренду как страна, играющая немалую роль на международной арене. Нам известно, что глобальные тренды — вещь мощная. Общественное мнение, хоть и медленно, но неизбежно меняется в любой стране мира. И в случае со смертной казнью это, несомненно, приведет к лучшему.

Среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона лидирующее место по назначению высшей меры наказания занимает Китайская Народная Республика. В 2003 г. организация «Международная амнистия» вывела официальную статистику: ежегодно в КНР совершается около 1639 смертных приговоров. Необходимо отметить, что для Китая смертная казнь на протяжении всей истории являлась наиболее эффективным орудием наказания преступников и устрашения потенциальных правонарушителей [1]. В настоящее время в китайском обществе не существует какой-либо широкой дискуссии в отношении вопроса целесообразности, гуманности и необходимости ее применения. Как и ранее, смертная казнь в современном Китае имеет самое широкое распространение, а ее исполнение до середины 1990-х гг. в некоторых случаях было публичным.

В соответствии со ст. 212 УПК КНР смертная казнь приводится в исполнение путем расстрела либо путем введения инъекции [7]. Инъекционный метод впервые был применен 28 марта 1997 г. Народным судом средней инстанции г. Куньмин. Однако, несмотря на очевидные преимущества применения инъекции, коэффициент его применения в Китае все же остается самым низким по причине его экономической нецелесообразности и технического несовершенства по сравнению с расстрелом.

Одной из главных причин сохранения китайским законодателем смертной казни является то, что данный вид наказания служит средством устрашения потенциальных правонарушителей. О таком подходе китайского законодателя к институту наказания писал еще в XIX в. один из основателей российского китаеведения Н. Я. Бичурин. По его мнению, для Китайской Народной Республики было характерным, что «наказание малою планкою производится для стыда, ибо маловажные преступления стыдом должны быть наказываемы. Наказания большою планкою производится для обуздания, ибо страхом сего наказания удерживаются от преступлений» [2].

Ранее в Особенной части Уголовного кодекса Китайской Народной Республики содержалось 42 положения и 69 составов преступлений. Из них 32% преступлений относились к насильственным, остальные же 69% — к ненасильственным (в основном экономические и нарушающие права собственности). Для более ясного понимания причин назначения смертной казни необходимо рассмотреть перечень преступлений по классификациям, а также их процентное соотношение: 16 статей — преступления, наносящие урон рыночной экономике социалистического типа (23,5%); 12 статей — преступления за нарушения воинских обязанностей (17,7%); 7 статей — преступления, угрожающие национальной безопасности (10,3%); 8 статей — преступления, наносящие ущерб общественной безопасности (11,8%); 5 статей — преступления, нарушающие права человека (7,4%); 2 статьи — преступления, нарушающие права собственности (2,9%); 2 статьи — преступления, нарушающие интересы государства (2,9%); 2 статьи — злоупотребление служебными полномочиями (коррупция) (2,9%). Таким образом, становится ясна причина такого количества казненных [1].

В выводах исследования ООН, проведенного в 1988 г. и дополненного в 2002 г., освещалась проблема взаимосвязи между смертной казнью и количеством убийств. Исследователи пришли к выводу, что «было бы неверным принять гипотезу о том, что смертная казнь влияет на снижение числа убийств в существенно большей мере, чем угроза и применение менее сурового, на первый взгляд, наказания — пожизненного заключения». В связи с этим заместитель председателя уголовно-правового исследовательского института Китая Чжан Цзюня в качестве альтернативы смертной казни предлагает ввести долгосрочное лишение свободы сроком от 20, 30 лет и выше, тем самым сокращая применение смертной казни.

Необходимо отметить, что в настоящее время институт уголовного наказания в Китае стоит на пути либерализации. Так, принятые в 2011 г. поправки в действующий Уголовный кодекс Китая отменили высшую меру наказания по 13 составам экономических преступлений. Данные изменения повлекли за собой снижение количества составов преступлений с 68 до 55, согласно которым лицо могло быть приговорено к высшей мере наказания. Однако на этом процесс либерализации института уголовного наказания в Китае не остановился. Вступившие в силу принятые в ноябре 2015 г. поправки в Уголовный кодекс отменили смертную казнь еще за 9 преступлений (среди которых организация проституции или принуждение к занятию проституцией, распространение слухов, контрабанда оружия и боеприпасов, препятствование несению воинской повинности). Кроме

того, в апреле 2016 г. было объявлено, что смертная казнь к коррупционерам будет применяться лишь в случае, если сумма похищенного имущества (или взятки) превышает 3 млн юаней (около 460 тыс. долларов).

23 марта 1976 г. вступил в силу Международный пакт о гражданских и политических правах, основанный на Всеобщей декларации прав человека. Данный пакт является международным договором и имеет обязательную силу для 168 государств-участников, по состоянию на сентябрь 2016 г. Япония в отличие от Китая подписала и ратифицировала данный договор. По нашему мнению, несмотря на наличие ч. 2 в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гласит, что в странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления, статья 7 того же пакта словами «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию» [4] устанавливает тотальный запрет на применение смертной казни как на бесчеловечное наказание.

В заключении необходимо отметить, что впервые в азиатском государстве (Монголия) на законодательном уровне смертная казнь как вид уголовного наказания исключена из уголовного кодекса, тогда как в Российской Федерации ситуация по этой проблеме находится до сих пор в двойственном положении. И это несмотря на соседство таких государств, как Китай (исключение административный район Гонконга и Макао), Япония, КНДР, Южная Корея и др. Следует заметить, что изучение и применение зарубежного опыта происходит не только в нашей стране и странах постсоветского пространства [8, с. 131].

Также следует признать, что в настоящее время Япония и КНР не готовы к принятию решения об отмене применения смертной казни. Важно, чтобы процесс прекращения деятельности данного института протекал естественно, тогда, возможно, у общества не возникнет желания применять данный вид наказания, противоречащий гуманистическим ценностям современного общества.

Литература

1. Аргунова Е. С., Сугурин М. А. Сравнительно-правовой анализ отдельных видов наказаний в уголовном праве РФ и КНР // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 96–101.
2. Бичурин Н. Я. Неизвестный Китай. Записи первого русского китаеведа [Электронный ресурс]. URL: <http://loveread.me/read-book.php?id=60056&p=54> (дата обращения: 14.05.2017).
3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.05.2017).
4. Гантулга Н., Хармаев Ю. В. Некоторые вопросы ресоциализации осужденных в Монголии // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9, № 2. С. 378–384.
5. Квашиш В. Е., Морозов Н. А. Основные тенденции в практике назначения наказания и исполнения наказания в виде смертной казни в Японии // Общество и право. 2015. № 4. С. 77–80.
6. Уголовный кодекс Японии с изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stud-files.ru> (дата обращения: 14.05.2017).
7. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 14.05.2017).
8. Хармаев Ю. В., Гантулга Н. Предупреждение преступлений, связанных с торговлей человеческими органами и тканями (на примере Монголии) // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 2. С. 126–131.
9. Ярашев З. М. Смертная казнь как исключительный вид наказания: история и современность // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. 2014. № 4. С. 56–62.

Институт конфискации имущества в уголовном законодательстве России и Китая: сравнительно-правовой анализ

© **Б. Б. Ламуев**

*студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
buyanto.lamuev@mail.ru*

В современном мире опыт зарубежных стран по применению конфискации имущества на практике показывает, что данная мера предусматривается в уголовных законах большинства иностранных государств. Однако говорить об однообразности правовой природы конфискации имущества, о полной идентичности ее реализации в разных формах и в одинаковых объемах не стоит. В каждом государстве указанная процедура происходит по-разному. Это в первую очередь зависит от взглядов национальных законодателей, поскольку они сами определяют модель государственного принуждения в этой сфере. Конфискация имущества является одним из самых противоречивых институтов в теории уголовного права. Одни авторы считают, что данная уголовно-правовая мера способствует усилению эффективной борьбы с преступностью, в частности с коррупцией [2, с. 45]. Другие, напротив, утверждают о недопустимости применения такого института, поскольку это является прямым нарушением права человека на собственность [4, с. 212].

По российскому уголовному законодательству конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера является принудительным безвозмездным изъятием и обращением в собственность государства на основании обвинительного приговора определенных видов имущества, перечисленных в ст. 104.1 УК РФ [9]. Но здесь важно отметить, что конфискация в нашей стране относится к иным мерам, а не включается в систему наказаний, что для нас является нецелесообразным. По нашему строгому убеждению, изъятие имущества должна выполнять карательную функцию и рассматриваться как форма уголовно-правового принуждения в виде наказания, а не иной меры. Возможность применения конфискации имущества как иной меры производится только по усмотрению суда на основании собранных доказательств о криминальном происхождении имущества [5, с. 134]. Шансы доказать это на практике ничтожны. Соответственно, наворованное имущество в большинстве случаев остается у виновного лица, а не у государства и уж тем более у потерпевших. Из этого следует, что изъятие имущества не носит строго императивного характера, поскольку в санкциях статьи Особенной части УК РФ оно не входит. Другое дело, когда конфискация имущества являлась наказанием и применялась судом в обязательном, а не в альтернативном порядке. Как нам представляется, законодатель допустил огромнейшую ошибку, исключив конфискацию имущества из системы наказаний.

По официальным данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, только за 2016 г. было применено 1929 видов конфискации имущества по всем составам преступлений [7]; за 2015 г. — 1801, за 2014 г. — 1178 [6]. Официальная судебная статистика за последние три года наглядно показывает, что конфискация имущества с каждым годом имеет благоприятную тенденцию к широкому распространению. И это, безусловно, не может не вызывать положительную оценку правосудию, с одной стороны. Однако радоваться такому положению дел преждевременно не стоит. Если обратиться к тем же официальным данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2016 г., было осуждено 740 380 лиц [7]; за 2015 г. — 733 607, за 2014 г. — 719 297 [6]. Исходя из этой статистики, картина строится следующим образом. Число осужденных с каждым годом растет быстрее, чем конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера. Применяя математические расчеты, нетрудно вычислить, что с 2014 по 2015 г. число осужденных выросло на 14 310 человек, а конфискация имущества только на 623; с 2015 по 2016 г. число осужденных выросло на 6 773 человек, а конфискация имущества увеличилась лишь на 128. Такое положение дел нельзя считать нормальным. На наш взгляд, случаев применения конфискации имущества не должно быть больше числа осужденных. Как мы считаем, эта мера должна быть предусмотрена за все виды преступлений, как, например, в Китае.

По китайскому уголовному законодательству конфискация имущества представляет собой изъятие части либо всего имущества, являющегося личной собственностью осужденного (ст. 59 УК КНР), и, в отличие от России, относится к числу дополнительных видов наказаний (ст. 34 УК КНР). В случае полной конфискации имущества семье преступного элемента оставляется имущество, необходимое на жизненные расходы. Не подлежат конфискации предметы, принадлежащие семье осужденного либо необходимые самому осужденному. Все имущество, противозаконно приобретенное преступным элементом, подлежит изъятию (т. е. в пользу государства) либо оно должно быть направлено на возмещение ущерба (т. е. собственность потерпевшего должна быть возвращена ему своевременно). При этом запрещенные товары и имущество, принадлежащие лицу, совершившему преступление, также подлежат конфискации в пользу государства (ст. 64 УК КНР) [8].

Следует выделить характерные черты института конфискации имущества по уголовному закону России и Китая. Во-первых, принудительный характер конфискации. Это означает, что изъятие имущества назначается и осуществляется независимо от воли и вопреки желанию лица [1, с. 97]. Во-вторых, осуществление конфискации имущества только на основании обвинительного приговора суда. Данный вид государственного принуждения применяется не произвольно, а лишь при строгом соблюдении процедуры уголовного преследования, которая регламентируется соответствующими нормативными актами России и Китая. И результатом этой процедуры является вынесение судом обвинительного приговора, который обязательно вступил в законную силу [3]. Однако в китайском уголовном законодательстве предусматривается исключение, когда конфискация имущества применяется в особом порядке без вынесения обвинительного приговора в силу невозможности привлечения лица к уголовной ответственности (например, смерть, укрывательство подозреваемого или обвиняемого по делам коррупционной и террористической направленности) [1, с. 99]. В России, как известно, такой нормы нет. В-третьих, безвозмездность. Означает, что имущество, изъятые у владельца принудительно, не оплачивается или в какой-либо форме не компенсируется лицу, совершившему преступление. И в этом смысле конфискация выполняет превентивную функцию, то есть предупредительную. Иными словами, безвозмездность принудительной меры направлена на создание всех необходимых условий, для того чтобы все граждане понимали, что совершение преступлений — это экономически нецелесообразно и невыгодно [3].

И, наконец, в-четвертых, определение конкретных видов конфискуемого имущества. Как российское, так и китайское законодательство определяют имущество, в отношении которого возможна конфискация. Общим признаком этих предметов является их связь с преступным деянием, указанная связь может быть прямой или опосредованной. Но принципиально важно отметить, что УК РФ предусматривает конфискацию конкретного вида имущества только в результате противоправных деяний, указанных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, которая носит исчерпывающий характер. Отсюда следует, что данная мера не может быть применена за совершение тех преступлений, которые не предусматриваются ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. УК КНР, напротив, предусматривает конфискацию имущества за любые противоправные деяния [1, с. 100].

Таким образом, подводя общую черту, сделаем небольшой вывод. Конфискация имущества представляет особый институт уголовного права. Как в Китае, так и в России, она является безвозмездным изъятием в собст-

венность государства всего или части имущества осужденного и для возмещения вреда, причиненного потерпевшему. Согласно уголовному законодательству КНР, эта мера относится к числу дополнительных видов наказаний, а по российскому законодательству — к иным мерам уголовно-правового характера. Для России был бы весьма полезен учет китайского опыта в применении института конфискации имущества на практике.

Литература

1. Коробеев А. И., Аверьянова Ю. В. Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4(37). С. 90–103.
2. Гайсин И. М. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4–6. С. 45–46.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499003939> (дата обращения: 07.05.2017).
4. Рябова Л. В. Конфискация имущества в России и других странах: проблемы, история, перспективы // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 3. С. 211–214.
5. Ширяевская Н. П. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения. Вологда, 2016. С. 132–135.
6. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 гг. и 2008–2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Sbornik_sudimosti_2008-2015.xls (дата обращения: 07.05.2017).
7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_1-svod-2016.xls (дата обращения: 07.05.2017).
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. <http://www.bsu.ru/content/page/13369/uk-knr-1997.doc> (дата обращения: 07.05.2017).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Опыт борьбы с дорожно-транспортными преступлениями в странах АТР

© К. С. Латыпова

*ст. преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
krista.100@mail.ru*

В условиях роста мировой автомобилизации и повышения интенсивности дорожного движения увеличилось количество дорожно-транспортных происшествий, что привело к значительному росту смертности на дорогах.

Повышение эффективности предупреждения того или иного вида преступности способствует, как известно, изучению прогрессивного опыта разных стран. Поэтому в целях оптимизации и совершенствования деятельности субъектов предупреждения автотранспортной преступности, связанной с гибелью людей или с тяжкими телесными повреждениями, необходимо проанализировать и обобщить соответствующую практику ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Аварийность на автомобильном транспорте — одна из острейших социально-экономических проблем современности. Структура смертности от неестественных причин показывает, что наиболее социально и экономически значимой становится смертность от транспортного травматизма, на долю которого, по данным ВОЗ, приходится 30–40% и более всей смертности от несчастных случаев. Автотранспорт — наиболее потенциально опасное средство передвижения: на него приходится подавляющая часть транспортных происшествий — 98,8–99,2% от общего количества, при этом в дорожно-транспортных происшествиях (далее — ДТП) на планете ежегодно гибнет 1,2 млн человек и более 15 млн получают ранения [3, с. 25].

Так, например, в Китае в 2016 г. количество автодорожных аварий, повлекших за собой гибель пяти и более человек, сократилось на 15% по сравнению с 2015 г. Министр общественной безопасности КНР Хуан Мин на совещании подчеркнул, что ситуация с безопасностью дорожного движения в стране не дает оснований для оптимизации. По его словам, серьезные ДТП происходят из-за отсутствия эффективного контроля за дорожным движением, существует большое количество опасных участков дорог, где совершается наибольшее число ДТП. Кроме того, в сельских районах с каждым днем все усугубляется обстановка с безопасностью дорожного движения.

Тяжесть последствий ДТП в России в несколько раз выше аналогичных показателей других стран. Каждые сутки на дорогах Российской Федерации погибают более 20 и получают ранения около 500 человек. По данным ГИБДД, за январь — март 2014 г. в России произошло 35 120 тяжких ДТП, что на 3,9% превышает показатель за аналогичный период прошлого года. Число погибших в этих авариях составило 4 632 человека, еще 44 795

серьезно пострадали. Оба показателя заметно подросли в сравнении с прошлым годом: на 6,3% увеличилось число погибших, на 2,4% — количество пострадавших в ДТП [6].

Тем не менее проблема в полной мере характерна как для России, так и для стран Азиатско-Тихоокеанского региона [4, с. 5]. Рассмотрим эту проблему в сравнительном анализе уголовной ответственности за ДТП в России и Монголии.

Криминогенная обстановка на дорогах мира в целом, так же как в Монголии и России в частности, представляет собой реальную опасность для государственного управления и национальной безопасности государства [7]. Опасность преступлений, совершаемых на дорогах, заключена прежде всего в том, что они всеми своими формами активно воздействуют на сознание большой массы людей, которые могут и не относиться к участникам дорожного движения. Тем самым преступления в сфере дорожного движения нарушают общественное спокойствие, вызывая у населения чувство неуверенности и страха за свою безопасность и обостряя общую социальную напряженность.

Сравнительно-статистический анализ показывает, что данные дорожных происшествий в Монголии по некоторым показателям не уступают, а в некоторых случаях, например по транспортному риску, даже превосходят показатели органов дорожной безопасности Российской Федерации. Безусловно, основное влияние на число ДТП оказывает количество автомобилей на дорогах. Чем их больше, тем выше аварийность. За последние 20 лет численность автопарка Монголии возросла почти в четыре раза, и в 2010 г. составила свыше 181 тыс. транспортных единиц [7, с. 7]. Как следствие, с каждым годом происходит увлечение уровня нарушений в сфере безопасности дорожного движения. Так, в 2010 г. в Монголии было совершено 879,8 тыс. нарушений в сфере безопасности дорожного движения, что почти вдвое превышает число нарушений подобного рода, зарегистрированных в 2000 г., — 470,4 тыс.

Основными видами нарушений правил дорожного движения в 2010 г. являлись: управление транспортным средством в состоянии опьянения — 16 125; отсутствие права на управление ТС — 53 671; техническая неисправность ТС — 197 089; непредоставление ТС на государственный технический осмотр — 38 486; превышение установленной скорости — 108 223; нарушения правил обгона — 91 879; выезд на полосу встречного движения — 58 950; прочие нарушения водителей — 315 441 [7, с. 55].

В то время как в Российской Федерации основными видами нарушений ПДД являются: управление ТС в состоянии опьянения — 13,1%; отсутствие права на управление — 15,3%; несоответствие скорости конкретным условиям — 29,8%; нарушение правил обгона — 1,8%; выезд на полосу встречного движения — 12,7%; несоблюдение очередности проезда перекрестков — 11,2%; превышение установленной скорости — 5,1%; прочие нарушения водителей — 11,0% [10, с. 12].

Сравнительно-статистический анализ данных органов безопасности дорожного движения Монголии и РФ показывает, что структура основных видов нарушений ПДД по некоторым показателям, таким как управление ТС в состоянии опьянения, превышение скорости, нарушения правил обгона и т. п., кардинально различаются. Это связано, на наш взгляд, с тем, что уровень дисциплинированности водителей в Монголии ниже, чем уровень такого показателя в России.

Именно недисциплинированность водителей является основной причиной дорожно-транспортных происшествий в Монголии, уровень совершения которых с каждым годом увеличивается.

Уголовное законодательство европейских государств, таких как Германия (ст. 142 УК ФРГ) [13], Испания (ч. 2 ст. 382 УК) [14] и др., предусматривает уголовную ответственность за оставления места дорожно-транспортного происшествия. Аналогичные требования содержит Европейская конвенция о наказаниях за дорожно-транспортные преступления [2].

Проанализировав нормы, регулирующие уголовное законодательство за ДТП в России и Монголии, мы пришли к выводу о том, что законодатель Монголии не подчеркивает форму вины субъекта, совершившего дорожное преступление, не учитывая, что данные преступления носят малую степень общественной опасности и совершаются с неосторожной формой вины. В отличие от нашего законодательства, где в диспозиции ст. 264 УК РФ после слова «повлекшее» следуют слова «по неосторожности».

Особенности зарубежного законодательства в странах АТР, устанавливающие уголовную ответственность за совершения автотранспортных преступлений, чаще всего устанавливают ответственность за преступления, родовым объектом которых являются именно безопасность движения и эксплуатация транспортного средства. Дорожно-транспортные преступления возможно сократить посредством следующих методов:

- расширение круга стран, где существует организация с соответствующим уровнем финансирования, координирующая общегосударственное обеспечение безопасности дорожного движения;
- наличие официально утвержденной национальной стратегии безопасности дорожного движения, особенно в государствах со средним и низким доходом;
- данная стратегия должна ставить реалистичные, количественно измеряемые цели.

Одним из приоритетных направлений в сфере борьбы с ДТП является информационное обеспечение дорожного движения. Во многих странах четко налажено информирование участников дорожного движения о транспортной ситуации в направлениях их передвижения, возможных маршрутах объезда перегруженных участков, парковках и др. Техническая организация движения: так, в США созданы технологии, сочетающие компьютерное оборудование транспортных средств и специальное оборудование, находящееся на определенных участках автодороги. Разработаны радары и устройства предупреждения, с помощью которых можно избежать столкновения на дорогах и — как результат — смерти участников дорожного движения.

Тем не менее нельзя не согласиться, что залог успешной борьбы с рассматриваемыми преступлениями, это создание безопасной дорожной среды: перекрестков с круговым движением, специальных дорог с разделительным барьером, а также уменьшение опасности последствий аварий в результате съезда автомобилей с дороги.

Назрела необходимость в международном сотрудничестве России в противостоянии дорожным преступлениям, т. е. выработке общей стратегии и совместных мер борьбы. Это действия и мероприятия органов одного государства по соответствующему запросу другого государства, регламентируемые международными документами в данной сфере с ориентацией на положения Европейской конвенции о наказаниях за дорожно-транспортные преступления.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в России и Монголии с каждым годом уровень ДТП продолжает расти в связи со сложившейся неудовлетворительной социально-экономической обстановкой в стране, низкой эффективностью профилактических работ в области безопасности дорожного движения среди водителей, а также отсутствием должного внимания к повышению уровня правосознания и культуры вождения на дорогах. Поэтому рассматриваемая проблема уголовной ответственности за ДТП вызывает большой научный и практический интерес и требует дальнейшего углубленного исследования.

Литература

1. Абрамочкин В. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учеб. пособие. М.: Щит-М, 2010. 240 с.
2. Европейская конвенция о назначении наказания за дорожно-транспортные преступления. Страсбург, 1964 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asmar.ru/home.php?id=2402> (дата обращения: 15.03.2012).
3. Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: расследование, реконструкция, экспертиза. СПб.: ДНК, 2008. 392 с.
4. Ищенко Е. П. Энциклопедия дорожной безопасности, или Как попасть в дорожно-транспортное происшествие: учеб.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2010. 400 с.
5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. Ч. 1, № 1. Ст. 1.
6. Официальные данные ГИБДД по РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.03.gibdd.ru/stat> (дата обращения: 01.09.2014).
7. Официальные данные Управления дорожной полиции Монголии. Улан-Батор, 2010. С. 6–15.
8. По данным ООН, смертность при ДТП стоит на 3-м месте после сердечно-сосудистых и раковых заболеваний.
9. О правилах дорожного движения: постановление правительства Российской Федерации от 29.06.1993. № 1090 // Собрание актов президента и правительства РФ. 1993. № 47. 22 нояб.
10. Проблема национального масштаба: материалы всерос. конф. по безопасности дорожного движения. М., 2011.
11. Уголовный кодекс Монголии. 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.vlu/comments/show_articl.php&art_id (дата обращения: 15.06.2012).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст изм. и доп. 10 марта 2013 г. М.: Эксмо, 2013. 160 с.
13. Уголовный кодекс Германии / пер. с нем. Н. С. Рачковой; науч. ред. и предисл. Д. А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 650 с.
14. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. М.: Зерцало, 1998. 214 с.
15. Чичерина М. П. Виктимологический анализ и профилактика дорожно-транспортных происшествий, совершаемых водителями частных автомобилей: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2000. 165 с.

Особенности уголовной ответственности за убийства в России и КНР: сравнительно-правовой анализ

© *Н. Б. Нимаева*

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия*

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства, регламентирующий ответственность за убийство, необходим для совершенствования отечественного законодательства с целью заимствования положительного опыта. Анализ законодательства Китая и России позволит выявить наличие принципиально различных подходов к рассматриваемым вопросам. Поэтому изучение уголовного законодательства Китайской Народной Республики представляет особый интерес [2, с. 115].

Ежегодно в Российской Федерации от насильственной смерти гибнут десятки тысяч людей. Ужасающие своей жестокостью убийства стали обыденными явлениями нашей жизни. У законопослушных граждан возникают страх и безысходность, потому что преступники, с легкостью отнимающие жизни у наших сограждан, убивающие ни в чем не повинных детей, могут уйти от наказания, соответствующего тяжести их злодеяний, и через короткое время оказываются на свободе, продолжая угрожать жизни людей. Государство не обеспечивает должную защиту этого права, не обеспечивает безопасность личности в современном мире со всеми его много-

численными угрозами [1]. Так, в Республике Бурятия в 2004 г. было зарегистрировано 405 убийств. В 2006 г. информационный центр РБ зарегистрировал уже 369 убийств, в 2008 г. — 294, в 2010 — 241, в 2012 г. — 227. Наименьшее количество убийств было зарегистрировано в 2013 г. — 172, как раз на подъеме экономического благополучия. В 2014 г. снова возросло количество убийств — на 15%, в 2015 г. — еще на 10% [3, с. 4].

Таким образом, изучение действующего законодательства России и Китая, предусматривающих уголовную ответственность за такой вид преступления, как убийство, позволяет определить существующую разницу в регулировании данных отношений в разных государствах, выявить национальную специфику. Избрание нами подобного метода исследования связано с тем, что характер общественных последствий убийства не ограничивается территориальными границами одного государства. Тем самым изучение зарубежного права исследователями позволяет открыть перед ними новые горизонты, лучше узнать право своего государства, так как его специфические черты особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами.

Проведя анализ уголовного законодательства России и Китая в области уголовной ответственности за убийства, мы пришли к выводу о наличии определенных различий в формировании статей. Так, например, в Уголовном кодексе КНР от 1 октября 1997 г. [4] за данное преступление лицо несет уголовную ответственность по ст. 232 УК КНР, которое относится к разделу II Особой части, главе 4 — «Преступления против прав личности, демократических прав личности». Санкция данной статьи предусматривает за «умышленное убийство — смертную казнь, либо бессрочное лишение свободы, либо лишение свободы на срок свыше 10 лет». При наличии же смягчающих обстоятельств лицо наказывается сроком от 3 до 10 лет лишения свободы.

Уголовный кодекс Российской Федерации [5] предусматривает уголовную ответственность по ст. 105 УК РФ «Убийство», которая относится к разделу 7 особенной части, гл. 16 «Преступления против личности». То есть отечественный законодатель данный вид преступления ставит гораздо выше, чем преступления против государственной безопасности, общественной безопасности, а также против социалистического рыночного и экономического порядка, первостепенность которых выделены в УК КНР.

В диспозиции ст. 105 УК РФ законодатель выделяет две части. В ч. 1 ст. 105 закреплено простое убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку. Санкция данной статьи предусматривает уголовную ответственность в виде лишения свободы сроком от 6 до 15 лет. В свою очередь ч. 2 ст. 105 предусматривает ответственность за квалифицирующее убийство. Законодатель выделяет достаточно большой перечень квалифицирующих признаков, которые могут подпадать под состав рассматриваемого вида преступлений, например убийство: а) двух или более лиц; б) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; в) малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека; г) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; д) совершенное с особой жестокостью; е) совершенное общеопасным способом; ж) совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; з) из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; и) из хулиганских побуждений; к) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера; л) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; м) в целях использования органов или тканей потерпевшего.

Санкция за рассматриваемые виды убийств предусмотрена законодателем более суровая — лишение свободы на срок от 8 до 20 лет, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь. В этой части санкции двух рассматриваемых составов преступлений схожи и дают основания считать, что наказания, назначаемые за убийства, идентичны.

Но в России с 1999 г., в отличие от КНР, действует мораторий на смертную казнь, который был принят в целях интеграции в Евросоюз. Поэтому смертная казнь фактически не назначается как мера наказания, что, безусловно, на наш взгляд, является не совсем эффективным. Если большинство голосует за смертную казнь и считает, что она должна применяться в отношении убийц, признанных судом виновными в убийстве без смягчающих обстоятельств, то почему же мораторий существует, вопреки мнению большинства.

Проанализировав уголовное законодательство двух государств, можно сделать следующие выводы:

- положения, на которых базируется конструктивные особенности уголовно-правовых норм России и Китая об убийствах, весьма схожи. В связи с этим свести их к единому знаменателю достаточно легко;
- в целом УК РФ, безусловно, не уступает УК КНР уровнем заложенного потенциала, а также эффективным использованием уголовно-правовых средств, необходимых для уголовно-правовой борьбы с убийствами;
- полученные выводы не исключают целесообразности дальнейшего совершенствования УК РФ по нормам УК КНР, предусматривающим ответственность за убийства. Такое совершенствование необходимо в отмене моратория на смертную казнь за убийства без смягчающих обстоятельств в целях усиления наказания за данный вид преступления.

Проблемы, связанные с уголовной ответственностью за убийства в России и КНР, остаются актуальными, поэтому анализ зарубежного законодательства, а также глубокое понимание культуры в условиях активного сближения и тесных взаимосвязей этих двух государств могут привести к положительным результатам.

Литература

1. Доцкевич М. В. Смертная казнь в России — быть или не быть // Концерт: научно-электронный журнал. 2014. Спецвып. 15 [Электронный ресурс]. URL: <https://e-koncept.ru/2014/14691.htm> (дата обращения: 15.02.2017).
2. Краев Д. Ю. Особенности зарубежного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за убийство, сопряженное с иными преступлениями // Современное право. 2008. № 2. С. 114–117.
3. Сухоруков В. В. Приветственное письмо участникам конференции // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 9 декабря 2016 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 4.
4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Королевой. СПб.: Юридический Пресс, 2001. С. 197.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. от 27.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 14.04.2017).

Сравнительно-правовой анализ опыта борьбы с коррупцией в России и Сингапуре

© Л. Т. Оболев

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

*г. Улан-Удэ, Россия
obolovlev@mail.ru*

Коррупция остается одной из важнейших проблем, стоящих перед мировым сообществом. В России коррупция оказала влияние на все слои общества, практически на все сферы деятельности и институты. Данная проблема стала системной, и дальнейшее эффективное развитие страны без выработки стратегии борьбы с коррупцией не представляется возможным.

В связи с этим необходимость разработки правовых средств и механизмов противодействия коррупции становится приоритетным направлением государственной политики каждой страны, в частности России.

Одним из самых успешных примеров подавления коррупции в восточной стране, где она до этого была очень высока, является Сингапур, по данным Transparency International, занимающий 8-е место рейтинга. Ключевую роль в этом процессе играло Бюро по расследованию коррупции — БРК. Оно было создано еще в 1952 г. британской колониальной администрацией, но на первом этапе большой роли не играло. Ситуация изменилось в начале 1960-х, в уже независимом Сингапуре, власти которого наделили БРК очень широкими полномочиями. Инициатором перемен был премьер-министр Ли Куан Ю — создатель «сингапурского экономического чуда». В соответствии с Актом о предотвращении коррупции 1960 г. БРК было наделено правом на задержание и обыск подозреваемых в коррупционных деяниях, могло проводить расследования в отношении их родственников и поручителей, а также расследовать любые правонарушения, обнаруженные в ходе изучения коррупционного дела. Бюро было наделено правом проверять банковские счета госслужащих, а также их жен, детей и агентов. Кроме того, оно расследует поступающие от населения жалобы, содержащие обвинения в коррупции, а также случаи халатности, допущенные госслужащими в их работе [1, с. 257].

Важнейшую роль сыграло то, что БРК было подчинено исключительно премьер-министру страны и полностью независимо от других органов власти и чиновников любого ранга. Чтобы избежать коррупции в самом БРК, его сотрудникам, с одной стороны, выплачивают высокие зарплаты, с другой — деятельность БРК регулярно подвергают проверкам, а его руководство — частым ротациям. Необходимо отметить, что БРК проводило расследования даже в отношении членов кабинета и родственников премьер-министра; по их итогам многие высшие чиновники оказались в тюрьме, покончили жизнь самоубийством или бежали из страны. Вместе с тем создание БРК было не единственным элементом антикоррупционной стратегии властей Сингапура.

Реформа законодательства о госслужбе сыграла важную роль: полномочия чиновников были четко регламентированы, установлен ряд запретов и ограничений, введено обязательство декларировать свои доходы и доходы близких родственников, упрощены процедуры принятия решений в госсекторе и повышена их прозрачность. Если госслужащий не мог объяснить источник дохода, то он обвинялся в коррупции. Более того, его могли обвинить и в случае, если источник дохода не могли объяснить его ближайшие родственники. Иными словами, в отношении чиновников была введена «презумпция виновности» в коррупции. Вместе с тем помимо «кнута» верховная власть использовала и «пряник»: госслужащие получали зарплаты, сопоставимые с доходами в частном секторе, например, высшие чиновники — с доходами топ-менеджеров [2, с. 64].

Рассмотрев одну из эффективных антикоррупционных моделей, сравним между собой РФ и Сингапур. Общими элементами обоих являются реальное (а не показное) стремление верховной власти подавить коррупцию и развитое антикоррупционное законодательство. Однако в сфере практической реализации обе модели кардинально отличаются друг от друга. Можно сказать, что эти различия базируются на принципиальной разнице западного и восточного менталитета, в первую очередь на разном понимании взаимоотношений общества и власти на Западе (где чиновничество считается социальным менеджментом, подконтрольным обществу) и на Востоке (где чиновники воспринимаются как начальство, элита, а высшие руководители — как вершители су-

деб страны). Кроме того, важную роль играют различия во взглядах на права человека и на возможность тех или иных ограничений этих прав. При этом сказать, что «Запад уважает права человека, а Восток — нет», нельзя; все существенно сложнее.

Ли Куан Ю — создатель современного Сингапура, ввел в оборот термин «просвещенный авторитаризм», под которым подразумевал «регулируемый рынок при управляемой демократии». По его мнению, экономические реформы должны предшествовать политическим, и лишь после того, как сформированные при активной роли государства рыночные отношения кардинально улучшат жизнь народа, можно переходить к демократизации общества [3, с. 65].

Кроме того, в стране реализуется система «электронного правительства», в рамках которого гражданам и гостям страны с помощью современных информационных и компьютерных технологий оказывается 1600 видов услуг. В Сингапуре на протяжении десятилетия наблюдается стабильность и высокое значение Индекса восприятия коррупции (ИВК) международной организации «Transparency International» («ТИ»). Так, ИВК 2000 г. — 9,1; ИВК 2010 г. — 9,3.

Литература

1. Юсуфханова Л. В., Никитенко Е. Г. Международный опыт борьбы с коррупцией: институциональный аспект // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 3(16). С. 257.
2. Мухамедьярова Л. В. Международный опыт противодействия коррупции: сравнительный анализ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–5. С. 64.
3. Обухов Д. П. Исследование опыта зарубежных стран в сфере борьбы с коррупцией // Журнал правовых и экономических исследований. 2011. № 4. С. 65.

Зарубежный опыт противодействия организованной преступности

© В. Н. Попов

*студент 2-го курса Иркутского юридического института
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Россия
vlad.popov98@yandex.ru*

Организованная преступность, как и борьба с ней в нашей стране, — проблема действительно важная. Деяния, связанные с организацией преступных сообществ, по оценкам специалистов, приобрели значительный размах и характеризуются крайне негативными тенденциями [8, с. 3]. Несмотря на то, что в России уже сложилась нормативно-правовая база противодействия организованной преступности, действуют специальные органы по борьбе с ней, так или иначе существуют некоторые пробелы в данной области, практическую деятельность органов власти порой нельзя назвать эффективной [3, с. 38]. Поскольку проблема преступных сообществ существует во всем мире, то можно обратиться к накопленному опыту зарубежных стран.

Организованная преступность посягает на социальные и правовые интересы и ценности. Теория интересов широко рассмотрена в ряде научных работ [12–18] и может быть использована при исследовании противодействия организованной преступности.

Наиболее широкий и важный метод, выделенный С. В. Зуевым, — это применение системного подхода, который включает в себя все остальные, поскольку его суть заключается в использовании правового, материального, кадрового, организационного, информационного и боевого обеспечения борьбы с организованной преступностью [2, с. 100].

Среди перечисленного основополагающим способом представляется правовой метод, состоящий в совершенствовании нормативно-правовой базы. Конечно, в Российской Федерации существуют соответствующие правовые нормы, как общего характера, так и специальные, направленные на отдельные формы организованной преступности [7, с. 54–55]. Однако, как отмечает А. А. Христюк, необходимо принятие специального комплексного закона о противодействии организованной преступности, как, например, в США — законы RICO, которые отражают все меры противодействия в совокупности [11, с. 119]. В категорию правового обеспечения стоит отнести также и отдельные изменения норм законодательства, выходящие за обычные рамки той или иной отрасли. Подобные отступления от институтов демократического правосудия направлены на преодоление чрезмерной сложности доказывания преступной деятельности ОПГ.

Немаловажным элементом в борьбе с организованной преступностью является грамотно выстроенная система специализированных ведомств, занимающаяся вопросами противодействия преступным организациям. Во многих странах созданы подобные органы: к примеру, в США это Федеральное бюро расследований, секретные службы министерств [2, с. 102], в Польше Бюро по БОП, в Финляндии Центральная криминальная полиция совместно с полицией безопасности [6, с. 395]. Россия не стала исключением: в структуре МВД также создаются управления или отделы по борьбе с организованной преступностью, однако был упразднен Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России, что повлекло за собой снижение противодействия организованной преступности [1, с. 29]. По такому пути определенно не стоит идти, ведь специфика деятельности в этой сфере слишком велика, чтобы она осуществлялась в обычном режиме. Данные подразделе-

ния действуют «от объекта», иначе говоря, они ведут наблюдение за всей группировкой сразу, а не за отдельными преступлениями [10, с. 18].

Стоит отметить необходимость создания координирующих органов, которые бы согласовывали действия различных органов и вырабатывали единую стратегию борьбы с организованной преступностью, как Межведомственный совет по БОП в США или Генеральный совет по БОП в Италии [6, с. 396]. В России таким органом можно назвать Генеральную прокуратуру и ее нижестоящие органы, которые создают различные комиссии, советы, издают указания и методические рекомендации [3, с. 39].

Инструментом, позволяющим значительно усилить борьбу с преступными организациями, являются информационные базы, в которых собираются сведения о гражданах, причастных к организованной преступности или терроризму, как, например, в Канаде [2, с. 100]. Японская же полиция при борьбе с организованной преступностью производит многолетний сбор сведений об истории создания организации, их связях и структуре, численности, источниках доходов и финансирования, используемых методах и т. д. [6, с. 395].

Стоит уделять внимание экономическим вопросам деятельности преступных организаций: в Мексике предусмотрена уголовная ответственность банковских служащих при несообщении о подозрительных финансовых операциях [2, с. 103], а в США каждая денежная транзакция свыше установленной суммы отслеживается [6, с. 394]. Япония использует такое средство борьбы с финансированием преступных сообществ, как отказ в выдаче лицензий фирмам [6, с. 395]. Во Франции же существует возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, при условии использования их в деятельности преступных организаций [5, с. 142].

Одним из сильнейших методов противодействия преступным организациям можно назвать использование СМИ в пропаганде и формировании правосознания населения. Наиболее мощно он реализуется в Японии, где издаются буклеты, книги, справочники, расклеиваются плакаты с призывами к населению помочь в борьбе с группировками, а бывшим участникам преступных организаций помогают вернуться в нормальное общество [6, с. 395]. Ярким примером успешной пропаганды была трансляция по телевидению США судебного процесса над одним из членов «коза ностра» [2, с. 99]. Один из отечественных исследователей Г. А. Никогосян отмечает, что у населения деформирована нравственная позиция по отношению к преступности, а некоторые СМИ искажают жизненные ценности молодежи, следовательно, необходимо повышение правосознания общества [4, с. 129].

Выделяются также и более частные методы: использование результатов ОРД в качестве доказательств в суде, система защиты свидетелей, работа сотрудников по внедрению в ОПГ и даже проведение войсковых операций, как, например, в Колумбии [2, с. 99–100]. Некоторые из них давно используются в России, а другие могут не применяться. Т. А. Фабрика считает, что гарантии безопасности участников уголовного судопроизводства должны быть более существенными [9, с. 105].

Таким образом, зарубежный опыт противодействия организованной преступности очень разнообразен. Часть из рассмотренных методов успешно применяется в Российской Федерации, другая не может использоваться, например ведение боевых действий. Однако есть группа методов, использование которых значительно усилило бы механизм борьбы с преступными сообществами. Среди таких стоит отметить совершенствование нормативно-правовой базы, усиление внимания к экономической деятельности преступных организаций, развитие правосознания общества, развитие системы защиты участников уголовного судопроизводства. При этом следует помнить о необходимости комплексного воздействия по всем важным направлениям деятельности в обществе и государстве.

Литература

1. Годунов О. И. О некоторых вопросах противодействия организованной преступности // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 28–30.
2. Зуев С. В. Противодействие организованной преступности: зарубежный опыт // Современное право. 2007. № 2. С. 99–103.
3. Мондохонов А. Н. Противодействие организованной преступности // Законность. 2012. № 6. С. 38–40.
4. Никогосян Г. А. Проблема совершенствования криминологических мер противодействия организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 125–130.
5. Петров С. В. Специфика юридической регламентации организованных форм преступной деятельности в законодательстве отдельных субъектов международного права // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 141–145.
6. Пырчев С. В. Международный опыт противодействия лидерам организованной преступности и возможность его применения в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 392–397.
7. Рарог А. И. Уголовно-правовое противодействие организованной преступности и качество уголовного закона // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 54–57.
8. Севастьянов Д. Л. Противодействие организации преступного сообщества (преступной организации): криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 2013. 183 с.
9. Фабрика Т. А. Меры противодействия организованной преступности // Вестник ЧелГУ. 2013. № 27(318). С. 102–105.
10. Хинштейн А. Е. Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2013. № 3. С. 17–20.

11. Христюк А. А. Современные тенденции и основные направления противодействия организованной преступности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2013. № 3. С. 115–120.
12. Юрковский А. В. Конституционно-правовая политика противодействия преступности в Монголии, Японии и Республике Корея: контент-анализ // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2016. № 4(38). С. 112–121.
13. Юрковский А. В. Категории «нужда», «потребность», «интерес» в Монголии // *Новая наука: теоретический и практический взгляд*. 2016. № 3–2(69). С. 233.
14. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Китайской Народной Республики // *Академический юридический журнал*. 2015. № 4(62). С. 44–52.
15. Юрковский А. В. Сравнительное исследование категории «революция» в конституционном праве КНР и КНДР // *Сибирский юридический вестник*. 2016. № 1. С. 132–141.
16. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Японии // *Академический юридический журнал*. 2016. № 1(63). С. 46–52.
17. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституциях Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея: сравнительный анализ // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 3. С. 163–166.
18. Юрковский А. В., Тугутова Д. А. Исследование правовой категории «интересы» во взаимосвязи с правовыми категориями «нужда» и «потребность»: на примере Российской Федерации и государств Северо-Восточной Азии // *Современная научная мысль*. 2016. № 2. С. 254–264.

Сравнительно-правовой анализ методов борьбы с коррупционными преступлениями в Республике Казахстан и возможности его применения в России

*© С. П. Сверкунов
студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
sergei.sverkunov@mail.ru*

С момента провозглашения независимости Республика Казахстан встала на путь развития демократии. Как и многие государства, Республика Казахстан уделяет огромное внимание проблеме противодействия коррупции для обеспечения формирования авторитета государства и развития гражданского общества.

На сегодняшний день по уровню индекса восприятия коррупции Республика Казахстан разделяет 131-ю строчку с Россией. Однако в 2015 г. Россия занимала 129-е место, а Республика Казахстан — 123-е место, по сравнению с индексом 2015 г. положение России фактически не изменилось: она получила то же количество баллов (29), а снижение позиции в рейтинге обусловлено тем, что в этом году в нем учитывается большее количество стран [1]. Однако в целом индекс показывает, что Россия, как и Казахстан, находится в очень сложном положении.

Основным источником борьбы с коррупцией в Республике Казахстан является закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗРК, который содержит в себе толкование понятия коррупции. Согласно п. 6 ст. 1 под коррупцией понимается незаконное использование лицами, занимающими ответственную государственную должность, лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, должностными лицами своих должностных (служебных) полномочий и связанных с ними возможностей в целях получения или извлечения лично или через посредников имущественных (неимущественных) благ и преимуществ для себя либо третьих лиц, а равно подкуп данных лиц путем предоставления благ и преимуществ [2].

В России определение понятия коррупции содержится в ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ ст. 1 «коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [3].

Проводя сравнение между двумя законами, необходимо отметить, что в законе Республики Казахстан особое внимание уделено понятийному аппарату. Определяется четкое понимание таких понятий, как коррупционный риск, антикоррупционные ограничения, антикоррупционная политика и т. д.

Также источником по противодействию коррупции является Уголовный кодекс Республики Казахстан, который содержит в себе основания для привлечения к уголовной ответственности за различные составы преступлений. Так, например, согласно ст. 366 УК РК получение взятки в особо крупном размере наказыва-ется штрафом в размере восьмидесятикратной суммы взятки либо лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, с конфискацией имущества, с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В России за аналогичный состав преступления наказывают штрафом в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, или в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до семидесятикратной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет или без такового.

За дачу взятки по ч. 1 ст. 367 УК РК предусмотрено наказание в виде штрафа в размере двадцатикратной суммы взятки, либо лишением свободы на срок до трех лет, с конфискацией имущества или без таковой, с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В России за дачу взятки по ч. 1 ст. 291 УК РФ наказывают штрафом в размере до пятисот тысяч рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, или в размере от пятикратной до тридцатикратной суммы взятки, либо исправительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере от пятикратной до десятикратной суммы взятки или без такового.

Сравнивая аналогичные составы преступлений, предусмотренные законодательством Казахстана, нельзя не обратить внимание, что почти в каждой норме обязательно присутствует такой вид наказания, как конфискация имущества и пожизненное лишение права заниматься определенной деятельностью. Мы считаем, что по некоторым составам коррупционных преступлений в России будет весьма логичным ввести подобные виды наказания, а именно конфискацию имущества и пожизненное лишение права заниматься определенной деятельностью.

Несмотря на все сложности, Республика Казахстан выстраивает свою собственную антикоррупционную систему. Партия «НурОтан», которая защищает конституционные права всех граждан, принимает меры по противодействию коррупции, формируя в обществе неприязнь к ней. Партия привлекает общество содействовать и бороться с коррупцией вместе с государством.

В 2014 г. партией «НурОтан» была утверждена Программа противодействия коррупции на 2015–2025 гг. [4], целью которой является вовлечение в антикоррупционное движение всего общества, создание атмосферы «нулевой» терпимости.

Основные направления борьбы с коррупцией:

- 1) формирование антикоррупционной культуры, образования и воспитания;
- 2) снижение предпосылок возникновения коррупции;
- 3) усиление партийного возникновения коррупции;
- 4) усиление партийного и общественного контроля деятельности органов государственного управления.
- 5) расширение полномочий местного самоуправления;
- 6) совершенствование антикоррупционного законодательства.

Названные меры направлены на консолидацию усилий общества и государства в противодействии с коррупцией, закладывая идеологическую основу государственной антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015–2025 гг. [5].

В рамках Программы противодействия коррупции реализуется идеологический партийный проект «Страна без коррупции — процветающая страна», направленный на формирование антикоррупционного воспитания и повышения уровня правовой грамотности населения. Помимо этого ведется национальный индекс восприятия коррупции обществом в различных регионах страны.

Так, за первые девять месяцев 2016 г., согласно данным Национального бюро по противодействию коррупции, государству было возвращено более 9,5 млрд тенге ущерба, арестовано и изъято имущества на сумму более 10 млрд тенге. К ответственности привлечен 871 чиновник и ответственное лицо, из них руководителей: республиканского уровня — 15, областного — 53, городского и районного — 103 [6].

В общем, по результатам работы антикоррупционной службы национального бюро за 2015–2016 гг. «более 1800 должностных лиц привлечены за коррупцию». «Из них только руководителей различного уровня: республиканского — более 21, областного — 120, городского и районного — 313. Установлен ущерб на сумму свыше 48 млрд, из них возмещено и арестовано имущества на сумму более 32 млрд тенге» [7].

Стоит также отметить, что одну из ключевых ролей в противодействии коррупции играет прокуратура Республики Казахстан. Согласно указу президента, республика Казахстан от 24 сентября 2009 г. № 858, а также с принятием Концепции правовой политики республики Казахстан на период 2010–2025 гг., на прокуратуру помимо своих основных обязательств возлагается бремя обеспечивать эффективность борьбы с коррупционными преступлениями.

В России прокуратура также является ключевым органом, который давно осуществляет борьбу с коррупционными преступлениями и благодаря эффективной работе за 2016 г., по информации генпрокурора, было выявлено 325 тыс. коррупционных правонарушений, для устранения которых было внесено 67 тыс. представлений, 45 тыс. протестов, а в суды направлено более 10 тыс. исковых заявлений. Отмечается, что примерно четверть из них (74 тыс.) связана с предоставлением госслужащими неполных или недостоверных сведений о доходах. При этом более 4,5 тыс. случаев предоставления госслужащими неполных или недостоверных сведений о доходах установлено при проведении контроля за расходами чиновников [8].

Помимо государственных органов и их координационных советов активное участие в борьбе с коррупционными преступлениями в Республике Казахстан принимает Общественный совет. В нем состоят авторитетные и активные члены партии, депутаты парламента, представители общественных объединений, средств массовой информации, малого и среднего бизнеса. Все вместе они вырабатывают новые методы и рекомендации по усовершенствованию работы правоохранительных органов в борьбе с коррупционными преступлениями, также выдвигают свои предположения по модернизации законодательства для достижения «нулевой» терпимости в Республике Казахстан. Несмотря на то, что по своей натуре общественная деятельность не имеет никакой правовой регламентации, мы считаем, что необходимо наделить общественный совет правом осуществлять контроль за деятельностью центральных и местных органов власти.

В России до сих пор является актуальной проблема взаимодействия участия граждан по борьбе с коррупцией с властными органами. Пока данная проблема существует в России, общественный контроль теряет свою актуальность и не сможет реализовывать себя в качестве помощника по противодействию с коррупцией. Так, со стороны чиновников наблюдается враждебное отношение к деятельности активистов и общественных организаций, выявляющих факты коррупции. Получить доступ к информации, например, в отношении использования бюджетных средств, оказывается крайне затруднительно, что снижает вероятность выявления коррупционных схем. Кроме того, обращения граждан, как правило, проверяют те же органы, в которых обнаружены конкретные факты коррупции. А деятельность некоммерческих организаций постоянно является предметом внимания со стороны государственных контролирующих органов. Все это делает участие общественного контроля в противодействии коррупции менее эффективным [9].

Подводя итоги, мы считаем, что Республика Казахстан формирует четкую и верную стратегию по противодействию коррупции. Основываясь на данных индекса восприятия коррупции 2016 г., по сравнению с 2013 г. процент людей, давших взятку, снизился примерно на 10,9%. В 2016 г. 29% респондентов ответили, что давали взятку. Для сравнения, в 2013 г. на данный вопрос утвердительно ответили 39,9% респондентов [10]. Введение новой политики по борьбе с коррупцией уже дает свои плоды. Исходя из вышеизложенного, Россия может использовать у себя некоторые подходы, применяемые в Республике Казахстан в борьбе с коррупцией. Ведь только совместными усилиями и делаясь опытом работы по борьбе с коррупцией с другими странами, мы все будем стараться стремиться к отметке «нулевой» терпимости.

Литература

1. Индекс восприятия коррупции–2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://transparency.org.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
2. О противодействии коррупции: закон Республики Казахстан от 18.11.2015. № 410-V ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <http://mid.gov.kz> (дата обращения: 10.05.2017).
3. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008. № 273-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Програма противодействия коррупции на 2015–2025 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://nurotan.kz/ru> (дата обращения: 10.05.2017).
5. О коррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015–2025 гг.: указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz>
6. Национальное бюро по противодействию коррупции агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции (антикоррупционная служба) [Электронный ресурс]. URL: <http://anticorruption.gov.kz> (дата обращения: 10.05.2017).
7. Власть. 2012–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://vlast.kz> (дата обращения: 10.05.2017).
8. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
9. Турунов М. В. Повышение роли общественного контроля в борьбе с коррупцией // Научный альманах. 2015. № 8(10). С.1343–1347.
10. Люди и коррупция: Казахстан (барометр мировой коррупции–2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://tikazakhstan.org> (дата обращения: 10.05.2017).

Защита прав и свобод осужденных к лишению свободы женщин в России и Монголии

© Е. Ц. Цырендашиева
*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
alenalena24@mail.ru*

Бесспорно, главный показатель цивилизованности и демократичности любого государства в глобализации — это его социально ориентированное законодательство. Каждое государство стремится, чтобы его население как один из главных признаков государства было защищено от внутренних и внешних посягательств. Для обеспечения этих целей каждое государство создает гарантии, которые обуславливаются рядом механизмов их защи-

ты, чтобы свободный гражданин, так и гражданин, находящийся в местах лишения свободы, чувствовал себя защищенным.

В настоящее время Российская Федерация ратифицировала достаточное количество нормативно-правовых документов, которые так или иначе затрагивают и защищают права человека, а также и лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Большую часть из этих документов занимают как отечественные нормативно-правовые акты национального законодательства, так и международные стандарты в области защиты прав человека. До настоящего времени Российская Федерация не задумывалась как-то защищать права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Российской Федерации нужны не только законодательные реформации, но и идеологическое понимание всей сути защиты осужденных, а особенно это касается женщин, находящихся в исправительных учреждениях, ввиду их психологических, физиологических особенностей.

Если за все время существования нашего государства не совсем понимали необходимость защиты прав осужденных женщин, то в настоящем действующем законодательстве правовой статус и положение женщин, осужденных к лишению свободы, достаточно хорошо защищены, и даже введены новые права для осужденных женщин, чего не было ранее. Сейчас защита прав и свобод, интересов осужденных женщин является приоритетным направлением политики РФ. И это правильно, если не защищать права женщин, то это скажется на общем фоне государства и затронет все сферы жизнедеятельности, а особенно семейной сферы.

Установление и закрепление в национальном законодательстве правового положения осужденных женщин имеет большое значение, потому что это позволяет рассматривать исполнение наказания как деятельность, осуществляемую в легально-правовом поле, использовать в процессе их исправления средства и необходимые методы нравственного порядка [2].

У осужденных женщин, так же как и у осужденных мужчин, есть права:

1) право на свободу передвижений (Всеобщая декларация прав человека, статья 13). Оно естественно ограничено самим характером заключения, равно как и свобода общения (Всеобщая декларация прав человека, статья 20). Но осужденные не полностью лишены даже этих прав, поскольку они редко содержатся в полной изоляции, а если их и помещают в такие условия, то на это имеются очень веские причины;

2) право на общение с семьей (Всеобщая декларация прав человека, статья 12). Обеспечение максимально возможного доступа к семьям должно быть составной частью системы, которая гуманно обращается с осужденными. Признание важности поддержания связи осужденных с семьями необходимо для того, чтобы место жительства осужденного представлялось в качестве обуславливающего фактора при решении вопроса о том, в какую исправительную колонию он будет направлен для отбывания наказания;

3) право на охрану здоровья и медицинскую помощь (Конституция РФ, статья 41). Вне зависимости от характера и степени общественной опасности, категории совершенного преступления, осужденные лица имеют право на самый высокий достижимый уровень физического и психического здоровья (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 12). Также осужденные лица пользуются медицинским обслуживанием без какой-либо дискриминации в связи с их юридическим положением (Основные принципы обращения с заключенными, принцип 9). В каждом учреждении, исполняющем наказание, необходимо как минимум обеспечить: систематические консультации амбулаторных больных, оказание неотложной помощи, должным образом оборудованное помещение для оказания консультаций и лечения осужденных, запас нужных лекарств и препаратов, оборудование для проведения физиотерапии и восстановления после окончания курса лечения, особые диеты, которые необходимы по медицинским показаниям;

4) право каждого гражданина принимать участие в управлении страной непосредственно или через своего представителя (Всеобщая декларация прав человека, статья 21). В ч. 3 ст. 32 Конституции РФ устанавливается открытое ограничение прав осужденных лиц, на участие в выборах (т. е. они не имеют права избирать и быть избранными) [7].

Существуют права осужденных, которые принадлежат исключительно женщинам:

1) беременным женщинам, кормящим матерям создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания;

2) осужденные женщины, чьи дети находятся в домах ребенка при исправительных учреждениях, имеют право на получение пособия по уходу за ребенком;

3) беременные женщины не допускаются к работе в ночное время, привлекаются к работе без оплаты труда по их желанию.

Гарантированность — это основное свойство института прав человека и гражданина. Можно декларировать широкий спектр свобод, но они только тогда по-настоящему имеют высшую ценность, когда всякий гражданин РФ имеет возможность ими воспользоваться, а государство способно не допускать их нарушения.

Гарантии — меры, которые обеспечивают вероятность реализации гражданином, а именно осужденным, принадлежащих ему прав и свобод, и являются одним из самых важных элементов правового статуса и положения, которые подразделяются на юридические, политические, экономические и социальные. Чтобы понять, для чего нужны гарантии прав и свобод человека и гражданина, мы в первую очередь обращаемся к Конституции РФ, где говорится, что государство обязано соблюдать права и свободы всех людей и это является высшей ценностью любого государства, и РФ в том числе. Самое приоритетное направление политики нашего государства — это, конечно же, реализация и защита этих прав, это является наиболее важной и необходимой гарантией. Чтобы они имели юридическую силу, необходимо их закрепить в законодательстве, поэтому они содержат-

ся в нормативно-правовых актах РФ, но имеют разные уровни, например: конституционный, законодательный, подзаконный.

Б. С. Эбзеев не зря говорит, что все юридические гарантии — это единый организм и находятся они в соподчинении, дополняя друг друга. Чрезвычайно важным представляется также положение о том, что все гарантии прав личности выступают, прежде всего, в правовой оболочке в виде юридических гарантий и в самом общем виде закрепляются в Конституции. Поэтому именно через юридические гарантии как через основное средство защиты прав и свобод и определение самой возможности их реализации осужденные лица могут осуществлять свои законные конституционные права в период отбывания наказания в исправительных учреждениях [3].

С принятием Конституции РФ в 1993 г. сформировался системно-правовой комплекс, который предназначен для того, чтобы государство могло гарантировать осуществление основных прав и свобод человека и гражданина, в его структуру входят следующие уровни:

- 1) основы конституционного строя;
- 2) демократические принципы правосудия;
- 3) правовой статус личности;
- 4) право каждого на судебную защиту своих прав и свобод.

Все гарантии делятся на две группы: общие и специальные. К общим относятся: обращение в КС РФ; самозащита своих прав лично; защита прав (т. е. все органы всех трех ветвей власти должны соблюдать и защищать права осужденных, в рамках своих полномочий, для эффективного осуществления деятельности); международная защита прав и свобод (каждый человек, в том числе осужденные, может обратиться в Европейский суд по правам человека, не анонимно, если исчерпаны все внутригосударственные средства защиты и пройдены все инстанции).

Особыми конституционными гарантиями прав человека и гражданина (гарантиями правосудия) являются: соблюдение подсудности; право на получение юридической консультации; презумпция невиновности; запрет осуждения два раза за одно и то же преступление; неиспользование незаконно полученных доказательств; пересмотр приговора, вступившего в законную силу; недопустимость самообвинения; заглаживание вины; закон не имеет обратной силы.

Существуют принципы, которые присущи всем гражданам РФ, независимо от их пола, расы, принадлежности, имущественного положения, т. е. все в равной степени имеют на это право: равенство всех перед законом; реализация гражданами своих прав; обжалование в суд.

Директор ФСИН России А. А. Реймер в одном из своих выступлений сказал, что «гарантии конституционных прав, идеи гуманизма тесно переплетаются и применяются именно к осужденным и заключенным под стражу, имеют абсолютный общественный смысл. Когда осужденный отбывает наказание в исправительном учреждении, ему нужно дать возможность оставить свой человеческий облик, подготовиться после отбывания наказания к полноценной жизни на воле. Проще говоря, необходимо дать осужденным лицам, в том числе женщинам, шанс для возвращения к социальным нормам поведения. Исходя из этих соображений уголовно-судебная и уголовно-исполнительная политика переживает основательные изменения, в сторону сведения к самому минимуму отрицательных общественных последствий лишения свободы, как для осужденного, так и для его семьи, для общества, членом которого он остается и в период отбывания наказания, и после него» [10].

Не стоит забывать, что основной гарантией соблюдения, реализации и защиты (в случае нарушения) прав и свобод граждан, в том числе и осужденных к лишению свободы, прежде всего играет государственный контроль.

Для эффективного обеспечения государственного контроля необходимо в первую очередь, чтобы само государство, весь государственный аппарат, должностные лица соблюдали законность и своевременно и правильно применяли нормы уголовного права. Этим демонстрируется функционирование всего аппарата в целом и страны.

В уголовно-исполнительном законодательстве Монголии функцию пенитенциарной системы тесно связывали с такими понятиями, как воспитание и оказание воспитательного воздействия. Терминология, включающая в себя такие понятия, как просвещение, перевоспитание, исправительно-воспитательная, политико-воспитательная, культурно-воспитательная работа, профессиональное обучение, обучение трудовым навыкам, закреплена на уровне правовых норм и институтов в связи с обеспечением цели наказания. Важная направленность социальной работы в учреждениях заключается в предотвращении совершения новых преступлений. Для этого необходимо, по мнению монгольских властей, оказание на осужденного воспитательного воздействия, усвоение навыков и умений трудиться, коррекция поведения осужденного и формирование необходимого правосознания и другое. Нужно отметить и проведение различных мероприятий по повышению уровня знаний осужденных о рыночной экономике, гражданском обществе, психологии, истории и традициях.

В Монголии, так же как и в России, порядок осуществления прав осужденных женщин устанавливается кодексом, а также иными нормативными правовыми актами. При осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, а также ущемляться права и законные интересы других лиц.

Законодательные изменения, произошедшие в уголовно-исполнительной системе Монголии, существенно приблизили условия отбывания лишения свободы к международным стандартам. Однако ограниченные экономические и социальные возможности страны, специфическая структура мест лишения свободы не позволяют

говорить о том, что современное состояние уголовно-исполнительной системы Монголии полностью соответствует параметрам, предъявляемым международным стандартам к обращению с осужденными.

Литература

1. Селиверстов В., Шмаров И. Правовое регулирование исполнения наказаний в виде лишения свободы и смертной казни // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 47.
2. Ростовщиков И. В., Ростовщикова О. В. О признании и гарантиях прав человека // Права человека в России: проблемы гарантий на современном этапе. Волгоград, 1999. С. 7.
3. Эбзеев Б. С. Конституционные основы свободы личности в СССР. Саратов, 1982. С. 123.
4. Права человека: история, теория и практика. М., 1995. С. 141.
5. Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. М., 1961. С. 529.
6. Шевцов В. С. Права человека и государство в Российской Федерации. М., 2002. С. 193–195.
7. Конституционное право России: учебник / А. Н. Головистикова [и др.]; под ред. Н. А. Михалевой. М.: Эксмо, 2006. С. 466–476.
8. Права человека: учебник для вузов / под ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма, 2001. С. 378.
9. Мелентьев М. П. Правовой статус осужденных и его конституционные гарантии // Воспитание и правопорядок. 1987. № 2. С. 51–53.
10. Выступление Директора ФСИН России А. А. Реймера на заседании коллегии Минюста России по вопросу «О соблюдении прав человека в учреждениях ФСИН России». 2010. 16 дек.
11. Гантулга Н. Социальная работа в учреждениях по отбыванию наказания в виде лишения свободы в Монголии: ее особенности и актуальные проблемы // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11–12 декабря 2014 г.). Киров, 2014. С. 31–41.

О конфискации имущества по УК КНР

© *Чжан Синь*

*магистрант Политико-юридического университета
г. Пекин, Китай*

Конфискация имущества является очень строгой мерой наказания. В УК КНР она указывается в санкциях 59 статей Особенной части Кодекса. В данной статье анализируется конфискация имущества в Уголовном Кодексе КНР, включая историю конфискации имущества как вид наказания, сферу конфискации имущества, покрытие долгов из конфискованного имущества и преступления, за которые может быть назначена конфискация имущества.

Конфискация имущества является одним из древних видов наказаний уголовного права. Уже в период Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н. э.) появляются первые записанные правила о конфискации имущества. Как главный способ защиты порядка она широко применялась до конца Цинской династии (1644–1911 гг.). В начале двадцатого века по требованию народа был принят новый кодекс, в котором конфискация имущества как вид наказания была отменена и установлена в качестве предупредительных мер безопасности. Под влиянием УК РСФСР КНР как социалистическая страна в УК 1979 г. предусматривала конфискацию имущества [1, с. 87].

В действующем уголовном кодексе (редакция уголовного кодекса от 1997 г.) подраздел 8 третьей главы общей части устанавливает сферу конфискации имущества и покрытие долгов из конфискованного имущества. В настоящее время конфискация имущества относится к дополнительным наказаниям, которые могут применяться самостоятельно или дополнительно. По 59-й статье УК КНР можно понимать конфискацию имущества с трех позиций. Во-первых, конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства части либо всего имущества, являющегося личной собственностью осужденного. Конфискация имущества обращается на собственность осужденного или его долю в общей собственности. Необходимо четко различить личную собственность осужденного от имущества, принадлежащего членам семьи осужденного и чужому человеку. Конфискация имущества не может быть обращена на долю других лиц, владеющих имуществом совместно с осужденным на правах общей собственности [2, с. 80].

Уголовный закон устанавливает два вида конфискации: а) полную — изъятие всего принадлежащего осужденному имущества; б) частичную — изъятие части имущества [3]. Назначаться изъятие части или всего имущества должно исходя из обстоятельств основного преступления, материального состояния семьи осужденного и степени общественной опасности совершенного преступления.

Во-вторых, при конфискации всего имущества следует сохранить необходимый прожиточный минимум для самого осужденного и членов его семьи, находящихся у него на иждивении. Необходимо обеспечить бытовую жизнь семьи осужденного, в этом выражается гуманитарная забота законодателей.

В-третьих, при назначении конфискации имущества не подлежит конфискации имущество, которое принадлежит или должно принадлежать членам семьи осужденного, это личная собственность членов семьи, в том числе их личная одежда, вещи и доходы от трудовой деятельности. Оно является долей членов семьи осужденного в общей собственности.

Что касается покрытия долгов из конфискованного имущества, по 60-й статье УК при изъятии имущества ранее сделанные осужденным законные долги необходимо уплатить из конфискованного имущества по запросу кредитора. Исходя из этого, покрыть долги из конфискованного имущества можно только при выполнении трех условий одновременно:

- 1) долги возникают раньше, чем приговор конфискации имущества вступает в действие;
- 2) долги должны быть законными, не включать в себя незаконные долги, например в результате азартной игры и т. д.;
- 3) кредитор подает прошение.

Покрытие долгов из конфискованного имущества ограничивается пределами конфискованного имущества и порядком погашения долга. Надо обратить внимание, что задачи уголовного кодекса КНР включают в себя охрану частной собственности граждан. Государство не должно бороться за выгоды с гражданами. Это тоже можно заметить в статье 36: при вынесении приговора к конфискации имущества одновременно несущий гражданскую ответственность за возмещение ущерба преступник должен прежде всего нести гражданскую ответственность по возмещению убытков потерпевшему.

Преступления, за которые может быть назначена конфискация имущества:

- 1) преступления против государственной безопасности (ст. 102–112 УК КНР); (по ст. 113 УК КНР за совершение преступлений, предусмотренных первой главой особенной части, в качестве дополнительного наказания может применяться конфискация имущества);
- 2) преступления против общественной безопасности (ст. 120–124 УК КНР);
- 3) преступления против социалистического рыночного экономического порядка (ст. 140–145, 147, 151–153, 163, 170, 171, 177, 178, 192–198, 204–207, 209, 212, 224, 225 УК КНР);
- 4) преступления против прав личности и демократических прав граждан (ст. 234.1, 239, 240 УК КНР);
- 5) преступления против собственности (ст. 263, 264, 266, 267, 271 УК КНР);
- 6) преступления против порядка управления и общественного порядка (ст. 294, 300, 318, 328, 334, 341, 347, 350, 351, 358, 363 УК КНР);
- 7) коррупция и взяточничество (ст. 383, 388, 390 УК КНР).

Таким образом, в настоящем уголовном кодексе КНР конфискация имущества как дополнительный вид наказания состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства части либо всего имущества, являющегося личной собственностью осужденного. При назначении конфискации имущества не подлежит конфискации имущество, которое принадлежит или должно принадлежать членам семьи осужденного. При конфискации всего имущества следует сохранить необходимый прожиточный минимум для самого осужденного и членов его семьи, находящихся у него на иждивении. При изъятии имущества, ранее сделанные осужденным законные долги необходимо уплатить из конфискованного имущества по запросу кредитора. Конфискация имущества устанавливается за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, преступления против государственной безопасности и общественной безопасности.

Литература

1. Лун Чанхай. Общая конфискация имущества как вид наказания: опыт русского законодательства и реальность в Китае // *Общественные науки*. 2013. № 2. С. 87.
2. Лю Чживэй. Некоторые советы для совершенствования института конфискации имущества // *Чжун чжоу*. 2006. № 152. С. 80.
3. Михлин А. С. Уголовное право. 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.be5.biz/ugolovnoe_pravo/konfiskaciia.html#t6579 (дата обращения: 16.05.2017).

Регламентация уголовной ответственности за лесонарушения на постсоветском пространстве и в Китае

© **Д. Б. Чураков**
*соискатель Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
г. Тверь, Россия
dins@list.ru*

В настоящее время в период глобализации социальных процессов все большее значение приобретает необходимость сравнения нормативно-правового регулирования разных стран. Особую роль сравнительное правоведение приобретает в сфере экологического законодательства в целом и в сфере уголовно-правовой ответственности за экологические преступления в частности.

По данным Глобальной оценки лесных ресурсов ФАО ООН, Российская Федерация является мировым лидером по площади лесов, на долю которой приходится около 20% общей площади лесов. Общий объем древесины в лесах мира составляет 527 млрд м³. По запасам древесины первое место занимает Бразилия — 126 млрд м³, за-тем Россия — 83 млрд м³, США — 47 млрд м³, Канада — 33 млрд м³, Китай — 14 млрд м³ [1].

Необходимость сравнительного исследования в данной сфере во многом обусловлена трансграничностью экологических процессов, происходящих на Земле. Как известно, антропогенная деятельность человека приобрела в последнее время глобальный характер и ее негативные последствия, вызванные такой деятельностью в отдельно взятой стране, не ограничиваются пределами данного государства, а распространяются на прилегающие территории и оказывают влияние на биосферу Земли в целом.

Сравнение уголовно-правовых норм разных государств дополняет и конкретизирует исследование правового регулирования уголовной ответственности за лесонарушения. А. Х. Саидов отмечает, что сравнение является постоянным элементом всех форм познания. Хаотичный массив научных фактов может превратиться в стройную систему [2, с. 2, 4].

При сравнении законодательства стран бывшего СССР следует отметить определенную общность правовых систем этих государств в общем и уголовного права в частности, обусловленную их развитием в составе единого государства. На схожесть объекта, построения и содержания диспозиций норм большинства стран СНГ, регулирующих ответственность за лесонарушения, указывают и исследующие данный вопрос авторы [3, с. 36]. Более того, научное пространство до настоящего времени является практически единым, используются тождественные правовые категории, понятия, при проведении научных исследований ученые стран СНГ используют наработки и выводы своих коллег из соседних стран.

Традиционно для постсоветского пространства источники уголовного права кодифицированы. Уголовный кодекс является единственным уголовным законом в странах бывшего СССР. Как отмечает С. С. Босхолов, в уголовном законе выражаются и закрепляются уголовная политика государства и те ее направления, которые связаны с материальным уголовным правом [4, с. 95].

Уголовно-правовые нормы, направленные на охрану лесных и иных насаждений от незаконных рубок, в странах ближнего зарубежья по конструкции, категории, определяющей степень общественной опасности и санкции, значительно варьируются. Наиболее дифференцирована ответственность за незаконную рубку в Уголовном кодексе РФ и Республики Казахстан, предусматривающих особо квалифицированные составы.

Максимальный размер санкций норм, предусматривающих основной состав незаконной рубки, составляет в Республике Казахстан арест сроком до 75 суток, в Российской Федерации — лишение свободы сроком до 2 лет.

Уничтожение и повреждение лесных и иных насаждений в результате неосторожного обращения с источниками повышенной опасности или огнем практически во всех странах представлены только основным составом. Лишь в России и Латвийской Республике предусмотрены квалифицированные составы. Максимальные санкции рассматриваемых норм варьируются от ограничения свободы сроком до 2 лет в Республике Таджикистан до лишения свободы сроком до 3 лет в Кыргызской Республике и Республике Молдова.

Умышленное уничтожение и повреждение лесных и иных насаждений регламентированы лишь основным составом преступления в законодательстве республик Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Узбекистан и Кыргызской и Эстонской республиках. В России, на Украине и в Республике Таджикистан выделены также и квалифицированные составы таких преступлений. Наиболее дифференцирована ответственность за умышленное уничтожение лесных насаждений в Латвийской Республике. В большинстве стран с учетом квалифицированных составов данные преступления отнесены к тяжким. Вместе с тем в Эстонии, Кыргызской Республике и Таджикистане такие деяния относятся к преступлениям средней тяжести, а в Республике Узбекистан — небольшой тяжести (не представляющие большой общественной опасности). Максимальные санкции норм варьируются от 3 лет лишения свободы в Республике Узбекистан и Эстонии до 10 лет на Украине, где санкция за совершение такого преступления является одной из самых суровых на постсоветском пространстве.

Особый интерес для сравнительного исследования уголовно-правового регулирования ответственности за лесонарушения представляет признак объективной стороны преступного деяния, за совершение которого предусмотрено наказание. Изучение данного элемента преступления позволяет определить эффективность формулировок деяний, запрещенных под угрозой наказания, их лаконичность и полноту охвата охраняемых отношений, а также выявить вид криминализированных лесонарушений.

Традиционно для стран бывшего СССР нормы, регламентирующие уголовную ответственность за посягательства на зеленые насаждения, по объективной стороне дифференцируются по двум видам деяний — незаконная рубка и уничтожение (повреждение) насаждений.

Объективная сторона составов, направленных на охрану насаждений от незаконных рубок, в разных странах характеризуется различной степенью детализации и совокупностью преступных деяний. Обычно такие деяния включают незаконную либо самовольную рубку (на всем постсоветском пространстве), повреждение насаждений (Республика Казахстан, Республика Армения, Латвия, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан и Россия). При этом признак «до степени прекращения роста» не использован в нормах УК Республики Казахстан и Латвии.

Представляется весьма обоснованным, что ч. 1 ст. 340 Республики Казахстан отдельно регламентирует уголовную ответственность за посягательства на растительность, не относящуюся к лесному фонду: «Незаконная порубка, уничтожение или повреждение деревьев и кустарников, не входящих в лесной фонд и запрещенных к порубке, кроме деревьев и кустарников на приусадебных, дачных и садовых участках, а равно уничтожение или повреждение лесных культур, сеянцев либо саженцев в лесных питомниках и на плантациях, а также молодняков естественного происхождения, подроста, либо самосев на площадях, предназначенных для воспроизводства лесов и лесоразведения».

Квалифицирующие признаки состава незаконной рубки также значительно отличаются. Так, во многих странах (республики Казахстан, Молдова, Беларусь, Таджикистан и Кыргызская Республика) к таким признакам отнесено совершение деяния в крупном размере. Деяния, совершенные с использованием должностного или служебного положения, образуют квалифицированные составы незаконной рубки в УК РФ, республик Казахстан, Армения, Молдова, Таджикистан и Кыргызской Республики. Кроме того, УК республик Казахстан, Армения и Латвийской Республики резонно относит к квалифицирующим признакам совершение деяний на особо охраняемых природных территориях.

Неоднократность и повторность выступают в качестве квалифицирующих признаков в УК республик Казахстан и Таджикистан соответственно.

К особо квалифицирующим признакам незаконной рубки законодатель России отнес их совершение в особо крупном размере, в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группой, Республики Казахстан — в составе преступной группы, а Латвийской Республики — организованной группой либо с причинением существенного вреда.

Нормы, обеспечивающие охрану лесов от неосторожного уничтожения или повреждения лесов, присутствуют во всех странах ближнего зарубежья. При этом способ совершения таких деяний не раскрывается в УК Украины и УК Эстонской Республики. В остальных странах способом совершения таких деяний является неосторожное обращение с огнем, которое является единственным способом в УК Республики Узбекистан. В России, республиках Казахстан, Азербайджан, Армения, Молдова, Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан такие деяния признаются преступлениями также и в случае неосторожного обращения с иными источниками повышенной опасности. В результате неосторожного обращения с взрывчатыми веществами такие деяния криминализованы в республиках Армения, Беларусь, Таджикистан, что представляется излишним, поскольку данный признак относится к источникам повышенной опасности. Наиболее детализированы способы совершения рассматриваемого преступления в Республике Беларусь, предусматривающие уничтожение либо повреждение леса в результате неосторожного обращения с огнем, несоблюдения правил производства взрывных работ, нарушения правил эксплуатации других источников повышенной опасности, нарушения порядка заготовки и вывозки древесины, повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере.

Умышленное уничтожение или повреждение лесных насаждений регламентировано с прямым указанием на форму вины «умышленно» — в УК Республик Казахстан, Молдова и Узбекистан, и «преднамеренно» — в УК Латвийской республики. Способы совершения включают поджог (в республиках Казахстан, Азербайджан, Армения, Молдова, Таджикистан, Латвийской и Кыргызской республиках), иной общеопасный способ (в республиках Казахстан, Азербайджан, Армения, Таджикистан и Кыргызской Республике), загрязнение вредными веществами, отходами (в республиках Казахстан, Азербайджан, Таджикистан), загрязнение выбросами или отбросами (в республиках Казахстан и Таджикистан), либо другими веществами (Республика Таджикистан). При этом необходимым признаком для квалификации деяния по рассматриваемому составу в Эстонской Республике является причинение существенного вреда, а в Республике Узбекистан — крупного ущерба.

В уголовном законодательстве стран, использующих признаки значительного, существенного, крупного и особо крупного ущерба для квалификации преступных лесонарушений, как правило, имеют стоимостное выражение через четко определенную сумму, либо в кратном размере от базовой суммы. Например, законом Эстонской Республики в УК определены размеры существенного и крупного вреда, которым соответствуют суммы в 10-кратном и в 600-кратном размере минимальной заработной платы соответственно. Вместе с тем в республиках Армения, Молдова и в Латвии указанный критерий не определен и оставлен на усмотрение правоприменителя, что создает определенные трудности для отграничения преступных деяний от непроступных. А в УК Республики Казахстан пошли по пути определения крупного ущерба через стоимостное выражение затрат, необходимых для восстановления окружающей среды и потребительских свойств природных ресурсов, в размере, превышающем одну тысячу месячных расчетных показателей.

Весьма схоже с российским уголовное законодательство Китайской Народной Республики, что объясняется заимствованием норм из советского и российского уголовного права.

А. С. Клинов отмечает, что криминализация незаконной лесодобычи объясняется бедностью Китая лесными ресурсами [5, с. 260].

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за лесонарушения, в УК КНР классифицированы по трем основаниям. Первая группа, состоящая из статей 114 и 115 УК КНР, помещена в главу 2 «Преступления против общественной безопасности», что определяет и основной объект данной категории преступлений. Указанные статьи схожи со ст. 261 УК РФ, предусматривающей ответственность за уничтожение лесов. Так, ст. 114 УК КНР гласит, что поджог, затопление, взрыв, применение отравляющих веществ либо совершение иных опасных действий, направленных на разрушение лесных угодий или иного государственного и частного имущества, причинившие вред безопасности, но не повлекшие за собой серьезных последствий, наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет [6, с. 66]. Санкция статьи довольно суровая по сравнению с УК РФ, которым установлено максимальное наказание в виде лишения свободы до восьми лет. Статья 115 УК КНР предусматривает повышенную ответственность за те же действия, но повлекшие человеческие жертвы, тяжкое увечье или смерть либо причинившие серьезный ущерб государственному или частному имуществу. Наказание за такое преступление установлено в виде лишения свободы на срок от 10 лет до пожизненного или смертной казни. Специально оговаривается, что неудачная попытка совершения этого преступления влечет на-

казание в виде лишения свободы от 3 до 7 лет, а при смягчающих обстоятельствах — до 3 лет или краткосрочным арестом.

Такие лесонарушения, как незаконная порубка, китайский законодатель поместил в параграф 6 «Преступления против порядка общественного управления» главы 6 «Преступления против порядка общественного управления» УК КНР (ст. 344–346). За незаконную рубку при отягчающих обстоятельствах предусмотрено весьма суровое наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 7 лет или штраф.

Статьей 345 УК КНР обоснованно предусмотрен квалифицирующий признак незаконной рубки в особо крупном объеме, при наличии которого назначается наказание в виде лишения свободы на срок свыше 7 лет и штраф. Сверхнормативная рубка лесов и иных деревьев в сравнительно крупном объеме в нарушение Закона о лесах наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания — штрафом. То же деяние, совершенное в крупном объеме, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет и штрафом. Незаконная, сверхнормативная рубка в государственных заповедных лесах или иных охраняемых государством лесах наказывается максимально суровым наказанием из предусмотренных ст. 345 УК КНР.

В отношении организаций, осуществляющих незаконную порубку леса, применяется специальная ст. 346 УК КНР, в соответствии с которой в случае совершения деяний, указанных в ст. 344, 345 УК КНР, к ним применяются штрафные санкции, а руководители и другие лица организации, несущие непосредственную ответственность, наказываются в соответствии со ст. 344, 345 УК КНР.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование норм об ответственности за преступные лесонарушения в уголовном законодательстве зарубежных стран позволяет определять как недостатки, так и положительные черты национальных уголовных законов.

Литература

1. Ежегодный доклад о состоянии и использовании лесов Российской Федерации за 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/docs/other> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М.: Норма, 2006.
3. Каплунов В. Н. Преступления, посягающие на лесные ресурсы: уголовно-правовая и криминологическая характеристика (по материалам Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юр. наук. Хабаровск, 2011.
4. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 2004.
5. Клинов А. С. Ответственность за экологические преступления по уголовному праву КНР // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6–9 октября 2011 г.) / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. Краснодар: ЭДВИ, 2011.
6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева; пер. с кит. Д. В. Вичикова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Гэмт хэргийн субъектын зарим асуудлыг боловсронгуй болгох нь

© **Доржийн Насанбат**
Монголын Үндэсний их сургууль
Улаанбаатар, Монгол Улс
d.nasanbat@mnu.edu.mn

Нэг. Гэмт хэргийн субъектын насны тухай ойлголт

Гэмт хэргийн субъектын нэг үндсэн шинж нь гэмт хэрэг үйлдсэн этгээд Эрүүгийн хуульд заасан тодорхой насанд хүрсэн байх явдал мөн. Хүний нас бол хувь хүнийг тодорхойлох нэг гол шинж бөгөөд өөртөө биологи, сэтгэл зүй, нийгмийн, эрх зүйн зэрэг олон хүчин зүйлийг багтаасан өргөн хүрээтэй ойлголт бөгөөд эрх зүйн талаас авч үзвэл хүний нас нь:

1. Хүний төрөхөөс үхэх хүртэлх үеийг хамран үргэлжлэх цаг хугацаа
2. Хүний нас нь хүний үр хөврөл генийн түвшингөөс бие махбодь болон өсч хөгжих биологийн, физиологийн болон сэтгэл зүйн нарийн төвөгтэй хүний хөгжлийн процесс үйл явц
3. Бие хүний нийгмийн статус нийгэмд эзлэх байр суурь эрх зүйн байдлыг бий болгох, тодорхойлох өөрчлөх эрх зүйн ач холбогдол бүхий үйл явц факт [15, ху. 402] юм.

Хүний ухамсарт үйл ажиллагааны сэтгэцийн түвшинг тодорхойлогч хүчин зүйл бол түүний нас юм. Учир нас ахих тусам хүний оюун ухаан, сэтгэх үйл явцын цар хүрээ улам сайжирч, амьдрал, үйл ажиллагааны туршлага баяжин төлөвшиж, өөрийн ажиллагааны мөн чанар, учир утга, гарах үр дагаврыг ухамсарлан ойлгох, тайлбарлах, түүнчлэн үйл ажиллагаагаа удирдан залах, захиран хариуцах чадвар улам нэмэгддэг зүй тогтолтой билээ. Үүнийг харгалзан улс бүр эрүүгийн хуульдаа эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэх субъектын насны доод

хязгаарыг тогтоож иргэн нь өөрийн үйлдлийн мөн чанар, гарч болох үр дагаврыг урьдчилан ойлгох, ухамсарлах энэ үндсэн дээр өөрийн ажиллагаагаа удирдан жолоодох чадвартай болох шаардлагатай холбоотой юм.

Хоёр. Эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэх насны доод хязгаар

Эртний Ромын 12 хүснэгтийн хуульд гэмт хэрэг үйлдсэн насанд хүрээгүй хүнд хөнгөн чл хэрэглэх, насыг 3 янзаар тогтоож байсныг ОХУ-ын эрдэмтэд тэмдэглэж байв [16, ху.389–390].

Доктор Х.Сэлэнгэ “Ромын эрх зүй” бүтээлдээ “Ромын эрх зүйн субъект нь 7 нас хүрсэн байх ёстойг дурьдаад эрэгтэй 7–14, эмэгтэй 7–12 насны субъект нь хэсэгчилсэн, эрэгтэй 14–25, эмэгтэй 12–15 насны субъект эрх зүйн бүрэн чадамжтай байна [20, ху.39] гэжээ.

XII зуунд Лондон хотын шүүх хулгай гэмт хэрэг үйлдсэн этгээд нь 12 насанд хүрээгүй бөгөөл хулгайлсан зүйлийн үнэ 12 пенсээс хэтрэхгүй бол ял хүлээлгэхгүй гэсэн шийдвэр гаргаж байжээ.

XV зуунд Энэтхэгт гарсан хуульд 5-аас доош насны балчир хүүхэд хүнд, хөнгөн нь хамгаагүй ямар нэгэн гэмт хэрэг үйлдвэл түүнийг шүүн хэлэлцэхгүй бөгөөд эцэг эхийг нь ч шийтгэж болохгүй гэж дурьджээ.

Францад хөрөнгөтний хувьсгалаа өмнө 7-гоос дээш насны хүүхэд ял оногдуулдаг байсан зэргээр дундад зууны үед бага насны хүүхдийг эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэдэг байсан нь цөөнгүй тэмдэглэн үлдсэн. Францад хөрөнгөтний хувьсгалаас хойш субъектын насны доод хязгаарыг дээшлүүлэн тухайлбал 1810 онд 13 нас болгожээ.

XII–XIX зуунд Европ болон Арабын зарим орнуудад субъектын насыг 9–16 насны хооронд тогтоожээ. Тухайлбал: Итали, Испани 9, Австри, Болгор, Голланд, Дани, Орост 10, Герман, Унгар, Румын Швейцарь 12, Турк 13, Норвеги 16 байхаар тус тус тогтоожээ [13, ху.41]. Харин Мусальманы эрх зүйн тогтолцоотой орнуудын тухайд, Египет, Ирак, Ливан, Йемен зэрэг орнуудад гэмт хэрэг үйлдсэн 7 настай хүүхэд эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэхээр хуульчилсан байна [19, ху.25]. Турк улс нь мусульманы шашинтай ч Ром-Германы эрх зүйн тогтолцоог эрхэмлэн гэмт хэргийн субъектыг 11 нас байхаар Эрүүгийн хуулийн 53-р зүйлд хуульчилжээ. [7, ху.459], [21, ху.62].

Дэлхийн зарим улс орнуудын орчин үеийн эрүүгийн хууль тогтоомжоос үзэхэд ихэнх улсууд өөрсдийн хуульдаа субъектын насыг 16 байхаар хуульчилсан байгаа боловч өөр өөрийн өвөрмөц онцлогтой байгаа нь ажиглагдлаа. Тухайлбал, гэмт хэргийн субъектын насны доод хязгаар Болгарт 18 нас [22, ху.42], Францад 13 нас, Польшд 17 нас, ХБНГУ, Итали, БНСУ-д 14 [23, ху.46], Англид 17, АНУ-ын Эрүүгийн ерөнхий хуулинд 14 байна. [25, ху.137–138] Гэтэл АНУ-ын мужууд субъектын насыг өөрөөр тогтоосон байна. Тухайлбал, субъектын насны доод хязгаар Колорадо болон Луизиан мужуудад 10, Жорджин болон Иллинойса мужуудад 13, Техас мужид 15, Нью-Йорк мужид 16 байна [24, ху.9].

БНХАУ-ын Эрүүгийн хуулийн 17-р зүйлд «Гэмт хэрэг үйлдсэн 16 насанд хүрсэн хүнд хариуцлага хүлээлгэнэ. Харин 14–16 насанд зориуд хүн алсан, хүнийг зориуд гэмтээгээд хүнд шархдуулсан буюу үхүүлсэн, хүчиндсэн, тонон дээрэмдсэн, хорт эд панзадсан, гал тавьсан, дэлбэлсэн, хор хаясан ял хийсэн байвал эрүүгийн хариуцлага хүлээнэ [5, ху.13] гэмт хэргийн субъект болохоор заажээ. 18 насанд үл хүрэгсэд ял хийсэн байвал хөнгөн шийтгэнэ. 16 насанд үл хүрснээс болж, эрүүгийн хариуцлагаар эс шийтгэгдэгсдийг гэрийн ахмад буюу харгалзан хамгаалагчдад зарилагдан тушааж хамааруулна. Чухалтай үед засгийн ордонд хураамжлан авч засаж хүмүүжүүлж болно» гэж хуульчилсан байна [7, ху.458].

Бүгд найрамдах Солонгос улсын Эрүүгийн хуулиар 14 насанд хүрсэн үедээ гэмт хэрэг үйлдвэл эрүүгийн хариуцлага хүлээнэ Эрүүгийн хуулийн 9-р зүйл мөн хуудаст. ОХУ [24, ху.9], БНХАУ-ын Эрүүгийн хуулиар субъект насны доод хязгаар 16, зарим онц хүнд гэмт хэргийн субъект 14 нас хүрсэн [23, ху.13] байгаа нь манай улстай адилхан байна.

Монгол улсад эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэх насны доод хязгаарыг заасан эрх зүйн уламжлал, шинэчлэл: Монгол Улсын эрүүгийн цаазын эртний болон дунд үеийн түүхэн уламжлалыг судалж үзэхэд ХҮІ–ХҮІІ зуунд үйлчилж байсан «Их засаг» Юань гүрний нэвтэрхий хууль зэрэгт субъектын насыг тодорхой зааж байгаагүй. Харин бүрэн эхээрээ уламжлагдаж ирсэн Түмэдийн «Алтан хааны цаазын бичиг»-т «...Арван наснаас доош бол хулгайчид үл тооц, арван наснаас дээш бол хулгайчид тооц...» гэж зааснаас үзвэл хулгайн гэмт хэргийн субъектын насыг 10 насаар тогтоосон нь тодорхой бөгөөд энэ нь бусад гэмт хэрэгт хамаарч байсан эсэх нь анхаарал татаж байна [10, ху.119] [3, ху.37].

Өөр нэг томоохон эх сурвалж болох 1640 оны Монгол-Ойрадын Их цаазад гэмт хэргийн субъектын насыг мөн 10 насаар тогтоосон заалт бий [14, ху.101], [4, ху.40].

Манжийн ноёрхлын үед Монголд үйлчилж байсан Гадаад Монголын төрийг Засах яамнаас 1815 онд гаргасан «Монгол цаазын бичиг»-т гэмт хэргийн субъектын насыг мөн 10 насаар тогтоож өгсөн ба 10–15 насны хүүхэд хэрэг үйлдвэл золио авч төлүүлдэг, 16 наснаас дээш бол ялыг нь эдлүүлдэг байжээ [26, ху.41], [8, ху.337].

Богд хаант Монгол улсын үед 1912–1919 он хүртэл үйлчилж байсан «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг»-ийг судалж үзвэл хулгайн гэмт хэргийн субъектын насыг 10 наснаас дээш байхаар тогтоож 10–15 хүртлэх насны хулгайчийг шүүх яамд мэдүүлж хууль ёсоор золио авах, торгох ял оногдуулахаар заасан [16, ху.22] нь 1921 оныг золгосон. 1921 оны Ардын хувьсгал ялсны дараа анхны төрөлжсөн хууль болох 1926 оны Шүүх цаазын бичгийн 19-р зүйлд субъектын насны доод хязгаарыг 10, 1929 оны Шүүх цаазын бичгийн 19-р зүйлд 14, 1934 оны Шүүх цаазын бичгийн 7-р зүйлд 16, 1942 Эрүүгийн хуулийн 11-р зүйлд 16 байхаар тогтоож байсан бөгөөд энэ нь анх удаа хулгайлах, хүч хэрэглэх, хүн алах зэрэг онц ноцтой хэрэг үйлдвэл 14 наснаас Эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэхээр болсон. 1961 оны БНМАУ-ын Эрүүгийн хуулийн 6-р зүйлийн А-д «...гэмт хэрэг үйлдсэн этгээд уг гэмт хэргийг үйлдэх үедээ 16 нас хүрсэн бол түүнд эрүүгийн

хариуцлага хүлээлгэнэ...», мөн зүйлийн Б-д «...14–16 хүртэлх насны хүмүүс хүн алах, бусдын бие махбодыг санаатайгаар гэмтээх буюу эрүүл мэндийг сарниулах, хүчиндэх, хулгай, дээрэм хийх, хүндрүүлэх шалтгаантайгаар танхайрах, улс, олон нийт, иргэдийн эд хөрөнгийг устгах буюу эвдэж ноцтой хор хохирол учруулах түүнчлэн галт тэрэг, автомашин онхолдуулах гэмт хэргийг санаатай үйлдсэн бол эрүүгийн хариуцлага хүлээнэ...» гэж заажээ.

Дээрх хоёр Эрүүгийн хуулийн заалтуудыг харьцуулан үзэхэд 1961 оны Эрүүгийн хуульд 14–16 насны этгээд субъект нь байх гэмт хэргийн тоо нэмэгдсэн байна.

Монгол Улсын эрүүгийн эрх зүйд субъектын насыг ялгавартайгаар тогтоож өгсөн. Үүнд:

1. Гэмт хэргийн субъектын үндсэн шинж нас
2. Зарим төрлийн гэмт хэргийг Эрүүгийн хуулийн ерөнхий ангиар тогтоосон доод нас
3. Эрүүгийн хуулийн Тусгай ангиар тогтоосон тодорхой гэмт хэргийн субъектын нас

Одоо мөрдөж буй 2002 оны Эрүүгийн хуулийн ерөнхий ангийн 21.1-д зааснаар: “Гэмт хэрэг үйлдэх үедээ 16 насанд хүрсэн этгээдэд эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэнэ”. Харин 21.2-д заасан дараах нийгмийн хор аюулаар их, гэмт хэргийн ангилалтаар хүнд, онц хүнд, санаатай 8 гэмт хэргийг үйлдсэн 14–16 насны этгээдэд эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэнэ. Үүнд:

1. ЭХ-ийн 91-зүйл /Хүнийг санаатай алах/
2. ЭХ-ийн 96-р зүйл /Бусдын бие махбодид хүнд гэмтэл санаатай учруулах/
3. ЭХ-ийн 126-р зүйл /Хүчиндэх/
4. ЭХ-ийн 145-р зүйл /Бусдын эд хөрөнгийг хулгайлах/
5. ЭХ-ийн 146-р зүйл /Бусдын эд хөрөнгийг булаах/
6. ЭХ-ийн 147-р зүйл /Бусдын эд хөрөнгийг дээрэмдэх/
7. ЭХ-ийн 153-р зүйл /Бусдын эд хөрөнгийг санаатай устгах, гэмтэх/
8. ЭХ-ийн 181-р зүйлийн 3 дахь хэсэг /Хүндрүүлэх болон онц хүндрүүлэх нөхцөл байдалтайгаар танхайрах гэмт хэрэг/ болно. [1, ху legalinfo.mn]

Чухам яагаад зөвхөн дээр дурьдсан 8 гэмт хэрэгт 14–16 насны этгээдийг эрүүгийн хариуцлагад татахаар тогтоов гэвэл эдгээр гэмт хэргийн нийгмийн хор аюул, хор уршиг төдийгүй тэдгээр гэмт хэргийн нийгмийн хор аюулыг ойлгох оюун сэтгэл зүйн хөгжилтийн хэмжээнд хүрсэн байдгийг гол шалгуур болгожээ. Тухайлбал:

1. Эдгээр 8 гэмт хэргүүд нь бүгд гэм буруугийн санаатай хэлбэрээр үйлдэгддэг.
2. Эдгээр гэмт хэргүүд нь нийгэмд аюултай гэдэг нь, тэдгээрийн нийгмийн хор аюулын шинж чанар, учрах хор аюулын хэмжээ нь насанд хүрээгүй этгээдэд урьдаас илэрхий ойлгомжтой байдаг.
3. Насанд хүрээгүй этгээдүүдээс үйлдэж буй гэмт явдлын бүтцэд дээрх хэргүүд голлох байр эзэлдэг.
4. Дээрх гэмт хэргүүдтэй эрүүгийн эрх зүйн арга хэрэгслээр өөр бусад аргаар тэмцэх боломжгүй байдагтай холбоотой юм.

Эрүүгийн 2002 оны хуулийн төслийг анхлан боловсруулах явцад зарим төрлийн гэмт хэрэгт субъектын насыг 12 насаар тогтоох санал гарч байжээ.

Гэмт хэрэг үйлдэх үедээ 14 насанд хүрсэн ба 18 насанд хүрээгүй хүнд ял оногдуулахгүйгээр энэ хуульд заасан хүмүүжлийн чанартай албадлагын арга хэмжээ хэрэглэж болно.

Энэ зүйлийн 2 дахь хэсэгт заасан өсвөр насны хүн сэтгэцийн хөгжлийн хоцрогдлын улмаас өөрийн үйлдэл, эс үйлдэхүйн хууль бус шинж, түүний улмаас учрах хор уршигийг бүрэн хэмжээгээр ухамсарлах чадваргүй бол ял оногдуулахгүй байж болно гэж заасан [2, ху.15].

Дүгнэлт

1. Дэлхийн улс орнуудын эртний болон дундад үеийн хууль цаазын уламжлалыг судалж үзэхэд гэмт хэргийн субъектын эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэж болох насны доод хязгаарыг тогтоож ирсэн нь нийтлэг байна.
2. ОХУ [24, ху.9], БНХАУ-ын Эрүүгийн хуулиар субъект насны доод хязгаар 16, зарим онц хүнд гэмт хэргийн субъект 14 нас хүрсэн [4, ху.13] байгаа нь манай улстай адилхан байна.
3. Манай улсад гарч буй гэмт хэргийн үйлдсэн этгээдийн насны байдал залуужиж, өсвөр үеийнхэн тодорхой хувийг эзэлж байна.
4. Улсын эрүүгийн хууль объект болох нийгмийн үнэт зүйлс, харилцааг хамгаалах зорилгоо хангах үүднээс эрүүгийн хариуцлага хүлээх насны доод хязгаарыг 14 нас болгох шаардлагатай байна.
5. БНХАУ-ын эрүүгийн хуулийн 19-р зүйлд: Дүлий мөртлөө ява/ энэ нь хэлгүй гэсэн утгатай/ дүлий, хэлгүй буюу сохор хүн ял хийсэн байвал хөнгөнөөр шийтгэх буюу хөнгөрүүлэн шийтгэж болно. [4, ху.13] гэж хөгжлийн бэрхшээлтэй этгээд буюу сохор дүлий хүн гэмт хэрэг үйлдсэн бол хөнгөрүүлэх, хөнгөн ял онохоор заасан бөгөөд манай улсад энэ талаар тусгаагүй байх тул өөрийн орны эрүүгийн хуульд хөгжлийн бэрхшээлтэй этгээд буюу сохор дүлий хүн гэмт хэрэг үйлдсэн бол хөнгөрүүлэх, хөнгөн ял онохоор тусгах нь зүйтэй байна.

Ном зүй

1. Монгол Улсын Эрүүгийн хууль. 2002.
2. Монгол Улсын Эрүүгийн хууль, шинэчлэн найруулга. ХЗҮХ. Улан-Батор, 2016.
3. Алтангэрэл Т. 16–17 зууны Монгол цаазын бичгүүд. Улан-Батор, 1999.
4. Алтангэрэл Т. Монгол-Ойрадын Их цааз, түүний судалгаа. Улан-Батор, 1998.
5. Батзориг Б., Зууннасан Э. БНХАУ-ын Эрүүгийн ба эрүүгийн заргын хууль. Улан-Батор, 2006.

6. Баярсайхан Д. Дэлхийн Эрүүгийн загвөр хууль ба орчин үе. Улан-Батор, 2013
7. Баярсайхан Д. Эрүүгийн эрх зүйн харьцуулсан судлал. Улан-Батор
8. Баярсайхан Б. Шүүх цаазын бичиг. Улан-Батор, 2001.
9. Баярсайхан Б., Батбаяр Б. Монголын төр эрх зүйн түүх (дээж бичиг) Улан-Батор, 2006.
10. Болдбаатар Ж., Лүндээжанцан Д. Монгол Улсын төр, эрх зүйн түүхэн уламжлал. Улан-Батор, 1997.
11. Хилгендорф Э., Чанцалдулам Д. Германы эрүүгийн эрх зүйн ерөнхий анги. Улан-Батор, 2015.
12. Гантөмөр Г. Гэмт хэргийн бүрэлдэхүүний ерөнхий онол. Улан-Батор, 2011.
13. Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству. М., 1912.
14. Дылыков С. Д. Великое уложение. М., 1981.
15. Жанцан С. Монгол Улсын Эрүүгийн эрх зүйн онол-1. Улан-Батор, 2009.
16. Курс уголовного права. Общая часть. 1968. Т. 1.
17. Мөнхбаяр М. Бусдын эд хөрөнгийг хулгайлах гэмт хэрэгт эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэж байсан Монгол Улсын хууль тогтоомжийн хөгжилт. Улан-Батор, 1999.
18. Мөнхтуяа Д. Олон улсын Эрүүгийн эрх зүйн зарим асуудал. Улан-Батор, 2000.
19. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2003.
20. Сэлэнгэ Х. Ромын эрх зүй. Улан-Батор, 1999.
21. Совд. БНМАУ-ын Эрүүгийн эрх зүйн курс. Ерөнхий анги. Улан-Батор, 1973.
22. Legalinfo.mn

Эд хөрөнгө авахаар заналхийлэх.

Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэмт хэргийн эрүүгийн эрх зүйн зарим асуудал

© *Нямдаваа Жинжсиймаа*
 Монголын Үндэсний Их Сургууль,
 Улаанбаатар хот, Монгол улс
 n.jinjiima@mnu.edu.mn

Монгол Улсын Үндсэн хуулийн 1 дүгээр бүлгийн 5 дугаар зүйлийн 2 дахь хэсэгт «Төр нь нийтийн болон хувийн өмчийн аливаа хэлбэрийг хүлээн зөвшөөрч, өмчлөгчийн эрхийг хуулиар хамгаална» [1], гэж тунхаглаад, мөн хуулийн 2 дугаар бүлгийн 16 дугаар зүйлийн 3 дахь хэсэгт зааснаар «Иргэн нь хөдлөх, үл хөдлөх хөрөнгө шударгаар олж авах, эзэмших, өмчлөх, өв залгамжлуулах эрхтэй. Хувийн өмчийг хууль бусаар хураах, дайчлан авахыг хориглоно» [2] гэж иргэдийн өмчлөх эрхийг баталгаажуулсан байдаг. Иймд нийтийн болон хувийн өмчийн бүх хэлбэрийг гэмт халдлагаас хамгаалах нь эрүүгийн эрх зүйн нэг чухал чиг үүрэг юм. Эрүүгийн эрх зүйн ерөнхий ангийн гол судлагдахуун бол гэмт хэрэг хэмээх ойлголт юм. Гэмт хэргийн ойлголтоос эрүүгийн эрх зүйн бусад ойлголтууд урган гардаг[4]. Гэмт хэргийн бүтээцийг судлах явдал нь гэмт хэрэг гэж юу болохыг танин мэдэх, бусад эрх зүйн зөрчлөөс ялгахад ач холбогдолтой. Гэмт хэрэг нь өөрийн гэсэн бүрдлийн элементтэй ба тэдгээр нь бүрэн хангагдаж байж сая гэмт хэрэг, ялын ойлголт бий болно. Гурван элемент бүхий онолын дагуу гэмт хэрэг нь гэмт хэрэг болохыг тогтоох хэргийн нөхцөл байдал буюу гэмт хэргийн бүрдэл, хууль бус байдал буюу хууль бус үйлдэл, гэм буруу гэсэн бүтээцтэй байдаг[5].

2002 оны Монгол Улсын Эрүүгийн хуулийн 149 дүгээр зүйлд «Бусдын эд хөрөнгийг авахаар далайлган сүрдүүлэх» [3] гэмт хэргийн бүрэлдэхүүнийг заасан байдаг ба энэ гэмт хэрэг нь Эрүүгийн хуулийн Тусгай ангид заасан өмчлөх эрхийг эсрэг гэмт хэргийн нэг төрөл мөн.

Монгол Улсад Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэмт хэрэг нь цөөн тоогоор үйлдэгддэг байсан ч сүүлийн үед, зах зээлийн нөхцөлд ихсэх хандлагатай болж байгаагаар зогсохгүй, үйлдлийн арга нь улам нарийсч, зохион байгуулалттай, «нуугдмал» [6] хэлбэрээр хэрэгждэг бөгөөд түүнийг нотлоход төвөгтэй байдаг нь судалгаанаас харагдаж байна.

2017 оны 5 сарын 11- ны өдөр батлагдсан Эрүүгийн хуулийн Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэсэн 17 дугаар зүйлийн 17.6 дугаар зүйлд зааснаар Бусдыг эд хөрөнгө, эдийн, эдийн бус хөрөнгийн эрхээ шилжүүлэн өгөхийг шаардаж өөрт нь, түүний ойр дотны хүнд хүч хэрэглэсэн, хүч хэрэглэхээр заналхийлсэн, эрх, хууль эсны ашиг сонирхолд нь ноцтой хор уршиг учруулж болохуйц баримт, мэдээлэл тараахаар сүрдүүлсэн бол арван мянган нэгжээс дөчин мянган нэгжтэй тэнцэх хэмжээний төгрөгөөр торгох, эсхүл хоёр жилээс найман жил хүртэл хугацаагаар хорих ял шийтгэнэ.

Хүндрүүлэх бүрэлдэхүүн болгон уг зүйлийн: 2.1-т байнга үйлдэж амьдралын эх үүсвэр болгосон; 2.2-т албан тушаалтан албаны чиг үүрэг, бүрэн эрх, нөлөөг урвуулан ашиглаж үйлдсэн; 2.3-т зохион байгуулалттай гэмт бүлэг үйлдсэн бол таван жилээс арван хоёр жил хүртэл хугацаагаар хорих ял шийтгэнэ хэмээн заасан болно.

Манай удаа дараагийн мөрдөж ирсэн эрүүгийн хуулиудад «айлган хяхах» «сүрдүүлэн айлгах», «тулган шаардах», «хүч хэрэглэнэ гэж заналхийлэх» гэсэн нэр хэрэглэж ирсэн бөгөөд 2017 оны эрүүгийн хуулийн шинэчилсэн найруулгад «бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийх» гэсэн нэр томъёо хэрэглэжээ. 2002 оны Эрүүгийн энэ хуулийн 149 дүгээр зүйлийн 149.1 дэх хэсэгт зааснаар “Өмчлөгч, эд хөрөнгийг итгэмжлэгдэн хариуцаж байгаа буюу хамгаалж байгаа этгээдэд болон тэдний ойр дотны хүмүүст хүч хэрэглэх, нэр хүндийг нь

гутаасан мэдээ баримт тараах буюу эд хөрөнгийг нь устгахаар заналхийлж, эд хөрөнгө, эсхүл түүнийг өмчлөх эрхийг шилжүүлэн өгөхийг шаардсан бол ял шийтгэхээр заасан.

Мөн зүйлийн 149.2 дахь хэсэгт энэ хэргийг давтан буюу бүлэглэж, урьдчилан үгсэж тохиролцсон бүлэг, урьд нь хулгайлах, булаах, дээрэмдэх гэмт хэрэгт шийтгүүлсэн этгээд үйлдсэн, түүнчлэн их хэмжээний эд хөрөнгө авахаар далайлган сүрдүүлсэн бол хүндрүүлэхээр, зүйлийн 149.3 дахь хэсэгт энэ хэргийг урьд нь хулгайлах, булаах, дээрэмдэх гэмт хэрэгт удаа дараа шийтгүүлсэн этгээд, онц аюултай гэмт хэрэгтэн, зохион байгуулалттай бүлэг, гэмт бүлэглэл үйлдсэн, түүнчлэн онц их хэмжээний эд хөрөнгө авахаар далайлган сүрдүүлсэн бол онц хүндрүүлэхээр заасан.

Монгол Улсад 2005-2015 онд бүртгэгдсэн байдал Эрүүгийн хуулийн 17.6

Он	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Тоо	7	4	7	5	6	6	4	6	5	11	12

Монгол Улсад Эрүүгийн хуулийн 17.6 Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх

Он	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Тоо	0	2	3	4	2	7	0	2	0	3	3

Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэмт хэрэг бүртгэгдсэн боловч шүүхээр шийдвэрлэгдэх явцад ихэвчлэн дээрмийн гэмт хэргээр зүйлчлэгдэн шийдвэрлэгдэж байгаа нь судалгааны явцад ажиглагдлаа. Мөн хэлбэрийн бүрэлдэхүүнтэй заналхийлсэн л бол энэ гэмт хэргийг төгссөнд тооцдог. Хүч хэрэглэх заналхийлэх байдлаараа нийгмийн хор аюулын хувьд ч дээрмийн гэмт хэрэгтэй ижилхэн. Иймээс практикт гэмт хэргийг зүйлчлэх, нотлоход маш төвөгтэй байна.

Рекет болон далайлган сүрдүүлэлт нь эртний түүхтэй гэмт хэрэг. Далайлган сүрдүүлэлтийг бие махбодын буюу материаллаг гэм хор учруулахаар айлган сүрдүүлж, хүнээс буюу фирмээс мөнгө нэхэж шаардах гэмт үйлдэл мөн. Харин рекетийг /англ. Racket/ АНУ-д хүнд гэмт хэрэгт тооцдог бөгөөд «айлган сүрдүүлэх буюу хүч хэрэглэх замаар худалдаанд саад учруулах» хэмээн тодорхойлжээ[7]. Ийм учраас рекет бол бусад гэмт хэрэгтнүүдээс хүнийг буюу бизнесийг «хамгаалах»-ын тулд хууль есны үндсэн дээр зохион байгуулалттай гэмт бүлэгт мөнгө төлөх явдал[5] юм.

БНХАУ-ын Эрүүгийн хуулийн тавдугаар бүлэг Эд хөрөнгийн эсрэг гэмт хэрэг 263-р зүйлд: хүч хэрэглэх, хүч хэрэглэхээр заналхийлэх, эсхүл бусад аргаар албан ба хувийн эд мөнгийг булаан дээрэмдсэн бол 3 жилээс дээш 10 жил хүртэл хугацаатай хорих ял шийтгэнэ, торгох ял нэмж нийлүүлэн шийтгэнэ. Доорхи үйлдлүүдийн нэг нь бол 10 жилээс дээш хугацаатай хорих ял, хугацаагүй хорих ял, эсхүл цаазаар авах ял шийтгэнэ, торгох ял шийтгэнэ, торгох ял эсхүл эд мөнгийг нь хураан авах ял нэмж нийлүүлэнр шийтгэнэ[4].

1. Гэрт нь орж булаан дээрэмдсэн ;

2. Нийтийн зам харилцааны багаж хэрэгслийн дээр булааж дээрэмдсэн;

3. Банк, эсхүл бусад мөнгөн гүйлгээний байгууллагыг булааж дээрэмдсэн;

4. Олон удаа булааж дээрэмдсэн, эсхүл булааж дээрэмдсэн тоо хэмжээ нь лут их;

5. Булааж дээрэмдэх явцдаа хүнийг хүнд шархдуулсан, үхэлд хүргэсэн;

6. Цэрэг цагдаа болон залилан мэхэлж булааж дээрэмдсэн;

7. Буу барьж булааж дээрэмдсэн;

8. Цэргийн хэрэгсэл эд зүйл, эсхүл аюулаас аварч, гамшигаас аварч, тусалж тэтгэх эд бодисыг булааж дээрэмдсэн гэж хүндрүүлэх бүрэлдэхүүнийг зааж өгсөн байна.

БНХАУ-ын Эрүүгийн хуульд бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэмт хэргийг тусгайлан зааж өгөөгүй боловч дээрмийн гэмт хэрэгт хамт зааж өгсөн байна. Хүндрүүлэх бүрэлдэхүүнийг зааж өгөхөөс гадна сонгох санкцийг илүү өргөн хүрээнд тусгаж өгсөн байна. «...Дэлхийн Эрүүгийн загвар хууль гэмт хэрэгтэй тэмцэх арга замыг хамгийн оновчтойгоор тодорхойлох чухал хэрэгсэл төдийгүй дэлхийн улс, орнуудын хувьд эрх зүйн шинэтгэлийн үйл явцад зайлшгүй анхаарч харгалзах естой удирдамжийн баримт бичиг мөн...» гэж тэмдэглэжээ[5].

2002 оны Эрүүгийн хуульд заасан Бусдын эд хөрөнгө авахаар заналхийлэх гэмт хэргийн бүтцэд өөрчлөлт орж урьд нь үндсэн ба хүндрүүлэх бүрэлдэхүүнээс бүрдэж байсан бол шинээр онц хүндрүүлэх бүрэлдэхүүн нэмэгдэж гурван хэсгээс бүрдэх болж мөн баривчлах ялыг шинээр оруулан зааж өгсөн. 2017 оны шинэ эрүүгийн хуульд хүндрүүлэх нөхцөл байдалд байнга үйлдэж амьдралын эх үүсвэр болгосон, албан тушаалтан албаны чиг үүрэг, бүрэн эрх, нөлөөг урвуулан ашиглаж үйлдсэн гэж зааж өгсөн нь өмнөх хуулийн зохицуулалтаас боловсронгуй бөгөөд дэвшилттэй болгосон байна. Эрүүгийн хуульд заасан зарим гэмт хэрэг нь нийгмийн хоёр буюу түүнээс дээш хэд хэдэн эрх ашиг, сонирхолд шууд халдаж хор уршгийг учруулсан байх ба ийм гэмт хэргийг ЭЗЗүйн шинжлэх ухаанд давхар объектоой гэмт хэрэг гэж нэрлэдэг бол бусдын эд хөрөнгө авахаар заналхийлэх гэмт хэргийг мөн давхар объектоой гэмт хэрэг гэж үзэх үндэслэлтэй юм. Иймд дараах саналыг дэвшүүлж байна:

1. Оросоор «вымогательство», англиар «racket» гэж нэрлэсэн байхад манай улсын шинээр батлагдан гарч буй эрүүгийн хуульд бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэж томъёолсон. Хэл зүйн үүднээс тайлбарлавал далайлгах ий /э/ /и/ /н/ /р/ /л/ /ө/ -бусдыг айлгах, сүрдүүлэх[6]; үгээр далайлгах; сүр далайлгах; далайлгаж байж авахыг оролдов; албан тушаалаар далайлгах сүрдүүлэх /э/ /н/ /р/ /л/ /ө/ -сүрдэхийн үйлдүүлэх хэв, айлгах, эмээлгэх; занал-занах үйлийн нэр, хадгалсан хорсол; занал нь тун их байгаа бололтой зэрэг утгыг илэрхийлж байна. Иймд шинэ хуульд заасан «заналхийлэх» томъёолол оновчтой биш, мөн дэлхийн эрүүгийн загвар

хуульд «далайлган сүрдүүлэх» гэсэн нэр томъёог хэрэглэсэн зэргээс үзэхэд хуучин нэр томъёог хэвээр нь хадгалах нь зүйтэй юм.

2. 2017 оны 7 сарын 1 нээс хэрэгжиж эхлэх эрүүгийн хуулийн шинэчилсэн найрууллагын 13-р бүлэг: Хүний халдашгүй чөлөөтэй байх эрхийн эсрэг гэмт хэрэг 13.5 дугаар зүйл. Заналхийлэх, Өмчлөх эрхийн эсрэг гэмт хэрэг 17.6 дугаар зүйл. Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэж томъёолсон нь утга агуулга найруулгын хувьд давхардаж байна үүнийг нэгтгэж нийлүүлэн 17.6 дахь хэсэгт багтааж өөрчлөлт оруулах

3. Бусдын эд хөрөнгийг авахаар далайлган сүрдүүлэх гэмт хэргийг дээрмийн гэмт хэргээс хэрхэн ялган зүйлчлэх тал дээр улсын дээд шүүхийн албан есны тайлбар гаргах нь зүйтэй юм.

Ашигласан ном зүй

1. Монгол улсын Үндсэн хууль. Улан-Батор, 1992.
2. Монгол улсын Эрүүгийн хууль. Улан-Батор, 2002.
3. Алтанбагана Б. Улс дамнасан зохион байгуулалттай гэмт хэрэг. Улан-Батор, 2014.
4. Золбоо Т. Эрүүгийн эрх зүй. Гэмт хэргийн бүтээц. Улан-Батор, 2016. 35 дахь тал.
5. Нарангэрэл С. Эрх зүйн эх толь бичиг гуравдахь хэвлэлт, Улан-Батор, 2011.
6. Цэвэл Я. Монгол хэлний тайлбар толь. 2010
7. Эрдэнэбулган Ж. Эрүү, Эрүүгийн процессын эрх зүй (Бодлого, дасгал, аргачлал) Хамтын бүтээл. Улан-Батор, 2014.

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

Зарубежные модели суда присяжных

© В. И. Абзаева

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
abzaeva_93@mail.ru*

В настоящее время в США, согласно требованию Конституции, для рассмотрения уголовных дел число присяжных заседателей должно составлять 12, но это относится к федеральным судам. В судах штатов их число может колебаться. Так, в соответствии с Конституцией штата Висконсин для рассмотрения тяжких и менее тяжких преступлений созывается коллегия из 12 присяжных, а в уголовных судах штата Вайоминг коллегия образуется из 6 присяжных. Существует мнение, что основанием для уменьшения состава жюри, рассматривающего уголовные дела в судах штата, послужило решение, которое было принято по делу *Williams v. Florida*, в котором Верховный суд США постановил, что состав жюри из 12 человек является просто «исторической случайностью». Что касается гражданских дел, то здесь число присяжных также различно. В некоторых штатах оно равняется 6, но бывают и другие варианты; в зависимости от характера дела их число может изменяться от 6 до 12. Отбор присяжных заседателей осуществляется на основе случайного выбора и из различных слоев общества. Для достижения этой цели суд вправе использовать различные источники: списки зарегистрированных избирателей или тех, кто имеет водительское удостоверение, телефонные книги или по усмотрению специальной комиссии. В последнее время для этого используют усовершенствованную компьютерную систему.

Освобождение от долга выполнения обязанностей присяжного варьируется от штата к штату. В некоторых штатах критерием освобождения служит сфера профессиональной деятельности. Например, врачи, так как их услуги представляют исключительную важность для общества; или юристы, чьи профессиональные знания могут негативно сказаться на других присяжных в ходе обсуждения дела. В федеральных судах от участия в процессе освобождаются общественные деятели, сотрудники полиции и пожарной охраны. Однако в последнее время подобная практика по освобождению становится редкостью и постепенно исчезает. Основанием же для немедленной дисквалификации присяжного служит возраст менее восемнадцати лет, наличие судимости, предыдущее участие или осведомленность о деле. Но вот, скажем, в Калифорнии не предусмотрено никаких автоматических исключений из числа присяжных [7, с. 5]. Неявка по повестке в суд для выполнения своего гражданского долга в качестве присяжного заседателя рассматривается как неуважение к суду и подлежит наказанию — штрафу или тюремному заключению [2, с. 130].

По статистике, в период с 1928 по 1943 г. в рамках системы суда присяжных Taishou было рассмотрено 448 уголовных дел в обязательном порядке, 12 дел — по ходатайству обвиняемого и 24 дела — по пересмотру в связи с роспуском коллегии — присяжных заседателей [8].

Общее количество уголовных дел, рассматриваемых судом присяжных заседателей в Японии, составляло только 2% всех уголовных дел, рассматриваемых судами, и эта цифра снижалась с каждым годом, из-за чего функционирование системы жюри Taishou было приостановлено японским парламентом в 1943 г.

Исследователи называют несколько причин, которые привели к отказу от системы суда присяжных

Taishou: 1) ограниченный круг уголовных дел, рассматриваемых судом присяжных;

2) необязательность вердикта присяжных для профессиональных судей (их усмотрение относительно вердикта присяжных не давало обвиняемому права обратиться в суд апелляционной инстанции для обжалования приговора);

3) традиционное уважительное отношение японцев к власти;

4) нарушение гендерного принципа при формировании скамьи присяжных;

5) обязанность обвиняемого оплатить все расходы на рассмотрение дела при обращении к суду присяжных.

В итоге система суда присяжных Taishou по всем аспектам была отклонена профессиональными судьями, прокурорами и многими гражданами и, таким образом, ликвидирована как часть японской судебной системы.

После войны, в 1946 г., в Японии была принята Конституция, а затем, в 1948 г., на ее основе — УПК Японии, действующий и в настоящее время, который может быть охарактеризован как «гибрид континентальной европейской и англо-американских правовых систем» [8].

Япония подвергалась значительной международной и внутренней критике из-за того, как работает ее система правосудия, поскольку суд присяжных прекратил свое действие в 1943 г. Критика была связана с тем, что

только «наиболее репрессивные режимы за всю историю человечества всегда поддерживались (вольно или невольно) профессиональным судебным корпусом без народных представителей. Сегодня, например, достаточно взглянуть на недемократические режимы в арабском и мусульманском мире, которые не допускают никакого народного участия в судах» [4, с. 113].

После окончания Второй мировой войны власть прокурора в Японии снова оказалась слишком сильна.

В то время обвинительные приговоры профессиональных судей следовали за прокурорским обвинением и составляли 99,9% [1, с. 54]. Другими словами, при слушании дела судом просто печатались прокурорские акты уголовного преследования. В результате в японском обществе вновь появилась потребность в дальнейшем реформировании судебной системы страны.

Сторонники судебной реформы заявляли, что введение состязательного процесса будет лучшим методом для улучшения японской системы уголовного правосудия. Однако при обсуждении данного момента не было достаточной ясности, необходимо ли уже начать создавать систему присяжных заседателей или стоит отложить этот вопрос, потому как война только что закончилась. Правительство предпочло сначала стабилизировать внутреннюю ситуацию в стране. Так эта проблема оставалась спорной до 1980-х гг.

Четыре неправомερных смертных казни подсудимых в течение 1980-х гг. обнажили недостатки японской системы уголовного правосудия, когда профессиональные судьи имели исключительную юрисдикцию.

Возникшие в японском обществе опасения по поводу необоснованных приговоров снова подняли вопрос об участии граждан в слушании уголовных дел и привлекли к нему внимание правительства. В 1999 г. им был предложен ряд положений судебной реформы, направленной на улучшение системы уголовного правосудия. Был создан Совет по судебной реформе для решения вопроса о роли судебной власти в японском обществе.

Однако при обсуждении того, как улучшить судебную систему Японии таким образом, чтобы это было ближе к национальным ожиданиям, возникли бурные споры по поводу возможности введения системы суда присяжных или иной формы участия граждан в осуществлении правосудия с целью укрепления доверия населения к судебной системе.

В итоге среди членов Совета не было достигнуто согласия, поэтому окончательная его резолюция относительно реформы уголовного судопроизводства в Японии не отдавала предпочтения какой-либо системе (суду присяжных заседателей или суду шеффенов). Это потребовало дальнейшего исследования системы уголовного судопроизводства, а также особенностей менталитета японцев.

В 2001 г. профессор Мацуо Койа предложил новый образец уголовного процесса, назвав его системой Saiban-in, в рамках которой граждане, принимающие участие в отправлении правосудия, именуются saiban-in — судебные заседатели, или судебные представители. В течение последующих трех лет японское правительство подготовило закон «Об участии граждан в рассмотрении уголовных дел», который был принят в 2004 г. По истечении пяти лет со дня принятия данного закона система Saiban-in была официально внедрена в систему уголовного правосудия Японии (2009 г.). По этому закону в стране вводится система смешанных судов, в которых граждане-непрофессионалы, именуемые saiban-in, и профессиональные судьи образуют единую коллегию [8].

Можно выделить пять характерных черт системы Saiban-in. Во-первых, данная система используется в суде первой инстанции при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, караемых смертной казнью, лишением свободы с исправительными работами либо без них на неопределенный срок, а также об умышленных преступлениях, повлекших смерть потерпевшего. Важным обстоятельством является то, что мнение обвиняемого о рассмотрении его дела судом присяжных в данном случае не учитывается и рассмотрение дела судом присяжных для обвиняемого является обязательным. Во-вторых, в зависимости от сложности рассматриваемого дела в Японии предусмотрено создание смешанных судов с разным количественным составом. В случаях, когда на стадии досудебного расследования отсутствуют какие-либо споры относительно фактов, суд должен заседать в составе одного профессионального судьи и четырех общественных судей (система 1–4). В иных случаях в состав суда должны входить три профессиональных судьи и шесть общественных судей (система 3–6) [8].

В-третьих, закон от 28 мая 2004 г. № 63 устанавливает особый порядок отбора судебных заседателей (Ch. 2). Судьи принимают присягу (art. 39), они должны осуществлять свои полномочия независимо (art. 8). Общественные судьи не получают заработной платы за участие в судебном разбирательстве, им полагается только компенсация транспортных, суточных и гостиничных расходов (art. 11) [6, с. 100].

В-четвертых, судебный процесс с участием судебных заседателей имеет ряд особенностей. Во вступительном слове прокурор и защитник излагают основную позицию сторон. Обычно обе стороны представляют судьям и судебным заседателям письменный конспект своей речи, состоящий из одной или двух страниц. На мес-тах, где находятся судьи и судебные заседатели, прокурор и защитник, установлены экраны небольшого размера, а на стене судебного зала — большие экраны. С их помощью транслируется ход судебного заседания, а также показывается часть доказательств, например чертежи, документы. Это связано с одним из принципов новой системы — понятное правосудие. Судебные заседатели могут задавать вопросы непосредственно свидетелям и подсудимому [3, с. 400].

В-пятых, судебные заседатели в ходе судебного заседания наряду с судьями устанавливают факты и применяют нормы права, включая вопросы наказания. Приговор выносится простым большинством голосов. Для вынесения обвинительного приговора необходимо большинство голосов народных заседателей и голос как минимум одного профессионального судьи [5, с. 595].

Таким образом, рассмотренные модели присяжных заседателей в США и Японии имеют свои особенности, вместе с тем в настоящее время суд присяжных стал основным инструментом реформирования судебной системы с целью его демократизации и повышения доверия общества к судебной и государственной власти.

Литература

1. Асеева Е. А. Развитие института состава суда в зарубежном законодательстве // Вестник Российской академии естественных наук. 2007. Т. 7, № 4. С. 53–58.
2. Валова Е. В., Нагих С. И. Суд присяжных в Американской системе правосудия // Успехи в химии и химической технологии. 2014. Т. 28, № 7(156). С. 130–132.
3. Коморида Акио. Суд с участием судебных заседателей: новая система участия граждан в отправлении правосудия в Японии // Lex Russica. 2012. № 2. С. 396–409.
4. Мишина Е. А. Реформа системы правосудия в Японии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 112–119.
5. Реховский А. Ф. Эволюция суда присяжных в Японии // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 590–597.
6. Руденко В. Н. Система смешанных судов в Японии // Государство и право. 2010. № 3. С. 95–102.
7. Теймен С. Формирование скамьи присяжных в России и США (сравнительный анализ) // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 5–8.
8. Lou Yi-Lin. Establishing a Suitable Lay Participation System for the Taiwanese Criminal Justice System // Theses and Dissertations. 2014. Paper 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repository.law.indiana.edu/etd> (дата обращения: 12.05.2017).

Программа защиты свидетелей по законодательству РФ и США: сравнительный аспект

© **В. В. Васильева**

*студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ*

© **Е. А. Ващенко**

*студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
elena.vashchenko.96@mail.ru*

Под защитой свидетелей понимается обеспечение их анонимности, предотвращение публичного разглашения установочных данных, особенно тех свидетелей, здоровье и жизнь которых находятся под угрозой реальных посягательств со стороны преступных элементов [5, с. 43].

Программы защиты свидетелей в таких странах, как Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, осуществляют охрану сотрудников органов предварительного расследования, уголовного судопроизводства, а также свидетелей, имеющих ценные сведения для следствия. Их главная цель состоит в том, чтобы сохранить жизни свидетелей и сотрудников правоохранительных органов, а также их близких родственников.

В США, например, федеральная программа защиты свидетелей — это офис управления правового обеспечения в Министерстве юстиции, которое по согласованию с американской службой маршалов принимает решение о включении в программу защиты свидетелей на федеральном уровне. На службу маршалов США возложена функция по оценке уровня возможной угрозы, а также ответственность за обеспечение защиты свидетелей. Прежде чем человек попадает под действие программы, он должен доказать свою решимость участвовать в расследовании и судебном разбирательстве до конца, дабы в дальнейшем он не смог отказаться от дачи показаний в дополнение к федеральной государственной программе.

Процесс вступления свидетеля в программу запускается после подачи государственными или федеральными правоохранительными органами заявки на его защиту. В ней описываются все обоснованные и доказанные риски и угрозы, предлагаются на выбор места переселения, а также оцениваются риски.

Затем происходит предварительное собеседование свидетеля с маршалами, в процессе которого он получает информацию относительно своей новой личности и образа жизни. Если он согласен со всеми предложениями, начинается следующий этап — уже маршалы оценивают решимость свидетеля, и подают прокурору свои рекомендации относительно того, может ли быть свидетель помещен в программу по его защите. Окончательное решение принимает генеральный прокурор США, и только он.

Учитывая рекомендации, полученные от Службы судебных маршалов и от прокуроров, генеральный прокурор делает собственную официальную оценку риска переселения свидетеля и членов его семьи.

Если значение показаний свидетеля перевешивает опасность для нового сообщества, куда планируется переселить свидетеля, генеральный прокурор выносит вердикт о включении его в программу. После этого свидетель и члены его семьи подписывают меморандум о взаимопонимании, подтверждающий, что они полностью осознают правила программы.

Несколько иначе выглядит этот процесс, если свидетелем является заключенный. Даже находясь в федеральной тюрьме, он также может претендовать на включение себя в программу по защите свидетелей, если ситуация, в которой он оказался, соответствует определенным критериям. В этом случае свидетель обязан пройти тест на детекторе лжи. И ему может быть отказано в защите в зависимости от результатов. Заключенные свидетели находятся в ведении Федерального бюро тюрем и часто в соответствии с программой защиты просто переводятся в другую тюрьму до конца отбывания срока.

Большинство людей, которые попадают под WITSEC — преступники. Каждый пятый вскоре нарушает закон, что означает проблемы с дальнейшим ходом программы, поэтому власти с удовольствием выводят их из WITSEC, после чего такой человек предоставлен сам себе. Любой человек может в любой момент выйти из программы и вернуть себе свою настоящую личность [6].

Законодательство России о государственной защите свидетелей основывается на Конституции страны и состоит из Уголовно-процессуального кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ и ряда иных нормативных правовых актов РФ, а также международных договоров РФ.

Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты.

В России ежегодно 10 миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с целью изменения, либо отказа от даваемых показаний [2].

Значительное количество граждан, ставших жертвами преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность государственной защиты [4, с. 250].

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» был принят 20 августа 2004 г. [1].

Государственной защите в соответствии с законодательством подлежат следующие участники уголовного судопроизводства:

- 1) потерпевший;
- 2) свидетель;
- 3) частный обвинитель;
- 4) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено;
- 5) эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог;
- 6) гражданский истец, гражданский ответчик;
- 7) законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Государственной защите также подлежат установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на лиц, указанных в пунктах 1 и 2.

Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Решение об осуществлении государственной защиты принимают суд, начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы;
- 8) временное помещение в безопасное место;
- 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое [1]. Меры безопасности осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости усовершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере обеспечения безопасности свидетелей, а также других участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
2. Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 гг.» // Правительство Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. URL: www.government.ru (дата обращения: 10.05.2017).
3. Волосова Н. Ю., Федорова О. В. Уголовно процессуальное законодательство США: общая характеристика, законодательство штатов, сравнительный анализ. М.: Юрлитинформ, 2008. 264 с.
4. Журкина О. В. Сравнительный анализ государственной программы защиты свидетелей в России и США // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4. С. 249–253.
5. Иванов И. С. Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве // Российский следователь. 2013. № 6. С. 41–48.
6. Программа по защите свидетелей США. Сухие факты и никакой мистики [Электронный ресурс]. URL: www.truecrime.gu.ru (дата обращения: 10.05.2017).

Сравнительно-правовой анализ регламентации мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан

© А. И. Гулиева

*студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»*

Улан-Удэ, Россия

sana_aff1998@mail.ru

Актуальность рассматриваемой темы состоит в том, что право на свободу и личную неприкосновенность является одним из основополагающих прав человека. «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом» — говорится в ч. 1 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. Уголовно-процессуальное право предусматривает возможность применения мер государственного принуждения к лицам и регламентирует данные процедуры.

Цель работы заключается в том, чтобы на основе комплексного сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан определить процедуры, обеспечивающие единство и дифференциацию применения оснований мер уголовно-процессуального принуждения и их правовые последствия.

Изучение базируется на монографической и периодической научной литературе, действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ и Республики Казахстан. Основные методы, примененные при написании статьи, — сравнительно-правовой, формально-юридический.

Рассматривая институт уголовного принуждения в законодательствах России и Казахстана, следует раскрыть определение уголовно-процессуального принуждения. Уголовно-процессуальное принуждение представляет собой метод государственного регулирования, выражающийся в закрепленных нормами закона мерах принудительного воздействия на поведение участвующих в деле лиц [4, с. 167]. Целью принуждения является стремление подчинить участника уголовного судопроизводства уголовно-процессуальному закону [5, с. 121].

Регламентация мер уголовно-процессуального принуждения в УПК РФ и УПК Республики Казахстан во многом схожа. В обозначенных правовых актах мерам процессуального принуждения отводится отдельный раздел, в котором в зависимости от решаемых задач и процессуального положения участников уголовного судопроизводства содержатся три группы мер уголовно-процессуального принуждения, выделенные в отдельные главы: задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения.

Рассматривая такую меру процессуального принуждения, как задержание подозреваемого, можно увидеть существенные различия в регулировании данного правового института.

Во-первых, в ст. 5 п. 11 УПК РФ перечисляются конкретные органы и лица, имеющие право применять данную меру принуждения. Это орган дознания, дознаватель, следователь. В то время как УПК РК их не конкретизирует, указывая, что правом на задержание подозреваемого обладает орган уголовного преследования.

Во-вторых, если законодательство РФ предусматривает задержание подозреваемого на срок не более 48 часов с момента фактического задержания подозреваемого, то уголовно-процессуальное законодательство РК предписывает продолжительность в 72 часа с момента фактического задержания подозреваемого лица.

В-третьих, УПК РК включило в себя новую норму «Доставление» (ст. 129), которая применяется на срок не более трех часов для выяснения причастности лица к уголовному правонарушению. Следует заметить, что глава 12 УПК РФ не подразумевает аналогичной нормы уголовно-процессуального принуждения.

В-четвертых, отличие можно увидеть в порядке задержания подозреваемого лица. Законодательство РК разграничивает формы задержания подозреваемого лица, которые регламентируются в ст. 130 «Право граждан на непроцессуальное задержание лиц, совершивших уголовное правонарушение» и ст. 131 «Порядок процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения». В 130 УПК РК прописано, что «потерпевший, а также любой иной гражданин имеют право на задержание лица, совершившего уголовное правонарушение, и ограничение его свободы передвижения для передачи либо доставления в орган уголовного преследования или иной орган государственной власти с целью пресечения возможности совершения им иных посягательств». Стоит заметить, что в уголовном законодательстве РФ отсутствует аналогичная норма.

В-пятых, основания, предусмотренные для освобождения лица, задержанного по подозрению в совершении уголовного правонарушения, в УПК РК значительно шире, чем предусмотрено в законодательстве РФ. Эти основания перечислены в ст. 133 УПК РК, к ним относятся: отсутствие оснований для применения к задержанному наказания в виде ареста либо выдворения за пределы Республики Казахстан и нарушение порядка задержания; указание на наличие ответственности руководителя администрации места содержания задержанного за содержание задержанного сверх установленного законом срока; закрепление правила о недопустимости в качестве доказательств данных, полученных в результате следственных действий, проведенных с участием незаконно задержанного независимо от времени их проведения.

В-шестых, различен также порядок содержания под стражей задержанных. Согласно ст. 95 УПК РФ, порядок и условия содержания подозреваемых под стражей регулируются Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Ст. 134 УПК РК содержит более подробные указания на то, где могут содержаться различные категории задержанных, в том числе и в условиях чрезвычайного положения.

К мерам пресечения и российский, и казахстанский законодатель относит семь видов принуждения. Рассматривая их характеристику, можно заметить, что регламентация данных мер довольно схожа, а меры пресечения преследуют одни и те же цели. Эти цели вытекают из ст. 97 УПК РФ и ст. 136 УПК РК. Изучив эти статьи, можно выделить следующие цели: во-первых, это пресечение возможных процессуальных нарушений со стороны обвиняемого или подозреваемого; во-вторых, недопущение дальнейшего развития протекающей преступной деятельности; в-третьих, обеспечение исполнения приговора.

Однако, несмотря на некоторые сходства в целях, отличия все же имеются как в общих положениях применения мер пресечения, так и при регламентации отдельных мер пресечения.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 137 УПК РК закрепляется возможность и условия применения в отношении подозреваемого или обвиняемого наряду с одной из избранных ему мер пресечения, за исключением передачи военнослужащего под наблюдение командования воинской части и содержания под стражей, электронных средств слежения. В отличие от рассматриваемых норм казахстанского уголовно-процессуального закона, п. 10 ст. 107 УПК РФ предусматривает возможность применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля только в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений [6, с. 805].

Сравнивая регламентацию отдельных мер пресечения, можно выделить следующие различия:

1) в отношении личного поручительства: УПК РК четко выделяет, что количество поручителей должно быть не менее двух (ч. 1 ст. 142), в то время как законодательство РФ не ставит подобные ограничения; законодатель РК указывает наименование процессуального документа, свидетельствующего о принятии на себя обязательств поручителем, — подписка (ч. 3 ст. 142); в РК поручитель имеет право на любой стадии производства по делу отказаться от поручительства (ч. 4 ст. 142);

2) в отношении наблюдения командования воинской части за подозреваемым, обвиняемым законодательство РК в отличие от УПК РФ не предусматривает согласия подозреваемого или обвиняемого на данную меру пресечения. Также лица, виновные в невыполнении возложенных на них обязанностей по наблюдению, несут предусмотренную дисциплинарным уставом вооруженных сил, других войск и воинских формирований РК дисциплинарную ответственность (ч. 4 ст. 143); в период действия данной меры пресечения запрещается привлечение подозреваемого, обвиняемого к боевому дежурству, несению боевой или караульной службы, службы в составе гарнизонного наряда или суточного наряда части (подразделения) (ч. 5 ст. 143);

3) меры пресечения в отношении несовершеннолетнего: п. 2 ст. 144 УПК РК указывает, что «отдача несовершеннолетнего под присмотр родителей и других лиц возможна лишь по их письменному ходатайству». В УПК РФ данной нормы не предусмотрено;

4) в отношении залога: а) УПК РК позволяет принять в качестве залога другие ценности, а также движимое или недвижимое имущество, на которые налагается арест. В этом случае доказывание ценности залога и отсутствие обременений возлагаются на залогодателя (ч. 1 ст. 145);

б) залог не применяется в отношении лиц, подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений, а также при подозрении обвинения лица в совершении преступления, которое повлекло смерть потерпевшего; при подозрении на то, что лицо во время совершения преступления действовало в составе преступной группы;

при наличии оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый будут препятствовать судопроизводству или решат скрыться от следствия и суда, а также при нарушении подозреваемым, обвиняемым ранее избранной меры пресечения в виде залога (ч. 1 ст. 145 УПК РК; ч. 9 ст. 148 УПК РК);

в) УПК РК предусматривает возможность избрания данной меры пресечения не только судом, но и следственным судьей, а также иными органами с санкции прокурора (ч. 2 ст. 145);

г) в случае применения меры пресечения в виде залога к подозреваемому, задержанному в порядке, предусмотренном УПК РК, до фактического внесения залога следственный судья применяет меру пресечения в виде содержания под стражей или домашнего ареста (ч. 5 ст. 145 УПК РК);

д) если подозреваемый либо обвиняемый задержан, то суд при условии признания задержания законным и обоснованным продлевает срок задержания до внесения залога, но не более чем на 72 часа с момента вынесения судебного решения (ч. 7 ст. 106 УПК РФ);

е) УПК РФ регламентирует, что «если внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога» (ч. 8 ст. 106);

ж) УПК РК предусматривает, что залог подлежит немедленному возвращению в случаях, предусмотренных в п. 9, 10 ст. 145 УПК РК, и при условии, что подозреваемый, обвиняемый не нарушали возложенные на них обязанности.

з) При возвращении предмета залога с залогодателя взыскивается сумма, затраченная на обеспечение сохранности залога (п. 12 ст. 145 УПК РК): в отношении домашнего ареста — перечень запретов и ограничений в УПК РК указан значительно шире, чем в УПК РФ; содержание под стражей — в России данная мера пресечения применяется в отношении обвиняемого или подозреваемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). В РК эта же мера применяется в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет. В исключительных случаях она может применяться в отношении преступлений, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее пяти лет (ч. 1 ст. 147 УПК РК); в РФ к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому данная мера принимается в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При определенных условиях заключение под стражу может применяться в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 108 УПК РФ).

Кроме задержания подозреваемого и мер пресечения, уголовно-процессуальный закон выделяет группу иных мер процессуального принуждения. Ст. 111 УПК РФ подразделяет их на две группы — это меры, которые могут применяться к подозреваемому и обвиняемому, к ним относятся: обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; наложение ареста на имущество. И те, которые применяются по отношению к потерпевшему, свидетелю и иным участникам процесса: обязательство о явке; привод; денежное взыскание.

Статья 155 УПК РК содержит аналогичные меры принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства, за исключением одного: законодатель пополнил перечень иных мер процессуального принуждения еще одной мерой — запретом на приближение (ст. 165 УПК РК). Согласно этой статье, «запрет на приближение состоит в ограничении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого разыскивать, преследовать, посещать, вести телефонные переговоры и общаться иными способами с потерпевшим и иными лицами, участвующими в деле, в целях их защиты». Запрет на приближение санкционируется следственным судьей либо применяется судом (ст. 165 УПК РК).

Меры уголовно-процессуального принуждения играют важную роль при достижении целей уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный закон строго регламентирует порядок и основания применения мер пресечения и мер принуждения, тем самым соблюдая основные права и свободы граждан.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 28.04.2017).
3. Об утверждении правил, условий и оснований применения электронных средств слежения: постановление Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 2014 г. № 1369 [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document///?doc_id=31648720 (дата обращения: 15.04.2017).
4. Струков А. В. Недостатки правовой регламентации пределов мер уголовно-процессуального принуждения // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 167–168.
5. Ткачева Н. В. Пределы применения принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2005. № 3(1). С. 121–123.
6. Шамсутдинов М. М. Регламентация мер уголовно-процессуального принуждения в новом УПК Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ // Право и политика. 2015. № 6. С. 800–808.

Особенности уголовного процесса в отношении несовершеннолетних на примере России и США

© А. А. Еремеева

*магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»*

*Россия, г. Улан-Удэ
eremeewa84@mail.ru*

Сегодня одним из элементов защиты прав несовершеннолетних является формирование особого порядка уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации [1] несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. В Российской Федерации уголовная ответственность в соответствии со ст. 20 УК РФ предусмотрена с 16 лет, однако за некоторые преступления — с 14 лет.

В свою очередь, в США лицо, не достигшее 7 лет, не несет за свое поведение уголовной ответственности, а лицо, достигшее 14 лет, является уголовно ответственным за совершенное деяние в полном объеме. А в возрасте от 7 до 14 лет оно считается «не способным» совершить преступление. Если будет доказано, что лицо понимало, что делает, и то, что оно делает, является «неправильным», то презумпция может быть опровергнута.

Виды и порядок назначения наказания несовершеннолетним в России регламентирован УК РФ. В свою очередь, специальные нормативно-правовые акты, регламентирующие виды и порядок назначения наказаний несовершеннолетним, в уголовном праве США отсутствуют. Данные положения закреплены только в некоторых федеральных законах, но в основном в уголовных кодексах отдельных штатов.

Первый суд по делам несовершеннолетних был создан в Австралии (1890 г.), затем такой суд появился в Канаде (1894 г.). В США первый и специальный суд для несовершеннолетних был образован в Чикаго 2 июля 1899 г., в котором был упрощенный судебный процесс, где оказывалось минимальное воздействие на детей и подростков. Судебный процесс выглядел как простая беседа судьи и несовершеннолетнего подсудимого, которая происходила исключительно при закрытых дверях [4, с. 23].

В дальнейшем примеру этих стран последовали другие государства, где также создавались национальные суды для несовершеннолетних.

В 80-х гг. XX в. большинство штатов США ликвидировали значительную часть судов в отношении несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, их судили наравне со взрослыми. Определенная категория дел о преступлениях подростков передается в юрисдикцию общеуголовных судов, что является характерной процедурой для суда в отношении несовершеннолетних в США. Уголовный процесс по делам несовершеннолетних в США прост и оперативен. Главное в данном процессе — обсуждение правонарушения несовершеннолетнего и назначение наказания за него.

В суде для несовершеннолетних в США уголовный процесс состоит из следующих стадий: проверка материалов, отбор или отнесение их к компетенции суда; решение вопроса о задержании или предварительном заключении (аресте); изучение «случая» до распорядительного заседания; заявление о слушании дела и регистрации соответствующих документов; слушание по поводу вынесения решения по делу; слушание по поводу распоряжений суда.

Все стадии уголовного процесса в американском суде для несовершеннолетних сведены к следующему: вести ли его к формальному процессу или вывести из судебных и даже несудебных процедур.

В России впервые процесс в отношении несовершеннолетнего состоялся в г. Санкт-Петербурге в 1910 г. Дела в отношении несовершеннолетних рассматривались специально уполномоченным мировым судьей единолично. Система судов в отношении несовершеннолетних существовала с 1910 по 1917 г.

Сегодня в Российской Федерации отсутствуют отдельные суды для несовершеннолетних. В то же время уже более 30 регионов России имеет в судах общей юрисдикции специализированные составы судов, работа которых дает положительные результаты в деле предупреждения и снижения детской преступности. Наиболее эффективно внедряют в практику ювенальные технологии суды в Санкт-Петербурге, Ростовской, Саратовской, Ленинградской, Пермской областях. Активная работа по введению ювенальных технологий в судебную практику проводится в Республике Чувашия, Волгоградской, Кемеровской, Нижегородской областях, в городах Иркутске, Тюмени, Москве и ряде других регионов [5, с. 373–374].

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. № 1 уголовные дела в отношении несовершеннолетних в судах как первой, так и второй инстанций должны рассматриваться наиболее опытными судьями. В этих целях следует постоянно совершенствовать профессиональную квалификацию судей, рассматривающих дела о преступлениях в отношении несовершеннолетних, повышать их личную ответственность за выполнение требований законности, обоснованности, справедливости и мотивированности судебного решения. Специализация судей по делам несовершеннолетних предусматривает необходимость обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и переподготовки по вопросам не только права, но и педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных технологий, используемых в рамках процессуального законодательства [3].

Главой 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] предусмотрен порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Они рассматриваются только в общем порядке, особый порядок принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего не допускается, а также с участием законных представителей. При рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних рекомендуется в судебное заседание вызывать также представителей учебно-воспитательных учреждений или общественных организаций по месту жительства, учебы или работы несовершеннолетнего для установления условий жизни и воспитания. При допросе несовершеннолетнего подсудимого в возрасте от 14 до 16 лет обязательно участие педагога или психолога, а в возрасте от 16 до 18 лет их участие обязательно, если несовершеннолетний страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии.

Небезынтересно отметить, что в судах Республики Бурятия уголовные дела в отношении несовершеннолетних в соответствии с постановлением пленума ВС РФ № 1 рассматривают наиболее опытные судьи.

Кроме того, в судах нашего региона проводятся дни профилактики преступности среди несовершеннолетних, целями которых являются обсуждение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, снижение уровня преступности, недопущение несовершеннолетними повторных преступлений, ресоциализация (т. е. повторная социализация, под которой подразумевается обучение несовершеннолетних социальным нормам и культурным ценностям); «Дни открытых дверей». При некоторых судах Республики Бурятия имеется ставка психолога, который проводит беседы с несовершеннолетними.

Также в Республике Бурятия проводится международная научно-практическая конференция «Дружественное к ребенку правосудие», где обсуждаются меры профилактики преступности несовершеннолетних, проблемы ювенального права и ювенальной криминологии, разрешаются споры о детях в порядке гражданского судопроизводства, освещаются применение медиации и медиативных технологий в уголовном судопроизводстве, психологические и социально-правовые аспекты в работе с несовершеннолетними и их семьями, новые подходы и рекомендации.

Как мы видим, уголовный процесс в отношении несовершеннолетних в США и России отличается. В Российской Федерации полная уголовная ответственность предусмотрена с 16 лет, только за некоторые преступления несовершеннолетние несут уголовную ответственность с 14 лет. При этом в США полная уголовная ответственность несовершеннолетних предусмотрена с 14 лет. Если в США созданы и функционируют специальные суды для несовершеннолетних, то в России в настоящее время создаются специализированные составы судов в судах общей юрисдикции. Необходимо отметить, что начиная с 80-х гг. XX в. значительная часть специализированных судов для несовершеннолетних в большинстве штатов ликвидированы.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.09.1996 г. № 63-ФЗ // Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 1996. 17 июня. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета. 2011. № 29. 11 февр.
4. Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики / науч. ред. Э. Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 356 с.
5. Ювенальное право Российской Федерации: учебник для магистрантов / А. М. Рабец. М.: Юрайт, 2012. 399 с.
6. Попова Е. И. К вопросу о недопустимости рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних судом в порядке главы 40 УПК РФ // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (16–18 сент. 2011 г.) / науч. ред. Э. Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С.180–183.

Тактика поддержания государственного обвинения по уголовным делам в суде РФ и Китая: сравнительный анализ

© **Н. М. Касьянова**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»*

Россия, г. Улан-Удэ

univer@bsu.ru

Институт поддержания государственного обвинения в уголовном процессе России и Китая — это форма уголовного преследования. В связи с этим задача прокурора в уголовном процессе, как в России, так и Китае, — участие в уголовном процессе с позицией доказывания обвинения. Следовательно, все действия прокурора в уголовном процессе направлены на доказывание вины подсудимого. Вызывает интерес институт поддержания государственного обвинения в Китае.

Для сравнительного анализа института поддержания государственного обвинения России и Китая сначала рассмотрим, каким образом данный институт регулируется в России.

Согласно ст. 129 Конституции РФ [1], ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [2] прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. При этом необходимо отметить, что ст. 129 Конституции РФ, устанавливающая конституционную основу организации и деятельности Прокуратуры РФ, находится в главе 7 «Судебная власть и прокуратура».

Конституционные основы организации и деятельности Прокуратуры Китайской Народной Республики также закреплены в главе 7 Конституции КНР «Народный суд и Народная прокуратура», в которой говорится, что народная прокуратура Китайской Народной Республики является государственным органом надзора за соблюдением законности [3]. Кроме Конституции КНР основу организации и деятельности также устанавливает закон КНР «О государственных прокурорах», где закреплено, что народные прокуратуры — это органы государственного правового надзора за законностью, осуществляющие функции государственного обвинения [4].

Китайские ученые-юристы отмечают, что создание системы прокуратуры в России и Китае базировалось на единых идеологических принципах, разработанных В. И. Лениным, который полагал, что прокуратура — это не только орган обвинения, но и орган надзора. В целях усиления борьбы с преступностью государство наделяет этот орган почти неограниченными правами уголовного преследования [5].

Стадия судебного разбирательства в уголовном процессе любого государства всегда является центральной частью. Следовательно, участие прокурора важно, т. к. на данной стадии решается вопрос о виновности/невиновности подсудимого. Более того, осуществляется реализация принципа состязательности сторон, который закреплен как в УПК РФ, так и в УПК КНР [6].

Стоит отметить, что китайское уголовно-процессуальное законодательство не содержит положения о том, что только суд в соответствии с законом может признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть его уголовному наказанию. Оно не признает также презумпции невиновности, т. е. принципа, согласно которому лицо считается невиновным, пока его вина в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. УПК КНР закрепляет положение, когда решение о виновности принимается органами общественной безопасности или народной прокуратурой, ведущими предварительное следствие. Лицо становится обвиняемым не с момента предъявления ему обвинения, а с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, невооруженным глазом заметен обвинительный уклон в процессуальном отношении к лицу, совершившему преступление.

Согласно УПК КНР при рассмотрении дел, которые возбуждены государственным обвинителем, прокуратура должна направить в суд обвинителя для поддержания обвинения. При этом обвинитель вправе не принимать участие в упрощенной процедуре, т. е. по тем производствам, где лицо может быть приговорено к лишению свободы на срок до трех лет, аресту, надзору, штрафу.

Таким образом, в соответствии с законодательством России и Китая сторонам уголовного процесса предоставлены равные процессуальные права.

Изучив положения УПК РФ и УПК КНР, мы пришли к выводу, что тактика поддержания государственного обвинения в суде в обеих странах содержит следующие элементы:

Первый элемент — уголовное преследование. Это деятельность, которая осуществляется стороной государственного обвинения с целью изобличения подсудимого в совершении преступления и обоснования перед судом его виновности.

Второй элемент — обвинение. Включается в состав первого элемента. Обвинение — это результат уголовного преследования, содержит вывод и определение обвинения, которое непосредственно вменяется обвиняемому.

Третий элемент — защита от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Это деятельность государственного обвинителя по обличению тех особенностей того или иного дела, которые позволяют оправдать или исключить, смягчить ответственность.

И, наконец, четвертый элемент — непосредственно государственное обвинение. Это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, повлекшего причинение вреда государственным и общественным интересам, выдвинутое в установленном порядке и поддерживаемое в суде от имени государства должностным лицом органа прокуратуры с целью применения к данному лицу мер заслуженного наказания; государственный обвинитель — уполномоченное государством должностное лицо органа прокуратуры, осуществляющее в суде уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения либо при отсутствии к тому оснований делающее заявление об отказе от обвинения.

Таким образом, тактика поддержания государственного обвинения важна и определяется в целом эффективностью раскрытия преступлений как на территории России, так и на территории Китая.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета. 1995. № 229.

3. Конституция КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&e> (дата обращения: 05.05.2017).

4. Закон КНР «О государственных прокурорах» [Электронный ресурс]. URL: <http://law.uqlc.ru/prosecutor.htm> (дата обращения: 05.05.2017).

5. Чжан Цзюэ. Прокурор в современном уголовном процессе. Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики: дис. ... канд. юр. наук. М., 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/164451.html> (дата обращения: 05.05.2017).

6. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru/pro> (дата обращения: 05.05.2017).

Правовые механизмы обеспечения информационной безопасности в России и Китае: сравнительный анализ

© *С. Е. Крутенко*

*магистрант 1-го года обучения
Иркутского юридического института (филиала)
ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации»
г. Иркутск, Россия
f17081994@mail.ru*

В обеспечении информационной безопасности право является важнейшим средством правового регулирования, имеющим государственное принуждение. В этой области государство выступает в качестве активного субъекта формирования права и организатора правоприменительной деятельности. Способность государства противостоять внутренним и внешним информационным угрозам определяющим образом влияет как на стабильность экономических отношений и обороноспособность страны, так и на многие элементы государственности.

Ведущие мировые державы стараются вести противостояние без кровопролитий, используя информационные технологии и ресурсы. При этом пальму первенства в информационной войне уверенно сохраняет Китай. Так, группа ученых из разных стран еще в 2005 г. пришла к выводу, что Китай обладает самой эффективной и совершенной в мире технико-правовой базой для цензуры и надзора за интернетом [10, с. 197]. Также об этом свидетельствуют данные и отчеты различных международных и межведомственных комиссий, исследующих тенденции развития современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2].

Информационная безопасность для России и Китая, безусловно, является объектом социальных интересов [17–19] и правовых ценностей [20–22].

Еще в 2002 г. военно-политическим руководством Китая был сделан особый акцент на модернизацию вооруженных сил за счет их информатизации [2, с. 176], что и привело к возрастающей силе потенциала Китая в информационной среде.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации сказано, что Россия выступает за обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере на международном уровне [8]. Поэтому, понимая тяготящую силу информационных технологий и увеличивающуюся конфронтацию в мире, налаживается взаимодействие между Россией и Китаем по обмену опытом. Так, 27 апреля 2016 г. в Москве состоялся VII Международный форум безопасного интернета (далее — ФБИ-2016), на котором совместно с китайскими представителями обсуждались вопросы и проблемы информатизации. На ФБИ-2016 глава канцелярии руководящей группы ЦК КПК по информатизации и сетевой безопасности Китая Лу Вэй сказал: «Россия и Китай — страны с наиболее развитым интернетом во всем мире. Интернет должен приносить пользу гражданам, а не нарушать права и создавать угрозы их безопасности. Напомню, председатель Китая Си Цзиньпин подчеркивал, что безопасность граждан в интернете означает безопасность государства в целом [9]». Как известно, в Китае успешно реализуется проект «Золотой щит», в рамках которого создана сложная система фильтрации содержимого интернета в КНР. В рамках проекта функционирует система серверов на интернет-канале между провайдерами и международными сетями передачи информации, которая фильтрует информацию и блокирует доступ к определенным сайтам [2, с. 173]. Таким образом, заботясь о качестве контента своих граждан, Китай одновременно защищает от вирусов и хакеров большую часть информации, находящейся в сети.

На форуме были высказаны предложения по поводу того, что китайское общество намерено перенять российский опыт по защите детей от информации, причиняющей вред их развитию. Следует отметить, что Россия успешно применяет с 29 декабря 2010 г. положения Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ. В данном законе распределены полномочия в части обеспечения защиты от информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, классифицирована по видам информационная продукция, определены требования к обороту и экспертизе такой продукции, установлен государственный надзор и общественный контроль за соблюдением данного вида законодательства [5]. По-

скольку в Китае нет системы защиты от информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, думается, что система, созданная в России, вполне может прижиться и в Китае.

Также стоит заметить, что еще одни нововведения в Китае уже активно применяются в нашей стране. Так, в Китае был принят новый закон о кибербезопасности, который обязывает интернет-провайдеров сотрудничать с правительством в расследовании преступлений и дел, относящихся к национальной безопасности. Также закон вводит обязательное тестирование и сертификацию ИТ-оборудования и дает властям неограниченный доступ к данным компаний, попавших под подозрение. Кроме того, вводится ограничение на хранение данных за рубежом: любая информация о китайских гражданах, собранная внутри Китая, должна храниться на его территории. На хранение данных за рубежом требуется специальное разрешение [4]. Этот закон вступил в силу в июне 2016 г.

В свою очередь, данные нововведения в России применяются с 1 сентября 2015 г. Они представлены в федеральном законе «О персональных данных», где в соответствии с поправками от российских и зарубежных компаний требуют локализации персональных данных на территории России. Любая компания, ориентированная на работу с российскими пользователями, должна обеспечивать запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение персональных данных россиян с использованием баз данных, находящихся на территории РФ [6].

Тем не менее по части сертификации ИТ-оборудования Россия пошла менее категоричным путем. В Федеральном законе от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» и ряде других актов (постановление Правительства РФ от 26.06.1995 г. № 608 «О сертификации средств защиты информации», положение «О сертификации средств защиты информации по требованиям безопасности информации», утв. Приказом Госкомиссии РФ от 27.10.1995 г. № 199) предусмотрена добровольная и обязательная сертификация.

Российские органы власти также активно перенимают опыт по ряду законодательных инициатив, которые позволят регулировать поведение граждан в интернете. Так, в июле 2016 г. в связи с введением Федерального закона № 734-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» изменились правила хранения информации операторами связи и интернет-провайдером. Они должны будут начать собирать информацию об этих фактах соответственно за трехлетний и годичный периоды уже с 20 июля 2016 г., а содержание переговоров и переписки — с 1 июля 2018 г.

В Китае по этому поводу действуют положения закона достаточно давно, при этом с 7 ноября 2016 г. вступили в силу поправки, согласно которым данные жителей Китая, которые, как уже упоминалось, хранились внутри страны, должны помимо личных данных хранить и другую важную информацию, полученную в ходе операций, которая тоже должна храниться на китайских серверах. Этот пункт относится к «провайдерам, которые хранят критически важную информацию» [1].

Стоит отметить, что с 2005 г. были предприняты усиленные меры по регламентированию деятельности граждан в интернете. Так, было запрещено анонимное общение, введена обязательная регистрация сайтов, проведена серия облав на владельцев нелегальных интернет-кафе. С 2006 г. в Китае начало свою работу специальное полицейское ведомство для контроля за интернетом. Интернет-полицейские призваны следить за содержанием сайтов, онлайн-форумов и социальных сетей.

На многих, прежде всего крупных, китайских сайтах, чтобы завести свой блог или оставить сообщение на форуме, нужно пройти обязательную регистрацию, при которой необходимо указать свои настоящие личные данные, включая имя, адрес и идентификационный номер. Все эти данные через компьютерный банк данных проверяют на подлинность, и только после этого регистрация считается пройденной [2, с. 174]. С 1 марта 2015 г. в Китае был принят закон, согласно которому все аккаунты в соцсетях, микроблогах, форумах и на других сайтах должны регистрироваться с указанием реальных паспортных данных. Анонимность считается преступлением

[3]. Такое нововведение еще не нашло отражение в российском законодательстве, однако, по мнению автора, возможно в дальнейшей перспективе. Это объясняется учащением актов экстремистской направленности, террористической деятельности, готовящихся в том числе через информационные системы. Идентификация пользователей позволит более эффективно вести деятельность по расследованию таких преступлений, показать неотвратимость наказания.

Следует отметить, что в России также определен орган, обязанный следить за распространением противоправной информации. С 2013 г. в связи с введением статьи 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» появились новые полномочия у прокуроров. Так, в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, установленной законом информации сотрудники прокуратуры направляют в Роскомнадзор, или его территориальный орган, требование о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию [7].

В целом обмен опытом между странами будет продолжаться. Между тем следует не забывать, что государственная политика Китая в этой сфере имеет идеологическую подоплеку и продиктована политическим устройством в стране. И, как верно и точно отмечал президент РФ В. В. Путин на IV медиафоруме ОНФ «Правда и справедливость», все ограничения и регулирование должны соответствовать уровню развития общества. Демократия не значит вседозволенность, а рынок — расхищение имущественных благ. Не следует критиковать Китай. В России вхождение должно быть постепенным, ограничений пока достаточно, но при этом подход должен быть такой: нельзя все, что запрещено законом.

Таким образом, должно развиваться равноправное стратегическое партнерство между странами, совершенствоваться законодательство, формироваться безопасная среда оборота информации, устойчивая к различным видам воздействия информационная инфраструктура и возникающие в связи с этим угрозы не только информационной, но и глобальной безопасности.

Литература

1. Журавлева М. 6 обновлений китайского закона об интернет-безопасности: новость от 24.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://enterchina.ru/blog/6-obnovleniy-kitayskogo-zakona-ob-internet-bezopasnosti> (дата обращения: 05.04.2017).
2. Ибрагимов Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс Безопасности. Т. 19, № 1(104). С. 169–184.
3. Интернет в Китае: запрет на анонимность: новость от 03.03.2015 // Информационно-аналитический ресурс, путеводитель по российскому и зарубежному интернету «Интернетные штучки» [Электронный ресурс]. URL : http://internetno.net/category/novosti/internet_v_kitae_zapret_na_anonimnost (дата обращения: 05.04.2017).
4. Китай закрывает от зарубежных ИТ-компаний рынок в \$340 млрд : новость от 07.11.16 // Сетевое издание «СNews» [Электронный ресурс]. URL: http://safe.cnews.ru/news/top/2016-11-07_kitaj_zakryvaet_ot_zarubezhnyh_itkompanij_gynok (дата обращения: 05.04.2017).
5. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
6. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. Ч. 1, № 31. Ст. 3448.
8. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
9. Титаренко Е. Россия и Китай вместе думают о безопасности в Сети: новость от 28.04.2016 // Comnews: новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comnews.ru/node/100676> (дата обращения: 05.03.2017).
10. Щербакова Е. Н. Интернет-цензура в Китае // Успехи современного естествознания. 2013. № 11. С. 197.
11. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Проблема выбора объекта сравнительно-правового исследования // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 19–31.
12. Сравнительное правоведение: учеб. пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск: Изд-во Иркутского юрид. ин-та (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. С. 79–131.
13. Юрковский А. В. Основные направления сравнительного правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 55–59.
14. Юрковский А. В. Аксиологические методы в сравнительном правоведении // Научный альманах. 2016. № 2–3(16). С. 340–346.
15. Юрковский А. В. Основные подходы к определению ценностей в правовой аксиологии // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 171–175.
16. Юрковский А. В. Правовая эстология как элемент правовой аксиологии, сравнительного правоведения, юридической, гуманитарной науки // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). 2016. № 8(12). С. 107–109.
17. Амосова Т. В., Юрковская Е. А., Юрковский А. В. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 96–107.
18. Юрковский А. В. Сравнительное исследование категории «революция» в конституционном праве КНР и КНДР // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 132–141.
19. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Китайской Народной Республики // Академический юридический журнал. 2015. № 4(62). С. 44–52.
20. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Особенности конституционно-правовой охраны в Китайской Народной Республике // Мир юридической науки. 2014. № 9. С. 30–38.
21. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Государственно-правовые проблемы противодействия коррупции в Китайской Народной Республике // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 42–49.
22. Юрковский А. В. Особенности территориальной организации государственной власти Китайской Народной Республики // Мир юридической науки. 2010. № 2. С. 44–49.
23. Гармаев Ю. П. Взаимодействие правоохранительных органов по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 28 октября 2015 г.). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ГАУ, 2015. С. 3–7.

Сравнительный анализ обеспечения прав потерпевших в российском и зарубежном уголовном производстве на примере России, Монголии и Китая

© А. А. Маркеева

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ

© Е. Н. Науменко

ст. преп. кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ

Анализируя особенности обеспечения прав потерпевших в российском уголовном законодательстве, Верховный суд РФ разъяснил, что важные функции уголовного правосудия состоят в охране законного интереса потерпевшего, в уважении его достоинства и повышении доверия к уголовному правосудию и содержатся в положениях международного права, таких как Всеобщая декларация (1948), Декларация основных принципов правосудия (1985), и в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы (1985).

Строгое соблюдение норм, регулирующих участие потерпевшего в системе уголовного судопроизводства, гарантирует реализацию пострадавшим лицом конституционного права на доступ к правосудию, на судебную защиту и на компенсацию причиненного ущерба. Поэтому статьей 52 Конституции РФ [1] гарантирована охрана законом права потерпевшего от преступления и злоупотребления властью, обеспечение государством доступа потерпевшего к правосудию с компенсацией причиненного ущерба.

Таким образом, правовые источники системы обеспечения прав потерпевшего в России включают в себя конституционные гарантии, а также общепринятые нормы международного и европейского права.

Кодифицированные нормы основных прав потерпевших в российском уголовном производстве регламентированы в ст. 42 УПК РФ [2] и включают придание строго фиксированного смысла термину «потерпевший»; незамедлительное признание потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела с оформлением соответствующего постановления либо после получения сведений о потерпевшем при их отсутствии на момент возбуждения уголовного дела; расширенный перечень 23 прав потерпевшего; порядок обеспечения потерпевшему возмещения имущественного вреда от преступления и расходов на его участие в предварительном расследовании и в суде; общее правило определения размера возмещения причиненного потерпевшему вреда в рамках рассмотрения уголовного дела либо в общем порядке гражданского судопроизводства и т. д.

Исходя из правил УПК РФ комплекс прав потерпевшего можно разделить на следующие группы:

- 1) общие права потерпевшего как участника уголовного процесса;
- 2) процедурные общие и дополнительные права потерпевшего, относящиеся к участию его в следственных действиях;
- 3) права потерпевшего в качестве одной из сторон процесса;
- 4) права потерпевшего, схожие с правами обвиняемого;
- 5) специфические права потерпевшего.

Отсюда следует, что комплекс прав потерпевшего в России и соответствующих механизмов обеспечения их защиты классифицируется множеством категорий, установленных в УПК РФ.

Также с учетом ключевых моментов досудебной стадии уголовного процесса в рамках проверки законности важнейших процессуальных решений, действий следователя и/или органа дознания А. Б. Соловьев выделил механизмы обеспечения прокуратурой прав потерпевшего, которые заключаются в контроле и проверке законности принимаемых решений.

Важность статуса потерпевшего для российского уголовного процесса определяется множеством норм УПК РФ, которые связаны с обеспечением его полномочий.

В связи с этим Конституционный Суд России в ряде своих решений [4] и в п. 2.1. Определения № 2164-О от 11.10.2016 [5] разъясняет: лицо является, по существу, потерпевшим в силу факта причинения преступлением вреда, а не вследствие вынесения соответствующего решения о признании его потерпевшим, поскольку вредное последствие возникает в виде физического, имущественного, морального вреда с момента его причинения определенному лицу; правовой статус потерпевшего должен определяться с учетом его фактического положения и оформляться процессуально решением судьи, следователя, дознавателя; не допускается принятие решения относительно признания или непризнания потерпевшим в рамках уголовного дела произвольно, по личному усмотрению судьи, следователя, дознавателя.

Также стоит обратить внимание на специальный Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ (далее — Закон [3]), устанавливающий систему государственной защиты потерпевших и других участников уголовного судопроизводства, которая, в частности, включает полномочия органа, обеспечивающего государственную защиту потерпевшего (ст. 24 закона [3]).

Таким образом можно отметить, что правовые основы системы защиты прав потерпевшего в России отличаются сложным многоуровневым содержанием общепризнанных норм источников международного права; конституционных гарантий потерпевшего на охрану законом его прав и обеспечение государством доступа к

правосудию с компенсацией причиненного ущерба; процедурных норм УПК РФ, определяющих множество категорий прав потерпевшего в России и соответствующих механизмов обеспечения их защиты, установленных в УПК; требований других специальных федеральных законов и подзаконных актов о требованиях по защите прав потерпевшего; положений судебной практики, разъясняющей нормы федерального законодательства.

Правовые основы системы защиты прав потерпевшего в Монголии так же, как и в России, базируются на общепризнанных нормах источников международного права.

Однако в Основном законе Монголии [6], в отличие от ст. 52 Конституции РФ [1], не упоминаются непосредственно гарантии обеспечения прав потерпевшего, но в ст. 16 и 19 Конституции Монголии обозначены [9, с. 255–259]:

- Во-первых, общие гарантии обеспечения прав всех монгольских граждан относительно защиты адвокатом; помощи в области права; проверки судебных доказательств; справедливого суда; личного участия в собственном судебном процессе; апелляции решений суда
- Во-вторых, запрет на требования, на оказание давления, применение силы к кому бы то ни было, на дачу показаний против самого себя и т. д.
- В-третьих, обязательства государства перед гражданами Монголии по защите человеческих прав и свобод, по обеспечению социально-экономической и юридической гарантий, борьбе с нарушениями человеческих прав и свобод, восстановлению незаконно утерянного права граждан.

Также стоит указать, что в тексте УПК Монголии не приводится логическая процедура придания строго фиксируемого смысла термину «потерпевший», однако этот термин используется в статьях и положениях УПК Монголии и может реализовываться с предоставлением обязательных ресурсов государством.

Кроме этого, в УПК Монголии приводится меньшее (по сравнению с УПК РФ) число норм по обеспечению прав потерпевшего, который считается основным видом жертвы преступления, а по своей сути является участником процесса равно как подозреваемый, обвиняемый, защитник и пр.

Вместе с этим в Монголии, как и в России, разработан и с 2013 г. действует специальный закон «О защите свидетеля и потерпевшего» [7]. Данным законом регламентированы принципы защиты уважения законных интересов человека; конфиденциальности установленных видов сведений; оперативности; реагирования на угрозу; две категории: защитных мер безопасности и психологических защитных мер; перечень 9 защитных мер безопасности: превентивных мер; ограничивающих мер; применения телохранителя; обеспечения секретности информации; использования специальных инструментов; временного помещения в безопасное место; переселения; замены документов; изменения внешнего вида и т. д.

Также стоит указать на использование в рассматриваемой сфере обеспечения прав потерпевших подзаконных актов и судебной практики.

Наряду с этим действует «Порядок предоставления средств и процедур защиты свидетелей и потерпевших», утвержденный министром юстиции Монголии и определяющий, например, специальные инструменты для защиты жертв преступлений: специальное оборудование (сигнал тревоги об опасности пожара; средства изображения; электронный дверной замок и датчик отпечатков пальцев), средства защиты от ножа и от пули и т. д.

С учетом вышеизложенного отметим, что правовые основы системы защиты прав потерпевшего в Монголии относительно российского законодательства отличаются менее сложным многоуровневым содержанием общепризнанных норм источников международного права, которые не соблюдаются в случае его противоречия Конституции Монголии; конституционных гарантий для всех граждан Монголии по охране законом их прав, по борьбе с нарушениями человеческих прав и свобод, восстановлению незаконно утерянного права граждан; процедурных норм УПК Монголии, определяющих меньшее (по сравнению с УПК РФ) число норм по обеспечению прав потерпевшего, который считается основным видом жертвы преступления; требований других специальных федеральных законов и подзаконных актов в части защиты прав потерпевшего; положений судебной практики, разъясняющей нормы законов Монголии.

Правовые основы системы защиты прав потерпевшего в КНР в отличие от России и Монголии базируются только на нормах Конституции КНР [8], в которой не упоминаются термины «международное право» и «потерпевший». Однако нормы Основного закона Китая устанавливают общегражданские государственные гарантии.

Вместе с этим в нормах УПК КНР, как и в монгольском УПК, дефиниция «потерпевший» не приводится.

Таким образом, правовые основы системы защиты прав потерпевшего в Китае, относительно российского и монгольского законодательства, отличаются отсутствием и указанием в УПК КНР только трех основных прав потерпевшего (на внесение заявлений как доказательств по делу, на просьбу прокурору о принесении про-теста на приговор, на своевременный возврат законного имущества).

Исходя из вышеизложенного целесообразно указать направления разработки единой методики для улучшения взаимодействия России, Монголии и Китая в части защиты прав потерпевших:

- 1) установление объема общепризнанных норм международного права по защите прав потерпевших, которые не соблюдаются в России, Монголии и Китае;
- 2) определение перспективных норм национального права по обеспечению прав потерпевших, которые необходимы для развития России, Монголии и Китая;
- 3) выявление соотношения несоблюдаемых норм международного права с перспективами в национальном праве в России, Монголии и Китае;

4) определение состава и компетенции рабочих групп по разработке единой методики для улучшения взаимодействия России, Монголии и Китая в части защиты прав потерпевших с учетом результата первых трех пунктов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 15. 14 апр. Ст. 1691.
2. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной думы от 26.05.2000 «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец: постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 г. № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.
3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2004. № 34. 23 авг. Ст. 3534.
4. По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О. А. Лаптева: постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2014. № 27-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 г. № 2164-О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2017).
6. Конституция Монголии (принята 13.01.1992) [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 21.01.2017).
7. Закон Монголии «О защите свидетеля и потерпевшего» (Монгол улсын хууль «Гэрч, хохирогчийг хамгаалах тухай») от 07.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/9287> (дата обращения: 21.01.2017).
8. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) 中华人民共和国宪法 (принята 04.12. 1982 г. на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва, опубликована 04.12. 1982 г. Всекитайским собранием народных представителей [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1 (дата обращения: 21.01.2017).
9. Жалинский А. Э., Мяханова А. Н. Сравнительно-правовое исследование УПК Монголии и УПК РФ // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 255–259.

Некоторые вопросы применения преюдиции в России и Китае

© *Е. В. Меженина*

аспирант 3-го года обучения

Уральского государственного юридического университета

г. Екатеринбург, Россия

mandragorium@mail.ru

Взаимодействие сфер гражданского и уголовного права и процесса наиболее ярко выражено в таком явлении, как преюдиция. УПК РФ не содержит понятия преюдиции, однако в ст. 90 УПК РФ говорится, что установленные судебным решением обстоятельства, как то: приговор, вступивший в законную силу, решение суда по гражданскому, арбитражному или административному делу, должны признаваться правоприменителем без дополнительной проверки. Вопрос о виновности лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле, таким образом предпринимать не может.

А. М. Безруков обозначает преюдициальность как недопустимость оспаривания фактов и правоотношений, установленных вступившим в законную силу судебным решением [10, с. 34]. Его точку зрения разделяет Н. А. Колоколов, определяющий преюдицию как совокупность обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, в силу того, что они установлены вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу [13, с. 223].

Тем не менее факты представляют собой обстоятельства, имевшие место в действительности независимо от их субъективного восприятия индивидом. Их неоспоримость обеспечена окончательным решением суда по рассмотренному им делу, поэтому, определяя преюдицию, необходимо отталкиваться не от самих установленных обстоятельств, а от свойств судебного решения [11, с. 215].

М. С. Строгович предложил принимать во внимание прямой перевод термина *praecedentialis* при определении преюдиции. С учетом прямого значения слова преюдиция раскрывается как свойство решения суда, его предсудность и истинность, но не свойство фактов [15, с. 217].

Связь преюдициальности судебного решения с его истинностью раскрывается через презумпцию истинности. Под презумпцией истинности вступившего в законную силу приговора понимается: 1) недопустимость подвергать сомнению вступивший в законную силу приговор суда; 2) обязательность исполнения приговора

всеми субъектами, независимо от их личной оценки установленных в приговоре обстоятельств и справедливости [8, с. 556].

Преюдиция выражает значение содержания приговора, поскольку приговор — это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо освобождении его от наказания (п. 28 ч.1 ст.5 УПК РФ). То же можно сказать и о преюдиции решения, принятого в порядке гражданского судопроизводства. Судебное решение по гражданскому делу — это постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу (ст. 194 ГПК РФ). В нем подтверждается наличие или отсутствие спорного права (спорного правоотношения). В результате вынесения такого решения правоотношение становится бесспорным.

В связи с этим недопустимость оспаривания фактов обеспечена свойствами любого принятого судом в соответствии с законом решения. Таким образом, неотъемлемые судебные решения не могут не иметь преюдициального значения.

Определение В. Случевского наиболее точно отражает суть преюдиции. Автор рассматривает это явление как значение приговоров и решений уголовного и гражданского судов, осуществляющих правосудие, применяя свой особый порядок проверки доказательств, свои особые цели, свои особые способы и средства действия [14, с. 116].

Вопросы вызывает не только пересечение гражданско-правовой и уголовно-процессуальной сфер. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. был затронут вопрос об административной преюдиции [7]. Суд рассматривал жалобу И. И. Дадина, который, будучи привлеченным к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 20.2 КоАП РФ (нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), в очередной раз принял участие в не согласованном с органами исполнительной власти публичном мероприятии.

По мнению И. И. Дадина, статья 212.1 УК РФ не соответствует Конституции РФ в связи с тем, что она, помимо всего прочего, предусматривает привлечение лица к уголовной ответственности за нарушение порядка организации и проведения публичных мероприятий, имеющих мирный характер, только на основании неоднократности нарушений, а также допускает возможность возбуждения уголовного дела до вступления в законную силу всех вынесенных в отношении преследуемого лица судебных актов, которыми он был признан виновным в совершении административных правонарушений.

Конституционный Суд отметил, что уголовная ответственность может применяться, только если лицо, совершившее противоправное деяние, ранее уже было преследуемым в административном порядке и понесло соответствующее наказание. Статья 212.1 УК РФ не предполагает наступления уголовной ответственности за нарушения, за которые лицо уже понесло административное наказание. Уголовным законодательством предусмотрена ответственность только за такое нарушение, которое вновь совершено лицом, ранее уже привлекавшимся к административной ответственности по статье 20.2 КоАП более двух раз в течение 180 дней в пределах срока, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию за данные правонарушения. То есть наступление уголовно-правовых последствий в данном случае связано не с лицом, совершившим правонарушение, а с предшествующим привлечением данного лица к административной ответственности.

В Постановлении, принятом по жалобе И. И. Дадина, Конституционный Суд сослался на свое мнение, высказанное в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П [6] о гражданско-правовой преюдиции, следовательно, судебные акты о привлечении лица к административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП РФ, не должны определять виновность лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ. Поясняя свою позицию, Конституционный Суд указал, что пределы действия преюдиции обусловлены значением ранее установленных фактов, рассматриваемых как предмет доказывания по другому делу. Таким образом, принятые и вступившие в законную силу решения по гражданским делам не могут предрешать выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления и виновен ли обвиняемый.

Тем не менее неоднократное совершение административных правонарушений, подтвержденное соответствующими судебными решениями, является условием привлечения лица к уголовной ответственности: общественная опасность деяния в данном случае выражается его неоднократностью. Общественная опасность как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст.212.1 УК РФ, доказывается наличием соответствующих судебных решений. Это позволяет утверждать, что судебные решения, подтверждающие совершение лицом административных проступков, должны иметь значение доказательств по уголовному делу и подлежать проверке и оценке наряду с другими. Если учесть, что преюдициальное значение судебного решения влечет признание установленных им фактов без дополнительной проверки (ст.90 УПК РФ), то можно сделать вывод, что решения об административных проступках лица, учитываемые уголовным законом (например, ст. 212.1, 264.1, 116 УК РФ и т. д.) преюдициального значения не имеют и должны восприниматься как доказательства — иные документы по уголовному делу. В то же время нельзя допускать пересмотр вступивших в законную силу и неотмененных судебных решений.

Кроме того, возникает вопрос о том, что делать в ситуации, когда материалы дел об административных правонарушениях лица, в отношении которого на их основании возбуждено уголовное дело, получены без участия адвоката. Алексей Липцер, высказавший свою позицию по делу Дадина, считает подобные доказательства недопустимыми [12]. Думается, здесь открывается возможность для подозреваемого (обвиняемого) злоупот-

реблять правом на защиту, отказавшись от него с целью последующего признания доказательств недопустимыми.

Интересен подход к преюдиции, прослеживающийся в некоторых законах КНР. В целом сложно говорить о систематическом применении административной или гражданской преюдиции в области уголовно-процессуального права Китая. Нормы, предписывающие учитывать факты привлечения к административной ответственности, в основном касаются дорожно-транспортных преступлений. До 2011 г. нормы о нарушении правил вождения вообще не относились к сфере уголовного законодательства, а после принятия поправок появилось четкое разделение правонарушений, за которыми следует применение административной ответственности, и преступлений.

На сегодняшний день нормы об управлении транспортным средством в состоянии опьянения присутствуют как в УК КНР [4], так и в законе КНР «О безопасности дорожного движения» [9, с. 24]. Статья 133 УК КНР устанавливает уголовный арест и штраф за совершение данного преступления, а также применение наказания за более тяжкие преступления, если действия водителя образуют другой состав преступления. При этом «вождение в состоянии алкогольного опьянения» (в крови превышена норма алкоголя: 80 мг/100 мл. — 0,8 промилле) влечет за собой привлечение к уголовной ответственности, а вождение «после употребления спиртных напитков» (содержание алкоголя в крови — от 20 до 80 мг/100 мл. — от 0,2 до 0,8 промилле) — к административной. Нормы об административной ответственности содержатся в законе КНР «О безопасности дорожного движения» и регламентируют применение внутренней административной преюдиции. Так, при вождении после распития спиртных напитков в первый раз нарушитель лишается прав на 46 месяцев, а также на него возлагается обязанность выплатить штраф (ст. 91), во второй раз нарушитель уже приговаривается к административному аресту до 10 суток, штрафу и лишению права на управление транспортным средством на пять лет.

В 2013 г. Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура и Министерство общественной безопасности КНР приняли нормативно-правовой акт «Мнение о некоторых вопросах применения законодательства по уголовным делам об управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения» [16, с. 1066]. В этом документе были зафиксированы обстоятельства, отягчающие ответственность. Среди обстоятельств были перечислены в том числе привлечение лица ранее к административной или уголовной ответственности за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения и совершение лицом ранее серьезных нарушений закона КНР «О безопасности дорожного движения». Таким образом лицо, содержание у которого алкоголя в крови превышает 0,8 промилле, безусловно привлекается к уголовной ответственности, независимо от того, было ли оно привлечено ранее к административной ответственности. Если в случае с И. Дадиным возникло множество проблем и споров, то здесь все более-менее понятно, хоть и не гарантирует полное отсутствие спорных ситуаций.

Таким образом, предшествующие нарушения трактуются не как необходимые условия уголовной ответственности, а как обстоятельства, отягчающие деяние. В случаях, подобных делу Дадина, возможно, именно такой подход помог бы избежать путаницы в вопросах применения преюдициальности.

Вместе с тем интересно заметить следующее. В 2009 г. Верховный народный суд КНР принял «Руководящее мнение по вопросам применения законодательства по преступлениям, связанным с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения», где были рассмотрены показательные дела Ли Цзинцюаня и Суй Вэймина [16, с. 1067]. Вместо смертной казни за нарушение правил дорожного движения в пьяном виде, вследствие которого погибли два человека, а один получил тяжелые ранения, суд приговорил нарушителей к пожизненному лишению свободы. Произошло это потому, что данные лица раскаялись и выплатили полностью материальный ущерб по иску родственников погибших. Думается, в данном случае можно говорить о межотраслевой гражданской преюдиции, существование которой в КНР подтверждает и статья 77 УПК КНР [5], в которой сказано, что пострадавшая сторона вправе подать гражданский иск в ходе уголовного судопроизводства для компенсации ей материального вреда, причиненного преступлением. Далее, в статье 78 устанавливается, что гражданское дело должно рассматриваться вместе с уголовным, но во избежание чрезмерного затягивания слушания уголовного дела суд может завершить его рассмотрение и продолжить рассмотрение иска. Очевидно, что отдельное рассмотрение гражданского иска влечет появление судебного решения, взаимосвязанного с уголовным делом и вследствие этого имеющего преюдициальное значение.

Решения, принятые судом в порядке гражданского судопроизводства, обладающие свойством преюдициальности, не могут устанавливать виновность лица в совершении им преступления, тем не менее не могут не учитываться при ее установлении.

Возможно, судебные решения, указывающие на признаки преступления и являющиеся основанием для возбуждения уголовного дела, — это особый вид преюдиции, поскольку они устанавливают факты, указывающие на причастность лица к деянию. Таковыми, например, являются решения, принятые судом в порядке административного судопроизводства, учитываемые некоторыми статьями УК РФ. Тем не менее это противоречит положению ст.90 УПК РФ о том, что судебными решениями, принятыми в порядке иного, не уголовного судопроизводства, не должна устанавливаться виновность лица. В связи с этим, думается, административную преюдицию в уголовном праве надо ограничить либо отказаться от нее совсем. Удобнее было бы учитывать решения по административным делам как отягчающие ответственность обстоятельства.

Очевидно, что преюдиция — это неотъемлемое свойство решения, вступившего в законную силу и не отмененного в установленном законом порядке, устанавливающее обстоятельства, не подлежащие дополнительной проверке. Это свойство не может зависеть от усмотрения правоприменителя, как не зависит от него законность

неотмененного решения. Такие решения не могут быть признаны доказательствами по делу, поскольку их не нужно проверять — любая проверка установленных в судебном решении обстоятельств незаконна, так как представляет собой фактически его пересмотр. Установленные фактические обстоятельства могут исключать преступность и наказуемость деяния, если их установление не сопровождалось фальсификацией исходных данных (документов) либо иными преступлениями против правосудия.

В действующем УПК РФ ст.90 помещена в главу 11, посвященную доказыванию, что представляется не совсем верным. Судебные решения, принятые в гражданском, арбитражном или административном порядке, устанавливают процессуальные пределы производства по уголовному делу, поскольку факты, установленные ими и относящиеся к делу, не нуждаются в пересмотре.

В связи с этим нормы о преюдиции законного судебного решения можно было бы включить в ст.73 и 252 УПК РФ как ограничивающие предмет доказывания, а также пределы судебного разбирательства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 15. 14 апр. Ст. 1691.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 01.02.2003 г. // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 01.10.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: asia-business.ru/law/law1/criminalcode/criminal (дата обращения: 14.05.2017).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики от 01.07.1979 г. [Электронный ресурс]. URL: chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 14.05.2017).
6. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30 -П, г. Санкт-Петербург // Российская газета. 2012. 11 янв.
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П // Российская газета. 2017. 28 февр.
8. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Инфо-тропик Медиа, 2016. 912 с.
9. Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства. 1978–2010 гг.) / под ред. Л. М. Гудошникова, Л. В. Трощинского. Ч. 2. 2002–2010 гг. М., 2012. 192 с.
10. Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. М.: ВолтерсКлувер, 2010. 130 с.
11. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / В. М. Баранов [и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. 492 с.
12. Зубов Г. Президиум Верховного суда отменил приговор Ильдару Дадину [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta.ru/social/2017/02/22/10539167.shtml>. (дата обращения: 14.05.2017).
13. Колоколов Н. А. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. 493 с.
14. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: в 2 ч. Ч. 2. Судопроизводство. М., 2008. 400 с.
15. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. 275 с.
16. Трощинский П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с «пьяным вождением»: опыт Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2015. № 6(55). 1146 с.
12. Сандакова А. Б., Гулина Е. В. Уголовная ответственность за совершение дорожно-транспортных преступлений в состоянии алкогольного опьянения в России и Китае // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона—VI: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 160–161.

Исторические аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве

© **Р. В. Миронова**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
shidoaritatokata@mail.ru*

В современном мире часто можно наблюдать тенденцию к взаимному проникновению отдельных элементов разнообразных правовых систем зарубежных стран. Это объясняется заинтересованностью национального

законодателя в заимствовании и развитии правовых институтов, положительно зарекомендовавших себя в правоприменительной практике иных стран. Однако при любых таких заимствованиях необходимо адаптировать данные правовые институты к национальному законодательству и к системе органов, которые будут их применять. Данная статья отражает исторические аспекты возникновения и развития институтов сделки с правосудием (США) и досудебного соглашения о сотрудничестве (РФ), а также практику применения аналогичных институтов в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В каждой национальной системе права аналоги института досудебного соглашения о сотрудничестве различны не только в терминологии, но и по своему содержанию. Учитывая данные особенности, логично использовать наряду с указанным термины «сделки с правосудием», «сделки с обвинением», «сделки о признании вины».

Понятие «сделка с правосудием» возникло на территории США, первое упоминание о сделке относится к 1839 г. и принадлежит американскому юристу Реймонду Моли. До начала XIX в. сделки о признании вины применялись лишь эпизодически, в качестве отдельных прецедентов, и не образовывали самостоятельного правового института. Однако уже в 1839 г. в штате Нью-Йорк 25% всех уголовных дел были рассмотрены в порядке соглашения о признании вины. На протяжении последующих десятилетий востребованность данного института продолжала расти и в 1869 г. составила 70%, а к 1920 г. достигла 88%. В дальнейшем, вплоть до наших дней, процент уголовных дел, по которым заключались сделки с правосудием, оставался неизменно высоким (в пределах 80–90%) [3, с. 282].

Это отражает судебное разбирательство в английской и американской правовой литературе как сотрудничество, осуществляемое между сторонами в определенных пределах, отношения обвиняемого и полиции имеют решающее значение в самом начале процесса. Более того, отмечается, что разрешение дел с применением развращенных состязательных процедур — это скорее исключение из правил.

Процент уголовных дел, рассмотренных посредством заключения сделок о признании вины, достигал пиковых значений в периоды резкого увеличения уровня преступности под воздействием мощных криминологических факторов, таких как промышленная и транспортная революция в середине XIX в., приведшая к возникновению организованной преступности в сфере экономических отношений; массовая иммиграция в США населения из европейских стран после Первой мировой войны, в результате чего возникли крупные этнические преступные группировки, в том числе американский вариант итальянской мафии — *cossanostra*; последовавший после Второй мировой войны «беби-бум», который привел к росту числа преступлений несовершеннолетних; рост незаконного оборота наркотических средств во второй половине XX в. и т. д.) [3, с. 283].

Ф. Истербрук, Р. Скотт и В. Штунц соответствующую сделку называют «куплей-продажей» прав, она обеспечивает, по их мнению, независимость и эффективность, уменьшает неясность, экономит время и деньги. Таким образом, в качестве причин появления сделки в уголовно-процессуальной системе США можно отметить следующие: очень высокая загруженность судов (особенно в крупных городах), сложность и громоздкость организации суда с участием присяжных и, несомненно, дороговизна судопроизводства. У обвинительной и судебной систем не хватало ни финансовых, ни временных, ни человеческих ресурсов для продолжения организации полноценных судопроизводств по абсолютно всем уголовным делам [5, с. 22].

Процессуальный институт в виде сделок о признании вины адаптировался правоохранительной системой США, позволив добиться процессуальной экономии при рассмотрении уголовных дел и снизить вызванную ростом уровня преступности нагрузку на судебные-следственные органы. Причиной такого успеха является реализация таких процессуальных ценностей, как «скорость, стоимость, автономия воли, точность и определенность».

Исходя из вышеизложенного логично предположить, что и в наше время перечисленные ценности остаются востребованными не только для США, но и других государств, включая Россию.

Таким образом, Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ в УПК РФ введен новый для российского уголовного судопроизводства институт — досудебное соглашение о сотрудничестве.

О. А. Тертышная выделяет 6 предпосылок становления института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России:

1. Объективные сложности при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в соучастии.
2. Неэффективная деятельность правоохранительных органов по противодействию организованной преступности.
3. Криминогенная обстановка, осложненная повышением уровня организованности преступных групп и совершаемых ими преступлений.
4. Гуманная и этическая составляющая уголовного и уголовно-процессуального законодательства нашего государства.
5. Последовательная реализация принципа состязательности уголовного процесса.
6. Расширение элементов диспозитивности в уголовном процессе, т. е. предоставленная сторонам возможность самостоятельно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами и обязанностями.

Данный правовой институт расширил арсенал правовых средств для стороны как обвинения, так и защиты и, несомненно, будет являться действенным средством для реализации назначения уголовного судопроизводства [7, с. 180–181].

Сравнивая два аналогичных института, сделки о признании вины и досудебного соглашения о сотрудничестве, можно выделить следующие их сходства:

- 1) сделки заключаются между обвиняемым и прокурором на досудебной стадии разбирательства уголовного дела;
- 2) участие потерпевшего исключается;
- 3) по результатам рассмотрения уголовного дела подсудимому назначается наказание ниже того размера, которое ему полагалось при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, либо назначается более мягкое наказание по сравнению с тем, которое могло быть назначено в случае полного судебного разбирательства по делу;
- 4) сторонами могут быть согласованы пределы уголовной ответственности (наказания) за совершенное преступление, но окончательный размер наказания определяется судом по результатам судебного разбирательства, проводимого в особом (сокращенном) порядке.

Также следует обратить внимание на различия сравниваемых институтов:

1. Признание вины обвиняемым является предметом сделки о признании вины (сделка может быть заключена не только по поводу квалификации деяния, но и по поводу меры наказания, а также по поводу и того, и другого одновременно). Предметом досудебного соглашения о сотрудничестве является не согласование виновности обвиняемого, а определение условий сотрудничества обвиняемого со следствием в целях раскрытия иных преступлений, обнаружения сообщников, розыска имущества, добытого преступным путем.

2. Сделка о признании является основанием для сокращения судебного разбирательства. Досудебное соглашение о сотрудничестве не приводит к рассмотрению дела в особом порядке, поскольку такой порядок применяется в случае принятия прокурором решения о надлежащем выполнении обвиняемым условий и обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве. Т. е. не признание обвиняемым своей вины, а выполнение им обязательств по оказанию содействия следствию в раскрытии и расследовании групповых преступлений может повлечь рассмотрение уголовного дела в особом порядке [1, с. 258–259].

Проведенный сравнительно-правовой анализ отсылает нас к мнению И. Э. Звечаровского о том, что в отличие от зарубежных аналогов, цель которых — признание вины, достижение согласия в части квалификации и размера наказания, цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в России — стимулирование положительных посткриминальных поступков [2, с. 14–16].

Честность и всеобъемлющее выполнение своих обязательств участниками сделки ведет к успешному итогу заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве.

Стоит отметить, что суд в США при заключении сделки о признании вины берет на себя надзорную функцию (проверяет на добровольность, отсутствие заблуждения и обмана), может участвовать в переговорах. Данная практика существует и в России, но носит неформальный характер, хотя, на наш взгляд, может получить законодательное закрепление [8, с. 87–88].

Изучая практику применения аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве в странах АТР, можно выделить следующее:

1. В Коста-Рике, когда подсудимый соглашается с максимальным количеством пунктов обвинения, выдвинутых стороной обвинения (включая потерпевших) в процедуре типа *conformidad*, ему не может быть назначено наказание, превышающее одну треть предусмотренного законом минимума, требуемого для данного преступления.

2. «Сокращенное производство», введенное в Сальвадоре в 1998 г., применяется к делам, наказуемым не более чем тремя годами лишения свободы; в делах, где наказание должно было составлять от шести месяцев до одного года, уголовный кодекс требует наказания, не связанного с лишением свободы; в делах о преступлениях, наказуемых сроками от одного до трех лет, уголовный кодекс позволяет судье отсрочить приговоры с тюремным заключением.

3. Скидка на одну четверть предоставляется в Гондурасе согласно «сокращенному производству» этой страны.

4. В Колумбии может быть создано *audiencia especial* (особое слушание), на котором обвинение и защита могут открыто вести переговоры о сделке, то есть договариваться об элементах преступления, обвинение в котором было предъявлено, и уровне вовлеченности подсудимого.

5. В Японии подозреваемый, который делает признание, как правило, будет освобожден из досудебного заключения под стражей, и в результате значительно более простого судебного процесса ему в качестве наказания либо зачтется то время, которое он отсидел в досудебном заключении, либо будет назначено существенно более мягкое наказание, чем то, которое он получил бы в том случае, если бы не отвечал на вопросы или опровергал предъявленные обвинения.

Такой порядок побудил некоторых критиков охарактеризовать японскую систему как систему «сделок о признании вины», хотя сами японцы, как и континентальная Европа в прошлом, осуждают американскую практику, противоречащую принципам собственной системы [6].

6. В уголовный кодекс Южной Кореи будет внесена система «сделки о признании вины», по которой прокурор предлагает обвиняемому признать свою вину или вину его соучастников в обмен на менее жесткую меру наказания, чем обвиняемый-разоблачитель заслуживает по закону. Или он может вообще не оказаться на скамье подсудимых. В Южной Корее сделка о признании вины будет предлагаться только тем обвиняемым, которые принимали участие в преступлениях, связанных с наркотиками, коррупцией госслужащих и организованной преступностью. В этом заключается основное отличие от уголовного кодекса США, по которому обвинитель предлагает сделку о признании вины обвиняемым во всех видах преступлений. В нынешние поправки к

уголовному кодексу и уголовно-процессуальному праву Южной Кореи внесены также такие пункты, согласно которым свидетели, вводящие в заблуждение членов суда, подвергаются наказанию. А обвинители могут принудительным путем репатриировать свидетелей, располагающих важными фактами о серьезных преступлениях, но не подчиняющихся вызову в суд без достаточного основания [4, с. 141].

Исходя из этого можно прийти к выводу, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве возник в России хоть и относительно недавно, но его появление в правовой системе нашего государства было обусловлено многими предпосылками и факторами, охватывавшими большую часть истории российского общества, т. е. в результате силового подхода государства на фоне имевшейся правовой базы правоохранительной деятельности в сфере борьбы с организованной преступностью.

Кроме того, опыт применения сделок с обвинением зарубежных стран отражает выработанную практику использования различных вариантов компромиссных процедур, которые способствуют более быстрому и недорогому разрешению уголовных дел.

Литература

1. Агаев З. Р. Досудебное соглашение о сотрудничестве в России и других странах // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 253–263.
2. Звечаровский И. Э. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9. С. 14–16.
3. Иванов А. А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2(1). С. 282–286.
4. Исломов Б. О. Назначение наказания с учетом обстоятельств, смягчающих наказание по уголовному законодательству Республики Корея (сравнительный анализ) // Модернизация научных исследований: материалы XXI Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 17–18 мая 2012 г.). Горловка, 2012. 236 с.
5. Климанова О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2007. 296 с.
6. Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.zakon.kz/158025-uproshhennoe-proizvodstvo-ili.html> (дата обращения: 25.04.2017).
7. Тертышная О. А. Предпосылки становления правового института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве России // Судебная власть и уголовный процесс, 2012. № 1. С. 179–181.
8. Холмогорова Н. Ю. «Сделка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 84–88.
9. Попова Е. И. Реализация тактической операции «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования» по уголовным делам о хищениях // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика, право. 2012. С. 304–308.

Совершенствование процессуального порядка производства эксгумации с учетом зарубежного опыта

© М. С. Осипова
курсант 3-го курса Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Россия
oksana2008-76@mail.ru

Отметим, что в настоящее время состояние преступности в Российской Федерации претерпевает изменения, но, к сожалению, не в лучшую сторону. С каждым годом количество преступлений возрастает в десятки раз и требует эффективного расследования правоохранительными органами. От этого зависят качество и количество раскрываемых преступлений. В результате от производства следственных действий собираются, закрепляются и исследуются, а в дальнейшем используются доказательства, уличающие в совершении преступления, а также устанавливающие и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Одним из таких следственных действий является эксгумация трупа, которая закреплена в ч. 3 ст. 178 УПК РФ [1].

Эксгумация (*exhumatio*; *ex* — из, *humus* — земля) — слово, перешедшее в русский лексикон из латинского языка, означает выкапывание или извлечение трупа из земли. В юридическом смысле под эксгумацией понимается извлечение трупа из земли для судебно-медицинского исследования.

В соответствии с российским законодательством можно отметить три отличительные черты эксгумации как следственного действия. Во-первых, в УПК РФ отражена эксгумация трупа. Извлечение из земли любых иных объектов производится в рамках других процессуальных действий. Во-вторых, УПК регулирует случаи эксгумации ранее погребенного, похороненного трупа, то есть извлечение трупа из места захоронения. При этом местами захоронения могут быть не только могилы в земле, но и другие места погребения или усыпальницы —

склепы гробниц, стены и ниши колумбариев, служащие местами хранения урн с прахом кремированных тру-пов, водоемы. И, в-третьих, в ст. 178 УПК говорится о следственном действии, которое проводится в рамках возбужденного и расследуемого уголовного дела [2, с. 63].

Сущность эксгумации заключается в извлечении трупа либо его останков из места захоронения при усло-вии фиксирования всех значимых для дела обстоятельств и обеспечения возможности производя-щих следственных действий. Такими обстоятельствами могут быть положение и состояние трупа, место захо-ронения, наличие посторонних предметов в могиле и др.

Проанализировав законодательство Российской Федерации, необходимо указать, что данное следственное действие осуществляется только по постановлению следователя либо по разрешению суда в случае возражения родственников. При проведении в обязательном порядке должны присутствовать судебно-медицинский эксперт либо врач, следователь и другие участники. Также одним из требований является то, что все расходы, связан-ные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного за счет средств федерального бюджета. Эксгумация является одним из нечастых и довольно таки сложных следствен-ных действий, так как для ее проведения необходимы основания и четкое руководство следователя при прове-дении.

Первое свидетельство появления в Китае судебной медицины относится к XIII в., когда была опубликована книга, содержащая описание ранений, способов вскрытия трупов и методики осмотра места происшествия [3].

В 1247 г. в Китае издан сборник «Си-юань-Лу», написанный председателем уголовного суда Сун-цы, в ко-тором нашли отражение вопросы диагностики насильственной и внезапной смерти. Существовавший в Китай-ской империи компендиум по судебной медицине, датируемый 1248 г., состоял из 5 отделов. В первом отделе говорится о судебно-медицинском исследовании трупов вообще и в особенности повреждений, о симуляции повреждений и о выкидышах; во втором — о способах и орудиях причинения повреждений, об отличии при-жизненных повреждений от посмертных; в третьем — об удушении и утоплении; два последних отдела посвя-щены вопросу о ядах и отравлениях [4].

Захоронение в современном Китае сопровождается многими давними традициями. Если умер мужчина, повязка надевается на левую руку, а если женщина, то на правую. Родственники чаще облачаются в белые оде-жды и на голове также белая повязка. Сейчас чаще отдают предпочтение национальным костюмам. Важно, чтобы количество предметов одежды было нечетным. В Китае применяются погребение или кремация. Послед-нее пользуется большей популярностью, особенно в крупных городах. Урны с прахом обычно помещают в ко-лумбарии или в семейные склепы. Вся семья обычно хоронится в одном месте, а на каменной табличке или па-мятнике указаны все имена членов семьи. В современном Китае также популярен такой способ погребения, как морские похороны, правда, только в прибрежных провинциях.

Рассмотрев уголовно-процессуальное законодательство Китайской Народной Республики, следует отме-тить, что такое следственное действие, как эксгумация, не закреплено. В разделе II УПК Китая «Возбуждение дела, предварительное следствие и предъявление обвинения», а именно в главе 2 «Предварительное следствие», закреплены некоторые следственные действия, которые присущи и законодательству Российской Федерации. Так, УПК Китая предусматривает наличие таких следственных действий, как допрос подозреваемого в совер-шении преступления, допрос свидетеля, осмотр и освидетельствование, обыск, наложение ареста на веществен-ные и письменные доказательства, экспертиза и розыск. В этом случае следует говорить о том, что, возможно, эксгумация как следственное действие не присуща данному государству не только в рамках уголовно-процессуального закона, но и других нормативно-правовых актов. Полагаем, это связано с культурными и ре-лигиозными традициями данной страны. В соответствии с православными традициями тело, преданное земле, упокоилось и тревожить его не надо, с чем нельзя не согласиться. Возможно, это присуще и культурным тра-дициям Китая, но в современной действительности все же бывают случаи, когда процедура эксгумации необхо-дима, в связи с чем отечественным законодательством закреплен порядок проведения эксгумации. Возникаю-щие аналогичные проблемы при производстве по уголовному делу китайские правоохранные органы раз-решают при помощи иных следственных действий, которые имеются в их арсенале.

Если обратиться к опыту государств ближнего зарубежья, то, к примеру, украинское законодательство со-держит процедуру такого следственного (розыскного) действия, как осмотр трупа, связанный с эксгумацией (ст. 239 УПК Украины) [5]. Анализ украинского законодательства показывает, что эксгумация как отдельное след-ственное действие также не нашла своего закрепления в отечественном законодательстве, однако украинский законодатель четко определил необходимость фиксации результатов следственного действия путем составле-ния протокола.

Эксгумация имеет большое значение, является достаточно сложным мероприятием в организационном и техническом аспекте, граничит с причинением моральных травм родственникам, поэтому никто не оспаривает ее исключительность. При этом нужно отметить, что именно российский законодатель в отличие от иных при-меров зарубежного опыта попытался на законодательном уровне наиболее полно закрепить процессуальный порядок данного следственного действия. Хотя отдельные вопросы не нашли своего нормативного закрепле-ния. Так, при изучении ст. 29 УПК РФ выявлено, что в перечень полномочий суда не входит право суда при-нимать решение о производстве эксгумации. Кроме того, нормы отечественного законодательства не содержат регламентации порядка закрепления результатов эксгумации. Данные вопросы не урегулированы УПК РФ и нуждаются в дальнейшем рассмотрении и усовершенствовании.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Койсин А. А. Эксгумация трупа — осмотр или выемка? // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1. С. 63–66.
3. Экспертиза как способ доказывания [Электронный ресурс]. URL: <http://nilse-stels.ru/stati/ekspertiza-kak-sposob-dokazyvaniya> (дата обращения: 16.05.2017).
4. История судебной медицины [Электронный ресурс]. URL: <http://sudebnaja.ru/istoriya-sudebnoj-mediciny.html> (дата обращения: 16.05.2017).
5. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 р. № 4651-IV // Відомості Верховної Ради України. 2013. № 9(13). Ст. 88.

Соотношение специалиста и эксперта по Уголовно-процессуальному кодексу КНР и РФ

© *И. П. Пелисова*

*студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ»
Россия, г. Красноярск
pelisova_irina@mail.ru*

Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (далее — КНР) [2] принят Всекитайским собранием народных представителей 1 июля 1979 г. В последующем поправки в УПК КНР были внесены Постановлением Всекитайского собрания народных представителей 17 марта 1996 г., что подтверждает его стабильность. В настоящее время кодекс структурно состоит из 5 разделов, 17 глав и 225 статей.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) [1] принят Государственной думой Российской Федерации 22 ноября 2001 г. Необходимо отметить, что с момента принятия УПК РФ в него регулярно вносятся изменения и дополнения, что свидетельствует о развитии и совершенствовании уголовно-процессуального закона. УПК РФ состоит из 6 частей, 19 разделов, 56 глав и более 470 статей. Он является основным источником уголовно-процессуального права, устанавливающим и регуливающим порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации.

Лица, которые обладают специальными знаниями об уголовном судопроизводстве Китая и России, — это специалисты и эксперты [4, с. 68–70]. Для специалиста в УПК КНР выделена всего одна статья, в соответствии с которой им признается лицо, которое обладает специальными знаниями. Специалист может быть назначен, а также приглашен для участия в судопроизводстве под руководством следователя, в проведении осмотра и освидетельствования места происшествия, предметов, личности и трупа (ст. 101 УПК КНР).

В соответствии с УПК РФ «специалист — лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Эксперт, согласно УПК КНР, — лицо, которое обладает специальными знаниями в той или иной области. Это лицо может быть вовлечено в уголовный процесс в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, а также разрешения вопросов, которые требуют специальных познаний (ст. 119 УПК КНР). В УПК РФ эксперт определяется как лицо, которое обладает специальными знаниями и назначен в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ). Согласно УПК КНР, а именно ст. 82, эксперт относится к участникам процесса. Помимо него к участникам также относятся законные представители, сторона в деле, защитники, представители в процессе, свидетели и переводчики. Народный суд, органы общественной безопасности КНР, народная прокуратура обязаны обеспечить участникам процесса осуществление ими своих процессуальных прав (ст. 14 УПК КНР).

По УПК РФ и УПК КНР специалист относится к участникам уголовного процесса. Согласно гл. 8 УПК РФ эксперт и специалист определяются как «иные участники уголовного судопроизводства», т. е. лица, вовлекаемые в уголовный процесс. В УПК КНР разграничения участников нет. Следует отметить, что УПК КНР к сторонам в деле относят лицо, подавшее частную жалобу, потерпевшего, подозреваемого, а соответственно также обвиняемого в совершении преступления, истца и ответчика по дополнительному гражданскому иску (п. 2 ст. 82 УПК КНР).

В УПК РФ следователем, дознавателем, а также судом в ходе досудебного производства по уголовному делу принимается решение об отводе эксперта и специалиста. В УПК КНР прямых указаний об отводе эксперта и специалиста не содержится.

В соответствии со ст. 119 УПК КНР судебная экспертиза назначается в целях выявления обстоятельств, имеющих значение для дела, а также разрешения вопросов, требующих специальных знаний. В то время как УПК РФ не содержит целей назначения судебной экспертизы. После проведения экспертизы, согласно ст. 120

УПК КНР, эксперт должен составить и подписать экспертное заключение, а медицинское учреждение должно поставить на нем печать.

В УПК РФ, ч. 1 ст. 80, заключение эксперта определяется как предоставленные в письменном виде исследования, а также выводы по соответствующим вопросам, поставленным перед экспертом лицом, в производстве которого находится данное уголовное дело, или же сторонами, заинтересованными в исходе дела. Также в ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] указано, что «на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его». Подписи должны быть удостоверены печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

Согласно ст. 36 УПК КНР защитнику предоставляется право изучить материалы судебных экспертиз, при необходимости делать выписки и снимать копии со дня рассмотрения народной прокуратурой дела для предъявления обвинения. Другие защитники, а именно представители организаций, близкие друзья, родственники, опекуны, рекомендованные подозреваемым, а также соответственно обвиняемым, осуществляют это право лишь с прямого разрешения народного суда. В отличие от УПК КНР в УПК РФ указано, что защитник вправе делать выписки из соответствующего уголовного дела, снимать копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств, только по окончании предварительного расследования (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК).

В ч. 3 ст. 203 УПК РФ регламентировано, что в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства соответствующей судебно-психиатрической экспертизы срок, в течение которого ему должно быть предъявлено обвинение, прерывается до получения заключения экспертов. Следует учитывать, что при проведении данной экспертизы производство по соответствующему делу не приостанавливается, а время принудительного нахождения подозреваемого в медицинском или психиатрическом стационаре засчитывается в срок содержания его под стражей (п. 3 ч. 10 ст. 109 УПК). Тогда как в соответствии со ст. 122 УПК КНР срок проведения психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого не засчитывается в срок производства по делу.

В УПК КНР содержатся требования, согласно которым народный суд после принятия решения о начале судебного разбирательства обязан не менее чем за три дня до начала судебного разбирательства оповестить соответствующих экспертов. Тогда как в ст. 282 УПК РФ определяется лишь право суда о вызове экспертов для допроса.

Из ст. 156 УПК КНР следует, что соответствующий эксперт допрашивается по нормам, которые предназначены для допроса свидетелей. С разрешения председательствующего участники судебного процесса могут задать вопросы. Тогда как в ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 282 УПК РФ регламентировано, что следователь и суд вправе по собственной инициативе, а также по ходатайству сторон допросить соответствующего эксперта для уточнения или дополнения вынесенного им ранее заключения.

Вызывает интерес ст. 157 УПК КНР — государственный обвинитель, а также защитник должны предъявить суду имеющиеся у них вещественные доказательства, которые не были приобщены к материалам соответствующего дела. Протоколы, которые не поступили суд с показаниями тех или иных свидетелей, протоколы осмотра, а также экспертные заключения, другие документы, которые выступают в качестве доказательств, должны быть представлены для ознакомления сторонам в данном деле, а также в суде. Судья обязан заслушать мнения государственного обвинителя, а также сторон в деле и соответствующего защитника. Также ст. 37 УПК КНР наделяет адвоката-защитника, с согласия того или иного свидетеля, а также других органов и соответствующих лиц, предоставлять им собранные по делу материалы, ходатайствовать перед народной прокуратурой, а также перед народным судом о сборе и получении дополнительных доказательств. УПК РФ также наделяет защитника с момента его допуска к участию в соответствующем деле.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства России и Китая показал, что имеется много общих положений. Связано это с тем, что огромное влияние в прошлом на Китайскую Народную Республику оказало советское законодательство. Также не могли не повлиять возникшие в КНР и РФ реформы, которые были основаны на международных стандартах. Следует признать тот факт, что китайское законодательство не стремится на уровне УПК детализировать процессуальный статус специалиста и эксперта, а также процесс производства судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с положениями УПК КНР специалист вовлекается в уголовный процесс для осуществления необходимого содействия в проведении процессуальных действий, а эксперт — для осуществления и выполнения обязанности по обеспечению доказательств.

Таким образом, проанализировав применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве КНР и РФ, предоставляется возможность по-другому оценить отечественный институт рассмотренных лиц и расширить знания о процессуальном положении специалиста и эксперта в зарубежных странах. На наш взгляд, необходимо постоянно знакомиться с положениями тех или иных стран, чтобы выделить полезное и, наоборот, избежать повторения ошибок других стран.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/category/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 17.05.2017).

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

4. Люй Сяосэн, Чжан Жучжэн. К вопросу о повышении эффективности и качества судебной экспертизы // Актуальные вопросы судебных экспертиз: материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ВСИ МВД России, 2010. С. 68–70.

Гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства (анализ законодательства Монгольской Народной Республики и РФ)

© **Т. В. Петкевич**

*курсант 3-го курса Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
Россия, г. Симферополь
oksana2008-76@mail.ru*

Современное развитие общества требует совершенствования законодательства, способного в полной мере гарантировать и охранять права каждого человека. Тем самым возникает необходимость пересмотра и модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд, целесообразно обратиться к опыту Монгольской Народной Республики по разработке, принятию и оценке эффективности нового Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК Монголии), вступившего в силу с 01 сентября 2002 г. [2].

Наиболее интересен тот факт, что УПК Монголии и УПК РФ [1] вступили в силу почти одновременно, хотя уголовно-процессуальное законодательство Монголии продолжительное время подвергалось влиянию советского правового регулирования.

Начиная с 1 июня 2002 г. в России был поэтапно введен уголовно-процессуальный кодекс. К сожалению, данное событие не получило единогласной положительной оценки общественности. Сказанное можно подтвердить следующими обстоятельствами. Так, российский процессуалист И. Л. Петрухин писал: «Одним из важнейших направлений судебной реформы было создание нового УПК Российской Федерации взамен устаревшего УПК РСФСР (1960 г.), включившего в себя свыше 400 поправок, дополнений и изменений». Кроме этого, Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено около 20 постановлений, признавших большое количество правовых норм УПК РСФСР неконституционными. По мнению И.Л. Петрухина, «...новый УПК РФ вполне можно назвать взвешенным, если учесть, что права человека защищены в нем примерно в одинаковой мере. Это плод длительных научных дискуссий, которые дают возможность охарактеризовать его как шаг вперед в развитии демократических основ российского уголовного процесса» [3, с. 17].

Не обсуждая все изменения, для нас наиболее интересны вопросы, которые касаются порядка обжалования действий и решений, принимаемых при производстве по уголовному делу на досудебных стадиях.

Стоит отметить, что УПК Монголии включает в себя три наиболее существенные особенности. Во-первых, принятие УПК Монголии было обусловлено написанием эффективного и грамотного руководства для правоприменителей. Во-вторых, УПК Монголии значительно регламентирует деятельность, направленную на защиту прав участников уголовного процесса. В-третьих, в указанном нормативном правовом акте предусмотрены сокращенные сроки процессуальных стадий, процедур и действий, обеспечивающих быстрое и эффективное производство по уголовным делам.

В связи с вышеизложенным можно с уверенностью отметить, что для российского уголовно-процессуального законодательства эти особенности вызывают интерес, поскольку продолжительность во времени уголовно-процессуальных производств чаще всего подвержена нареканиям. Зачастую именно данный факт обуславливает обжалование действий и решений должностных лиц.

Исходя из оценки текста УПК Монголии можно сделать вывод, что он проработан достаточно тщательно. В отличие от многих иных УПК, в частности УПК Германии, здесь содержится довольно много дефиниций, технологически ориентирующих субъектов процесса, продуманно определены последовательность действий и взаимоотношения субъектов процесса внутри отдельных его стадий. Все это, безусловно, заслуживает положительной оценки.

Вместе с тем разработчики УПК Монголии и законодатель констатируют тот факт, что в процессе применения этого закона встречается масса трудностей. Так, возникает много ситуаций, которые можно учесть при внесении поправок и изменений в действующий УПК Монголии для более эффективного осуществления целей и задач уголовного процесса.

Что касается порядка обжалования действий следователя (дознателя) при получении разрешения суда на их проведение, предусмотренного УПК Монголии, то здесь ситуация следующая. Так, ч. 1 ст. 106 УПК Монголии гласит, что участники уголовного процесса, чьи права были нарушены в процессе деятельности следователя (дознателя), имеют право подать жалобу в отношении решения или действия следователя (дознателя), прокурора и суда. Данная статья по смыслу и содержанию полностью идентична ч. 1 ст. 123 УПК РФ.

Однако есть некое различие при формулировании ч. 2 ст. 106 УПК Монголии и ч. 2 ст. 123 УПК РФ. Положение, закрепленное в УПК Монголии, устанавливает срок, в течение которого уполномоченное лицо обязано

рассмотреть такую жалобу («Жалоба должна быть рассмотрена и решена в течение 72 часов. Если есть необходимость ознакомиться с дополнительными материалами или необходимость в принятии других мер — в течение 7 рабочих дней»).

Ст. 112 УПК Монголии регламентирует порядок рассмотрения жалобы в отношении решения или действия следователя (дознателя) или прокурора. В данной статье внимание акцентируется на том, кому может быть подана такая жалоба, срок ее рассмотрения, действия должностного лица после ее рассмотрения и необходимость уведомления заявителя о решении относительно его жалобы. Также УПК Монголии предусмотрена обязанность должностного лица, рассматривавшего жалобу, разъяснения права заявителя на повторную подачу жалобы.

При том, что УПК Монголии закрепляет ряд положений относительно подачи жалоб в отношении судьи или судебного постановления, рассмотрения таких жалоб в судебном порядке, не закреплено положение о порядке получения судебного разрешения на проведение следственных действий. Все действия и принимаемые решения следователя (дознателя) в Монголии осуществляются только с санкции прокурора, то есть лицом, уполномоченным давать разрешение на производство ряда следственных действий.

Анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и судебно-следственной практики его применения свидетельствует о том, что отдельные уголовно-правовые нормы УПК РФ требуют совершенствования.

Согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 125 данного кодекса, назначается определенный срок ознакомления с материалами уголовного дела. Для принятия данного судебного решения следователю необходимо подать в суд ходатайство об установлении обвиняемому срока для ознакомления с материалами уголовного дела. При этом законодатель использует оценочное понятие «явное затягивание ознакомления с материалами уголовного дела» и не дает определение данному понятию. Таким образом, вывод о наличии или отсутствии злоупотребления в значительной степени зависит от субъекта оценки и от данной конкретной ситуации. А субъектом оценки в этом случае выступает суд, который принимает решение по своему внутреннему убеждению, так как закон не дает никаких разъяснений. При этом Конституционный Суд в своих Определениях обращает внимание на необходимость принятия законного, обоснованного и мотивированного судебного решения, обязывает суд при установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела приводить фактическое и правовое обоснование такому решению. В соответствии с действующим законодательством вынесенное судом постановление об удовлетворении ходатайства следователя об установлении обвиняемому срока для ознакомления с материалами уголовного дела можно обжаловать в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ в течение 10 суток с момента вынесения.

Аналогичная ситуация возникает при проведении такого следственного действия, как обыск в жилище. Следователь в рамках УПК РФ в обязательном порядке получает разрешение на данное следственное действие в суде. При производстве следственного действия, а время реализации полученного разрешения может быть гораздо позже, чем оно получено в суде, знакомит участников с данным разрешением и у этих лиц возникает право на обжалование судебного решения. Но следственное действие уже проведено, результатом может быть обнаружение и изъятие предметов, имеющих существенное значение для расследуемого дела. Практика показывает, что участники обжалуют судебное решение, пытаются затянуть либо время, что напрямую связано со сроками следствия или сроками содержания под стражей, либо путем отмены принятого судебного решения признать недопустимыми результаты проведенного следственного или процессуального действия.

Следователь либо иное должностное лицо перед осуществлением определенных следственных или иных процессуальных действий получает на их проведение разрешение суда. Прежде чем разрешить производство определенных следственных или процессуальных действий, судья изначально изучает обстоятельства дела, исследует представленные доказательства, проверяет законность, обоснованность и необходимость в их проведении. Суд предоставил разрешение на проведение следственных или процессуальных действий, а впоследствии суд признает их незаконными в рамках рассмотрения жалобы.

Законодатель пытался создать надлежащие условия для участников уголовного процесса в защите своих прав, однако следователь, который также является участником, оказывается в ситуации, когда право на защиту используется как способ противодействия.

Поскольку в Монголии разрешение на производство следственных и процессуальных действий дает прокурор, то обжалование их в суде не дает оснований для возникновения вопроса: «О какой исключительной силе судебного решения может идти речь, если суд сам может пересмотреть собственные решения?». Ведь как в Российской Федерации, так и в Монгольской Народной Республике прокурор выступает гарантом законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а суд — орган, на который возложено осуществление одной из ветвей государственной власти — судебной власти, осуществляет контроль за законностью и обоснованностью решений и действий органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц. В связи с этим считаем, что в рамках УПК РФ необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности обжалования всех судебных решений, принимаемых судом на досудебных стадиях.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (Criminal Procedure Law of Mongolia. — на англ.) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.oecd.org/site/adboecdanti-corruptioninitiative/46816 .pdf](http://www.oecd.org/site/adboecdanti-corruptioninitiative/46816.pdf) (дата обращения: 12.05.2017).
3. Петрухин И. Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 17–18.
4. Гармаев Ю. П. Взаимодействие правоохранительных органов по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 28 октября 2015 г.). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ГАУ, 2015. С. 3–7.

Сравнительно-правовой анализ института мер процессуального принуждения в РФ и КНР

© А. А. Ласточкина

студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
anastasiya.lastochkina.98@mail.ru

Китайской цивилизации, одной из крупнейших и древних на Востоке, на протяжении долгих лет уделяют внимание исследователи и видные правоведы. Прежде всего это связано с темпами развития Китая, который в сжатые исторические сроки превратился в лидера международной арены. На сегодняшний день Китай — одна из мировых держав. У Китая и России сложились особые отношения, потому и изучение политики, проводимой китайским руководством, имеет огромное значение для российского законодателя, да и вообще других стран. Именно это, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности исследования института мер процессуального принуждения в России и Китайской Народной Республике (далее — КНР), специфики и отличительных особенностей.

Во все времена важнейшей проблемой является защита свободы и личной неприкосновенности человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина составляют неотчуждаемую часть отношений личности и государства. Отношение к правам и свободам, уровень их защищенности — прямой показатель зрелости и развитости демократического и правового государства.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. Провозгласив данный принцип правового государства главенствующим для гражданского общества, Конституция РФ в то же время утвердила важные аспекты правового механизма охраны свободы личности, в котором значимая роль принадлежит институту мер процессуального принуждения. Он должен выполнять достаточно тяжелую задачу: при минимальном ограничении прав участников процесса максимально защитить граждан и организации, потерпевших от преступлений.

Критерием соблюдения прав граждан является применение уголовно-процессуального принуждения. В связи с тем, что ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно «только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1], законодатель предусматривает ряд гарантий законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения.

В российском уголовном процессе меры принуждения разделены на три группы: задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения. В свою очередь, китайский законодатель выделяет лишь одну группу — меры пресечения.

Меры процессуального принуждения по уголовно-процессуальному законодательству Китая представляют собой предусмотренные УПК КНР средства ограничения или лишения личной свободы подозреваемого и обвиняемого на определенный срок, которые применяются органом общественной безопасности, органом государственной безопасности, народной прокуратурой, народным судом для обеспечения проведения уголовного судопроизводства. [2].

В китайской литературе можно встретить и такую формулировку: это применяемые в отношении подозреваемого, обвиняемого органом общественной безопасности, народной прокуратурой и народным судом всяческие законные принудительные средства в виде лишения или нормального хода уголовного судопроизводства.

Процессуальное законодательство Китая в качестве мер пресечения предусматривает арест, т. е. заключение под стражу, передачу под поручительство, наблюдение по месту жительства. Меры пресечения в виде передачи под поручительство и наблюдения по месту жительства могут применять суд, прокуратура и органы общественной безопасности. Добиваясь санкции на арест, органы общественной безопасности оформляют письменный запрос, который вместе с материалами дела направляют в прокуратуру. В свою очередь, прокуратура наделена правом не только санкционировать арест, но и отказать в санкции или возвратить дело органам

общественной безопасности для проведения дополнительного расследования. Можно провести параллели между передачей под поручительство и личным поручительством, предусмотренным ст. 103 УПК РФ. Однако существуют отличия, которые заключаются в том, что обвиняемый или подозреваемый в совершении преступления по китайскому законодательству кроме того, что обязан предоставить поручителя, должен внести залог. Также обязанность обвиняемого, подозреваемого не покидать без разрешения место жительства связана с ограничением свободы передвижения, что напоминает домашний арест, предусмотренный ст. 107 УПК РФ,

Однако в условиях зависимости органов прокуратуры в Китае от местных органов власти возможность прокурора отказаться от санкции на арест весьма ограничена. В соответствии со ст. 49 кодекса КНР в тех случаях, когда прокуратура не дала санкции на арест, органы общественной безопасности могут настаивать на повторном рассмотрении их предложения, а при вторичном отказе в санкции — обратиться в прокуратуру вышестоящей ступени. Причем последняя должна немедленно рассмотреть представление органов общественной безопасности и вынести соответствующее решение.

Даже в случаях, когда прокурор, рассматривая материалы о санкции на арест, обнаружит, что предварительное следствие органами общественной безопасности проведено с нарушением закона, согласно ст. 52 УПК РФ, он может лишь информировать органы общественной безопасности о допущенных нарушениях и о необходимости их устранения.

Кроме того, органы общественной безопасности наделены правом предварительного задержания лиц, «застигнутых в момент совершения преступлений, либо серьезно подозреваемых в совершении преступлений».

В тех случаях, когда «необходимо заключить под стражу, но доказательств еще недостаточно», в отношении задержанного могут избрать меру пресечения в виде передачи под поручительство либо под наблюдение по месту жительства.

В российском процессуальном праве меры принуждения определяются как предусмотренные УПК РФ принудительные механизмы, применяемые уполномоченными лицами к участникам уголовного судопроизводства в установленном порядке в целях обеспечения надлежащего порядка производства по уголовному делу. Общим основанием и пределом применения мер процессуального принуждения является необходимость достижения целей правосудия, а также обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. Меры процессуального принуждения применяются лишь при действительном или реально возможном появлении препятствий в расследовании дела. Меры уголовно-процессуального принуждения по степени ограничения прав лиц, целям их применения являются неоднородными. Одни из них носят ярко выраженный пресекающий характер (напр., задержание), другие направлены на пресечение отклонения от следствия и суда либо воспрепятствования производству по делу (напр., домашний арест, заключение под стражу, отстранение от должности, принудительный привод), третьи выступают как гарантия реализации правосостановительных санкций (напр., наложение ареста на имущество) и т. п.

Определение понятий мер процессуального принуждения в российском процессуальном праве отличается кругом применения и разнотипным ограничением. В КНР меры процессуального принуждения могут применяться только к подозреваемому, обвиняемому в виде ограничения или лишения свободы. По российскому законодательству меры принуждения могут применяться к: а) подозреваемому и обвиняемому (ч. 1 ст. 111); б) потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому (ч. 2 ст. 111) [3].

В УПК РФ между мерами процессуального принуждения и мерами пресечения имеется различие применительно к субъектам. Термин «меры пресечения» был введен в 1864 г. вследствие сокращения дефиниции «меры пресечения обвиняемому способов уклониться от следствия и суда», применяемой в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи [4, с. 132]. Согласно ныне действующему уголовно-процессуальному законодательству под мерами пресечения понимается разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, которые применяются в установленном законом порядке к обвиняемому (в исключительных случаях — к подозреваемому) для обеспечения явки лица в органы предварительного расследования и суд, для пресечения продолжения преступной деятельности и воспрепятствования производству по делу, а также для исполнения приговора и возможной экстрадиции лица. Меры пресечения являются составным важнейшим компонентом уголовно-процессуального принуждения. Несмотря на то, что они затрагивают фундаментальные конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновенность, их наличие вполне оправдано и необходимо. Меры пресечения по своей правовой сущности являются максимально суровыми мерами процессуального принуждения, а также превентивными мерами, направленными на установление стабильной уголовно-процессуальной деятельности. В случаях, когда меры пресечения являются реакцией на допущенное нарушение, они также выступают мерами уголовно-процессуальной ответственности.

Иные меры процессуального принуждения по своей природе являются превентивно-обеспечительными, восстановительными. Они призваны обеспечить установленный порядок уголовного судопроизводства, способствовать преодолению незаконного противодействия, а также надлежащему исполнению обязанностей со стороны участников уголовного судопроизводства. Указанные меры, не являясь мерами ответственности, выступают предусмотренными в УПК средствами предотвращения и устранения возможных препятствий в расследовании и рассмотрении уголовного дела со стороны участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, из анализа рассмотренных источников следует, что система уголовно-процессуального права должна совершенствоваться, опираясь на удачный опыт законодательства зарубежных государств. На

наш взгляд, несмотря на то, что Китай и Россия имели уникальные сходные политический режим и правовые системы, в настоящее время Россия установила более демократический правовой институт.

Конституция КНР провозглашает, что все граждане страны равны перед законом и имеют право на уважение государством прав человека. Свобода личности гражданина КНР является неприкосновенной. Никто из граждан не может быть подвергнут аресту, иначе как органами общественной безопасности с санкции или по постановлению народной прокуратуры или народного суда (ст. 37 Конституции КНР) [5]. Основываясь на вышеупомянутой ст. 2 Конституции РФ, прямо закрепляющей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, можно сделать вывод о совпадении основных демократических положений. Вместе с тем меры пресечения в уголовном процессе Китая недостаточно регламентированы на законодательном уровне.

По нашему мнению, КНР необходимо ориентироваться на УПК РФ. Приведем несколько примеров законодательной регламентации УПК КНР касательно применения мер процессуального принуждения. В УПК КНР ст. 59 и 60 устанавливают общий порядок процедур и основания применения меры процессуального принуждения в виде заключения под стражу; ст. 61–65 предусматривают задержание в качестве меры процессуального принуждения, а ст. 66–72 снова предусматривают процедуру избрания заключения под стражу, а также вопросы, касающиеся мер процессуального принуждения в виде заключения под стражу, причем ч. 1 и ч. 2 ст. 69 УПК КНР устанавливают срок задержания и его продление органом общественной безопасности. Поскольку в ныне действующей системе УПК КНР лишь нумеруются статьи, тем самым это препятствует ознакомлению с основными положениями уголовного судопроизводства, а также дальнейшему исследованию возникших правовых проблем. Помимо упомянутых решений проблемы, механической рецепции уголовно-процессуальных конструкций у китайского законодателя приоритетной становится разработка научно обоснованных и эффективных положений, которые бы отвечали традициям китайского судопроизводства и требованиям современного китайского стандарта. Поэтому главной задачей совершенствования УПК КНР, в части применения мер процессуального принуждения, является их дальнейшее законодательное регулирование.

По сравнению с российским законодательством уголовное судопроизводство Китая содержит множество недоработок, однако, учитывая высокий темп развития общественных отношений КНР, процессуальное законодательство совершенствуется и развивается.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6 – ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7 – ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2 – ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11 – ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст.4398 (ч. 3 ст. 35).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики принят на II сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июня 1979 г. с изм. и поправками, внесенными Постановлением, принятым на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 17 марта 1996 г. «О внесении изменений в “Уголовно-процессуальный кодекс КНР Китайской Народной Республики”».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017, с изм. от 11.05.2017. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 132.
5. Конституция Китайской Народной Республики принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., вступила в силу после опубликования; с изменениями, внесенными «Проектом внесения изменений в Конституцию КНР», принятым на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва 12 апреля 1988 г., «Проектом внесения изменений в Конституцию КНР», принятым на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва 29 марта 1993 г., «Проектом внесения изменений в Конституцию КНР», принятым на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва 15 марта 1999 г., «Проектом внесения изменений в Конституцию КНР», принятым на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва 14 марта 2004 г.

Сравнительно-правовой анализ досудебного соглашения о сотрудничестве по законодательству Индии и России

© Б. А. Раднаев

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
Bulat_rad@mail.ru*

Приведем сравнительно-правовой анализ законодательной и судебной систем России и Индии — страны с огромным потенциалом социально-экономического развития и наиболее интересной правовой системой, имеющей некоторые общие черты с российской.

Представленная тема для сравнения — это институт досудебного соглашения о сотрудничестве, в западных странах его часто называют «делкой с правосудием» (далее этот спорный термин будет употребляться без кавычек). Или так называемое «Соглашение о признании вины» (англ. Plea bargaining) — «разрешенная зако-

ном письменная сделка обвиняемого и защитника с обвинителем, в которой зачастую в обмен на признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в менее тяжком преступлении обвинитель отказывается от всестороннего исследования обстоятельств дела, которое прояснило бы истину, а также от поддержания обвинения в более тяжком преступлении» [4, с. 28].

Законом об отправлении правосудия по уголовным делам от 2005 г. (The Criminal Law (Amendment) Act, 2005.) [2], которым были внесены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Индии (The Code of Criminal Procedure, 1973 (далее CrPC)) [3], с 2006 г. в этой стране была законодательно введена практика сделок с правосудием.

Нововведение в уголовно-процессуальное законодательство Индии предназначено для разгрузки судебной системы, перегруженной большим количеством уголовных дел, а также для скорейшего раскрытия преступлений. Предложение по внесению изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Индии поступило от правового комитета в начале 2000-х гг. Индийские правоведы-эксперты в первую очередь использовали большой опыт США в данном вопросе. Общеизвестно, что правовой институт сделки с правосудием получил максимальное развитие в уголовном правосудии США, а понятие «сделка с правосудием» в современном правовом понимании этого термина возникло в конце XIX в. именно в США.

Позиция Верховного суда США, поддерживающая практику применения сделки с правосудием, — это снижение рисков, связанных с судебным процессом, экономия времени и денег [1]. Поскольку достоинствами введения института сделок с правосудием можно назвать быстрое вынесение решения по делу, в котором все обстоятельства очевидны, а подсудимый признал вину, судебное разбирательство не несет дополнительных затрат и предполагает почти незамедлительный запуск механизма уголовно-правового воздействия с целью восстановления социальной справедливости, а также исправления лица, совершившего преступление.

Правовой институт, называемый сделкой о признании вины или сделкой с правосудием, является органической частью американского уголовного процесса и применяется на деле более 150 лет. Как отмечает американский юрист Реймонд Моли, в 1839 г. в штате Нью-Йорк 22% приговоров по уголовным делам были результатом сделки о признании вины. К 1869 г. 70% всех уголовных дел были разрешены подобным способом. В 1920 г. 88% всех уголовных дел были разрешены посредством заявлений о признании вины [5, с. 42]. В настоящее время около 90% уголовных дел в США не проходит через процедуру обычного судебного разбирательства и минует коллегию присяжных заседателей. Без института досудебного договора механизм уголовной юстиции США, а точнее суды, не смогли бы справиться с огромным потоком дел. Подобные соглашения экономят время, деньги и человеческие ресурсы. В работе суда остается время для других не менее важных дел.

Ранее в Индии концепция соглашения о признании вины не была признана судами и была сочтена противоречащей государственной политике. Например, в некоторых делах (*Kasambhai Abdul Rehman Bhai Sheikh vs State of Gujarat*, 1980; *State of Uttar Pradesh vs Chandrika*, 1999) позиция Верховного суда Индии состояла в признании практики заключения сделок с правосудием неконституционными, поскольку это могло привести к большему развитию коррупции, тем самым запятнав само понятие правосудия. А простое признание вины не должно считаться основанием для смягчения наказания. Однако, несмотря на веские аргументы, при наличии больших задержек рассмотрения уголовных дел в уголовно-процессуальный кодекс Индии все же была включена новая глава XXI-A. Чуть позже суды обязали информировать обвиняемых о положениях сделки с правосудием и по максимуму использовать возможности данного правового института.

Сегодня практика применения института досудебного соглашения о сотрудничестве стала частью уголовной юриспруденции в Индии и России, она оптимально выгодна как государству, так и человеку, виновному в совершении преступления.

Сделка о признании вины в индийском уголовно-процессуальном законодательстве имеет свои особенности и отличия. Положения о досудебном соглашении не применимы в таких случаях, как преступление, в котором максимальное наказание превышает 7 лет; преступление, совершенное против женщины или ребенка в возрасте до 14 лет; если обвиняемый ранее был осужден за одно и то же преступление (рецидив); при совершении преступления, которое влияет на социально-экономическое состояние страны согласно ст. 265-A CrPC. В этом состоит отличие от российского опыта, в котором не предусмотрено таких ограничений для применения досудебного соглашения о сотрудничестве. Единственное возможное ограничение, которое есть в главе 40.1 УПК РФ применительно к досудебному соглашению о сотрудничестве, — это отсутствие упоминания расследования в форме дознания.

Процедура заключения соглашения состоит в подаче виновным лицом добровольного заявления в соответствующий суд с подробностями преступления. Человек заявляет, что понимает характер предъявленного обвинения, он также должен заявить, что не является осужденным лицом за одно и то же преступление. Далее после получения заявления и показаний обвиняемого под присягой суд первой инстанции выдает уведомление прокурору или истцу, в зависимости от обстоятельств, и обвиняемому о дате, установленной для дальнейшего рассмотрения заявления. После чего суд должен рассмотреть заявление обвиняемого и убедиться в том, что обвиняемый добровольно подал заявление и имеет право заключить досудебное соглашение согласно ст. 265-B CrPC.

Если суд признает, что обвиняемый не подал свою заявку добровольно или ранее был осужден за одно и то же преступление, то заявление отклоняется и дело направляется на обычное судебное разбирательство. В отечественном законодательстве имеет место иная процедура заключения соглашения о сотрудничестве. А именно: ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается на имя прокурора через сле-

дователя. И вопрос о заключении такого соглашения первоначально решается следователем, а далее прокурором.

Также необходимо отметить, что постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано руководителю следственного органа или вышестоящему прокурору в зависимости от того, кем оно было вынесено.

Только после вынесения представления прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд самостоятельно решает вопрос о возможности применения положений упрощенного производства. Тогда как в Индии лица, желающие заключить сделку о признании вины, обращаются непосредственно в суд.

Согласно ст. 265-С CrPC Индии в деле, возбужденном по рапорту полиции, суд должен известить государственного прокурора, следователя, обвиняемого и потерпевшего об участии в собрании для выработки решения по ходатайству обвиняемого. Адвокату обвиняемого также может быть разрешено участвовать в таком собрании.

В случае если уголовное дело было возбуждено иначе, не по рапорту полиции, уведомление должно быть выдано обвиняемому и жертве для участия в вынесении решения о заключении сделки с правосудием. Представители обвиняемого и потерпевшего также могут быть допущены к участию по желанию потерпевшего или обвиняемого.

Далее следует переговорный этап. Когда суд приходит к выводу, что обвиняемый ранее не был осужден за одно и то же преступление; он старше 18 лет и понимает характер правонарушения и предлагаемого наказания, он предоставляет прокурору или потерпевшему вместе с обвиняемым время, чтобы принять взаимоприемлемое решение по делу, которое может включать предоставление жертве компенсации вреда и других расходов, а также выбрать дату дальнейшего рассмотрения дела. При ведении переговоров и подготовке отчета по делу может быть оказана помощь адвоката. Как мы знаем, в российском Уголовно-процессуальном кодексе участие защитника при заключении сделки о признании вины не обязательно. Также следует отметить, что первоестественным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является обязательное активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Именно это условие проверяется судом при решении вопроса о применении особого порядка проведения судебного заседания при заключении соглашения о признании вины.

После получения отчета по итогам переговоров суд должен подготовить собственный отчет, который должны подписать все члены, принявшие участие в переговорах. В российском УПК досудебное соглашение о сотрудничестве подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым и его защитником.

Если было выработано удовлетворительное решение, суд присуждает компенсацию потерпевшему и после слушания сторон по вопросу о размере наказания освобождает обвиняемого на испытательном сроке; суд может приговорить обвиняемого к половине минимального наказания, предусмотренного законом за преступление, совершенное обвиняемым. Если минимальный срок наказания не соответствует нормам закона, суд может приговорить обвиняемого к одной четверти наказания, предусмотренного или продлеваемого в зависимости от обстоятельств за совершенное преступление. Положения для назначения более мягкого наказания в общих чертах имеют схожие аналоги и в российских нормах УПК.

Заключительное судебное решение по уголовному делу с лицом, заключившим сделку о признании вины, является окончательным и не подлежит обжалованию по ст. 265-G CrPC, кроме случаев, предусмотренных в соответствии со ст. 136, 226 и 227 Конституции Индии. В России пересмотр приговоров, принятых в соответствии с положениями главы досудебного соглашения о сотрудничестве, могут быть пересмотрены, если будет обнаружено, что лицо, заключившее соглашение, умышленно сообщило ложные сведения или умышленно скрыло от следствия какие-либо существенные сведения.

Какие преимущества получает пострадавший или жертва преступления в результате досудебного соглашения? Быстрое отправление правосудия для потерпевшего, уменьшение психоэмоционального напряжения и моральных страданий; экономию времени и средств для участия в судебном рассмотрении дела; возможность упрощенного получения компенсации за причиненный вред; отсутствие неопределенности в том, что социальная справедливость будет восстановлена.

Преимущества для лица, заключившего сделку о признании вины, — это предоставление меньшего наказания, а если не предусмотрено соответствующего минимального срока наказания, будет назначена вовсе одна четвертая от предусмотренного законом. Решения суда в данном случае не подлежат обжалованию. Сведения, полученные от лица, не могут использоваться для каких-либо других целей (ст. 265-K CrPC), кроме ведения переговоров о признании вины; затраты меньшего количества времени и средств для рассмотрения дела; отсутствия неопределенности, состоящей в том, что на стадии переговоров уже был решен вопрос о наказании и размере компенсации.

Следующее отличие норм уголовно-процессуального законодательства России от Индии состоит в том, что в индийском уголовно-процессуальном законодательстве лицо, желающее заключить сделку, должно обратиться непосредственно в суд. Именно суд берет на себя обязанности по заключению соглашения, поэтому существенно увеличивается нагрузка на судебную систему в отличие от российской практики. На наш взгляд, несовершенством индийской сделки с правосудием можно назвать отсутствие возможности заключения соглашения

о признании вины с несовершеннолетним лицом, совершившим преступление, и необязательность участия защитника обвиняемого. Следует также добавить, что уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает упрощенное судопроизводство как при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, так и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В заключение следует сказать, что институт досудебного соглашения в России и Индии стал важнейшей и актуальной частью системы уголовного правосудия. Россия и Индия плодотворно и целесообразно использовали уникальный и богатейший опыт США. Рецепция американской модели института досудебного соглашения была проведена с детальным учетом требований национальных законодательств, собственных правовых культур и традиций. Представляется, что институт досудебного соглашения с правосудием будет развиваться, совершенствоваться и соответствовать новым вызовам времени и общества.

Литература

1. Case Brady v. United States (1970) // United States Reports. 1970. V. 397. P. 742–752; Case Santobello v. New York (1971) // United States Reports. 1971. V. 404. P. 260–261.
2. The Criminal Law (Amendment) ACT, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://nagapol.gov.in/PDF/The%20Criminal%20Law%20Amendment%20Act%202005.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
3. The Code of Criminal Procedure (CrPC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/site/adboecdanti-corruptioninitiative/46814340.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
4. Ахмедов Ш. М. Межотраслевой институт досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2010. № 4. С. 28–31.
5. Курдова А. В. Практика применения ускоренного порядка рассмотрения уголовных дел судом в УПК РА (сравнительно-правовой анализ с законодательствами ряда европейских стран, СНГ, США) // Вектор науки ТГУ. 2009. С. 39–46.
6. Попова Е. И. Некоторые проблемы заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2015. № 1. С. 212–217.
7. Попова Е. И. Защита лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: в 2 ч.: материалы всерос. науч.-практ. конф. (20–21 марта 2015 г.). СПб.: Петрополис, 2016. Ч. 2. С. 164–171.

Правовой статус потерпевшего в уголовном процессе США и России

© Т. А. Савельева

студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
г. Улан-Удэ, Россия
ts.162307.ts@gmail.com

По данным федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России», в 2016 г. за период с января по декабрь было зарегистрировано 2160, 1 тыс. преступлений, не раскрыто 983,4 тыс., общая раскрываемость преступлений равна 52,8%. [10]. При этом, как утверждают криминологи, латентная преступность практически в два раза превышает зарегистрированную [4, с. 52].

Ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой преступления и в соответствии с установленным порядком признается «потерпевшим». Более половины граждан, подвергшихся негативному воздействию со стороны преступных элементов, не обращаются за помощью к правоохранительным органам, опасаясь мести и расправы. Безусловно, большую роль здесь играет такое явление, как правовой нигилизм, граждане не верят в эффективность работы правоохранительных органов, не желают участвовать в отправлении правосудия, защищая при этом свои законные права и интересы. Именно поэтому в настоящее время появляется необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего правовой статус потерпевшего, с целью в полной мере обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства.

В данной статье подробно остановимся на правовом статусе потерпевшего в уголовном процессе, проведем анализ процессуального статуса данного участника уголовного судопроизводства в России и США, «стране равных возможностей». Предполагается, что самый лучший передовой опыт других стран, в частности США, полученный в результате сравнения, может быть использован для улучшения и совершенствования отечественного законодательства либо быть подтверждением правильности проводимой политики нашей страны.

Правовой статус потерпевшего регламентируется ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), основного источника уголовно-процессуального права.

«Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации» [3]. В сравнении с другими участниками уголовного судопроизводства, потерпевший является наиболее уязвимым звеном всей системы участников уголовного процесса, поэтому государству, к сфере

деятельности которого в соответствии с Конституцией России относится уголовное судопроизводство, необходимо обеспечить потерпевшего соответствующей защитой. Основным законом России определяется правовое положение потерпевшего в уголовном процессе. Так, в ст. 52 Конституции РФ говорится: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [2].

В законодательстве США для обозначения лица, пострадавшего от преступления, используется термин «жертва» [8]. Правовой статус жертвы определяется исключительно на законодательном уровне путем принятия законов, как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Конституция США не предусматривает положений о жертве преступления, однако данный пробел восполняется на уровне законодательства штатов, более половины из которых уже внесли соответствующие изменения в свои конституции. Именно законы штатов продолжают реализацию и развитие общих положений федеральных законов, восполняя существующие пробелы. Отсутствие в Конституции США норм, регламентирующих правовой статус жертв преступлений, вызывает некоторые трудности при отправлении правосудия, поскольку суд ввиду этого зачастую не принимает федеральные законы и законы штатов во внимание, тем самым ущемляя и игнорируя права жертв преступлений.

Поскольку в США наряду с федеральной существуют правовые системы штатов, единого определения понятия «жертва преступления» просто нет, оно содержится в различных федеральных нормативных актах США и законах штатов.

Так, например, «жертва» согласно Своду законов США — это лицо, которому был причинен прямой физический, моральный или имущественный вред в результате совершения преступления, в том числе: (А) в случае если жертва — юридическое лицо или его уполномоченный представитель; (В) в случае если жертве менее 18 лет, он неспособен, недееспособен или умерший — любое следующее лицо (в порядке предпочтения): (i) супруг; (ii) опекун; (iii) родитель; (iv) ребенок; (v) брат или сестра; (vi) другой член семьи; или (vii) другое лицо, назначенное судом [5, с. 99].

Впервые определение лица, в отношении которого совершено преступление, было закреплено в п. 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, которая в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ является составной частью правовой системы РФ. В частности, там говорится: «Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью» [6].

Жертва преступления в США, в отличие от потерпевшего по законодательству РФ, не является участником уголовного судопроизводства. Правовое положение жертвы раньше ничем не отличалось от статуса свидетеля, который не может осуществлять функцию поддержания публичного обвинения, в связи с этим граждане попросту перестали обращаться за помощью в правоохранительные органы [8]. Сами потерпевшие и их семьи по этой причине стали заниматься открытием различных центров по защите прав потерпевших. Известны такие организации, как «Национальная организация помощи потерпевшим (NOVA)», «Родители убитых детей», «Матери против пьяного вождения» [5, с. 99]. Во многом благодаря этим организациям происходит расширение прав потерпевших путем принятия новых законов и внесения изменений в уже существующие.

Так, в 2004 г. был принят специальный закон, который в качестве гл. 237 включен в разд. 18 Свода законов США. Он предоставляет потерпевшему следующие права, которые не предоставляются свидетелю:

1. Право быть разумно защищенным от обвиняемого.

2. Право на разумное, точное и своевременное уведомление о любом открытом судебном производстве, а также связанном с условно-досрочным освобождением, об освобождении или побеге обвиняемого.

3. Право участия в открытом судебном производстве, если только суд не установит, что показания потерпевшего, который услышал другие показания в том же процессе, были бы существенно изменены.

Данное право во многих штатах существенно ограничивается. Такие ограничения связаны с тем, чтобы исключить эмоциональное давление на обвиняемого со стороны потерпевших для обеспечения права обвиняемого на беспристрастное рассмотрение дела [5, с. 100].

4. Право быть разумно услышанным в любом открытом судебном производстве окружного суда, связанном с освобождением, назначением наказания или условно-досрочным освобождением.

5. Разумное право общаться с обвинителем (представителем правительства) в деле. Данное право заключается в том, что жертва преступления может обращаться к прокурору за интересующей его информацией, кроме того, прокурор перед принятием решения заслушивает мнение жертвы преступления.

6. Право на полную и своевременную реституцию, определяемую в соответствии с законом. Реституция представляет собой возмещение, компенсацию потерпевшему вреда, причиненного преступлением. Например, в УК Орегона она определяется как полное, частичное или номинальное возмещение экономического ущерба потерпевшему (п. 3 ст. 137103).

Стоит отметить, что в США существуют программы компенсации потерпевшим. Штаты осуществляют такие выплаты, а федеральное правительство через фонды, формируемые за счет штрафов и других взысканий, возмещает штатам 40% этих сумм ежегодно [5, с. 105].

7. Право требования рассмотрения дела без «неразумной» задержки.

В данной норме видится явная возможность для ограничения этого права ввиду неопределенности критерия «разумности».

8. Право на справедливое и уважительное отношение к достоинству и частной жизни [5, с. 101].

В некоторых штатах предусмотрены другие права, например, на получение обширной информации, интересующей потерпевшего (об услугах, предоставляемых потерпевшим, контактной информации органов уголовной юстиции и др.), на возврат потерянной в результате совершения преступления собственности или собственности, изъятой как вещественное доказательство.

Кроме того, были приняты такие законы, как «О правах жертв посягательств» (1986), «Об обязательной реституции жертвам преступлений» (1996), «О жертвах преступлений» (1984), «О правах жертв и реституции» (1990) и др. Это, свою очередь, показывает, что в США происходит преобразование жертвы преступления в участника уголовного судопроизводства, т. е. начал формироваться институт потерпевшего.

Потерпевший в России обладает большим количеством прав, закрепленных ст. 22, ч. 2–4 ст. 42, ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Данные права прежде всего направлены на его активную позицию в досудебном и судебном производстве. Так, потерпевший имеет возможность участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, выдвигать и поддерживать обвинение, знать суть предъявленного обвинения, давать показания, отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников.

Потерпевший в уголовном процессе России наделен общими правами для всех лиц, которые также принимают участие в нем (например, заявлять ходатайства и отводы, давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и др.), а также правами стороны (например, по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать любые сведения в любом объеме, участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанции и др.) [2]. Перечень прав потерпевшего не является исчерпывающим.

Законодательство России в этом плане также имеет определенные пробелы. Анализ норм, регламентирующих правовой статус потерпевшего, позволяет сделать вывод о том, что некоторые права остаются негарантированными, существующими лишь на уровне деклараций, поскольку они не подкреплены взаимодополняющими обязанностями должностных лиц, ведущих производство по делу. Так, например, право знать о предъявленном обвиняемому обвинении, хотя должностное лицо, ведущее производство по делу, обязано уведомить потерпевшего об этом. По нашему мнению, декларативным остается и право о представлении доказательств и др. [6].

Право потерпевшего ходатайствовать о применении мер безопасности предусмотрено в п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, ч. 3 ст. 11 УПК РФ: сохранение в тайне данных о личности; контроль и запись телефонных и иных переговоров; проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым; проведение закрытого судебного разбирательства; допрос потерпевшего в судебном заседании без оглашения данных о его личности и в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками процесса. Однако указанные меры не всегда способны обеспечить эффективную защиту [7, с. 31].

Сравнивая правовой статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве США и России, можно заметить следующее: как в России, так и в США существуют определенные проблемы в обеспечении потерпевшего (жертвы преступления) определенными правами. В США обеспечение потерпевшего процессуальными правами происходит намного позднее, чем в России, однако в вопросе обеспечения потерпевшего гарантиями безопасности, предоставлении ему социальных услуг США явно опередили и превзошли Россию.

Потерпевшие в России, в отличие от жертвы преступления в США, имеют право представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, принимать участие в судебных прениях, знакомиться с материалами уголовного дела, обжаловать действия и решения органов предварительного расследования и суда, поддерживать обвинение и другие права, предусмотренные статьей 42 УПК РФ.

Некоторые права жертвы преступления в США неизвестны потерпевшему в России. Так, например, потерпевший не получает уведомления об освобождении подсудимого из-под стражи, не может участвовать в избрании меры пресечения для обвиняемого, поскольку это происходит в закрытом судебном заседании.

Потерпевший, как процессуальная фигура, не является полноценным участником уголовного судопроизводства в США, хотя и наблюдается тенденция к расширению его процессуальных прав. Для того чтобы этот процесс шел несколько быстрее, необходима, на наш взгляд, координация действий органов государственной власти, а также внесение соответствующей поправки в Конституцию США.

Предполагается, что определенные нормы, касающиеся прав потерпевшего в уголовном процессе США, могут быть заимствованы в российский уголовный процесс, например, право быть разумно защищенным от обвиняемого, право на разумное, точное и своевременное уведомление о любом открытом судебном производстве, а также связанном с условно-досрочным освобождением, об освобождении или побеге обвиняемого, право на полную и своевременную реституцию, что, возможно, станет определенным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Литература

1. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=195#0> (дата обращения: 15.05.2017).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ . 2014. № 31. 4 авг. Ст. 4398.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). 24 дек. Ст. 4921.
4. Криминология: учебник для вузов / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб.: Питер, 2004. 432 с.
5. Защита прав потерпевших (жертв преступления) в США // Журнал российского права. 2009. № 8(152). С. 99–109.
6. Леви А., Давыдова Е. Положение потерпевшего в уголовном процессе: нужна конкретизация // Законность. 2009. № 2. С. 37–40.
7. Чекулаев Д. Применение мер безопасности в отношении потерпевших и других участников процесса // Законность. 2005. № 5. С. 30–32.
8. Кухта К. И. Институт жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США // Уголовное судопроизводство. 2005. № 4. С. 94–97.
9. Кухта К. И. Правовой статус потерпевшего в уголовном процессе США // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2001. № 1. С. 79–82.
10. Состояние преступности, январь – декабрь 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/9338947> (дата обращения: 24.04.2017).
11. Фадеева Е. Ю. К вопросу о взыскании компенсации морального вреда // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы IV студ. межвуз. конф., посвящ. 75-летию НГАУ. Новосибирск, 2011.

Сравнительно-правовой анализ деятельности органов прокуратуры в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© *М. И. Савченко*

*студентка 3-го курса Крымского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
Россия, г. Симферополь
mayasavchenko08@gmail.com*

Актуальность представленной темы заключается в том, что на современном этапе развития общества все больше наблюдаются интеграционные процессы. Исключением не стало и развитие международного сотрудничества органов власти, органов прокуратуры. В условиях активной глобализации важным аспектом становится соблюдение прав и свобод человека и гражданина средствами международно-правового регулирования. Полагаем, что диалог между представителями прокуратуры Российской Федерации, Японии, Китайской Народной Республики, а также иных стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) сможет обеспечить исполнение указанной цели на должном уровне.

Российская Федерация является одной из крупнейших стран в мире, занимая значительную часть евразийского континента, закономерным становится тот факт, что ориентировка стратегии политических процессов направлена на достижение международных договоренностей со странами АТР. Представляется, что такое сотрудничество позволит оптимизировать усилия, направленные на создание мирового сообщества, в котором на высоком законодательном уровне, возможно регулирование различных видов взаимодействия с целью достижения соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Транснациональная преступность становится одной из основных угроз международно-правовых устоев, сформированных на протяжении веков. Борьба с международной преступностью становится первоочередной задачей каждого государства для обеспечения принципов международного сосуществования. Аккумулируя усилия, направленные на решение данной проблемы, сосредоточивая существующие механизмы противодействия противоправным деяниям, в перспективе необходимо создание условий для организации оперативного и эффективного противостояния международным преступлениям, устранения причин, способствующих их существованию.

Оказание правовой помощи — неотъемлемая часть правовой системы многих развитых государств. При этом уровень взаимодействия в процессе осуществления указанной деятельности регулируется нормами международных двусторонних и многосторонних договоров и характеризует уровень развития политических процессов, а также этап построения демократического гражданского общества.

Так, понятие «правовая помощь» закреплено как в законодательстве Российской Федерации, так и в нормативных правовых актах иных стран АТР. В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК России) при необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных кодексом, суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства согласно международному договору Российской Федерации, международному соглашению или на основе принципа взаимности [5].

Также соответствующий нормативный правовой акт Китайской Народной Республики закрепляет, что согласно заключенным международным договорам либо принципу взаимности судебные органы китайского государства и судебные органы иностранного государства могут просить друг друга об оказании помощи в рамках уголовного судопроизводства [6].

В соответствии с законом Японии «О международной помощи в расследовании и другим вопросам» под термином «правовая помощь» понимается обеспечение иностранному государству, по его требованию, доказательств, необходимых для расследования уголовного дела, в том числе передача осужденного для допроса [1]. Таким образом, можно говорить о наличии законодательно закрепленных положений, регламентирующих оказание правовой помощи.

По уголовным делам правовая помощь заключается в проведении процессуальных действий одной из договаривающихся сторон. К таким действиям в соответствии с российско-японскими правовыми актами относятся:

1) получение свидетельских показаний, заявлений или предметов, в том числе путем проведения обыска и выемки;

2) освидетельствование лиц, осмотр предметов или мест;

3) установление местонахождения лиц, предметов либо мест или их идентификация;

4) предоставление предметов, находящихся в распоряжении законодательных, исполнительных, судебных или иных государственных органов запрашиваемой Стороны, а также ее органов местного самоуправления;

5) уведомление о приглашении лица явиться на территорию запрашивающей Стороны или вручение документа, требующего явки лица на территорию запрашивающей Стороны;

6) временная передача лица, содержащегося под стражей или отбывающего наказание на территории запрашиваемой Стороны, для дачи свидетельских показаний или иных целей, указанных в запросе;

7) вручение документов, связанных с уголовным делом, а также иных документов, не предусмотренных в подпункте 5 настоящего пункта;

8) содействие в процессуальных действиях, связанных с конфискацией и арестом доходов от преступлений или орудий и иных средств их совершения; и

9) любая иная помощь, не противоречащая законодательству запрашиваемой Стороны и согласованная между центральными органами Сторон [2].

Соответственно, договором об оказании правовой помощи между Российской Федерацией и КНР закреплен аналогичный перечень процессуальных действий с некоторыми исключениями. Так, помимо перечисленного в указанном Договоре прямо закреплена необходимость информирования сторон о результатах производства по уголовному делу.

Непосредственно порядок оказания правовой помощи также законодательно урегулирован и имеет свои особенности. Так, обязательным для всех стран является особая процедура направления запроса для осуществления вышеуказанных процессуальных действий органом иностранного государства.

На основании УПК России помимо органов прокуратуры запрос об оказании правовой помощи может направляться через Верховный суд Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, а также Следственный комитет Российской Федерации. При этом направляемый запрос в соответствии с Договором между Российской Федерацией и Японией о взаимной правовой помощи по уголовным делам должен содержать наименование и адрес компетентного органа, осуществляющего расследование, уголовное преследование или иное процессуальное действие, а также факты, относящиеся к предмету расследования, уголовного преследования или другого процессуального действия, включая по возможности место, где было совершено преступление, адрес обвиняемого или подозреваемого и адрес потерпевшего, характер и стадию расследования, уголовного преследования или другого процессуального действия, указание цели и характера запрашиваемой помощи, тексты соответствующих законов запрашивающей Стороны.

По мере необходимости и возможности запрос также включает иные сведения, а также любую другую информацию, которая должна быть доведена до сведения запрашиваемой Стороны в целях содействия исполнению запроса [2].

Аналогичные требования закреплены и в УПК России. Существенные различия в рассматриваемых правовых актах существуют на уровне закрепления положений об отказе в оказании правовой помощи. Так, указанным российско-японским договором предусмотрен отказ в оказании правовой помощи, если:

1) запрос касается политического преступления;

2) выполнение запроса может нанести ущерб ее безопасности или иным существенным интересам;

3) запрос не соответствует требованиям Договора;

4) имеются достаточные основания полагать, что запрос о помощи был сделан с целью уголовного преследования или наказания лица в связи с его расой, вероисповеданием, национальностью, этническим происхождением, политическими взглядами или полом, или что положению такого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин;

5) деяние, которое является предметом расследования, уголовного преследования или других процессуальных действий в запрашивающей Стороне, не является преступлением согласно законодательству запрашиваемой Стороны [2].

В свою очередь, основание по мотивам политического преследования в договоре между КНР и Россией отсутствует, вместо этого существует положение, в котором закреплено, что в оказании правовой помощи может быть отказано, если запрашиваемая договаривающаяся Сторона считает, что предоставление правовой помощи

наносит ущерб ее суверенитету, безопасности или публичному порядку. При этом отказ должен быть мотивирован. Также в соответствии с данным договором в оказании помощи будет отказано, если:

1) деяние, указанное в поручении, по законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны не является преступлением;

2) подозреваемый или преступник, указанный в поручении, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны и не находится на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны [3].

Круг субъектов, участвующих в осуществлении правовой помощи по уголовным делам, также законодательно определен, важнейшую роль играют именно органы прокуратуры. Так, в соответствии с договором между Российской Федерацией и Японией о взаимной правовой помощи по уголовным делам, центральными органами, которые исполняют функции по оказанию правовой помощи, с российской стороны являются Министерство юстиции Российской Федерации и Генеральная прокуратура Российской Федерации, в свою очередь, японскую сторону представляют министр юстиции, Государственная комиссия общественной безопасности и назначаемые ими лица [2]. К центральным органам Китайской Народной Республики в соответствии с Договором о правовой помощи по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и КНР относятся, в свою очередь, Министерство юстиции КНР и Верховная народная прокуратура КНР [3].

Стоит отметить, что лишь в Японии прокуратура не представлена как центральный орган оказания правовой помощи, но вместе с тем в соответствии с законом Японии «О международной помощи в вопросах расследования и других вопросах» на прокуратуру возложен широкий круг прав и обязанностей, связанный с данным вопросом. Так, соответствующий прокурор рассматривает запрос о правовой помощи в случае направления его в Министерства юстиции или Министерства иностранных дел Японии, при этом процессуальные действия, направленные на сбор доказательств, а также некоторые другие осуществляются органами прокуратуры [1].

Что касается Российской Федерации, то с целью осуществления более эффективного международного сотрудничества в Генеральной прокуратуре Российской Федерации создано Главное управление международно-правового сотрудничества. Выполнение обязательств по реализации прав в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации, правовой помощи по уголовным делам непосредственно возложено на управление правовой помощи. Так, указанное управление осуществляет следующие функции:

1) организует подготовку и направление компетентным органам иностранных государств следственных поручений по уголовным делам, находящимся в производстве компетентных органов Российской Федерации, а также рассматривает запросы иностранных государств о производстве следственных действий на территории Российской Федерации и организует их исполнение;

2) организует подготовку и направление в иностранные государства запросов об уголовном преследовании лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации, а также по запросам иностранных государств обеспечивает рассмотрение иностранных запросов об уголовном преследовании в Российской Федерации лиц, совершивших преступления за рубежом [4].

Таким образом, анализируя существующие институты оказания правовой помощи по уголовным делам в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, можно отметить достаточно подробную законодательную регламентацию указанного вопроса. Данная деятельность, осуществляемая как непосредственно органами прокуратуры, так и некоторыми другими государственными органами, направлена на решение задач уголовного судопроизводства, способствует соблюдению как принципов уголовного процесса, так и прав и свобод человека и гражданина в целом. Органы прокуратуры — важный элемент соблюдения законности при осуществлении расследования уголовных дел. Обеспечивая тесное международное сотрудничество, данный способ взаимодействия позволяет достигнуть оптимального уровня использования международно-правовых механизмов при осуществлении уголовного преследования.

Литература

1. Law for international assistance in investigation and other related matters (tentative translation) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/site/adboecdanti-corruptioninitiative/39841261.pdf> (дата обращения: 17.05.2017).

2. Договор между Российской Федерацией и Японией о взаимной правовой помощи по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902187669> (дата обращения: 17.05.2017).

3. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901090> (дата обращения: 17.05.2017).

4. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление международно-правового сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/ms/ms_management/ (дата обращения: 17.05.2017).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 17.05.2017).

6. Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 01.07.1979 [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 17.05.2017).

Зарубежный опыт защиты жертв преступлений (потерпевших) и его интеграция в российском уголовном судопроизводстве

© Л. С. Санжлэрица

студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

г. Улан-Удэ, Россия

sanzhlarisa98@gmail.com

Исторически сложилось так, что системы уголовного правосудия в основном были сосредоточены на задержании, преследовании и наказании виновных в совершении преступлений, в то время как роль жертв преступлений часто сводилась к роли свидетелей или же вовсе забывалась. В последующем отношении к жертве преступления значительно изменилось. Правовой статус жертвы стал совершенствоваться посредством дополнительных гарантий безопасности в системе уголовного правосудия. Так, Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1985 г. была принята «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», которая содержит рекомендуемые меры защиты жертв преступлений.

Таким образом, в соответствии с Декларацией многие государства разработали правовые и институциональные меры для обеспечения надлежащей помощи жертвам преступлений в рамках национальных систем уголовного правосудия.

В Российской Федерации правовой статус жертв преступлений регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ, закрепившим права потерпевших, и Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», устанавливающим принципы осуществления и виды государственной защиты потерпевших, включающие меры обеспечения их безопасности и социальной поддержки.

Кроме того, 28 декабря 2013 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», который расширил права потерпевших, а также улучшил правовое положение несовершеннолетних потерпевших. Также Следственным комитетом РФ совместно с членами Общественной палаты РФ был разработан проект закона «О потерпевших от преступления», который должен был значительно расширить права потерпевших и улучшить их правовое положение в целом (в частности несовершеннолетних потерпевших), однако он не был принят.

Несмотря на весь комплекс принятых законодательных мер, направленных на защиту жертв преступлений, остается комплекс нерешенных проблем. В частности, отсутствие фактического возмещения причиненного вреда, даже в случаях осуждения виновного лица, недостаток элементарной правовой и социальной помощи, отсутствие права на участие в принятии решения об избрании меры пресечения. В связи с этим будет полезно рассмотреть опыт зарубежных стран в области государственной поддержки и защиты потерпевших.

Потребности жертв значительно различаются в зависимости от индивидуальных обстоятельств. Такие потребности, как потребности в медицинской, финансовой и психологической поддержке, а также в доступе к информации до, во время и после уголовного процесса, необходимо удовлетворять в рамках комплексных мер реагирования со стороны государственных органов с полной координацией усилий с другими государственными или частными службами оказания помощи.

Результаты исследований показывают, что постоянное информирование о судебном процессе является одной из наиболее важных потребностей жертв преступлений. Они хотят быть информированными о ходе своего дела, о том, как действует система уголовного правосудия. Кроме того, когда жертвы остаются неосведомленными о событиях их дела, может возникнуть риск вторичной виктимизации. Соответственно для полноценной поддержки жертв необходимо, чтобы государство обеспечивало право потерпевших на информацию.

Так, Министерство юстиции Соединенных Штатов на основании Федерального закона «О правах жертв и реституции» в целях предоставления жертвам информации о ходе уголовного дела создало систему уведомления жертв, в рамках которой сообщается обо всех публичных судебных разбирательствах и основных действиях по делу по почте, электронной почте, через сайт или по телефону.

В Нью-Йорке функционирует система уведомления об освобождении обвиняемых [9]. Жертва преступления может зарегистрироваться для получения оповещения, просто позвонив по телефону, сообщив фамилию содержащегося под стражей, дату его рождения и дату ареста или государственный идентификационный номер обвиняемого. Когда обвиняемый освобождается из-под стражи, жертве преступления звонят до тех пор, пока она не подтвердит получение уведомления, назвав свой персональный код. Таким образом, в США жертва преступления имеет право на получение различной информации, касающейся ее дела, как при рассмотрении уголовного дела, так и в период исполнения наказания, в то время как в российском законодательстве для потерпевших такое право не предусмотрено.

В Индонезии должностные лица Национальной полиции отправляют жертвам по их просьбе официальные письма, предоставляющие информацию о ходе судебного процесса по делу [1].

К тому же государству необходимо обеспечить оказание услуг и содействие потерпевшим для обеспечения их участия в судебных процессах, восстановления от травм и возмещения вреда, причиненного преступлением.

В США Федеральное бюро расследований создало Управление по оказанию помощи потерпевшим, которое предоставляет услуги жертвам всех видов преступлений. В полицейских участках США работают специально подготовленные лица, которые призваны помочь потерпевшим от преступлений. Жертву преступления, если она вызвана в суд для дачи показаний, предварительно приводят в здание суда, подробно объясняют ей все правила судебной процедуры, психологически готовят к участию в рассмотрении дела, а в ходе самого процесса сопровождают в суд и затем домой.

В США также создано Агентство по оказанию услуг потерпевшим. Агентство работает напрямую с потерпевшими, обслуживает горячие линии, а также сотрудничает с полицией, судами и врачами. Агентство предлагает консультации по вопросам кризисной поддержки, помогает справиться с травмами, привлекает ресурсы — от помощи в выборе жилья до психологической помощи.

В Республике Корея органы власти используют ряд защитных мер для жертв преступлений на стадии расследования уголовного дела, в том числе назначение помощников и попечителей для сопровождения жертв и оказания поддержки. Вдобавок органы власти могут прикрепить адвоката жертвы к следственным группам, заключить меморандум о взаимопонимании с имеющими достаточный опыт ассоциациями для поддержания связи с жертвами, предоставления им актуальной информации по делу и оказания соответствующей помощи.

Кроме того, международными актами признана необходимость и важность своевременной, полной справедливой компенсации в отношении жертв преступлений со стороны государства.

В США функционирует Федеральный фонд помощи жертвам преступлений, образованный на основании закона о защите жертв и свидетелей преступлений. Целью его создания является дополнительное (к расходам штатов) финансирование двух национальных программ. Одна из них направлена на расширение сети и сферы услуг для потерпевших, оказываемых государственными, общественными и частными организациями. Вторая программа направлена на обеспечение штатов дополнительными средствами для выплаты потерпевшим государственной компенсации причиненного вреда. Общий принцип распределения расходов между Федеральным фондом и фондами штатов таков: каждому штату каждый год из Федерального фонда выделяется 40% средств, израсходованных им на возмещение вреда потерпевшим в прошедшем году. Федеральный фонд помощи жертвам накапливает денежные средства не за счет взимаемых государством налогов, а из общей суммы назначаемых в виде наказаний штрафов, залогов, различных пошлин, сборов и судебных издержек, оплачиваемых правонарушителями. Все эти средства поступают не в бюджет, как у нас, а на счета Федерального фонда. Данную практику выплаты компенсаций жертвам преступлений было бы целесообразно применять и в Российской Федерации, так как данный вопрос до сих пор остается неурегулированным. В нашем государстве сложилась такая практика, что потерпевшему приходится ждать годами законной компенсации. Более того, многие осужденные переписывают имущество на иных лиц и заявляют о полном банкротстве, тем самым государством не обеспечивается право на возмещение ущерба жертве преступления.

В данной сфере также интересно законодательство Канады. Согласно Уголовному кодексу Канады с обвиняемых дополнительно взимается денежная сумма в пользу жертв, представляющая собой дополнительное наказание, которое автоматически налагается на правонарушителей при вынесении приговора. Доплата взимается провинциальными и территориальными правительствами и используется для финансирования программ, услуг и помощи жертвам преступлений в пределах их юрисдикции.

В Японии в целях защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, сглаживания причиненного от преступления вреда действует специальный закон «О выплате компенсации», который предусматривает оказание финансовой помощи из государственной казны при совершении отдельных видов преступлений: убийства или умышленном причинении тяжких телесных повреждений, включая деяния невменяемых лиц. Кроме того, в Японии функционирует Национальная организация помощи жертвам преступлений, которая выполняет уникальную функцию: выплату пособий и стипендий детям жертв преступлений для получения образования, независимо от того, погибла жертва или осталась жива. Наряду с оплатой обучения детей лиц, потерпевших от преступлений, службы помощи жертвам преступлений ежегодно выдают самим потерпевшим денежные «подарки» в размере от 150 тыс. до 500 тыс. йен в зависимости от тяжести ущерба. Данные меры помощи морально и материально дополняют государственную компенсацию ущерба.

В Уголовно-процессуальном кодексе Индии предусмотрены положения о компенсации жертвам, в соответствии с которыми в дополнение к финансовой помощи лица, утратившие трудоспособность, а также члены семей погибших жертв имеют право на получение карты медицинской помощи. Держатели карт имеют право на бесплатное лечение травм и всех других серьезных заболеваний, причиненных преступлением.

Не менее важным правом потерпевших, которому государству следует уделить особое внимание, является обеспечение безопасности потерпевших, так как достижение задач уголовного судопроизводства во многом зависит от законодательного обеспечения безопасных условий участия в уголовном процессе жертв преступлений. Если государство не обеспечит безопасность потерпевших, обвиняемые смогут воздействовать на них, и вследствие этого в практике расследования преступлений существует много случаев отказа и уклонения потерпевших от участия в уголовном судопроизводстве.

Во многих штатах закон позволяет судам отказывать в освобождении под залог на основании угрозы безопасности потерпевших. Кроме отказа в освобождении под залог законодательство некоторых штатов позволяет судьям иным образом ограничивать применение института залога. В некоторых штатах были внесены поправки в законы об освобождении под залог, позволяющие или обязывающие судей издавать приказы о запрете всяких контактов обвиняемого с потерпевшим в качестве обязательного условия освобождения. Какие-либо контакты

обвиняемого с потерпевшим в нарушение приказа судьи повлекут за собой отмену освобождения под залог, кроме того, в некоторых штатах такие действия рассматриваются как отдельное преступление. Также в более чем 30 штатах приняты законы, обязывающие или понуждающие создавать в судах отдельные и (или) безопасные комнаты ожидания для потерпевших и свидетелей обвинения. Кроме того, в США жертвы преступлений имеют право влиять на решение об условно-досрочном освобождении. Законами 43 штатов предусмотрено право потерпевшего представлять устное или письменное заявление в комиссию по условно-досрочному освобождению для принятия решения в судебном заседании.

В США во многих штатах для обеспечения безопасности жертв преступлений закон запрещает давать такие показания, в которых содержится личная информация потерпевших. Так, в штате Огайо, если в отношении потерпевшего существует опасность насилия или запугивания, то суд по ходатайству обвинения издает приказ о неразглашении на любой стадии уголовного процесса определенной информации: его адреса местонахождения, номера телефона, места работы и др. [8]. Также законодательство многих штатов предписывает судам принимать во внимание мнение жертв преступлений при избрании меры пресечения обвиняемому. Если жертва преступления считает, что во время следствия находящийся на свободе подозреваемый сможет оказать на него давление или угрожать жизни и здоровью, то жертва может ходатайствовать перед судом об аресте подследственного. В Уголовном кодексе Канады также предусмотрено положение, в соответствии с которым суд должен учитывать заявления жертв преступлений при вынесении приговора обвиняемому. Подобная практика обеспечения защиты потерпевших отсутствует в отечественных нормативно-правовых актах, хотя в законопроекте «О потерпевших от преступлений» такое право было предусмотрено.

Таким образом, законодательство Российской Федерации в области защиты потерпевших несколько отличается от зарубежного законодательства в данной сфере. При этом анализ нормативно-правовых актов иностранных государств позволяет выявить несовершенство некоторых сторон отечественного законодательства.

Литература

1. Law of the Republic of Indonesia N 13 of 2006 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.lpsk.go.id/upload/Buku%20UU%20No%2013%20\(English%20Version\).pdf](http://www.lpsk.go.id/upload/Buku%20UU%20No%2013%20(English%20Version).pdf) (дата обращения: 30.04.2017).
2. Manikis M. Imagining the Future if Victim's Right in Canada: A Comparative Perspective [Электронный ресурс]. URL: <http://moritzlaw.osu.edu/students/groups/osjcl/files/2016/01/Manikis-imagining-the-future.pdf> (дата обращения: 29.04.2017).
3. Tatsuya Ota. Victims and Criminal Justice: Asian Perspective [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncjrs.gov/App/publications/abstract.aspx?ID=202214> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Victim and Witness Protection Act of 1982 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-96/pdf/STATUTE-96-Pg1248.pdf> (дата обращения: 27.04.2017).
5. Арутюнян А. А. Зарубежный опыт защиты участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы права и государства в XXI в. 2015. № 7–4. С. 195–199.
6. Criminal Code of Canada [Электронный ресурс]. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/> (дата обращения: 29.04.2017).
7. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк [Электронный ресурс]. URL: <http://ypdcrime.com/penal.law> (дата обращения: 02.05.2017).
8. Уголовный кодекс штата Огайо [Электронный ресурс]. URL: <http://codes.ohio.gov/orc/2930> (дата обращения: 02.05.2017).

Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве России и США

© *Е. Ю. Складов*

студент 2-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ

novel.95@mail.ru

Институт «участников уголовного судопроизводства» является одним из основных институтов уголовно-процессуального права. Проблема определения правового статуса эксперта в системе участников уголовного судопроизводства имеет важное концептуальное значение. В связи с этим необходимы четкая, детальная правовая регламентация процессуального статуса данного участника, а также устранение теоретических и законодательных пробелов, позволяющих неоднозначно толковать их процессуальное положение. Правильное понимание нормативно определенных пределов реализации прав и исполнения обязанностей субъектами уголовного процесса, особенно в период правовой реформы, — одна из важных задач уголовного судопроизводства при безусловной необходимости соблюдения законных интересов личности.

В настоящей статье рассмотрим особенности организационно-правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и США. Расследование преступлений — процесс многогранный и тре-

бует от лица, проводящего расследование, специальных углубленных знаний в различных областях научного познания. Однако с позиции практики становится очевидным, что к лицам, осуществляющим расследование, не могут предъявляться требования о наличии таких знаний [3, с. 105].

Исследование преступного события проводится посредством поиска, обнаружения, сбора, фиксации следов уже совершенного преступления. Поэтому следователь нуждается в помощи эксперта, чтобы разобраться во всем многообразии обстоятельств содеянного. Для этого по уголовным делам проводится судебная экспертиза, которая на практике в большинстве случаев способствует установлению истины [5, с. 161], т. е. будет иметь правовое значение в процессе доказывания.

Поэтому для того чтобы «разрушить» доказательственную базу стороны обвинения, защитникам приходится искать слабые места в расследовании: любые ошибки, упущения, нарушения процессуальных норм со стороны следствия, которые в конечном счете могут повлиять на исход дела и, следовательно, на судьбу подозреваемого (обвиняемого). И одним из таких слабых мест, которое защитник ни в коем случае не должен оставлять без внимания, является опровержение или компрометация экспертного заключения в целом или же отдельных его частей, выводов, методов исследования.

Согласно ст. 57 УПК РФ экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения [1]. Оценка и использование заключения эксперта являются самой важной стадией производства судебной экспертизы, так как именно на этом этапе судебная экспертиза выступает как инструмент доказывания. Само заключение здесь выступает как источник доказательств, который содержит необходимые для стороны обвинения сведения, а эти самые сведения — доказательства по уголовному делу. Могут подвергнуться сомнению выводы эксперта (в случаях, когда отсутствуют достаточные основания по результатам экспертизы), методы исследования (при условии невозможности получения с помощью данных методов достоверных результатов) и т. д. Экспертиза предполагает проведение технической, организационной и исследовательской работы как экспертом, так и следователем. Между следователем и экспертом имеется взаимодействие при подготовке, производстве и использовании результатов экспертизы при расследовании.

Выявим, как взаимодействуют между собой защитник и эксперт. В этом случае законодатель не предусматривает для стороны защиты таких же условий, как для стороны обвинения. Защитник не имеет возможности взаимодействовать с экспертом напрямую: любые его контакты с ним осуществляются через следователя. Защитник может представить ходатайство о назначении экспертизы, однако итоговое решение принимает следователь. Это обстоятельство подтверждает то, что у сторон уголовного судопроизводства неравный доступ к назначению и производству экспертизы. Теперь для сравнения обратимся к статусу эксперта в уголовном судопроизводстве США. В соответствии с правилом 702 Федеральных правил предоставления доказательств (ФППД) в качестве эксперта может выступать лицо, обладающее специальными знаниями, навыками, опытом, подготовкой или образованием, и которое посредством своих показаний в форме мнения или иной форме разъясняет обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу, для последующей их оценки судом [4, с. 361; 2]. Сразу следует заметить, что в этой стране носители специальных знаний не дифференцируются на экспертов и специалистов. Однако это не означает, что сведущие лица не оказывают консультативной помощи и ограничиваются проведением экспертизы. Так, в США по своей роли сведущие лица делятся на:

- 1) «несвидетельствующих экспертов», или экспертов-консультантов («the nontestifying experts»);
- 2) «свидетельствующих экспертов» (the testifying experts);
- 3) «внутренних экспертов» («the inhouse experts»);
- 4) «назначенных судом экспертов» («the court-appointed experts»).

Иными словами, в США эксперт как иной участник уголовного судопроизводства в судебном заседании выступает в качестве свидетеля, который имеет право высказывать свое мнение касательно обстоятельств дела, используя свои знания и опыт. Основная задача эксперта, таким образом, сводится к предоставлению достаточной, полной и достоверной информации присяжным заседателям, чтобы последние смогли дать оценку представленным им фактам. Однако в США производство экспертизы и дача консультации могут осуществляться экспертом как в рамках одной процессуальной формы, так и разных процессуальных форм.

Не стоит оставлять без внимания еще одну особенность. В континентальном праве заключение эксперта и показания эксперта признаны равными доказательствами. В странах с англо-американским уголовным процессом показания эксперта, данные в рамках судебного разбирательства, имеют преимущественный характер над его заключением, данным им на стадии предварительного расследования. В случае неявки эксперта на судебное заседание его заключение может быть оценено судом как «основанное на слухах» (производное доказательство) и признано недопустимым в соответствии с правилом «Hearsay». Это правило является наиболее специфическим феноменом в системе доказательств англосаксонского права. В российской судебно-следственной практике возник ряд явлений и проблем, вызванных использованием производных доказательств, из-за которых достаточно часто совершаются ошибки, приводящие к принятию неправомерных решений, нарушению прав и свобод человека и гражданина [6, с. 99].

Говоря об оценке заключения эксперта, следует отметить, что в США такие доказательства считаются, условно, недопустимыми, если имело место нарушение конституционных прав обвиняемого. В российском же уголовном процессе любое доказательство признается недопустимым, если оно было получено с нарушением действующего процессуального законодательства. Кроме того, в США до 1993 г. при оценке достоверности заключения эксперта суды руководствовались правилом Фрая («правило всеобщего признания»). В 1993 г. его

сменили «критерии Доберта», по которым суды обязаны оценивать заключение и показания эксперта. Среди этих критериев есть такой, как потенциальная степень ошибки методики, применяемой при производстве экспертизы. В российском уголовном судопроизводстве этот важный критерий при оценке заключения эксперта не учитывается, что является серьезным упущением. Как можно оценивать результаты экспертизы, проведенной ненадежной методикой с большой степенью потенциальной ошибки? Чем выше погрешность метода, тем вероятнее ошибка, которая для обвиняемого окажется фатальной. Правильной оценке допустимости заключения специалиста препятствует отсутствие в российском уголовно-процессуальном законе четко регламентированной процедуры получения суждений специалиста и указаний на фактические основания этих суждений.

В заключение отметим, что эксперт является важным лицом в уголовном судопроизводстве, а его правовой статус обеспечивает ему комфортные условия для производства им необходимых действий. В Российской Федерации закреплено, что эксперт выступает как третье лицо, то есть оно не заинтересовано в исходе дела, а лишь оказывает содействие в отправлении правосудия. В США же помимо того, что он выступает в качестве эксперта, он также выступает в качестве свидетеля в судебном заседании. Тем самым в суде он выступает как бы с двойным статусом. Если исходить из положений закона, то УПК РФ не предусматривает классификацию экспертов, чего нельзя сказать про Соединенные Штаты: у них имеется не только многообразие сведущих лиц, но и также определена их роль, полномочия, порядок привлечения к проведению экспертизы. Взаимодействие эксперта со сторонами обвинения и защиты в США обеспечены согласно принципу состязательности уголовно-го процесса.

Проведя анализ норм американского законодательства и сравнив его с нормами российского законодательства, можно сделать вывод о том, что необходимо позаимствовать зарубежный опыт относительно правового статуса эксперта. Производство судебной экспертизы в немалом количестве случаев необходимо для всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств совершенного преступления.

Актуализация указанных проблемных моментов при ее назначении и производстве и их решение позволяют более эффективно использовать на стадии предварительного расследования преступления заключение эксперта как самостоятельный, достаточно значимый вид доказательства по уголовному делу. Заключение эксперта во многих случаях может способствовать вынесению более справедливого и верного решения. Недаром говорят, что заключение эксперта — залог истины! А истина достигается в том числе благодаря его участию.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Федеральные правила о доказательствах для судов и магистратов США (Federal Rules of Evidence for United States Courts and Magistrates). Notre Dame, от 9 июля 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1030075#pos=0;0 (дата обращения: 13.05.2017).
3. Каноква Л. Ю. Правовое положение эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития, 2015. № 10. С. 105–107.
4. Маркина И. Н. Статус эксперта при проведении судебно-психиатрических экспертиз: сравнительно-правовой анализ некоторых положений законодательства США и Российской Федерации // Библиотека криминалиста. 2013. № 4(9). С. 359–362.
5. Рамазанов Т. Б., Раджабова З. Г. Использование рецензии на заключение эксперта при доказывании в уголовном процессе // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 4. С. 161–166.
6. Рамазанов Т. Б. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С. 96–101.

Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству РФ и США

© Д. Б. Цыденов
*студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
dorzho.t@rambler.ru*

Возмещение вреда, причиненного преступлением, является одной из приоритетных задач в уголовном процессе. К сожалению, Россия отстает от многих развитых стран, в том числе и США, по урегулированию данной проблемы. Причиной тому является зависимость возмещения ущерба от поимки преступника или возврата объекта преступления.

Статья 52 Конституции РФ закрепила положение, согласно которому права потерпевших охраняются законом и государство обязано обеспечить им доступ к правосудию и компенсацию ущерба, причиненного преступлением. Исходя из этого конституционного положения и положений уголовно-процессуального права потерпевший имеет право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, причем ему обеспечивается возме-

щение имущественного вреда, причиненного преступлением, и расходов, понесенных в связи с участием в уголовном процессе [4, с. 58].

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевший — это физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации. При этом юридическим основанием для признания лица потерпевшим является оформление должностным лицом соответствующего постановления, в котором помимо прочего указываются вид и размер причиненного вреда. Фактическим основанием для признания физического лица потерпевшим является факт причинения ему непосредственно преступлением физического, имущественного, морального вреда. Для юридического лица фактическим основанием для признания потерпевшим является факт причинения вреда его имуществу и деловой репутации [3, с. 43].

В настоящее время в России законодательно закреплено три общих пути возмещения вреда потерпевшем: подача гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальная реституция (возвращение отчужденного имущества его владельцу); добровольное возмещение вреда преступником.

Кроме того, в случаях, когда преступление небольшой и средней тяжести совершено несовершеннолетним, возможно возмещение вреда путем заглаживания вреда несовершеннолетним. Также возможно возмещение ущерба, нанесенного в результате террористического акта или причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, за счет бюджетных средств в установленных пределах.

Добровольное возмещение вреда виновным лицом происходит довольно редко, так что основными способами возмещения вреда становятся гражданский иск в рамках уголовного дела и уголовно-процессуальная реституция.

Гражданский иск — это требование гражданина или юридического лица, заявленное в ходе производства по уголовному делу, о возмещении морального и имущественного вреда, причиненного преступлением, к обвиняемому или лицам, материально отвечающих за действия обвиняемого.

В соответствии с ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. Таким образом, если нет уголовного дела, то нет и возможности признания потерпевшим гражданско-истца в уголовном судопроизводстве.

В случаях, когда виновное лицо не установлено либо оно умерло или является невменяемым, отсутствует возможность подачи гражданского иска. Вместе с тем вред, причиненный преступлением потерпевшему, нигде не исчезает, соответственно нарушаются конституционные права потерпевшего.

Под уголовно-процессуальной реституцией в России понимается изъятие имущества, похищенного лицом при совершении преступления, и возвращение этого имущества владельцу. Реституция предполагает возврат потерпевшему именно того имущества, которое являлось предметом преступления. Возврат данного имущества владельцу может осуществляться после принятия итогового решения по делу, после вынесения постановления о прекращении уголовного дела либо во время разбирательства по уголовному делу, но с условием обеспечения его сохранности до вынесения окончательного приговора.

Исходя из этого возникает сходная проблема, что и с возмещением вреда при помощи гражданского иска. В случаях, когда объект преступления не будет найден, уголовно-процессуальная реституция будет невозможна.

В уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки потерпевший не обладает специальным процессуальным статусом. Фактически потерпевший является лишь свидетелем обвинения, и в рамках уголовного процесса зачастую для защиты своих интересов ему требуется помощь обвинителя.

В то же время система возмещения вреда, причиненного преступлением, детально проработана. Потерпевшие в большинстве случаев получают компенсацию за нанесенный ущерб преступлением.

В США, также как и в России, основными способами возмещения вреда являются гражданский иск и уголовно-процессуальная реституция. Правом подачи гражданского иска в рамках уголовного дела с требованием о компенсации причиненного ущерба может обладать любое лицо, которому был нанесен вред преступлением, указанным в законодательстве (терроризм, геноцид, отмывание денег, неуплата налогов и т. д.).

Реституция по праву США — это требование суда, на основании которого обвиняемый или осужденный выплачивает денежные средства или совершает определенные действия в пользу жертвы преступления [2, с. 460]. Для реализации этого института согласно § 1501, 1512–1514 и 3663 Раздела 18 Свода законов США суд в уголовном судопроизводстве вправе издавать судебный приказ о реституции (order of restitution) [1, с. 3].

Однако в США был издан закон о жертвах преступлений в 1984 г. (Victims of Crime Act of 1984, VOCA), которое предусматривает возмещение вреда, причиненного преступлением, в том числе за счет государственных компенсационных выплат, в случаях, когда возмещение вреда за счет виновных объективно невозможно. С учетом этого было установлено федеральное финансирование программ компенсаций из Фонда жертв преступлений (Crime Victims Fund, CVF). Фонд находится в ведении Управления по делам жертв преступлений Министерства юстиции США. А на Адвокатскую службу США были возложены обязанности по организации работы с потерпевшими и контролю за деятельностью Фонда жертв преступлений. По причине того, что этот закон носит общенациональный характер, он включен в Раздел 42 (§ 10601–10603) и Раздел 18 (§ 3013) Свода законов США.

Таким образом, одним из эффективных решений проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, является создание отдельного звена уголовно-исполнительной системы — специального фонда поддержки жертв преступлений. С помощью данного фонда было бы возможным осуществить выплаты потерпевшим даже

в случаях, при которых отсутствовала бы возможность взыскания данных выплат с преступника или применения уголовно-процессуальной реституции, не причиняя при этом значительного ущерба для государственного бюджета, поскольку существует возможность пополнения фондов за счет денежных средств, полученных с конфискации, штрафов.

Возможно два варианта внедрения фонда в систему органов исполнительной власти РФ: передача фонда в ведение Федеральной службы исполнения наказания или создание в Министерстве юстиции департамента по делам жертв преступлений, который будет курировать деятельность фонда.

Вместе с тем нужно отметить положительную черту российского уголовно-процессуального законодательства: гражданский иск в рамках уголовного дела с требованием о компенсации нанесенного вреда в отличие от законодательства США может подать любое лицо, которому был нанесен вред любым преступлением.

Таким образом, можно сделать вывод, что в законодательстве РФ и США существуют пробелы, а значит, правовые институты нуждаются в совершенствовании. Но, к сожалению, пробелы в российском законодательстве более значительны и требуют оперативного разрешения, в том числе посредством учета положительного правового опыта США.

Литература

1. Breslow J. Why (and what) do prosecutors need to know about victims' rights? // USA Bulletin – January. 1999. Vol. 47, № 1. P. 3.
2. Schmalleger F. Criminal justice today: an introductory text for the twenty-first century // Upper Saddle River. New Jersey. 2006. P. 460.
3. Кисилев А. А. Защита права потерпевшего на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // КриминалистЪ. 2013. № 1. С. 43–48.
4. Хромова М. Н. Особенности возмещения вреда в судебной деятельности // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 58–66.

Правовое регулирование упрощенных производств в уголовном судопроизводстве США и России

© **Е. А. Цыденжапова**

*магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»*

Россия, г. Улан-Удэ

lyalya3001@mail.ru

Стремление к дифференциации процессуальной формы не является исключительно российской тенденцией. Обращение к опыту зарубежных стран также свидетельствует о естественном процессе деления судопроизводства на различные процедуры в зависимости от тех или иных обстоятельств дела — «ясно, что государство не может одинаково реагировать по некоему «единому шаблону» на все деяния... ни в материально-правовом, ни в процессуальном смысле. В результате неизбежно возникают т.н. «материально-правовая» дифференциация и т.н. «процессуальная» дифференциация реакции государства на преступление» [2, с. 40].

Незначительные преступления в Америке именуются мисдеминорами (уголовно наказуемые проступки), процедура разбирательства по таким делам отличается большей простотой от дел по фелониям (тяжким уголовным преступлениям) [7, с. 90]. Если сконцентрировать внимание на досудебном этапе расследования, по общему правилу он стоит из четырех этапов — пресечение совершения преступления, расследование до ареста, арест, регистрация арестованного и полицейское расследование после ареста. Пресечение преступлений и расследование до ареста осуществляется путем следующих мероприятий: осмотра места происшествия, изъятия и исследования предметов и документов, личного наблюдения, опроса и личного досмотра граждан, обыска (помещений, участков местности, салонов автомобилей и др.), скрытого наблюдения, использования специальных служб, перехвата сообщений и иных форм контроля технических средств связи. Для всех видов обыска (кроме обыска салона автомобиля) и для контроля технических средств связи необходимо получить решение суда. Полицейское расследование урегулировано ведомственными нормативными актами и непроцессуальными нормами. Данные положения дают основание провести параллель между американским расследованием и нашей проверкой сообщений о преступлении. Как отмечается исследователями, в результате полицейского расследования не появляются судебные доказательства и полицией не принимаются решения по предмету уголовно-процессуального спора. Исходя из этого офицеры полиции не составляют протоколов, а пишут отчеты. Именно эта информация станет содержанием доказательств после допроса судом офицеров или эксперта в качестве свидетеля обвинения [7, с. 92]. Преступления небольшой тяжести, как правило, не требуют ареста обвиняемого, берется лишь письменное обязательство о явке в суд, где должно быть указано инкриминируемое ему преступление. По своим процессуальным последствиям обязательство о явке приравнивается к ордеру на арест и знаменует собой официальное возбуждение уголовного дела.

Как показал опрос американских практических работников, по очевидным преступлениям, когда лицо было застигнуто на месте совершения преступления, то арест возможен на месте. Если в отношении подозреваемого

арест был проведен по подозрению в преступлении, не относящемся к тяжким и особо тяжким, предусматривается особая процедура освобождения арестованного в связи с поручительством так называемых Bondsman (поручители, агенты). Подозреваемый обязуется за оказанную услугу выплатить определенную плату, долг растет в зависимости от продолжительности срока его выплаты. При этом Bondsman обязаны явиться в будущем на судебное разбирательство для дачи показаний в отношении подсудимого [8, с. 138].

Далее следует судебная стадия процесса. Если явившийся или доставленный сразу признает свою вину, то по правилу plea bargaining (сделка о признании вины) судья сразу же назначает меру наказания, не проводя судебного разбирательства. Это положение вызывает ряд критических замечаний в силу того, что без судебного разбирательства подзащитный, по сути, лишается судебных гарантий при решении вопроса о его виновности [1, с. 468]. При непризнании вины судьей проводится судебное разбирательство в том же порядке, что и по фелонии, то есть упрощение данного производства заключается в том, что все предшествующие судебному разбирательству стадии сокращаются.

Существующие ущемления процессуальных прав обвиняемого объясняются небольшой общественной опасностью дел, рассматриваемых в порядке суммарного производства. Максимальный срок, который может быть назначен при рассмотрении дела в порядке суммарного производства, составляет год лишения свободы. Несмотря на это, многие ученые указывают на то, что нарушения в суммарном производстве имеют существенное значение в силу распространенности самого явления суммарного производства. Здесь рассматривается практически 90% всех уголовных дел. При этом внутри совокупности дел, рассмотренных в суммарном производстве, дела, по которым сразу же выносится приговор в силу признания обвиняемым своей вины, составляют 90%. Таким образом, наблюдается тенденция применения упрощенного порядка рассмотрения большинства уголовных дел в США [7, с. 100].

Как определяет американский юрист-процессуалист Д. Ньюман, сделка о признании вины — это своего рода «заявление о признании вины, полученное в результате переговоров между прокурором и обвиняемым, в процессе которых обвиняемый признает себя виновным в обмен на снижение тяжести обвинения, обещания снисхождения при назначении наказания» [4, с. 170].

Проведенные должным образом переговоры и правильно составленные сделки идут на пользу как участникам судопроизводства, так и правосудию в целом. По мнению К.А. Рыбалова, и прокурору, и защитнику (соответственно и обвиняемому) выгодно разрешать уголовное дело на основе неформальной сделки о признании вины, так как в противном случае в классическом состязательном процессе им предстоит готовить судебное следствие, вызывать свидетелей, допрашивать их в суде, выдерживать напряженное ожидание перед коллегией присяжных и т. д. [6, с. 24]. Кроме того, выигрывает от данных сделок и общественность, поскольку они позволяют в определенной степени экономить общественные ресурсы и ведут к ускоренному разрешению дел.

В частности, для государственного обвинителя выгода заключается в том, что посредством сделки о признании вины он частично достигает основной цели уголовного судопроизводства — раскрытия преступления, изобличения виновного и вынесения судебного приговора по делу.

В свою очередь, такое соглашение выгодно адвокату и его подзащитному, так как применение рассматриваемой сделки позволяет избежать риска вынесения судом сурового наказания в случае проигрыша дела в суде, поскольку на основе подобной сделки прокурор в дальнейшем гарантирует ходатайство перед судьей о назначении более мягкого наказания, чем то, которое может назначить суд.

Рассматриваемые переговоры традиционно ведутся по двум направлениям:

- 1) согласование пунктов обвинения, которое будет предъявлено обвиняемому и в соответствии с которым ему будет назначено наказание;
- 2) согласование степени тяжести наказания, которое должно быть определено обвиняемому.

Необходимо отметить, что в настоящее время основное внимание в большинстве переговоров по сделкам о признании вины все же уделяется больше выработке рекомендаций в отношении наказания, чем согласованию пунктов обвинения.

Переговоры могут происходить между стороной защиты и прокурором и в отсутствие обвиняемого, но, несмотря на это, адвокат должен полностью информировать своего клиента как о содержании переговоров, так и обо всех предложениях стороны обвинения, поскольку решение заявить о признании вины все же принадлежит обвиняемому, а не адвокату. По мнению американских юристов, обвиняемый не должен принуждаться к участию в переговорах, так как его непосредственное участие в данном процессе, по их мнению, может повлечь ложные обещания, либо ложные заявления.

Также, кроме двух указанных форм переговоров, где обязательным условием при заключении соглашения является признание вины, существует и такая форма, как заявление обвиняемого о нежелании оспаривать предъявленное обвинение. Как представляется, такое заявление нельзя считать соглашением о признании вины, однако, как считает Н. П. Дубовик, оно может быть частью заключаемого соглашения [3, с. 85]. Несмотря на то, что обвиняемый, делая заявление об отказе оспаривать себя виновным, не признает себя таковым, при утверждении судом соглашения последствия будут такими же, как и при соглашении о признании вины. В данном случае обвиняемый «как бы позволяет себя осудить, беря на себя обязательства не оспаривать обвинение» [3, с. 85].

По достижении взаимоприемлемой договоренности стороны — прокурор, обвинитель и защитник — подписывают письменное соглашение. Необходимо отметить, что суд не является стороной в переговорах, и закон уделяет особое внимание участию суда в данной процедуре. Для того чтобы не допустить неправомерного влияния суда на переговорный процесс и оградить суд от преждевременного вмешательства в выработку со-

глашения, ему запрещено законом принимать какое-либо участие как в разработке соглашения о признании вины, так и принуждать любую из сторон вступить в нее.

После подготовки соглашения о признании вины стороны представляют это соглашение в суд. Он, принимая заявление обвиняемого о признании вины, проверяет его на соответствие федеральным правилам по ведению уголовного судопроизводства, где содержатся определенные требования, связанные с информированностью и добровольностью подачи данного заявления обвиняемым [5, с. 67]. Это обусловлено тем, что заявление о признании вины представляет собой отказ от важных прав обвиняемого, таких как право обвиняемого не свидетельствовать против себя и право на судебное разбирательство, в ходе которого необходимо доказать вину обвиняемого до степени, которая не оставляет обоснованных сомнений. Таким образом, прежде чем заявление о признании вины будет принято судом, он должен постановить, что заявление о признании вины удовлетворяет требованиям Правила 11.

Далее предусмотрено проведение собеседования по поводу заявления о признании вины, проходящего открыто, в присутствии всех сторон. Здесь суд выясняет все обстоятельства, при которых данное заявление было сделано, и во время проведения данной процедуры выясняет следующее:

- 1) осознает ли полностью обвиняемый и понимает характер выдвинутых против него обвинений;
- 2) известны ли обвиняемому максимальные и минимальные санкции, предусмотренные законом по обвинению, в котором он признает себя виновным;
- 3) понимает ли обвиняемый и согласен ли он со всеми основными условиями соглашения о признании вины;
- 4) понимает ли обвиняемый, что суд не обязан следовать никаким рекомендациям, данным от имени государства, относительно формулировок приговора, обещание которых содержится в тексте соглашения о признании вины;
- 5) понимает ли обвиняемый, что он не вправе отозвать свое заявление о признании вины, если суд не примет рекомендации от имени государства относительно формулировок приговора, за исключением редкого случая, когда соглашение о признании вины действительно только при условии, что суд утверждает положения соглашения и обязан им следовать;
- 6) полностью ли осознает обвиняемый свои конституционные права от которых он отказывается, включая право быть представленным адвокатом - атторнеем, право настаивать на своей невиновности, право на суд присяжных, в ходе которого обвиняемый будет иметь право на помощь адвоката - защитника, право на очные ставки и перекрестный допрос свидетелей, а также право отказа от вынужденного самообвинения;
- 7) не является ли признание обвиняемым своей вины результатом насилия, угроз или каких-либо обещаний, кроме обещаний, содержащихся в соглашении о признании вины;
- 8) признает ли обвиняемый фактографическую базу своего признания вины.

После того как суд удостоверится в понимании обвиняемым своих прав и добровольности отказа от них, он переходит к решению вопроса о возможности утверждения представленного сторонами соглашения о признании вины. Если данное соглашение будет утверждено судом, осужденный в дальнейшем может оспорить свое заявление о признании вины только на основании некомпетентности защиты. В такой ситуации, обращаясь в вышестоящую инстанцию, осужденный должен будет доказать, что именно по некомпетентности адвоката он заявил о признании вины и отказался от последующего судебного разбирательства [5, с. 65–70].

Таким образом, на основе анализа института сделки о признании вины можно выделить следующие его отличия от института особого порядка судебного разбирательства. Во-первых, ни в одном из действующих на территории США уголовных законов нормативно не закреплены основания, условия и категории преступлений, по которым допускаются соглашения о признании вины, тогда как в Российской Федерации постановление приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке допускается только при наличии оснований и условий и только по тем категориям преступлений, закрытый перечень которых дан в УПК РФ. Во-вторых, необходимо отметить тот факт, что из процедуры применения упрощенных производств в США полностью исключен потерпевший, тогда как для постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке недостаточно только ходатайства самого обвиняемого, необходимо также согласие как потерпевшего, так и государственного (частного) обвинителя.

Литература

1. Бернам У. Правовая система США. М., 2006. Вып. 3. 528 с.
2. Волеводз А. Г., Литвишко П. А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 38–41.
3. Дубовик Н. П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. 165 с.
4. Махов В. Н., Пешков М. А. Уголовный процесс США. М., 1998. 312 с.
5. Меретуков Г. М., Хупсергенов Х. М. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: монография / под ред. Г. М. Меретукова. Краснодар, 2009. 168 с.
6. Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации: дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. 156 с.
7. Хупсергенов Х. М. Упрощенные формы производства в уголовном процессе зарубежных стран: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 156 с.

8. Яригина Л. А. Зарубежный опыт упрощения процессуальной формы в контексте отечественного сокращенного дознания (гл. 32 УПК РФ) // Единый всероссийский научный вестник. 2016. № 5. С. 135–139.

9. Попова Е.И. Некоторые особенности досудебного производства, осуществляемого в порядке главы 40 УПК РФ (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика, право. 2010. С. 182–186.

Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса уполномоченного по правам ребенка в России и США

© *А. Э. Цыдыпова*

студентка 2-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан-Удэ

viktsyd@mail.ru

Актуальность рассмотренной темы не вызывает сомнения, так как развитость института Уполномоченного по правам ребенка за рубежом указывает на то, что он является значимым элементом демократического правового государства [6, с. 75]. Ужасающая картина с состоянием детей в Российской Федерации вынуждает исследовать новые пути разрешения и регулирования данной проблемы.

Численность детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение 2016 г., в России составляет 58 168, более 700 детей покончили жизнь самоубийством, выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, — 39 749.

Проблематика данного вопроса неоднократно затрагивалась Президентом РФ в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации. Основываясь на опыте государств, организовавших институт уполномоченного по правам ребенка, присутствие данного института является важным орудием защиты прав и интересов ребенка, так как он является самостоятельным органом, наделенным правом выступать от имени ребенка и в то же время сосредоточивать свою деятельность только на защиту интересов всех детей [7, с. 53].

Сбор материала об улучшении результативности деятельности российских омбудсменов, анализ опыта работы детских защитников в Соединенных Штатах и аналогия в организационно-правовых статусах Уполномоченных по правам ребенка в России и США являются целью научной работы.

Изучение базируется на монографической и периодической научной литературе. Основные методы, примененные при написании статьи, — сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой.

По вопросам защиты прав детей Россия не может позволить идеологизацию подходов, несмотря на высказывания некоторых политиков в связи с международной обстановкой. Не имеет смысла также пренебрегать положительным опытом деятельности детского защитника в США.

В XXI в. положение детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-сирот в области социальной защиты ясно показывает, что, несмотря на бесчисленные преобразования, мы так и не добились нужного результата [11, с. 23].

Данная проблема отсутствует в странах, где имеется наиболее развитая система социальной защиты за счет работы института уполномоченного по правам ребенка [2, с. 30].

Детский омбудсмен доступен для обращения непосредственно детей, что позволяет устранить вмешательство взрослых и глубже вникнуть в ситуацию и действительно помочь ребенку, и это отличает детского омбудсмена от других органов, выполняющих контрольные функции.

Институт уполномоченного по правам ребенка, пребывая на грани между обществом и властью, дополняет уже существующие органы власти [1, с. 213], занимающиеся проблемами сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а не стремится подменить данные органы.

К сожалению, на федеральном уровне в течение продолжительного времени не наблюдалась нормативно-правовая база, которая координировала бы операции этого института в России. Только в 2009 г. указом Президента РФ была назначена должность уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ «в целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов ребенка в Российской Федерации». Органам государственной власти субъектов РФ было рекомендовано учредить данную должность.

Возможности детских омбудсменов в субъектах Российской Федерации расширены по сравнению с полномочиями уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка [9, с. 44]. Однако сама по себе деятельность уполномоченных в субъектах РФ не защищена законом. Поэтому является целесообразным введение ответственности за создание помех для деятельности уполномоченных в субъектах РФ.

В США введены различные модели детских омбудсменов, имеющие свои недочеты и преимущества, однако, на наш взгляд, наиболее прогрессивной и разработанной является модель, при которой уполномоченные по правам ребенка не входят в систему органов государственной власти и тем самым не находятся под влиянием должностных лиц [3, с. 23].

Одним из важнейших полномочий детского омбудсмена является рассмотрение жалоб, связанных с защитой нарушенных прав детей [4, с. 82].

Примерно 20% жалоб на жестокое обращение с детьми касается ситуации в приемных семьях. В последние годы неоднократно обсуждался вопрос о международном усыновлении. Основанием служили факты жестокого обращения с российскими детьми, усыновленными гражданами США. В дальнейшем факты насилия над детьми со стороны усыновителей стали причиной принятия Федерального закона от 28 декабря 2012 г. «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», который запрещает усыновлять детей из России гражданам США.

По данным Национального совета США по усыновлению, почти во всех случаях убийств усыновленных детей — граждан РФ — у приемных родителей не было официального разрешения на усыновление, то есть дети попадали в американские семьи вследствие коррупции.

По мнению президента РФ В. В. Путина, «мы должны стремиться к тому, чтобы абсолютное большинство детей обретали свою семью в России, а зарубежное усыновление стало редким, вынужденным исключением».

По инициативе Уполномоченного по делам детей в США были приняты следующие нормативные акты:

- 1) закон о представительстве детей в судах, который налагает на суд обязанность предоставлять защитника ребенку при рассмотрении определенной категории дел;
- 2) закон, созданный в целях обеспечения стабильности при переходе несовершеннолетних во взрослую жизнь, который предусматривает преференции в случае поступления молодых людей в вуз, помощь в трудоустройстве и т. д. [8, с. 10].

Приведем предложения по улучшению деятельности детского омбудсмена в РФ на основании опыта детского защитника в США:

1. Права и обязанности детского омбудсмена в субъекте РФ должны быть конкретно обозначены в федеральном законе, чтобы субъекты Федерации, принимая законы, регулирующие статус Уполномоченного по правам ребенка, могли ориентироваться на указанный федеральный закон [10, с. 52].

2. Еще недостатком нашего законодательства выступает ограниченность помощи Уполномоченного по правам ребенка в судебных процессах, которые касаются прав детей.

3. Важно официальное конкретизирование задач и принципов работы детских омбудсменов в РФ, а также средства управления на случай, если каким-либо образом будут нарушены права ребенка.

В настоящее время российские омбудсмены оживленно функционируют с государственными учреждениями, но довольно отстраненно взаимодействуют с общественностью. Важно непрерывно организовывать мониторинг мнения населения о работе детского защитника и рекомендаций по улучшению его деятельности.

Общение детей с омбудсменом должно проходить регулярно, а не тогда, когда права ребенка уже нарушены [12, с. 105].

4. Неоспоримым плюсом в деятельности детского омбудсмена в США является их заинтересованность в своевременном оказании помощи в трудоустройстве лиц после 18 лет (инвалиды, дети-сироты, члены многодетных семей), а также содействие в трудоустройстве определенного круга лиц после 18 лет (члены многодетных семей, инвалиды, дети-сироты и др.), поддержка при поступлении в высшие учебные заведения и т. д.

5. Что касается сайта детского защитника, то в Америке он ведется на шести языках, не включая английского, что становится доступным не только для детей США, но и для беженцев и иных лиц [5, с. 500].

Если у пользователей обнаруживается нарушение зрения или иная инвалидность, официальный сайт детского омбудсмена просто обязан оказывать им помощь при подаче жалоб или ознакомлении с информацией.

В Америке действует Центр обработки информации о детях, где детские защитники и огромное количество организаций находят и выкладывают информацию о развитии общественных отношений, напрямую оказывающих влияние на жизнь детей в каждом из штатов и эффективность защиты их прав. Освобождение детского защитника от должности, особенно в штатах, где он функционирует в органах исполнительной власти, не считается уникальным.

Это напрямую согласовано с низкой востребованностью его работы. Наше существование в XXI в., также как здоровье и жизнь детей, зависит от деятельности детских омбудсменов, ведь мы не раз убеждались в том, как нам нужен и просто необходим институт уполномоченного по правам ребенка вопреки политическим и социально-экономическим условиям развития США и России.

Литература

1. Авелина М. А. Роль Уполномоченного по правам ребенка в механизме государственной защиты имущественных прав детей // Общество и право; Государство и право. Юридические науки. 2016. Вып. 1. С. 221.
2. Галяутдинов Б. С. Анализ правового статуса Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2014. Вып. 3. С. 31.
3. Додонова А. Д. Становление института Уполномоченного по правам ребенка в зарубежных государствах // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. Вып. 4. С. 25.
4. Жутко А. В. Использование в Российской Федерации зарубежного опыта формирования и функционирования института Уполномоченного по правам ребенка // Пробелы в российском законодательстве; Государство и право. Юридические науки. 2013. Вып. 6. С. 84.
5. Ивлева Т. В. История становления института детского омбудсмена в России и за рубежом // Вестник Башкирского университета; Государство и право. Юридические науки. 2013. Вып. 2. С. 591.

6. Коржев М. А. История становления института Уполномоченного по правам ребенка в РФ // *Инновационная наука; Государство и право. Юридические науки*. 2015. Вып. 7. С. 78.
7. Кудашкина Е. С. Проблемы становления института уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации // *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. Вып. 5. С. 31.
8. Куринова И. А. Защита прав несовершеннолетних нормами современного российского законодательства // *Наука и школа*. 2015. Вып. 5. С. 18.
9. Лихтер П. Л. О месте Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в системе органов государственной власти // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2014. Вып. 6. С. 55.
10. Лукьянова Н. Н. Проблемы правового регулирования и организации деятельности института Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации // *Марийский юридический вестник; Государство и право. Юридические науки*. 2016. Вып. 1. С. 99.
11. Поддубная Т. Н. Детский омбудсмен как субъект социально-педагогической защиты детей // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология; Государство и право. Юридические науки*. 2014. Вып. 2. С. 35.
12. Шамрин М. Ю. Совершенствование законодательства о статусе Уполномоченного по правам ребенка: теоретический аспект // *Государство и право. Юридические науки*. 2013. Вып. 3. С. 227.

Некоторые аспекты правового регулирования института задержания и связанные с ним нормы уголовно-процессуального законодательства России, КНР, Монголии и Азербайджана

*© Д. Н. Щедрин
студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
Россия, г. Красноярск
denis-shd@mail.ru*

Уклонение участников уголовного судопроизводства от исполнения своих процессуальных обязанностей является существенной помехой для осуществления надлежащего расследования, соблюдения процессуальных сроков, реализации принципов уголовного процесса и для отправления правосудия. Именно по этой причине уголовно-процессуальное законодательство большинства стран содержит положения, закрепляющие институт мер уголовно-процессуального принуждения, среди которых есть меры, предусматривающие определенные средства обеспечения явки тех или иных лиц в следственные и судебные органы. К числу таких средств относится задержание как форма процессуального принуждения.

Правовое регулирование этого института в разных государствах, несмотря на общее сходство, неодинаково. В уголовно-процессуальной науке до сих пор нет единого мнения относительно системы мер процессуального принуждения вообще и о правовой природе задержания подозреваемого в частности. В определенной степени разрешить некоторые дискуссионные вопросы, возникающие в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с изоляцией от общества, позволяет сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства разных стран. Это носит не только познавательный аспект, но и позволяет выявить положительные и отрицательные стороны правового регулирования конкретной группы общественных отношений по законодательству разных стран, что, в свою очередь, позволит сделать соответствующие выводы, в том числе и рекомендации по совершенствованию национального законодательства.

Ввиду ограниченности объема мы решили остановиться на конкретной мере уголовно-процессуального принуждения — задержании подозреваемого. По ряду причин в выборку такого исследования попали наряду с Россией Монголия, КНР, Азербайджан. Однако начнем с того, что вопрос о задержании должен решаться прежде всего исходя из прав и законных интересов задержанного лица. В отношении задержанного происходит фактическое ограничение его конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, и данному лицу безразлично, на основании каких нормативных актов ограничивается его свобода, к какой отрасли права относятся данные нормативные акты и т. д. Поэтому законодательная неопределенность относительно правового регулирования задержания подозреваемого отрицательно сказывается на общем состоянии охраны прав и свобод человека и гражданина в каждом конкретном государстве. Так, необходимость такой охраны закреплена в качестве одного из принципов российского уголовного судопроизводства (ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина») [1].

В УПК Азербайджана формулировка звучит так: «обеспечение защиты человека и гражданина от случаев незаконного ограничения его прав и свобод» (ст. 9.1.2. УПК Азербайджана) [3]. Что уже отличается от российского УПК.

В КНР правовые институты, регламентирующие обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, обладают определенной спецификой [2]. Это объясняется уникальной исторической традицией Китая. Поэтому УПК КНР закрепляет такие принципы, как точное и своевременное установление фактов, касающихся преступлений, правильное применение закона, наказание виновных и защита невиновных при расследовании уголовных дел. Это способствует пониманию гражданами необходимости соблюдать закон и решительно бороться с преступными действиями, укреплять социалистическую правовую систему, защищать лич-

ные права граждан, а именно их право собственности, демократические права и другие права, гарантировать поступательное развитие социалистического общества (ст. 2 УПК КНР).

С другой стороны, не способствует охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве законодательная определенность начала срока задержания по УПК Монголии, в котором фактическое задержание подозреваемого вообще не учитывается, а срок задержания исчисляется с момента ознакомления подозреваемого с протоколом его задержания.

Если же проанализировать нормы УПК РФ (а именно ст. 5 и 92), то мы приходим к выводу, что российский законодатель разграничивает правопонимание задержания фактического и задержания юридического. Так, п. 15 ст. 5 УПК РФ гласит, что «момент фактического задержания — момент производимого в порядке, установленном настоящим кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». Получается, исходя из толкования, что подозреваемый фактически есть подозреваемый, которого задерживают, однако согласно п. 2 ч. 1 ст. 146 УПК подозреваемым является лицо, которое задержано по ст. 91, 92 УПК, то есть сначала лицо задержали, а уже потом появился процессуальный участник «подозреваемый». Возникает вопрос «С какого момента он становится подозреваемым?». При том, что согласно п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступлений.

Ряд авторов считает, что в данном случае срок задержания надлежит исчислять с момента доставления лица к следователю (дознавателю) [5]. Другие говорят о том, что в «момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления его доставление, оформление протокола должны стать составной частью уголовно-процессуального задержания» [6].

Вопрос очень спорный. На наш взгляд, более обоснованной точкой зрения считается то, что срок задержания должен исчисляться с момента его фактического задержания, т. е. с момента фактического лишения свободы передвижения. В пользу наших доводов можно привести тот факт, что согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого в орган дознания или следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ. Согласно подп. 2 и 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемый — это лицо, которое задержано по ст. 91 и 92 УПК РФ либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. То есть в ч. 1 ст. 92 УПК РФ задержанный — это уже «подозреваемый», а не лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, о чем говорится в ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан допускает задержание по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного (148.4. УПК Азербайджана) [3]. В этом случае уголовное дело должно быть возбуждено в течение 24 часов с момента задержания.

В статье 69 УПК КНР указано, что органы общественной безопасности, задержав лицо и посчитав, что его необходимо заключить под стражу, должны в трехдневный срок с момента задержания ходатайствовать перед народной прокуратурой о рассмотрении материалов для утверждения заключения под стражу. В исключительных случаях срок ходатайства о рассмотрении материалов для утверждения заключения под стражу может быть продлен от одного до четырех дней. По делам о лицах, в отношении которых существуют серьезные подозрения в совершении ими преступлений при побеге, неоднократно либо в составе группы, срок ходатайства о рассмотрении материалов для утверждения заключения под стражу может быть продлен до тридцати суток. То есть фактически лицо не знает, в чем оно подозревается, обвиняется, в течение 30 дней.

Продолжая анализировать уголовно-процессуальное законодательство данных стран, хотелось бы остановиться на таком аспекте института задержания подозреваемого, как задержание лица не только сотрудниками правоохранительных органов, но и простыми очевидцами происшествия. В большинстве стран, в т. ч. и в России, данная ситуация не урегулирована нормами права, что, на наш взгляд, является пробелом и недостатком, учитывая то, что данного рода задержания имеют место быть. В связи с этим отметим с положительной стороны, что в УПК Азербайджана в статье 149 подробно описаны детали того, как такое лицо может задерживаться, при каких обстоятельствах и порядок действий. К примеру, если очевидец задержал лицо, совершившее преступление, и у первого есть основания подозревать, что у лица есть оружие или другое опасное орудие, он имеет право его обыскать, изъять и передать органу уголовного преследования. Считаем, что в УПК РФ необходимо ввести аналогичную норму, изложив ее в ст. 92.1 УПК РФ «Задержание лица, совершившего преступление, с помощью очевидца», где будет описан порядок данного процессуального действия [1].

Вызывает интерес и правовой статус потерпевшего на данном этапе. Он тоже недостаточно четко определен. Так, согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда». Поэтому представляется странной ситуация, когда совершено преступление, есть его «жертва», есть даже лицо, задержанное по подозрению в его совершении, а самого потерпевшего как участника уголовно-процессуальных отношений нет. А значит, нет процессуальных прав данного участника и гарантий их реализации.

В УПК Азербайджана потерпевшим признается физическое лицо, в отношении которого имеется достаточно оснований полагать прямое причинение ему морального, физического или материального ущерба деянием, предусмотренным уголовным законом (ст. 87.1 УПК Азербайджана). В отличие от УПК РФ в УПК Азербай-

джана есть и основания прекращения быть потерпевшим. Более того, очень значительно расширен список того, как потерпевший вправе распоряжаться своими правами, по сравнению с УПК РФ, например: заявляет возражения против действий органов, осуществляющих уголовный процесс, и требует их занесения в протоколы следственных или иных процессуальных действий (ст. 87.6.8 УПК Азербайджана); получает за государственный счет установленную законом компенсацию за ущерб, понесенный им от деяния, предусмотренного уголовным законом (ст. 87.6.18 УПК Азербайджана).

Если коснемся УПК КНР, то он вовсе не закрепляет понятия «потерпевший». Отсутствие понятия негативно влияет на судебную практику. А по сравнению с УПК КНР уголовно-процессуальное законодательство РФ детальнее устанавливает не только понятие «потерпевший», но и его права и обязанности, а также порядок реализации прав в любой стадии уголовного судопроизводства, а также кто им является [4].

Следует отметить, что по сравнению с законодательством России в УПК КНР отсутствует положение о государственной защите потерпевшего от преступления, а также его близких родственников, родственников или близких лиц в случае, когда угрожают указанным лицам убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. Законодательство Азербайджана предусмотрело это, и должностное лицо-субъект уголовно-процессуальной деятельности либо самостоятельно, либо на основании ходатайства о назначении защиты от свидетеля, потерпевшего, обвиняемого или другого лица принимает решение. И даже если было вынесено решение об отклонении назначения защиты, они имеют право обратиться с обжалованием этого решения в суд в течение 5 дней, если ему вручили это решение; если же не вручили, то в течение 7 дней. Причем можно обращаться с таким заявлением неограниченное количество раз.

Изучив применение сравнительно-правового метода исследования института задержания и ряда связанных с ним аспектов по уголовно-процессуальному законодательству данных стран, можно сделать вывод о том, что в целом в российском уголовном процессе этот правовой институт достаточно подробно урегулирован, однако он имеет ряд несовершенств и пробелов, восполнить которые могли бы заимствования уже имеющихся норм из уголовно-процессуального права других государств.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 1996. 17 июня. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL.: <http://ru.china-embassy.org>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджана [Электронный ресурс]. URL.: https://www.unodc.org/tldb/pdf/Azerbaijan_Code_of_Criminal_Procedure_in_Russian_Full_text.pdf
4. Чжэнь Чжэнь. Сила процесса. Пекин: Право, 2002. С. 77–78.
5. Абдрахманов Р. С. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. 2003. № 3. С. 21–22.
6. Мельников В. Ю. О совершенствовании норм УПК РФ, связанных с задержанием подозреваемого // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 59–69.

Контроль и запись телефонных переговоров в уголовном процессе РФ и США: правовая регламентация и особенности производства

© **О. Ж. Эрдынеева**

*студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»
Россия, г. Улан-Удэ
ms.ddn@mail.ru*

Данная тема актуальна тем, что контроль и запись телефонных переговоров напрямую затрагивают частную жизнь человека. Права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений являются конституционными, это закрепляется в статье 23 Конституции России [1], а в США это право прописано в IV Поправке к Конституции США: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту» [7]. Прослушивание и контроль телефонных и иных переговоров несомненно признается законодательством многих стран как меро-приятие, в наибольшей степени ущемляющее статутные права граждан и требующее самого строгого контроля со стороны государства.

Целью работы является сравнительный анализ норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки при производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также определение ограничений, накладываемых законом.

Проблематика работы состоит в выявлении особенностей регламентации процессуального действия в законодательстве России и Америки.

Предметом данной статьи являются правовые нормы, содержащиеся в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

Основные методы, использованные при написании статьи, — сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой.

В 2001 г. в Уголовно-процессуальный кодекс РФ ввели ст. 174.1 «Контроль и запись переговоров». С введением данного положения контроль и запись переговоров стали регламентироваться как следственное действие. Необходимо отметить, что и до введения статьи 174.1 аналогичное оперативно-розыскное мероприятие содержалось в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г. под наименованием «Прослушивание телефонных переговоров». В настоящее время данное следственное действие регламентируется ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров».

В США правовые основания и порядок процедуры осуществления прослушивания телефонных переговоров и иных видов «электронного наблюдения» были законодательно закреплены федеральным законом США The Omnibus Crime Control and Safe Streets Act of 1968 (О борьбе с преступностью и безопасности на улицах) [3].

Практика юридической оценки прослушивания, проводимого уполномоченными органами, рассматривается судами с позиции Поправки IV к Конституции США. Небезынтересно отметить, что при этом считается, что переговоры являются объектом, который может быть изъят с помощью прослушивания и звукозаписи, и в конституционном контексте такие действия не отличаются от обыска и выемки. Соответственно по аналогии с процедурой обыска и выемки уполномоченное лицо, намеревающееся провести прослушивание, обязано получить на это судебный ордер.

В п. 14.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплено легальное определение понятия контроля телефонных и иных переговоров: «прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм».

Основанием для процессуального действия в России является наличие достаточных данных полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, проводятся только в случае производства по уголовным делам средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям и на основании судебного решения. Но в законе есть исключение, позволяющее при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении свидетеля, потерпевшего или их близких родственников, близких лиц данное следственное действие проводить на основании их заявления или при отсутствии заявления на основании судебного решения.

Как было сказано, основанием для использования прослушивания в США является ордер [4], выдаваемый строго определенным кругом судей на основании обращений полиции, завизированных высшими должностными лицами атторнейской службы, там так же существуют исключения, когда процессуальное действие осуществляется без ордера:

1) если расследование касается интересов национальной безопасности, то при крайней необходимости допускается прослушивание без ордера, который все же должен быть получен в течение 48 часов;

2) разрешается прослушивание без ордера, если хотя бы один из участников разговора добровольно соглашается с этим.

В США ходатайство о разрешении прослушивания должно быть представлено письменно и под присягой. Ходатайство на прослушивание переговоров содержит в себе семь пунктов:

1. Детали конкретного преступления, которое расследуется.

2. Описание лиц, которые, возможно, участвуют в преступной деятельности и разговоры которых планируются перехватывать.

3. Максимально точное описание характера и местонахождения средства связи, которое подлежит прослушиванию.

4. Срок осуществления санкционированного прослушивания.

5. Изложение целей расследования.

6. Заявление, дающее информацию о том, какие процессуальные методы были использованы и их результаты.

7. Идентификация любых других ходатайств о прослушивании, касающихся того же самого лица, средств связи или места, независимо от того, были эти ходатайства удовлетворены или нет [8].

Прежде чем может быть выдан ордер на прослушивание, суд обязан установить, что «нормальные» процедуры расследования были испробованы и не привели к успеху или вряд ли приведут к успеху, или попытка их применения является слишком опасной. Что касается сроков, то по окончании срока действия ордера подлинник звукозаписи переговоров предоставляется в распоряжение выдавшего ордер судьи, хранится не менее 10 лет, а сам ордер на прослушивание выдается сроком до 30 дней, он может быть продлен, но не более чем еще на 30 дней.

В УПК РФ установлены сведения, которые необходимы в ходатайстве следователя о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров:

1) уголовное дело, при производстве которого необходимо применение данной меры;

2) основания, по которым проводится данное следственное действие;

3) фамилия, имя и отчество лица, чьи телефонные и иные переговоры подлежат контролю и записи;

4) срок осуществления контроля и записи;

5) наименование органа, которому будет поручено техническое осуществление контроля и записи.

В целях проверки достаточности оснований для осуществления контроля и записи телефонных и иных переговоров судья вправе получать от следователя или дознавателя необходимые пояснения и материалы.

В УПК РФ в ч. 5 ст. 186 закреплено: «Производство контроля и записи телефонных и иных переговоров может быть установлено на срок до шести месяцев. Оно прекращается по постановлению следователя, если необходимость в данной мере отпадает, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу» [6].

Следователь вправе истребовать от органа, осуществляющего контроль и запись переговоров, фонограмму для осмотра и прослушивания в соответствии с УПК РФ. Она передается ему в печатанном виде с сопроводительным письмом, в котором должны указываться дата и время начала и окончания записи переговоров и характеристики использованных при следственном действии технических средств. Осмотр и прослушивание фонограммы следователь проводит только с участием понятых, также могут быть приглашены специалист и лица, чьи телефонные и иные переговоры записывались. О результатах проведенного действия в виде осмотра и прослушивания фонограммы следователь обязан составить протокол, в котором дословно излагается часть, имеющая отношение к делу.

Лица, участвующие в осмотре и прослушивании, вправе изложить свои замечания к протоколу. После прослушивания и осмотра фонограмма соответствующе упаковывается и полностью будет приобщена к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства, о чем следователь выносит постановление. Храниться она должна в печатанном виде в условиях, исключающих возможность ее прослушивания и тиражирования посторонними лицами.

Контроль и запись переговоров — это одно из важных следственных действий, позволяющих установить причины, обстоятельства, условия совершенного преступления или преступлений, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в связи с чем следователь должен вынести соответствующее предписание об их устранении. Таким образом, результаты контроля и записи телефонных и иных переговоров могут эффективно использоваться следователем при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в качестве доказательственной, ориентирующей информации.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и опыт практического применения его норм свидетельствуют о том, что охране прав и свобод личности при производстве по уголовным делам вообще и на предварительном следствии в частности придается весьма важное значение. Так, для обеспечения соблюдения конституционного права граждан на тайну телефонных и иных переговоров в УПК РФ была включена специальная статья, устанавливающая процессуальный порядок контроля и записи переговоров.

Законность и необходимость использования правоохранительными органами подслушивания телефонных переговоров и электронного наблюдения является весьма актуальной на протяжении многих десятилетий. Сейчас в США подобная форма обыска не вызывает негативной реакции юристов и общественности. Приведенные данные свидетельствуют, что все основные моменты, связанные с подслушиванием, регламентируются солидной и серьезной правовой базой, опираясь на которую, обвиняемый может оспаривать действия полиции и ходатайствовать об исключении полученных при этом доказательств.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 15. 14 апр. Ст. 1691.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. The Omnibus Crime Control and Safe Streets Act of 1968 - Комплексный закон о борьбе с преступностью и безопасности на улицах 1968 г. // Encyclopedia of Crime and Justice. Vol. 4. The Free Press. New-York, 1983. P.1657.
4. Решение Верховного суда США по делу Кац против США (1967 г.). Katz v. United States 389 U.S. 347, 88 S. Ct. 507.
5. Алимamedов Э. Н., Пушкарев В. В. Сущность, основание и задачи этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Апробация. 2013. № 11. С. 80–82.
6. Линдсей А. Обзор норм федерального права об электронном наблюдении и прослушивании. М., 1997. С. 42–50.
7. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: в 2 т. М., 1993.
8. Чечетин А. Е., Бураков Е. В. Опыт борьбы с организованной преступностью в США. Омск, 1998. 84 с.
9. Попова Е. И., Баиров А. Т. Некоторые аспекты становления и развития современного состояния института понятых // Современные проблемы теории и практики глазами молодых исследователей: материалы X Всероссий. молодежной науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Шаралдаевой. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. С. 194–198.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
<i>Азжаргал Төмөр-Очир.</i> Конституционно-правовая ответственность	9
<i>Аносова С. И.</i> Сравнительный анализ ресурсных налогов РФ и КНР	12
<i>Багдуев Р. А.</i> Трудности реализации демократии в конституционной доктрине США и РФ	13
<i>Бадамцэцэг Д.</i> Право на жизнь в экологически здоровой и безопасной среде: традиция и изменение его правового регулирования в Монголии	15
<i>Баиров С. А.</i> Специфика правового статуса государственной службы в Монголии и Республике Бурятия	19
<i>Бальжиев Б. А.</i> Сравнительно-правовой анализ профессиональной подготовки юристов в России и Китае	21
<i>Бродникова А. В.</i> Сравнительная характеристика налогообложения граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	22
<i>Будаева С. А.</i> Правовой анализ экспорта нефрита из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику.....	24
<i>Буинов Ю. Е., Цыденов Д. Б.</i> Источники и основные черты права древней и современной Индии	26
<i>Галецкая Г. С.</i> Муниципальный контроль в сфере предпринимательской деятельности в России и Китае: сравнительно-правовой анализ	28
<i>Гатаулина О. А.</i> О налоге на добавленную стоимость в условиях Евразийского экономического союза ...	31
<i>Дондупова Ж. Б.</i> Институт ответственности за совершение налоговых правонарушений в России, Китае и США: сравнительно-правовой анализ	32
<i>Доржиева Д. А.</i> Эффективная налоговая система как фактор успешного экономического развития государства: сравнительный анализ налоговых систем России и Сингапура	35
<i>Доржиева А. А., Яндаков Г. Б.</i> Налогообложение малого и среднего предпринимательства Китая и России	37
<i>Дымбрылова В. В.</i> Сравнительно-правовой анализ систем налогообложения офшорных зон Гонконга и Макао.....	40
<i>Жеребцова В. С.</i> Противодействие коррупции на муниципальном уровне в Японии и России: сравнительный анализ	42
<i>Зуев П. П.</i> Компаративистский анализ налога на доходы физических лиц в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	43
<i>Клементьев А. В.</i> Сравнительный анализ некоторых аспектов налога на прибыль в Австралии и России ..	46
<i>Климова И. С.</i> История развития и опыт применения антикоррупционного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительный анализ	48
<i>Куклин О. Б.</i> Сравнительно-правовая характеристика налоговых систем России и КНР	50
<i>Ли Р. Э.</i> Сравнительно-правовой анализ регулирования налогов на прибыль предприятий в России и Китае	53
<i>Лю Пинь.</i> Как власти Пекина борются со смогом	56
<i>Лян Минь янь.</i> Правовой статус иностранцев в Китае и России: сравнительный анализ	57
<i>Марактаева К. М.</i> Защита прав граждан Российской Федерации и КНР, участвующих в проведении собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирований	61
<i>Никашова П. А.</i> Налогообложение страховых организаций России и Китая: налог на прибыль	63
<i>Никитина А. В.</i> Роль конституционных судов государств Азиатско-Тихоокеанского региона в реализации конституционно-правовой ответственности	65
<i>Оглоблина А. Г.</i> Налог на добавленную стоимость в экономике Монголии	68
<i>Петрова Е. Ю.</i> Сравнение налоговых органов Российской Федерации и Японии	70
<i>Руслякова Н. А.</i> Конституционные права и обязанности налоговых агентов в РФ и США	71
<i>Сагдеева Ю. О.</i> Особенности пропорциональной избирательной системы России и Японии	72
<i>Салбаев Ч. В.</i> Правовые основы провинциальных органов власти Китая 1912–1949 гг.	74
<i>Семенов И. А.</i> Сравнительно-правовой анализ налоговой системы в России и Китае	77
<i>Тышкенова А. Г.</i> Правовой статус государственного служащего в Российской Федерации и Монголии (отдельные аспекты исследования).....	79
<i>Хобракова О. В.</i> Налоговая система Республики Сингапур	80
<i>Цыбикова Б. Ч.</i> Сравнительно-правовое исследование медицинской тайны по законодательству России и США.....	82
<i>Цыренбазарова О. М.</i> Сравнительно-правовой анализ норм о признании нормативных правовых актов не соответствующими Конституции в России и Монголии	85
<i>Чимитдоржиева В. Ж.</i> Сравнительное исследование экологических законодательств РФ и КНР	87
<i>Юрковский А. В.</i> Особенности конституционно-правового регулирования в государствах Северо-Восточной Азии	90
<i>Ariunaa M., Erdenechimeg D.</i> Duties of Citizens under Constitutions: Comparative Legal Analysis	91

<i>Manibadar Suvd, Dorjtumen Davaadorj. Comparative Study on Legal regulations of Pasture Issues in Some countries (Mongolia, Kyrgyzstan Republic, Inner Mongolia of China, Turkmenistan Republic).....</i>	94
---	----

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Алексеева В. А. Правовое регулирование военно-технического сотрудничества России и Китая</i>	99
<i>Ашектуева Н. В. Коллизия при интерпретации международных актов и Конституции РФ: позиция Конституционного суда РФ</i>	101
<i>Бадмаева Р. А. Исторические аспекты китайско-американских отношений в 1945–1958 гг.: американский взгляд</i>	104
<i>Балтаева С. В. К вопросу о понятии «национальная безопасность» (на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики)</i>	107
<i>Бахаев А. Н., Петрова А. С. Сравнительный анализ правового положения женщин Древнего Китая и Индии</i>	109
<i>Ван Сюань., Ли Р. Э. Советы по заключению сделок между Россией и Китаем с целью предотвращения возникновения финансовых рисков</i>	111
<i>Земзикова Е. Ю. Проблемы осуществления международного сотрудничества в сфере защиты прав человека</i>	115
<i>Калашишникова В. И. Сравнительный анализ избирательных систем Китая и России</i>	117
<i>Ковтуненко Л. В. Сравнительно-правовой анализ статуса судей суда Евразийского экономического союза... ..</i>	120
<i>Красавин А. В., Пэн Да. Теория правового государства в Китае</i>	122
<i>Лю Лин. К вопросу о новой демографической политике Китая</i>	125
<i>Норбоева Т. В. Россия и АСЕАН — курс на долгосрочное сотрудничество</i>	126
<i>Помогалова Ю. В., Прихожая Л. Е. Правовое обеспечение использования беспилотных летательных аппаратов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона</i>	128
<i>Цыденов А. В. Сравнительный анализ экологического права на примере Великих озер (США и Канада) и Байкала (Россия)</i>	131

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

<i>Баннова Ю. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) физических лиц в России и Канаде</i>	134
<i>Гао Япэн. К вопросу о порядке наследования по закону в Китае</i>	137
<i>Доржиева Д. С. Сравнительно-правовой анализ защиты интеллектуальных прав в сети «Интернет» по законодательству России и некоторых стран АТР.....</i>	138
<i>Доржсүрэнгийн Оюунбат. Режимы и некоторые виды рабочего времени в странах Азии</i>	141
<i>Дымбрылова И. Э. Сравнительный анализ семейного законодательства России и Монголии</i>	143
<i>Жамбалова О. С. Особенности заключения брачного договора в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....</i>	144
<i>Ковалева А. А. Институт усыновления по обычному праву бурят и монголов</i>	147
<i>Комарицына А. А. Правовое регулирование сервитута в Российской Федерации и Монголии</i>	149
<i>Лубсанов Т. Р. Этапы оспаривания кадастровой стоимости недвижимости в России и США</i>	150
<i>Лукьянова Л. А. Защита права на изображение гражданина в России и Монголии</i>	153
<i>Нимацыренова О. Д. Зарубежный опыт правового регулирования оплаты и стимулирования труда различных категорий работников</i>	156
<i>Новоселова А. О. Сравнительно-правовой анализ института франчайзинга на примере России и Вьетнама... ..</i>	159
<i>Павлова А. Недействительность брака по семейному законодательству Российской Федерации и некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона</i>	161
<i>Панасюк В. А. Сравнительный анализ института социальной защиты прав беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в отдельных странах АТР</i>	163
<i>Петрова Е. Ю. Сравнительный анализ правового регулирования охраны сельскохозяйственных земель в РФ и США.....</i>	166
<i>Петушинова В. Р. Сравнительно-правовой анализ правового регулирования отпусков в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС)</i>	168
<i>Пинигин В. А. Особенности законодательства об охране труда в РФ и США</i>	170
<i>Пыкина Т. А. Правовое регулирование корпоративного договора в России и США</i>	172
<i>Савельева Т. А. Опекунство и попечительство в России и КНР: сравнительно-правовой анализ</i>	175
<i>Улыкпан Назгул. Теория и концепция регулирования договора по законодательству Монголии</i>	178
<i>Цыденова О. Ч. Право собственности на землю в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: сравнительно-правовой анализ</i>	179
<i>Цыренжапова Л. Г. Институт обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина в Китае, Японии и США</i>	182
<i>Цыренова С. Б. Правовое регулирование транснациональных корпораций в Азиатско-Тихоокеанском регионе</i>	183
<i>Чжао Лэ Краткий обзор арбитража в Китае</i>	185

<i>Шагдаров Т. Н.</i> Сравнительно-правовой анализ регулирования труда профессиональных спортсменов в России и США.....	186
<i>Шакирова О. К.</i> Актуальные вопросы оспаривания кадастровой стоимости в Российской Федерации и странах АТР.....	187
<i>Tserenjav Altantsetseg</i> Divorce and enhancement of children's rights	190
<i>Guo li, Li chang, Yu duo</i> A comparative study of patent law between China and Korea	194
<i>Guo li, Li chang, Yu duo</i> Comparative Study on Legal Regulation of Chinese and Japanese Medical Advertisements	199
<i>Zhao Shengyang</i> The Research on Trust Mechanism of Land Management Rights from the Perspective of Law	204
<i>Хэжан, Yang Shishi</i> Intelligence of legal data and citizens' right to know	207

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

<i>Аюшиев Д. Б.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за коррупционные преступления по законодательству России, Китая и Сингапура	209
<i>Банзаракаев Б. Ц., Донаканян С. З.</i> Сравнительный анализ института уголовной ответственности за налоговые преступления по законодательству РФ и КНР	210
<i>Батоболотов А. Б.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с детьми по законодательству России и Монголии	212
<i>Будунов Е. Н.</i> Правовое регулирование незаконного оборота наркотических средств в Китае и России: историко-правовой анализ	214
<i>Добрязков Д. А.</i> К вопросу о роли Японии в развитии системы наказаний в уголовном законодательстве Республики Корея	217
<i>Доржиева Е. А.</i> Коллизии права при обеспечении государственной безопасности стран Азиатско-Тихоокеанского региона.....	219
<i>Киселева Д. С., Фоминых А. В.</i> Уголовная ответственность за налоговые преступления по законодательству Российской Федерации и КНР	222
<i>Куриганов С. А.</i> Сравнительно-правовое исследование института смертной казни в Японии и КНР ...	225
<i>Ламуев Б. Б.</i> Институт конфискации имущества в уголовном законодательстве России и Китая: сравнительно-правовой анализ	227
<i>Латыпова К. С.</i> Опыт борьбы с дорожно-транспортными преступлениями в странах АТР.....	229
<i>Нимаева Н. Б.</i> Особенности уголовной ответственности за убийства в России и КНР: сравнительно-правовой анализ.....	231
<i>Оболов Л. Т.</i> Сравнительно-правовой анализ опыта борьбы с коррупцией в России и Сингапуре	233
<i>Попов В. Н.</i> Зарубежный опыт противодействия организованной преступности	234
<i>Сверкунов С. П.</i> Сравнительно-правовой анализ методов борьбы с коррупционными преступлениями в Республике Казахстан и возможности его применения в России	236
<i>Цырендашиева Е. Ц.</i> Защита прав и свобод осужденных к лишению свободы женщин в России и Монголии	238
<i>Чжан Синь.</i> О конфискации имущества по УК КНР	241
<i>Чураков Д. Б.</i> Регламентация уголовной ответственности за лесонарушения на постсоветском пространстве и в Китае.....	242
<i>Доржийн Насанбат.</i> Гэмт хэргийн субъектын зарим асуудлыг боловсронгуй болгох нь	245
<i>Нямдаваа Жинжсиймаа.</i> Эд хөрөнгө авахаар заналхийлэх. Бусдын эд хөрөнгийг авахаар заналхийлэх гэмт хэргийн эрүүгийн эрх зүйн зарим асуудал	248

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

<i>Абзаева В. И.</i> Зарубежные модели суда присяжных	251
<i>Васильева В. В., Ващенко Е. А.</i> Программа защиты свидетелей по законодательству РФ и США: сравнительный аспект.....	253
<i>Гулиева А. И.</i> Сравнительно-правовой анализ регламентации мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан	255
<i>Еремеева А. А.</i> Особенности уголовного процесса в отношении несовершеннолетних на примере России и США	258
<i>Касьянова Н. М.</i> Тактика поддержания государственного обвинения по уголовным делам в суде РФ и Китая: сравнительный анализ	259
<i>Крутенко С. Е.</i> Правовые механизмы обеспечения информационной безопасности в России и Китае: сравнительный анализ	261
<i>Маркеева А. А., Науменко Е. Н.</i> Сравнительный анализ обеспечения прав потерпевших в российском и зарубежном уголовном производстве на примере России, Монголии и Китая	264
<i>Меженкина Е. В.</i> Некоторые вопросы применения преюдиции в России и Китае	266
<i>Миронова Р. В.</i> Исторические аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве	269

<i>Осипова М. С.</i> Совершенствование процессуального порядка производства эксгумации с учетом зарубежного опыта	272
<i>Пелисова И. П.</i> Соотношение специалиста и эксперта по Уголовно-процессуальному кодексу КНР и РФ	274
<i>Петкевич Т. В.</i> Гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства (анализ законодательства Монгольской Народной Республики и РФ)	276
<i>Ласточкина А. А.</i> Сравнительно-правовой анализ института мер процессуального принуждения в РФ и КНР	278
<i>Раднаев Б. А.</i> Сравнительно-правовой анализ досудебного соглашения о сотрудничестве по законодательству Индии и России	280
<i>Савельева Т. А.</i> Правовой статус потерпевшего в уголовном процессе США и России	283
<i>Савченко М. И.</i> Сравнительно-правовой анализ деятельности органов прокуратуры в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	286
<i>Санжижапова Л. С.</i> Зарубежный опыт защиты жертв преступлений (потерпевших) и его интеграция в российском уголовном судопроизводстве	289
<i>Склярков Е. Ю.</i> Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве России и США	291
<i>Цыденов Д. Б.</i> Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству РФ и США	293
<i>Цыденжапова Е. А.</i> Правовое регулирование упрощенных производств в уголовном судопроизводстве США и России.....	295
<i>Цыдыпова А. Э.</i> Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса уполномоченного по правам ребенка в России и США.....	298
<i>Щедрин Д. Н.</i> Некоторые аспекты правового регулирования института задержания и связанные с ним нормы уголовно-процессуального законодательства России, КНР, Монголии и Азербайджана ...	300
<i>Эрдынеева О. Ж.</i> Контроль и запись телефонных переговоров в уголовном процессе РФ и США: правовая регламентация и особенности производства	302

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА–VIII

*Материалы международной научно-практической конференции
молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов*

(Улан-Удэ, 19 мая 2017 г.)

Редакторы З. З. Арданова, Е. П. Евдокимова, Д. Н. Гармаева, С. В. Сазонова, Ж. В. Галсанова
Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Подписано в печать 18.08.16. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 39,0. Усл. печ. л. 35,81. Тираж 200. Заказ 1234.

Отпечатано в типографии ИП Треногин В. А.
670031, г. Улан-Удэ, бульвар К. Маркса, 23а

SPLN 001-000001-3177-HY

ISBN 978-5-4280-0008-5

9 785428 000085

Улан-Удэ
2017